

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

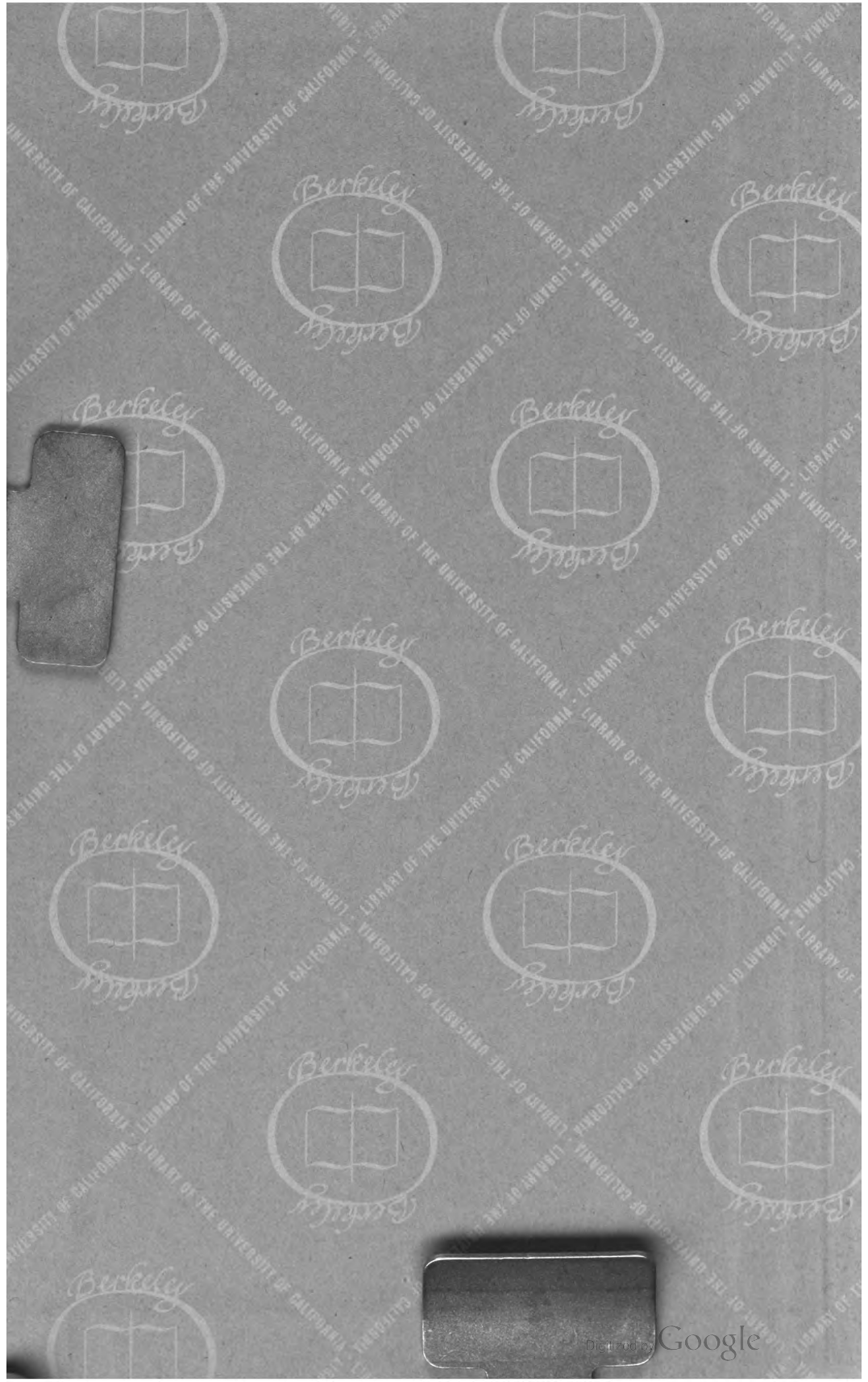
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

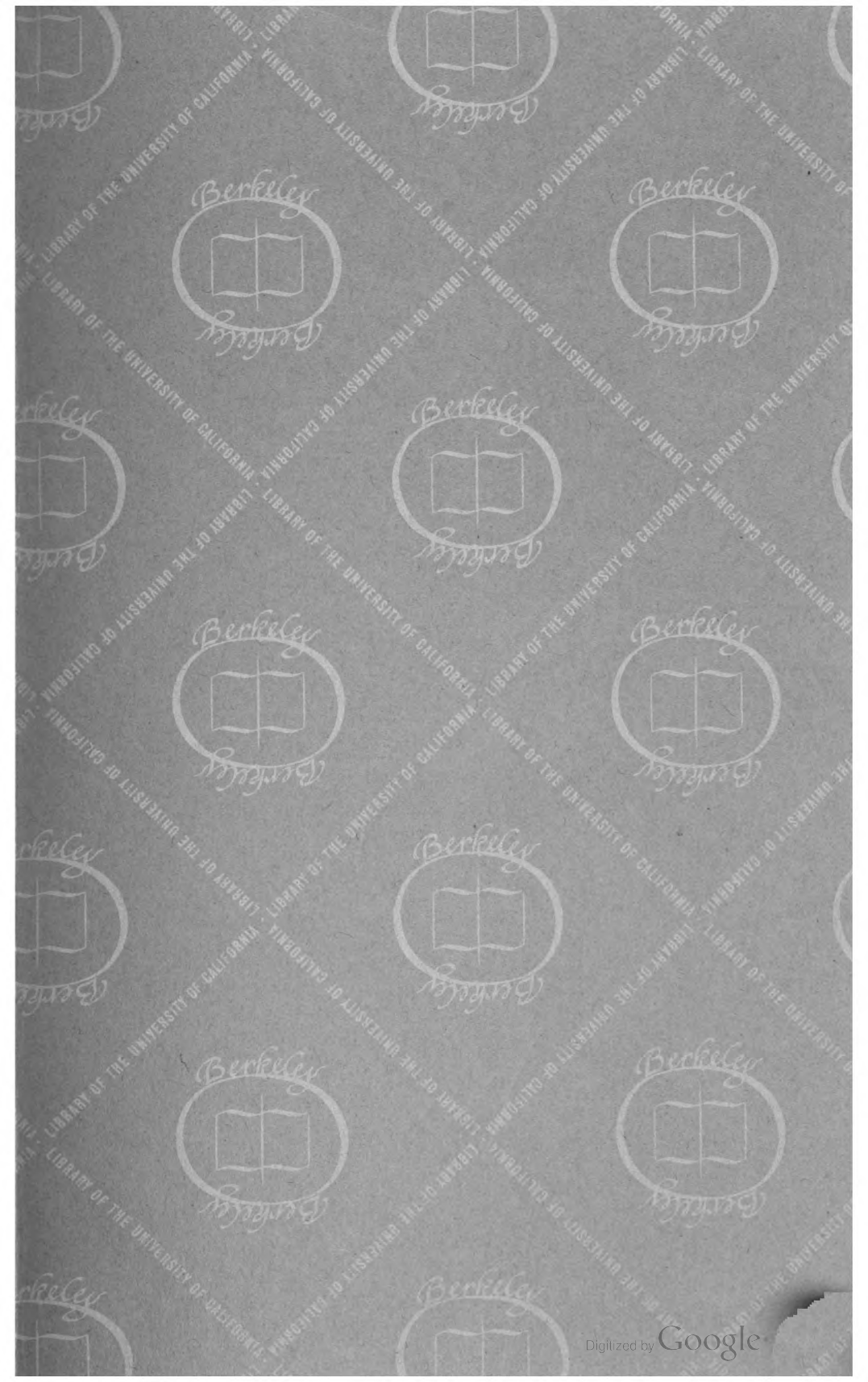
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

26
Редакція, контора и книжный складъ журнала «Образованіе»
переведены на Загородный пр. д. 28.

ОБРАЗОВАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

№ 5—6.

МАЙ—ІЮНЬ.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

1898.

Прогрессъ 1936 г.

СОДЕРЖАНИЕ № 5—6.

	Стран.
1. Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Очеркъ жизни и дѣятельности (Съ портретомъ) <i>Ч. Витринскаго</i>	1— 8
2. Исторія позитивной философіи <i>проф. Гебфедима</i> . (Продолженіе). Дж. Ст. Милль и возрожденіе англійской философіи въ XIX вѣкѣ. Пер. съ нѣмецк. <i>Д. Викторова</i>	38— 59
3. Народъ и нація. (Окончаніе) Прив.-доц. <i>В. Гессена</i> .	59— 72
4. Феминизмъ и женская свобода. <i>З. Ветеровой</i>	73— 90
5. Западникъ Петровскаго времени. Культурно-историческій очеркъ. (Окончаніе). <i>Ө. Немцова</i>	91—104
6. Народное образованіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. <i>М. Вруцевича</i>	105—126
7. Клерикально-антисемитское движеніе и народная школа въ Австріи. <i>П. Теплова</i>	127—140
8. О самоубійствѣ. (Соціологическій этюдъ Дюркгейма) <i>А. Р.</i>	140—149
9. Посѣщеніе начальныхъ школъ въ Парижѣ. <i>С. М.</i>	150—159
10. Книжное дѣло у евреевъ. <i>Н. Пружанскаго</i>	159—166
11. Что такое статистика. <i>Проф. Н. Райхсберга</i>	167—177
12. Для чего у человѣка два глаза? <i>Проф. Маха</i> , (съ 5 рис), перев. съ нѣм. д-ра <i>В. Батя</i>	178—190
13. Къ вопросу о развитіи самодѣятельности въ учащихся. <i>Н. Л.</i>	190—193
14. Письмо въ редакцію. (Къ вопросу объ учительскихъ сѣздахъ). <i>В. Василевича</i>	193—198
15. На Западѣ. (Изъ Германіи). Современный нѣмецкій театр. <i>Г. Гроссмана</i> . (Изъ Америки). Изъ жизни американскихъ университетовъ. <i>И. Гуревича</i>	1— 20
16. Новости иностранной литературы. The foundations of succes by Stanley de Brath <i>Н. Шестакова</i> .—Ruskin et la religion de la beauté par Robert de la Sizeranne. <i>З. Ветеровой</i>	21— 30

5P⁵⁰

ОБРАЗОВАНИЕ

0-23

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

И

НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

№ 5—6.

МАЙ—ИЮНЬ.

1898.

ГОТ ГОРОДСКОЕ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

~~ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА~~
N 4325

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая ул., д. 15.

1898.

ЛЦБ 1934

Дозволено цензуруж, С.-Петербургъ, 10 Юня 1898 г.

N. B. Frobenius

251
035
v. 7:5-6

Памяти В. Г. Бѣлинскаго.

Очеркъ жизни и дѣятельности.

Въ 1853 году, пять лѣтъ послѣ кончины В. Г. Бѣлинскаго, о немъ написалъ нѣсколько строкъ поэтъ, потомъ прославившійся не менѣе знаменитаго критика, обязанный ему много въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Самое имя Бѣлинскаго въ ту пору, по особымъ обстоятельствамъ времени, въ печати не называлось, и благоговѣйную память о немъ, какъ о человѣкѣ, хранили лишь немногіе личные друзья. Правда, не безъ читателей оставались старыя книжки «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника», гдѣ печатались статьи Бѣлинскаго, но этого не могъ знать Некрасовъ, когда онъ писалъ свое «Памяти пріятели», этотъ горькій упрекъ обществу, впавшему, какъ казалось тогда, въ непробудную апатію:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—я быстро ты угасъ!
Ты насъ любилъ, ты дружеству былъ вѣренъ—
И мы тебя почтили въ добрый часъ!
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и не знаешь!
И съ дерева невѣдомаго плодъ
Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, что возрастилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя..
И съ каждымъ днемъ окружена тѣнѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благодарная друзей
Дороги къ ней не проторила..

Съ того времени много воды утекло. Свершилось кое что изъ «завѣтныхъ грезъ и вождедѣльныхъ думъ» и поэта, и критика.

19-е февраля провозгласило уваженіе къ личному достоинству человѣка и правамъ свободной личности. Съ отмѣною же
№ 5—6. Отд. I. 1

стокихъ тѣлесныхъ наказаній по закону 17-го апрѣля 1863 г., по выраженію современника, «словно въ сказкѣ какой изъ битаго царства вдругъ небитое стало». Судебная реформа 1864 г. заставила забыть время, когда Русь была «черна въ судахъ неправдой черной». Земское и городское устройство и расширеніе правъ печати создали возможность такой широкой общественной дѣятельности, о какой и не мечтали во времена Бѣлинскаго. Самое имя его, когда то запретное, какъ бы равносильное имени государственнаго преступника, становится теперь извѣстно каждому образованному человѣку съ гимназической скамьи. Многотомное собраніе его сочиненій выдержало уже нѣсколько изданій, и широкое всенародное движеніе къ образованію такъ или иначе приближаетъ время, «когда мужикъ не Блюхера и не Милорда глупаго, Бѣлинскаго и Гоголя съ базара понесетъ».

Имя Бѣлинскаго теперь, когда мы пишемъ эти строки, все чаще повторяется на страницахъ газетъ и журналовъ, и будетъ на устахъ у всѣхъ образованныхъ читателей ко дню 26-го мая, когда чествуется пятидесятилѣтіе его смерти. Вниманіе читателей заполоняютъ новыя изданія сочиненій Бѣлинскаго, которыя станутъ общественною собственностью, сборники, посвященные его памяти, газетные и журнальные очерки его жизни и дѣятельности, и т. п. Хотѣлось бы думать, что все это пройдетъ не минутнымъ порывомъ, а оставить по себѣ болѣе или менѣе прочный слѣдъ, какъ въ народно-образовательныхъ учрежденіяхъ, тамъ и сямъ проектируемыхъ въ память Бѣлинскаго, такъ и вообще въ нѣкоторомъ подъемѣ общественной самодѣятельности, неизбежномъ тамъ, гдѣ людей соединяетъ общая мысль, общее безкорыстное чувство.

Выразить до извѣстной степени это чувство, оживить въ представленіи читателей скорбный и прекрасный образъ великаго учителя русскаго общества и имѣть въ виду настоящая бѣглая характеристика личности и дѣятельности Бѣлинскаго.

I.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Финляндіи, въ Свеаборгѣ, гдѣ стоялъ флотскій экипажъ, при которомъ отецъ Бѣлинскаго состоялъ лекаремъ. Дѣдъ Бѣлинскаго былъ священникомъ села Бѣлныи (отсюда и пошла самая фамилія) въ Нижнеомовскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи. Вскорѣ послѣ рожденія Виссаріона его отецъ переселился на службу въ родной край, именно уѣзднымъ врачомъ въ городъ Чембарь. Здѣсь и прошло дѣтство будущаго писателя.

Вослѣдствіи онъ вспоминалъ о дѣтствѣ своемъ большею частью съ тяжелымъ чувствомъ. «Вспомнилъ я рассказъ матери моей,—передаетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ:—она была охотница рыскать по кумушкамъ..., я, грудной ребенокъ, оставался съ нянькою, нанятою дѣвкою: чтобъ я не беспокоилъ ее

своимъ крикомъ, она меня душила и била... Впрочемъ, я не былъ груднымъ: родился я больнымъ при смерти, груди не брать и не зналъ ея... сосать я рожокъ, и то, если молоко было прокислое и гнилое—свѣжаго не могъ брать. Потомъ: отецъ меня терпѣть не могъ, ругалъ, унижалъ, придирался, билъ нещадно и площадно—вѣчная ему память. Я въ семействѣ былъ чужой. Можетъ быть—въ этомъ разгадка дикаго явленія. Я просто боюсь людей; общество ужасаетъ меня».

Постороннія свидѣтельства подтверждаютъ этотъ неблагоприятный отзывъ Бѣлинскаго о его дѣтствѣ. Отецъ его стоялъ нѣсколько выше уѣзднаго общества по уму и по образованію. Отличаясь вспыльчивымъ и неуживчимъ нравомъ, испорченнымъ, быть можетъ, тѣмъ же обществомъ, онъ разошелся съ чембарцами, мстилъ имъ ѣдкими насмѣшками, не находилъ себѣ практики и средства жизни въ семьѣ были иногда очень скудны. Самыя отношенія между родителями Виссаріона были, вслѣдствіе этого, далеко не мирныя. Женщина отъ природы добраа, но недалекая, мать Бѣлинскаго не соответствовала мужу по своему духовному развитію и изъ за мелочныхъ хозяйственныхъ нуждъ нерѣдко такъ ссорилась съ нимъ, что домашніе буквально бѣжали изъ дому. Все это, конечно, отзывалось на дѣтяхъ. «У жизни есть свои сынки и пасынки, и Виссаріонъ Григорьевичъ принадлежалъ къ числу самыхъ нелюбимыхъ своею лихою мачехою,—разсказываетъ очевидецъ, изображая домашній бытъ этого семейства:—не радостно она встрѣтила его въ родной семьѣ, и дѣтство его, эта веселая, беззаботная пора, было исполнено тревогъ и огорченій столько же, сколько и позднѣйшіе возрасты, и надобно было имѣть ему много воли, много любви, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой страшной борьбы съ роковыми случайностями».

Однако, хотя Виссаріонъ и много терпѣлъ отъ вспышекъ тяжелаго отцовскаго характера, но, повидимому, былъ ему обязанъ первыми толчками къ умственному развитію. На отца онъ и лицомъ больше походилъ, чѣмъ на мать. Отецъ сочувственно относился и къ пытливой любознательности ребенка, и къ ранней его страсти къ чтенію, и къ остроумію его рѣчей, перенимаемому отъ отца же. Мальчикъ невольно прислушивался къ желчнымъ разговорамъ отца о нравахъ уѣзднаго городка,—а каковы могли быть эти нравы, мы знаемъ хотя бы по комедіи Гоголя «Ревизоръ». Отецъ могъ заронить въ маленькаго Виссаріона и искру сочувствія къ тяжелому положенію крѣпостныхъ; много темныхъ сторонъ тогдашней жизни и само по себѣ могло поразить впечатлительнаго мальчика.

Онъ учился въ чембарскомъ уѣздномъ училищѣ, и здѣсь въ 1820 году на него обратилъ вниманіе при ревизіи училища тогдашній директоръ училищъ Пензенской губерніи, И. И. Лажечниковъ (извѣстный авторъ историческихъ романовъ «Басурманъ», «Ледяной Домъ» и др.).

«Во время дѣлаемаго мною экзамена,—разсказываетъ самъ Лажечниковъ:—выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленький, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностью, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ, большею частью, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ (какъ я привыкъ видѣть и съ чѣмъ боролся не мало въ другихъ училищахъ). Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостью, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лекаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевной теплотою привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной бібліотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которыми учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Эти воспоминанія, съ нѣкоторою идеализаціею рисующія образъ Бѣлинскаго-мальчика, ничего не говорятъ, что же болѣе всего занимало и интересовало этого «ястребка». Уже въ эту пору страстнымъ увлеченіемъ его была литература, которой впоследствии онъ отдалъ свою жизнь. О дѣтствѣ своемъ, какъ уже сказано, онъ вспоминалъ вообще говоря съ чрезвычайною горечью, но раза два въ своихъ статьяхъ онъ съ любовью останавливается на томъ, какъ начиналъ въ дѣтствѣ свое литературное образованіе чтеніемъ сплошь всего, что попадалось подъ руку отъ побочныхъ: «Повѣсти о приключеніи англійскаго милорда Георга», «Ерусалана Лазаревича» и «Бовы Королевича» до Карамзина съ «Исторіею Государства Россійскаго» и до Жуковского.

«О милордъ англійскій, о великій Георгъ!—писалъ Бѣлинскій однажды, полшутя, полусерьезно, по поводу одного изъ множества изданій этой книги:—ощущаешь ли ты, съ какимъ грустнымъ, тоскливымъ и вмѣстѣ отраднымъ чувствомъ беру я въ руки тебя, книга почтенная, хотя и бессмысленная! Въ то время

когда я уже бойко читалъ по толкамъ, хотя еще и не умѣлъ писать, въ то время, когда еще только начиналось мое литературное образованіе, когда я прочелъ и «Бову», и «Еруслана» гражданской печатью, и «повѣсти и романы господина Вольтера», и «Зеркало добродѣтели» съ раскрашенными картинками,—скажи, не тебя ли жадно искалъ я, не къ тебѣ ли тоскливо порывалась душа моя, пламенная ко всему благому и прекрасному?.. Помню тотъ день незабвенный, когда доставъ тебя, уединился я далеко, кажется, въ огородѣ между грядами бобовъ и гороха, подъ открытымъ небомъ, въ лѣсу пышныхъ подсолнечниковъ—этого роскошнаго украшенія огородной природы, и тамъ, въ этомъ невозмутимомъ уединеніи, быстро переворачивалъ твои толстыя и жесткія страницы, всею душою удивляясь дивнымъ приключеніямъ, такою широкою кистью, такъ могуче и красно изложеннымъ... О, милордъ! что ты со мною сдѣлалъ? Ты такъ живо напомнилъ мнѣ золотые годы моего дѣтства, что я вижу ихъ предъ собою; желѣзная современность исчезаетъ изъ моего сознанія; я снова становлюсь ребенкомъ, вотъ уже съ бьющимся сердцемъ бѣгу по пыльнымъ улицамъ моего родного городка, вотъ вхожу на дворъ родимаго дома съ тесовою кровлею, окруженный бревенчатымъ заборомъ... Вотъ отъ воротъ до крыльца трехугольный палисадникъ, съ акаціями, черемуховымъ деревомъ и кустомъ розановъ... Вотъ и огородъ, которому со двора оградю служить погребъ и другія службы, съ небольшими промежутками частогола, а съ остальныхъ трехъ сторонъ плетень... Вотъ и малѣнькая баня при входѣ въ огородъ, даже и среди бѣлаго дня пугавшая мое дѣтское воображеніе своею таинственною пустотою... а вотъ воздѣ нея и стогъ сѣна, на которомъ я часто воображалъ себя то Александромъ Македонскимъ, то Ерусланомъ Лазаревичемъ... вотъ онъ и весь огородъ, съ своими грядами, своими подсолнечниками, которые черезъ его плетень дружелюбно наклонили свои густыя вѣтви... А въ домѣ—тамъ нѣтъ ни комнаты, ни мѣста на чердакѣ, гдѣ бы я не читалъ или не мечталъ, или, позднѣе, не сочинялъ...

По поводу одной книжки стихотвореній Бѣлинскій также вспоминаетъ «невольное золотое время дѣтства»:

«Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища, я, въ огромныя кипы тетрадей, неумоимо, денно и ночью, и безъ всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ, я плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рошу» и вмѣнялъ себѣ въ священнѣйшую обязанность бродить по полямъ, при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа дала мнѣ самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковского, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума». Стихи маль-

чикъ-Бѣлинскій писалъ вообще, по его признанію, «въ родѣ чисто классическомъ и совершенно чувствительномъ», съ романтическимъ же онъ познакомился уже тогда, когда въ немъ совсѣмъ прошло это «стихотворное неистовство».

Это увлеченіе литературою не прерывалось и въ пензенской гимназій, куда Бѣлинскій поступилъ въ 1825 г. Постановка преподаванія была здѣсь, какъ говорилъ тотъ же Лажечниковъ, далеко не удовлетворительна. Нашелся, однако, среди педагоговъ человекъ, не похожій на своихъ товарищей, которые мало интересовались и учениками, и преподаваніемъ. смотря на послѣднее, какъ на несложное ремесло: задалъ выучить урокъ по учебнику и конецъ дѣлу. Учитель естественной исторіи, М. М. Поповъ, одно время преподававшій въ старшемъ классѣ и словесность, былъ, по выраженію Лажечникова, «кладомъ для гимназій». Человекъ образованный, любившій науку и литературу, онъ тепло и участливо относился къ ученикамъ и особое вниманіе обратилъ на Бѣлинскаго, какъ на ученика, видимо, очень способнаго.

Бѣлинскій мало успѣвалъ у учителей, требовавшихъ одного заучиванія уроковъ наизусть. «Бывало, показываюте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—вспоминаетъ о своемъ любимомъ ученикѣ Поповъ:—онъ изъ послѣднихъ; а поговорите съ нимъ дома, по дружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Учителя словесности были не совсѣмъ довольны его успѣхами, но сказывали, что онъ лучше всѣхъ товарищей своихъ писалъ сочиненія на заданныя темы»...

«Онъ бралъ у меня книги и журналы,—разсказываетъ Поповъ:—пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ вопросъ за вопросомъ.. По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неравный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмънибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ... Естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона натуралиста я переходилъ къ Бюффону писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растений къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тадита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковского... А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдетъ до засѣки, что позади городского гулянья, или до рощи, что за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаеетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодые сердца».

Всѣ новѣйшія произведенія русской литературы на гимназической скамьѣ привлекали живое вниманіе Бѣлинскаго. Онъ и самъ писалъ въ эту пору стихи, при чемъ, по собственнымъ его словамъ, почиталъ себя одно время «опаснымъ соперникомъ Жуковского». Онъ былъ уже и яркимъ поклонникомъ Пушкина, первыя произведенія котораго въ эту пору каждое оставляли по

себѣ сильное впечатлѣніе въ молодыхъ читателяхъ. Все въ Пушкинѣ было ново и привлекательно; небывалый еще по легкости и изяществу русской стихъ, новыя формы, новое содержаніе, все это предвѣщало новую эру въ литературѣ. Слова Тургенева ярко передаютъ обаяніе, производимое Пушкинымъ на современниковъ, и въ томъ числѣ и на Бѣлинскаго: «Пушкинъ былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы, дѣйствительно, поклонялись ему». — Помимо новѣйшихъ произведеній Бѣлинскій продолжалъ читать и перечитывать все, что было подъ руками, и это чтеніе, хотя и беспорядочное, дало ему, на школьной еще скамьѣ, то обширное и подробное знакомство съ русской литературой, которое такъ пригодилось ему впоследствии, когда онъ выступилъ критикомъ. — Въ это же время онъ пристрастился и къ театру. Чтобы имѣть возможность посѣщать театръ, Бѣлинскій всячески сокращалъ и урѣзывалъ и безъ того скромныя свои расходы.

Будучи въ гимназіи, онъ жилъ на частной квартирѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими бѣдняками-семинаристами. Нерѣдко приходилось терпѣть нужду. «Въ гимназіи, по возрасту и по возмужалости, — вспоминаетъ Поповъ: — Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впоследствии; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими лицами другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На вакаціи онъ ѣздилъ въ Чембаръ; но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу». Съ ранней поры Бѣлинскому приходилось такимъ образомъ проходить въ жизни суровую школу, которая однако не подломила его таланта и нравственной самостоятельности.

Гимназіи Бѣлинскій не кончилъ. Въ февралѣ 1829 г. онъ былъ исключенъ изъ списка учениковъ, съ отмѣткою «за нехождение въ классъ». Это нехождение объяснялось тѣмъ, что Бѣлинскій, уже восемнадцатилѣтній юноша, задумалъ поступить въ университетъ и надѣялся дома скорѣе, чѣмъ въ гимназіи, приготовиться ко вступительному экзамену.

Онъ добился своего, и въ сентябрѣ 1829 г. былъ уже студентомъ московскаго университета по словесному факультету.

Университетъ, однако, во многомъ разочаровалъ раввагавшагося въ него Бѣлинскаго. Дѣло въ томъ, что московскій университетъ въ эти годы далеко не стоялъ еще на той высотѣ своего призванія въ дѣлѣ науки и просвѣщенія, на которую поднялся впоследствии, когда съ 1835 г. въ главѣ его сталъ попечитель графъ

С. Г. Строгановъ. Новый попечитель обновилъ составъ профессоровъ, сумѣлъ привлечь въ него и подготовить молодыхъ европейски образованныхъ ученыхъ, каковы были Рѣдкинъ, Крыловъ, Грановскій, Кавелинъ, Соловьевъ, Кудрявцевъ и др. Во времена же Бѣлинскаго, по выраженію его товарища по университету, извѣстнаго впоследствии славянофила К. С. Аксакова: «солнце истины освѣщало умы очень тускло и холодно». Предметъ, наиболѣе интересовавшій Бѣлинскаго, русская словесность, — скучно и монотонно читалась престарѣлымъ профессоромъ Побѣдоносцевымъ, который держался всецѣло литературныхъ преданій, взглядовъ и вкусовъ XVIII вѣка. На лекціяхъ его студенты больше, чѣмъ слушали, болтали и школьничали. Бѣлинскій изъ университетскихъ преподавателей болѣе всего могъ цѣнить Надеждина. Литературно-критическія статьи Надеждина, подобно лекціямъ его, оставили, какъ извѣстно, свой слѣдъ на литературныхъ взглядахъ Бѣлинскаго.

Если университетскія лекціи мало дали Бѣлинскому знаній и возбужденій къ умственной дѣятельности, то съ другой стороны много дала среда, кругъ товарищей, гдѣ онъ вращался. Университетская молодежь старалась самостоятельно удовлетворить своимъ умственнымъ интересамъ и запросамъ. Русская литература и ея новинки занимали въ этихъ интересахъ главное мѣсто. Бѣлинскій, появившійся на «казенный счетъ», устраиваетъ въ 11 номерѣ студенческаго общежитія литературные вечера, на которыхъ находили себѣ откликъ все тогдашнія литературныя злобы дня.

«Умственная дѣятельность (въ студенческомъ кругу), особенно въ 11-мъ номерѣ шла бойко, — рассказываетъ товарищъ Бѣлинскаго:— споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагоклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы въ «Вѣстникѣ Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали пѣльныя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно пре-

слѣдоваль все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось риторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него иногда не только Ломоносову, но и Державину за риторическіе стихи и пустозвонныя фразы».

Любопытенъ для характеристики БѢлинскаго и его восприимчивости къ художественнымъ красотамъ разсказъ современника о томъ, какъ БѢлинскій встрѣтилъ «Бориса Годунова», въ то время только что появившагося въ печати въ полномъ видѣ. Трагедія Пушкина привела БѢлинскаго въ восторгъ. Онъ съ удивленіемъ замѣчалъ въ этой драмѣ вѣрность изображеній времени, жизни и людей; чувствовалъ поэзію въ пятистопныхъ безриемныхъ стихахъ, которые прежде называлъ прозаическими; чувствовалъ поэзію и въ самой прозѣ Пушкина. Особенно поразила его сцена «Корчма на литовской границѣ». Прочитавъ разговоръ хозяйки корчмы съ собравшимися у нея бродягами, улыки противъ Григорія и бѣгство его черезъ окно, БѢлинскій вырвалъ книгу изъ рукъ, чуть не сломалъ стугла, на которомъ сидѣлъ, и восторженно закричалъ: «да это живые; я видѣлъ, я вижу, какъ онъ бросился въ окно!». Эта необычная восприимчивость къ художественнымъ впечатлѣніямъ, эстетическое чутье всегда были и въ послѣдствіи надежными руководителями БѢлинскаго при оцѣнкѣ новыхъ поэтическихъ произведеній, а эта способность воспламеняться и заражать читателей своимъ благороднымъ всегда искреннимъ энтузіазмомъ много содѣйствовала его литературному успѣху и вліянію.

Въ университетской обстановкѣ, вблизи литературнаго движенія, въ которомъ играли тогда важную роль и члены университета (особенно Надеждинъ) и интересъ къ которому поддерживался въ немъ и кружкомъ товарищей, БѢлинскій, послѣ гимназическаго стихотворства, хотѣлъ снова попробовать свои силы. Онъ не зналъ пока своей настоящей дороги, и подъ вліяніемъ увлеченія романтическими драмами Шиллера, особенно «Разбойниками», написалъ трагедію, «Дмитрій Калининъ»—переполненную страстными тирадами о людскихъ злодѣяствахъ и страданіяхъ невинныхъ. Несмотря на неестественность и ходульность необузданныхъ страстей, изображенныхъ въ трагедіи, она замѣчательна, какъ потому, что выражала пылкія идеальныя стремленія 20-лѣтняго БѢлинскаго, такъ и потому, что онъ внесъ въ свое произведеніе кое что, навѣянное непосредственно знакомымъ ему помѣщичьимъ крѣпостнымъ бытомъ. Мысль трагедіи дали эти наблюденія провинціальнаго быта и негодованіе къ возмутительнымъ явленіямъ крѣпостнаго права.

На свое произведеніе БѢлинскій возлагалъ большія надежды, ожидая отъ него не только литературной славы, но и матеріальныхъ выгодъ. Эти надежды очень скоро рухнули. Когда пьеса была представлена въ цензурный комитетъ, то профессорамъ университета, засѣдавшимъ въ комитетѣ, она показалась крайне предосудительною, и БѢлинскому сдѣланъ былъ выговоръ.

Эта неудача сильно поразила Бѣлинскаго, хотя онъ вскорѣ радовался уже, что слабое это произведеніе не увидѣло свѣта. Но дѣло этимъ не ограничилось. Дурное впечатлѣніе, произведенное трагедіею на профессоровъ, отразилось на ея авторѣ еще болѣе чувствительнымъ образомъ. Еще до того, у Бѣлинскаго происходили какія то столкновенія съ инспекціей и съ однимъ изъ профессоровъ. Эти столкновенія, непосѣщеніе лекцій и, наконецъ, исторія съ трагедіей вызвали со стороны профессоровъ строгое отношеніе къ Бѣлинскому. Весной 1832 года онъ тяжело былъ боленъ, надѣялся сдать экзамены осенью, но въ сентябрѣ состоялось опредѣленіе объ исключеніи его изъ университета «за неспособность».

По выходѣ изъ университета, Бѣлинскій очутился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онъ перебивался то уроками, то переводною и иною мелкою литературною работою, которую нашель, благодаря знакомству съ Надеждинымъ, въ издаваемыхъ послѣднимъ журналахъ «Телескопъ» и «Молвъ». Матеріальное положеніе Бѣлинскаго стало поправляться нѣсколько лишь съ 1834 года, когда появились его статьи, подъ заглавіемъ «Литературныя мечтанія», обратившія сразу общее вниманіе на начинающаго критика. Благодаря извѣстности, которую пріобрѣталъ Бѣлинскій, мало по малу лучше оплачивался и его литературный трудъ. Но вотъ еще въ какой печальной обстановкѣ засталъ Бѣлинскаго въ Москвѣ Лажечниковъ, навѣстившій его однажды:

«Бѣлинскій квартировалъ въ *бель-этажъ* (слово это было подчеркнуто въ его адресѣ), въ какомъ то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Красивъ же былъ его бель-этажъ! Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его коморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упорительную бесѣду прачекъ и подъ собою стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Не говорю о бѣднѣйшей обстановкѣ его комнаты, не запертой (хотя я не засталъ хозяина дома), потому что въ ней нечего было украсть. Прислуги никакой; онъ ѣлъ, вѣроятно, то, что ѣли его сосѣдки. Сердце мое облилось кровью... Я спѣшилъ бѣжать отъ смрады испареній, обхватившихъ меня, скорѣе на чистый воздухъ, чтобы хоть нѣсколько облегчить грудь отъ всего, что я видѣлъ, что я почувствовалъ въ этомъ убогомъ жилищѣ литератора, заявившаго Россіи уже свое имя».

Они вмѣстѣ придумывали средства, какъ выйти Бѣлинскому изъ этого положенія, и наконецъ, рѣшили, чтобы онъ поступилъ въ домашніе секретари одного богатаго барина, пописывавшаго кое что подъ псевдонимомъ. Занятія секретаря должны были состоять въ исправленіи грамматическихъ и другихъ погрѣшно-

стей въ сочиненіяхъ этого любителя литературы. Лажечниковъ и рекомендовалъ въ секретари Бѣлинскаго.

«Вскорѣ онъ водворенъ въ аристократическомъ домѣ,—разсказываетъ Лажечниковъ:—пользуется не только чистымъ, даже ароматическимъ воздухомъ, имѣетъ прислугу, которая летаетъ по его мановенію, имѣетъ хорошій столъ, отличныя вина, слушаетъ музыку разныхъ европейскихъ знаменитостей (одна дочь его прев-ва музыкантша), располагаетъ огромной бібліотекой, будто собственной, однимъ словомъ, катается, какъ сыръ въ маслѣ. Но скорѣ заходятъ тучи надъ этой блаженной жизнью. Оказывается, что за нее надо подчасъ жертвовать своими убѣжденіями, собственной рукой писать имъ приговоры, дѣйствовать противъ совѣсти. И вотъ, въ одно прекрасное утро, Бѣлинскій исчезаетъ изъ дома, начиненнаго всѣми житейскими благами, исчезаетъ со своимъ добромъ, завязаннымъ въ носовой платокъ, и съ сокровищемъ, которое онъ носитъ въ груди своей. Его превосходительству оставлена записка съ извиненіемъ нижеподписавшагося покорнаго слуги, что онъ не сроденъ къ должности домашняго секретаря».

Тяжелыя испытанія, вынесенныя Бѣлинскимъ въ его трудныя Lehrjahre, не заставили его упасть духомъ. О его бодромъ нравственномъ настроеніи даютъ понятіе слова, сказанныя имъ въ письмѣ къ матери, еще въ то время, когда его внѣшнія обстоятельства были очень неблагоприятны.

«Я нигдѣ и никогда не пропаду, несмотря на всѣ гоненія жестокой судьбы,—писалъ Бѣлинскій:—чистая совѣсть, увѣренность въ незаслуженности несчастій, нѣсколько ума, порядочный запасъ опытности, а болѣе всего нѣкоторая твердость въ характерѣ не дадутъ мнѣ погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастія, но еще радуюсь имъ: собственнымъ опытомъ узналъ я, что школа несчастія есть самая лучшая школа. Будущее не страшитъ меня. Перебираю мысленно всю жизнь мою, и хотя съ какимъ то горестнымъ чувствомъ вижу, что я ничего не сдѣлалъ хорошаго, замѣчательнаго, за то не могу упрекнуть себя ни въ какой низости, ни въ какой подлости, ни въ какомъ поступкѣ, клонящемся ко вреду ближняго». Не смотря на всѣ жизненныя испытанія и припадки острой хандры, горечи и недовольства, настроеніе, вылившееся въ этомъ письмѣ, настроеніе безупречно чистаго душою борца за все признанное имъ благимъ и высокимъ остается у Бѣлинскаго преобладающимъ въ его послѣдующей жизни и дѣятельности.

II.

Внѣшнія событія жизни Бѣлинскаго въ тѣ 14 лѣтъ до его смерти, которыя всецѣло были отданы служенію русской литературы, очень не сложны. Это—событія, неизбѣжныя въ жизни не-обезпеченнаго литератора-труженика: много тяжелаго и утоми-

тельного труда, оплачиваемаго вѣрѣдко плохо; иногда лишенія, переходы отъ работы къ отдыху или горячему общѣну мнѣній въ кругу немногихъ друзей единомышленниковъ и снова къ срочной работѣ—въ общемъ жизнь, не представляющая никакихъ внѣшнихъ блестящихъ разительныхъ чертъ, но несомнѣнно дававшая Бѣлинскому, не смотря на многія и неизбѣжныя огорченія, то глубокое нравственное удовлетвореніе, которое дороже всего во всякой дѣятельности, жизнь, полная глубокаго нравственнаго смысла и содержанія.

Бѣлинскій писалъ сначала въ московскихъ «Телескопѣ» и «Молвѣ», потомъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Осенью 1839 г. онъ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ завѣдывалъ критическимъ и библиографическимъ отдѣломъ сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», а съ 1847 года въ «Современникѣ». Петербургскій періодъ его литературной дѣятельности является наиболѣе важнымъ и плодотворнымъ для русской литературы. Къ этому же времени относится и наибольшее количество извѣстій и воспоминаній современниковъ лично о Бѣлинскомъ. Эти воспоминанія, большая часть которыхъ оставлена первостепенными литературными дѣятелями, и обширная переписка Бѣлинскаго даютъ такой благодарный матеріалъ, что достаточно сгруппировать немного, чтобы всѣ существенныя черты личности Бѣлинскаго, неразрывно связанныя съ его литературною дѣятельностью и во многомъ ее объясняющія, выступили предъ читателемъ ярко и выпукло.

Начнемъ съ внѣшности Бѣлинскаго. «Это былъ, — пишетъ Тургеневъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей Бѣлинскаго,—человѣкъ средняго роста, на первый взглядъ довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, съ впалую грудью и понурой головою. Одна лопатка замѣтно выдавалась больше другой. Всякаго, даже не медика, немедленно поражала въ немъ всѣ главные признаки чахотки... При томъ же (въ послѣдніе годы), онъ почти постоянно кашлялъ. Лицо онъ имѣлъ небольшое, блѣдно-красноватое, носъ неправильный, какъ бы приплюснутый, ротъ слегка искривленный, особенно, когда раскрывался, маленькіе, частые зубы; густые бѣлокурые волосы падали клокомъ на бѣлый, прекрасный, хотя и низкій лобъ. Я не видывалъ глазъ, болѣе прелестныхъ, чѣмъ у Бѣлинскаго. Голубые, съ золотыми искорками въ глубинѣ зрачковъ, эти глаза, въ обычное время полузакрытыя рѣсницами, расширялись и сверкали въ минуты воодушевленія; въ минуты веселости взглядъ ихъ принималъ плѣнительное выраженіе пріятливой доброты и безпечнаго счастья. Голосъ у Бѣлинскаго былъ слабъ, съ хрипотою, но пріятенъ; говорилъ онъ съ особенными удареніями и придыханіями, «упорствуя, волнуясь и спѣша» (стихъ г. Некрасова). Смѣялся онъ отъ души, какъ ребенокъ. Онъ любилъ расхаживать по комнатѣ, постукивая пальцами красивыхъ и маленькихъ рукъ по табакеркѣ съ табакомъ. Кто видѣлъ его только на улицѣ, когда

въ тепломъ картузѣ, старой енотовой шубенкѣ и стоптанныхъ калошахъ, онъ торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стѣнъ и съ пугливой суровостью, свойственной нервическимъ людямъ, озирался вокругъ—тотъ не могъ составить себѣ вѣрнаго о немъ понятія... Между чужими людьми, на улицѣ, Бѣлинскій легко робѣлъ и терялся. Дома онъ носилъ обыкновенно сѣрый сюртукъ на ватѣ и держался вообще очень опрятно».

«Но для того, чтобы имѣть о Бѣлинскомъ полное понятіе, видѣть его во всемъ блескѣ,—вспоминалъ другой близкій другъ его, И. И. Панаевъ:—надобно было навести разговоръ на тѣ общественные предметы и вопросы, которые живо его затрогивали, и раздражать его противорѣчіемъ; затронутый, онъ вдругъ выросталъ, слова его лились потокомъ, вся фигура дышала внутренней энергіей и силой, голосъ по временамъ задыхался, всѣ мускулы лица приходили въ напряженіе... Онъ нападалъ на своего противника съ силой человѣка, власть имѣющаго, мимоходомъ игралъ имъ, какъ соломонкой, издѣвался, ставилъ его въ комическое положеніе и между тѣмъ продолжалъ развивать свою мысль съ энергіею поразительной. Въ такія минуты этотъ обыкновенно застѣнчивый, робкій и неловкій человѣкъ былъ неузнаваемъ». Друзья называли Бѣлинскаго за эти минуты безудержнаго увлеченія «неистовымъ Виссаріономъ».

Эта способность Бѣлинскаго воодушевляться, какъ только заходила рѣчь объ излюбленныхъ имъ предметахъ, способность во все, что говорилъ и писалъ, вкладывать душу—покоряла Бѣлинскому всѣхъ, кто имѣлъ счастье ближе присмотрѣться къ нему. «Онъ имѣлъ на меня и на всѣхъ насъ чарующее дѣйствіе,—вспоминаетъ третій изъ членовъ тѣснаго кружка, группировавшагося въ Петербургѣ около Бѣлинскаго и редакціи «Отеч. Зап.», К. Д. Кавелинъ:—Это было нѣчто гораздо больше оцѣнки ума, обаянія таланта,—нѣтъ, это было дѣйствіе человѣка, который не только шелъ далеко впереди насъ яснымъ пониманіемъ стремленій и потребностей того мыслящаго меньшинства, къ которому мы принадлежали, не только освѣщалъ и указывалъ намъ путь, но всѣмъ своимъ существомъ жилъ для тѣхъ идей и стремленій, которыя жили во всѣхъ насъ, отдавался имъ страстно, наполнялъ ими все свое бытіе. Прибавьте къ этому гражданскую, политическую и всяческую безупречность, безпощадность къ самому себѣ, при большомъ самолюбіи, и вы поймете, почему этотъ человѣкъ господствовалъ въ кружкѣ неограниченно. Мы понимали, что онъ въ своихъ сужденіяхъ часто бывалъ неправъ, увлекался страстно за предѣлы истины; мы знали, что свѣдѣнія его, кромѣ русской литературы и ея исторіи, бывали недостаточны; мы видѣли, что Бѣлинскій часто поступалъ, какъ ребенокъ, какъ ребенокъ капризничалъ, малодушествовалъ и увлекался... Но все это исчезало передъ подавляющимъ авторитетомъ великаго таланта, страстной благороднѣйшей гражданской мысли и чистой личности, безъ пятна, личности, которой нельзя было подкупить

ничѣмъ,—даже ловкой игрой на струнѣ самолюбія.—Бѣлинскаго въ нашемъ кружкѣ не только нѣжно любили и уважали, но и боялись. Каждый пряталъ гнѣль, которую носилъ въ душѣ, какъ можно подальше»...

«Вліяніе Бѣлинскаго на мое нравственное и умственное воспитаніе за этотъ періодъ моей жизни»,—добавляетъ Кавелинъ:—было неизмѣримо, и оно никогда не изгладится изъ моей памяти». И подобное же признаніе дѣлаютъ такія крупныя величины русской литературы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ и друг.

«Наивная и страстная душа»—такъ характеризуетъ Бѣлинскаго Некрасовъ въ извѣстномъ стихотвореніи «Памяти пріятеля». Это дѣйствительно была «наивная душа», полная простоты, искренности, не знавшая никакихъ своекорыстныхъ расчетовъ, по дѣтски открытая. Дѣтей же онъ любилъ горячо, и своихъ, и чужихъ. Трогательны черты его дѣтскаго простодушія въ практическихъ дѣлахъ. «Безкорыстїе и честїе Бѣлинскаго я не встрѣчалъ ни одного человѣка въ литературѣ въ послѣднія двадцать лѣтъ»,—говоритъ Панаевъ:—Когда рѣчь заходила о платѣ за трудъ, онъ приходилъ въ крайнее смущеніе, весь вспыхивалъ и сейчасъ же соглашался на всякія предложенія, самыя невыгодныя для себя... Съ деньгами онъ обращался, какъ ребенокъ: онъ то экономничалъ, лишалъ себя необходимаго, то вдругъ прорывался и позволялъ себѣ неслыханныя роскоши при своемъ положеіи. Увлеченіе было его натурою, и онъ увлекался даже мелочами». Панаевъ изумился однажды въ Москвѣ, войдя къ Бѣлинскому и увидѣвъ его бѣдную комнату, уставленную цвѣтами.—«У меня, батюшка, страсть къ цвѣтамъ. Я зашелъ сегодня утромъ въ цвѣточный рядъ и соблазвился. Послѣдніе тридцать рублей отдалъ.. Завтра ужъ мнѣ формально ѣсть нечего будетъ»... И несмотря на это, Бѣлинскій въ это утро былъ веселѣе и одушевленнѣе обыкновеннаго.—Съ такимъ же дѣтскимъ увлеченіемъ Бѣлинскій игралъ въ дни отдыха въ карты съ пріятелями. «Повѣрить ли читатель,—пишетъ, напр., Кавелинъ:—что въ нашу игру, невиннѣйшую изъ невинныхъ, которая въ худшемъ случаѣ оканчивалась рублемъ, двумя, Бѣлинскій вносилъ всѣ перипетїи страсти, отчаянія и радости, точно участвовалъ въ великихъ историческихъ событіяхъ? Садился онъ играть съ большимъ увлеченіемъ, и, если ему везло, былъ довольно веселъ... Поставя нѣсколько ремизовъ, Бѣлинскій становился мрачнымъ, жаловался на судьбу, которая его во всемъ преслѣдуетъ и, наконецъ, съ отчаяніемъ бросалъ карты и уходилъ въ темную комнату. Мы продолжали игру какъ будто ни въ чемъ не бывало. Кульчицкій *) (игравшій обыкновенно счастливо) нарочно ремизился

*) Молодой литераторъ, умершій въ 1845 или 1846 г., писавшій коморитическіе очерки, въ томъ числѣ сочинившій книжку о преферансѣ, написанную не безъ участія кружка Бѣлинскаго.

отчаянно и мы шумно выражали свою радость, что наконецъ-то и онъ попался. Послѣ двухъ-трехъ такихъ умшленныхъ ремизовъ и криковъ, сосѣдняя дверь тихонько пріотворялась, и Бѣлинскій выглядывалъ оттуда на игру съ сіяющимъ лицомъ. Еще два-три ремиза—и онъ выходилъ изъ темной комнаты, съ азартомъ садился за игру и она продолжалась вчетверомъ по прежнему. Такая наивность и ребячество меня всегда глубоко поражали въ замѣчательныхъ людяхъ и еще сильнѣе къ нимъ привлекали... Я дорожу этой чертой, какъ очень характеристической въ Бѣлинскомъ».

«Это была самая восторженная личность, изъ всѣхъ встрѣчавшихся мнѣ въ жизни,—говорить о Бѣлинскомъ Достоевскій, изумлявшійся въ немъ цѣльности и чистотѣ нравственнаго характера. «Этотъ всеблаженный человѣкъ, обладавшій такимъ удивительнымъ спокойствіемъ совѣсти, иногда, впрочемъ, очень грустилъ; но грусть эта была особаго рода,—не отъ сомнѣній, не отъ разочарованій, о нѣтъ, а вотъ—почему не сегодня, почему не завтра? Это былъ самый торопившійся человѣкъ въ цѣлой Россіи. Разъ я встрѣтилъ его, часа въ три пополудни, у Знаменской церкви. Онъ сказалъ мнѣ, что выходилъ гулять и идетъ домой.—«Я сюда часто захожу взглянуть, какъ идетъ постройка (вокзала Николаевской желѣзной дороги, тогда еще строившейся). Хоть тѣмъ сердце отведу, что постою и посмотрю на работу: наконецъ то и у насъ будетъ хоть одна желѣзная дорога. Вы не повѣрите, какъ эта мысль облегчаетъ мнѣ иногда сердце».—Это было горячо и хорошо сказано; Бѣлинскій никогда не рисовался».

Настроеніе Бѣлинскаго питалось однако чаще такими фактами, въ которыхъ отраднаго было не много. Всегда нервно настроенный, онъ болѣзненно отъликался на всякое людское страданіе, мимо котораго другіе проходятъ не замѣчая его. Всякое униженіе человѣческаго достоинства до боли волновало и огорчало его. Отъ отвлеченностей теорій къ болѣе реальному пониманію жизни его всегда приводила могучая сила непосредственнаго чувства, возбуждаемаго столько же самою жизнью, сколько художественными ея изображеніями, сила, какъ то разъ излившаяся въ слѣдующихъ строкахъ:

«Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность?—спрашивалъ Бѣлинскій, отказываясь понять, какъ можно успокоивать себя напр., соображеніями о мнимомъ процвѣтаніи общества, въ которомъ несчастны хотя бы нѣкоторые.—Что мнѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валется въ грязь? Что мнѣ въ томъ, что я понимаю идею, что *мнѣ* открыть міръ идей въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлиться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими близкими по Христу, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть

и не подозрѣваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братьями моими! Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И это жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идиотскимъ выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакъ—и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности! И послѣ этого имѣетъ ли право человѣкъ забываться въ искусствѣ, въ знаніи!»

Эта горячая тирада лучше, чѣмъ отзывы постороннихъ, характеризуетъ то «святое недовольство», ту тревожную жажду справедливости въ людскихъ отношеніяхъ, которыми былъ полонъ Бѣлинскій, и въ критической его дѣятельности всюду отразилось это горячее стремленіе къ правдѣ, хотя далеко и не въ такой страстной и рѣзкой формѣ, какъ въ его перепискѣ, гдѣ онъ чувствовалъ меньше стѣсненій. Но и подъ игомъ такихъ стѣсненій въ каждой написанной имъ страницѣ онъ является чистымъ восторженнымъ идеалистомъ, и литературу онъ ставилъ выше, какъ такую область, въ которой находятъ себѣ откликъ всѣ лучшія движенія человѣческой мысли, въ которой сосредоточено все умственное и нравственное движеніе русскаго общества.

«Какова бы ни была наша литература,—начинаетъ онъ одну изъ своихъ лучшихъ статей:—во всякомъ случаѣ ея значеніе для насъ гораздо важнѣе, нежели какъ можетъ оно казаться: въ ней, въ одной ней вся наша умственная жизнь и вся поэзія нашей жизни. Только въ ея сферѣ перестаемъ мы быть Иванами и Петрами, а становимся просто людьми, обращаемся къ людямъ и съ людьми».

Въ высшей степени воспримчивый къ художественнымъ впечатлѣніямъ онъ по отношенію къ явленіямъ литературы, выходящимъ изъ ряду, всегда оставался «неистовымъ Виссаріономъ», потому что они волновали и затрогивали и эстетическое и нравственное его чувство. Энтузіазмъ его къ литературѣ былъ неисчерпаемъ. Мы говорили, какъ относился онъ къ Пушкину. Въ такой же страстный восторгъ приводилъ его и Лермонтовъ. По прочтеніи, напр., «Боярина Орши», Бѣлинскій писалъ пріятелю: «Сейчасъ упился я «Оршею». Есть мѣста убійственно хорошія, а тонъ цѣлаго—страшное, дикое наслажденіе. Мочи нѣтъ, я пьянъ и неистовъ. Такіе стихи охмѣляютъ лучше всѣхъ винъ». Читая

и перечитывая любимых писателей, Бѣлинскій такъ сживался съ ними, что они становились лично близки и дороги ему. «Я странный человѣкъ,—писалъ онъ пріятелю вскорѣ послѣ смерти одного изъ лучшихъ своихъ друзей Н. В. Станкевича:—Смерть Станкевича поразила меня сухо, мертво, но еслибы ты зналъ, какъ это сухое страданіе тяжело!.. Его смерть поразила меня особеннымъ образомъ и—повѣришь-ли?—точно также поразила меня смерть Пушкина и Лермонтова. Я считаю ихъ моими потерями, и внутри меня не умолкаетъ дисгармонической, сухому-чительный, звукъ, по которому я не могу не знать, что это мои потери, послѣ которыхъ жизнь много утратила для меня». Такую же почти личную привязанность питалъ онъ и къ Гоголю; высоко ставя художественно-общественное значеніе его произведеній, онъ любилъ и разговоръ и письма переслать гоголевскими словечками и цѣлыми фразами: «Я любилъ васъ,—писалъ онъ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю, по поводу «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями»:—я любилъ васъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровно связанный со своею странюю, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». И страстный тонъ отповѣди Бѣлинскаго Гоголю-публицисту, которому онъ даже въ искренности отказывалъ, въ значительной мѣрѣ и объясняется страстною любовью Бѣлинскаго къ Гоголю-художнику.

Изъ замѣчательныхъ писателей, дѣятельность которыхъ вся прошла на глазахъ Бѣлинскаго, онъ лично былъ близокъ только съ А. В. Кольцовымъ, и Бѣлинскому почти всецѣло обязаны мы тѣмъ, чѣмъ Кольцовъ сталъ въ русской литературѣ. Онъ не только далъ въ печати критическую оцѣнку Кольцова (до сихъ поръ ни въ чемъ не измѣненную), но и всѣмъ личнымъ своимъ вліяніемъ поддерживалъ Кольцова въ избранной имъ поэтической дѣятельности. Онъ много содѣйствовалъ умственному развитію Кольцова, и главное—воспиталъ его художественный вкусъ, удержалъ на почвѣ народной пѣсни, въ чемъ была главная сила таланта Кольцова. И поэтъ-прасолъ платилъ съ своей стороны притику нѣжною любовью и признательностью.

Такою же любовью и признательностью учителю дышутъ всѣ отчасти цитированные нами отзывы о Бѣлинскомъ писателей, которые только начинали при немъ свою громкую впослѣдствіи дѣятельность. Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ, Григоровичъ и пр., равно узнали, какъ горячо и душевно умѣлъ Бѣлинскій привѣтить и ободрить начинающаго писателя, была бы въ новичкѣ только искра таланта и любви къ литературѣ и—что для Бѣлинскаго было то же самое—сердце, отзывчивое на все человѣческое.

Но эта неистощимая любовь къ литературѣ, любовь, которую Бѣлинскій заражалъ и учениковъ, и читателей, дорого ему стоила. По свойствамъ журнальной работы онъ былъ не только вождемъ

1174 3 225 не др.

въ литературѣ, но и рядовымъ, чернорабочимъ. Не говоря уже о томъ, что его часто томила и болѣзненно раздражала та или иная мысль, которой онъ не могъ высказать,—постоянно ждали очереди не замѣчательныя художественныя произведенія (писать о нихъ было для Бѣлинскаго праздникомъ), а массы текущаго печатнаго матеріала, случайныхъ и плохихъ книгъ, которыя непременно надо было просмотрѣть и что нибудь да связать о нихъ, чаще всего-то, что читать ихъ не стоитъ. Эта неблагодарная черная работа болѣе всего тяготила Бѣлинскаго и надрывала его силы, уже подточенныя лишеніями молодыхъ годовъ.

«Одинъ разъ,—говорить Панаевъ:—я засталъ Бѣлинскаго ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиленіемъ махающимъ правою рукою.—«Что это съ вами?»—спросилъ я его.—«Рука отекала отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть, это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадалыныя книжонки! И я долженъ непременно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!»

Это сознаніе, что силы расходуются на пустяки, порою страшно тяготило Бѣлинскаго. «Я—Прометей въ карриатурѣ,—жалуется онъ въ одномъ изъ писемъ: «Отеч. Записки» — моя скала, Краевскій *)—мой коршунъ. Мозгъ мой сохнетъ, способности тупѣютъ». Не было времени заниматься подробнымъ обдумываніемъ и отдѣлкою статей. Лучшія изъ нихъ—импровизаціи, писанныя почти безъ помарокъ, наканунѣ печатанія, въ пылу вдохновенія, хотя оно и вызывалось часто привычкою и необходимостью.

«Надобно было взглянуть на Бѣлинскаго въ тѣ минуты, когда онъ писалъ что нибудь, въ чемъ принималъ живое, горячее участіе,—разсказываетъ Панаевъ:—Лицо и глаза его горѣли, перо съ необыкновенною быстротою бѣгало по бумагѣ, онъ тяжело дышалъ и безпрестанно отбрасывалъ въ сторону исписанный полулистъ... Сколько разъ заставлялъ я его въ такія минуты и смотрѣлъ на него, не замѣчаемый имъ; если же онъ оборачивался и взглядывалъ на меня, прежде нежели я уходилъ, онъ безъ церемоніи говорилъ мнѣ:—«Извините меня, Панаевъ... Видите, я занятъ».—Онъ откладывалъ на минуту перо и прикладывалъ руку къ головѣ. Я какъ теперь вижу его въ этомъ положеніи».

Но Бѣлинскій самъ хорошо понималъ, какъ много теряютъ его статьи отъ недостатка обработки. «Я вамъ прочту иную живую и горячую, но съ плеча, написанную статью мою,—писалъ онъ однажды пріятелю:—она вамъ понравится, можетъ быть, приведетъ васъ въ восторгъ. Но дайте мнѣ время обработать эту импровизацію—вы не узнаете ея: живость и теплота въ ней оста-

*) Издатель „Отеч. Записокъ“.

нутся, а силы, ума и таланта прибавится на двадцать процентов... Знаете ли, какія лучшія мои статьи? Вы ихъ не знаете—это тѣ, которыя не только не напечатаны, а никогда не были и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моею во время поѣздки, гуляній,—словомъ, въ нерабочее мое время, когда ничто извнѣ не понуждало меня приняться за работу. Боже мой! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, страстныхъ, огненныхъ! И многое, что особенно хорошо въ моихъ печатныхъ статьяхъ,—большею частью удержанные въ памяти и ослабленные урывки изъ этихъ на свободѣ слагавшихся въ праздной головѣ статей».

Непрерывная срочная журнальная работа и вскорѣ преждевременная смерть не дали Бѣлинскому возможности осуществить рядъ плановъ цѣльныхъ и связанныхъ статей, напр., о Лермонтовѣ и Гоголѣ. Только наброски остались отъ задуманной имъ «критической исторіи русской литературы» съ древнѣйшихъ временъ. И такъ, внѣшнія условія, срочность работы, разбросанность все это дружно не благоприятствовало полнотѣ и систематичности того, что говорилъ Бѣлинскій въ печати. Но какъ ни тяжела была ему порою литературная дорога, другой предъ Бѣлинскимъ не было, и въ минуту тяжелаго раздумья у него вырвались пророческія слова:

«Умру на журналѣ и въ гробъ велю положить подъ голову книжку «Отеч. Зап.». Я литераторъ—говорю это съ болѣзненнымъ и вмѣстѣ радостнымъ и гордымъ убѣжденіемъ. Литературѣ расейской моя жизнь и моя кровь».

III.

Литературно-общественное значеніе дѣятельности Бѣлинскаго настолько широко, что о многихъ сторонахъ ея, напр., о взглядахъ критика на воспитаніе, на положеніе женщины въ русскомъ обществѣ, на театръ и т. д. приходится почти не упоминать, чтобы въ предѣлахъ настоящаго очерка остановиться только на главномъ.

Новую русскую литературу принято вести со временъ Кантемира и Ломоносова. Такъ называемое ложно-классическое направление въ литературѣ было долго господствующимъ, и понятія о критикѣ сообразовались съ господствующими представленіями о цѣляхъ художественнаго творчества. Извѣстно, что существенными элементами начальной нашей художественной литературы были три ломоносовскихъ штиля, высокій, средній и низкій или «подлый»,—искусственное раздѣленіе поэзіи на роды и виды, три единства въ драмѣ (времена мѣста и дѣйствія), «изученіе правилъ и подражаніе знатныхъ авторовъ», по выраженію Ломоносова. Соотвѣтственно этому, критическія статьи этой эпохи представляютъ собою сужденія мелочнаго и чисто внѣшняго характера преимущественно о «штилѣ», о грамматической

правильности выражений, съ прибавленіемъ голословныхъ замѣчаній, что такое то мѣсто у разбираемаго автора «скарредно», то — «преизячно», а это — «подло и гнусно».

Долгое время содержаніе критики составлялъ споръ «о старомъ и новомъ слогѣ», и только Карамзинъ, которому принадлежитъ заслуга преобразования литературнаго языка, положилъ конецъ этому спору, такъ что въ началѣ XIX вѣка высокаго «штила» склонны были держаться лишь немногіе защитники старины въ родѣ Шишкова, вдававшагося въ извѣстные анекдотическіе пуризмъ. Съ преобразованиемъ языка шло и преобразование формы литературныхъ произведеній, все болѣе уклонявшейся отъ «образцовъ». Въ нее вливалось болѣе и болѣе новое содержаніе, литература сближалась съ жизнью. Карамзинъ, Мерзляковъ, Батюшковъ и Жуковский, представители сентиментализма и смѣнившаго его романтизма, уже далеко отошли отъ стараго классицизма. Соответственно этому и критика приближается къ выраженію взглядовъ, болѣе близкихъ къ современнымъ. Мерзляковъ, Веневитиновъ, и затѣмъ ближайшіе предшественники Бѣлинскаго, Полевого и Надеждинъ, вносятъ въ область критики новыя начала. Требования цѣльной художественной теоріи (еще ложно-классической у Мерзлякова); философско-эстетическія начала, требованія національности и самобытности въ литературныхъ произведеніяхъ, заявленныя Веневитиновымъ; наконецъ, болѣе или менѣе отчетливыя представленія объ общественно воспитательномъ и историческомъ значеніи литературы, какъ высшемъ выраженіи духовной дѣятельности народа, представленія, тамъ и сямъ высказываемыя Полевымъ, теоретикомъ романтизма во вкусѣ Виктора Гюго и первыхъ поэмъ Пушкина, и Надеждинымъ, уже заявившимъ о необходимости художественнаго реализма (основной тезисъ его диссертаци: *ubi vita, ibi poesis*—гдѣ жизнь, тамъ и поэзія),—всѣ эти взгляды были усвоены Бѣлинскимъ, но переработаны, и высказанные въ цѣломъ рядѣ его статей въ болѣе опредѣленной и законченной формѣ и дали критикѣ его то весьма широкое значеніе въ разныхъ отношеніяхъ, которое оправдываетъ сближеніе Бѣлинскаго съ преобразователемъ нѣмецкой литературы, Лессингомъ.

Существеннѣйшимъ недостаткомъ критики ближайшихъ названныхъ предшественниковъ Бѣлинскаго было конечно то, что художественные вкусы ихъ воспитаны были въ такое время, когда литература наша дѣлала еще первые неувѣренные шаги на пути своего самостоятельнаго развитія. Въ литературныхъ взглядахъ Полевого и Надеждина было еще много отголосковъ стараго. Полевой былъ въ своей шумной защитѣ французскаго романтизма, во вкусѣ Виктора Гюго, большой руки формалистомъ: эта защита была лишь формальнымъ протестомъ противъ стараго формализма, преслѣдуемаго ложно-классическою теоріею съ ея произвольными и стѣснительными правилами. Вкусъ Полевого и Надеждина, образовавшійся въ то время, когда новыя теченія литературы.

еще не выяснились, не могъ оцѣнить по достоинству тѣхъ художественныхъ произведеній, которыя были даны, въ пору большого вліянія этихъ критиковъ, Пушкинымъ и Гоголемъ. На примѣрѣ Полевого и Надеждина съ одной стороны и Бѣлинскаго съ другой видно также, что если по латинской поговоркѣ *oratores fiunt, poetae nascuntur*, то рождаются не одни поэты, но и критики. Ни обширная и глубокая эрудиція Надеждина, ни любовь къ литературѣ, ни остроуміе, ни специальный талантъ журналиста, чуткаго до злѣбъ дня, какимъ обладалъ Полевой, не предохранили ихъ отъ самыхъ странныхъ на современный взглядъ ошибокъ въ оцѣнкѣ лучшихъ нашихъ писателей.

Еще грубѣе были ошибки и сужденія второстепенныхъ тогдашнихъ журналистовъ, напр. Шевырева, съ которымъ много полемизировалъ Бѣлинскій, какъ и съ представителями самой поверхностной и грубоватой части тогдашней журналистики, съ Булгаринымъ съ его «Сѣверною Пчелою» и Сенковскимъ *) съ «Библиотечкою для чтенія». Въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго читатель сколько угодно можетъ подыскать образцовъ грубыхъ ошибокъ, промаховъ, прямыхъ недѣлностей, которыя приходилось устранять Бѣлинскому. Для примѣра ихъ укажемъ только, что сплошь и рядомъ въ гени, до которыхъ далеко Пушкину, Гоголю, Лермонтову и Грибоедову, возводились этою «расейскою» литературою, какъ ее называлъ Бѣлинскій, давно теперь забытые Бенедиктовъ, Марлинскій, Кукольникъ, Загоскинъ. До чего доходило непониманіе истиннаго значенія нарождавшейся тогда литературы, можно судить еще и по тому напр., что даже Пушкинскій чудный по своей легкости стихъ и языкъ, близкій къ разговорной рѣчи, не находилъ достаточнаго призванія. Уже во время «Онѣгина», этого неподражаемаго образца гармоничнаго, плавнаго и легкаго стиха, профессоръ русской словесности Шевыревъ мечталъ о реформѣ русской поэзіи посредствомъ своего перевода Тасса, который (переводъ) достоинъ былъ «Телемахиды» Тредьяковскаго **).

*) Сенковскій писалъ подъ псевдонимомъ «Баронъ Брамбеусъ», постоянно появляющимся во многихъ статьяхъ Бѣлинскаго.

**) Шевыревъ между прочимъ вообразилъ, что *можетъ* быть такая же русская октава, какъ итальянская, что въ русскомъ стихѣ слѣдуетъ производить такія же сліянія гласныхъ (въ словѣ, кончающемся гласною, и въ слѣдующемъ словѣ, начинающемся съ гласной), какъ въ итальянскомъ: нововведеніе, которое прискорбнымъ образомъ свидѣтельствовало объ его пониманіи языка и его вкусѣ. Вотъ одна изъ октавъ, которыми Шевыревъ намѣренъ былъ произвести реформу въ русской поэзіи:

Тамъ копіе хранилось, коимъ змѣй
 Былъ прободенъ, и молніи стрѣлы,
 Незримо язвы, тысячи смертей
 Метающія на народы цѣлы:
 Тамъ былъ повѣшень и трезубецъ,—сей
 Первый угрозы на всѣ земли предѣлы,
 Когда ея основы потрясаются
 Обширныя,—и грады распатаются...

Подчеркнутые слоги, по Шевыреву, должны слиться въ одинъ слогъ!

Нечего и говорить, что, при возможности такихъ взглядовъ даже на форму въ литературѣ, во взглядахъ на содержаніе мы встрѣчаемъ еще болѣе странностей. Что Гоголь—писатель грязный и неприличный, что произведенія его ничтожныя «побасенки»—это было, напр., еще одною изъ самыхъ обыкновенныхъ пошлостей, которыя провозглашались какъ неоспоримыя литературныя истины.

Устранить навсегда весь этотъ хаосъ ложныхъ и недѣльныхъ представлений, унаслѣдованныхъ отъ временъ ложно-классицизма, романтизма и сентиментализма и выражавшихъ собою полное отсутствіе въ обществѣ здравыхъ эстетическихъ понятій и дѣйствительныхъ умственныхъ интересовъ—вотъ что составляло одну изъ первыхъ немаловажныхъ заслугъ Бѣлинскаго.

Въ этой борьбѣ со старыми литературными предрасудками и укоренившимися ложными представленіями, Бѣлинскій шелъ по тому пути, на который указывала историческая необходимость. Онъ вѣрно угадалъ потребности времени, стоялъ на строго исторической почвѣ. Онъ настойчиво и часто возвращался къ историческому обзору русской литературы, съ котораго «Литературными мечтаніями» и началъ свою критическую дѣятельность, и эта установленная имъ окончательно въ русской критикѣ историческая точка зрѣнія была также не малымъ приобрѣтеніемъ для русской литературы. Только исторической точкой зрѣнія и можно было установить всестороннее значеніе такихъ писателей, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ, какъ писателей, которые стоятъ на высотѣ историческаго развитія общества и литературы, и которымъ, какъ угадалъ въ свое время одинъ Бѣлинскій, принадлежитъ все будущее. И Бѣлинскій на всегда связалъ свое имя съ именами Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова. По прекрасному выраженію Аполлона Григорьева, «имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени, спелось такъ, что говоря о нихъ, какъ источникахъ современнаго литературнаго движенія,—постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ. Высокій удѣлъ, данный судьбою немногимъ изъ критиковъ,—едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не ему одному».

Историческое пониманіе задачъ общественнаго развитія литературы совмѣстно съ художественнымъ чутьемъ всегда выводили Бѣлинскаго на вѣрную дорогу въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ впадалъ, подъ вліяніемъ той или другой поразившей его идеи, въ крайности и противорѣчія самому себѣ. Какъ на примѣры такихъ противорѣчій можно указать на различія во взглядахъ Бѣлинскаго на Пушкина, высказанныхъ въ «Литер. Мечтаніяхъ» и отдѣльныхъ статьяхъ, или на Грибоѣдова высказанныхъ также въ «Литер. мечтаніяхъ» и въ отдѣльной статьѣ о «Горѣ отъ ума». Но замѣчательно, что даже впадая въ эти противорѣчія, Бѣлинскій никогда не впадалъ въ такія ошибки при оцѣнкѣ

русскихъ писателей, которыя свидѣтельствовали бы, что бездарность онъ принялъ за талантъ или наоборотъ. Тѣмъ не менѣе необходимо въ существенныхъ чертахъ напомнить важнѣйшія измѣненія общихъ взглядовъ Бѣлинскаго, обусловливавшія и пзмѣненія нѣкоторыхъ взглядовъ на тѣ или иныя литературныя произведенія.

«Литературныя мечтанія» относятся къ тому періоду развитія Бѣлинскаго, когда онъ, какъ это уже выяснено его біографами, впервые погружаясь въ изученіе философіи Гегеля, былъ полонъ еще идеалистическихъ порывовъ къ личному только нравственному совершенствованію. Философія открывала ему цѣлый міръ мысли, высокихъ духовныхъ наслажденій и указывала путь жизни. «Весь безпредѣльный совмѣстно съ Станкевичемъ, Боткинѣмъ и др., прекрасный Божій міръ есть не что иное, какъ дыханіе единой вѣчной идеи (мысли—единого вѣчнаго Бога), проявляющейся въ безконечныхъ формахъ, какъ великое зрѣлище абсолютнаго единства въ безконечномъ разнообразіи». «Богъ создалъ человѣка и далъ ему умъ и чувство, да постигаетъ сію идею умомъ и знаніемъ, да приобщается къ ея жизни въ живомъ и горячемъ сочувствіи, да раздѣляетъ ея жизнь въ чувствѣ безконечной жаждающей любви!» Въ это время созерцательность такого взгляда не вполнѣ еще овладѣла Бѣлинскимъ. Онъ заявляетъ, что «жизнь есть дѣйствованіе, и дѣйствованіе есть борьба», что «безъ борьбы нѣтъ заслуги, безъ заслуги нѣтъ награды, а безъ дѣйствованія жизни». Предъ человѣкомъ лежатъ двѣ дороги, люблю изъ которыхъ онъ можетъ выбрать, спокойный и торный путь эгоизма и тернистый путь любви, который и приведетъ человѣка къ блаженству постиженія идеи. Тѣ же пути и предъ писателемъ. «Сочувствуй природѣ, люби и изучай ее, твори безкорыстно, трудись безвозмездно, отвержай души ближнихъ для впечатлѣній благого и истиннаго, избличай порокъ и невѣжество, терпи гоненія злыхъ, ѣшь хлѣбъ, смоченный слезами, и не своди задумчиваго взора съ прекраснаго родного тебѣ неба. Трудно? тяжело?.. Ну, такъ торгуй твоимъ божественнымъ даромъ, положи цѣну на каждое вѣщее слово, которое ниспосылаетъ тебѣ Богъ въ святыя минуты вдохновенія; покупщики найдутся, будутъ платить тебѣ щедро, а ты лишь умѣй кадить кадиломъ лести, умѣй склонять во прахъ твое вѣнчанное чело, забудь о славѣ, о безсмертіи, о потомствѣ, довольствуйся тѣмъ, если услужливая рука торговца-журналиста провозгласитъ «тебѣ, что ты великій поэтъ, гений, Байронъ, Гёте».

Эти пламенные строки являются отголоскомъ и тѣхъ горячихъ тирадъ, которыми полна была неудачная трагедія Бѣлинскаго. При всемъ благородствѣ выраженныхъ здѣсь стремленій, ясна нѣкоторая отвлеченность и односторонность исключительно моральной точки зрѣнія, на которой стоялъ еще въ эту пору критикъ. Любимый его писатель—Шиллеръ, «Разбойникамъ» котораго онъ и подражалъ въ своей трагедіи. Въ Пушкинѣ онъ, подобно

Полевому, съ особенною любовью остановился на первой половинѣ его дѣятельности, привлекаемый романтическими порывами поэта.

Подъ влияніемъ болѣе усерднаго изученія философіи Гегеля, Бѣлинскій на время усваиваетъ своеобразное мировоззрѣніе, въ которомъ главною чертою стало созерцаніе, весьма мало соответствовавшее дѣятельной натурѣ Бѣлинскаго.

Философія Гегеля справедливо указывала на всеобщую связь, причинность и зависимость явленій, но изображала ихъ детерминизмъ въ видѣ безусловно неизмѣннаго процесса развитія по законамъ діалектики (логики), по схемѣ тезиса, антитезиса и синтезиса. Разумной личности остается только созерцать этотъ процессъ развитія, въ которомъ «все благо, все добро», потому что предначертано закономъ развитія, потому что «дѣйствительность—разумна, и надо только постичь эту разумность, скрытую въ смутномъ ходѣ явленій. Поэзія, если она только дѣйствительна, раскрываетъ эту разумность дѣйствительности, приобщаетъ насъ къ созерцанію вѣчно развивающейся идеи. Согласно этому, поэзія должна быть безусловно объективна, полна разумнаго созерцанія, а не прекраснодушныхъ порывовъ и поверхностныхъ сужденій о добрѣ и злѣ. Съ этой точки зрѣнія, для Бѣлинскаго высшимъ образцомъ художника является уже не Шиллеръ, а «олимпіецъ» Гете. Въ Пушкинѣ онъ переноситъ свою симпатію на болѣе объективныя его произведенія, чѣмъ написанныя въ началѣ дѣятельности поэта. Теперь Бѣлинскій значительно охладѣваетъ къ «Горю отъ ума» и осуждаетъ Чацкаго, какъ поверхностнаго фразера съ неразумными порывами прекраснодушнаго, но дѣтскаго негодованія на явленія дѣйствительности. За то онъ превозноситъ теперь Гоголя, какъ высоко объективнаго художника, уразумѣвшаго пустоту и ничтожество той призрачной дѣйствительности, въ которой вращаются его ничтожные герои, не могущіе подняться до разумной идеи и дѣйствительности.

Въ концѣ концовъ взгляды Бѣлинскаго за этотъ періодъ представлялись довольно спутанными, — главнымъ образомъ, относительно вопроса: что же слѣдуетъ считать за разумную дѣйствительность и что въ жизни вообще и русскаго народа и общества въ частности представляетъ собою дѣйствительность лишь призрачную. Высоко ставя Гоголя, Бѣлинскій точно не замѣчалъ, что гоголевскіе типы и картины не только не призрачны, но стоятъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ многихъ темныхъ сторонъ тогдашняго общественнаго быта, и въ особенности отъ крѣпостнаго права. Весь общественный бытъ, жизнь народа въ его цѣломъ представлялась ему непосредственнымъ выраженіемъ разумной дѣйствительности, противъ котораго смѣшно и говорить что бы то ни было во имя личныхъ мнѣній и желаній: это—прекраснодушіе, не имѣющее права на существованіе. Мало по малу, однако, Бѣлинскій самъ сталъ возставать противъ такого приниженія правъ и нравственныхъ запросовъ личности,

для которой отводилось только второстепенное мѣсто созерцателя всеобщей гармоніи и разумной дѣйствительности. Бѣлинскій отрѣшается отъ крайняго оптимизма по отношенію къ тогдашней русской жизни, который сказался наиболѣе въ двухъ его статьяхъ о «Бородинской годовщинѣ». Объ этихъ статьяхъ онъ и вспомнить позднѣе не можетъ безъ негодованія на самого себя и на того, кто неосторожно напоминалъ ему о нихъ. Судьба личности становится для Бѣлинскаго, по выраженію его въ письмѣ къ другу (отъ 1 марта 1841 г.), «важнѣе судебъ всего міра». «Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ на счетъ каждаго изъ моихъ братій по крови... Говорятъ, что дисгармонія есть условіе гармоніи: можетъ быть, это очень выгодно и усладительно для меломановъ, но ужъ, конечно, не для тѣхъ, которымъ суждено выразить свою участію идею дисгармоніи».

Такіе взгляды Бѣлинскаго, уже чуждые готовности всюду видѣть одну только гармонію и разумность, предъ которыми надо только умиляться, и которыя надо только благоговѣнно созерцать, сложились окончательно въ началѣ сороковыхъ годовъ, и съ этого же времени начинается наибольшее вліяніе Бѣлинскаго на читателей.

Горячее нравственное одушевленіе, которымъ полны были «Литературныя мечтанія», онъ сохранилъ до конца. Кое что весьма существенное было имъ вынесено и изъ втораго оптимистическаго періода развитія его взглядовъ. Ограничивъ крайности мысли, что предъ историческою жизнью народа въ его цѣломъ можно только благоговѣнно преклоняться, какъ предъ выраженіемъ высшей правды на землѣ, Бѣлинскій глубже прежняго понял и оцѣнилъ значеніе историческихъ условій общественной и народной жизни. Согласно раннимъ представленіямъ Бѣлинскаго, личность можетъ выбирать путь любви или эгоизма, но ни тотъ, ни другой путь не представлялся критикой въ ясной зависимости отъ историческихъ условій даннаго времени и мѣста. Теперь предъ Бѣлинскимъ постоянно въ виду не отвлеченное представленіе о личности, а живой конкретный человѣкъ, стоящій въ тѣхъ или иныхъ общественныхъ исторически развившихся условіяхъ. Точно также и писатель вообще, по окончательно сложившемуся мнѣнію Бѣлинскаго, долженъ быть не чуждъ всего человѣческаго, имѣть сердце, открытое каждому движенію другого человѣческаго сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ стоять на всей высотѣ умственнаго развитія своего времени, правильно чувствовать, оцѣнивать и понимать исторически назрѣвшія потребности и нужды своего народа, потому что иначе произведенія его будутъ внѣ народныхъ или какихъ бы то ни было серьезныхъ реальныхъ потребностей. Бѣлинскій возвращается къ прежнему положенію «жизнь есть дѣйствованіе, а дѣйствованіе—борьба», но дѣйствованіе и борьба должны быть направляемы уже не противъ неопредѣленнаго «эгоизма», а противъ реальныхъ и устранимыхъ недостатковъ въ воззрѣніяхъ людей и учрежденіяхъ, соотвѣтственно назрѣвшимъ народнымъ нуждамъ.

По мѣрѣ расширенія взглядовъ Бѣлинскаго на значеніе личности и исторически данныхъ условій жизни, понятіе о «народности», вызывавшее въ тѣ годы много пререканій и споровъ, углублялось и занимало въ воззрѣніяхъ критика опредѣленное мѣсто.

Понятія «народнаго» и общечеловѣческаго казались на поверхности взгляды противорѣчащими. Подъ именемъ «народности» многіе защищали и превозносили всѣ тѣ черты народно-общественной русской жизни, которыя ее отличали отъ Западной Европы; за послѣдней же не признавали уже и права на существованіе, и проф. Шевыревъ въ 1841 году печатно заявилъ, что Западъ гниетъ заживо. Даже крѣпостное право, подъ видомъ патріархальныхъ отношеній помѣщика къ крестьянамъ, какъ отца къ дѣтямъ, идеализировалось и рисовалось неотъемлемою чертою народности. Министръ Народ. Пров. Уваровъ, какъ извѣстно, признавалъ это право такою же законною и неизбѣжною особенностью Россіи, какъ и самодержавіе. Наивное самохвальство всѣмъ русскимъ только потому, что оно русское, безъ различія—хорошо ли оно или дурно—тогда же получило отъ князя Вяземскаго ѣдкое прозвище «кваснаго патріотизма». Во имя его произведеніе признавалось «народнымъ», если только въ немъ фигурировали простонародный говоръ, широта русской природы, чисто внѣшніе аксессуары народнаго быта да громкія фразы о любви къ родинѣ. Бѣлинскому много пришлось бороться съ литературными грубыми поддѣлками подъ народность, вѣрнѣе протонародность, которыя сочинялись по большей части людьми, вовсе не интересовавшимися народною жизнью и наблюдавшими ее развѣ только съ внѣшней стороны. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать за нимъ немаловажной заслуги: преслѣдуя лживыя поддѣлки подъ народность, онъ подготовилъ русскихъ читателей къ воспріятію болѣе правдиваго освѣщенія русской народнои жизни, которое дали вскорѣ Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ и др.

Помимо борьбы съ официальной «народностью» и «кваснымъ патріотизмомъ», Бѣлинскій не мало полемизировалъ и со славянофильскимъ пониманіемъ «народности». Славянофилы К. Аксаковъ, братья И. и П. Кирѣевскіе, А. Хомяковъ видѣли черты истинной народности въ прошломъ и идеализировали его, какъ святыню, поруганную Петромъ Великимъ, и нерѣдко сходились въ своемъ рѣзкомъ отрицаніи всего западно-европейскаго, какъ непригоднаго для русской жизни, съ болѣе грубыми защитниками народности во что бы то ни стало. Бѣлинскій былъ убѣжденнымъ «западникомъ», какъ тогда выражались. Въ дѣйствительности онъ, конечно, былъ чуждъ преклоненія предо всѣмъ заграничнымъ только потому, что оно не русское; но свое русское, народное, національное не могло заслонить для него общечеловѣческаго, сокровищъ умственнаго превосходства и просвѣщенія, накопленныхъ Западомъ. «Какъ вы,—писалъ Бѣлинскій однажды Кавелину,—люблю русскаго человѣка и вѣрю великой бу-

душности Россіи; но, какъ и вы, я ничего не строю на основаніи этой любви и этой вѣры, не употребляю ихъ, какъ неопровержимыя доказательства. По мысли Бѣлинскаго національное и общечеловѣческое сами по себѣ вовсе не противорѣчатъ другъ другу и одно безъ другого даже немислимо. Что отдѣльная личность по отношенію къ идеѣ человѣка, то же и народность по отношенію къ идеѣ человѣчества. Какъ Иванъ, Петръ, Сидоръ, оставаясь людьми, въ то же время обладаютъ каждый ему одному свойственными особенностями и чертами, безъ которыхъ не были бы живыми личностями, такъ и отдѣльные народы, принадлежа къ общей семьѣ человѣчества, обладаютъ каждый ему одному свойственнымъ самостоятельнымъ обликомъ, если только это народъ живой, играющій роль въ человѣчествѣ.

Точно также и поэзія, и литература какого либо народа народны, обладаютъ естественно оригинальными и самобытными чертами, если это дѣйствительно литература, отраженіе всей жизни народа въ сознаніи его лучшей и образованнѣйшей части, а не подражаніе, не сколокъ съ литературы чужого или чужихъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія и Бѣлинскій требовалъ «народности» въ литературѣ. Онъ требовалъ самостоятельности ея и боролся съ готовыми формальными литературными теоріями, въ родѣ классицизма, романтизма и официальной народности, кто бы эти теоріи ни навязывалъ писателямъ. Онъ указывалъ, что литература тогда только станетъ на ноги, когда отрѣшится отъ всѣхъ устарѣлыхъ традицій и отдастся вольному и внимательному наблюденію и изученію всей безконечно обширной жизни русскаго народа и общества. Въ этой борьбѣ, за самобытность русской литературы, не исключаящую и общечеловѣческаго, по съ нимъ сливающуюся, Бѣлинскій умѣлъ быть краснорѣчивъ и неистощимъ, и конечно, его страстная любовь именно къ *русской* литературѣ, горячее желаніе видѣть *всю русскую* жизнь изображенною въ художественныхъ произведеніяхъ, глубокое сознаніе, что для этого необходимъ еще небывалый подъемъ духовной дѣятельности общества и неустанная работа для распространенія такого сознанія и для этого подъема,—все это даетъ Бѣлинскому больше правъ на званіе «патріота», чѣмъ имѣли ихъ десятки его литературныхъ противниковъ, упрекавшихъ его въ «западничествѣ», въ отступничествѣ отъ всего русскаго. Да и по отношенію къ Пушкину и Гоголю важно не только то, что Бѣлинскій призналъ ихъ гевіями, когда этого и не подозрѣвали современники, но и то, что онъ призналъ ихъ поэтами *національными*. И лично онъ не только страстно привязанъ былъ къ ихъ произведеніямъ, но готовъ былъ гордиться ими, какъ національными поэтами.

Въ связи съ этою мыслью о томъ, что литература должна быть оригинальна, свободна и самостоятельна, стояло и то отрицаніе самаго существованія у насъ литературы, съ котораго Бѣлинскій началъ свою дѣятельность. Но послѣднія произведенія

Пушкина, вся дѣятельность Гоголя и Лермонтова проходили на глазахъ Бѣлинскаго. Очень скоро онъ къ полному отрицанію у насъ литературы добавляетъ многозначительныя оговорки (впрочемъ, и самое то отрицаніе довольно условно: въ устахъ Бѣлинскаго оно значило только то, что полнаго удовлетворенія идеалу литературы словесность наша не давала).

Заканчивая обзоръ русскоѣ литературы за 1840 годъ, Бѣлинскій написалъ уже, глядя въ будущее съ такою же увѣренностью, какъ и въ 1835 году, слѣдующія строки:

«Прошедшее нашей литературы не блестяще, настоящее тускло, но за будущее намъ нисколько не должно отчаяваться. У насъ нѣтъ литературы въ точномъ и опредѣленномъ значеніи этого слова, но у насъ есть уже начало литературы и, соображаясь со средствами, особенно же со временемъ, нельзя не дивиться, какъ уже много сдѣлано. Какихъ нибудь сто лѣтъ едва прошло съ того времени, какъ мы не знали еще грамоты,—и вотъ мы уже по справедливости гордимся могущественными проявленіями необъятной силы народнаго духа въ отдѣльныхъ лицахъ, каковы: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и другіе. Нападая на нашу литературу, мы хотѣли только противоборствовать смѣшному самообольщенію, которое въ немногомъ видитъ безконечно многое, и добродушно вѣрить, что русская литература превосходитъ и англійскую, и нѣмецкую, и французскую; мы хотѣли показать дѣло въ настоящемъ положеніи, не скрывая ни хорошихъ, ни дурныхъ его сторонъ, хотѣли рассмотреть безпристрастно вопросъ о существованіи русской литературы, не утаивая ни того, что можно сказать противъ него, ни того, что можно сказать за него. Повторяемъ: у насъ нѣтъ еще литературы, какъ выраженія духа и жизни народной, но она уже начинается, а это въ такой короткій періодъ времени—успѣхъ и успѣхъ великій, который не долженъ обольщать насъ въ настоящемъ, но который долженъ казаться залогомъ великихъ надеждъ въ будущемъ. Если сила и мощь отдѣльно дѣйствующихъ лицъ въ нашей литературѣ поражаютъ васъ невольнымъ удивленіемъ, то чѣмъ же должна быть наша литература, когда она сдѣлается выраженіемъ національнаго духа и національной жизни?.. И мы уже видимъ начало этого желаннаго времени... Да будетъ!»

Въ первой изъ своихъ большихъ статей о Пушкинѣ, въ 1843 году, когда уже появились «Мертвыя Души», Бѣлинскій болѣе не отрицаетъ существованія литературы, и говоритъ только: «Писать о Пушкинѣ значитъ писать о цѣлой русской литературѣ, ибо, какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истинна, столько и утѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно у нея есть исторія».

Въ 1847 году БѢлинскій началъ рядъ статей въ «Современникѣ» и въ первой изъ нихъ говорилъ уже вотъ что:

«Было время, когда вопросъ—есть ли у насъ литература?—не казался парадоксомъ и многими разрѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. И такое рѣшеніе естественно и неизбѣжно, если русскую литературу судить на основаніяхъ, по которымъ должно судить исторію европейскихъ литературъ. Но одинъ изъ величайшихъ умственныхъ успѣховъ нашего времени въ томъ и состоялъ, что мы, наконецъ, поняли, что у Россіи была своя исторія... То же и въ отношеніи къ исторіи русской литературы». Исторія ея и заключается въ непрестанномъ стремленіи освободиться отъ искусственныхъ традицій, принятыхъ извнѣ, сблизиться съ жизнью, дѣйствительностью, слѣдовательно сдѣлаться самобытною, національною, русскою. Въ сочиненіяхъ Пушкина, Крылова, Грибоедова, Лермонтова и особенно Гоголя сдѣланы были послѣдніе крупныя шаги къ такой литературѣ, такъ что и вопроса, существуетъ ли она, уже нельзя подымать: она вся предъ глазами. Литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдванію, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, чѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрее и плодотворѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже нашла, нащупала, такъ сказать, прямую дорогу къ ней,— а это великій успѣхъ съ ея стороны».

«Какъ ни молода наша литература,—писалъ БѢлинскій подобнымъ же образомъ въ концѣ 1847 г. одному изъ друзей,—а ужъ сколько фактовъ успѣла она намъ дать для нашего возмужанія! Я помню, что такое были эти люди: Языковъ, Марлинскій, Баратынскій, Подолинскій, Брамбеусъ, Бенедиктовъ. Толковали ужъ не о томъ, таланты ли они, а не гении ли? И гдѣ же они теперь, гдѣ ихъ слава, кто говоритъ о нихъ, кто помнитъ? Не обратились ли они въ какія то темныя преданія? А между тѣмъ всѣ они дѣйствительно были люди не только не бездарныя, но и съ талантами».

БѢлинскому русскіе читатели болѣе всего и были обязаны тѣмъ, что онъ останавливалъ ихъ вниманіе на произведеніяхъ дѣйствительныхъ гениевъ и безпощадно преслѣдовалъ самодовольныя ничтожества мелкихъ талантовъ. Послѣ Гоголя и БѢлинскаго литература всецѣло пошла по руслу, ими указанному. Критикъ тутъ дополнялъ художника, и въ этомъ отношеніи БѢлинскому мѣтко дано названіе критика гоголевскаго періода русской литературы.

Послѣдняя большая статья БѢлинскаго, обзоръ русской литературы за 1847 г., была посвящена снова Гоголю и начатой имъ «натуральной школѣ» литературы. И БѢлинскій снова привѣтствовалъ здѣсь нѣсколько молодыхъ талантовъ, пріобрѣвшихъ по-

томъ всесвѣтную знаменитость: Гончарова, Достоевскаго, Тургенева.

Въ это время вліяніе Бѣлинскаго уже выходило далеко за предѣлы чисто-литературнаго воздѣйствія. Съ ростомъ и возмужаніемъ литературы, которымъ онъ такъ много содѣйствовалъ, она все болѣе становилась общественно-воспитательною двигательною силою, прежде всего тѣмъ, что создавался въ обществѣ безкорыстный интересъ къ книгѣ, къ новому міру идей, и это отрывало многихъ отъ той жизни «мертвыхъ душъ», которую изображалъ такъ сильно Гоголь. Литература при этомъ играла благородную роль истинно-просвѣтительной силы. Прежде всего она сталкивалась съ темною силою крѣпостнаго права. Въ теченіе всего царствованія императора Николая I правительство постоянно было занято вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, который и обсуждался въ рядѣ комиссій, спеціально для того учреждаемыхъ. Но общество далеко было еще не подготовлено къ реформѣ, которой настоятельно требовали историческія условія, не было и тѣхъ работниковъ, на которыхъ можно было бы опереться для приведенія реформы въ исполненіе. Литературѣ сороковыхъ годовъ, и въ особенности критикѣ Бѣлинскаго, и принадлежала важная роль—просвѣтить сознаніе общества, воспитать гуманныхъ и просвѣщенныхъ людей, стоящихъ на высотѣ задачи, которую предстояло вскорѣ разрѣшить. И хотя печатно Бѣлинскому не пришлось высказаться о крѣпостномъ правѣ, но мысль о необходимости освобожденія всюду сквозила въ его страстной и горячей рѣчи, не прерывавшейся, пока онъ могъ держать въ рукахъ перо. Наиболѣе полно Бѣлинскій изложилъ свой душевный взглядъ на дѣло въ письмѣ къ Гоголю по поводу книги послѣдняго «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Это письмо тогда же разошлось во множествѣ списковъ по всей Россіи и всюду произвело огромное впечатлѣніе выраженнымъ въ немъ страстнымъ негодованіемъ на всѣ темныя стороны тогдашняго русскаго быта *). Современники справедливо называли это страстное посланіе «завѣщаніемъ» Бѣлинскаго.

Но въ это время дни Бѣлинскаго были уже сочтены, и приходила къ концу его плодотворная дѣятельность. Въ массѣ написаннаго имъ можно найти кое какія ошибки и промахи, легко, впрочемъ, объясняемые условіями времени и состояніемъ тогдашней науки. Напр., бросается въ глаза то, что народную поэзію Бѣлинскій ставилъ неизмѣримо ниже художественной. Съ этой точки зрѣнія онъ не оцѣнилъ, напр., поэзіи Шевченка, корни которой всецѣло въ народной безыскусственной пѣснѣ, не оцѣнилъ тѣмъ болѣе, что и областную малороссійскую литературу не считалъ жизнеспособною. Безусловно отрицательно Бѣлинскій относился и ко всему допетровскому времени съ его литературою,

*) Наиболѣе полный печатный текстъ письма читатель найдетъ въ VIII т. сочиненія г. Барсукова: «Жизнь и труды Погодина».

признавая, что только петровская реформа вызвала Россію изъ небытія къ бытію. «Для меня Петръ—говорилъ БѢлинскій,—моя философія, моя религія, мое откровеніе во всемъ, что касается Россіи. Это примѣръ, для великихъ и малыхъ, которые хотятъ что нибудь дѣлать, быть чѣмъ нибудь полезными». Однако, позднѣйшія изслѣдованія допетровской эпохи показали, что реформы Петра I были во многихъ отношеніяхъ уже подготовлены и что во многомъ правы были славянофилы въ критикѣ реформы, тяжело легшей особенно на низшіе слои населенія. Ясна теперь и такая ошибка БѢлинскаго, сдѣланная въ пылу полемики со славянофилами, какъ безусловное отрицаніе за южными славянами способности къ политической жизни, даже до предпочтенія имъ въ этомъ отношеніи турокъ, все таки составляющихъ де нѣкоторый государственный организмъ. Еще очевиднѣе ошибки БѢлинскаго во многихъ сужденіяхъ объ иностранной литературѣ. Но все это, конечно, ни мало не можетъ умалить общихъ заслугъ БѢлинскаго, какъ литературнаго критика и воспитателя русскаго общественнаго мнѣнія.

Борьба со взглядомъ, установившимся въ тридцатыхъ годахъ ко вреду литературы, будто она уже достигла не малаго величія; борьба со множествомъ устарѣлыхъ литературныхъ традицій и предразсудковъ, мѣшавшихъ движенію литературы впередъ; развѣнчаніе множества мнимыхъ литературныхъ величинъ и правильная оцѣнка цѣлаго ряда дѣйствительно великихъ писателей отъ Ломоносова до Гоголя; установленный БѢлинскимъ историческій взглядъ на развитіе литературы и общества, будущее которыхъ еще впереди; изумительный даръ угадыванія крупныхъ талантовъ въ начинающихъ писателяхъ (Кольцовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ и друг.); пробужденіе въ массѣ читателей живого интереса и сочувствія къ литературѣ и всѣмъ лучшимъ человѣческимъ стремленіямъ при первоначальномъ равнодушіи большинства общества къ умственной жизни; постоянная защита науки и просвѣщенія отъ нападковъ со стороны обскурантовъ, бездарныхъ, но сильныхъ слабостью умственныхъ интересовъ въ обществѣ; борьба съ теоріями о такой самобытности русскаго народа, которая исключаетъ для него возможность полезнаго общенія съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ; болѣе правильная оцѣнка значенія «народности» въ жизни и литературѣ; пробужденіе въ обществѣ сочувствія къ народу, страдавшему отъ крѣпостного права, правильное и широкое пониманіе задачъ воспитанія вообще и воспитанія женщинъ въ частности; освѣщеніе истинныхъ задачъ театра, и многое другое—вотъ тѣ великія заслуги БѢлинскаго, которыя дѣлаютъ его имя бессмертнымъ въ исторіи нашей литературы.

Разнообразіе сторонъ, на которыя направлялось вліяніе БѢлинскаго, вполне оправдываетъ сравненіе его дѣятельности съ дѣятельностью энциклопедистовъ прошлаго вѣка, будившихъ умы въ каждой области, на которую обращалось ихъ вниманіе. Но для рус-

скихъ Бѣлинскій, какъ публицистъ, явленіе быть можетъ гораздо болѣе многозначительное, чѣмъ энциклопедисты для французовъ, уже потому, что не изжито и не скоро будетъ еще у насъ изжито главное общественно-просвѣтительное содержаніе страстныхъ импровизацій Бѣлинскаго въ формѣ критическихъ статей. Что оно, дѣйствительно, не изжито, это такъ очевидно, что достаточно, напр., напомнить цитированныя уже слова Бѣлинскаго о будущемъ нашей литературы: «ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, доступныхъ ея завѣдыванію, нежели отъ нея самой». Эти простые слова Бѣлинскаго понятны способны болѣзненно отдаваться въ душѣ каждаго искренне любящаго свое дѣло писателя, какъ и въ сердцѣ читателя, напрасно ищущаго въ литературѣ отвѣтовъ на то, что въ жизни болѣе всего томить его и смущаетъ.

IV.

Бѣлинскій скончался 26 мая 1848 года, въ 6 часовъ утра, 37 лѣтъ отъ роду. Извѣстная картина Наумова (снимокъ съ которой приложенъ къ 4-хъ-томному изданію сочиненій Бѣлинскаго, сдѣланному г. Павленковымъ) не совсѣмъ вѣрно изображаетъ обстоятельства смерти критика: ни Некрасова, ни Панаева тутъ не было. Предъ самою смертью Бѣлинскій въ бреду говорилъ часа два не переставая, обращался къ постороннимъ, нарушившимъ покой его предсмертныхъ часовъ, какъ къ «русскому народу»; приходилъ въ отчаяніе, что его не понимаютъ, просилъ жену все хорошенько запомнить и передать его слова, но изъ рѣчей его почти ничего нельзя было уже разобрать, кромѣ того, что послѣднее его думкою была мысль о родинѣ и русскомъ народѣ.

«Благо Бѣлинскому, умершему во время»,—не разъ повторялъ Грановскій въ темныя годы, послѣдовавшіе за смертью Бѣлинскаго. Кара, постигшая Достоевскаго, въ связи съ чтеніемъ въ дружескомъ кружкѣ письма покойнаго критика къ Гоголю,—достаточно подтверждаетъ справедливость такого отзыва Грановскаго.

Тѣло Бѣлинскаго погребено въ Петербургѣ на Волковомъ кладбищѣ. На могилѣ поставленъ скромный памятникъ. Болѣе драгоценнымъ и живымъ памятникомъ, конечно, являются его сочиненія и обширная къ счастью въ значительной своей части сохранившаяся его переписка съ друзьями, богатѣйшій матеріалъ какъ вообще для исторіи нашего литературнаго и умственнаго развитія, такъ и для характеристики этой исключительной личности.

Въ нихъ развертывается предъ нами поучительная и захватывающая картина развитія стремленій, борьба съ самимъ собою и съ вышними враждебными обстоятельствами богато одаренной умомъ и сердцемъ натуры, которой ничто не могло сломить нравственно. Съ этой нравственной стороны Бѣлинскій безспорно стоитъ такъ же высоко, какъ и въ качествѣ литературнаго дѣятеля.

Собственно говоря сочиненія Бѣлинскаго потому такъ и захва-

тывали въ свое время читателей, что въ каждой написанной имъ строчкѣ чувствовалось горячее убѣжденіе автора, та глубокая искренность, для которой нѣтъ разницы между словомъ и дѣломъ. Сохранилось не мало свидѣтельствъ о впечатлѣніи, какое производили и по смерти критика его статьи, разсѣянные по старымъ, но тщательно сохраняемымъ книжкамъ журналовъ. Когда въ 1859 году появилось впервые собраніе сочиненій Бѣлинскаго, въ статьѣ Добролюбова, привѣтствовавшей это знаменательное событіе, говорилось: «Во всѣхъ концахъ Россіи есть люди, исполненные энтузіазма къ этому гениальному человѣку, и, конечно, это лучшіе люди Россіи... Сколько счастливыхъ, чистыхъ минутъ снова напомнятъ намъ его статьи,—тѣхъ минутъ, когда мы полны были юношескихъ беззабѣтныхъ порывовъ, когда энергическія слова Бѣлинскаго открывали намъ совершенно новый міръ знанія, размышленія и дѣятельности! Читая его, мы забывали мелочность и пошлость всего окружающаго, мы мечтали объ иныхъ людяхъ, объ иной дѣятельности, и искренно надѣялись встрѣтить когда нибудь такихъ людей, и восторженно обѣщали посвятить себя самихъ такой дѣятельности... Жизнь обманула насъ, какъ обманула и его; но для насъ до сихъ поръ дороги тѣ дни святого восторга, тотъ вдохновенный трепеть, тѣ чистыя безпорочныя увлеченія и мечты, которымъ, можетъ быть, никогда не суждено осуществиться, но съ которыми разстаться до сихъ поръ трудно и больно»...

Эти строки писаны человѣкомъ, лично на себѣ извѣдавшимъ вліяніе статей Бѣлинскаго. Еще драгоцѣннѣе другое заявленіе о благотворномъ воспитательномъ воздѣйствіи Бѣлинскаго на читателей, заявленіе со стороны человѣка, который не только не увлекался Бѣлинскимъ, но по взглядамъ своимъ во многомъ рѣзко расходился съ нимъ. Это—славянофилъ И. С. Аксаковъ. Какъ видно изъ семейной переписки Аксакова, онъ и лично къ Бѣлинскому относится сухо и холодно, хотя критикъ, весьма цѣнившій въ Аксаковѣ нѣкоторый поэтический талантъ, не только не давалъ къ этому повода, но прямо выказывалъ свое расположеніе къ Аксакову. Въ молодые годы Аксаковъ долго служилъ въ провинціи по судебному и другимъ вѣдомствамъ. Міръ городничихъ, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ и прочихъ гоголевскихъ типовъ изученъ былъ имъ въ натурѣ, и нерѣдко приходилъ онъ въ глубокое уныніе отъ пустоты и неизменности провинціальной жизни, отъ того, что рѣдко можно было натолкнуться на образованнаго и порядочнаго человѣка. Вотъ что писалъ Аксаковъ въ 1856 г. въ одну изъ такихъ минутъ, являя примѣръ истиннаго и благороднаго безпристрастія.

«Много я ѣздилъ по Россіи: *имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни.* Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣз-

кое отрицание нравится молодости, всякое негодование, всякое требование простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. «*Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*»,—говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипации и всякаго простора, съ идеями гуманными.. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя,—*ищите таковыхъ въ провинціи между постъдвателями Бѣлинскаго*.

И безспорно, Бѣлинскій заслужилъ своею печальною судьбою и поднятымъ имъ трудомъ то горячее чувство благодарности, поклонения ему, какъ учителю жизни, съ которымъ люди, по словамъ Аксакова, говорили: «*Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*». Тепло говорилъ объ этомъ писатель, хотя и расхолодившійся съ Бѣлинскимъ, подобно Аксакову во многомъ, но высоко его ставившій какъ гениальнаго критика и человѣка съ безупречнымъ нравственнымъ характеромъ, Аполлонъ Григорьевъ: «*Горячаго сочувствія при жизни и по смерти стоилъ тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззаветно сочувствовать. Безстрашный боецъ за правду—онъ не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненія взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей только тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется даже, онъ созданъ былъ такъ, что натура его не могла устоять противъ правды, какъ правда ни противорѣчила его взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала. Смѣло и честно звалъ онъ первый гениальнымъ то, что онъ таковымъ созналъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Такъ же смѣло и честно разоблачалъ онъ часто наперекоръ общему мнѣнію, все, что казалось ему ложнымъ или напыщеннымъ,—заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ *никогда* не ошибался. У него былъ ключъ къ словамъ его эпохи, и въ груди его жила могущественная и вулканическая сила. Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ... Вполнѣ дитя своего вѣка онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его... Если бы Бѣлинскій прожилъ до настоящаго времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы возвышенное свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни».*

Много можно было бы привести и еще болѣе или менѣе вы-

пуклыхъ характеристикъ личности БѢлинскаго и его дѣятельности, характеристикъ, съ любовью сдѣланныхъ замѣчательнѣйшими литературными дѣятелями позднѣйшей эпохи. Но смыслъ этихъ цитатъ былъ бы одинъ, выраженный между прочимъ въ слѣдующихъ словахъ Добролюбова:

«Многое, чѣмъ читатели восхищались у другихъ, принадлежить ему, вышло отъ него—многія изъ истинъ, на которыя теперь опираются наши разсужденія, утверждены имъ, въ ожесточенной борьбѣ съ невѣжествомъ, ложью, и злонамѣренностью своихъ противниковъ, при сонной апатіи равнодушнаго общества... Да, въ БѢлинскомъ наши лучшіе идеалы, въ БѢлинскомъ же исторія нашего общественнаго развитія, въ немъ же и тяжкій, горькій неизгладимый упрекъ нашему обществу»...

«Что бы ни случилось съ русскою литературой, какъ бы пышно она ни развилась, БѢлинскій всегда будетъ ея гордостью, ея славою, ея украшеніемъ».

Поколѣніе, лучшіе представители котораго съ безконечнымъ чувствомъ благодарности говорили: «мы БѢлинскому обязаны своимъ спасеніемъ», одно изъ лучшихъ выраженій своего чувства нашло въ извѣстныхъ стихахъ Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель, передъ именемъ Твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни...

Если нашъ очеркъ хоть отчасти оживилъ въ читателяхъ это же настроеніе, или же по крайней мѣрѣ сдѣлалъ его понятнымъ, то наша задача исполнена.

Р. С. Полное пониманіе значенія БѢлинскаго для русской литературы и вообще для умственнаго развитія русскаго общества можетъ быть достигнуто лишь при обстоятельномъ знакомствѣ читателя съ деталями жизни, дѣятельности и взглядовъ БѢлинскаго и съ его эпохою. Нашъ очеркъ не можетъ, конечно, претендовать на полноту и обстоятельность. Поэтому считаемъ полезнымъ указать важнѣйшіе источники и труды по изученію БѢлинскаго и его времени.

«БѢлинскій, его жизнь и переписка». *А. Н. Пыпина*. Два тома. Спб. 1876. Работа, до сихъ поръ наиболѣе полно представившая всѣ внѣшніе факты жизни БѢлинскаго, и давшая богатый матеріалъ для сужденій о взглядахъ БѢлинскаго и ихъ пслѣдовательномъ развитіи.

Переписка БѢлинскаго печаталась частями въ различнѣйшихъ изданіяхъ. По газетнымъ слухамъ, ко дню 50-лѣтней годовщины смерти БѢлинскаго выйдетъ отдѣльнымъ сборникомъ.

Воспоминанія о БѢлинскомъ даютъ много матеріала для его личной характеристики. Назовемъ воспоминанія *И. И. Панаева*, *Тургенева*, *Достоевскаго*, *Гончарова*, *Кавелина*, *П. Амтенькова* («Замѣчательное десятилѣтіе» въ III т. «Крит. статей и воспоминаній»), *Герцена* («Былое и думы» и «Дневникъ»). *Некрасовъ* посвятилъ

Бѣлинскому два замѣчательныхъ стихотворенія («Памяти пріятеля» и отрывокъ въ «Медвѣжьей Охотѣ»).

Болѣе или менѣе обстоятельную оцѣнку критической дѣятельности Бѣлинскаго или отдѣльныхъ сторонъ ея пытались дать многіе авторы въ длинномъ рядѣ книгъ и статей, изъ которыхъ назовемъ: Чернышевскаго: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы»; «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятихъ годовъ» *А. Н. Пипина*; статьи *А. Григорьева* въ I томѣ соч.; статьи г. *А. Скабичевскаго* въ I томѣ собранія сочиненій и въ журналѣ «Міръ Божій» за 1894 г., «Бѣлинскій, какъ педагогъ» *О. Миллера*, «В. Г. Бѣлинскій, его жизнь и литературная дѣятельность», *М. Протопопова* («Жизнь замѣчательныхъ людей», Ф. Павленкова); «Бѣлинскій о театрѣ» («Артистъ» 1893 г. февраль), и др. Приближеніе пятидесятилѣтней годовщины смерти Бѣлинскаго вызвало появленіе въ журналахъ ряда новыхъ статей, съ различныхъ и иногда даже противорѣчивыхъ точек зрѣнія освѣщающихъ дѣятельность критика.

Матеріалы, характеризующіе эпоху: *Барсуковъ*, «Жизнь и труды Погодина, т. V—IX» (въ VIII томѣ письмо Бѣл. къ Гоголю); «Характеристики» *Пипина*; «Записки и дневникъ цензора» *Никитенка*, т. I, «Т. Грановскій и его время»; «Очерки по исторіи русской цензуры» *А. Скабичевскаго* и друг.

Для читателей, которымъ новы эти библиографическія указанія, могутъ оказаться не лишними и кое-какія замѣчанія о чтеніи сочиненій Бѣлинскаго.

Современный и мало-подготовленный читатель (несомнѣнно, что въ дни пятидесятилѣтія смерти критика о немъ услышатъ и серьезно имъ заинтересуются и люди, не заглядывавшіе до сихъ поръ въ его сочиненія) легко можетъ растеряться въ массѣ написаннаго Бѣлинскимъ на литературныя злобы дня, интересныя теперь только для записнаго библіографа и специалиста исторіи литературы. Полное собраніе сочиненій Бѣлинскаго (даже 12-томное извѣстное изданіе Солдатенкова, впрочемъ, еще не полное) черезъ чуръ громадно для первоначальнаго знакомства съ Бѣлинскимъ. Приходится ограничиться наиболѣе существеннымъ, руководясь относительно противорѣчій Бѣлинскаго самому себѣ какою либо біографіею, выясняющею измѣненія въ его взглядахъ.

Центръ тяжести всего имъ написаннаго, конечно, въ статьяхъ чисто литературныхъ, которыя при первоначальномъ чтеніи Бѣлинскаго удобнѣе всего распредѣлить въ порядкѣ развитія литературныхъ явленій. Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни онъ приступилъ къ составленію «Критической исторіи русской литературы». Для XVIII и первой половины XIX в. весь необходимый для такой исторіи матеріалъ едва ли не на лицо въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, изложенный въ страстныхъ импровизаціяхъ, въ яркихъ и живыхъ характеристикахъ и очеркахъ.

На первомъ мѣстѣ, конечно, должна быть поставлена статья, которою Бѣлинскій блестяще началъ свою дѣятельность: «Литера-

турныя мечтанія», какъ первый общій обзоръ новой русской литературы до 30-хъ годовъ XIX в. Статья «Общее значеніе слова литература» (XII т.), составлявшая введеніе къ начатому Бѣлинскимъ курсу, написанная во время болѣе зрѣлыхъ взглядовъ критика, можетъ служить дѣйствительно «введеніемъ» къ дальнѣйшему изученію. Статьи о Пушкинѣ (VIII т.) представляютъ собою набросокъ связнаго курса исторіи литературы, къ которому дополненіями могутъ служить статьи и рецензіи о Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Державинѣ, Крыловѣ, Козловѣ. Къ этому же періоду литературы могутъ быть отнесены статьи о Языковѣ (обозрѣніе литературы за 1845 г.), Баратынскомъ и Полежаевѣ, а также разбросанныя тамъ и сямъ рецензіи о мнимыхъ величинахъ литературы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о Бенедиктовѣ, Марлинскомъ и Кукольникѣ, развѣчанныхъ Бѣлинскимъ въ пору ихъ шумной извѣстности.

На глазахъ Бѣлинскаго и подъ сильнѣйшимъ его вліяніемъ развивались новыя явленія русской литературы; это—такъ называемый гоголевскій періодъ, который съ такимъ же правомъ можетъ быть названъ періодомъ Бѣлинскаго. Забѣтки о задачахъ критики и обзоръ исторіи русской литературы (въ VI т. по поводу брошюры Никитенка: «Рѣчь о критикѣ») и статья о Полевомъ могутъ служить введеніемъ къ изученію гоголевскаго періода. Лермонтовъ, Кольцовъ, Грибоѣдовъ (статью о немъ въ III т. удобнѣе всего предпослать именно Гоголю, такъ какъ въ статьѣ рѣчь больше о «Ревизорѣ», чѣмъ о «Горѣ отъ ума»), Гоголь и натуральная школа—таковъ намъ, кажется, довольно естественный порядокъ, въ которомъ удобно читать Бѣлинскаго за этотъ періодъ (хронологически распредѣляя статьи о каждомъ авторѣ). Дополненіями могутъ служить статьи о литературѣ 1846 года (т. XII) и обзорнѣе за 1846 г., носящія характеръ общихъ обзоровъ. Вторая изъ нихъ важна, какъ наиболѣе полное выраженіе взглядовъ Бѣлинскаго на «народность», и къ ней примыкаетъ статья о «Тарантасѣ» Соллогуба. Здѣсь же съ пользою могутъ быть прочитаны статьи того же періода о сочиненіяхъ замѣчательнаго литературнаго и общественнаго дѣятеля князя В. Одоевскаго (дѣдушки Ириней) и объ его изданіи «Сельское Чтеніе», которое было родоначальникомъ развившейся въ послѣдніе годы народно-образовательной литературы. Заключеніемъ можетъ служить обзорнѣе русской литературы за 1847 г. и тѣ отдѣльныя статьи, гдѣ отмѣченъ рядъ новыхъ писателей, дѣятельность которыхъ развернулась во всю ширь уже значительно позднѣе: Гончаровъ, Достоевскій, Тургеневъ, Искандеръ, Майковъ и друг.

Статьи по вопросамъ воспитанія и о театрѣ могутъ дать матеріалъ для самостоятельнаго изученія.

Само собою разумѣется, что въ подобной нами намѣчаемой программѣ чтенія и изученія сочиненій Бѣлинскаго не можетъ быть ничего безусловнаго, но она, кажется намъ, даетъ нѣкоторую, хотя нѣсколько и внѣшнюю, руководящую нить, держась которой и не теряя въ то же время изъ виду внутренней связи критическаго

творчества Бѣлинскаго, уясняемой фактами его личной біографіи, можно легче оцѣнить и усвоить то, чѣмъ жилъ Бѣлинскій и что онъ завѣшалъ русской литературѣ и русскому обществу.

Ч. Вѣтринскій.

Исторія позитивной философіи *)).

Б. Джонъ Стюартъ Милль и возрожденіе англійской философіи въ XIX-мъ вѣкѣ.

Борьба между ходомъ мысли 18-го и 19 вѣка не была въ Англій такъ сильна, какъ во Франціи и Германіи. Ни революція, ни романтизмъ не были дѣломъ рукъ Англій, хотя революціонныя и романтическія идеи будили и оплодотворяли ея мысль во многихъ отношеніяхъ. Удивительная способность англійскаго народа производить коренные перевороты, не нарушая непрерывности своего развитія, проявилась также и въ области философіи. Дѣйствительно, за временемъ Юма и Адама Смита въ англійской философіи замѣчается отливъ. Въ области теоріи познанія Юмъ вывелъ изъ предшествующей опытной философіи такія радикальныя слѣдствія, что съ этой точки зрѣнія нечего было, пожалуй, пока что и дѣлать. Кромѣ того, практическія, политическія и религіозныя проблемы выступили на передній планъ. Даже и тѣхъ людей, которые при переходѣ къ новому столѣтію сосредоточили свое вниманіе на философскихъ вопросахъ, именно—Геремію Бентама и Джемса Милля, влекъ въ сущности практическій интересъ. Этику и психологію старой англійской школы они приспособляютъ и заставляютъ служить идеямъ реформы. И мы будемъ поражены, если обратимъ вниманіе на то, какъ различны способы, къ которымъ прибѣгаютъ въ Англійи и во Франціи для оплодотворенія почти одного и того же круга мыслей. У Бентама и Джемса Милля нѣтъ небеснаго огня, какъ у французскихъ философовъ просвѣщенія; но они отличаются тѣмъ, что умѣютъ концентрировать свои мысли на опредѣленныхъ цѣляхъ и примѣнять на практикѣ общіе принципы, что составляетъ полезную противоположность красноречію и декламациямъ революціонныхъ французовъ. Англичане неохотно пускаютъ свои заряды на воздухъ; они предпочитаютъ попасть въ свою цѣль, даже если отъ пушечнаго грома не будетъ особенно большого треска. Благодаря

*) См. № 3.

своему практическому смыслу и упорному отстаиванию принципов старой английской школы оба названные лица стоят в ряду выдающихся мыслителей, пересадивших все наиболее здоровое из 18-го вѣка въ новыя времена. Они воспитали молодое поколѣніе, бывшее въ состояніи воспринять мысли новаго времени, не пренебрегая результатами духовной работы предшествующаго времени. Личность Стюарта Милля, какъ мыслителя, занимаетъ центральное положеніе въ исторіи английской философіи, благодаря той полнотѣ и тому пониманію, съ которымъ онъ умѣлъ воспринимать и такъ перерабатывать мысли стараго и новаго времени, что вмѣстѣ съ нимъ наступаетъ полное возрожденіе английской философіи. Онъ вновь принимается за проблему Юма на болѣе широкомъ базисѣ, съ большей послѣдовательностью и въ то же время съ большей всесторонностью. Съ добросовѣстной энергіей держится онъ, пока только это возможно ему, точекъ зрѣнія прежней школы, не скрывая трудностей и не имѣя недостатка въ пониманіи значенія новыхъ опытовъ. Въ томъ, что касается какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ проблемъ, онъ выполнилъ работу измѣренія и расчета, имѣющую большое значеніе для духовнаго и соціальнаго развитія нашего столѣтія, и въ 40-хъ — 50-хъ годахъ онъ былъ безъ сомнѣнія величайшимъ философскимъ мыслителемъ вѣка. Но въ это время появилось ученіе о развитіи съ своими новыми точками зрѣнія.

Критическая философія и романтическое умозрѣніе проложили однако же себѣ дорогу и въ английскую духовную жизнь и дали ей сильныя толчки. Они дали возможность углубить и расширить ее, что едва ли могла бы сдѣлать старая английская школа, предоставленная самой себѣ. Направленіе, названное Шиллеромъ «философіей идеалистовъ» (Idealphilosophie), утверждало противъ эмпиризма, что существуютъ такія духовныя цѣнныя величины, объяснить которыя было не подѣ силу опытной философіи. Въ Англии это направленіе нашло себѣ представителей въ лицѣ Кольриджа и преимущественно Карлейля. Послѣдній превратилъ гуманизмъ Гёте и философію личности Фихте въ своеобразное историческое мирозерпаніе, оказавшее властное вліяніе на ходъ развитія многихъ и сильно содѣйствовавшее поддержанію зерна, лежащаго въ самой глубинѣ личной жизни, во время борьбы съ проблемами времени и среди рѣзкихъ противорѣчій вѣка. Былъ однако одинъ вопросъ, который Карлейль оставлялъ всегда въ сторонѣ, если только не разрубалъ узелъ вмѣсто отвѣта. Вопросъ этотъ состоялъ въ томъ, какъ относится призначеніе цѣнности личной жизни къ попыткамъ отыскать всеобщую закономерность и въ области духовной жизни и въ другихъ видахъ бытія. Въ этомъ заключается теоретико-познавательная проблема, за изслѣдованіе которой принялись въ духѣ критической философіи такіе писатели, какъ Юэль и Гамилтонъ, и которую рассмотрѣлъ затѣмъ Стюартъ Милль въ направленіи абсолютнаго эмпиризма.

I. Философія въ Англіи до 1840 г.

а. Преобразовательныя идеи (*Reformphilosophie*).

Иеремія Бентамъ (родился 15-го февр. 1778 въ Лондонѣ, умеръ 8-го іюня 1832) принадлежить скорѣе исторіи права и филантропіи, чѣмъ исторіи философіи. Но онъ оказалъ большое влияние на развитіе философской этики, благодаря той энергіи, съ которой онъ высказывалъ и примѣнялъ принципъ, требующій, чтобы всякій поступокъ и всякое учрежденіе обсуждались по ихъ тенденціи содѣйствовать счастью и противодействовать несчастью. Онъ хотѣлъ построить всю этику и всю науку о правѣ на одномъ только положеніи, именно — что счастье слѣдуетъ предпочитать несчастью. Открытому признанію этого принципа могли мѣшать, по его мнѣнію, только предрасудки, въ особенности религіозныя, и властолюбіе, а потому мы могли бы замѣтить, что люди слѣдовали ему вездѣ, гдѣ пользовались своимъ разсудкомъ безъ вѣншихъ и внутреннихъ препятствій. Принципъ возможнаго большаго счастья возможно большаго числа людей или принципъ пользы, какъ онъ еще называется (подъ пользой разумѣется тенденція порождать счастье), есть по Бентаму принципъ самодовлѣющій: онъ служитъ основаніемъ оцѣнки на практикѣ, но самъ не нуждается въ обоснованіи. Въ такомъ видѣ выставляетъ онъ этотъ принципъ уже въ своемъ первомъ сочиненіи, появившемся въ годъ смерти Юма (*A Fragment on Government*. 1776. Chap. 1. § 48).

Этотъ принципъ не составляетъ однако же самостоятельнаго открытія Бентама. Его выставляли въ точно такой же формулировкѣ Гутчисонъ и затѣмъ многіе другіе. Бентамъ самъ объясняетъ, что онъ взялъ его у Юма. Въ интересномъ замѣчаніи относительно хода своего развитія онъ говоритъ (*Fragment on Gov. Chap. 1 § 36 Примѣч.*), что при чтеніи 3-ей части «Трактата» Юма у него спала пелена съ глазъ. Воспитывался онъ въ ортодоксальной торійской семьѣ, въ строго консервативныхъ воззрѣніяхъ. Карлъ I былъ въ его глазахъ мученикомъ, возстаніе онъ считалъ беззаконіемъ. Занятія юриспруденціей привели его къ ученію естественнаго права о первоначальномъ договорѣ, изъ котораго дѣлали выводъ, что если правитель нарушаетъ свои обязательства, то подданные точно такъ же не обязаны ему повиноваться. Но и это ученіе не удовлетворяло его, частію потому, что заключенія подобнаго договора нельзя доказать исторически, частію потому, что даже если признать первоначальный договоръ, то все-таки останется безъ отвѣта вопросъ, *почему* вообще мы обязаны исполнять договоры и обѣщанія. Только одинъ отвѣтъ можно дать, по его мнѣнію, на этотъ вопросъ: польза общества требуетъ соблюдать договоры, и поэтому каждый отдѣльный человѣкъ долженъ держать свои обѣщанія; если онъ ихъ не исполняетъ, то долженъ подвергнуться наказанію, потому что страданіе, причиняемое ему наказаніемъ, превѣшивается въ значительной степени пользой, которую приносить

обществу исполненіе обѣщаній (Fragm. on Gov. Chap. 1 § 42). Терія естественнаго права замѣщается, такимъ образомъ, теоріей полезности, первоначальный договоръ—принципомъ пользы. Этотъ переходъ, какъ это подчеркиваетъ самъ Бентамъ, имѣетъ то большее значеніе, что переноситъ насъ изъ міра фикцій въ міръ фактовъ; потому что вопросъ о томъ, полезно или вредно такое-то дѣйствіе, такое-то учрежденіе, долженъ рѣшаться опытнымъ путемъ. Подобныя разсужденія будутъ имѣть, слѣдовательно, теперь своей цѣлью, собственно говоря, установку фактовъ. Право свободной критики поступковъ и учрежденій имѣетъ поэтому крайне большое значеніе; опасности въ подобномъ свободномъ выраженіи мнѣній Бентамъ не видитъ. Вѣдь всякое дѣйствительно полезное учрежденіе будетъ братья подъ защиту тѣми, кто извлекаетъ изъ него пользу, и слѣдовательно оно не будетъ оставаться безоружнымъ.

Принципъ пользы Бентама заставлялъ его развернуть фронтъ на двѣ стороны. Противъ традиціонныхъ учрежденій Англии и особенно противъ хаотическаго состоянія англійскаго законодательства онъ выступаетъ въ роли рѣзкаго критика. Его настоящая специальность—цензура существующаго правового и общественнаго порядка (*censorial jurisprudence*). Своего наиболѣе значительнаго предшественника въ этой области онъ видѣлъ въ лицѣ итальянскаго философа-юриста *Беккариа*. Уже Беккариа провозгласилъ принципъ возможно большей пользы возможно большаго числа людей цѣлью законовъ и воспользовался имъ въ своей критикѣ уголовнаго права. Бентамъ сдѣлалъ изъ него гораздо болѣе широкое примѣненіе. Впадая благодаря этому въ рѣзкое противорѣчіе съ консерваторами, онъ возстаегъ съ другой стороны противъ аппелляціи французскихъ революціонеровъ къ естественному праву и противъ ихъ провозглашенія общихъ правъ человѣчества. Отдѣльный человѣкъ имѣетъ право, по мнѣнію Бентама, лишь постольку, поскольку это позволяетъ польза всего общества. Провозглашеніе правъ человѣчества ведетъ, думалъ онъ, къ поощренію эгоизма, и безъ того уже довольно сильнаго, между тѣмъ какъ настоящая задача состоитъ въ томъ, чтобы будить въ отдѣльныхъ людяхъ готовность приносить всѣ жертвы, требуемыя благомъ многихъ.

Въ своемъ главномъ философскомъ произведеніи, вышедшемъ въ 1789 г. *Principles of Morals und Legislation*, Бентамъ входитъ болѣе подробно въ отдѣльныя детали, касающіяся примѣненія принципа пользы. Онъ изслѣдуетъ, какія чувства счастья слѣдуетъ предпочитать другимъ; при этомъ онъ требуетъ, чтобы принимались въ соображеніе: надежность этого чувства, его сила, продолжительность, близость, чистота и его способность плодиться. Далѣе онъ изслѣдуетъ, какими наградами и наказаніями можно побуждать людей къ тому, чтобы они совершали поступки, приносящіе счастье, и въ тѣсной связи съ этимъ разсматриваетъ, какіе вообще различныя мотивы опредѣляютъ поступки людей, и какова ихъ моральная цѣнность. Вездѣ онъ проявляетъ свою силу въ различеніи, опредѣленіи и классификаціи. Въ своей области онъ нѣсколько схоластикъ. Особенный

интересъ представляеть его изслѣдованіе мотивовъ, потому что занятая имъ позиція нисколько не вынуждала его упускать изъ виду значеніе ихъ. Напротивъ, именно принципъ пользы даетъ ему масштабъ для оцѣнки внутреннихъ источниковъ поступковъ. Хорошими слѣдуетъ называть тѣ мотивы, относительно которыхъ можно показать, что они достигаютъ гармоніи между собственными интересами индивидуума и чужими интересами, дурными же—тѣ, которые влекутъ за собой разнъ интересовъ. Мотивъ, который всего надежнѣе можетъ влечь въ направленіи требованій принципа пользы, это—доброжелательность (*good-will, benevolence*): «Требованія пользы не больше и не меньше того, что требуетъ самая широкая и самая просвѣщенная доброжелательность». Слѣдующее мѣсто занимаютъ потребность въ уваженіи со стороны другихъ людей, желаніе заручиться ихъ любовью, религія и наконецъ стремленіе индивидуальнаго самосохраненія и жажда наслажденій, выгодъ и власти. (*Princ. of Morals and Legisl. Chap. X §§ 29—42*).

Главнымъ образомъ Бентама интересовали реформа законодательства въ гуманномъ направленіи, кодификація законовъ (онъ образовалъ самое слово «кодификація»), чтобы всякій зналъ и понималъ ихъ и чтобы уничтожить этимъ злоупотребленія и излишніе расходы; улучшеніе тюремныхъ порядковъ и развитіе государственнаго управленія въ демократическомъ направленіи путемъ введенія всеобщаго права голоса. Въ своей борьбѣ за реформы онъ прибѣгаетъ къ принципу пользы, какъ отправной точкѣ. И такъ какъ онъ постоянно стравляется отъ него, то и считаетъ его твердо установленнымъ догматическимъ принципомъ и не чувствуетъ потребности изслѣдовать, на чемъ же покоится его признаніе. Онъ не замѣчаетъ, что ему можно задать вопросъ, подобный тому, который самъ онъ ставилъ сторонникамъ естественнаго права. Какъ онъ спрашивалъ этихъ послѣднихъ, почему должно держать свое общаніе, точно также и его можно спросить, почему слѣдуетъ поступать въ цѣляхъ счастья многихъ. Логически этого само собой не слѣдуетъ. Если мы попытаемся поискать, какіе отвѣты можно найти у Бентама, то къ опредѣленному выводу не прійдемъ. Какъ мы видѣли, требованія принципа пользы онъ считаетъ тожественными требованіямъ широкой и просвѣщенной доброжелательности. Въ этихъ границахъ можно было бы думать, что признаніе принципа пользы критеріемъ вытекаетъ и у Бентама изъ чувствъ симпатіи. Лично у Бентама оно такъ и было. Это былъ человѣкъ, легко поддававшійся чувству состраданія и симпатіи, да и самъ лично онъ былъ очень чувствителенъ къ боли. Но ему недостаетъ способности переноситься въ настроеніе и состояніе другихъ людей, а кромѣ того, тѣ многочисленные предрасудки и вытекавшія изъ эгоизма препятствія, которыя ему пришлось встрѣтить на своемъ пути, не внушали ему особенно высокихъ мыслей о силѣ безкорыстной симпатіи въ мірѣ. Если его личная симпатія не только побуждала его работать всю свою жизнь практически и теоретически для умноженія человѣческаго счастья, — трудъ, не давав-

шій самому ему ни выгоды, ни ви́шняго почетнаго положенія, — но и внушала ему сверхъ того надежду, что принципъ пользы съ его слѣдствіями найдетъ себѣ распространеніе, то и въ своей дѣятельности и въ своихъ чаяніяхъ онъ полагался главнымъ образомъ на то, что эгоистическіе интересы людей обнаружатъ гармонію, которая дастъ возможность достигъ всеобщаго счастья, если каждый индивидуумъ будетъ разсудительно и энергично работать только для своего собственнаго благополучія. Собственно онъ опирается на гармонію разумно понятыхъ интересовъ. Эта сторона его теоріи выступаетъ особенно сильно въ его сочиненіи: *Deontology*, составленномъ на основаніи его замѣтокъ однимъ изъ его учениковъ и вышедшее послѣ его смерти. Здѣсь онъ становится на такую точку зрѣнія, которая напоминаетъ точку зрѣнія Гельвеція; этого французскаго писателя онъ ставилъ дѣйствительно всегда очень высоко. Хотя другіе ученики Бентама протестовали противъ того, чтобы приписывать безъ дальнѣйшихъ разсужденій самому Бентаму воззрѣнія, развитыя въ названномъ сочиненіи, однако нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что оно содержитъ въ себѣ долю воззрѣній Бентама; притомъ онъ самъ не имѣлъ яснаго рѣшенія вопроса, какъ относится эта часть къ другимъ частямъ его ученія. Всякая добродѣтель сводится здѣсь къ индивидуальной разсудительности, сознающей, что слѣдуетъ помогать другимъ людямъ, чтобы получать отъ нихъ въ свою очередь помощь, надежда же на будущее обосновывается тѣмъ, что общественное мнѣніе будетъ получать все большее и большее значеніе и что его приговоры будутъ все болѣе и болѣе опредѣляться сознаніемъ гармоніи разумно понятыхъ интересовъ. Представленіе этой великой гармоніи воодушевляло Бентама, подобно тому какъ Адамъ Смитъ воодушевлялся гармоніей экономическихъ интересовъ. То, что у Смита составляетъ политическую экономію, было расширено Бентамомъ до такой степени, что образуетъ въ сущности этику въ ея цѣломъ. Онъ исходитъ изъ того представленія, что родъ состоитъ изъ изолированныхъ индивидуумовъ, каждый изъ которыхъ усердно стремится доставить себѣ возможно большее количество благъ при возможно малыхъ затратахъ. Даже и такой большой поклонникъ Бентама, какъ Стюартъ Милль, замѣтилъ, что Бентама знаетъ только «дѣловую сторону человѣческой жизни» (the business part of human affairs *) Слѣдуетъ только помнить, что самъ Бентамъ стоялъ не просто въ «дѣловомъ» отношеніи къ своимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ **).

*) Въ своей статьѣ о Бентамѣ (Dissertations and Discussions I) — гдѣ находится приведенное замѣчаніе — *Стюартъ Милль* говоритъ: «Бентамъ смотритъ на міръ, какъ на собраніе лицъ, преслѣдующихъ, каждое само по себѣ, свои особыя интересы и имѣющихъ свои особыя желанія, и которыхъ только надежда и страхъ подъ вліяніемъ закона, религіи и общественнаго мнѣнія удерживаетъ отъ того, чтобы не имѣть столкновеній болѣе, чѣмъ это необходимо» (ст. 362).

***) Проводя различіе между мотивомъ оцѣнки и мотивомъ поступка, я

Идеи Бентама оказали вскорѣ вліяніе на людей, принимавших дѣятельное участіе на поприщѣ общественной жизни. Настоящей школы или опредѣленной партіи вокругъ него не образовалось однако. Онъ велъ очень замкнутый образъ жизни и дѣйствовалъ, собственно говоря, только черезъ посредство своихъ сочиненій. Къ концу его жизни его направленіе заручилось собственнымъ органомъ (*Westminster Review*), ставшимъ въ рѣзкую оппозицію къ журналамъ старой партіи (*Quarterly Review* и *Edinburgh Review*). Дѣятельными сотрудниками были другъ Бентама, Джемсъ Милль, и сынъ послѣдняго, Джонъ Стюартъ Милль. Сторонники принципа пользы Бентама называются обыкновенно утилитаристами. Стюартъ Милль думаетъ, что это названіе введено имъ, хотя самъ Бентамъ пользовался уже этимъ терминомъ. Какъ терминъ «позитивизмъ», такъ и терминъ «утилитарианизмъ» обозначаетъ довольно различныя воззрѣнія, потому что мѣрило, употребляемое для оцѣнки, не даетъ исчерпывающей характеристики этической теоріи. Этическая проблема содержать, кромѣ этого, и другіе вопросы. Утилитаристу (въ болѣе широкомъ смыслѣ) нѣтъ нужды, напр., придерживаться той же теоріи психологическаго основанія этики, какой придерживается Бентамъ.

Въ числѣ сотрудниковъ Бентама на первомъ мѣстѣ стоитъ *Джемсъ Милль*. Для философіи онъ имѣетъ значеніе особенно потому, что старается заложить психологическое основаніе этики, котораго недоставало этикѣ Бентама. Подготовкой въ этомъ отношеніи ему служило воспитаніе въ Единбургскомъ университетѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи Догальда Стюарта, ученика Рида. Онъ родился 6 апр. 1773 г. въ Южной Шотландіи и росъ въ очень бѣдной обстановкѣ. Отецъ его былъ сапожникомъ въ деревнѣ. Мать была изъ нѣскольکو болѣе состоятельной семьи; ея-то чувству собственнаго достоинства и честолюбію мы обязаны тѣмъ, что хорошія умственныя способности сына получили удовлетворительное развитіе. Постѣ Джемсъ Милль получилъ поддержку отъ помѣщика сэра Джона Стюарта, въ семьѣ котораго онъ сдѣлался домашнимъ учителемъ. Въ Единбургѣ онъ изучалъ теологію, но, повидимому, рано уже оставилъ мысль сдѣлаться духовнымъ лицомъ, хотя его теологическія воззрѣнія развились въ радикальномъ направленіи только значительно позднѣе (и даже еще позднѣе, чѣмъ указано сыномъ въ его біографіи). Тридцати лѣтъ онъ отправился въ Лондонъ, гдѣ жилъ литературной работой. Тяжелыя времена пришлось пережить ему, когда онъ женился и обзавелся многочисленнымъ семействомъ, кормить которое ему приходилось своимъ перомъ. Во время этой суровой борьбы за существованіе онъ не прекращалъ все-таки борьбы за гуманныя цѣли и ничѣмъ не жертвовалъ изъ своихъ радикальныхъ воззрѣній, которыя мало-по-малу развились у него. Главное сочиненіе его, относящееся къ этому времени, — *History of British*

старался избѣжать то затрудненіе, которое возникаетъ для Бентама, когда поднимается вопросъ относительно обоснованія принципа пользы. Сравни мою *Ethik*. Гл. III, 1—2, 18.

India, въ которомъ онъ даетъ рѣзкую, но опирающуюся на основательное знакомство съ дѣломъ, критику управленія Остъ-Индской Компаніи. Характерно для англійскихъ отношеній, что, несмотря на это, Милль заявилъ свое желаніе занять вакантный постъ: онъ получаетъ мѣсто у Компаніи, гдѣ пользовались его знаніями не страшась его критики. Скоро онъ поднялся до очень высокаго положенія и получилъ большое вліяніе на управленіе Индіей. Большое значеніе имѣло для него знакомство съ Бентамомъ, превратившееся въ вѣрную и тѣсную дружбу, хотя, какъ люди съ рѣзко очерченными характерами и съ чувствомъ собственнаго достоинства, между ними происходили временами недоразумѣнія и столкновенія. Милль трудился надъ примѣненіемъ принципа пользы въ дѣломъ рядѣ областей филантропіи и политики. Прослѣдить его стремленія въ этомъ направленіи интересно и поучительно и до сихъ поръ; *Александръ Бенъ* въ своемъ трудѣ: *James Mill. A. Biography* (London 1882) даетъ подробный обзоръ работъ Милля изъ году въ годъ. Милль оказывалъ вліяніе не только своими сочиненіями, но также, — и можетъ быть въ еще большей степени, — своими бесѣдами въ кругу молодыхъ людей, собравшемся около него, съ членами радикальной политической партіи и сотрудниками *Westminster Review*. Онъ духовный отецъ первой парламентской реформы. Его нападки на аристократію и іерархію были такъ рѣзки и усердны, что казались порой слишкомъ сильными самому Бентаму, который вообще не стѣснялся безъ обиняковъ выражать свои мнѣнія. Изъ своего кабинета руководилъ онъ великой классовой борьбой, выводившей англійскую политику на новые пути. Въ политикѣ онъ проявилъ большую практичность, чѣмъ Бентамъ: онъ не провозглашалъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій всеобщаго права голосованія, но ограничивалъ свою программу эманципаціей средняго сословія. Онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что распространять право голоса на болѣе широкіе круги можно только по мѣрѣ постепеннаго распространенія просвѣщенія и образованія. Отъ политики, опирающейся на всеобщее право голоса и руководящейся принципомъ пользы, онъ ожидалъ безграничнаго прогресса человѣческаго рода. Суть дѣла онъ видѣлъ, подобно Бентаму, въ томъ, чтобы уяснить людямъ ихъ интересы и позволить имъ слѣдовать собственному разуму. Методъ его, какъ и методъ Бентама, былъ по преимуществу дедуктивный. Принципъ пользы былъ и для него вѣчной истиной, изъ которой надлежало только вывести слѣдствія. Ни онъ, ни Бентамъ не понимали разнообразія оттѣнковъ конкретныхъ отношеній, при которыхъ должны находить свое примѣненіе общіе этическіе и философски-правовые принципы. Законодательство не представлялось Бентаму такимъ особенно труднымъ дѣломъ, какимъ его считалъ Монтескье. Бентамъ написалъ, конечно, сочиненіе «о вліяніи времени и мѣста на законодательства», но тѣмъ не менѣе думалъ, что значеніе историческихъ отношеній преувеличивается, — именно подъ вліяніемъ предразсудковъ и изъ усерднаго старанія отстоять традиціонныя злоупотребленія. Что представляетъ у Джемса Милля

по сравненію съ Бентамомъ прогрессъ, такъ это его стремленіе дать болѣе опредѣленное основаніе общаго принципа оцѣнки, изъ котораго надлежало вывести этическія и политическія положенія. Къ этому его побуждали психологическія изслѣдованія, которыми онъ постоянно занимался во время своей служебной дѣятельности и своихъ филантропическихъ и политическихъ трудовъ; свое завершеніе они нашли въ его знаменитомъ сочиненіи: *Analysis of the Human Mind*. (1829).

Это сочиненіе имѣетъ большое значеніе въ исторіи психологии, какъ самая полная попытка свести всѣ духовныя явленія на ассоціацію представлений. Въ немъ возобновляется попытка, сдѣланная въ свое время Гертли въ томъ же направленіи. Изложеніе Милля отличается гораздо большею ясностью и полнотой, чѣмъ изложеніе Гертли. Его объясненіе не ограничивается утвержденіемъ, что всѣ явленія въ сознаніи возникаютъ вслѣдствіе ассоціаціи; но и всѣ ассоціаціи онъ сводитъ въ свою очередь—нѣсколько искусственно—къ ассоціаціи такихъ представлений, которыя встрѣчались обыкновенно рядомъ другъ съ другомъ (что впоследствии было названо ассоціаціей по смежности). Джемсъ Милль хотеть примѣнить здѣсь принципъ простоты. Онъ выставляетъ правило, что число фактовъ, которые слѣдуетъ признать изначальными, должно быть возможно ограничено. Подобно тому, какъ Бентамъ хотѣлъ построить всю этику на одномъ положеніи, что удовольствіе слѣдуетъ предпочитать неудовольствію, такъ и Джемсъ Милль хотѣлъ построить всю психологию на одномъ положеніи, что разъ пережитое можетъ быть вновь вызвано, при повтореніи опытовъ, встрѣчавшихся вмѣстѣ съ этимъ фактомъ во времени или пространствѣ.—Если бы это положеніе могло служить опорой всей психологии, то психологическая теорія достигла бы безспорно и совершенной простоты и стройности. Въ то же время это открывало бы возможность провести и опытную философію съ такой послѣдовательностью, какой еще никогда не знала прежняя англійская школа. При этомъ условіи не только отдѣльныя представленія порознь, но и всѣ соединенія представлений опредѣлялись бы непремѣнно тѣмъ, на что наталкивается сознаніе во внѣшнемъ мірѣ. Это открывало бы безграничную возможность для воздѣйствія на духовную жизнь человѣка и для опредѣленія ея направленія, потому что тѣ соединенія представлений, которыя становятся господствующими у человѣка, опредѣляются законодательствомъ, воспитаніемъ и вообще порядкомъ внѣшнихъ отношеній. Ассоціаціонная психологія даетъ, слѣдовательно, возможность не только понимать человѣческія представленія въ томъ видѣ, какъ они уже сложились и образовались, но также и рѣшать, какія представленія и соединенія представлений должны получить въ будущемъ господство. Она могла бы дать основаніе какъ для критики, такъ и для созиданія; вручить сильное оружіе противъ предрасудковъ, показывая происхожденіе ихъ; она была бы средствомъ прогресса, замѣняя предрасудки новыми, мотивированными

соединениями представлений. — На ряду съ влияніемъ Гертли здѣсь сказывается и влияние Гельвеція. Книга «De l'esprit» была въ кружкѣ Милля столь же излюбленнымъ сочиненіемъ, какъ и книга «Observations on man». *)

Такъ какъ, далѣе, ассоціаціонная психологія въ той формѣ, въ какой она здѣсь выступаетъ, должна служить Джемсу Миллю основаніемъ для признанія принципа пользы, то, примыкая къ Гертли, онъ придаетъ большое значеніе тому, что въ силу ассоціаціи не только одно представленіе вызываетъ другое или будить чувство пріятнаго или непріятнаго, но и нѣсколько представлений и чувствъ могутъ вступитъ въ такое тѣсное соединеніе другъ съ другомъ, что не поддаются разьединенію; при этомъ новое цѣльное образованіе, которое они составляютъ въ соединеніи, имѣетъ такія свойства, которыми не обладаетъ ни одна изъ частей сама по себѣ. Новое, возникшее по ассоціаціи, образованіе можетъ само сдѣлаться основнымъ и кореннымъ принципомъ человѣческой природы (a substantive principle of human nature); эта мысль выражена Джемсомъ Миллемъ очень ясно въ изслѣдованіи, посвященномъ этому вопросу (приложеніе В къ полемическому сочиненію *Fragment on Mackintosh*). Поэтому по природѣ и значенію чувства нельзя заключать о его происхожденіи. Смѣшеніе этихъ двухъ вещей—значенія и происхожденія—другъ съ другомъ далѣе поводъ къ многимъ спорамъ и недоразумѣніямъ. Думали, что психическая способность или должна быть абсолютно изначальной или же тѣ факторы, которымъ она обязана своимъ возникновеніемъ, должны быть однородны съ ней. Психическіе процессы сравнивались съ механическими соединеніями, и упускалось изъ виду, что въ большинствѣ случаевъ ихъ слѣдуетъ разсматривать по аналогіи съ химическими процессами. Эта ошибка имѣла своимъ слѣдствіемъ одно изъ двухъ: или всѣ чувства сводились ради ясности и простоты къ эгоизму, какъ въ «the selfish System», или же допускалось существованіе нѣсколькихъ различныхъ изначальныхъ видовъ чувствъ (одни эгоистическія, другія—безкорыстныя). При помощи же ассоціаціонной психологіи можно обосновать такой взглядъ, что безкорыстныя чувства, подобно эгоистическимъ, развились изъ элементарныхъ чувствъ. Подлинный эгоизмъ, какъ уже показалъ Бутлеръ **), не можетъ быть изначальнымъ чувствомъ, потому что предполагаетъ сознательный расчетъ; но и безкорыстная доброжелательность точно также не первична: она развивается вслѣдствіе того, что чувства пріятнаго и непріятнаго начинаютъ уже рано переноситься съ ближайшихъ и болѣе элементарныхъ причинъ на отдаленныя, стояція въ связи съ пер-

*) Заглавіе сочиненія Гертли.

Примѣч. переводч.

***) Епископъ Бутлеръ (ум. въ 1752 г.) развивалъ въ своихъ проповѣдяхъ теорію моральнаго чувства въ богословской формѣ съ сильной иессимистической окраской.

Примѣч. переводч.

выми, какъ условія и средства ихъ дѣйствія. Образуются вторичныя чувства, связанныя съ чѣмъ-то такимъ, что вначалѣ было средствомъ, но постепенно сдѣлалось цѣлью. Такимъ путемъ мотивы, имѣющіе сначала значеніе только какъ условія дѣятельности, получаютъ самостоятельную цѣнность; этимъ то и объясняется то безусловное значеніе, которое мы приписываемъ моральному чувству и совѣсти. Благо другихъ людей, бывшее вначалѣ только средствомъ для блага отдѣльнаго человѣка, можетъ сдѣлаться, въ видѣ вторичнаго образованія, цѣлью. Подобныя вторичныя чувства могутъ быть при этомъ столь же стойкими и непосредственными, какъ и первичныя. Аналитическое изслѣдованіе возникновенія подобныхъ чувствъ путемъ ассоціаціи не будетъ также—утверждаетъ Милль—умалять того значенія, какое они могутъ имѣть для насъ: «Какъ до анализа, такъ и послѣ него, благодарность остается благодарностью, ненависть—ненавистью, великодушіе—великодушіемъ, въ сознаніи тѣхъ, кто имѣетъ эти чувства. Тотъ, кто можетъ прослѣдить образованіе этихъ чувствъ до ихъ элементовъ, не перестаетъ имѣть ихъ совершенно точно такъ же, какъ и тотъ, кто никогда не думалъ объ ихъ изслѣдованіи... Они образуютъ составныя части человѣческой природы. Какое вліяніе на насъ имѣетъ обладаніе ими—это дѣло опыта, каждый узнаетъ это на самомъ себѣ. Дѣйствіе ихъ таково, каково оно есть—будь они простыми или сложными. Развѣ сложный мотивъ перестаетъ быть мотивомъ, какъ скоро будетъ открыто, что онъ сложенъ?» (Fragm. on Mackintosh стр. 51 ид.). Этими словами Милль отражаетъ возраженіе, дѣлавшееся постоянно какъ въ то время, такъ и позднѣе противъ психологическаго объясненія возникновенія моральнаго чувства,—не только противъ того, которое давалось прежней ассоціаціонной психологіей, но и противъ объясненія, принадлежащаго теоріи развитія.

Но именно приведенное замѣчаніе Милля показываетъ, что дедуктивное приложеніе ассоціаціонной психологіи имѣетъ свои извѣстныя трудности и границы. Конкретныя состоянія слѣдуетъ изучать сначала въ процессѣ ихъ *историческаго* образованія, прежде чѣмъ явится возможность открыть ихъ элементы. Обращаясь къ непосредственному опыту мы должны будемъ признать, что дѣло не такъ просто, какъ могло бы казаться согласно принципамъ ассоціаціонной психологіи. Вѣдь новыхъ свойствъ продуктовъ образованія нельзя дедуцировать изъ факторовъ! И тотъ историческій элементъ, который является такимъ образомъ въ жизни сознанія отдѣльнаго индивидуума препятствіемъ—по крайней мѣрѣ временнымъ—для анализа, ставитъ въ соціальной и политической области, въ еще большей степени, предѣлъ дедуктивному примѣненію принципа пользы.

Но именно это не разложимое, не поддающееся анализу, подчеркивается всего болѣе романтической философій. Самый значительный представитель романтической школы въ Англии отстаиваетъ съ большой страстностью то въ жизни, что не поддается

механическому объясненію, то первичное и въ своемъ родѣ единственное, что можно найти во всякомъ личномъ и историческомъ развитіи.

б. Романтическая философія личности.

Бентамъ и Джемсъ Милль—это двѣ несокрушимыхъ, вдавшихся въ новое столѣтіе, скалы, о которыя разбиваются волны романтики. Для духовной жизни Англіи имѣло крайне большое значеніе то, что новыя теченія встрѣтили такихъ разсудительныхъ и твердыхъ характеромъ защитниковъ стараго времени. Взаимодѣйствіе стараго и новаго стало поэтому такъ плодотворно, какъ вообще оно рѣдко бываетъ. Борьба обоихъ направленій была рѣзкой и оказывала глубокое вліяніе на личное развитіе многихъ, но породила въ мировоззрѣніи и мышленіи такія формы и стремленія, которыя имѣютъ важное значеніе и составляютъ эпоху въ духовной жизни всей Европы.

Черезъ посредство *Самуэля Тейлора Колриджа* (1772 — 1834) новая нѣмецкая литература и философія эпохи романтизма получила вліяніе въ Англіи. Въ пору своей юности онъ былъ (какъ онъ свидѣтельствуетъ въ своей *Biographia litteraria*) сторонникомъ Юма и Гертли. Но попытки 18-го столѣтія свести при помощи анализа всѣ духовныя явленія на элементарныя функціи и стремленіе установить механическіе законы духовной жизни оттолкнули его; потому что вмѣстѣ съ этимъ исчезли бы, по его мнѣнію, единство и активность духа! Занятія нѣмецкой философіей значительно удалили его отъ англійской школы. Какъ истый романтикъ, онъ утонулъ въ абсолютныхъ идеяхъ, въ которыхъ расплывались и исчезали различія и контрасты конечнаго міра. Противъ несовершенныхъ построеній эмпириі онъ выставялъ цѣлостное мірозданіе, созерцаемое въ предчувствіи, противъ анализа—синтезъ. По своему собственному мнѣнію, онъ предвосхитилъ нѣкоторыя мысли Шеллинга; онъ настолько проникся спекулятивнымъ ходомъ мышленія, что могъ продолжать его, на собственный рискъ, въ томъ же направленіи, какъ и его первоначальные основатели. При редакціи своихъ сочиненій онъ смѣшалъ случайно отрывки, переведенные имъ изъ Шеллинга, со своими собственными изысканіями, что навлекло на него обвиненіе въ плагиатѣ. Этому поэтическому, легко приходившему въ возбужденное состояніе, духу, бывшему скорѣе умомъ поэта и проповѣдника, чѣмъ мыслителя, нужно было дѣлать усиліе для того, чтобы отличить созданное имъ самимъ отъ найденнаго у другихъ. Изъ нѣмецкой философіи онъ заимствовалъ въ особенности Кантовское различеніе между разумомъ (въ болѣе узкомъ смыслѣ), какъ способностью образовать идея о безусловномъ, и разсудкомъ, какъ способностью образовать категоріи, дающія возможность только ограниченнаго знанія. Этимъ то различеніемъ онъ и воспользовался, чтобы найти примиреніе мышленія и религіи. Всѣ возраженія, счи-

тавшіяся въ прошломъ вѣкѣ неотразимыми, не прямо-таки отбрасывались теперь, но относились на счетъ «разсудка» и устранялись обращеніемъ къ болѣе глубокому пониманію «разума». За этимъ обращеніемъ таилось пробуждавшееся чутье къ той части исторіи и жизни, которая не поддавалась научному объясненію или ускользала отъ него до сихъ поръ. Это былъ протестъ противъ признанія развивавшейся до сихъ поръ науки достаточной, протестъ, выдававшійся и принимавшійся за новое рѣшеніе, новое обоснованіе. Дальше предчувствій и провозвѣстій Кольриджъ не шелъ. Всего больше вліянія онъ оказывалъ бесѣдами (или скорѣе своими монологами, обращенными къ слушателямъ). Выполнить и довести до конца свою большую работу о согласіи философіи и христіанства, на которую онъ указывалъ своимъ слушателямъ въ затруднительныхъ пунктахъ, ему не удалось. Онъ становился въ оппозицію какъ къ философіи 18-го столѣтія (Юмъ и Вольтеръ), такъ и къ вѣдшимъ формамъ и формуламъ застывшаго церковнаго богословія. Подобно нѣмецкимъ романтикамъ-систематикамъ, онъ хотѣлъ установить высшее единство рефлексіи и догматической вѣры. По своимъ основнымъ мыслямъ онъ напоминаетъ такъ называемую правую Гегелевской школы. Троица объяснялась, напр., у него примѣненіемъ схемы: тезисъ, антитезисъ и синтезъ, игравшей со временъ Фихте такую большую роль въ нѣмецкой умозрительной философіи. (Однако, подъ очевиднымъ вліяніемъ позднѣйшаго ученія Шеллинга, онъ подвергается опасности дедуцировать четверицу (Vierelnigkeit), потому что Богъ, какъ «абсолютная воля или абсолютное тожество», слѣдовательно—протезисъ, полагается въ основу взаимодѣйствія тезиса и антитезиса, достигающаго гармоніи въ синтезѣ! См. Table Talk. 8 іюля 1827 г. Но послѣдовательное, связанное мышленіе не было дѣломъ Кольриджа. Названіе религіознаго эпикурейца, данное ему, мѣтко во всякомъ случаѣ. Онъ утопалъ въ религіозныхъ мысляхъ и чувствахъ и тѣхъ образахъ, которые могли дать имъ символическое выраженіе. Это былъ однако слабый характеръ. Онъ не могъ управлять ни своей жизнью, ни своими мыслями. Говоря словами Карлейля (который далъ интересную характеристику его въ Life of Sterling, Chap. VIII), онъ бѣжалъ изъ жизни въ міръ теософическихъ сновидѣній; то, что онъ давалъ, было «трансцендентальнымъ луннымъ свѣтомъ», который могъ показать какой-нибудь юной колеблющейся и ищущей душѣ старыя вещи въ новомъ свѣтѣ, но былъ лишенъ дѣйствительной новой жизни. Одинъ человекъ, самъ находившійся нѣкоторое время подъ сильнымъ вліяніемъ Кольриджа, именно Джонъ Стерлингъ, другъ Карлейля и Стюарта Милля, сказалъ о немъ: «Его несчастье, что онъ выступилъ въ такое время, которое требовало дѣяній мужа,—а ихъ онъ не зналъ. Онъ не обладалъ достаточной твердостью характера; ученія, въ которыя онъ больше не вѣрилъ, онъ признавалъ своими, чтобы избѣжать безпокойства, сопряженнаго со споромъ». Во что мѣтитъ это обвиненіе, которое Стерлингъ повторяетъ въ письмѣ къ Карлейлю, неясно. Но когда умозрѣніе и фантазія становятся главными органами ре-

лигиозной мысли, то легко случается такъ, что признаешь больше ученій, чѣмъ сколько дѣйствительно можешь обратить въ личную собственность.

Но какъ бы то ни было, Кольриджъ будилъ все-таки у многихъ представителей молодого поколѣнія новыя чувства и новыя воззрѣнія. Вѣдь ставилъ же его даже такой мыслитель, какъ Стюартъ Милль, который вообще не былъ настроенъ особенно благосклонно по отношенію къ нѣмецкой спекулятивной философіи, рядомъ съ Бентамомъ и видѣлъ въ томъ и другомъ два величайшихъ ума-оплодотворителя (*seminal minds*) своего времени! Ниже мы будемъ разсматривать серьезную и добросовѣстную попытку самого Милля учиться у того и другого. Большинство тѣхъ, на кого предварительно оказалъ вліяніе Кольриджъ, не хотѣли учиться у Бентама, но увлекались, черезъ посредство «луннаго свѣта», въ сторону ортодоксіи, и вскорѣ даже гораздо болѣе рѣзко выраженной, чѣмъ прежняя ортодоксія. Правъ, быть можетъ Карлейль, говоря, что если бы не было Кольриджа, то не было бы англо-католическаго движенія (не было бы пьюезизма). Среди людей этого движенія много было такихъ, которые начинали съ поэтическихъ и спекулятивныхъ идей, прежде чѣмъ ихъ отвлекало положительное церковное направленіе мысли*). Духовная жизнь всѣхъ странъ свидѣтельствуетъ, что противоположности на почвѣ міровоззрѣній обострились въ теченіе нашего вѣка—по крайней мѣрѣ, поскольку это касается внѣшнихъ формулъ.

Томасъ Карлейль (1795—1881) нашелъ пищу своему уму въ совершенно другой сторонѣ нѣмецкой философіи. Изучая нѣмецкую поэзію и нѣмецкое мышленіе, онъ обрѣлъ не болѣе высокое спекулятивное знаніе, но болѣе надежное обоснованіе значенія личности, новую вѣру. Нѣмецкіе поэты вели его къ нѣмецкимъ мыслителямъ. Шиллеръ и Гёте—къ Канту и Фихте. Какъ ни были различны его тяжеловѣсная шотландская натура, гдѣ туманы даже свѣтлые солнечные дни не совсѣмъ разрываютъ, и свѣтлый гуманизмъ Гёте, все-таки Гёте былъ для него великимъ образцомъ; онъ исповѣдывалъ символъ вѣры Фауста. У Канта онъ заимствовалъ главнымъ образомъ различіе вещи въ себѣ и явленій. Все, что мы видимъ въ природѣ, есть только, по его мнѣнію, явленіе. Та «философія одѣянія», которую онъ развиваетъ въ глубокомысленномъ, юмористическомъ сочиненіи *Sartor Resartus* (1833), отправляется

*) Ср. I. H. Newman: *Apologia pro vita sua* London 1879. стр. 10.—См. также L. E. Flöystrup: *Англо-католическое движеніе въ 19-мъ столѣтіи*. Copenhagen 1891 стр. 28, 30 и George Worley: *The Catholic Revival of the 19-th Century*. London 1894. стр. 45—51.—Съ философскими идеями Кольриджа можно познакомиться вкратцѣ всего лучше, быть можетъ, по его сочиненію *Church and State*; здѣсь приложение излагаетъ его ученіе о разумѣ и разсудкѣ, а приложение Е развиваетъ его отношеніе къ прежнимъ философамъ. Въ *Biographia litteraria* 1 chap. 12 онъ развиваетъ свои мысли, пользуясь терминологіей Шеллинга и—очень широко—его собственными положеніями.

отъ мысли, что какъ платья не составляютъ людей, такъ и познаніе явленій не даетъ постиженія бытія. Бытіе есть и остается сокровеннымъ чудомъ, которое должно преисполнять насъ благоговѣніемъ. Міръ есть одѣяніе Божества. Естествознаніе показываеъ только ви́шній механизмъ, но ядра бытія этимъ не достигнешь. Природа есть великій символъ, откровеніе идей, непостижимыхъ при помощи какого-нибудь научнаго метода. Міръ не мертвая машина, какъ въ этомъ насъ хочетъ увѣрить наука. Даже чисто ви́шняя связь—одѣянія—и та неисчерпаема и необозрима подъ нашимъ малымъ угломъ бытія. И какъ бы далеко ни проникли нашъ опытъ и наше мышленіе,—за предѣлы формъ времени и пространства мы не выйдемъ, а это только формы познанія; и онѣ составляютъ часть одѣяній божества, которыя текутъ постоянно вновь. Чудо бытія сокрыто отъ насъ, потому что по тупой привычкѣ мы принимаемъ формы за реальность, и потому что наши основоположенія представляютъ собою сплошь да рядомъ только традиціонныя воззрѣнія, съ которыми мы свыклись и которыя поэтому изъяты для насъ отъ сомнѣнія. Но что же такое философія, какъ не непрерывная борьба противъ привычки? Она «трансцендентальна» именно потому, что переступаеъ (transcendit) сферу слѣпой привычки. Поэтому задача философіи вновь пробудить чувство чудесности бытія, когда механическія представленія притупили духъ. «Человѣкъ, который неспособенъ удивляться, и который не удивляется и не благоговѣеъ непрерывно—будъ онъ вообще президентомъ безчисленныхъ научныхъ обществъ, вмѣсти онъ въ одной своей головѣ всю Мésanique Céleste и Гегелевскую философію, все работы всеѣхъ обсерваторій и лабораторій въ ихъ сложности,—представляетъ только очки, за которыми нѣтъ глазъ. Пусть смотрять черезъ него тѣ, кто имѣеъ глаза, тогда еще онъ можетъ быть отчасти полезенъ». (Sartor Resartus. I, 10).

Не трудно замѣтить, что различеніе между вещью въ себѣ и явленіями примѣняется у Карлейля не въ духѣ Канта, а въ духѣ романтизма. Кантъ считалъ задачей науки отыскивать закономѣрную связь явленій, а понятіе вещи въ себѣ означало границу этого стремленія. Романтизмъ, напротивъ, презираеъ и отбрасываеъ стремленіе науки нанизывать явленіе другъ на друга по опредѣленнымъ законамъ: съ этимъ далеко не уйдешь и ядра вещей не достигнешь! Самъ Карлейль, подобно своему герою въ Sartor Resartus (Book II. Chap. 3), пережилъ въ своей юности періодъ, когда міръ казался ему мертвой машиной. Изученіе Юма, Гиббона и Даламбера отняло у него то религіозное настроеніе, которое онъ любилъ въ дѣтствѣ. Одно время онъ занимался исключительно изученіемъ математики, и первая литературная работа его былъ переводъ геометріи Лежандра *). Въ это то время его вниманіе при-

*) Ср. характеристику, которую даетъ Карлейлю Dilthey въ Arch. für Geschichte der Philosophie. IV. стр. 263. Dilthey собралъ изъ бумагъ Карлейля, изданныхъ Фрудомъ, все, что можетъ объяснить развитіе его.

влекла къ себѣ черезъ посредство М-ше Сталь нѣмецкая литература, и передъ нимъ открылся великій міръ Гёте. Четыре года тому назадъ—пишетъ онъ въ 1824 г. къ Гёте—читать я Фауста на горахъ своей родины, Шотландіи, и въ это время мечтой моей было открыть вамъ, какъ отцу, всѣ страданія и всѣ блужданія, перенесенныя моимъ сердцемъ, сокровенныя тайны котораго вы, повидимому, знали съ такой полнотою». Подобно Фаусту онъ разочаровался въ наукѣ. Что пользы въ томъ, что мы можемъ прорыть на шагъ глубже, чѣмъ могли до сихъ поръ, если все-таки еще остается безконечно много? Или, какъ онъ говорилъ въ одной бесѣдѣ съ Чарльзомъ Дарвиномъ: вѣдь какъ смѣшно тревожиться вопросомъ: быстрѣе ли нѣсколько или медленнѣе движется глетчеръ и движется ли онъ вообще! Какъ истый романтикъ, онъ вѣрилъ въ оптику Гёте и не хотѣлъ признавать за физиками права критиковать ее. Его отрывочные взгляды на природу напоминаютъ Шеллинга, особенно однанадцатую лекцію о «Методѣ академической науки» (*Methode des Akademischen Studiums*), гдѣ онъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, высказываетъ взглядъ, что идеи *символизируются* въ вещахъ и что эмпиризмъ смотритъ на дѣйствительность совершенно независимо отъ ея смысла, такъ какъ природа символа требуетъ, чтобы онъ имѣлъ свою собственную жизнь. Естествознаніе считаетъ, слѣдовательно, абсолютной реальностью то, что только символъ.

Но интересы Карлейля привлекаетъ не внѣшняя природа. Для него человекъ есть настоящее откровеніе, настоящая шекина *), высочайшій символъ. Никакой анализъ не въ состояніи исчерпать его существо, хотя бы Локкъ съ своими послѣдователями совершенно во всѣхъ направленіяхъ анализировалъ духъ и механизировалъ его. Дѣлались дѣйствительно попытки механизировать всю жизнь, свести ее къ механикѣ чувствъ пріятнаго и непріятнаго, возвести въ правило принципъ пользы и отринуть всякую первичную, произвольную, самостоятельную дѣятельность. Бентама и утилитаризмъ Карлейль сдѣлалъ предметомъ рѣзкой критики и горькихъ насмѣшекъ. Принципу пользы онъ придаетъ только отрицательное, разлагающее значеніе. Онъ можетъ быть пригоденъ для критики стараго порядка вещей, но не пригоденъ для того, чтобы породить новый порядокъ. Онъ ставитъ мертвый механизмъ интересовъ на мѣсто живой, личной нравственности, вытекающей изъ того, что духъ стремится удовлетворить свои внутренніе идеалы.

Усиленно полемизируя противъ такъ называемой имъ «философіи причинъ и слѣдствій», Карлейль столь же старательно полемизируетъ противъ этики, имѣющей своимъ основаніемъ «прибыль и убытокъ» (*virtue by profit and loss*); въ теоріи Бентама онъ видитъ рѣшеніе такой задачи: «если намъ будетъ данъ міръ, полный

*) Такъ называлось у древнихъ израильтянъ облако, спускавшееся на очистилище (золотую крышку ковчега Завета, помѣщавшагося въ Святая Святыхъ) и служившее вѣрнымъ признакомъ присутствія Іеговы.

Примѣч. переводчи.

мошенниковъ, то показать, какъ результатъ стремленій каждого изъ нихъ въ отдѣльности составить добродѣтель». Среди возраженій, дѣлаемыхъ Карлейлемъ противъ аналитической психологiи и утилитаризма, не послѣднее мѣсто занимаетъ тотъ фактъ, что они придаютъ слишкомъ большое значеніе сознательной рефлексіи: все великое возникаетъ и зрѣетъ въ молчаливой тиши! Только тотъ, кто способенъ молчать, будетъ великимъ человѣкомъ, и великое дѣло, предпринимаемое съ полнымъ признаніемъ его величины, окажется малымъ дѣломъ, если правильно взглянуть на него. Правы поэты, воспѣвая гимны ночи. Полное, ясное сознаніе дѣлаетъ все неполнымъ и механическимъ. Высшая истина можетъ существовать для человѣка только въ формѣ символа: символъ говорить и молчать, открываетъ и тайтъ въ одно и то-же время.

Къ богословской догмѣ Карлейль относится не болѣе благоосклонно, чѣмъ къ естествознанію и эмпирической философіи. Истинной человѣкъ можетъ обладать только въ формѣ символа. Но символы старѣются и изнашиваются, подобно платью, и вмѣсто старыхъ нужно образовывать новые. Философія, эта борьба противъ привычки, имѣетъ собственно своей задачей бороться противъ привычныхъ, ставшихъ механическими религиозныхъ представленій. Карлейль называетъ свою точку зрѣнія *естественнымъ* супранатурализмомъ. Дѣятели внутри и внѣ насъ—это силы Божества. Но они дѣйствуютъ внутреннимъ, естественнымъ образомъ. Какъ во внѣшней природѣ ткется постоянно вновь живое одѣяніе Божества, такъ внутреннее чувство ткетъ постоянно новыя формы духовной жизни. Каждый долженъ искать свой символъ, свою религію, точно такъ же, какъ и вносить свое дѣло въ непрерывно текущій потокъ времени. «Подъ *ремней*», говоритъ Карлейль («On Heroes and Hero-worship»). Lect. I), «я разумѣю не церковное исповѣдованіе, къ которому человѣкъ принадлежитъ, не члены символа вѣры, подъ которыми ему угодно росписаться... но то, во что всякій человѣкъ вѣритъ на практикѣ (самъ того сплошь да рядомъ *не сознавая* ясно, не говоря уже о другихъ), то, что онъ на практикѣ принимаетъ къ сердцу и считаетъ достовѣрнымъ въ своемъ внутреннемъ отношеніи къ этой таинственной вселенной». Стараться глубже постичь сущность Божества бесполезно. Съ каждого изъ насъ довольно—выполнять то дѣло, которое намъ подѣ силу. Впрочемъ, довольно ясно, что религиозныя воззрѣнія Карлейля тѣ же, какія имѣли Гёте и въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ (въ «Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters» и въ «Wesen des Gelehrten») Фихте, на которыхъ онъ дѣлаетъ даже опредѣленные указанія. Среди нѣмецкихъ философовъ Карлейля привлекалъ къ себѣ болѣе другихъ Фихте. Идея Бога проникаетъ все, и духовный и физическій міръ; всякое духовное существо—ея искра. Есть ли его понятіе Бога теистическое или пантеистическое, этого вопроса онъ не хотеть рѣшать. Джонъ Стерлингъ, критикуя въ одномъ письмѣ Sartor Resartus, дѣлаетъ между прочимъ, такое возраженіе: Богъ, о которомъ говорится въ книгѣ, не есть личный Богъ; Карлейль говоритъ, что это

абстрактный вопрос, которого онъ и не можетъ и не хочетъ разсматривать. (Life of Sterling. Part II, Chap. 2).

Протестъ Карлейля какъ противъ эмпирической и критической науки, такъ и противъ теологii долженъ былъ дѣлать его одинокимъ. Онъ чувствовалъ себя чуждымъ своему времени. По его мнѣнiю, это время разложенiя подъ влiянiемъ скептицизма и анализа, время упадка (decadent), вѣкъ механизма. Недостаетъ духа, недостаетъ вѣры. Вѣра есть выраженiе истины жизни, сокровенное и неизрѣченное, какъ всякая жизнедѣятельность. Кромѣ конца римскаго мiра не было другого вѣка, до такой степени скептическаго, невѣрующаго и опустившагося, какъ 18-е столѣтiе, послѣдствiя котораго простираются и на нашъ вѣкъ. Это такое время, въ которое не можетъ расти и цвѣсти идеаль. (On Heroes. Lect V. — History of the French Revol. Vol. I, Chap. 2).

Здѣсь ясно проглядываетъ у Карлейля законъ трехъ стадiй, который онъ взялъ, конечно, у Фихте и сенъ-симонистовъ. Но онъ съ большей силой, чѣмъ кто-либо другой изъ тѣхъ писателей, у которыхъ выступаетъ этотъ законъ, говорить о ничтожествѣ вѣка. И устно и письменно онъ высказывалъ сожалѣнiе, что родился въ такое время. Его могучая фантазiя, его глубоко-чувствующая и легко возбудимая природа, его глубокая меланхолиа, возраставшая постепенно благодаря физической болѣзненности (диспепсiя), заставляли его останавливаться преимущественно на тѣневыхъ сторонахъ тогдашняго времени, которыя онъ преувеличивалъ по сравненiю съ изысками прежнихъ временъ. Ему было трудно представить себѣ, чтобы это время могло быть переходнымъ періодомъ къ лучшему, положительному времени, какимъ оно и должно было быть согласно закону трехъ стадiй. Онъ не думаетъ, правда, чтобы въ ходѣ развитiя были перерывы: думать, что птица фениксъ сгораетъ сполна—говоритъ онъ—и лежитъ затѣмъ въ видѣ кучи золы, пока не возникнетъ чудеснымъ образомъ новая птица, есть недоразумѣнiе; вѣтъ, разрушенiе и творенiе идутъ рука объ руку, и новое одѣянiе ткется среди процесса разложенiя стараго (Sartor Resartus III Chap. 7).

Но самъ Карлейль не былъ въ состоянiи отыскать новыхъ нити. Все, что было цѣннаго въ духовной жизни прошлаго, останется, по его убѣжденiю, неприкосновеннымъ: «что бы ни говорила механическая наука и духовная тупость, человекъ и обнимающая его вселенная пребудутъ все-таки вѣчно божественными, и все благородное и божественно-откровенное, чѣмъ владѣло минувшее, не можетъ и не должно быть потеряно». (Life of Sterling. Part I. Chap. 8). Этого убѣжденiя въ сохраненiи мiра онъ не хочетъ обосновывать, подобно Кольриджу и Гегелю, символическимъ истолкованiемъ догматовъ и церемонiй. Но онъ хочетъ, чтобы жизнь будущаго сохранила то же благоговѣнiе, то же преклоненiе, ту же энергiю отреченiя и работы, которую частiю проявляла, частiю обуславливала вѣра прошлаго. Это стремленiе объясняетъ его точку зрѣнiя, его оппозицию по отношенiю къ наукѣ и къ церковной

вѣрѣ въ то же время. Опорнаго пункта для сохраненія цѣнныхъ величинъ онъ ищетъ въ нѣдрахъ личности гораздо глубже, чѣмъ куда могутъ проникнуть анализъ и традиція. Живую ризу никогда не умирающей Божественной силы надежить ткать изнутри. Но будетъ ли возможно послѣ того періода разложенія, въ какой мы попали, вновь вызвать эти внутреннія силы? Карлейль колеблется изъ стороны въ сторону между вѣрой въ сохраненіе цѣнныхъ величинъ или внутреннихъ силъ и той мрачной картиной, какую являлъ собою вѣкъ. Картина становилась, повидимому, для него все болѣе и болѣе мрачной. Въ своей юности онъ возставалъ противъ филантропіи Бентама, въ своей старости—противъ усердныхъ заботъ Гладстона о политическомъ и матеріальномъ развитіи Англій. Въ одной бесѣдѣ, бывшей въ мартѣ 1867 г. (см. дневники Каролины Фоксъ), онъ говоритъ, что все приходитъ къ концу и не имѣетъ для него никакого значенія. Какъ «плачущій Іеремія», затягиваетъ онъ старую жалобную пѣсню, которую онъ началъ пѣть уже сорокъ лѣтъ тому назадъ, и не можетъ найти и до сихъ поръ свѣтлой точки.

Причину, заставлявшую Карлейля видѣть свое время въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, слѣдуетъ искать не только въ его личной меланхолии и въ его чувствительномъ къ обидѣ сердцѣ. Она кроется также въ тревоженіяхъ и колебаніяхъ времени, въ все болѣе и болѣе обостряющейся противоположности борющихся силъ въ области духовной жизни, въ томъ все возрастающемъ сведеніи счетовъ новаго со старымъ, при которомъ крайне трудно распредѣлять приходъ и расходъ. Начиная съ Руссо, Лессинга и Канта, мы видимъ цѣлый рядъ мыслителей, останавливающихся передъ этой проблемой. Немногіе только должны были, по самой своей природѣ, чувствовать жало такъ глубоко, какъ сынъ шотландскаго крестьянина, который пережилъ, начиная со строгой вѣры пресвитеріанцевъ, вліяніе духовныхъ силъ своего времени и извѣдалъ въ своей личной жизни. Проблема будетъ сопровождать человѣческій родъ на его пути до тѣхъ поръ, пока не придетъ «третье царство»—если оно придетъ. Если Карлейль видѣлъ вокругъ себя только потемки, то это объясняется строгостью требованій, которыя онъ предъявлялъ къ рѣшенію проблемы. Присущій ему самому идеализмъ, его собственный внутренній свѣтъ сгущали до такой степени вокругъ него мракъ. Онъ говоритъ гдѣ-то, что всякой душѣ, юной и пылкой, вступающей въ этотъ міръ съ великой цѣлью передъ собой и смотрящей ясными очами на жизнь, міръ этотъ покажется дурнымъ: вѣдь для чего могли бы послужить его сила и геройство? Будь міръ хорошъ, онъ былъ бы совершенно бесполезенъ! Сила и идеализмъ человѣка, слѣдовательно, дѣлаютъ міръ злымъ: зло—это наша собственная тѣнь, которая не остается за предѣлами нашего Я, но падаетъ и въ нашу собственную душу. Несчастіе человѣка происходитъ отъ его величія, отъ того безконечнаго, которое шевелится въ немъ и которое задыхается въ формахъ конечности. (Sartor Resartus. II, 9.—Life of Sterling. I, 5).

Но причина заключалась также и въ томъ, что Карлейль былъ неисправимымъ романтикомъ. У него чувствуется въ полной мѣрѣ недостатокъ романтизма въ способности понимать идеализмъ неустанной, вѣчной работы, нанизывающей кольцо за кольцомъ и ведущей чрезъ малое къ великому. Для науки и для всѣхъ систематическихъ стремленій въ области практики у него есть только насмѣшка. Но именно для него, то говорившаго о значеніи молчанія и подготовки въ тиши такія прекрасныя, а подчасъ и такія громко звучащія слова, было бы вполне естественно понять, что изъ камней, непримечательныхъ въ отдѣльности, можно возводить гордыя зданія. Такова была вѣра Бентама, вѣра Гладстона. И такова вѣра, кроющаяся за детальными научными изслѣдованіями. Правъ былъ Чарльзъ Дарвинъ, говоря о Карлейлѣ, что это — ограниченный умъ (ein beschränkter Geist). Его идеализмъ былъ угрюмъ, потому что ему недоставало пониманія значенія умственного и практическаго труда. Его вѣра въ личную жизнь не была укрѣплена настолько, чтобы онъ могъ положиться на то, что, сколько бы ее ни подвергали анализу и критикѣ, она все-таки устоитъ. Зерно жизни можетъ, во всякомъ случаѣ, вынести чистилищный огонь. Карлейль правъ въ томъ, что одной критикой мы жить не можемъ; но онъ не видѣлъ, какія идеальныя силы могутъ скрываться за критической работой. Въ этомъ пунктѣ романтикъ становился филлистеромъ.

Когда Карлейлю приходится говорить о томъ, что должно поддерживать духовную и социальную жизнь будущаго, онъ указываетъ на то, что поддерживало, по его мнѣнію, и жизнь прошлаго: благоговѣніе передъ героями, передъ великими людьми. Безконечная сила, дѣйствующая и символизирующаяся во всѣхъ вещахъ, проявляется специальнымъ образомъ въ человѣкѣ и особенно въ великихъ людяхъ. У него, какъ у Фихте, вѣра въ происхождение и значеніе избранныхъ духовъ стоитъ въ тѣсной связи съ вѣрой въ дѣятельность Божества во всѣхъ конечныхъ существахъ. Подъ героями или великими людьми Карлейль разумѣетъ образцы и руководители человѣчества, творцовъ всего того, что человѣческая масса стремится осуществить и достичь. Все то, что сдѣлано, какъ мы видимъ, вокругъ насъ въ человѣческомъ мірѣ, зародилось сначала въ душѣ великихъ людей. Здѣсь дѣйствуютъ затѣмъ незримыя силы, которыя, когда минетъ время зачатія и ношенія въ тиши, выносятъ наконецъ новое твореніе на свѣтъ Божій. Поэтому исторія великихъ людей есть душа мировой исторіи. Герой можетъ выступить въ роли пророка, поэта, государственнаго человѣка, но во всѣхъ формахъ онъ выражаетъ собою великую, сосредоточенную силу жизни, въ противоположность всему вѣшнему, раздробленному и ограниченному. По отношенію къ нему у всѣхъ людей будетъ пробуждаться потребность къ благоговѣнію, у всѣхъ будетъ зажигаться божественная искра. (И въ этомъ пунктѣ Карлейль напоминаетъ намъ Фихте, въ особенности его «Рѣчи къ нѣмецкой наці»). Именно герой открываетъ сокровенныя мысли бытія и

время и провозвѣщаетъ другимъ людямъ словомъ и дѣломъ, двигая такимъ образомъ впередъ человѣчество. Въ наши дни болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, существуетъ потребность въ подобныхъ герояхъ, въ просвѣщенной аристократіи, которая бы руководила людьми. Огромная социальная пропасть, о которой свидѣлствуетъ вся мировая исторія, становится въ наши времена все шире и шире. Намеки на это встрѣчаются у Карлейля уже въ «Sartor Resartus» (въ главѣ «Helotage» III, 4), — прежде чѣмъ появились его сочиненія, написанныя специально на социальные темы, — тамъ, гдѣ онъ вопиетъ о тѣлесномъ и духовномъ голодѣ массы. Народное образование и переселеніе въ широкихъ размѣрахъ — вотъ тѣ средства, на которыя онъ указываетъ, чтобы помочь бѣдѣ. Чтобы привести въ дѣйствіе эти средства, недостаетъ, по его мнѣнію, новыхъ пророковъ и новыхъ людей, подобныхъ Генристу и Горсу. Однако же глубже вникнуть въ социальный вопросъ не было дѣломъ Карлейля; для этого было слишкомъ велико его презрѣніе къ филантропамъ, политико-экономамъ и политикамъ. Въмѣсто этого онъ обратился къ исторіи, для того чтобы вызвать великихъ дѣятелей, великіе образцы, примѣры которыхъ могъ бы будить и концентрировать, быть можетъ, заснувшій и раздробленный человѣческій родъ. Именно своими историческими сочиненіями вліялъ Карлейль на болѣе широкіе круги. Черезъ посредство этихъ сочиненій вліяютъ его мысли и по сію пору на возрастающее все число людей. Для многихъ самъ онъ былъ однимъ изъ тѣхъ героевъ, которыхъ описывалъ, однимъ изъ тѣхъ, которые обладаютъ способностью чувствовать, видѣть и выражать потребности и мысли своего времени. Значеніе его, какъ историка, не подлежитъ здѣсь обсужденію; какъ историкъ онъ долженъ предстать предъ другимъ судилищемъ. Но и здѣсь мы находимъ у него романтизмъ въ томъ чрезмѣрномъ значеніи, которое онъ придаетъ первичному, спонтанному, неизъяснимому у великихъ личностей. Настоящей попытки показать зависимость великихъ людей отъ рода онъ не дѣлаетъ — хотя величіе сказывается въдѣ и въ большой способности быть обаятельнымъ въ чемъ-нибудь другимъ, потому что духъ и употребленіе собственныхъ силъ стоитъ у великаго человѣка выше, чѣмъ у другихъ людей. Карлейль даетъ только мистическое объясненіе «героя», рассматривая его, какъ воплощеніе безконечной силы, дѣйствующей во всѣхъ вещахъ. И здѣсь проглядываетъ отвращеніе романтика къ анализу и къ «философіи причинъ и слѣдствій».

Карлейль не идетъ однако такъ далеко, какъ одна позднѣйшая теорія, выдающая «цѣль исторіи» въ великихъ людяхъ. Онъ рассматриваетъ ихъ, какъ великія причины, слѣдовательно — какъ великихъ слугъ. Онъ провозглашаетъ культъ героевъ, но ясно видитъ, что быть предметомъ «поклоненія» тупоумной массы или властвовать надъ ней — не есть геройство. «Да, друзья, говоритъ онъ, («Past and Present» I, 6) культъ героевъ; но онъ прежде всего долженъ состоять въ томъ, чтобы мы сами обладали героизмомъ. Не

міръ кропателей, надъ которымъ *не можетъ* властвовать никакаго герой—король, а цѣлый міръ героевъ—вотъ къ чему мы стремимся».

Перев. Д. Викторовъ.

(Продолженіе *стѣдуетъ*).

Народъ и нація *)

(Окончаніе).

III.

XIX вѣкъ — вѣкъ торжества національныхъ стремленій. Преодолевая всевозможныя препятствія, націи освобождаются изъ подъяга чуждаго имъ владычества и на развалинахъ существующихъ государствъ создаютъ новыя, національныя государства. Национальное движеніе нашихъ дней возникаетъ въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія.

Въ Январѣ 1822 г. національное собраніе возставшихъ грековъ провозглашаетъ національную независимость и вотируетъ временную конституцію новаго государства. Послѣ кровопролитной войны, Турція вынуждена уступить соединеннымъ силамъ Россіи, Англіи и Франціи, ставшимъ на защиту греческихъ притязаній, и Андрианопольскимъ мирнымъ трактатомъ съ Россіей 1829 г. признаетъ отдѣленіе Греціи, какъ совершившійся фактъ.

Въ 1863 г. Англія выражаетъ согласіе на присоединеніе къ Греціи Ионическихъ острововъ, поставленныхъ трактатомъ 1815 г. подъ ея исключительный протекторатъ. Такое рѣшеніе мотивируется «обобщными интересами обѣихъ странъ (т. е. Греціи и Ионическихъ острововъ), связанныхъ общностью происхожденія и религіозныхъ вѣрованій».

Въ Сентябрѣ 1830 г. начинается революція въ Бельгіи, присоединенной, противъ воли народа, къ Голландіи Вѣнскимъ конгрессомъ, желавшимъ во что бы то ни стало создать на границахъ Франціи искусственный барьеръ, въ видѣ независимаго и сильнаго государства. Национальный конгрессъ Бельгіи, во имя бельгійской націи, провозглашаетъ независимость бельгійскаго государства. Лондонская конференція протоколомъ 15 Ноября 1831 г. признаетъ независимость Бельгіи и объявляетъ ее государствомъ вѣчно нейтральнымъ. Послѣ долгихъ колебаній, только въ Мартѣ

*) См. Образование № 4, стр. 59.

1838 г. Лондонскій протоколъ подписывается Голландскимъ королемъ. Въ Апрѣлѣ 1839 г. заключается первый бельгійско-голландскій трактатъ.

Съ 40-хъ годовъ начинается геройская борьба за независимость венгерскаго народа. Въ 49-мъ году Австріи удается при помощи русскихъ войскъ подавить венгерское возстаніе и установить въ конституціонной Венгріи почти на 20 л. военно-деспотическій режимъ. Однако, духъ національной независимости оказываетъ сильное сопротивление. Въ 1867 г. между Австріей и Венгріей происходитъ *соглашеніе* (Ausgleich), признающее королевство Венгрію сувереннымъ и независимымъ государствомъ, состоящимъ въ реальной уніи съ Австріейской Имперіей.

Одновременно съ венгерскимъ движеніемъ, и въ итальянскихъ государствахъ начинается возстаніе противъ австрійскаго владычества. Война между Пьемонтомъ и Австріей 1849 г. оканчивается полнымъ пораженіемъ итальянцевъ. Карлъ-Людвигъ Пьемонтскій вынужденъ отказаться отъ престола въ пользу своего старшаго сына Виктора-Эммануила. Только благодаря англо-французскому посредничеству, Сардинское королевство сохраняетъ свои прежнія границы, и у Австріи покупается миръ цѣною 75 милліоновъ лиръ военной контрибуціи. Тѣмъ не менѣе, несчастная для Италіи война подвинула значительно впередъ ея національное объединеніе. Со времени этой войны, Пьемонтъ, руководимый искуснымъ Кавуромъ, становится центромъ, къ которому тяготѣютъ всѣ народы Италіи,—беретъ на себя по праву роль представителя и защитника итальянской національной идеи. Участіе Пьемонта въ Крымской войнѣ, хотя и не приноситъ непосредственныхъ выгодъ Италіи, тѣмъ не менѣе, способствуетъ въ значительной степени ея грядущему объединенію. На парижскомъ конгрессѣ 56 г., представители Сардиніи получаютъ возможность заявить официально, предъ лицомъ всей Европы, о нестерпимости существующаго въ Италіи политическаго строя.—Съ этого момента возникаетъ, такъ называемый, итальянскій вопросъ. Европейская дипломатія прозрѣваетъ: она видитъ націю тамъ, гдѣ раньше она видѣла одинъ только географическій терминъ. Война между Пьемонтомъ и Австріей, неизбежность которой вполнѣ уже выяснилась на Парижскомъ конгрессѣ, началась въ 59 г. Въ своей прокламаціи къ итальянцамъ Викторъ-Эммануилъ объявляетъ, что онъ сражается за священныя права всей итальянской націи, что единственное честолюбіе его заключается въ томъ, чтобы быть первымъ борцомъ за независимость Италіи. Одновременно съ Викторомъ-Эммануиломъ Австріи объявляется война Наполеономъ, которому, по франко-сардинскому оборонительному и наступательному договору 1858 г., обѣщаны Пьемонтомъ Савойя и Ницца. Несчастная для Австріи война заканчивается Вилла-Франкскимъ прелиминарнымъ и Цюрихскимъ окончательнымъ миромъ. Австрійскій императоръ, по мирному договору, уступаетъ Ломбардію Наполеону съ тѣмъ, чтобы послѣдній пере-

даль ее безвозмездно Сардинскому королю. Съ самаго начала австро-сардинской войны отдѣльныя государства Италіи начинаютъ высказываться въ пользу присоединенія къ Пьемонту. Послѣ окончанія войны, въ Мартѣ 1860 г., согласно плебисциту, къ Пьемонту присоединяются Эмілія и Тоскана; въ Октябрѣ и Ноябрьѣ того-же года, послѣ побѣдоносной экспедиціи Гарибальди, плебисцитъ огромнымъ большинствомъ голосовъ присоединяетъ къ Сардиніи королевство Обѣихъ-Сицилій, Мархію и Умбрию. Такимъ образомъ, для окончательнаго объединенія Италіи еще не достаетъ Венеціи и Рима. Въ 1866 г. по Вѣнскому миру, которымъ завершилась война Пруссіи и Италіи съ Австріей, Италія приобрѣтаетъ,—опять таки чрезъ посредство Наполеона—Венецію. Въ 1870 г., когда война съ Пруссіей заставила Францію—защитницу папскаго престола — отозвать свои войска изъ Рима, итальянская армія безъ всякаго труда и почти безъ кровопролитія, овладѣваетъ «вѣчнымъ городомъ», который вслѣдъ затѣмъ, по плебисциту, присоединяется къ Италіи. Въ слѣдующемъ 1871 году Римъ объявляется столицей итальянскаго королевства.

Такъ закончилось національное объединеніе Италіи.

Одновременно съ Италіей національное движеніе одерживаетъ побѣду въ Германіи.

Со времени Наполеоновскихъ войнъ идея единой Германіи живетъ въ лучшихъ умахъ германскаго народа. Въ 1833 г. учреждается знаменитый Таможенный Союзъ (Zollverein), объединившій—правда, пока лишь на почвѣ торговой политики—большинство наиболѣе значительныхъ германскихъ государствъ и послужившій зерномъ, изъ котораго спустя много лѣтъ суждено было вырасти Германской Имперіи. Къ 40-мъ годамъ національное движеніе охватываетъ почти всю Германію. Въ 48-мъ году во Франкфуртѣ созывается національный парламентъ специально затѣмъ, чтобы вотировать Германскую конституцію. Франкфуртскій парламентъ оказывается, однако, не на высотѣ своего призванія. Увлекающійся и болтливый, онъ создаетъ конституцію, практически неосуществимую, неприноровленную къ политическому строю Германіи. Прусскій народъ отказывается отъ предложеннаго ему парламентомъ титула Германскаго Императора; ибо, по его словамъ, Король «Божіей Милостью» не можетъ возложить на себя корону, состряпанную революціей изъ грязи и глины. Австрійское правительство безусловно отвергаетъ проектъ конституціи, исключавшей Австрію изъ состава Германской Имперіи. Такимъ образомъ, попытка германскихъ патріотовъ 48-го года осуществить объединеніе Германіи оказывается преждевременной. Революціонныя вспышки въ Пруссіи, Саксоніи, Баденѣ и Баваріи подавляются силой оружія, и въ 49-мъ году Франкфуртскій парламентъ, покинутый большинствомъ своихъ членовъ и ставшій орудіемъ республиканской партіи, погибаетъ насильственной смертью. Нѣкоторые изъ наиболѣе крайнихъ его членовъ предаются суду и затѣмъ приговариваются къ тюремному заключенію и даже къ

казни. Втеченіе 50-хъ годовъ Пруссія стоитъ во главѣ національнаго движенія; но всѣ предлагаемыя ею проекты организаціи обще-германскаго отечества разбиваются объ упорную и безусловную оппозицію австрійскаго правительства. Съ своей стороны Пруссія въ 1861 г. отвергаетъ Австрійскій проектъ, принятый двадцатью четырьмя второстепенными германскими государствами. Политическіе дѣятели Германіи начинаютъ понимать, что до тѣхъ поръ, пока будетъ длиться борьба изъ-за гегемоніи между Австріей и Пруссіей, національное объединеніе Германіи останется неосуществимой химерой. Въ 1862 г. Бисмаркъ въ разговорѣ съ австрійскимъ посломъ заявилъ, что Австрія должна отказаться отъ Германіи и перенести центръ своей тяжести въ Будапештъ. Вскорѣ желаніямъ Бисмарка суждено было сбыться. Результатомъ войны 64 г., предпринятой, во имя національной идеи, Австріей и Пруссіей противъ Даніи, явилось завоеваніе Шлезвигъ-Гольштейна, жители котораго, по преимуществу, принадлежатъ къ германской національности. Въ герцогствахъ, уступленныхъ Австріи и Пруссіи, устанавливается *«совладніе»* (содоминіумъ) этихъ державъ. Само собою разумѣется, что такое совладніе не могло не привести къ неизбѣжнымъ конфликтамъ; тѣмъ болѣе, что Пруссія не только не старалась ихъ избѣгать, но, наоборотъ, старалась ихъ вызвать. Въ 1866 г. Пруссія начинаетъ изъ за Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса войну съ Австріей, предварительно заключивъ союзный договоръ съ Италіей. Потерпѣвъ пораженіе при дер. Садовой, Австрія обращается съ просьбою о посредничествѣ къ Наполеону III и затѣмъ заключаетъ съ Пруссіей Никольсбургскій прелиминарный и Пражскій окончательный миръ. Согласно этому миру, Австрія признаетъ упраздненіе Германскаго Союза и выражаетъ согласіе на новую организацію Германіи, безъ участія въ ней Австріи. Кромѣ того къ Пруссіи переходятъ всѣ права Австріи на Шлезвигское и Гольштинское герцогства и, наконецъ Австрія уплачиваетъ Пруссіи 40 милліоновъ талеровъ для покрытія части военныхъ издержекъ.

Въ войнѣ съ Пруссіей большая часть германскихъ государствъ была на сторонѣ Австріи. Въ виду этого, побѣдоносная Пруссія, по праву завоеванія, инкорпорируетъ Ганноверъ, Кургессенъ, Насау и Франкфуртъ, и кромѣ того, облагаетъ военной контрибуціей Вюртембергъ, Баварію и Баденъ.

Новая организація Германіи, послѣ Пражскаго мира, имѣетъ характеръ временный и переходный. Вся Германія дѣлится на два Союза,—Сѣверо-Германскій во главѣ съ Пруссіей и Южно-Германскій, въ которомъ преобладающая роль принадлежитъ Баваріи. Оба союза связаны Таможенною унией, Zollverein'омъ, поддерживающимъ у народовъ Германіи сознаніе національнаго единства. О полномъ объединеніи Германіи въ 67 году не могло быть и рѣчи, хотя бы потому, что такому объединенію безусловно воспротивилась-бы Франція, уже совершившая крупную полити-

ческую ошибку, допустивъ чрезмѣрное усиленіе Пруссіи. Лучше кого-бы то ни было, Бисмаркъ понималъ, что къ Германской Имперіи ведетъ только одинъ путь.—путь чрезъ побѣжденную Францію. Съ полнымъ сознаніемъ цѣли, начиная съ 67 года, Пруссія тайно готовится къ войнѣ. Въ 1870 г. прусской дипломатіи удается вовлечь Наполеона III по ничтожнѣйшему поводу, (а именно, по поводу кандидатуры гогенцоллернскаго принца на испанскій престолъ)—въ войну съ Пруссіей. Безпримѣрно несчастная для Франціи война эта оканчивается отторженіемъ отъ нея Эльзаса и Лотарингіи; кромѣ того, Франція облагается огромной военной контрибуціей въ 5 миллиардовъ франковъ, а до ея уплаты подвергается оккупациі германскихъ армій.

Прямой результатъ Франко-Прусской войны—созданіе Германской Имперіи во главѣ съ Императоромъ, которымъ, по праву, всегда и необходимо является Прусскій король. Въ отличіе отъ Германскаго Союза, созданнаго Вѣнскимъ конгрессомъ 15-го года, Германская Имперія является не Союзомъ Государствъ (Staatenbund'омъ), а Союзнымъ Государствомъ (Bundesstaat'омъ).—Германская Имперія—суверенное государство со сложной системой законодательныхъ, правительственныхъ и судебныхъ органовъ, возвышающееся, подобно куполу, надъ 25-ю несuverенными государствами, входящими въ его составъ. Такимъ образомъ, послѣ пятидесяти лѣтъ внутренней и международной борьбы, «кровью и желѣзомъ» создано то обще-германское отечество, о которомъ еще въ эпоху Вѣнскаго конгресса мечтали лучшіе люди Германіи.

Въ семидесятихъ годахъ процессъ разложенія Турецкой Имперіи, начавшійся съ освобожденіемъ Греціи, быстро подвигается впередъ. Въ 1875 г. противъ турецкаго владычества возстаетъ Герцеговина и Боснія. Возстаніе этихъ провинцій служитъ сигналомъ для всеобщей революціи во имя національной идеи. Черногорія и Сербія формально объявляютъ Турціи войну; въ Болгаріи истребительная партизанская война ведется инсургентами.

Европейскія правительства требуютъ отъ Турціи, чтобы она взяла на себя формальное обязательство осуществить тѣ внутреннія реформы, какія признаны будутъ необходимыми Конференціей великихъ державъ. Согласившись послѣ долгихъ колебаній на созывъ въ Константинополь Конференціи, Турція, однако, отказывается принять составленный ею проектъ: тогда Россія объявляетъ ей войну, одерживаетъ надъ нею рядъ побѣдъ и почти у стѣнъ Константинополя заключаетъ съ нею Санъ-Стефинскій предварительный трактатъ. Трактатъ этотъ признаетъ полную независимость Черногоріи, Сербіи и Румыніи, получающихъ, кромѣ того, территориальное приращеніе. Болгарія объявляется полунезависимымъ княжествомъ съ территоріей равной почти половинѣ Европейской Турціи. Боснія и Герцеговина приобретаютъ автономію и, кромѣ того, въ нихъ вводятся реформы, предложен-

ния Константинопольской конференціей. Санъ-Стефанскій мирный трактатъ вызываетъ недовольство и протесты со стороны Австро-Венгрии и Англии: по ихъ настоянію, для пересмотра его постановленій въ 1878 г. созывается въ Берлинѣ международный конгрессъ. По справедливому замѣчанію проф. Даневскаго, Берлинскій Трактатъ является крупнымъ пораженіемъ русской дипломатіи, побѣдой Австріи, Англии и Германіи надъ Россіей. Важнѣйшія постановленія его касаются Болгаріи, у которой отнято около $\frac{2}{3}$ территоріи, предоставленной ей Санъ-Стефанскимъ трактатомъ. Болгарія разорвана на двѣ части: одна образуетъ несuverенное de jure и суверенное de facto болгарское княжество, обязанное только платить Турціи опредѣленную, ежегодную дань; другая, подъ именемъ Восточной Румелии, остается автономной турецкою провинціей, управляемой генераль-губернаторомъ изъ христіанъ, назначаемымъ султаномъ съ согласія великихъ державъ. Такая организація Болгаріи признавалась «временной»— даже самими творцами Берлинскаго трактата. Итальянскій публицистъ Лаги называетъ Болгарію уродливымъ созданиемъ Берлинскаго конгресса. Вассальная зависимость Болгаріи отъ Турціи, по его мнѣнію, является безсмысленной аномаліей положительнаго права. Еще въ 1881 г. Блунчи предсказалъ, что соединеніе Восточной Румелии съ Болгаріей неизбежно. И дѣйствительно, Филиппопольскій переворотъ 1885 г. приводитъ къ такому соединенію, впрочемъ, пока еще не полному. На Константинопольской конференціи 86 г. рѣшено было назначить болгарскаго князя Генераль-Губернаторомъ Румелии; съ тѣхъ поръ Румелия—по крайней мѣрѣ, de facto является интегральной частью единой Болгаріи.

Таковы побѣды, уже одержанныя національной идеей. Не подлежатъ никакому сомнѣнію, что въ грядущемъ ее ждутъ еще новыя побѣды. Послѣдняя греко-турецкая война неопровержимо доказываетъ, что восточный вопросъ еще далеко не рѣшенъ. Раньше или позже онъ будетъ рѣшенъ—и разумѣется въ духѣ независимости и свободы націй. Национальная борьба все болѣе и болѣе расшатываетъ государственный организмъ Австро-Венгрии. Съ того дня, какъ не станетъ ея популярнаго монарха, дальнѣйшее существованіе Австрійской имперіи и, можетъ быть, Венгерскаго королевства, окажется невозможнымъ.

Если, такимъ образомъ, и въ Австріи, и въ Турціи рѣшеніе національнаго вопроса почти не представляетъ серьезныхъ сомнѣній, гораздо сомнительнѣе его разрѣшеніе въ другихъ государствахъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто скажетъ, какаю судьбу, напри- мѣръ, ожидаетъ ирландскій, эльзасъ-лотарингскій или польскій вопросы? А между тѣмъ, такъ или иначе, эти вопросы и другіе имъ подобныя, будутъ,—должны быть разрѣшены; ибо существующій нынѣ порядокъ, когда одинъ и тотъ-же народъ состоитъ изъ различныхъ націй и одна и та-же нація входитъ въ составъ различныхъ народовъ, раньше или позже уступить мѣсто другому

порядку, когда каждый народъ будетъ націей и каждая нація народомъ.

Благодаря историческому характеру переживаемой нами эпохи, въ современной политической литературѣ сложилась теорія, признающая единственнымъ средствомъ для разрѣшенія національнаго вопроса уничтоженіе современныхъ государствъ, лишенныхъ національнаго единства и образованіе вмѣсто нихъ новыхъ государствъ—силою національной идеи.

Съ точки зрѣнія этой теоріи, признавая необходимость национализаціи государствъ, ео ipso необходимо признать, что каждая изъ существующихъ націй должна образовать изъ себя свое особое, національное государство. По мнѣнію большинства современныхъ публицистовъ (Манчини, Пальма, Лорана, Градовскаго и др.), каждой націи принадлежитъ «священное и неотъемлемое право» на образованіе государства.

Съ мнѣніемъ этимъ, однако, врядъ-ли возможно согласиться.

Образованіе новыхъ государствъ силою національной идеи отнюдь не является единственнымъ средствомъ для разрѣшенія національнаго вопроса.

Если, съ одной стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нація при извѣстныхъ условіяхъ способна создать государство, то, съ другой стороны, точно также несомнѣнно, что при извѣстныхъ условіяхъ государство способно создать націю. Поэтому Риттеръ съ полнымъ основаніемъ противопоставляетъ націи, образующей государство (Staatsbildende Völker) государство, образующее націю (Volkbildende Staaten). И тотъ, и другой путь приводятъ къ намѣченной цѣли. Кто бы ни явился создателемъ новаго порядка—государство, или нація—во всякомъ случаѣ, при новомъ порядкѣ народъ будетъ націей и нація народомъ.

Выше нами было указано, что большинство современныхъ націй, въ значительной степени, обязаны своимъ происхожденіемъ характеру ихъ политической исторіи, медленному и незамѣтному дѣйствию совмѣстной государственной жизни, ассимилирующей, национализирующей составные элементы народа. Градовскій дѣлитъ историческіе факторы національности на двѣ группы: къ первоначальнымъ, постояннымъ факторамъ онъ относитъ религію, обычаи и языкъ; къ историческимъ факторамъ, имѣющимъ характеръ прогрессивный, онъ относитъ, по преимуществу, государство. Каждый прогрессъ въ политической жизни, каждое международное столкновеніе, говоритъ онъ, увеличиваютъ сумму національныхъ особенностей, уясняютъ національную идею.

Кто не знаетъ, что французская нація создана, главнымъ образомъ, объединительной политикой французскихъ королей? Национальный характеръ англійскаго народа, какъ справедливо указываетъ Константинъ Францъ, является, въ значительной степени, продуктомъ политической исторіи Англии, государственнаго строя ея; между тѣмъ какъ сплошь и рядомъ, принимая слѣд-

ствіе за причину, объясняютъ политическую исторію Англии національнымъ характеромъ англійскаго народа.

Прочтите,—хоти бы, напримѣръ, у Лабуле—исторію образованія Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и вы увидите, что лѣтъ 100 тому назадъ о сѣверо-американской націи не могло быть и рѣчи.

Союзная конституція въ началѣ имѣла характеръ искусственной политической комбинаціи и во многихъ штатахъ была принята самымъ ничтожнымъ большинствомъ голосовъ. Многие возставали противъ вступительной формулы Конституціи, которая гласитъ: «мы—народъ Соединенныхъ Штатовъ и т. д. Patrick Henry, напримѣръ, въ одной изъ своихъ рѣчей, направленныхъ противъ конституціи, обращается къ ея составителямъ съ вопросомъ, кто уполномочилъ ихъ сказать: «мы, народъ», вмѣсто того, чтобы сказать: «мы, государства». Душа федераціи, восклицаетъ онъ, не народъ, а отдѣльныя государства.

Между тѣмъ, въ настоящее время та же конституція является политическимъ евангеліемъ, національною гордостью сѣверо-американской націи. Нѣкогда чуждые и даже враждебные другъ другу штаты, въ настоящее время, не утративъ своего государственнаго характера, органически слились въ одно и единое, національное Союзное Государство. Всякому, кто много путешествовалъ, хорошо знакомъ національный типъ сѣверо-американца, столь рѣзко отличный отъ національнаго типа соплеменнаго ему англичанина.

Но самымъ разительнымъ примѣромъ значенія и силы политическаго, *государственнаго* начала можетъ служить небольшая Швейцарія. Швейцарская національность слагается изъ частей, *отторгнутыхъ* силою государственнаго начала отъ трехъ могучихъ и рѣзко индивидуальныхъ націй. Населеніе нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ кантоновъ, объединенное демократическимъ строемъ жизни, демократическимъ характеромъ федеральной конституціи, международнымъ положеніемъ вѣчно-нейтральнаго государства, общими государственными интересами и учрежденіями, образуетъ одну, по выраженію Блунчли, *интернаціональную націю*, не смотря на различіе племенного происхожденія, религіи и языка. Одинъ и тотъ-же швейцарскій національный духъ отражается въ многочисленныхъ и разнообразныхъ кантонахъ, подобно тому, какъ одно и то же швейцарское небо отражается въ многочисленныхъ горныхъ озерахъ Швейцаріи. Жителямъерна жители Ваата несравненно ближе по національнымъ симпатіямъ баварцевъ или пруссаковъ. За независимость Швейцаріи, во имя національной идеи, жители Невшателя сражались бы съ Франціей такъ же рѣшительно и единодушно, какъ жители Фрибурга или Люцерна.

Такова ассимилирующая, объединяющая сила государственнаго начала!

Можно бы привести еще много примѣровъ въ подтвержденіе

той истины, что совмѣстная политическая жизнь въ одномъ государствѣ ведетъ къ образованію и укрѣпленію національнаго самосознанія, которое, какъ намъ извѣстно, является конститутивнымъ элементомъ національности.

Но въ такомъ случаѣ, становясь всецѣло на точку зрѣнія національнаго принципа, который требуетъ, чтобы народъ и нація были названіемъ одной и той же сущности, разсматриваемой съ разныхъ сторонъ,—мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ признать за каждой изъ существующихъ націй безусловнаго «права» на образованіе государства: ибо національный принципъ въ одинаковой степени торжествуетъ какъ въ томъ случаѣ, когда нація создаетъ государство, такъ и въ томъ, когда государство создаетъ націю.

IV.

Но вотъ вопросъ: когда и при какихъ условіяхъ государство способно націонализировать народъ?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо разсматрѣть различныя отношенія между народомъ и націей, существующія въ современныхъ государствахъ.

Прежде всего, народъ можетъ быть меньше націи. Нерѣдко въ силу тѣхъ или иныхъ историческихъ причинъ либо одна и та же нація распадается на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, либо отъ націи отпадаетъ болѣе или менѣе значительная ея часть, образуя особое государство. Въ такомъ случаѣ государство, если только форма его устройства и характеръ его дѣятельности соотвѣтствуютъ политическимъ идеаламъ народа, съ теченіемъ времени легко можетъ претворить фрагменты существующихъ націй въ *новую націю*.

Наилучшимъ примѣромъ такого созданія націй силой государственнаго начала является отдѣленіе американскихъ колоній отъ своихъ европейскихъ метрополій. Само собою разумѣется, что не бразильская нація создала бразильское государство, а, наоборотъ, бразильское государство создало, или, по крайней мѣрѣ, создаетъ бразильскую націю. Въ подобныхъ случаяхъ торжеству государственнаго начала способствуетъ, въ значительной степени, огромность разстоянія, отдѣляющаго государство — колонію отъ своей метрополіи. Менѣе вѣроятно такое торжество въ тѣхъ случаяхъ, когда государства, принадлежащія къ одной и той же національности, сосредѣлены другъ другу. Примѣръ Германской Имперіи, равно какъ Италіи доказываетъ, что національное начало, питаемое общностью мѣстожительства экономическихъ, политическихъ и культурныхъ условій, оказывается сильнѣе формальнаго государственнаго начала и, раньше или позже, претворяетъ отдѣльныя государства въ одно—простое или союзное — національное государство.

Историческое происхожденіе современныхъ государствъ ведетъ,

однако, къ тому, что въ нихъ гораздо чаще наблюдается другого рода отношеніе между народомъ и націей: народъ бываетъ больше націи. Здѣсь возможенъ рядъ самыхъ разнообразныхъ комбинацій.

Прежде всего, государство нерѣдко состоитъ изъ какой либо опредѣленной націи и затѣмъ нѣсколькихъ, чуждыхъ ей этнографическихъ группъ, лишенныхъ, однако, самостоятельнаго національнаго характера. Примѣромъ такого государства можетъ служить Россія въ отношеніи къ такъ называемымъ восточнымъ инородцамъ. Исторія неопровержимо доказываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ господствующая національность раньше или позже ассимилируетъ, поглащаетъ входящія въ составъ государства инородные этнографическіе элементы. Послѣдніе, находясь на низкой степени культурнаго развитія, не оказываютъ противодѣйствія—по крайней мѣрѣ, сознательнаго—ассимилирующимъ тенденціямъ государственной власти. Эти тенденціи по отношенію къ инородцамъ, лишеннымъ національнаго самосознанія, всегда имѣютъ, въ большей или меньшей степени, прогрессивный, цивилизующій характеръ; ассимилировать инородцевъ—значитъ поднять ихъ на высшую ступень культурнаго развитія.—Гораздо труднѣй ассимиляція различныхъ *национальных* элементовъ, входящихъ въ составъ одного и того же народа.

Конечно, и въ этомъ случаѣ ассимиляція представляется почти неизбѣжной, если коренное населеніе государства принадлежитъ къ одной и той-же націи; всѣ же остальные являются элементомъ пришлымъ, не связаннымъ исторически съ опредѣленной территоріей, разсыяннымъ на всемъ пространствѣ государства, смѣшаннымъ съ кореннымъ населеніемъ его.

Точно также ассимиляція вполне возможна, если одна изъ націй, образующихъ государство, подавляющимъ образомъ превосходитъ и въ численномъ, и—что гораздо важнѣе—въ культурномъ отношеніи всѣ прочія націи. Въ подобномъ случаѣ процессъ ассимиляціи проходитъ незамѣтно и мирно, безъ нарушенія чьихъ бы то ни было интересовъ и правъ. Рѣшеніе національной проблемы представляется наиболѣе счастливымъ, если приобщеніе къ господствующей націи является въ то же время для всѣхъ остальныхъ приобщеніемъ къ высшей культурѣ.

Если государство состоитъ изъ нѣсколькихъ націй, и въ матеріальномъ и въ духовномъ отношеніи равносильныхъ другъ другу, то оно только при условіи федеративнаго устройства можетъ приобрести обще-національный характеръ; ибо федеративное государство, какъ доказываетъ, хотя бы, примѣръ Швейцаріи, предоставляя образующимъ его націямъ достаточно простора для того, чтобы онѣ не чувствовали политическаго гнета, вмѣстѣ съ тѣмъ сближаетъ и объединяетъ ихъ на почвѣ союзной конституціи и союзныхъ учреждений, на почвѣ совмѣстной политической и культурной жизни союза.

Но всего сомнительнѣй и труднѣй ассимиляція силой государственнаго начала различныхъ націй, рѣзко обособленныхъ другъ.

отъ друга, живущихъ сплошною массою на опредѣленной территоріи, имѣющихъ свою исторію и культуру, свою религію и языкъ, — и, тѣмъ не менѣе, образующихъ одно и единое — простое, а не федеративное — государство. Такое государство, по общему правилу, создается и поддерживается *силою*, т. е. матеріальнымъ превосходствомъ одной изъ образующихъ его націй.

Но именно, этотъ фактъ дѣлаетъ ассимиляцію почти невозможной.

Конечной, если признать конститутивнымъ элементомъ націи то или иное *внѣшнее* свойство ея, — напримѣръ, религію, право, или языкъ, въ такомъ случаѣ, не трудно прийти къ убѣжденію, что государственная власть, находящаяся въ рукахъ доминирующей націи, можетъ, воздвигнувъ гоненіе на религію, отмѣнивъ право, и т. п. насильственно уничтожить всѣ прочія націи и, такимъ образомъ, націонализировать государство.

Въ дѣйствительности, однако, подобный образъ дѣйствій, безусловно не допустимый съ точки зрѣнія морали, оказывается въ то же время бессмысленнымъ и вреднымъ, съ точки зрѣнія политики. Существенно-необходимымъ моментомъ, характеризующимъ понятіе націи, является, какъ намъ извѣстно, національное самосознанье. Но, именно, противъ *сознанія* матеріальная сила, какъ бы она ни была энергична и неразборчива въ средствахъ, совершенно бессильна; ибо жестокія преслѣдованія и политическій гнетъ не только не могутъ побѣдить національной идеи, но, наоборотъ, усиливая ея сознательность и напряженность, они дѣлаютъ ее непобѣдимой. Исторія сохранила намъ много примѣровъ трагической борьбы между идеей и силою; и кто изъ насъ не знаетъ, что побѣдительницей изъ подобной борьбы всегда выходила идея. «Убить человѣка, любилъ повторять Севастьянъ Кастальонъ, одинъ изъ лучшихъ людей нетерпимаго и жестокаго 16-го вѣка, это не значитъ, побѣдить идею; это значитъ — убить человѣка, и только. — И развѣ не свидѣтельствуетъ о непобѣдимости идеи исторія христіанства, — исторія тѣхъ мучениковъ, которыхъ Мильтонъ такъ прекрасно называетъ «несокрушимою силою безсилія»!

Конечно, та же исторія насъ учитъ, что грубая, матеріальная сила играла значительную роль въ созданіи современныхъ націй. Дѣло, однако, въ томъ, что этнографическіе элементы, изъ которыхъ онѣ сложились, въ свою очередь, національнаго характера еще не имѣли. Сила завоевателя или деспота, достаточно могущественная для того, чтобы сломить бессознательное сопротивленіе инстинкта, оказывается безсильной предъ упорной энергіей національнаго сознанья. Развѣ остановила австрійская политика развитіе славянскихъ народностей Австріи? Наоборотъ, чѣмъ строже была цензура, тѣмъ дороже становился славянамъ ихъ родной языкъ; чѣмъ беспощаднѣе были преслѣдованія, тѣмъ охотнѣе приносились жертвы; чѣмъ тяжеле было давленіе, тѣмъ съ большей упругостью національное чувство стремилось къ свободѣ. Никто не оказалъ такихъ услугъ развитію національной

идеи, какъ Иосифъ II и, позднѣе, Меттернихъ,— ея два величайшихъ врага. Пробужденіе національнаго духа, говоритъ Чичеринъ, таковъ неизбежный плодъ насильственнаго подавленія его. —

Кто не знакомъ съ давнишней, ирландской политикою Англіи? Втеченіе долгаго времени, неуклонно стремясь къ сознательно и твердо поставленной цѣли, англичане сдѣлали все, что только можетъ сдѣлать гордость, корыстолюбіе и жестокость, вооруженныя властью, для того, чтобы сломить и уничтожить національную независимость ирландцевъ. Католическая религія систематически подвергалась нестерпимымъ гоненіямъ. Католики объявлены были почти внѣ закона: они лишены были права занимать какую либо должность, оставляя свое графство, приобретать недвижимую собственность, свободно завѣщать свое имущество. Болѣе ⁹/₁₀ ирландской земли въ разное время конфисковано было правительствомъ и роздано англійскимъ лордамъ. Ирландцы вынуждались къ массовой эмиграціи и на ихъ мѣсто высылались изъ Англіи колонисты англичане. Многочисленныя возстанія ирландцевъ подавлялись съ невѣроятной жестокостью: англійскія войска срывали до основанія города, поголовно вырѣзывали населеніе.

И что-же? Англичанамъ удалось навязать Ирландію свои учрежденія, своихъ чиновниковъ и колонистовъ,— мало того, свой языкъ, но имъ не удалось уничтожить ирландцевъ, какъ націю. Наоборотъ, именно, благодаря преслѣдованіямъ и гоненіямъ, національное чувство ирландцевъ превратилось въ національную страсть. Стремясь къ объединенію политика силы сдѣлала объединеніе невозможнымъ; въ сердцѣ ирландца она зажгла непримиримую ненависть къ Англіи, непобѣдимую любовь къ своей горимой церкви, къ своей несчастной странѣ. И не смотря на то, что Англія уже давнымъ давно отказалась отъ своей прежней политики, и теперь еще для ирландца, хотя и усвоившаго англійскую рѣчь, быть ирландцемъ—значитъ ненавидѣть Англію.

Однако, довольно примѣровъ. Мы видѣли выше, что конститутивнымъ элементомъ національности необходимо признать національное самосознаніе. Это самосознаніе проявляется въ чувствѣ: національной солидарности, съ одной стороны, и національной обособленности, съ другой. Политическія преслѣдованія и гнѣтъ, увеличивая глубину и напряженность этихъ чувствъ, тѣмъ самымъ способствуютъ укрѣпленію и развитію національнаго самосознанія. Такимъ образомъ, политека силы вмѣсто того, чтобы уничтожить націю, укрѣпляетъ ее. Можно подумать, что нація подобна легендарному чудовищу: вмѣсто каждой отрубленной головы у нея вырастаетъ десять новыхъ.

Но возможна ли, въ такомъ случаѣ, вообще, націонализація народа въ государствѣ, составленномъ изъ одной господствующей и одной или нѣсколькихъ политически зависимыхъ націй?

Если и возможна, то при одномъ условіи. Это условіе — политика духовнаго сближенія и культурныхъ побѣдъ. Если государство возникло путемъ завоеваній, господствующая нація дол-

жна сознательно направить свои усилія къ тому, чтобы всѣ остальные націи, входящія въ составъ государства, забыли какъ можно скорѣе печальныя событія прошлыхъ временъ, грѣхи и заблужденія минувшихъ поколѣній. Старинный обычай классической Эллады запрещалъ побѣдителямъ возводить на полѣ битвы трофеи, т. е. памятники побѣды изъ камня или металла, для того, чтобы не увѣковѣчить воспоминаній вражды и облегчить примиреніе грядущимъ поколѣніямъ побѣдителей и побѣжденныхъ.

Какой прекрасный, достойный подражанія обычай.

А между тѣмъ, развѣ австрійцы не воздвигли на площади Будапешта пресловутаго памятника Генци, австрійскому полководцу, сражавшемуся противъ возставшихъ венгерцевъ въ 48 году? Национальное тщеславіе австрійцевъ было удовлетворено, но зато съ тѣхъ поръ площадь Генци стала центромъ постоянныхъ манифестацій и возмущеній, направленныхъ противъ господства австрійцевъ. Матеріальная сила можетъ побѣдить націю, но лишь духовная сила можетъ ассимилировать ее. Только въ томъ случаѣ побѣдители и побѣжденные могутъ слиться въ одно и единое національное государство, если побѣдители откажутся отъ преимущественныхъ политическихъ правъ, основанныхъ на силѣ, если они отнесутся съ уваженіемъ къ историческимъ формамъ политической жизни, къ религіи и языку побѣжденныхъ.

Какъ справедливо говоритъ проф. Чичеринъ, — привязать къ себѣ покоренный народъ можно не оскорбленіемъ самыхъ священнѣхъ его чувствъ, а призваніемъ его къ осуществленію высшихъ началъ правды и добра; народности сливаются совокупнымъ возведеніемъ ихъ на высшую ступень человѣческаго развитія.

Впрочемъ, если даже и признать, вмѣстѣ съ Маккиавелли, необязательность для политика элементарнѣйшихъ требованій морали; если даже и признать необходимость жестокихъ — рѣшительныхъ, хотя и несправедливыхъ — репрессивныхъ мѣръ, — и въ такомъ случаѣ, нельзя не возстать противъ политики угрозъ и оскорбленій, пустого тщеславія и мелочной вражды. Во всякомъ случаѣ, такая политика улюль и щелчковъ безсмысленна и вредна; ибо она разжигаетъ страсти вмѣсто того, чтобы ихъ потушить, она создаетъ враговъ, вмѣсто того, чтобы ихъ уничтожить.

Для того, чтобы побѣдить самое себя, сдержатъ эгоистическіе инстинкты, присущіе торжествующей силѣ, господствующая нація должна необходимо стоять на высокой ступени культурнаго развитія; и чѣмъ выше она стоитъ, тѣмъ могущественнѣй ея притягательная сила, тѣмъ значительнѣй тѣ духовныя и матеріальныя выгоды, которыя привязываютъ къ ней, примираютъ съ нею остальные націи. Можно положить общимъ правиломъ, говоритъ Чичеринъ, что если народъ хочетъ привязать къ себѣ подвластныя народности, онъ не только долженъ оказать имъ полную справедливость, но онъ долженъ стать выше ихъ, изливъ на нихъ новыя, невѣдомыя дотолѣ блага; тогда онъ охотно отка-

жуются отъ своихъ особенностей и сольются въ высшемъ духовномъ единствѣ. Такимъ образомъ Англія ассимилировала французскую Канаду и Франція—германскій Эльзасъ.

Выше мы старались доказать необходимость націонализации современныхъ государствъ. И съ точки зрѣнія внутренней государственной политики, и съ точки зрѣнія политики международной, въ одинаковой степени представляется необходимымъ, чтобы каждый народъ былъ націей и каждая нація народомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ осуществленіе этой цѣли беретъ на себя государство. Оно націонализируетъ народъ, ассимилируетъ составные элементы его, сближая и объединяя ихъ на почвѣ совмѣстной—экономической, политической и духовной жизни. Но бываютъ, какъ мы видѣли, случаи, когда государство не въ состояніи примирить національной розни, слить во одно составные элементы народа. Только въ такихъ случаяхъ,—а отнюдь не всегда, какъ думаетъ Градовскій, Маччини и др.—рѣшеніе національной проблемы беретъ на себя нація; только въ такихъ случаяхъ можно говорить о, такъ называемомъ «правѣ» національностей на независимость и свободы.

Конечно, борьба за національную независимость требуетъ отъ живущаго поколѣнія многочисленныхъ и тяжелыхъ жертвъ. Ей предшествуетъ пробужденіе разрушительныхъ и злыхъ инстинктовъ и страстей. Общество и печать проникаются ненавистью и враждой; сила возводится въ культъ, провозглашается вершительницей человѣческихъ судебъ. Даже наука измѣняетъ своему призванію: какъ Сократъ аѳинскихъ прелестницъ, она учитъ политическую ложь искусству нравиться и побѣждать.

Что удивительнаго, если находятся люди, готовые признать въ пробужденіи національнаго духа одно изъ величайшихъ бѣдствій, постигающихъ человѣческій родъ? И тѣмъ не менѣе, тотъ, кто сумѣетъ, отрѣшившись отъ настоящаго, подняться на такую духовную высоту, съ которой раскрыты широкіе горизонты грядущаго, тотъ увидитъ, что торжество національной идеи является рѣшительнымъ шагомъ впередъ по пути социальнаго прогресса, какъ, на примѣръ, освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига, созданіе національныхъ славянскихъ государствъ. Нѣтъ успѣха безъ жертвъ. Исторія не знаетъ ни сожалѣнія, ни страха: созидая, она разрушаетъ; разрушая, она создаетъ.

Вл. Гессенъ.

ФЕМИНИЗМЪ И ЖЕНСКАЯ СВОБОДА.

«Феминизмъ»—общественное явленіе, которое подъ французскимъ именемъ пришло къ намъ изъ Франціи. Ко всему тому, что является оттуда, приходится прислушиваться со вниманіемъ, благодаря особенному свойству французской культуры. Въ области мысли французы не столько творцы, сколько носители и проповѣдники идей. Философская или общественная идея, родившаяся въ другой странѣ, гдѣ люди живутъ болѣе уединенно и болѣе углубленно, попадая во Францію, становится достояніемъ всего міра. Французы облекутъ ее въ столь блестящія формы, окружаютъ ее такимъ шумомъ, претворятъ ее такъ, что она кажется и совершенно оригинальной, и созданной для того, чтобы быть принятой повсюду. Въ историческомъ прошломъ Европы есть много такихъ движеній, которыя сдѣлались достояніемъ всего культурнаго міра только послѣ того, какъ онѣ прошли черезъ французскую мысль и черезъ творческую волю французскихъ дѣятелей. Достаточно указать на великую французскую революцію, основанную на англійскомъ философскомъ вліяніи, чтобы убѣдиться, до чего культурная роль Франціи сосредоточена на пропагандѣ, а не на творчествѣ. Предъ нами теперь новый примѣръ этой культурной миссіи Франціи. Во всѣхъ странахъ Европы, въ особенности въ сѣверныхъ странахъ, въ Англіи, Скандинавіи и Россіи уже въ теченіи десятковъ лѣтъ происходитъ внутреннее освободительное движеніе среди женщинъ. Оно состоитъ въ борьбѣ противъ разныхъ внѣшнихъ препятствій, мѣшавшихъ и мѣшающихъ нравственно свободной женщинѣ жить полной культурной жизнью. Но это внѣшнее освобожденіе, требующее законодательныхъ реформъ, возможно только тамъ, гдѣ женщина искони была внутренне свободнымъ и равноправнымъ человѣкомъ, и гдѣ ей не приходится добывать себѣ права нравственной свободы и признанія своихъ правъ. Нужно, чтобы не существовало женскаго вопроса, для того, чтобы женщина могла завоевать тѣ необходимыя внѣшнія преимущества, которыя ей не даны въ различныхъ государствахъ только въ силу извѣстной жестокости нравовъ. Такъ обстоитъ дѣло въ сѣверныхъ европейскихъ странахъ. Въ Россіи женскаго вопроса въ собственномъ смыслѣ сло-

ва не существуетъ. Русская женщина была внутренне свободна даже въ теремномъ періодѣ своей исторіи, и боярыни, закованныя желѣзными обычаями старины, и крестьянки, страдавшія подѣ гнетомъ патриархальнаго быта и подчиненныя капризамъ свекра и плеткѣ мужа, оставались духовно свободными, создавали себѣ особый внутренній міръ, знали экстазы освобожденія въ Богѣ или, живя въ міру, свободно распоряжались своимъ сердцемъ, любили, кого хотѣли, какъ хотѣли, и, внутренне освобожденныя, очень спокойно мирились съ внѣшнимъ рабствомъ. Вся народная литература старой Руси свидѣтельствуетъ о контрастѣ внутренней свободы и внѣшняго рабства, показывающемъ, что русская женщина не была рабыней даже и тогда, когда жила внѣшней жизнью рабыни. Между женщиной древней Руси и современной русской женщиной, занятой свободнымъ трудомъ и общественною жизнью, есть разница только внѣшнихъ условій; и въ будущемъ, когда исчезнуть, какъ надо вѣрить, всякія препятствія для женщины, желающей и учиться, и жить, и трудиться наравнѣ съ другими гражданами, будетъ сравнительно съ нашимъ временемъ также различіе только самыхъ условій. По существу русская женщина никогда не считала себя нравственно несвободной, никогда не находилась въ томъ положеніи, чтобы приходилось отстаивать ея нравственныя права на духовное равенство. Женщины были одной изъ угнетенныхъ закономъ общественныхъ группъ и только противъ законовъ, а не противъ общественнаго мнѣнія приходилось ей бороться въ нашемъ вѣкѣ; и если борьба за свободу ведется успѣшно, то только потому, что нѣтъ внутреннихъ препятствій для женской свободы, что русская женщина живетъ теперь, какъ жила прежде, для себя и въ себѣ, и что женскаго вопроса, какъ вопроса о правѣ женщины на свободу и равноправіе, въ русскомъ обществѣ не существовало.

То же самое относится и къ другимъ сѣвернымъ странамъ: скандинавская женщина, такъ же, какъ и русская, чувствуетъ себя прежде всего человѣкомъ, и психологія ея не осложняется сознаниемъ своей зависимости отъ доброй воли мужчины и отъ общественныхъ предразсудковъ. Героини Ибсена блестящимъ образомъ доказываютъ внутреннюю свободу скандинавскихъ женщинъ. Посыльницами ибсеновскихъ идей о свободѣ личности являются почти всегда женщины. Какъ же далеки онѣ должны быть отъ борьбы за свою женскую независимость, если онѣ идутъ дальше общепринятыхъ представленій объ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ. Онѣ не добиваются, чтобы ихъ признали достойными участвовать въ установленномъ мужской волей общественномъ порядкѣ. Онѣ идутъ дальше, и напротивъ того, хотятъ замѣнить переживанія въ значительной степени устарѣвшей морали новымъ этическимъ міросозерцаніемъ, чуждымъ предразсудковъ. Не женское равноправіе составляетъ центръ этихъ стремленій, и не о женскихъ правахъ хлопочутъ всѣ эти Норы, Гедды Габлеръ, Женщины съ моря и т. д. (въ правахъ своихъ

онѣ достаточно увѣрены), а объ отвлеченномъ исканіи правды, человѣческой свободы, и, быть можетъ, не человѣческой красоты. Очевидно, что тамъ, гдѣ ломка всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ понятій воплощается въ идеальныхъ образахъ свободныхъ и сильныхъ женщинъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ ихъ современники мужчины, готовые мириться съ традиціями—очевидно, что тамъ женскаго вопроса и нѣтъ, и быть не можетъ. И въ Скандинавіи, какъ и въ Россіи, общественныхъ и общечеловѣческихъ правъ добивалась и въ значительной степени добила въ внутренне освобожденная женщина, которая живетъ самостоятельною жизнью, безъ отношенія къ тому, какъ на нее смотреть, и какъ ей позволяютъ жить мужчины. Англія—еще одинъ примѣръ того, что женская равноправность передъ закономъ зависитъ отъ внутренняго сознанія самой женщины. Англійская женщина стала свободной, несмотря на обиліе общественныхъ предразсудковъ, существующихъ въ среднемъ англійскомъ обществѣ. Желанія, наклонности или жизненные обстоятельства побуждаютъ ее жить въ семейномъ быту и среди пустыхъ обязанностей, налагаемыхъ обычаями свѣта, или одинокой жизнью трудящагося человѣка, или принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ интересахъ, или же, наконецъ, жить эпикурейской жизнью культурнаго человѣка, который умѣетъ и любить жить зрителемъ общаго развитія человѣческихъ силъ въ жизни и искусствѣ. Во всѣхъ этихъ условіяхъ жизни англичанка одинаково свободна и спокойна, также не стѣснена одиночествомъ, какъ и не обременена обязанностями семьи и свѣта. Она всегда чувствуетъ себя собою, не считаетъ никакого дѣла выходящимъ изъ ея женской компетенціи и не встрѣчаетъ нигдѣ недовѣрія къ себѣ, какъ къ женщиной. Ей, какъ и русской женщиной, въ значительномъ, впрочемъ, меньшей мѣрѣ, остается борьба за не предоставленныя еще права въ общественномъ строѣ,—и вотъ почему существуетъ въ Англіи очень сильное и организованное эмансипаціонное движеніе такъ же, какъ существуетъ движеніе за самоуправленіе Ирландіи. Но это движеніе опять таки не составляетъ женскаго вопроса, и въ отсутствіи его, въ полномъ и всеобщемъ признаніи нравственной правоспособности женщинъ заключается залогъ несомнѣнной побѣды англійской женщины.

Но есть страна—самая центральная и самая культурная—, гдѣ женскій вопросъ существуетъ, и гдѣ положеніе его такъ болѣзненно и такъ безнадежно, что для излеченія его пускаются въ ходъ самыя случайныя и недѣйствительныя мѣры. Страна эта—Франція. Она долго жила и процвѣтала среди чисто мужской культуры, которая сумѣла сдѣлать женщину очень необходимой, очень цѣнной и очень пріятной служанкой. Женщина сыграла большую роль во французской культурѣ,—она наложила на нее неизгладимый отпечатокъ. Но роль эта активна только по своимъ результатамъ, по тому всеобщему господству *l'âgé*, которое создало во Франціи поклоненіе женщиной, какъ кумиру,—а кумиръ отличается отъ божества тѣмъ, что онъ созданъ руками

человѣческими. Французская женщина создана требованіями французовъ и потому по своей натурѣ совершенно пассивное существо; она не имѣетъ жизни въ себѣ и существуетъ только по отношенію къ мужчинѣ, своему властелину или своему рабу, что въ сущности одно и то же, потому что власть французской женщины, какъ она ни велика въ жизни, въ искусствѣ, и въ идеалахъ французовъ всѣхъ временъ, есть на самомъ дѣлѣ духовное рабство.

И этой двойственной ролью, очень блестящей по внѣшности, французская женщина удовлетворилась. Она знаетъ, что, лишенная существенныхъ правъ, она пользуется тѣмъ, что важнѣе всякихъ правъ—привилегіями: въ ея рукахъ нити, управляющія дѣйствіями ея мнимыхъ властелиновъ, и закулисная сторона общественной и политической жизни зависитъ въ очень сильной мѣрѣ отъ ея желаній, цѣлей, и иногда просто капризовъ. Но, пользуясь этой мишурной властью, французская женщина не чувствуетъ, что у нея нѣтъ жизни для себя, что вся она существуетъ только относительной жизнью, только сообразно съ тѣмъ, какъ она относится къ тѣмъ мужчинамъ, среди которыхъ течетъ ея жизнь, или какъ они относятся къ ней. Французская женщина въ массѣ (мы не говоримъ, конечно, объ исключительныхъ женщинахъ, не представляющихъ типичныхъ явленій) не живетъ отвлеченными интересами, не участвуетъ въ общечеловѣческомъ строѣ жизни. Она всегда сознаетъ себя женщиной, думаетъ о своихъ женскихъ побѣдахъ и преслѣдуетъ свои женскія цѣли. И вотъ почему на этой почвѣ вѣкового женскаго рабства, безсознательнаго и тѣмъ болѣе безнадежнаго, долженъ былъ вспыхнуть съ особой силой вопросъ о женской эмансипации, женскій во прость, загнанный въ другихъ европейскихъ странахъ и искавшій подходящей почвы. Французская женщина довольна своимъ положеніемъ, если ей улыбаются обстоятельства жизни, если она красива, богата, окружена поклоненіемъ, если жизнь ея заполнена той суетой, которая радуется сердцу всякаго француза и еще болѣе сердцу француженки. Но есть во Франціи несчастныя женщины, т. е. тѣ, которымъ приходится работать. Несчастіе ихъ нельзя себѣ представить существомъ. Работающая женщина—предметъ всеобщаго презрѣнія или, въ лучшемъ случаѣ, обиднаго сожалѣнія. Если она некрасива, она не существуетъ для людей, среди которыхъ она живетъ—французы умѣютъ быть жестокими и черствыми, такъ же, какъ умѣютъ отдаваться порывамъ великодушія, если что-нибудь затронуло ихъ чуткіе нервы. Если работающая женщина красива, то это, конечно, еще хуже для нея, потому что тогда нѣтъ конца ея нравственнымъ мученіямъ. Никто не можетъ, что ей хотѣлось бы работать и быть свободной, когда есть возможность не работать и быть веселой. Интеллигентный женскій трудъ большею частью сводится къ учительству. Въ противоположность русской женщинѣ, которая очень часто понимаетъ педагогическую дѣятельность, какъ слу-

женіе обществу и исполняетъ его съ радостью и увлеченіемъ, французенка чужда всякой идеализаціи. Она учится изо всѣхъ силъ (всякіе государственные экзамены во Франціи очень трудны, и въ этомъ отношеніи для женщины нѣтъ исключенія), чтобы добиться диплома, и становится или учительницей въ школахъ, или бѣгаетъ по урокамъ, съ величайшей скукой, принимая свое дѣло за необходимое зло, озлобленная противъ судьбы за то, что у нея нѣтъ приданого и потому нѣтъ возможности выйти замужъ, ибо внѣ брака французенка чувствуетъ себя выброшенной за бортъ общественной жизни. Одинокая женщина во Франціи— существо потерянное, предъ которымъ почти совершенно закрыта общественная жизнь. Принужденная работать, обездоленная французская женщина чувствуетъ двойное иго: и тяжесть труда, и презрѣніе общества. Поэтому, когда изъ другихъ странъ дошли до Франціи извѣстія о томъ, что женщины могутъ работать, принимать участіе въ общественной жизни, заниматься профессіями, составлявшими до того исключительно привилегію мужчинъ и стать при этомъ равноправными членами общества независимо отъ своего общественнаго и семейнаго положенія, то эта перспектива внѣшней свободы увлекла французенокъ-рабынь, увидавшихъ въ эмансипаціи выходъ изъ своего положенія. Французская женщина не стала задумываться надъ внутренней стороной женскаго вопроса. Понятіе духовной свободы женщины, того, что она человекъ, съ индивидуальными цѣлями, не зависящими отъ отношенія къ мужчинамъ, совершенно чуждо французской женщинѣ. Она принимаетъ порядокъ вещей, существующій въ обществѣ, пользуется своими привилегіями и не думаетъ больше о правахъ. Но внѣшняя свобода, предоставляемая эмансипаціей, побудила трудящихся женщинъ добиваться ея и на своей родинѣ, и такимъ образомъ вопросъ о женской свободѣ превратился во Франціи въ стремленіе улучшить положеніе работающихъ женщинъ, т. е. отчасти въ филантропію, отчасти въ самозащиту, но во всякомъ случаѣ, въ нѣчто внѣшнее, направленное только на формы общественнаго строя, на законъ, лишенное всякой духовной поддержки, всякой основы въ собственномъ сознаніи своихъ правъ со стороны французскихъ женщинъ. Таковымъ сталъ французскій феминизмъ— и странное дѣло. Изъ Франціи, гдѣ нѣтъ женской свободы, феминизмъ проникъ въ другія страны, гдѣ не было до того женскаго вопроса. Феминизмъ (какое варварское слово!) сталъ общепринятымъ терминомъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія агитаціи въ пользу женщины. Странно, что и въ Россію, бывшую столь чуждой женскому вопросу, проникъ именно феминизмъ въ видѣ интересовъ къ конгрессамъ, къ женскому вопросу, устройства исключительно женскихъ обществъ, организаціи женскаго труда и т. д. Франція оказала свое обычное культурное давленіе и создала внѣшній обликъ феминизма, сущность котораго она же почерпнула у другихъ національностей, только передѣлавъ его по своему, т. е. придавъ ему чисто внѣшній и чисто практиче-

скій обликъ. И какъ всегда, вліяніе французской культуры оказалось полезнымъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ внутренняя свобода женщины, феминизмъ, т. е. организованное движеніе къ завоеванію извѣстныхъ внѣшнихъ преимуществъ, составляетъ очень полезное и важное явленіе. Въ Россіи, гдѣ, въ сущности, женщинѣ нѣтъ никакой надобности обособляться, ибо никто никогда отъ нея не отдѣлялся, распространившееся за послѣднее время феминистское движеніе имѣетъ смыслъ, улучшая положеніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ и, быть можетъ, содѣйствуя удаленію разныхъ препятствій, которыя ставятся свободному женскому труду. Но до чего самъ по себѣ, т. е. безъ внутренней свободы, онъ мало вліяетъ на измѣненіе общественнаго положенія женщины, показываетъ примѣръ Франціи.

Феминизмъ во Франціи направленъ преимущественно на улучшеніе экономическаго быта женщины, на то, чтобы дать ей возможность прожить самостоятельнымъ трудомъ, когда судьба не осуществила ея жизненныхъ идеаловъ, т. е. не дала ей обезпеченія и общественнаго положенія путемъ брака. Женскій вопросъ близко интересуется во Франціи только дѣвушекъ, не выпедшихъ замужъ, или овдовѣвшихъ женщинъ, занятыхъ пріискиваніемъ заработка, или-же рѣшеніемъ его занимаютъ дамы-благотворительницы, для которыхъ хлопоты по комитетамъ, конгрессамъ и обществамъ являются разновидностью тѣхъ свѣтскихъ христіанскихъ обязанностей, которыя составляютъ часть духовнаго наряда элегантной французенки - католички. Спѣшимъ оговориться, что среди французскихъ феминистокъ есть чрезвычайно серьезныя и талантливыя женщины-писательницы, ораторши, но и онѣ думаютъ рѣшить женскій вопросъ путемъ общественныхъ и экономическихъ преобразованій и не задумываются надъ тѣмъ, что исходятъ не изъ внѣшнихъ условий, а изъ самой психологіи женщины. И онѣ думаютъ, что, населивъ Францію женщинами-медиками, женщинами-адвокатами, и, быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, женщинами-депутатами, онѣ тѣмъ самымъ измѣнятъ типъ французской женщины. Но въ этомъ коренится глубокая ошибка.

Внѣшняя исторія французскаго феминизма очень почтенная и довольно несложная. Начиная съ 1848 г. стали раздаваться протесты противъ порабощенія французской женщины закономъ и общественными предразсудками. Но эти протесты были единичными и скоро заглохли. Слишкомъ сильно еще господствовала въ обществѣ формула Прудона, видѣвшаго въ женщинѣ «куртизанку или хозяйку» (*la menagère ou la courtisane*). Забытый вскорѣ женскій вопросъ снова сталъ занимать общественное вниманіе уже вначалѣ шестидесятыхъ годовъ, когда въ литературѣ выступила знаменитая защитница женскихъ правъ Марія Дорэмъ, первая французская феминистка. Она была извѣстной писательницей, авторомъ нѣсколькихъ бойкихъ комедій, и обращала на себя вниманіе статьями въ наиболѣе видныхъ

газетахъ того времени. Въ 1866 г. она прочла знаменитую въ свое время лекцію въ защиту женскихъ правъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ продолжала читать лекціи и писать по этому вопросу, стараясь привить болѣе правильное пониманіе судьбѣ женщины, о необходимости уравнить ее въ правахъ съ другими французскими гражданами. Въ своихъ требованіяхъ и въ своей защитѣ французской женщины, Марія Дерэмъ руководствовалась чисто революціонными принципами, отвлеченными понятіями о политическомъ равноправіи и свободѣ всѣхъ гражданъ страны. Она была слишкомъ поглощена политическими идеалами, чтобы вникать въ психологію французской женщины, и вся ея проповѣдь направлена была на то, чтобы добиться расширенія республиканскаго законодательства по отношенію къ женщинѣ. Какова французская женщина, нуждается ли она въ реформахъ, и не слѣдуетъ ли начать реформу изнутри, съ того, чтобы измѣнить самое пониманіе свободы и жизненныхъ цѣлей у своихъ современницъ,—объ этомъ талантливая и убѣжденная республиканка думала менѣе всего. Она возставала противъ нѣкоторыхъ французскихъ писателей, будто бы оклеветавшихъ французскую женщину, критиковала знаменитую брошюру Дюма *Homme Femme* въ очень мѣткомъ и горячемъ критическомъ памфлетѣ. Во всѣхъ другихъ ея книгахъ и статьяхъ видно то же стремленіе рѣшить женскій вопросъ законодательнымъ путемъ, и въ нихъ также въ сущности отсутствуетъ пониманіе французской женщины и ея психологіи. Въ 1878 году Марія Дерэмъ была предсѣдательницей конгресса женскихъ правъ и въ это же самое время стояла во главѣ разныхъ общественныхъ союзовъ, занятыхъ борьбой противъ духовенства и проповѣдью атеизма. Она содѣйствовала тому, что женщины стали принимать членами масонскихъ ложъ, и влияние этой талантливой революціонерки было такъ велико, что нѣсколько разъ ей предлагали ставить свою кандидатуру на представительство въ Палатѣ, отъ чего, впрочемъ, она отказалась, понимая несвоевременность подобной попытки. Марія Дерэмъ умерла лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ 1894 году, и всю жизнь была близка къ дальнѣйшему движенію женскаго вопроса во Франціи. Въ послѣдніе годы выступили болѣе молодыя дѣятельницы по женскому вопросу, опять таки въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ понимается во Франціи, т. е. какъ требованіе матеріальныхъ правъ для женщины, вынужденной трудиться. У нѣсколькихъ женщинъ защита правъ была выводомъ ихъ крайнихъ республиканскихъ идей, требованіемъ равноправія для всѣхъ, пониманіемъ свободы въ исключительномъ политическомъ смыслѣ. Такой характеръ политической пропаганды женскихъ правъ носитъ дѣятельность знаменитой Луизы Мишель и довольно знаменитой Полины Минкъ. Полина Минкъ — социалистка, Луиза Мишель — анархистка, и женское равноправіе — часть ихъ политической программы. Извѣстная писательница по экономическимъ вопросамъ Клемансъ Руайэ тоже выступила защитницей женскихъ правъ, доказывая

законность ихъ историческимъ путемъ, развивая въ своихъ произведеніяхъ идею матриархата. Болѣе непосредственной дѣятельницей по женскому вопросу является нѣсколько женщинъ, занятыхъ въ настоящее время организаціей женскаго труда, устройствомъ ассоціацій среди французскихъ работницъ, основаніемъ обществъ, въ которыхъ женщинамъ всѣхъ классовъ прививается идея о необходимости бороться противъ эксплуатаціи женскаго труда и добиваться улучшенія экономического и общественного быта женщины. Въ числѣ этихъ дѣятельницъ по женскому вопросу одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ г-жѣ Потоніэ Пьерръ, создавшей цѣлый рядъ обществъ и лигъ.

Столь же и, быть можетъ, даже болѣе извѣстна Жанна Шмааль, англичанка по происхожденію, французка по воспитанію, основательница «*Avant Courrière*», самаго крайняго феминистскаго органа во Франціи, занятая пропагандой женскихъ правъ—постолько впрочемъ, поскольку требованія эти не идутъ въ разрѣзъ съ традиціями и часто съ предрасудками французскаго общества. Особенность пропаганды Жанны Шмааль именно въ томъ, что она требуетъ умѣренныхъ и чисто практическихъ мѣропріятій, ведущихъ къ улучшенію экономического быта женщины. Благодаря умѣренности своихъ требованій, ей удалось собрать вокругъ себя много симпатій и содѣйствовать нѣкоторымъ частичнымъ реформамъ въ положеніи французской женщины. Она очень часто особенно настаиваетъ на томъ, что цѣль ея защитныя и обезпечить возможность существованія женщинамъ, обиженымъ судьбой, т. е. не пользующимся покровительствомъ мужа и семьи. Такимъ образомъ дѣятельности этой выдающейся защитницы женскихъ правъ во Франціи носитъ характеръ филантропическій. Нужно еще упомянуть въ числѣ защитницъ французской женщины передъ суровымъ для нея французскимъ законодательствомъ Жанну Шовенъ, молодую юристку, которая съ большой энергіей добивается права вступить въ ряды французской адвокатуры. До сихъ поръ это ей еще не удалось, но достаточно и того, что она способствовала возбужденію самаго вопроса о допущеніи женщинъ въ число адвокатовъ и открыла тѣмъ самымъ новые пути—опять таки для той же французской женщины, которая считаетъ себя обреченной на самостоятельный трудъ въ силу жизненныхъ обстоятельствъ.

Изъ этого крайне бѣлаго очерка феминистскаго движенія можно видѣть его исключительно практической характеръ. Для того, чтобы всѣ эти мѣропріятія и вся эта борьба противъ законодательства имѣла истинное значеніе въ дѣлѣ женской свободы, нужно было бы, чтобы она выходила изъ психологическихъ основъ, чтобы въ типахъ женщинъ, созданныхъ французской жизнью, проявлялось то же внутреннее тяготѣніе къ свободѣ, которое замѣчается въ сѣверной женщинѣ.

Но если перейти отъ того, что дѣлается для внѣшняго освобожденія французской женщины, т. е. отъ исторіи французскаго

Феминизма къ французской дѣйствительности, если мы оглянемся на женскіе типы, созданные вѣковой французской культурой, то должны будемъ сознаться, что французская женщина и не подготовлена, и не нуждается въ истинной свободѣ. Феминизмъ, который сталъ общеевропейскимъ и въ нѣкоторой степени русскимъ явленіемъ, послѣ того, какъ о немъ стали такъ много и такъ красиво говорить на французскихъ конгрессахъ и во французской печати, въ самой Франціи чисто наносное явленіе; защищая женщину и женскія права, французскіе писатели и писательницы, дѣятели и дѣятельницы тѣшатъ только свою страсть къ красотѣ въ словахъ и дѣйствіяхъ. Въ это же самое время жизнь идетъ своимъ чередомъ, и психологія французской женщины складывается по своему, совершенно не такъ, какъ это предполагается защитниками женскихъ правъ, которые идутъ по ложному пути, считая нужнымъ защищать женщину, давать ей права, дарить ей нѣчто и дѣлать ее чѣмъ то. Лишь тогда, когда она станетъ собой и будетъ сознавать себя не только женщиной, а человѣкомъ, лишь тогда, быть можетъ, исчезнетъ женскій вопросъ, станетъ лишней защита, и родится то, чего нельзя создать ни закономъ, ни статьями, ни конгрессами,—т. е. внутреннее сознание свободы.

А пока психологію современной французской женщины можно свести къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ, отразившимся во французской художественной литературѣ, въ произведеніяхъ лучшихъ писателей вѣка, и тѣхъ, которые считаются врагами женщины, и тѣхъ, которые, напротивъ того, возводили женщину на пьедесталь. Весь французскій романъ XIX в. занятъ изученіемъ женщины, но изученіе это всецѣло направлено на отношенія женщины къ мужчине, для котораго она является источникомъ или радости или страданія. Каждый изъ романистовъ и драматурговъ вѣка бралъ на себя обязанность судить женщину и произносить ей приговоръ. Всѣ изображенія женщины сводятся къ обвиненію или защитѣ ея съ мужской точки зрѣнія. Большинство писателей—какъ бы они ни были различны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, одинаково приписываютъ женщине служебную роль и сводятъ ея психологію къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ. Весь вопросъ для нихъ сводится къ тому, насколько каждый изъ этихъ типовъ полезенъ и желателенъ для тѣхъ, на служеніе которымъ французская женщина обречена даже, когда она, казалось бы, властвуетъ надъ своимъ властелиномъ. Со времени вышеупомянутой формулы Прудона, всѣ писатели приводили изучаемые ими женскіе типы къ двумъ категоріямъ: хозяйки (*la ménagère*) т. е. женщина съ буржуазными наклонностями и добродѣтелями, — и куртизанка. Защитники женщинъ прославляли ее во имя семьи, враги ея нападали на нее за тѣ страданія, которыя причиняетъ любовь къ женщине — и почти во всей французской литературѣ нѣтъ попытки видѣть въ женщину живое существо, помимо ея значенія для мужчины. Среди самыхъ крупныхъ представителей французскаго романа въ текущемъ вѣкѣ были двѣ женщины—м-мъ де-

Сталь и Жоржъ Зандъ. Свободолюбивыя и страстныя, онѣ первыя возмущились противъ женскаго рабства и ополчились противъ общественныхъ путей, препятствующихъ свободному развитію женской души. М-мъ де Сталь провозгласила право женщины на гениальность и свободный образъ жизни, Жоржъ Зандъ возстала противъ брака во имя свободной любви. Но эта проповѣдь, направленная противъ общественнаго устройства, не исходила изъ психологическаго пониманія французской женщины и потому осталась воззваніемъ исключительныхъ натуръ, требующихъ исключительныхъ условій жизни и умѣющихъ, конечно, создать ихъ для себя. Коринна м-мъ де Сталь слишкомъ сильная и своеобразная личность, чтобы ея стремленія, дѣйствія и чувства были характерны для французской женщины вообще, точно такъ же какъ Лелія Жоржъ Зандъ; для того, чтобы Лелія стала символомъ смутныхъ мистическихъ влеченій и высшихъ порывовъ человѣческой души, Жоржъ Зандъ должна была сдѣлать ее существомъ нереальнымъ, чуждымъ дѣйствительности. Но когда Жоржъ Зандъ, эта защитница женской свободы — въ теоріи — рисуетъ дѣйствительность, углубляется въ психологію французской женщины, какова она на самомъ дѣлѣ, получается совершенно другая картина. Съ искренностью и знаніемъ жизни истиннаго художника Жоржъ-Зандъ рисовала французскую женщину подчиненной всецѣло мужскому вліянію. Внутренній міръ ея героини заключается въ исканіи идеальнаго возлюбленнаго, въ которомъ слабое женское сердце могло бы найти опору. Въ романахъ «Индіана», «Валентина», Жоржъ Зандъ не является противницей брака вообще, а только остерегаетъ женщинъ отъ неосмотрительнаго выбора мужей. Въ подчиненія кроткой женской души сильной мужской волѣ она не видитъ жизни для средней женщины. Вся поэтичность ея таланта направлена на то, чтобы идеализировать пассивныя стороны женской души такъ же, какъ восхвалять силу и твердость воли въ мужчинѣ. Романъ «Жакъ» одинъ изъ самыхъ яркихъ образцовъ того, какъ узко Жоржъ-Зандъ понимала женскую свободу. Ея героиня, Фернанда, типъ женщины-цвѣтка. Вся ея психологія, вся красота ея души въ невѣдѣніи, въ готовности любить того, кто ей предназначенъ въ мужья; изъ дѣвушки-цвѣтка она потомъ превращается въ страстную женщину, ищетъ наслажденій и безхитростно приноситъ въ жертву молодого мужа первому юношѣ, съ которымъ она знакомится. Конечно, въ любви всего ярче высказывается человѣческая душа, но только тогда, когда она свободна и не является во всѣхъ своихъ чувствахъ покорнымъ орудіемъ мужской воли. Фернанда живетъ и дѣйствуетъ, чувствуетъ себя счастливой или несчастной сообразно съ тѣмъ, какъ ведутъ себя ея мужъ и ея возлюбленный. Въ ея чувствахъ нѣтъ никакой инициативы. Она старается полюбить Жака, потому что его предназначили ей въ мужья. Ей удается убѣдить себя въ любви къ нему, — она счастлива, и жизнь ея полна. Она то восторгается душевными каче-

ствами мужа, то грустить, если ей кажется, что онъ ее недостаточно любитъ. Семейная жизнь ея счастлива, потому что Жакъ ей кажется сильнымъ, и она находитъ въ немъ опору. Для того, чтобы зародилось въ ея душѣ болѣе властное чувство любви и страсти, а не спокойной дружбы, нужна опять чужая инициатива. Октавъ, ея возлюбленный, долженъ завоевать ее, открыть ей истинную любовь, вызвать ее къ новой жизни сердца. Когда же наступаетъ въ ея жизни драматическій моментъ, когда любовь пришла въ столкновение съ чувствомъ семейнаго долга, Фернанда остается по прежнему пассивной. Она не умѣетъ рѣшать за себя, и, кромѣ жалобныхъ писемъ подругѣ, не можетъ ничего предпринять. Для того чтобы разыгралась драма ея жизни, нужно, чтобы Жакъ совершилъ подвигъ великодушія, устроилъ собственными руками счастье своей жены и ея возлюбленнаго, не скрывая отъ нихъ, что союзъ ихъ осуществится цѣной его жизни. Фернанда понимаетъ, что Жакъ кончитъ самоубійствомъ и принимаетъ эту жертву такъ же пассивно, какъ принимала все, что ей приносила судьба.

Еще болѣе пассивна героиня другого изъ «женскихъ» романовъ Жоржъ Зандъ, Валентина. Она выходитъ замужъ не только не любя мужа, но бессознательно любя другого. Но какъ существо безвольное она совершенно не разбирается въ собственной душѣ и живетъ всю жизнь точно въ гипнозѣ. Въ женихѣ она цѣнитъ его общественное положеніе и его манеры—отъ любимаго человѣка она сначала отказывается съ первыхъ же моментовъ возникающаго чувства, потому что онъ человѣкъ не ея круга. При такомъ душевномъ складѣ жизнь ея должна разыгаться въ трагедію или стать счастливой, смотря по характеру и поведенію окружающихъ ее людей. Жизнь Валентины случайно складывается счастливо, и также случайно заканчивается катастрофой чисто внѣшняго свойства. Завоевать себѣ свободу она не можетъ, но когда мужъ изъ равнодушія къ Валентинѣ, предоставляетъ ей свободную жизнь, она рада этому подарку судьбы и пользуется имъ. Молодой фермеръ, котораго она любитъ, преклоняется передъ ней какъ передъ святой, и только благодаря его добродѣтели Валентина вѣрна отсутствующему мужу. Случай освобождаетъ молодую женщину отъ ненавистныхъ брачныхъ узъ—мужъ ея убитъ на дуэли. Она можетъ со спокойной совѣстью соединиться съ любимымъ человѣкомъ—безличное и беззащитное существо попадаетъ, безъ всякаго участія активныхъ силъ души, на путь къ близкому счастью. Но случай вдругъ обращается противъ нея: ея женихъ убитъ по ошибкѣ, Валентина поспѣваетъ къ нему только въ самый моментъ смерти; къ ней обращенъ его послѣдній нѣжный взглядъ—и тутъ проявляется единственная сила этаго пассивнаго существа. Она такъ полно любитъ его, что умираетъ черезъ недѣлю послѣ его смерти. Она жива была только, какъ отраженіе другого человѣка, и съ его смертью исчезъ смыслъ ея собственнаго существованія, не имѣвшаго цѣли въ себѣ.

Вотъ какимъ образомъ защитница женскихъ правъ понимала психологію любви у средней французской женщины. Сравнимъ Фернанду или Валентину съ какой нибудь изъ героинь въ русской литературѣ—съ Татьяной Пушкина, съ Наташей Толстаго или Еленой Тургенева—и мы поймемъ, какая пропасть отдѣляетъ свободную душу русской женщины, рѣшающей вопросы чувства сама и для себя, отъ французской женщины, слѣдующей даже въ самыхъ интимныхъ чувствахъ чужой инициативѣ.

Жоржъ Зандъ была защитницей женщины и потому идеализировала типъ женщины-цвѣтка. Цѣлый рядъ романистовъ, впрочемъ болѣе второстепенныхъ, какъ Октавъ Феллье, Андрэ Тэрье, Шербюлье—отчасти и Альфонсъ Додэ, занимались дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа французской *ingénue*, или, какъ ее называютъ менѣе почтительно, *petite blanche*—самымъ неинтереснымъ типомъ французской женщины. И во французской жизни все болѣе и болѣе исчезаетъ этотъ типъ барышни, созданный монастырскимъ воспитаніемъ и свѣтскими предрасудками, а литература давно убѣдилась въ отсутствіи всякой индивидуальности у этихъ искусственныхъ цвѣтковъ, для которыхъ рамки жизни исчерпываютъ все существованіе. Въ то время какъ въ литературѣ другихъ странъ, въ особенности въ Россіи, ставшей въ главѣ европейскаго романа нашего вѣка, центральными женскими фигурами бывають большей частью дѣвушки, т. е. молодыя существа съ открытой душой, вносящія въ первыя испытанія чувствъ все богатство сознательной и богатой душевной жизни, во французскомъ художественномъ творествѣ дѣвушки почти совершенно отсутствуютъ. Это одно изъ самыхъ яркихъ доказательствъ зависимой роли французской женщины. Французъ видитъ въ женщинѣ существо, созданное для его удовольствія и удобства, и воспитываетъ его въ наиболѣе соответствующихъ этому назначенію условіяхъ. Наибольшее удовольствіе французу доставляетъ въ дѣвушкѣ, на которой онъ женится, ея незатро-нутость жизнью. Онъ хочетъ быть ея учителемъ во всѣхъ отношеніяхъ и, съ этой цѣлью въ дѣвушкахъ убивается всякое активное отношеніе къ жизни. Ея дѣвичья жизнь искусственно превращается въ неисписанную бѣлую страницу, и немудрено, что въ среднемъ обществѣ, гдѣ такое отношеніе къ дѣвушкѣ наиболѣе укрѣпилось, дѣвушка мечтаетъ о бракѣ, какъ объ освобожденіи. До замужества и ей не позволяютъ знакомиться съ литературой, да и литература—романы, поэзія и драма—ею не занимается. Для того, чтобы психологія французской женщины развернулась насколько можетъ, нужно чтобы упали первые путы навязаннаго ей невѣдѣнія, чтобы она имѣла право и возможность проявить себя и показать то, что таятся за мнимой наивностью и пылкимъ воображеніемъ французской барышни, которая пишетъ дневники, обмѣнивается письмами съ пансіонскими подругами и занята единственно мыслью о замужествѣ.

Когда этотъ подготовительный періодъ въ жизни француженки

проходить, когда, выходя замужъ, она воскресаетъ для душевной жизни, съ ней происходитъ удивительная метаморфоза. Типъ женщины-цвѣтка смѣняется тѣмъ, что очень зло, но, быть можетъ, справедливо Александръ Дюма называлъ *la femme-animal*. Уже Балзакъ изучалъ этотъ типъ женщины, сосредоточенной на игрѣ страстей и пользующейся своимъ обаяніемъ для достиженія своихъ житейскихъ цѣлей, или же, напротивъ того, погибающей, какъ жертва исключительной жизни чувствъ. И самымъ глубокимъ изображеніемъ французской женщины со стороны ея сердечной жизни является несомнѣнно «Мадамъ Бовари» Флобера, гдѣ гениально изображена тоска и пустота женской души, осужденной на бездѣйствіе, и на исканіе подобія жизни въ случайныхъ встрѣчахъ и отношеніяхъ, въ другихъ людяхъ, а не въ себѣ. «Мадамъ Бовари»—самая безотраднѣйшая повѣсть о женскомъ рабствѣ во Франціи. Никакія женскія права не привьются во Франціи, никакой феминизмъ не освободитъ французскую женщину, пока Франція будетъ населена столь привлекательными, восторженными, но въ то же время безличными существами, какъ знаменитая героиня Флобера. Великій пессимизмъ Флоберъ всегда занялъ изображеніемъ роковыхъ противорѣчій между безсознательными идеалами человѣческой души и разбивающей ихъ дѣйствительностью. Въ его произведеніяхъ рисуются всегда двѣ правды: высокая правда души съ ея идеальными требованіями отъ жизни и наряду съ ней торжествующая плоская правда жизни. Вотъ почему, избравъ героиней своего лучшаго романа среднюю типичную женщину, скорѣе симпатичную, съ задаткомъ высшихъ стремленій, Флоберъ имѣетъ возможность дать полный обликъ французской женщины, изобразить идеальный міръ ея мечтаній такъ же, какъ и крушеніе этихъ идеаловъ въ роковомъ теченіи будничной жизни.—Флоберъ отмѣчаетъ идеалы своей героини въ разные періоды жизни. До замужества она жила мечтами о монастырѣ, любила церковную службу—а потомъ романы Вальтеръ Скота. Мечтая о замужествѣ, она главнымъ образомъ думала объ обстановкѣ, въ которой протечетъ ея «медовый мѣсяцъ». «Чтобы испытать всю его сладость, нужно было», думалось ей, «отправиться въ мѣста съ звучными названіями, гдѣ отраднѣе предаваться любовной нѣгѣ и праздности. Экипажи съ шелковыми столами, путешествіе по крутымъ тропинкамъ, пѣснь возницы, звенящая въ горахъ вмѣстѣ съ звономъ колокольчиковъ и глухимъ шумомъ водопадовъ, закатъ солнца, благоуханіе лимонныхъ рошъ, вечернее молчаніе вдвоемъ, на терассахъ виллъ, планы о будущемъ при звѣздахъ... Ей казалось, что счастье особый цвѣтокъ, который растетъ только въ извѣстныхъ мѣстахъ и нигдѣ больше. И почему она не можетъ облокотиться о перила балкона въ какомъ нибудь швейцарскомъ шалѣ или похоронить свою грусть въ шотландскомъ коттеджѣ, и жить тамъ съ мужемъ, одѣтымъ въ черный бархатъ, съ остроконечной шляпой и кружевными нарукавниками». — Проходить годы, мѣняются обстоятельства, Эмма собирается бѣжать изъ дома.

мужа съ любовникомъ и опять ей рисуются картины будущаго счастья: «четыре лошади несутъ ее галопомъ въ неизвѣстную страну; откуда она и онъ больше не вернутся. Они всегда вдвоемъ, рука въ руку, безмолвные. Иногда, съ высоты горы, они замѣтять дивные города, мосты, лимонныя рощи, бѣлые мраморные соборы. Тамъ ходятъ по мраморнымъ плитамъ, женщины въ красныхъ корсажахъ, предлагаютъ цвѣты. Колокола звонятъ, звуки гитары сливаются съ плескомъ фонтановъ. Или они заѣзжаютъ въ рыбацкую деревушку, гдѣ сохнутъ на пескѣ темныя сѣти. Тамъ они поселятся въ низкой хижинѣ, у моря, будутъ кататься въ гондолѣ или качаться въ гамакахъ. Жизнь ихъ будетъ легкой и свѣтлой, какъ ихъ шелковая одежды, знойной и звѣздной, какъ сладостныя южныя ночи... Еще одинъ разъ, уже обманутая первымъ любовникомъ, Эмма мечтаетъ на этотъ разъ въ театрѣ на оперномъ представленіи. Ей понравился теноръ, и она мечтаетъ о томъ, что они любятъ другъ друга. «Съ нимъ она ѣздила бы по Европѣ, изъ столицы въ столицу, раздѣляя его славу и его труды, подбирая цвѣты, которые бросаютъ ему, вышивая сама ему костюмы. Потомъ, каждый вечеръ, въ глубинѣ маленькой ложы, за золотой рѣшеткой, она съ упоеніемъ внимала бы изліанію души, которая гѣла бы только для нея одной!»

Вотъ о чемъ мечтала Эмма Бовари и, если отбросить романтическую обстановку ея мечтаній, то идеалы ея въ сущности не уходятъ отъ возможнаго въ жизни; она могла бы достигнуть ихъ, если бы обстоятельства сложились иначе. Но такъ какъ условія жизни оказались противъ нея, и достижимыя цѣли стали призрачными, то вѣрная своимъ желаніямъ и своимъ инстинктивнымъ стремленіямъ, она ищетъ недоступнаго счастья окольными путями, платясь потомъ за это жизнью. Самоубійство Эммы Бовари — символъ душевнаго безсилія французской женщины, которая гибнетъ, когда лишается мужской опоры, безсильная справиться сама съ жизненными трудностями. Жизнь жестоко обманула Эмму: она мечтала о героѣ-мужѣ, который превратитъ ея существованіе въ постоянное празднество, а изящный дѣловитый Бовари оказался неспособнымъ къ роли героя и сразу наполнилъ сердце ея скукой. Основныя свойства душевнаго склада Эммы — тщеславіе, любовь къ роскоши, чувственность и сентиментальность, и вся ея жизнь проходитъ въ исканіи того, что можетъ удовлетворить этимъ инстинктивнымъ влеченіямъ души ея. Будь на мѣстѣ ея мужа ея будущій любовникъ, — изящный, сильный Робертъ или же ограниченный, но сентиментальный конторщикъ Леонъ, и жизнь не стала бы трагедіей. Но такъ какъ она сама ничего не вносила въ жизнь, кромѣ отзывчивости и инстинктивнаго стремленія заполнить пустоту души, то жизнь ея превратилась въ рядъ паденій, въ цѣлую сѣть лжи, въ которой сама Эмма не виновата уже потому, что была сама первой жертвой своихъ инстинктовъ. Вся ея жизнь — борьба съ тѣмъ внутреннимъ врагомъ, котораго она въ себѣ чувствовала, но не сознавала. Врагъ этотъ —

скука, великая скука пустой души, не знающей активныхъ чувствъ, подвластной вѣшнимъ вліяніямъ. Она пробуетъ все, чтобы заполнить пустоту, пытается вѣрить въ героизмъ мужа, заставляетъ его сдѣлать ненужную и рискованную операцію съ цѣлю прославиться. Она надѣется, что знаменитость Бовари излѣчитъ ее отъ влеченія къ Роберту. Тихая, внутренняя жизнь Бовари, его глубокая любовь ей непонятны. Она только откликается на то, что тѣшитъ ея тщеславіе или нравится ея сентиментальной чувственности. Это психологія жалкаго существа, слабого, вѣчно озирающагося, гдѣ бы найти опору и пріютъ. Нѣжная, обаятельная Эмма облагорожена только своими страданіями, но страданія эти происходятъ въ пустотѣ; источникъ ихъ—безволіе и, главное, безличность. Эмму любятъ нѣсколько людей—и мужъ и двое ея возлюбленныхъ, но они любятъ, отражая каждый качества своей души въ любви. Одинъ любитъ глубоко и благоговѣнно, другой легкомысленно и развратно, но каждый такъ или иначе переживаетъ это чувство въ своей душѣ и сообразно съ этимъ поступаетъ въ жизни. Эмма же въ каждой изъ своихъ любовныхъ исторій превращается въ отраженіе случайнаго героя своихъ приключеній. Даже ея самоубійство не сознательный поступокъ оскверненной души, которая умираетъ отъ невозможности подняться. Это просто трусливое бѣгство отъ житейскихъ трудностей.

Рисуя образъ безнадежно слабой, внутренне поработенной женщины, Флоберъ относится къ своей героинѣ однако съ глубокой симпатіей. Рѣзкимъ судьей и обличителемъ женщины является Александръ Дюма въ своихъ драмахъ. Никто не выступалъ во французской литературѣ съ такимъ грознымъ обличеніемъ женщины, какъ моралистъ Дюма—но никто не былъ и такимъ жрецомъ французской женщины, какъ тотъ же Дюма, никто не умѣлъ съ такой тонкостью, какъ онъ, показывать обаятельность женщины. Во имя нравственности, семейнаго начала и даже государственнаго процвѣтанія Дюма клеймитъ ту же самую *femmes animal*, передъ которой преклоняется во имя красоты и земной радости. Но, восхваляя или проклиная женщину, Дюма остается вѣрнымъ себѣ лишь въ одномъ принципѣ: «Женщина вѣнъ отношенія къ мужинѣ ничто», говоритъ онъ, прибавляя, что «женщина никогда не можетъ быть равной мужинѣ». Въ этомъ убѣжденіи Дюма глубоко націоналенъ и не встрѣчаетъ отпора въ общественномъ мнѣніи французовъ. Женщины, которыхъ онъ рисуетъ, вполне жизненны и подтверждаютъ взглядъ Дюма. Онъ въ самомъ дѣлѣ «*Ami des femmes*», какимъ онъ выставилъ себя и свои взгляды въ драмѣ, носящей это заглавіе. Но въ качествѣ друга именно французской женщины Дюма готовъ скорѣе признать ея власть, чѣмъ ея равноправіе. Онъ возводитъ женщину на пьедесталъ какъ грознаго врага общества, какъ апокалиптическое семирогое чудовище, пожирающее все вокругъ себя. Въ «*Femme de Claude*» женщина врагъ государства, въ «*Etrangère*» ге-

рония воплощает темную силу, неизвестно откуда явившуюся; она пользуется для своей выгоды слабостью мужчинъ, увлеченныхъ ея женскимъ обаяніемъ. Въ «Demi-Monde» полупродажная женщина располагаетъ судьбой довѣрчивыхъ и любящихъ ее людей. Всѣ эти героини Дюма—разновидности общаго типа femmeal animal, которая видитъ въ мужчинѣ врага и стремится побѣдить его путемъ униженій. Дюма объясняетъ жизненное назначеніе этого типа женщинъ: вліяніе ихъ губительно, но оно разрушаетъ самый зловредный элементъ общества—праздныхъ людей. Женщина, которая пользуется своей красотой и природнымъ коварствомъ, какъ средствомъ для борьбы, запутываетъ въ свои сѣти только ненужныхъ, живущихъ для развлеченій людей: «Вглядитесь внимательно», говоритъ Дюма въ предисловіи къ «Ami des femmes»—и вы увидите, что женщина выбираетъ для того, чтобы проявить свою силу, только людей, не имѣющихъ серьезной цѣли въ жизни; она находитъ ихъ инстинктивно подобно животному, выбирающему только полезную для себя пищу. И ввиду этого, нужно дать женщинѣ полную свободу—нужно ей даже способствовать. Обреченнымъ на гибель общественнымъ элементамъ она помогаетъ весело умирать. Она избавляетъ серьезно трудящихся людей отъ послѣдней тягостной работы—отъ истребленія паразитовъ. Она пожираетъ наслѣдства—и это способствуетъ возстановленію собственности путемъ работы. Она уничтожаетъ семью и способствуетъ возрожденію ея во имя любви. Своими жертвами она создаетъ плодотворную почву, въ которой общество нуждается для грядущихъ посѣвовъ». Такой взглядъ на господство женщины приводитъ Дюма къ проповѣди мужской свободы отъ женщинъ. «Мужчина долженъ отдавать свою душу только тому, что безконечно и нетлѣнно. Если обладая способностью стать Сократомъ, Цезаремъ или Колумбомъ, онъ становится лишь Вертеромъ или Отелло—онъ превращается изъ цѣльнаго человѣка въ частичнаго, унижаетъ себя и становится лишь литературнымъ героемъ, орудіемъ безсмертія для поэтовъ и источникомъ безнравственныхъ мыслей и мечтаній для школьниковъ и дѣвочекъ.

Мужчина долженъ жить для отвлеченныхъ интересовъ—женщина для мужчины: изъ этого взаимоотношенія Дюма—яркій представитель взглядовъ на женщину во Франціи—никогда не выходитъ. Отсюда его защита семьи и требованіе законодательныхъ реформъ, развода, законовъ для незаконорожденныхъ дѣтей и т. д. Все это гарантіи, обезпечивающія для мужчины спокойствіе и честь домашняго очага. Разсматривая женщину, какъ подчиненное существо, Дюма ставитъ всю ея психологію въ зависимость отъ общественныхъ рамокъ, нужныхъ мужчинѣ. Онъ никогда не анализируетъ индивидуальныя активныя чувства женщины—а сводитъ ея чувства къ двумъ категоріямъ: законная любовь и адюльтеръ, честная любовь къ мужу или преступная къ любовнику, открытое материнство и тайное. Если бы не существовало прославляемыхъ Дюма общественныхъ условій—или же тѣхъ.

внѣшнихъ предразсудковъ, на которые онъ нападаетъ — не было бы самыхъ драмъ Дюма: онъ какъ бы предполагаетъ, что внутренняго отношенія къ своимъ чувствамъ, душевной драмы у женщины нѣтъ: всѣ его героини любятъ всегда одинаково—всѣ тѣхъ же праздныхъ поклонниковъ своей красоты, и драматизмъ ихъ чувствъ зависитъ не отъ качества любви, а отъ того, что законы и обычаи дѣлаютъ чувства и привязанности на почтенныя и на преступныя.

Женщина, покорная инстинктамъ, *femme-animal*, перешла изъ драмъ Дюма въ такъ наз. психологическій романъ. Противъ нее предостерегаютъ Гонкуры въ *Charles Demailly, la Faustin, Manette Salomon* и другихъ романахъ, гдѣ женщина является губительницей творчества для художниковъ, изящнымъ и красивымъ вампиромъ, оставляющимъ свою жертву лишь тогда, когда выпита послѣдняя капля крови. Ею занимаются всѣ безчисленные авторы адюльтерныхъ романовъ, царствующихъ въ современной Франціи. Романы и повѣсти Мопассана, Бурже, Лотти и ихъ безчисленныхъ послѣдователей сводятся къ исключительному изображенію (съ цѣлью осужденія или возвеличенія или просто психологическаго анализа) борьбы *femme-animal* и ея сообщника, празднаго свѣтскаго фата. Часто эти романы отличаются только по количеству любовниковъ героини—и каждый разъ, когда читаешь новый французскій романъ, приходится удивляться условному характеру фабулъ: не будь законовъ о ненарушимости брака, не будь любовь героини къ одному человѣку нравственной, а къ другому преступной—не было бы и романа; внѣ общественныхъ этикетовъ нѣтъ внутреннихъ отличій въ чувствахъ разныхъ героинь—а въ длинномъ рядѣ современныхъ французскихъ романовъ проходитъ вереница женщинъ, похожихъ на куколъ, занятыхъ подробностями своего пустого внѣшняго существованія, умныхъ и хитрыхъ, жалкихъ и гордыхъ, нервныхъ, усталыхъ и, главное, ненужныхъ въ жизни, рабынь своихъ инстинктовъ и своихъ внѣшнихъ требованій отъ жизни;—онѣ не способны жить и чувствовать свободу, и даже не требуютъ ея. Ихъ рабство увѣнчано побѣдами и полно торжества, такъ что онѣ предпочитаютъ его равенству съ властелинами, которые поклоняются собственнымъ рабынямъ.

Такой представляли и продолжаютъ представлять женщину французскіе романисты. Феминизмъ, со всѣми его стремленіями уравнивать французскую женщину въ правахъ съ мужчинами, не создалъ еще, очевидно, новыхъ типовъ ни въ жизни, ни въ литературѣ. Причина этому весьма понятная. Мы старались показать, что феминизмъ касается одной лишь части женскаго населенія Франціи—трудящейся на разныхъ поприщахъ женщины, между тѣмъ какъ литература занята по преимуществу женскими типами, созданными праздною богатой буржуазіей. И пока феминизмъ будетъ преслѣдовать во Франціи исключительно практическія цѣли, пока онъ не подниметъ женщину въ духовномъ.

отношеніи, т. е. пока онъ не будетъ опираться на самосознаніе внутренне свободной женщины, до тѣхъ поръ всякія мѣропріятія, обезпечивающія общественную и политическую равноправность женщины не сдѣлаютъ ее еще свободной. При теперешнемъ положеніи французскаго феминизма, женскій вопросъ болѣе чѣмъ когда либо стоитъ на очереди. У женщины являются судьи и защитники, но защита эта заключается въ панегирикахъ женщины съ мужской точки зрѣнія. Одинъ изъ новѣйшихъ образцовъ такой критики—книга Жюль Буа—«*Eve nouvelle*». Авторъ ея самъ объявляетъ себя феминистомъ и считаетъ долгомъ для возвеличенія женщины принижать мужчину, представлять всю исторію культуры варварской, состоящей исключительно въ вѣчномъ насиліи и издѣвательствѣ мужчинъ надъ женщинами. Жюль Буа рисуетъ женщину ангеломъ—и, конечно, мужчину демономъ, и доходитъ въ своемъ увлеченіи до того, что считаетъ женщину чудомъ, говорить, что еслибы отцами дѣтей женщины не были мужчины, т. е. существа глубоко павшія, то дѣтьми женщины были бы боги. Онъ приписываетъ грубости мужчинъ слабость женской натуре.

Глава о первомъ *сoup le roing*, повліявшемъ на всѣ дальнѣйшія поколѣнія женщинъ, очень характерна, какъ примѣръ слишкомъ ревностной защиты. Учащіяся женщины кажутся Буа небесными созданіями, и всѣ обычныя работы и всякая практическая дѣятельность женщины—великій подвигъ въ глазахъ увлекающагося феминиста.

Такого рода защита, конечно, очень нежелательное явленіе—одинъ изъ симптомовъ женскаго вопроса столь враждебнаго женской свободѣ. Пока прославляютъ женщину ангела, будутъ обличать *la femme-animal*—и не будетъ женщины человѣка. На это слѣдовало бы прежде всего обращать вниманіе французскимъ феминистамъ и феминисткамъ, забывающимъ о психологіи французской женщины, столь далекой отъ свободы, какъ это и не снится русской женщинѣ, быть можетъ завидующей тому, что французскіе открыты университеты и что она пользуется разными правами, которыхъ русская женщина еще не имѣетъ. Конечно, права очень нужная вещь, но только тогда, когда почва подготовлена, когда нѣтъ женскаго вопроса и когда женщина не нуждается въ защитникахъ, готовыхъ отстаивать слабого ангела отъ демона, бросающагося на него съ кулаками.

Зин. Венгерова.

Западникъ Петровскаго времени.

(Окончаніе) *).

Во главѣ русской церковной іерархіи въ то время стоялъ Стефанъ Яворскій, митрополитъ Рязанскій и мѣстоблюститель пражскаго патріаршаго престола. Стефанъ, подобно Теофану, учился сначала въ Кіевской Академіи, потомъ въ польскихъ школахъ, но результатомъ этого ученія было полное подчиненіе ума схоластической системѣ и усвоеніе клерикальных убѣжденій. Въ искусныхъ іезуитскихъ рукахъ онъ насквозь пропитался тѣмъ «папешскимъ духомъ», который былъ такъ ненавистенъ Петру и Теофану. Усиленіе власти церкви составляло главную задачу его жизни. Но какъ настоящій воспитанникъ іезуитовъ, хитрый и скрытный, онъ сначала ничѣмъ не обнаруживалъ своихъ воззрѣній и прикидывался сторонникомъ Петра до тѣхъ поръ, пока, какъ человѣкъ пришлый, не оглядѣлся на новомъ мѣстѣ, не убѣдился въ прочности своего положенія и въ сочувствіи многихъ изъ окружающихъ его лицъ къ своему образу мыслей. Петръ, оболоченный «зѣло искусными предиками господина Яворскаго», думалъ найти въ немъ истиннаго помощника въ дѣлахъ церковной реформы. Онъ ласкалъ его и быстро возвышалъ. Стефанъ, очевидно, рассчитывалъ современемъ изъ мѣстоблюстителя стать настоящимъ патріархомъ и воспользоваться для своихъ цѣлей всѣми правами и преимуществами этого сана. Но это не входило въ планы Петра, и ожиданія Стефана не оправдались. Петръ отлично понималъ тѣ препятствія къ проведенію реформъ, которыя могли встать передъ нимъ въ лицѣ патріарха, пользовавшагося высокимъ авторитетомъ власти въ глазахъ народа, и давно рѣшилъ замѣнить единоличную власть патріарха новымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ (синодомъ). Всѣ распоряженія Петра въ области церковныхъ дѣлъ влонились къ постепенному уничтоженію правъ и преимуществъ этого сана. Стефанъ былъ крайне недоволенъ дѣйствіями царя, но терпѣлъ и молчалъ, группируя вокругъ себя и

*) См. «Образованіе» № 4.

увеличивая толпу приверженцевъ. Когда онъ увидѣлъ наконецъ, что за нимъ стоитъ многочисленная партія любителей старины, раздѣляющихъ его чувства и взгляды, онъ сталъ годами накопленное недовольство понемногу, осторожно, подъ прикрытіемъ аллегорій, изливать въ своихъ проповѣдяхъ. Петръ увидѣлъ, что ошибся въ Яворскомъ, но лишать его сана, преслѣдовать не хотѣлъ, потому что не хотѣлъ дѣлать изъ него мученика, зная, что это было бы на руку его сторонникамъ. Онъ только на время запретилъ ему сказывать проповѣди. Стефанъ остался на своемъ высокомъ мѣстѣ, но потерялъ расположеніе и довѣріе Петра и чувствовалъ себя вполне зависимымъ отъ царской воли. Видя свою неудачу, онъ начинаетъ проситься на югъ, на покой, но его не пускаютъ. Но вотъ наконецъ мѣстоблюститель потерялъ терпѣніе и, чувствуя за собою крѣпко сплоченную партію недовольныхъ, рѣшилъ напасть на противника.

Въ Москвѣ въ это время безпечно проживалъ нѣкій лѣкарь Тверитиновъ, учившійся своему ремеслу въ Нѣмецкой Слободѣ и набравшійся тамъ протестантскихъ идей. Онъ уже давно былъ извѣстенъ за вольнодумца, но никто его не трогалъ, потому что преслѣдованіе еретиковъ вовсе было не въ духѣ времени. Самъ царь въ указѣ 1702 года говорилъ: «Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христианину на его отвѣтственность пещись о спасеніи души своей». Понятно, что Тверитиновъ могъ говорить, что «теперь повольно всякому, кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ». У Тверитинова были тетради, въ которыя онъ заносилъ свои вольныя мысли. «Перечитывая тетради Тверитинова», говоритъ академикъ Тихонравовъ, «мы знакомимся съ человѣкомъ, глубоко возмущеннымъ низкимъ нравственнымъ уровнемъ современнаго ему общества, его суевѣріемъ, религіознымъ формализмомъ и невѣжествомъ,—съ человѣкомъ, который желаетъ выхода къ лучшему, требуетъ новыхъ наставниковъ и особенно занятъ разъясненіемъ свойствъ и обязанностей истиннаго пастыря»... Короче сказать, это было возмущеніе противъ стараго допетровскаго порядка вещей. Тверитиновъ возмущался тѣмъ же, чѣмъ возмущался Теофанъ и самъ Петръ. Стефанъ отлично понималъ сходство возрѣвннй вольнодумца Тверитинова съ образомъ мыслей самого царя и потому задумалъ поднять дѣло о еретичествѣ Тверитинова, чтобы дать царю почувствовать силу авторитета пастыря церкви и поставить его въ затруднительное положеніе. Такимъ образомъ, мѣтаясь камнемъ въ маленькаго человѣка, какого-то лѣкаря, онъ рассчитывалъ попасть въ главнаго своего противника, царя. Этотъ скрытый замыселъ былъ очень заманчивъ для озлобленнаго мѣстоблюстителя. И Яворскій ловко повелъ дѣло, выказавъ всю хитрость, всю изворотливость своего ума. Онъ руководилъ имъ тайно. Оно началось при помощи друзей Стефана; большое участіе принималъ въ немъ Теофилактъ, ректоръ московской академіи, ко-

торнй былъ очень близокъ къ мѣстоблюстителю и звалъ его «батюшкой». У Тверитинова нашлись единомышленники. Дѣло шло сначала бойко. Стефанъ былъ доволенъ его ходомъ. Но главнымъ еретикамъ удалось бѣжать въ Петербургъ. Они подали жалобу, что ихъ оклеветали въ еретичествѣ, нашли себѣ защитниковъ въ сенатѣ, среди петербургскаго духовенства и въ самомъ царѣ. Государь, возвращая подсудимыхъ въ Москву, приказалъ публично объявить ихъ невиновными и освободить. Но Стефанъ не хотѣлъ уступить. Онъ ослушался государева приказа и упорно продолжалъ слѣдствіе по дѣлу Тверитинова. Надо было найти новыя улики. Одинъ ревнитель древняго благочестія выкралъ изъ квартиры Тверитинова листъ, прибитый къ стѣнѣ, и тетрадь, исписанные текстами св. писанія. Запасшись такимъ матеріаломъ, Стефанъ засѣлъ за работу: въ самомъ подборѣ текстовъ и ихъ группировкѣ онъ выслѣдилъ еретическія мысли и сдѣлалъ отмѣтки. Но этого показалось мало, онъ обнародовалъ «увѣщаніе къ православнымъ», вызывавшее свидѣтелей на еретиковъ. Охотниковъ нашлось достаточно. Подсудимые все время находились въ заключеніи; нѣкоторые, по распоряженію Стефана, подвергались пыткѣ, что не мѣшало ему съ спокойной совѣстью потомъ въ докладной запискѣ царю заявлять: «пытка не наше есть дѣло». Въ это время одинъ изъ вольнодумцевъ, цырюльникъ Оома, котораго держали въ Чудовомъ монастырѣ «на цѣпи со стуломъ», скованнаго водили въ церковь во время пѣнія и проклинали, не вынесъ такого издѣвательства и позора и, доведенный до дикаго изступленія, косаремъ изрубилъ образъ св. Алексѣя митрополита. Грубое кощунство, совершенное разсвирѣпѣвшимъ Оомою, не только рѣшило его судьбу, но и подвергнуло опасности судьбу Тверитинова, котораго обвинили, какъ учителя Оомы. Но, къ крайнему неудовольствію Стефана, дѣло повернулось иначе. Государь потребовалъ въ Петербургъ и обвинителей, и свидѣтелей, и обвиняемыхъ, кромѣ одного только Оомы, котораго уже успѣли предать казни. По приѣздѣ въ Петербургъ, Яворскій хотѣлъ лично повидаться съ царемъ, но не былъ принятъ. Тогда онъ написалъ льстивую, жалобную челобитную, въ которой «припадалъ къ стопамъ царскаго величества», объяснялъ свое ослушаніе тѣмъ, что не имѣлъ никакой возможности исполнить его приказъ, но даже извѣстить царя объ этомъ, такъ какъ надо было скорѣе гасить пожаръ, укрощать «всенародный мятежъ». Все это было надуманно, фальшиво; самъ авторъ челобитной, видимо, сознавалъ неубѣдительность такихъ доводовъ и въ концѣ посланія винился предъ царемъ «въ неопасствѣ и дерзновеніи» и смиренно просилъ прощенія. Дѣло о московскихъ еретикахъ поступило въ Сенатъ и имѣло конецъ, совершенно неожиданный. Еретики были освобождены, а самъ мѣстоблюститель заподозрѣнъ въ распространеніи еретическихъ мыслей. Ловкій лѣткаръ указалъ напосвященную Стефану Яворскому книгу «Богомысліе», изданную въ Черниговѣ Максимовичемъ. Эта книга оказалась буквальныймъ переводомъ

сочиненія протестантскаго богослова Гергарда и наполненною лютеранскими догматами, а Стефанъ, какъ обнаружилось на судѣ, собственноручно раздавалъ ее православнымъ. Озадаченный такимъ оборотомъ дѣла, Стефанъ растерялся, говорилъ, что не зналъ объ этомъ, не читалъ этой книги и ничего вѣскаго въ свое оправданіе привести не могъ. Такимъ образомъ игра его была проиграна, авторитетъ пастырскій подорванъ, и ему вновь пришлось просить прощенія у государя.

Все рассказанное нами происходило еще до появленія Теофана въ Петербургѣ. Съ прїѣздомъ же его для Стефана начались новыя безпокойства и новыя непрїятности. Образъ мыслей Теофана былъ извѣстенъ ему давно и, конечно, не могъ ему нравиться. Кромѣ того, Теофанъ былъ противникъ сильный, не Тверитинову чета, вооруженный солиднымъ знаніемъ и сатирическимъ талантомъ. Въ одной изъ проповѣдей своихъ онъ уже успѣлъ затронуть озлобленнаго, желчнаго мѣстоблюстителя, изобразивъ его мрачный, аскетическій взглядъ на міръ и отсутствіе любви къ людямъ. «Есть люди», говоритъ онъ, «которымъ все грѣшно и скверно мнится быти, когда что-нибудь увидятъ чудно, весело, велико и славно, хотя бы и праведно, и правильно, и не богопротивно; на примѣръ, лучше любятъ день ненастливый, нежели ведро, лучше радуются извѣстіямъ скорбнымъ, нежели добрымъ; самаго счастья не любятъ, и не знаю, какъ они сами о себѣ думаютъ, а о прочихъ людяхъ такъ: если кого видятъ здоровымъ и въ хорошемъ расположеніи духа, то, конечно, не святъ; они хотѣли бы, чтобы всѣ люди были безобразнаго вида, горбаты, мрачны, несчастны, и, пожалуй, въ такомъ состояніи любили бы ихъ»... Въ этой характеристикѣ всѣ, знавшіе Яворскаго, легко узнавали черты, свойственныя характеру раздражительнаго пастыря, ставшаго еще болѣе мрачнымъ вслѣдствіе послѣднихъ неудачъ въ жизни. Въ той же проповѣди Теофанъ отерто становится на сторону свѣтской власти, которой, по его мнѣнію, должны подчиняться всѣ сословія, слѣдовательно, и духовенство, такъ какъ оно «иной чинъ есть въ народѣ, а не иное государство». Такой взглядъ на отношенія властей церковной и свѣтской, установившійся въ государствахъ протестантскихъ, былъ совершенно согласенъ съ взглядами Петра, но шелъ въ разрѣзъ съ клерикальными убѣжденіями и вождѣльніями старинныхъ людей. Кромѣ того, Стефанъ и его сторонники видѣли, что Теофанъ пріобрѣтаетъ все большее значеніе и тѣснѣе сближается съ царемъ.

А для Петра въ это тревожное время, когда ему для блага отечества пришлось отсѣчь, какъ «удъ гангренный», свое родное дѣтище, появленіе такого умнаго, энергичнаго и преданнаго помощника, какъ Теофанъ, было особенно дорого. Онъ всюду сопровождаетъ царя, вездѣ своимъ мѣткимъ, умнымъ словомъ оказываетъ ему поддержку. Онъ ѣдетъ съ нимъ въ Москву и присутствуетъ въ самый важный моментъ въ кремлевскихъ палатахъ при чтеніи манифеста о винахъ царевича и провозноситъ вслѣдъ

за этимъ рѣчь, въ которой выражаетъ восторгъ по поводу назначенія новаго наслѣдника.

Яворскій и его сторонники, терявшіе въ Алексѣѣ «особеннаго», съ ихъ точки зрѣнія, «заповѣдей божіихъ хранителя», истиннаго раба Христова» и «единую надежду», не могли, конечно, слышать и видѣть, происходившее равнодушно. Ихъ безсильная злоба вся цѣликомъ обратилась теперь на Теофана. Имъ, вѣроятно, казалось, что на него, какъ на человѣка, еще новаго, можетъ быть, не успѣвшаго стать твердою ногою при дворѣ и не получившаго еще высокаго назначенія, напасть можно и, пожалуй, не безуспѣшно. Никто не сомнѣвался, что царь въ скоромъ времени захочетъ сдѣлать его епископомъ. А потому надо было торопиться, чтобы предупредить повышение врага.

Хватились за старое средство борьбы, средство, употреблявшееся съ постояннымъ успѣхомъ въ доисторическое время. Теофилактъ Лопатинскій, противникъ богословскихъ толкованій Теофана, и давній личный врагъ его, бывший сослуживецъ по Академіи, Гедеонъ Вишневскій, достали его богословскіе курсы и отдѣльные трактаты, порылись въ нихъ, отыскали нужныя для обвиненія мѣста и составили доносъ, который заключалъ одиннадцать положеній, обличавшихъ Теофана въ еретическомъ образѣ мысли. «Батюшка», какъ называли Стефана близкіе, по обыкновенію, втихомолку, но дѣятельно участвовали въ составленіи доноса: онъ самъ лично просматривалъ лекціи Теофана и собственноручно испестрилъ поля ихъ своими замѣчаніями. Обличеніе представлено было братьямъ Лихудамъ, которые своимъ авторитетомъ засвидѣтельствовали «безуміе и нечестіе» богословскихъ толкованій обвиняемаго. Когда Стефана потребовали въ Петербургъ для поставленія новыхъ архіереевъ, онъ отговорился болѣзнію и послалъ, вмѣсто себя, арх. Варлаама Тверского и Алексѣя Сарскаго съ порученіемъ донести государю, что Теофанъ «имать препятіе» къ посвященію, ибо зараженъ «кальвинскою ересью». Но, ослѣпленные злобою, враги Прокоповича точно забыли свои недавнія неудачи въ подобномъ же дѣлѣ и не сообразили, что ни духъ времени, ни обстоятельства не могли имъ благопріятствовать. Доносъ, конечно, не нашелъ ни въ комъ ни сочувствія, ни поддержки и былъ легко опровергнутъ Теофаномъ. Онъ въ своемъ возраженіи безъ труда доказалъ, что «нѣкоторые артикулы ложно выдуманы, а иные составляютъ ученіе православное», притомъ «худо противъ грамматики и злобно противъ любви приведены». Дѣло опять кончилось полной неудачей для Стефана. Теофанъ былъ посвященъ и назначенъ Псковскимъ епископомъ, а «батюшкѣ» пришлось опять извиняться тѣмъ, что не зналъ, не читалъ будто бы самаго обвиненія, хотя и подписалъ; при этомъ Яворскій поступилъ какъ настоящій иезуитъ: онъ всю вину свалилъ на друзей своихъ, Теофилакта и Гедеона, сказавъ, что они обманули его. Въ томъ же году Стефанъ потерялъ послѣднюю надежду на патриаршество. На намекъ, сдѣ-

ланный имъ царю по этому поводу, Петръ отвѣтилъ прямо, что онъ для управленія церковными дѣлами рѣшилъ учредить духовную коллегію. Тогда Яворскій опять усиленно, «стоя предъ царемъ на колѣняхъ», просилъ отставки, но Петръ и теперь не хотѣлъ пустить его. Біографъ Яворскаго справедливо замѣчаетъ, что Петръ не уважалъ его, но что Стефанъ былъ нѣсколько полезенъ ему въ роли мѣстоблуждателя, потому что долженъ былъ своимъ именемъ и авторитетомъ свѣрять такія реформы, которымъ нѣсколько не сочувствовалъ ни самъ, ни люди одного съ нимъ направленія».

Въ то время, какъ Яворскій, стоявшій выше всѣхъ въ церковной іерархіи, лишенъ былъ всякой силы и обращенъ въ послушное орудіе въ рукахъ царя, Теофанъ, стоявшій ниже на іерархической лѣстницѣ, занялъ въ дѣйствительности первенствующее положеніе среди тогдашняго духовенства. Онъ сталъ для Петра необходимымъ человекомъ: черезъ него проходили всѣ указы и распоряженія этого времени по дѣламъ церковнымъ. Дѣятельность его становится все шире и разнообразнѣе. Онъ пишетъ отдѣльные трактаты по вопросамъ нравственно-религиознымъ, вызываемые требованіями времени, сочиняетъ предисловія къ переводамъ съ иностранныхъ языковъ, составляетъ учебники, пишетъ политическіе трактаты, подыскиваетъ историческіе примѣры для иллюстраціи и подтвержденія указовъ, наконецъ, говоритъ проповѣди. Петръ теперь близко узналъ Теофана, вѣрно оцѣнилъ его способности, энергію, взгляды и спокойно отдалъ въ его руки важное дѣло церковной реформы. Онъ поручилъ Теофану написать уставъ духовной коллегіи или «Регламентъ», какъ тогда говорили. Теофанъ быстро и прекрасно исполнилъ возложенную на него трудную задачу, такъ что царю пришлось сдѣлать только немногія незначительныя поправки въ его работѣ. «Регламентъ» былъ прочитанъ потомъ въ Сенатѣ, въ присутствіи духовныхъ и свѣтскихъ савонниковъ и всѣми подписанъ. Только одинъ Стефанъ долго колебался, но и онъ долженъ былъ подписать этотъ смертный приговоръ всѣмъ своимъ видамъ и надеждамъ на лучшее будущее.

«Духовный Регламентъ»—въ такой степени замѣчательное литературное произведеніе своего времени, что мы считаемъ нужнымъ остановиться на немъ долѣе и разсмотрѣть его внимательнѣе.

Въ эпохи, болѣе близкія къ намъ, и въ наше время существуетъ художественная литература, есть художники слова, которые наблюдаютъ духовную жизнь общества, подмѣчаютъ черты нравовъ, слѣдятъ за движеніемъ общественной мысли, идейною борьбою своею временемъ, и все это предлагаютъ общественному вниманію, воплощая въ своихъ художественныхъ созданіяхъ. Въ эпохи древнѣйшія, когда художественное творчество еще отсутствуетъ, духовная жизнь народа, признаки того или другого умственнаго движенія, самые драматическіе моменты культурной

борьбы отражаются часто въ такихъ сочиненіяхъ, которыя ничего общаго съ художествомъ не имѣютъ и носятъ чисто дѣловой, практической, спеціальннй характеръ. Таковы напр., Домострой, Стоглавъ; таковъ и «Духовный Регламентъ». Представляя собою законодательный актъ, онъ въ то же время является замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ: въ немъ ярко отразилось и настроеніе умовъ, и состояніе нравовъ, и культурная борьба того времени. Онъ преслѣдуетъ ту же цѣль, что и Домострой и Стоглавъ,—провести въ жизнь и закрѣпить въ памяти тѣ правила жизни, которыя, съ точки зрѣнія автора, представляются болѣе вѣрными и справедливыми. Но идеи Домостроя и Стоглава принадлежать охранителямъ старины; онѣ представляютъ направленіе, господствовавшее въ XVI вѣкѣ. Идеи Регламента составляютъ принадлежность передовой, образованной части общества начала XVIII вѣка и свидѣтельствуютъ о господствѣ въ это время новаго западнаго направленія. Домострой и Стоглавъ—выразители той самой старины, того умственного застоя, съ которыми борется Регламентъ. Можетъ показаться, что Регламентъ не широко захватываетъ русскую жизнь, что онъ, говоря о причинахъ, вызвавшихъ необходимость учрежденія синода, о составѣ членовъ, о ихъ обязанностяхъ и т. п., преслѣдуетъ только спеціальныя цѣли, касается вопросовъ только церковно-іерархическихъ или вопросовъ религіозныхъ. Но это только повидимому такъ. Если обратить вниманіе на то, какъ глубоко были проникнуты всѣ сферы жизни въ до-петровскій періодъ религіозно-церковнымъ духомъ, то станетъ понятнымъ, что Регламентъ, отнимая у «учительнаго сословія» власть вязать и рѣшить всѣ жизненные вопросы, освобождаетъ русскую мысль и русскую жизнь отъ вѣкового тяжелаго гнета. Вѣдь и до Петра много, напр., говорилось объ ученіи, училищахъ; потребность эта сознавалась и раньше многими русскими людьми и русскими царями. Но что же выходило изъ этого? Краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ грамота царя Ѳеодора Алексѣевича, ученика Симеона Полоцкаго, данная Московской Академіи. «Отъ церкви благословенныя и благочестивыя науки да будутъ», говоритъ грамота, «а отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, нашаче же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учить и учителей таковыхъ не имѣти. Аще таковыя учителя, гдѣ обрящутся, и оное со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Науки, слѣдовательно, раздѣлялись на благочестивыя и неблагочестивыя, на благословенныя отъ церкви и неблагословенныя. Та же грамота запрещала имѣть иностранныхъ учителей въ домахъ, а пріѣзжающихъ иностранцевъ постановляла подвергать испытанію въ вѣрѣ черезъ блюстителя и учителей академіи. «Московская Академія (по проекту) царя Ѳеодора», говоритъ Соловьевъ,—«это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ; произ-

несутъ блюстители съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи»,—и костеръ запылаетъ для преступника! Вотъ въ какомъ состояніи находился до Петра самый важный жизненный вопросъ, вопросъ о знаніи. Старая до-петровская Русь жила «простыней ума» и «нелюбопытательное благочестіе» ставила выше всего; «богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ, любяй геометрію», говорила она и указывала одну только истину: «елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи».

Какъ же широка задача Регламента, который говорить, что «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію» и находить въ просвѣщеніи «корень, сѣмя, основаніе» всякой пользы и для отечества, и для церкви?

Допетровская старина обставила строгими правилами жизнь отдѣльной семьи, оберегая ея честь предписаніями иногда сомнительнаго нравственнаго достоинства, и требовала отъ мірянина жизни, похожей на монастырскую. Регламентъ стремится внести свѣтъ въ общественную жизнь, упорядочивая отношенія между мірянами и «учительнымъ сословіемъ», и монаху предписываетъ замѣнить созерцательную жизнь жизнью дѣятельною; совѣтуетъ завести въ монастыряхъ художества, запрещаетъ строить скиты и вести отшельническую жизнь, находя ее опасною и душепагубною для человѣка, въ особенности темнаго. Старина, какъ мы видѣли, заботилась только о наукахъ благословенныхъ отъ церкви, благочестивыхъ, т. е. только такихъ, которыя нужны для церкви, для церковнаго обихода. Регламентъ ставитъ новыя программы и правила, которыя отличаются отъ старыхъ болѣе свѣтскимъ характеромъ, а мѣстами такой разумностью постановки учебнаго дѣла, которая не потеряла цѣнности и въ глазахъ нашего времени. Кромѣ богословія, въ программѣ значатся грамматика, географія, исторія, ариметика и геометрія, логика, риторика и стихотворное ученіе, физика съ метафизикою (краткою), политика краткая Шуффендорфова. Учителямъ рекомендуется ясная постановка цѣли изученія предмета, «дабы ученики видѣли берегъ, ко которому плывутъ, и лучшую бы охоту возымѣли, познавали бы повседневную прибыль свою»... Необходимою принадлежностью школы признается библіотека (библіотека Теофана состояла изъ 30,000 томовъ), «безъ библіотеки, какъ безъ души, академія». «Ко врачеванію скуки» признается необходимость игръ, прогулокъ, поѣздокъ съ учениками, въ числѣ развлеченій указывается музыка. Регламентъ, заботясь о размноженіи школъ, требуетъ, чтобы каждый епископъ имѣлъ при своемъ домѣ школу. Въ противоположность старому возрѣнію, выражавшемуся въ словахъ: «свѣтъ инокамъ—ангелы, свѣтъ же мірянамъ иноки», авторъ Регламента старается поднять въ глазахъ народа мірскую жизнь; онъ объясняетъ, что въ словѣ мірянинъ нѣтъ ничего дурного или низкаго и что отъ незнанія этого происходятъ «дурости душепагубныя». Запрещая бродяжничество, ханжество, ложныя чудеса и святыни, Регламентъ преслѣдуетъ опять широкія зада-

чи: онъ очищаетъ русскую жизнь отъ опутавшаго ее суевѣрія и суесвятства. Чисто вѣншее отношеніе къ религіи, выразившееся въ исполненіи одного только обряда и въ благоговѣннн передъ буквой писанія, съ точки зрѣнія Регламента справедливо является результатомъ невѣжества и суевѣрія. Онъ осуждаетъ одинаково и старомосковское книжничество и новосохоластическое направленіе, привитоое іезуитскими школами, и на мѣсто ихъ рекомендуетъ «доброе ученіе». Старой древнерусской боязни имѣть мнѣніе, несогласное съ установленнымъ, общепринятымъ, и боязни «зайтися въ книгахъ и изступитъ ума» противопологаются новыя понятія: «мудраго человѣка свойство есть отиѣнять мнѣніе» (т. е. неосновательное, устарѣлое) и «прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учиться, хотя бы онъ Мафусаловъ (т. е. Маеусайловъ) вѣкъ пережилъ». На ряду со школой средствомъ къ проведенію въ народъ новыхъ понятій Регламентъ считаетъ проповѣдь. Здѣсь сказалась потребность времени: книги, переводы съ иностраннаго читались немногими, журналозъ и газетъ, какъ въ наше время, тогда не было; только проповѣдь могла въ нѣкоторой степени замѣнить недостатокъ журнальной публицистики, объясняя народу значеніе текущихъ событій государственной жизни. Мы видѣли, что Теофанъ далъ прекрасные образцы живой рѣчи; его примѣру слѣдовали лучшіе, образованнѣйшіе проповѣдники: Гавриль Бугринскій, Теофиль Кроликъ, Симонъ Кохановскій и др. Въ регламентѣ опредѣляется цѣль и характеръ проповѣди, а въ особомъ сочиненіи, составляющемъ дополненіе къ Регламенту, Теофанъ указываетъ, что именно должны проповѣдники внушать своимъ слушателямъ: чтобы не проводили праздниковъ въ пьянствѣ и разныхъ безчинствахъ, не призывали имя Божіе всуе, не боготворили иконы, не дѣлили дни и часы на добрые и худые, не призывали бѣсовъ, не вѣрили бѣсымъ шептаніямъ, заговорнымъ письмамъ, ложнымъ чудесамъ, видѣніямъ, снамъ, не клеветали на ближняго, не относились съ ненавистью или презрѣніемъ къ иноземцамъ за то только, что они иноземцы. Эти совѣты, внушенные самою жизнью, ярко характеризуютъ тогдашніе нравы.

Говоря о клеветѣ, авторъ прибавляетъ: «зло сіе у насъ иностранное». Въ совѣтахъ объ отношеніи къ иностранцамъ просвѣчиваетъ симпатичная черта эпохи—зарожденіе терпимости исповѣдной и національной.

Сдѣланныхъ нами указаній, кажется, достаточно, чтобы видѣть, что Регламентъ не только проводитъ церковную реформу, но и ведетъ борьбу съ устарѣлыми понятіями и предрасудками своего времени. Его историческое значеніе очень велико, потому что его идеи—идеи вѣка. Въ немъ выражаются взгляды, которые проводились и въ другихъ законодательныхъ актахъ, и въ проповѣдяхъ лучшихъ церковныхъ ораторовъ, и въ предисловіяхъ къ учебникамъ, и въ сочиненіяхъ передовыхъ людей, какъ Та-

тищевъ, а потомъ Кантемиръ, и въ рѣчахъ Тверитинова съ товарищами, и даже отчасти въ разсужденіяхъ простаго грамотника Посошкова, стоящаго еще одной ногой въ допетровской старинѣ.

Рядомъ съ Регламентомъ по времени стоитъ другое большое произведеніе «Камень вѣры», принадлежащее перу Стефана Яворскаго. Это богословско-политическое сочиненіе, написанное по католическимъ источникамъ и главнымъ образомъ по Беллармину, имѣетъ тѣсную связь съ дѣломъ Тверитинова. «Толстѣйшій фоліантъ Камня вѣры», говоритъ биографъ Стефана, «былъ необходимъ Яворскому, чтобы показать, что, преслѣдуя еретиковъ, онъ дѣйствуетъ не по личному раздраженію, а во имя глубокихъ и твердѣйшихъ основаній». Все произведеніе проникнуто религіозностью и требуетъ самыхъ суровыхъ мѣръ противъ лютеранствующихъ. Въ немъ вообще выраженъ протестъ противъ того направленія и духа, которымъ вѣетъ отъ Регламента. По этой причинѣ «Камень вѣры», написанный до начала суда надъ Тверитиновымъ, могъ появиться въ печати только послѣ смерти Петра I, въ 1728 году, стараніями ревностнаго приверженца автора. Теофилакта Лопатинскаго, такъ какъ самого Стефана уже не было въ живыхъ. Взгляды, выраженные въ Камнѣ вѣры, не новы; они имѣютъ свою длинную исторію точно такъ же, какъ и взгляды Регламента. Если зародыши идей Регламента можно отыскать частью у Нила Сорскаго и его послѣдователей, «заволжскихъ старцевъ», частью у Максима Грека, то идеи Камня вѣры во многомъ совпадаютъ съ взглядами Іосифа Волоцкаго и многочисленныхъ его единомышленниковъ, «іосифлянъ».

Послѣ «Духовнаго Регламента» Теофанъ написалъ немного. Здѣсь, можно сказать, оканчивается лучшая пора его литературной дѣятельности. Со смертію Петра для него наступаетъ время тяжелой многолѣтней борьбы.

Извѣстно, что при ближайшихъ преемникахъ Петра I вскорѣ наступила реакція его преобразованіямъ. Отмѣны разныхъ постановленій петровскаго царствованія начались почти тотчасъ по вступленіи на престолъ Екатерины I; реакціонная работа усиливается съ воцареніемъ малолѣтняго императора Петра II, когда люди съ охранительными стремленіями приобрѣтаютъ вліяніе на дѣла. Наука и литература находились въ самомъ печальномъ состояніи въ это время, и труднѣе всѣхъ жилось людямъ развитымъ и мыслящимъ. Общественная среда была еще очень груба; новыя понятія прививались къ ней туго; образованныхъ людей было немного; между ними не было прочной связи, и они дѣйствовали въ разбродъ. Поэтому неудивительно, что Теофанъ, потерявъ своего царственнаго защитника, остался одинокимъ, и ему пришлось исключительно собственными силами бороться съ многочисленными врагами церковной реформы. А между тѣмъ партія старины, пользуясь поддержкой сильныхъ лицъ, обнаруживаетъ большую энергію. Стефана не было уже на свѣтѣ, но духъ

его былъ живъ. Георгій Дашковъ, епископъ Ростовскій, пробрался въ синодъ, на третье мѣсто: на сторонѣ его было большинство тогдашней знати. Это былъ человекъ честолюбивый, энергичный, желавшій играть первую роль. Надежды охранителей на восстановление патріаршества вновь въ это время ожили. Всѣ усилія партіи были направлены къ тому, чтобы подорвать авторитетъ синода, уронить его въ глазахъ правительства и народа и доказать незаконность его учрежденія. Борьба тянулась долго; претендентовъ на патріаршее мѣсто было не мало. Послѣ паденія Дашкова, на него мѣтилъ Варлаамъ, потомъ Крутицкій митрополитъ, Игнатій Смола и др. Самымъ дѣятельнымъ и усерднымъ помощникомъ ихъ былъ монахъ Маркелль Родышевскій. Ему поручено было выписками изъ церковныхъ правилъ и историческими свидѣтельствами доказать, что патріаршество есть будто бы самая древняя и постоянная форма церковнаго правленія. Этотъ «черный богатырь», по выраженію Теофана, не пожалѣлъ труда и написалъ огромное сочиненіе противъ «Духовнаго Регламента». Но однихъ нападеній на самое учрежденіе было недостаточно, по мнѣнію партіи; сочли необходимымъ опозорить личный составъ тогдашняго синода. На Теофана, какъ главнаго виновника реформы и вліятельнаго члена синода, посыпались доносы. Его обвиняли въ томъ, что въ новоизданныхъ имъ съ товарищами книгахъ обрѣтаются «нестерпимыя хулы на св. церковь и многія ереси», что онъ разорилъ часовни и т. п. Въ подкрѣпленіе этихъ обвиненій рассказывали, что Теофанъ еще въ Кіевѣ всенародно былъ мучимъ бѣсомъ. Кромѣ указанныхъ главныхъ лицъ противъ него дѣйствовало множество второстепенныхъ; ласквали, подметивъ письма, лжесвидѣтельство были единственными ихъ средствами. Началась страшная, кровавая драма, въ высшей степени сложная, запутанная,—драма, въ которой принципы и направленія изумительнымъ образомъ переплетались съ личными интересами и страстями и изъ участниковъ которой рѣдко кто выходилъ нравственно чистымъ. Исторія этого мрачнаго времени, подробно рассказанная въ книгѣ Чистовича («Теофанъ Прокоповичъ и его время»), производитъ на читателя невыразимо тяжелое впечатлѣніе. «Даже издали», говоритъ авторъ этой книги, «на разстояніи почти полутора вѣка, страшно представить это ужасное, мрачное и тяжелое время съ его допросами и очными ставками, съ желѣзами и пытками! Человекъ не сдѣлалъ никакого преступленія: вдругъ его схватываютъ, заковываютъ въ кандалы и везутъ въ Петербургъ, неизвѣстно куда. За что? Когда-то, годъ - два назадъ, онъ разговаривалъ съ подозрительнымъ человекомъ. О чемъ они разговаривали—вотъ изъ за чего всѣ тревоги, страхи и пытки! Безъ малѣйшей натяжки можно сказать про то время, что, ложась спать вечеромъ, нельзя было поручиться за себя, что не будешь къ утру въ цѣпяхъ, и съ утра до ночи не попадешь въ крѣпость, хотя бы не зналъ за собой никакой вины».

Розѣски происходили одновременно въ разныхъ мѣстахъ Россіи, виновныхъ свозили въ Петербургъ, подвергали допросу и пыткамъ; одни оговаривали другихъ, дѣло усложнялось и росло. «Были процессы», говоритъ Чистовичъ, «производившіеся въ синодѣ, а потомъ переходившіе въ тайную канцелярію, которые сплетались изъ такого множества отдѣльныхъ дѣлъ и разныхъ нитей, что нѣтъ возможности разобрать, что въ нихъ главное и что побочное, гдѣ начало и гдѣ конецъ»... А какъ легко было въ то время человѣку ни въ чемъ, кромѣ малограмотности, неповинному попасть въ государственные преступники, показываетъ слѣдующій очень характерный для эпохи случай, рассказанный тѣмъ же авторомъ. Одинъ вологодскій подъячій, любившій заниматься богословскими вопросами, вообразилъ, что миряне, носящіе парики, непременно должны снимать ихъ при входѣ въ церковь, такъ какъ монахи снимаютъ свои клобуки.

Вопросъ казался ему очень важнымъ. Онъ обращался съ этимъ измышленіемъ къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ Маркеллу Родышевскому, который разумно совѣтывалъ ему бросить это «малое дѣло». Но подъячій не унялся, подалъ челобитную императрицѣ, гдѣ неловко примѣнилъ какія-то слова пророка Исаи, и попалъ въ застѣнокъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи.

Этихъ выдержекъ, намъ кажется, совершенно достаточно, чтобы показать характеръ эпохи, дикую жестокость возникшей борьбы и трудность положенія Теофана, какъ главнаго лица, на которое были направлены всѣ удары противниковъ. Ему пришлось напрячь всю свою энергію, собрать всѣ силы своего ума: устоять въ ту смутную пору, когда поочередно падали такіе сильные люди, какъ Меншиковы, Долгорукіе, Голицыны, Остерманы, было особенно трудно. И одно время Теофанъ, дѣйствительно, былъ недалеко отъ гибели.

Но вести длинный тяжелый рассказъ о подробностяхъ этой кровавой драмы, которая не окончилась даже и со смертью Теофана, не входитъ въ наши задачи. Справедливость, однако, заставляетъ насъ указать въ ней тотъ поворотный пунктъ, съ котораго дѣятельность героя нашего рассказа приобретаетъ иной, мрачный, характеръ. До тѣхъ поръ пока Теофанъ, невольню втянутый въ борьбу, ведетъ ее въ цѣляхъ самозащиты и защиты дорогаго ему учрежденія, наше сочувствіе всецѣло на его сторонѣ.

Но вотъ обстоятельства неожиданно принимаютъ благопріятный для него оборотъ. При самомъ вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, онъ оказываетъ ей услугу и входитъ въ силу при дворѣ. Роли внезапно мѣняются: изъ обвиняемаго Теофанъ превращается въ обвинителя. Въ это время раскрываются большія злоупотребленія Георгія Дашкова по управленію епархіи. Кромѣ того, Теофану удается выставить его передъ императрицей человѣкомъ, враждебно настроеннымъ ея интересамъ. Георгій

ссылается въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ монастырей «подъ крѣпкое смотрѣніе». Но одолѣвъ главнаго врага, Теофанъ не останавливается на пути гоненій и преслѣдованій, а идетъ далѣе и губить безпощадно одного за другимъ своихъ враговъ, хотя всякая надобность въ самозащитѣ уже миновала. Отсюда начинается цѣлый рядъ его успѣховъ въ этомъ жестокомъ дѣлѣ. Его страстная натура сказалась и здѣсь: онъ отдается этой дикой травлѣ людей съ какимъ то увлеченіемъ; его искусство въ отысканіи преступнаго смысла въ самыхъ невинныхъ словахъ достигаетъ высокой степени; его умѣнье найти подходящее мѣсто ссылки, заточенія, приобрѣтаетъ извѣстность—къ нему въ этихъ случаяхъ обращаются за совѣтомъ. И чѣмъ далѣе шель онъ по этому пути, тѣмъ болѣе утрачивалъ нравственное чувство и тѣмъ менѣе становился разборчивымъ въ средствахъ борьбы. Чтобы губить своихъ враговъ, онъ опирается на партію временщиковъ, Бирона и Остермана, людей, съ которыми у него не могло быть ничего общаго, которые руководились въ своей политикѣ, какъ извѣстно, корыстными личными интересами и относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ русскому духовенству и народу. «Теофанъ, говоритъ Чистовичъ, пользовался такимъ отношеніемъ власти къ народу и духовенству, какъ орудіемъ, для своихъ цѣлей». «Своими подвигами въ тѣсномъ неразрывномъ союзѣ съ тайною канцеляріею», говоритъ другой писатель, «ему суждено было усилить мрачный колоритъ той эпохи, которая сохранилась въ памяти народа подъ названіемъ «бирановщины».

Историки справедливо удивляются такому рѣдкому соединенію свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонъ въ характерѣ знаменитаго сподвижника Петра. Но, отказывая ему въ сочувствіи къ дѣятельности его за послѣдніе годы, никто изъ нихъ, кромѣ суроваго бытописателя Екатерининской эпохи, Щербатова, не отказываетъ въ уваженіи къ его высокимъ прежнимъ заслугамъ передъ русскимъ обществомъ. Есть даже попытки, довольно впрочемъ неудачныя, къ оправданію дѣятельности Теофана за послѣдній періодъ (Чистовичъ, Пекарскій).

Мы не раздѣляемъ послѣдняго мнѣнія, но думаемъ, что далеко не все можно поставить въ вину его личности, а многое должно отнести на счетъ общихъ условій, духа времени. И потому не можемъ не выразить чувства глубокаго сожалѣнія о преждевременной гибели даровитаго писателя и замѣчательнаго общественнаго дѣятеля.

Говорятъ, что передъ смертью онъ съ горечью воскликнулъ: «О главо, главо, упившись разума, куда ся преклонишь?» Въ этихъ словахъ, намъ кажется, выразился весь трагизмъ его положенія: въ нихъ сказалось и тоскливое чувство одиночества и тяжелое сознаніе безцѣльности своего существованія, ненужности для вѣка. И это вполне понятно. Той широкой общественной и литературой дѣятельности, которая давала ему полное нравственное удовлетвореніе, теперь не было и въ поминѣ: много силъ по-

глощено было борьбою, да и задачи времени были уже не тѣ. Отъ него, серьезно образованнаго человѣка, ученаго богослова, требовали теперь только похвальныхъ рѣчей да эмблемъ къ триумфальнымъ воротамъ или фейерверку, и это называлось ученой задачей. Въ высшихъ сферахъ онъ долженъ былъ сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, чувствовать свое одиночество, и положеніе его тамъ было таково, что требовало, по словамъ Кантемира, «медь держать на языкѣ», а «желчь прятать въ грудѣхъ».

Оставалось одно только утѣшеніе—отводить душу въ тѣсномъ кругу друзей, на этихъ, по словамъ біографа, «аттическихъ вечерахъ, на которые собирались образованнѣйшіе люди того времени». «Въ кругу близкихъ лицъ», говоритъ другой біографъ: «онъ былъ, мѣшая шутку съ дѣломъ, гениально остроуменъ, такъ что собесѣдники съ жадностью ловили и старались запомнить его изреченія, апологи, притчи»... Впрочемъ, у Теофана было еще одно утѣшеніе. Это его школа, считавшаяся, по справедливости, лучшею въ то время школою. Она была устроена имъ самимъ, и въ ней нашли примѣненіе всѣ тѣ взгляды, съ которыми мы познакомились въ «Регламентѣ». Здѣсь онъ воспитывалъ на свой счетъ дѣтей, сиротъ простого званія. Онъ самъ давалъ имъ прозвища сообразно съ ихъ наклонностями или наружностью. Тутъ были и Барашко, и Бурмистръ, и Утеноекъ, и Свѣтлой, и Орѣшко и т. п. Изъ нихъ многіе впослѣдствіи приобрѣли извѣстность на разныхъ поприщахъ общественной и государственной службы. Этихъ то сиротъ онъ сдѣлалъ своими наслѣдниками. О нихъ онъ трогательно заботился передъ самой смертію, прося преосвященнаго Питирима обратить вниманіе на воспитаніе ихъ, дать имъ способы окончить образованіе и вывести въ люди.

Истративъ въ жестокой борьбѣ свое здоровье и душевныя силы, Теофанъ умеръ еще нестарымъ человѣкомъ, 55 лѣтъ отъ роду, въ 1736 году.

Если справедливо говорятъ, что время родитъ людей, то съ неменьшею справедливостію можно сказать, что безвременье ихъ губить.

Ө. Нелидовъ.

Народное образованіе въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Вопроса о состояніи народнаго образованія въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края никто не касался до послѣдняго времени, когда г. Острогорскому понадобилось имѣть цифровыя данныя объ образованіи въ этомъ краѣ для его очерка о начальномъ образованіи въ Россіи вообще, служащаго поясненіемъ къ діаграммамъ, выставленнымъ въ педагогическомъ отдѣлѣ всероссійской нижегородской выставки. Свѣдѣнія свои г. Острогорскій, какъ видно изъ его очерка, получилъ изъ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія по устройству педагогическаго отдѣла на нижегородской выставкѣ, куда эти свѣдѣнія были доставлены инспекторами и директорами народныхъ училищъ и относились къ 1 января 1894 г.. О невѣрности нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ въ очеркѣ г. Острогорскаго было въ свое время указано въ печати. По провѣркѣ нами этихъ данныхъ по отношенію къ школамъ Сѣверо-Западнаго края цифровыми данными изъ губернаторскихъ обзоровъ, оказалось, что у г. Острогорскаго показаны большею частію меньшія цифры школъ и учащихся, нежели цифры, приводимыя въ обзорахъ. Объяснить это можно развѣ тѣмъ, что инспектора и директора народныхъ училищъ, спѣшно доставляя свои свѣдѣнія въ комиссію по устройству педагогическаго отдѣла на нижегородской выставкѣ, могли представить эти свѣдѣнія въ неполномъ видѣ. Между тѣмъ, нѣкто Вышеславцевъ (кажется, гродненскій инспекторъ народныхъ училищъ) въ Виленскомъ Вѣстникѣ за 1896 годъ (№№ 152 и 153), въ статьѣ «О народномъ образованіи въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края и Вѣлороссіи, по даннымъ учебнаго отдѣла нижегородской всероссійской выставки», вывелъ заключеніе, что народное образованіе въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края поставлено даже выше, нежели въ земскихъ губерніяхъ, что уже а priori трудно было допустить. Ничего не можетъ быть опаснѣе для самаго дѣла просвѣщенія, какъ выставять его въ ложномъ, преувеличенно благопріятномъ свѣтѣ. Располагая официальными

данными въ видѣ губернаторскихъ обзоровъ, составляющихъ приложеніе ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ, постараемся дать дѣйствительную и возможно вѣрную картину народнаго образованія въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края въ 1895 году.

Общее состояніе образованія въ краѣ въ этомъ году и по тѣмъ-же даннымъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: при общей цифрѣ населенія въ 9,800,000, всѣхъ учебныхъ заведеній, считая въ томъ числѣ и еврейскіе хедеры, было 10,034, болѣе противъ 1894 г. на 100; учащихся—278,489, болѣе противъ предшествующаго года на 9,824; въ томъ числѣ учащихся мужскаго пола было 236,266 и женскаго 42,223. Одинъ учащійся въ среднемъ приходился на 33 жителя. Однако, эти довольно почтенныя съ перваго взгляда цифры школъ и учащихся должны сильно сократиться, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ составъ этихъ цифръ вошли и цифры, такъ называемыхъ, еврейскихъ хедеровъ, содержимыхъ меламедами. Напр. въ Виленской губерніи всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1895 г. было 1,461 и учащихся въ нихъ 42,821 (м. п. 35,865 и ж. п. 6,596), въ томъ числѣ 617 хедеровъ съ 9235 учащихся мужскаго пола, въ Минской губ. учебныхъ заведеній было 2,936 съ 67,404 учащихся (м. п. 59,911 и ж. п. 7,493) въ томъ числѣ хедеровъ 1,189 съ 17,000 учащихся, въ Ковенской губ. учебныхъ заведеній было 246 и учащихся 15,545 (м. п. 12,637 и ж. п. 2,208), въ томъ числѣ 40 хедеровъ съ 2000 учащихся, въ Гродненской губ. учебныхъ заведеній было 1506, учащихся въ нихъ 54,897 (м. п. 45,577 и ж. п. 9,320), въ томъ числѣ 186 хедеровъ съ 5000 учащихся, въ Могилевской губ. учебныхъ заведеній было 2,807, учащихся 62,746 (м. п. 52,276 и ж. п. 7,470), въ томъ числѣ хедеровъ 910 съ 4,280 учащихся и въ Витебской губ. учебныхъ заведеній было 1,078, учащихся 35,069 (м. п. 30,000 и ж. п. 5,069), въ томъ числѣ 150 хедеровъ съ 4000 учащихся.

Такимъ образомъ хедеровъ всего насчитывалось 3,089 съ 41,515 учащихся въ нихъ. И такъ какъ хедеры не могутъ быть приняты въ счетъ образовательныхъ заведеній, то слѣдовательно, безъ нихъ учебныхъ заведеній въ краѣ въ 1895 г. было 6945, съ 194,751 учащихся. Въ такомъ случаѣ одинъ учащійся приходился уже не на 33 жителя, а на 50 жителей.

Нельзя не обратить вниманіе въ вышеприведенныхъ цифрахъ и на крайне ничтожное увеличеніе учебныхъ заведеній за годъ въ числѣ всего 100 въ шести губерніяхъ края. Въ отдѣльности число учебныхъ заведеній пришло за годъ: въ Виленской губерніи всего 2, именно въ школахъ, подвѣдомственныхъ дирекціи народныхъ училищъ, тогда какъ число учащихся увеличилось на 1077 человекъ. При этомъ, замѣчаетъ обзоръ, *за недостаткомъ школъ и тѣсною помѣщенія наличныхъ училищъ въ городахъ, въ отчетномъ году число не принятыхъ въ эти училища простиралось до 700 мальчиковъ и 250 дѣвочекъ. Въ церковно-приходскихъ школахъ, по сравнению съ предшествующимъ годомъ обучалось болѣе*

на 310 человекъ, но число школъ грамоты уменьшилось на 7, а количество обучающихся въ нихъ дѣтей на 1209 человекъ. Въ Могилевской губ. число учебныхъ заведеній (церковно-приходскихъ и школъ грамоты) увеличилось на 22, а учащихся возрасло на 1690 человекъ. Въ Гродненской губ. общее число учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія сравнительно съ 1894 годомъ увеличилось на 13, а учащихся въ нихъ на 1264, а церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты возросло на 47 съ числомъ учащихся на 1195. Раздѣляя въ первомъ случаѣ цифру 1264 на 13, получимъ 97,2 учащихся на одно открывшееся элементарное учебное заведеніе, какое число учащихся нельзя не считать обременительнымъ для одного учителя, а училище переполненнымъ.

Наконецъ, въ ряду приведенныхъ цифръ нельзя не обратить вниманія и на крайнее несоотвѣтствіе учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, коихъ обучается такъ мало по сравненію съ мальчиками. (Процентъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ по отношенію къ общему населенію будетъ составлять отношеніе какъ 6,5% : 0,7).

Состояніе низшихъ или собственно народныхъ школъ можно наглядно представить себѣ въ слѣдующей таблицѣ (см. 108 стр.).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ таблицы, всѣхъ низшихъ или народныхъ школъ въ краѣ въ 1895 г. было 6748, въ томъ числѣ министерскихъ 1639, а духовнаго вѣдомства 5109, а учащихся въ первыхъ было 110,606, а во вторыхъ 105,875, *) т. е. школы духовнаго вѣдомства слишкомъ вдвое превышали число школъ министерскихъ, но учащихся въ послѣднихъ было на пять съ лишнимъ тысячъ болѣе, нежели въ первыхъ. Это значитъ, что министерскія народныя школы должны быть несравненно многочисленнѣе школъ духовенства.

По количеству школъ и учащихся въ нихъ губерніи располагаются въ такомъ порядкѣ: Могилевская, Гродненская, Минская, Витебская, Виленская и Ковенская, т. е. больше всего школъ и учащихся въ Могилевской губерніи, а меньше всего въ Виленской и Ковенской. Въ графѣ Минской губерніи хотя и значится больше школъ и учащихся, нежели въ графѣ Гродненской, но мы ее поставили на третьемъ, а не на второмъ планѣ послѣ Могилевской губерніи, потому что преобладаніе здѣсь школъ и учащихся въ сравненіи съ Гродненской губерніей будетъ относительное, а не абсолютное, если принять во вниманіе, что Минская губернія пространствомъ и числомъ жителей весьма значительно превышаетъ всѣ другія губерніи края. Правильность сдѣланнаго нами расположенія губерній по количеству въ нихъ школъ и учащихся

*) Въ статьѣ г. Вышеславцева, написанной по Острогорскому, для 1893 г. въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края показано: сельскаго населенія: 8,286,000, школъ 6,269, учащихся въ нихъ 186,280 и средствъ содержанія 829,894 руб.

Губерніи.	Крестьянск. имѣщ. населен. въ тысяч.	Число кв. верстѣ.	Названіе вѣдомства.	Число школѣ.	Число учащихся.	Одна школа на число кв. в.	Одна школа на число жителей.	Одинъ учащійся на число жителей.	Какой % всѣхъ дѣтей школ. возр. составляютъ учащ.,	Общая стоимость образованія.	Стоимость одной школы.	Стоимость одного учащ.	
Итого.	8,870,000	Итого школѣ	Мин. Дух.	1639	110606					Итого			
		Всего школѣ	—	5109	105875					1,211,162 р. 03 к.			
	Ковенская.	1500	35711	Мин. Дух.	240 66	14190 1558	115,6	8,135	95,2 7	87,674 р. 7,058 р.	437 р. 106 р.	37 к. —	
			Итого.	306	15748					Итого			
	Виленская.	1400	37371	Мин. Дух.	219 533	14958 8351	49,6	1861,7	60	12,25	240,000 р. 28,000 р.	502 р. 51 р.	33 к. —
			Итого.	752	23309					Итого			
	Витебская.	1300	39686	Мин. Дух.	280 630	16400 11300	43	1426	47	15,5	170,054 р. 75,516 р.	470 р. 120 р.	77 к. 60 к.
			Итого.	910	27700					Итого			
	Минская.	1827	42218	Мин. Дух.	321 1368	24800 25200	41,53	1081	36,5	20,2	300,000 (на всѣ уч. завед. до 726,232 р.)	вообще учеб. завед. въ губ. показанаго 247 до 248 р.	вообще учащ. въ губ. севини показ.
			Итого.	1689	50000								
Гродненская.	1445	33978	Мин. Дух.	331 906	24401 21382	27	1079	29,6	25,5	100,218 р. 61,139 р. 26 к.	313 р. 66 р.	18 к. 13 к.	
		Итого.	1237	45783						Итого			
Могилевская.	1405	42218	Мин. Дух.	248 1606	15857 38084	22,54	757	26	35,3	88,621 р. 77 к. 132,782 р.	430 р. 75 р.	66 к. 64 к.	
		Итого.	1854	53941						Итого			
										221,403 р. 77 к.			

*) Такъ какъ цифры низшихъ или народныхъ школѣ и учащихся въ нихъ показаны здѣсь первыя меньше только на 197, а вторыхъ даже превышаетъ на 21,730 число всѣхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, за включеніемъ хедеровъ какъ исчислено выше, то это значитъ, что въ числѣ народныхъ школѣ нѣкоторые обзоры не вполне видѣли хедеры.

ся подтверждается и графой: какой % всѣхъ дѣтей школьнаго возраста составляютъ учащіеся, гдѣ цифры идутъ въ постепенно убывающемъ порядкѣ.

Уже сами по себѣ, т. е. безотносительно, взятыя изъ другихъ графъ нашей таблицы цифры показываютъ, насколько недостаточно народныхъ школъ въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края. Напр. въ Могилевской губерніи, гдѣ школьное дѣло лучше всего поставлено, одна школа въ 1895 г. приходилась на 22,54 кв. верстъ и на 757 жителей, одинъ учащійся на 26 жителей и % учащихся дѣтей 35, изъ числа всѣхъ дѣтей школьнаго возраста не обучалось въ школахъ около 65%. Въ Виленской губерніи одна школа приходилась на 49,6 кв. в. и 1867,7 жителей, одинъ учащійся на 60 жителей и % учащихся дѣтей составлялъ 12,25. Наконецъ, въ Ковенской губерніи одна школа приходилась на 115,6 кв. в. и 8,135 жителей, одинъ учащійся на 95,2 жителей и % учащихся дѣтей составлялъ всего 7, т. е. 93 дѣтей изъ ста вовсе не обучались въ школахъ.

Сравненіе съ губерніями земскими и прибалтійскими покажетъ, насколько школьное дѣло хуже поставлено въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, нежели въ этихъ послѣднихъ. Напр. въ Саратовской губерніи, которая пространствомъ и числомъ жителей соотвѣтствуетъ Минской, по обзору губернатора за 1894 г., въ этомъ году было школъ земскихъ и духовнаго вѣдомства 1626 съ 133,470 учащихся, причѣмъ одна школа приходилась на 45,6 кв. верстъ и на 1533 жителя, а одинъ учащійся на 18,68 жителей, тогда какъ въ Минской губерніи, какъ мы видѣли, въ 1895 г. было школъ 1689 съ 50,000 учащихся, причѣмъ одна школа приходилась на 43 кв. в. и на 1426 жителей, а одинъ учащійся на 47 жителей. Число школъ въ Саратовской губерніи въ 1895 г., при быстромъ ростѣ здѣсь, какъ увидимъ ниже, школъ, могло не только сравняться, но даже превзойти разницу превышенія въ 63 школы Минской губерніи; но число учащихся въ школахъ Саратовской губерніи уже въ 1894 г. превышало почти втрое число учащихся въ школахъ Минской губерніи. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что школы въ Саратовской губерніи должны быть несравненно многолюднѣе школъ Минской губерніи, вслѣдствіе чего здѣсь одинъ учащійся приходится на 18,68 жителей, тогда какъ въ Минской губерніи одинъ учащійся приходится на 26 жителей. Многолюдство земскихъ школъ въ губерніяхъ Россіи не представляетъ особеннаго неудобства для этихъ школъ, въ виду того, что для учителей въ школахъ имѣются оплачиваемыя ихъ помощники. Принимая-же во вниманіе, что въ Саратовской губерніи, при цифрѣ сельскаго населенія здѣсь въ 1894 г. приблизительно въ 2,300,000 (общая цифра населенія въ обзорѣ показана въ 2,494,000) число дѣтей школьнаго возраста по общему статистическому закону должна составлять % часть общаго населенія, т. е. выразиться цифрой въ 328,570, окажется, что % учащихся дѣтей въ школахъ этой губерніи составитъ свыше 50

процентовъ, т. е. свыше половины всѣхъ дѣтей школьнаго возраста.

Но дѣло народнаго образованія въ Саратовской губерніи еще болѣе выиграетъ по сравненію съ Минской губерніей, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ ней число земскихъ школъ весьма значительно преобладаетъ надъ школами духовенства... Такъ изъ общаго числа школъ въ Саратовской губерніи въ 1626—школъ церковно-приходскихъ и грамоты было всего 180, тогда какъ въ Минской губерніи изъ общаго числа школъ въ 1689—школъ духовенства было 1368, а школъ министерскихъ всего 321. Въ то же время учащихся въ земскихъ школахъ Саратовской губерніи было 107,855, а въ церковно-приходскихъ и школахъ грамоты— всего 25,616, тогда какъ число учащихся въ школахъ духовенства Минской губерніи было 25,200, а въ школахъ министерства 24,800

Въ общемъ, число школъ духовенства въ Западномъ краѣ, какъ мы уже знаемъ, превышаетъ слишкомъ втрое число школъ министерскихъ и, надо замѣтить, что послѣдняго рода школы уже издавна остаются въ неподвижномъ состояніи или даже убываютъ, тогда какъ школы духовенства быстро увеличиваются. Напр. въ той же Минской губерніи министерскихъ школъ въ 1894 г. было 320 съ 24,749 учащихся, а въ 1895 году 321 съ 24,800 учащихся, т. е. число школъ за годъ увеличилось всего на одну, а учащихся увеличилось на 51. Школъ духовенства въ той же губерніи было въ 1894 году 1321 съ 25,104 учащихся, а въ 1895 году 1368 съ 25,200 учащихся, т. е. число школъ за годъ увеличилось на 47, а число учащихся на 96. Въ Гродненской губерніи число школъ духовенства съ 1 января 1895 г. по 1 января 1896 г. увеличилось на 47, а учащихся на 1146, въ то время какъ министерскія школы остались при неизмѣнной за это время цифрѣ 304, а число учащихся въ нихъ увеличилось на 406 *).

*) Въ Виленской губ. министерскихъ народныхъ школъ было: въ 1871 г. 164 съ 7000 учащихся, въ 1881 г. 179 съ 8,625 учащихся и въ 1895 г. 219 съ 14,958 учащихся, т. е. за 25 лѣтъ число школъ увеличилось всего на 55, а число учащихся всего лишь удвоилось. Число школъ духовенства въ 1886 г. было 259 съ 4326 учащихся, а въ 1895 г. 533 съ 8351 учащихся; слѣдовательно только за десять послѣднихъ лѣтъ число школъ духовенства болѣе, нежели удвоилось, а учащихся почти удвоилось. Въ Саратовской губерніи земскихъ школъ съ 1880 года по 1895 г., т. е. за 15 лѣтъ увеличилось съ 616 до 1446, а учащихся съ 65,112 до 107,855, и школъ духовенства съ 16 въ 1884 г. до 180 въ 1894 г. и учащихся съ 872 до 25,616.

Примѣромъ уменьшенія школъ въ Западномъ краѣ можетъ служить Ковенская губернія, гдѣ въ 1895 г. по сравненію съ 1894 годомъ число низшихъ учебныхъ заведеній уменьшилось на три, а число учащихся увеличилось на 753 или на 5,6%. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по словамъ обзора за 1894 г., замѣчается изъ года въ годъ уменьшеніе числа учащихся. Напр. въ трехъ гимназіяхъ и одномъ реальномъ училищѣ въ 1893 г. насчитывалось 1619 учащихся, а въ 1893 г. ихъ было только 1057, т. е. на 34% меньше.

Наконецъ, въ числѣ школъ духовенства въ Западномъ краѣ главнымъ образомъ преобладаютъ школы грамоты, т. е. типъ школъ совершенно неорганизованныхъ и непрочныхъ. Изъ числа 5109 здѣсь школъ духовенства въ 1895 г. было школъ церковно-приходскихъ 925 и школъ грамоты 4184, а учащихся въ первыхъ 40,032, а въ послѣднихъ 65,843. Изъ таблицы видно, что стоимость церковно-приходскихъ школъ въ 1895 г. обходилась максимумъ 120 руб. 60 к. въ Витебской губерніи и минимумъ въ 51 руб. въ Виленской губерніи, а стоимость одного учащагося въ тѣхъ же губерніяхъ была максимумъ 6 руб. 27 коп. и минимумъ 2 руб. 72 коп. На столь ничтожныя суммы можетъ существовать развѣ самая плохая церковно-приходская школа. Но на школы грамоты даже и такой суммы не отпускается, а содержится онѣ частными лицами, съ разрѣшенія духовенства, на счетъ взносовъ учащихся въ размѣрѣ одного рубля и пятидесяти копѣекъ въ зиму съ каждаго учащагося. Иногда же училищно-епархіальные совѣты отпускаютъ на школы грамоты денежное пособіе отъ 15 до 30 руб. въ годъ. Полная необеспеченность этихъ школъ ведетъ къ тому, что онѣ столь-же часто открываются, какъ и закрываются.

Если мы теперь сравнимъ число школъ въ губерніяхъ Западнаго края съ числомъ ихъ въ одной изъ прибалтійскихъ губерній, напр. Лифляндской, почти равняющейся пространствомъ (42,645 кв. в.) и числомъ жителей (1,506,000) губерніи Могилевской (пространство ея 42,218 кв. в. и число жителей 1,551,000), то увидимъ, что въ 1894 г. общее число учебныхъ заведеній здѣсь было 2075 съ 102,390 учащихся, а считая, говорить обзоръ Лифляндскаго губернатора, 72,000 учащихся въ школахъ духовенства, получимъ общее число учащихся въ губерніи въ 174,390. Одна школа приходилась въ Ригѣ на 1000 жителей, въ другихъ городахъ на 698 и въ уѣздахъ на 754 жителя, а одинъ учащійся приходился въ Ригѣ на 11,2 жителя, въ другихъ городахъ на 7 и въ уѣздахъ на 13,2 жителя. Принимая же число всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ 215,000, получимъ 81% числа обучающихся дѣтей, такъ что только около 19% оставалось безъ обученія, что уже, замѣтимъ, нѣсколько граничитъ съ идеаломъ всеобщаго обученія.

Въ общемъ выводѣ число учащихся въ одной Саратовской губерніи въ 1894 г. составляло болѣе половины (133,470) всѣхъ учащихся въ народныхъ школахъ шести губерній Сѣверо-Западнаго края (216,481), а въ Лифляндской губерніи недоставало только 42,091 учащихся до полного числа учащихся во всѣхъ школахъ губерній Сѣверо-Западнаго края.

Изъ графы таблицы «общая стоимость образованія» видно, что на народныя министерскія школы въ 1895 г. больше всего израсходовано было въ Виленской губерніи, именно 240,000 руб. 38 к., причемъ одна школа обошлась въ 502 р. 38 к. и одинъ учащійся въ 8 р. 35 к. Въ Саратовской губерніи земствами и городами израсходовано въ 1894 году на народное образованіе 453,358 р. — причемъ одна школа обошлась въ 382 р. 74 к. и

одинъ учащійся въ 4 руб. 20 коп. Благодаря многочисленности школъ въ Саратовской губерніи, не смотря на то, что здѣсь общая стоимость ихъ почти въ два раза превышаетъ стоимость содержанія школъ въ Виленской губерніи оказывается, что одна школа и одинъ учащійся въ Саратовской губерніи стоятъ гораздо меньше, нежели въ Виленской губерніи. Но допуская, что въ земскихъ губерніяхъ, такъ же какъ и въ неземскихъ западныхъ, на школы не мало жертвуютъ еще крестьяне, о чемъ въ обзорѣ Саратовскаго губернатора не упоминается, то вслѣдствіе этого допустимаго факта бюджеты школъ здѣсь должны значительно возрасти. Надо замѣтить, что въ тѣхъ земскихъ губерніяхъ, гдѣ школъ и учащихся меньше, также и стоимость и одного учащагося выше. Напр. въ Херсонской губерніи, какъ видно изъ отчета губернской земской управы о состояніи народнаго образованія за 1895 г. израсходовано было въ этомъ году на низшее образованіе 238,500 р *) (63% всѣхъ земскихъ ассигнованій),— причеъ одна школа обошлась въ 700 р., а одинъ учащійся въ 8 рублей. Въ большинствѣ губерній Сѣверо-Западнаго края какъ общая сумма ассигнованій на школы, такъ и стоимость одной школы и одного учащагося—гораздо ниже этихъ цифръ.

Источники денежныхъ средствъ на содержаніе народныхъ школъ въ губерніяхъ Западнаго края очень разнообразны. Такъ въ Могилевской губерніи на содержаніе школъ министерства народнаго просвѣщенія израсходовано было въ 1895 г. изъ суммъ государственнаго казначейства 30,470 р., изъ суммъ Виленскаго учебнаго округа 177 р., ассигнованныхъ сельскими обществами 57,140 р. и пожертвованныхъ частными лицами 834 р. Если же, говорить обзоръ Могилевскаго губернатора, къ этимъ расходамъ сельскихъ обществъ, составляющихъ годичный бюджетъ по содержанію народныхъ училищъ, прибавить расходы единовременные, какъ-то расходы на пополненіе народныхъ библиотекъ (1,916 р. 70 к.), а также на постройку новыхъ и ремонтъ старыхъ училищныхъ зданій (14,710 руб.), то общій расходъ сельскихъ обществъ въ 1895 г. на народное образованіе составлялъ сумму въ 73,767 руб.

На содержаніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты въ томъ-же году израсходовано было: а) изъ запаснаго или основнаго капитала 4,058 руб., б) пособія отъ св. синода — 100 р., в) пособія отъ церквей и монастырей—2,437 р, г) изъ суммъ губернскаго земскаго сбора—24,909 руб. 85 коп., д) изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, земледѣлія и государственныхъ имуществъ—1,775 р, е) отъ приходскихъ попечительствъ—1186 р., ж) изъ суммъ ассигнованныхъ волостными и сельскими обществами 66,587 р., з) отъ городскихъ обществъ—

*) На высшее и среднее образованіе Херсонскимъ земствомъ израсходовано 140,500 руб. такъ что весь расходъ этого земства на образованіе равнялся въ 1895 г. 379,000 руб.

265 р., и) пожертвованій попечителей и благотворителей—9,098 р. и i) плата за ученіе—4776 р. Кромѣ показанныхъ въ пунктѣ г) 24,969 руб. 85 к. изъ суммъ губернскаго земскаго сбора издержано 19,640 руб. одновременно на ремонтъ школьныхъ зданій и другіе расходы на благоустройство школъ, а всего израсходовано на содержаніе школъ духовенства 132,782 руб.

Такимъ образомъ самымъ крупнымъ источникомъ содержанія народныхъ школъ какъ министерскихъ, такъ и духовнаго вѣдомства служатъ ассигнованія сельскихъ обществъ, сумма коихъ для того и другого рода школъ въ Могилевской губерніи простиралась въ 1895 г. до 139,554 руб. изъ 221,404 рублей всей суммы стоимости содержанія народныхъ школъ въ губерніи, поступившихъ изъ разныхъ источниковъ.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія на ничтожность пожертвованія отъ городскихъ обществъ—всего въ 265 р. на школы духовенства. Изъ другихъ губерній Западнаго края еще въ Витебской въ 1895 г. поступило отъ городскихъ обществъ пожертвованій на школы 5,610 руб.; въ прочихъ же губерніяхъ края города не только не содержатъ никакихъ собственныхъ школъ, но и ничего не даютъ на школы. Совсѣмъ другое отношеніе городовъ къ народному образованію замѣчается въ земскихъ губерніяхъ, гдѣ какъ напр. въ Саратовской губерніи въ 1894 г. городами была пожертвована на народное образованіе крупная сумма въ 228,067 руб., въ томъ числѣ городомъ Саратовомъ пожертвовано 101,312 руб. и всѣ остальные города губерніи приняли участіе въ пожертвованіяхъ. Въ Симбирской губерніи въ томъ же году, въ числѣ общей суммы въ 301,903 р., истраченной на народное образованіе, городскими обществами было пожертвовано 47,229 руб.

Содержаніе народныхъ школъ министерскихъ и духовенства въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края въ 1895 году обошлось приблизительно въ сумму 1.200,000 руб., въ томъ числѣ сельскими обществами ассигновано приблизительно около 800,000 р. и изъ другихъ источниковъ поступило около 400,000 р., считая въ томъ числѣ и сумму изъ государственнаго казначейства приблизительно въ 300,000 р. Слѣдовательно $\frac{2}{3}$ бюджета народныхъ школъ въ 1895 г. составляли народныя пожертвованія.

Крупная съ перваго взгляда сумма бюджета на народное образованіе въ краѣ въ 1.200,000 покажется намъ однако совершенно ничтожной, если мы сравнимъ ее съ расходомъ на среднія или спеціальныя учебныя заведенія.

Въ тѣхъ или другихъ оборотахъ имѣются указанія стоимости содержанія средне-учебныхъ заведеній. Такъ всѣхъ учащихся въ пяти среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Гродненской губерніи въ 1895 г. было 1355 (м. п. 850 и ж. п. 505) и окончило курсъ 162 воспитанника, въ томъ числѣ въ мужскихъ заведеніяхъ—97 и въ женскихъ—65. Приходъ всѣхъ пяти среднихъ учебныхъ за-

веденій составилъ 270,849 р., а расходъ 208,974 руб.; въ томъ числѣ израсходовано было:

Гродненскою мужскою гимназіею 40,090 р. 62 к., Гродненскою женскою гимназіею 22,921 р., Брестскою мужскою прогимназіею 29,054 р. 96 к., Бѣлостокскимъ институтомъ благородныхъ дѣвицъ 70,341 р. 41 к., и Бѣлостокскимъ Реальнымъ учил. 42,566 р. 5 к.

Одинъ учащійся обошелся: въ Гродненской мужской гимназіи въ 103 р. 98 к., въ Гродненской женской гимназіи въ 60 руб. 9 к., въ Брестской прогимназіи въ 220 р. 11 к., въ Бѣлостокскомъ реальномъ реальномъ училищѣ въ 144 р. 78 к. и одна учащаяся въ Бѣлостокскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ 553 р. 87 к.

Уѣздныя училища, числомъ 6, при 468 учащихся, располагали суммами въ количествѣ 14,724 р. и содержаніе каждого училища обошлось въ 2,454 руб. и каждого ученика въ 31 р. 46 к.

Во всѣхъ 331 начальныхъ народныхъ училищахъ обучалось 25,401 человекъ дѣтей обоого пола, причѣмъ матеріальныя средства этихъ училищъ составляли 100,218 р. 32 к., что въ среднемъ дасть по 313 р. 18 к. на одно училище и по 3 р. 94 к. на ученика.

Если мы сравнимъ теперь въ этихъ рядахъ цифръ относительно учебныхъ заведеній по Гродненской губерніи крайнія цифры, то окажется, что содержаніе института благородныхъ дѣвицъ въ г. Бѣлостокѣ обошлось въ 70,341 р. 41 к. (въ 1894 г. 73,271 р.) и одной ученицы въ 553 р. 87 к., тогда какъ содержаніе одного народного училища стоило 313 р. 18 к. и одного учащагося 3 р. 94 к.; иначе говоря, содержаніе одной учащейся въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ обошлось чуть не вдвое больше, чѣмъ содержаніе одного народного училища, а содержаніе всего института благородныхъ дѣвицъ стоитъ $\frac{3}{4}$ того, во что обходится народное образованіе въ цѣлой губерніи, — причѣмъ, кстати замѣтить, отпущенная государствомъ на народное образованіе въ губерніи сумма въ 19,341 р. была въ $3\frac{1}{2}$ раза меньше, нежели отпускаемая ежегодно сумма на содержаніе института благородныхъ дѣвицъ въ г. Бѣлостокѣ.

Всѣхъ средне-учебныхъ и разныхъ специальныхъ учебныхъ заведеній въ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края въ 1895 г. было 3,188 съ 46,384 учащихся, а содержаніе сихъ школъ и учащихся въ нихъ обошлось казнѣ приблизительно въ 3.760,000 р. Народныхъ школъ въ то же время было 6,748 съ 216,000 учащихся и на содержаніе ихъ израсходовано 1.200,000 р., въ томъ числѣ казнѣ это содержаніе стоило всего 300.000 р.

Существованіе многихъ церковно-приходскихъ школъ, при скудости отпускаемыхъ на нихъ епархіально-училищными совѣтами средствъ, было бы просто не мыслимо, если бы сельскія общества не оказывали этимъ школамъ всевозможной поддержки въ видѣ устройства и найма помѣщеній, отвода помѣщеній въ избахъ и проч. Такъ въ Гродненской губерніи помѣщенія для

школь имѣются: для 103 школь въ собственныхъ школьныхъ домахъ, для 141 въ церковныхъ и общественныхъ зданіяхъ, для остальныхъ помѣщенія избираются въ крестьянскихъ избахъ, гдѣ эти школы, въ особенности передвижныя, принуждены размѣщаться вмѣстѣ съ крестьянской семьей. Въ Витебской губерніи церковно-приходскія школы помѣщались въ 111 собственныхъ домахъ, 5 въ наемныхъ, 15 въ частныхъ домахъ и 12 въ церковныхъ сторожкахъ.

Весьма оригинальный способъ содѣйствія школамъ со стороны сельскихъ обществъ практикуется въ этой послѣдней губерніи устройствомъ, такъ называемыхъ, общежитій. Общежитія, говоритъ обзоръ губернатора, имѣющія весьма важное значеніе для Витебской губерніи, въ которой приходы состоятъ изъ небольшихъ и разбросанныхъ деревень открываются при всякой церковной школѣ, гдѣ только позволяютъ помѣщеніе и матеріальныя средства. Содержатся дѣти въ общежитіяхъ при школахъ или на средства родителей учащихся или сельскихъ обществъ. Въ послѣднемъ случаѣ крестьяне, отпуская изъ общественныхъ магазиновъ хлѣбъ, а изъ мірскихъ суммъ деньги на приварокъ, назначаютъ особое отъ себя избранное лицо, съ присвоеніемъ ему званія попечителя школы, который подъ контролемъ священника распоряжается хозяйственною частію въ школѣ. Школьныя общежитія, насколько намъ извѣстно, существуютъ и въ другихъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края, хотя о нихъ и не упоминается въ обзорахъ. Этого рода общежитія, насколько извѣстно, существуютъ также при школахъ и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи.

О преподавательскомъ персоналѣ народныхъ школь имѣются въ обзорахъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія. Мы узнаемъ, что учительскія семинаріи и институты имѣются во всѣхъ шести губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края.

Въ той же Витебской губерніи изъ числа 202 учителей и учительницъ состояло: окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ 57%, окончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, женскихъ епархіальныхъ училищахъ и женскихъ гимназіяхъ 63 лица или 31%, и окончившихъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и приобрѣвшихъ учительское званіе по экзамену 25 лицъ или 12%. По сравненію съ 1894 г. число учителей и учительницъ первыхъ двухъ категорій увеличилось на 2%, а число учителей и учительницъ послѣдней категоріи, не получившихъ спеціальной педагогической подготовки, сократилось на 2%. Въ еврейскихъ училищахъ учащихся было 134 лица; изъ нихъ 15 состояло въ еврейскихъ народныхъ училищахъ и школахъ русской грамоты и 94 въ талмудъ-торахъ и хедерахъ.

Въ Гродненской губерніи учебно-воспитательный персоналъ въ 1895 г. повсюду состоялъ изъ лицъ правоспособныхъ. Въ христіанскихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ законоучители облечены священнымъ саномъ, изъ учителей болѣе 60% окончили курсъ въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ (учительскихъ институ-

тахъ и семинаріяхъ), остальные имѣли званіе учителей началь-ныхъ народныхъ училищъ, учительницы въ числѣ 43, за исклю-ченіемъ немногихъ, окончили курсъ въ среднихъ учебныхъ за-веденіяхъ. Всѣ лица изъ учащихся, кои образованіе получили въ уѣздныхъ училищахъ или домашнее, приобрѣли званіе началь-ныхъ учителей и учительницъ путемъ дополнительнаго специаль-наго экзамена. Въ еврейскихъ училищахъ всѣхъ наименованій и объемовъ обучали лица съ специальнымъ образованіемъ, полу-ченнымъ ими въ учительскихъ институтахъ или въ бывшихъ рав-винскихъ училищахъ, мелаеды по экзаменамъ снабжены свидѣ-тельствами, усвоенными ихъ званію. Въ женскихъ еврейскихъ училищахъ состояли учительницами, каковыхъ 21—или окончив-шія курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, или получившія званіе по специальному испытанію.

Въ Ковенской губерніи личный составъ учащаго персонала въ начальныхъ казенныхъ училищахъ разныхъ типовъ достигалъ 216 человекъ, изъ коихъ 169 преподавателей получили специаль-ное образованіе въ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, 14 имѣютъ званіе домашнихъ учителей, 7 окончили курсы средне-учебныхъ заведеній и 26 окончили курсы уѣздныхъ и городскихъ училищъ и выдержали установленное специальное испытаніе на званіе учителя начального народнаго училища. Кромѣ того, изъ 20 учителей еврейскихъ начальныхъ народныхъ училищъ, 19 окон-чили курсъ въ Виленскомъ учительскомъ институтѣ.

О персоналѣ учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ мы встрѣчаемъ указаніе въ обзорѣ Витебскаго губернатора, гдѣ го-ворится, что по предметамъ, кромѣ закона Божія, лицъ обучав-шихъ въ сихъ школахъ было: а) лицъ, не принадлежащихъ къ наличному составу мѣстныхъ причтовъ 228; изъ нихъ окончив-шихъ полный курсъ духовной семинаріи 17, окончившихъ въ женской гимназіи 5, женскія духовныя училища 83, учительскую семинарію 3, мужское духовное училище 1 и домашняго образо-ванія 3; б) лицъ, принадлежащихъ къ составу мѣстныхъ при-чтовъ 20. Изъ нихъ священниковъ 4, діаконовъ 2, псаломщи-ковъ 13 и одинъ помощникъ епархіальнаго миссіонера.

Въ Гродненской губерніи учащихся въ школахъ духовенства состояло 849 (336 учителей, 9 учительницъ и 4 священника), не считая 843 законоучителей-священниковъ. Назначеніе и уволь-неніе учителей зависитъ отъ уѣздныхъ отдѣленій епархіально-училищнаго совѣта, выдача же разрѣшеній на право преподаванія въ школахъ грамоты предоставлена настоятелямъ приход-скихъ церквей.

Свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ учителей грамоты сооб-щаются въ обзорѣ Могилевскаго губернатора и изложены въ слѣ-дующей сравнительной таблицѣ:

Лица учебнаго персонала:	Школы.		Церк.-приходскія.		Школы грамоты.	
	М. Н. П. Учителей.	Учительницъ	Учителей	Учительницъ	Учителей	Учительницъ
Окончившія курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ	129	—	6	—	1	—
Окончив. в. средне-учебн. заведеній.	1	30	2	34 *)	—	10 **)
Окончив. к. низшихъ уч. зав. и им. уч. званіе	33	19	—	—	—	—
Оконч. к. или обучавш. въ дух. сем.	—	—	50	—	8	—
Оконч. к. или обучавш. въ дух. учил.	—	—	26	57	46	3
Оконч. к. въ 2 кл. церк. учит. школ.	—	—	92	—	95	—
Оконч. к. гор. и уѣздн. училищъ . .	—	—	8	—	28	—
Оконч. к. нар. учил., церк. приход. и полковыхъ школъ	—	—	39	—	1031	—
Получившія званіе начальнаго учителя по экзамену	—	—	7	—	—	—
Домашняго образованія	—	—	—	—	78	—
Итого	163	49	230	91	1287	18

Такимъ образомъ, мы видимъ, что обширный контингентъ учителей грамоты пополнился главнымъ образомъ окончившими курсъ народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и полковыхъ школъ. Но окончившіе тѣ же школы назначаются также и учителями церковно-приходскихъ школъ.

Въ Гродненской губерніи обученіе пѣнію общепотребительныхъ молитвъ, церковно-богослужебныхъ пѣснопѣній, патриотическихъ русскихъ пѣсенъ и народнаго гимна обязательно во всѣхъ начальныхъ школахъ. Къ 1 января 1896 г. составлено 248 церковныхъ хоровъ. Въ нихъ участвовали мальчики, дѣвочки, взрослые крестьяне и крестьянки.

Строевой гимнастикѣ дѣти обучались въ 213 училищахъ дирекціи. Ученики занимаются этимъ дѣломъ весьма усердно и успѣли усвоить себѣ военную стойку почти всѣ военныя построенія и маршировку. Гг. участковые инспектора заявляютъ, что военная гимнастика весьма много способствовала къ выправкѣ дѣтей и имѣла большое вліяніе на развитіе грудной кѣтки, ручныхъ и ножныхъ мышцъ ***).

*) Въ томъ числѣ 18 учительницъ (окончившихъ курсъ въ прогимназіяхъ и частныхъ пансіонахъ).

**) Въ томъ числѣ 8 учительницъ.

***) Въ Могилевской губ., по словамъ обзора, преподаваніе гимнастики введено почти во всѣхъ народныхъ училищахъ согласно инструкціи 1889 г., причемъ во многихъ училищахъ уже устроены на средства мѣстныхъ сельскихъ обществъ гимнастическіе снаряды, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ на тѣ же средства нанимаются для преподаванія гимнастики благонадежныя и свѣдущія лица изъ отставныхъ или запасныхъ нижнихъ чиновъ.

Въ Виленской губ., насколько намъ извѣстно, преподаватели гимнастики изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ получаютъ жалованья въ годъ 10 рублей.

Вообще предметы преподаванія въ народныхъ школахъ, согласно программѣ Виленскаго учебнаго округа, изданной въ 1881 году—слѣдующіе: 1) Законъ Божій, 2) русскій языкъ, 3) ариметика, 4) церковно-славянскій языкъ, 5) пѣніе, 6) рукодѣліе и ремесла и 7) гимнастика.

Изъ указанной программы преподаваніе ремеслъ мало гдѣ существуетъ. Такъ въ Гродненской губерніи, говоритъ обзоръ, обученіе ремесламъ производится въ немногихъ училищахъ и идетъ довольно успѣшно. Столярное преподается въ двухъ училищахъ, токарное въ одномъ, переплетное въ восьми и слесарное въ одномъ. Въ женскихъ училищахъ велись занятія рукодѣльными работами. Ручнымъ трудомъ занимались дѣти въ 20 училищахъ. На прирученіе дѣтей къ садоводству и огородничеству обращено также вниманіе въ училищахъ дирекціи. Занятія этимъ дѣломъ, интересуя учителей, поддерживаются ими съ усердіемъ. Въ 1895 г. число садиковъ увеличилось 35-ю вновь заведенными. Всѣхъ ихъ разведено 122. При нѣкоторыхъ училищахъ разведены пасѣки.

Кромѣ того въ г. Гроднѣ существуетъ трехклассное ремесленное Александровское училище, гдѣ учащихся въ 1895 г. состояло 28 человѣкъ, пансіонеровъ 16 и приходящихъ 12, въ возрастѣ отъ 14 до 19 лѣтъ. Предметы обученія: Законъ Божій, русскій языкъ, ариметика и геометрія съ черченіемъ и практическое изученіе ремеслъ столярнаго и слесарнаго. Для обученія этимъ ремесламъ состоятъ два мастера слесарный съ содержаніемъ 400 р. въ годъ и столярный—въ 500 р. въ годъ. Училище существуетъ съ 1890 г.

Въ Могилевской губерніи въ 1895 г. обученіе ремесламъ производилось при 9 начальныхъ училищахъ. Всѣхъ обучавшихся ремесламъ было 230 мальчиковъ. Ремесла, коимъ обучали въ училищахъ, были слѣдующія: столярно-токарное, выпильно-ажурное, кузнечно-слесарное, сапожно-бапшачное, телѣжное и переплетное.

Распространеніе среди сельскаго населенія губерніи *сельскохозяйственныхъ знаній* путемъ разведенія при народныхъ училищахъ садиковъ и питомниковъ плодовыхъ деревьевъ, начало чему положено было въ 1890 г., постепенно развивается. Такъ садоводство и огородничество велось въ 1891 г. при 19 училищахъ, въ 1892 г.—при 32, въ 1893 г.—при 51, въ 1894 г.—при 56, а въ 1895 г. при 64 училищахъ. Кромѣ того при 2 училищахъ имѣются пасѣки.

Кромѣ того въ Могил. губ. существуетъ шесть профессиональныхъ училищъ, а именно шестиклассное земледѣльческое въ Горкахъ (822 учащихся) и при немъ землемѣрно-таксаторскіе классы, Горѣцкое ремесленное училище, выпускающее ученыхъ мастеровъ (40 учащихся), центральная фельдшерская школа въ Могилевѣ (86 учащихся) и центральная рисовальная школа въ Могилевѣ.

(91 учащихся). Число всѣхъ учащихся въ этихъ заведеніяхъ въ 1895 г. простиралось до 530 (437 мальч. и 91 дѣвочекъ).

На недостатокъ профессиональныхъ школъ жалуется обзоръ ковенскаго губернатора, гдѣ говорится: крайне необходимымъ является открытіе низшихъ профессиональныхъ училищъ—сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ, въ которыхъ могли бы продолжать свое образованіе способнѣйшіе изъ окончившихъ элементарное обученіе. Въ настоящее время нѣкоторыя городскія и сельскія общества выражаютъ готовность оказывать помощь къ открытію ремесленныхъ и иныхъ профессиональныхъ школъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы такія школы были открыты въ районѣ даннаго общества. Этимъ невыполнимымъ (?) условіемъ и тормозится дѣло; поэтому безъ значительныхъ средствъ изъ общегосударственныхъ источниковъ все болѣе назрѣвающая потребность въ насажденіи практическихъ знаній въ народѣ едва ли можетъ быть удовлетворена.

Изъ профессиональныхъ учебныхъ заведеній въ настоящее время въ Ковенской губерніи имѣется только школа маслодѣлія въ Россенскомъ уѣздѣ, содержащая частнымъ лицомъ съ субсидіей отъ казны въ 2500 р.; въ ней всего 10 учащихся (значитъ, каждый будущій маслобой обходится казнѣ въ 250 руб.) и женская школа сельскаго хозяйства и садоводства въ Поневѣжскомъ уѣздѣ, въ которой обучается 27 женщинъ, но большинство изъ нихъ не изъ крестьянской среды и многіе не изъ Ковенской губерніи.

Въ Витебской губерніи въ 1894 г., съ разрѣшенія м-ва земледѣлія и государственныхъ имуществъ, открыта въ имѣніи Зачерпье (Витеб. у.) низшая сельско-хозяйственная школа частными лицами (рижскимъ купцомъ Макаровымъ и владѣльцемъ имѣнія Зачерпье Кусковымъ), съ субсидіей отъ казны въ 3000 рублей. Всѣхъ воспитанниковъ въ школѣ было 22, въ программу школы входятъ: Законъ Божій, русскій языкъ, ариѳметика, русская исторія и церковное пѣніе; изъ чего видно, что школа съ 22 воспитанниками и стоящая казнѣ ежегодно 3000 р. сельско-хозяйственная только по названію. Впрочемъ въ школѣ существуютъ практическія занятія въ кузницѣ, огородѣ, саду, молочной фермѣ, конюшнѣ и на поляхъ.

Къ низшимъ спеціальнымъ училищамъ должны быть отнесены и еврейскія талмудъ-торы, существующія во многихъ городахъ СѢверо-Западнаго края. Хотя въ талмудъ-торахъ преподается и талмудъ, какъ показываетъ самое названіе, но въ то же время это и обще-образовательныя учебныя заведенія, соответствующія городскимъ или уѣзднымъ училищамъ, съ тою разницею, что при иныхъ имѣются ремесленныя училища.

Изъ отчета о состояніи Виленской Талмудъ-Торы за 1895 г. видно: школа вступила въ четвертый годъ своего существованія въ преобразованномъ по новому о ней положенію видѣ и вѣрная своему назначенію съ неослабною энергіей продолжаетъ преслѣдо-

вать свои цѣли: призрѣвать дѣтей бѣднаго состоянія, преимущественно круглыхъ сиротъ, въ качествѣ пансіонеровъ и въ то же время служить народнымъ училищемъ для приходящихъ дѣтей, наставляя тѣхъ или другихъ въ еврейской вѣрѣ и давая имъ возможность получить общее элементарное образованіе. Воспитаніе пансіонеровъ, въ отношеніи образа ихъ духовной и нравственной жизни, основано на строгихъ началахъ еврейскаго вѣроученія и съ этого цѣлью при пансіонѣ учрежденъ за поведеніемъ учениковъ особый бдительный надзоръ.

Курсъ ученія въ Т.-Т. третьеклассный, сообразно чему она дѣлится на три послѣдовательныхъ отдѣленія; въ виду же многочисленности учащихся къ основнымъ отдѣленіямъ открыты параллельныя, коихъ въ 95 г. было 7. Въ нихъ обучалось 300 мальчиковъ подъ руководствомъ десяти преподавателей. Въ утренніе часы ученики заняты приготовленіемъ уроковъ, пѣніемъ, гимнастикой, чтеніемъ молитвословій и псалмовъ.

Неприкосновенный капиталъ Т.—Т. къ 1896 г. возросъ до 35,300. Обыкновенные расходы по содержанію заведенія доходять до 17,381.

Что касается вспомогательныхъ образованію средствъ въ видѣ библиотекъ, читаленъ и проч., то лучше всего и это дѣло поставлено въ Могилевской и Гродненской губерніяхъ. Въ Могил. губ. по примѣру прежнихъ лѣтъ въ отчетномъ году устраиваемы были при училищахъ чтенія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Число такихъ чтеній равнялось 4,721 (въ 1894 г. 4,838), а число слушателей въ нихъ было 558,473 человекъ, въ томъ числѣ взрослыхъ 178,070—мужчинъ и 127,799—женщинъ, и дѣтей—183,499 мальчиковъ и 58,505 дѣвочекъ. Сравненіе числа слушателей на этихъ чтеніяхъ за послѣдніе годы показываетъ, что стремленіе къ образованію и приобрѣтенію разнаго рода свѣдѣній постепенно растетъ среди населенія; такъ въ 1893 г. число слушателей было 442,520 человекъ (32,9 проц. сельскаго населенія), въ 1894 г. 528,122 человекъ (38,5 проц.), а въ отчетномъ году—558,473 человекъ (39,7 проц.). Народныя библиотеки открыты при всѣхъ народныхъ училищахъ (здѣсь разумѣются, какъ и въ предшествовавшемъ изложеніи, училища М. Н. П.); средства для этого въ количествѣ 5,149 рублей даны крестьянскими обществами; въ отчетномъ году библиотеки были вновь пополнены, а именно: въ нихъ выслано 19,000 экземпляровъ книгъ, на сумму 3,100 р., по сельскому хозяйству и религиозно-нравственнаго, историческаго и бытоваго содержанія. Книги изъ библиотекъ читаются грамотными крестьянами съ большою охотою.

Въ Гродненской губерніи «для распространенія нравственно-просвѣтительнаго вліянія школы на взрослое населеніе и для

поддержанія тѣсной связи ея съ послѣднимъ» при нѣкоторыхъ народныхъ училищахъ дирекціей устроены воскресныя чтенія и бесѣды, которыя ведутся мѣстными о.о. законоучителями при дѣлательной помощи со стороны учителей. Въ 1895 г. чтенія и бесѣды имѣли мѣсто при 17 училищахъ.

Той-же цѣли просвѣщенія народа и закрѣпленія связи между школою и населеніемъ служили состоящіе при многихъ училищахъ губерніи книжные склады и народныя библіотеки. Книжные склады имѣлись при 43 народныхъ училищахъ. Въ нихъ въ 1895 г. состояло книгъ и брошюръ 74 названія въ 16,520 томахъ на сумму 4,074 р. 22 к. Библіотекъ было 136. Къ 1 января 1896 г. состояло книгъ 22,799 на сумму 4,697 руб. Прочитано изъ этихъ библіотекъ 10,523 книги учащимися и 7,433 книги взрослыми крестьянами. Для большей наглядности представляется вѣдомость съ обозначеніемъ количества библіотекъ по уѣздамъ губерніи, количества книгъ въ библіотекахъ каждаго уѣзда, ихъ стоимости и количества книгъ, прочитанныхъ учащимися и взрослыми крестьянами.

НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	Количество библіотекъ.	Количество томовъ.	На сумму въ рубляхъ.	Количество книгъ прочитанныхъ.	
				Учащи-мися.	Взрослы-ми.
Въ Гродненскомъ	25	2,528	575	1,560	890
» Сувальскомъ	2	283	39	194	117
» Бѣлостокскомъ	3	255	96	70	86
» Брестскомъ	26	4,408	878	2,345	1,795
» Кобринскомъ	21	7,544	1,029	2,050	1,531
» Пружанскомъ	29	3,574	935	2,252	1,121
» Слонимскомъ	25	2,521	525	1,555	1,095
» Волковыскомъ	5	1,686	619	497	798
Итого	136	22,799	4,697	10,523	7,433

Въ Витебской губерніи, по словамъ обзора, библіотеки уѣздныхъ и городскихъ училищъ располагаютъ значительнымъ количествомъ сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ и литературы, преимущественно русской и достаточно снабжены учебными руководствами и пособіями по преподаванію положенныхъ въ нихъ предметовъ. Въ 1895 г. библіотеки этихъ училищъ заключали 560 томовъ, на сумму 700 руб., Библіотеки городскихъ начальныхъ и сельскихъ училищъ заключаютъ въ себѣ значительное число методическихъ руководствъ для учителей, учебниковъ для учащихся и наглядныхъ пособій для первоначальнаго обученія. Пополняются они главнымъ образомъ изъ безсуднаго книжнаго склада при дирекціи, откуда въ 1895 г. разослано 5,100 томовъ книгъ и учебныхъ пособій на сумму 2,500 руб. При 135 народ-

ныхъ училищахъ учреждены бесплатныя народныя библіотеки, изъ коихъ книги для чтенія берутся не только учениками, но и вообще крестьянами. Въ этихъ библіотекахъ имѣется до 15,000 экземпляровъ книгъ на сумму до 4,100 рублей.

О библіотекахъ, читальняхъ и книжныхъ складахъ при училищахъ по Минской и Ковенской губерніяхъ въ обзорахъ не упоминается, хотя библіотеки и книжные склады и въ этихъ губерніяхъ несомнѣнно существуютъ.

Относительно Виленской губерніи въ обзорѣ губернатора имѣется слѣдующее свѣдѣніе: число библіотекъ для народнаго чтенія увеличилось въ отчетномъ году 20-ю, вновь открытыми, при 20 народныхъ школахъ, отдѣлами книгъ для чтенія взрослыхъ крестьянъ. Изъ всѣхъ библіотекъ въ 1895 г. взято было крестьянами (преимущественно бывшими учениками народныхъ училищъ) до 8,345 книгъ. Въ отчетномъ году библіотеки приобрѣли 2,147 экземпляровъ книгъ на сумму до 375 р. 70 к., каковая сумма крестьянскими обществами ассигнована для сказанной цѣли особо.

Вообще надо замѣтить, что книжное и библіотечное дѣло при народныхъ училищахъ Виленской губерніи, составляющей, такъ сказать центръ учебнаго округа, далеко не процвѣтаетъ.

При школахъ духовенства въ Виленской губерніи, насколько намъ извѣстно, не существуетъ вовсе библіотекъ или книжныхъ складовъ; изъ складовъ епархіально-училищныхъ совѣтовъ въ церковныя школы присылаются только азбуки, элементарныя учебныя руководства, а для чтенія молитвенники, часословы, четъминей, псалтири или подобныя изданія свят. синода. Учительницы церковно-приходскихъ школъ всѣ жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій, изъ коихъ онѣ получаютъ черезъ благочинныхъ большею частію книжки, бывшія въ употребленіи и истрепанныя.

Обращаясь вообще къ просвѣтительнымъ средствамъ губерній Сѣверо-Западнаго края, которыя могутъ служить съ одной стороны показателемъ просвѣщенія въ краѣ, а съ другой—факторомъ, вліяющимъ на народное образованіе, приходится отмѣтить слѣдующіе факты:

Въ городѣ Вильнѣ, гдѣ нѣтъ даже ни одного городского (по полож. 1872 г.) училища, нѣтъ до сихъ поръ публичной библіотеки и ни одной читальни. Хотя здѣсь же и имѣется книгохранилище, носящее названіе публичной библіотеки, находящейся въ зданіи бывшаго университета, состоящей въ вѣдѣніи учебнаго округа и стоящей казѣ ежегодно 8,000 рублей, но это скорѣе музей—книгохранилище, нежели библіотека, такъ какъ здѣсь имѣются только древнія изъ прошлыхъ столѣтій книги и рукописи и затѣмъ вообще старыя, пожертвованныя въ разныя времена, частными лицами книги; новыхъ же книгъ, а также газетъ и журналовъ библіотека вовсе не выписываетъ. Къ неудобнымъ порядкамъ этой библіотеки нужно отнести и то, что она

подъ предлогомъ якобы ремонта зданія, нѣсколько разъ въ году бываетъ закрыта на цѣлые мѣсяцы и обыкновенно закрывается въ воскресные и праздничные дни. Тѣмъ не менѣе и такая библиотека, за отсутствіемъ въ городѣ всякой другой, бываетъ постоянно полна посѣтителей, контингентъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ изъ еврейской учащейся молодежи обоого пола.

Что касается книжныхъ магазиновъ, то ихъ достаточно имѣется въ городѣ, но недостатокъ этихъ магазиновъ тотъ, что они не содержатъ дешевыхъ популярныхъ изданій фирмъ «Посредника» или же нашихъ комитетовъ грамотности. При двухъ или трехъ изъ книжныхъ магазиновъ въ городѣ существуютъ и библиотеки, недостатокъ коихъ заключается не только въ томъ, что ихъ абонементная цѣна довольно высока (по 1-му разряду 1 руб.) и требуются залого, но еще и въ томъ, что въ библиотекахъ не имѣется новыхъ книгъ, а изъ старыхъ лучшія сочиненія отсутствуютъ или не выдаются читателямъ.

Въ уѣздныхъ городахъ Виленской губерніи никакихъ библиотекъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ тоже не существуетъ, какъ не существуетъ и книжныхъ магазиновъ; но при дворянскихъ клубахъ имѣются библиотечки для избранныхъ.

Не въ лучшемъ положеніи библиотечное дѣло находится и въ городѣ Ковнѣ, гдѣ хотя и существуетъ «Библиотека любителей чтенія» но сказать что либо въ пользу этой библиотеки мы не можемъ, такъ какъ при неоднократно сдѣланныхъ нами попыткахъ, въ бытность нашу въ Ковнѣ, посѣтить эту библиотеку, двери ея были заперты. Книжныхъ магазиновъ въ г. Ковнѣ два, и при одномъ изъ нихъ имѣется частная библиотека.

Въ Могилевской губерніи, кромѣ губернскаго въ г. Могилевѣ музея, состоящаго при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ, библиотекъ въ 1895 году было 21, причемъ 16 изъ нихъ были устроены самостоятельно, а 5 находились при книжныхъ магазинахъ и лавкахъ. Въ числѣ первыхъ были: 1 публичная библиотека (съ кабинетомъ для чтенія) въ г. Могилевѣ, состоящая въ завѣдываніи губернскаго статистическаго комитета; 3 библиотеки— въ гг. Могилевѣ, Мстиславлѣ и Чериковѣ при общественныхъ собраніяхъ, а остальные 12 принадлежали частнымъ лицамъ. Книги, имѣющіяся въ существующихъ библиотекахъ, исключительно беллетристическаго содержанія и только въ публичной библиотекѣ и отчасти въ библиотекѣ общественаго собранія въ г. Могилевѣ имѣются книги научныя.

При Епархіально-Училищномъ Совѣтѣ имѣется складъ книгъ религіозно - нравственнаго содержанія съ 4 отдѣленіями его въ уѣздныхъ городахъ и одинъ книжный складъ существуетъ при Могилевскомъ Богоявленскомъ братствѣ. Благочиническихъ и церковныхъ (при церковно-приходскихъ школахъ) библиотечекъ, состоящихъ преимущественно изъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, насчитывалось болѣе 500.

Типографій и литографій въ губерніи въ 1895 г. было 10.

Въ Гродненской губерніи въ 1895 г. было 15 библиотекъ, изъ коихъ 12 — при книжныхъ магазинахъ.

Наибольшимъ сочувствіемъ общества пользуется Гродненская публичная библиотека, открытая въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. До конца 1876 г. она существовала на счетъ членскихъ взносовъ, платы съ подписчиковъ и добровольныхъ пожертвованій деньгами, книгами и періодическими изданіями. Въ концѣ 1876 г. былъ выработанъ проектъ устава, которымъ она пользуется по настоящее время. Въ означенный 14-лѣтній періодъ времени (съ 1863 по 1876 г. включительно) доходъ не превышалъ 200—350 руб. въ годъ. Съ 1877 г. библиотека получаетъ ежегодно правительственную субсидію въ размѣрѣ 800 р. и съ того времени начинается правильное развитіе ея. Въ 1895 г. библиотека имѣла: годичныхъ членовъ 42, мѣсячныхъ подписчиковъ 737 и постороннихъ посѣтителей читальни 5,134. Къ 1 января 1896 г. составъ библиотеки былъ слѣдующій: книгъ и отдѣльныхъ сочиненій было 2,453 названія въ 3,644 томахъ и журналовъ 105 названій въ 3,990 томахъ. Денежныя средства библиотеки въ 1895 г. были: приходъ 1444 руб. и расходъ 1312 р.

Книжныхъ магазиновъ и лавокъ къ концу 1895 г. было 40; болѣе противъ 1894 г. на 5. Въ томъ числѣ магазиновъ 31 и лавокъ 9. Типографій и литографій въ концѣ года дѣйствовало 28 (въ 1893 г. было 17, а въ 1894 г. 24).

Въ Витебской губерніи библиотекъ въ 1895 г. было 15; изъ нихъ—12 при книжныхъ магазинахъ; въ томъ числѣ библиотекъ было: въ г. Витебскѣ 4, Двинскѣ 3, Полоцкѣ 2 и Лепель, Люцинѣ, Рѣжицѣ по одной. Книжныхъ лавокъ было 24; изъ нихъ 12 было съ библиотеками и 12 безъ оныхъ. Типографій и литографій было 12. Музей, заслуживающаго вниманія въ губерніи нѣтъ.

Насколько библиотечное и книжное дѣло лучше поставлено въ земскихъ губерніяхъ Россіи по сравненію съ губерніями Сѣверо-Западнаго края, можетъ служить та же Саратовская губернія, гдѣ въ одномъ только городѣ Саратовѣ въ 1894 г., какъ видно изъ обзора губернатора, было 24 библиотеки, болѣе противъ 1893 г. на 6. Общее число подписчиковъ во всѣхъ этихъ библиотекахъ доходило до 6,000. Во всѣхъ прочихъ городахъ губерніи имѣлись также по одной или по двѣ библиотеки. Книжныхъ магазиновъ было 59, болѣе противъ 1894 г. на 23; число же проданныхъ книгъ равнялось 231,501 экзempl., болѣе противъ 1893 г. на 77,016 экземпляровъ. Въ сравненіи же съ прибалтійскими губерніями библиотечное и книжное дѣло въ губерніяхъ Западнаго края уже совсѣмъ представится ничтожнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что въ одномъ только городѣ Ригѣ насчитывается свыше сотни книжныхъ магазиновъ и библиотекъ. Здѣсь, кромѣ роскошно обставленныхъ частныхъ библиотекъ - читаленъ, имѣются также спеціально народныя библиотеки на окраинахъ города. Кромѣ того проводникомъ просвѣщенія въ этомъ городѣ

могутъ служить многочисленныя пивныя и народныя кухмистерскія и чайныя, въ коихъ имѣются нѣмецкія, латышскія и русскія газеты. Но самымъ могучимъ факторомъ распространенія просвѣщенія въ этомъ городѣ служатъ, безъ сомнѣнія, многочисленныя издающіяся въ прибалтійскомъ краѣ нѣмецкія и латышскія газеты. Между тѣмъ какъ въ цѣломъ Сѣверо-Западномъ краѣ не издается ни одной газеты (дѣлавшіяся здѣсь попытки получить разрѣшеніе на право изданія газетъ при бывшихъ генералъ-губернаторахъ не имѣли успѣха), если не считать бездѣлваго субсидированнаго листка, носящаго названіе «Виленскій Вѣстникъ».

Въ одномъ изъ самыхъ обстоятельныхъ губернаторскихъ обзоровъ, именно могилевскомъ приводится статистика успѣховъ дѣятельности по народному образованію въ этой губерніи, на основаніи данныхъ относительно степени грамотности молодыхъ людей, призванныхъ къ исполненію воинской повинности. По даннымъ за пятилѣтіе 1874—1878 годовъ, говоритъ обзоръ, число неграмотныхъ новобранцевъ составляло 86,6% общаго числа принятыхъ въ военную службу; въ пятилѣтіе 1890—1894 годовъ число неграмотныхъ новобранцевъ равнялось уже 70,2%; наконецъ въ послѣднее пятилѣтіе 1891—1895 годовъ число неграмотныхъ новобранцевъ составляло 68,1% общаго числа принятыхъ въ военную службу. По отдѣльнымъ годамъ пятилѣтія число неграмотныхъ новобранцевъ относительно общаго числа принятыхъ въ военную службу составляло:

Въ 1891 году	71,4%
» 1892 »	69,1 »
» 1893 »	68,5 »
» 1894 »	67,6 »
» 1895 »	64 »

Число лицъ, получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ, составляло за послѣднее пятилѣтіе около 7% всѣхъ принятыхъ въ военную службу.

Въ Минской губерніи въ 1894 г. число неграмотныхъ рекрутъ, какъ видно изъ вѣдомости исполненія воинской повинности въ этой губерніи за тотъ же годъ, равнялось 80% всѣхъ принятыхъ въ военную службу.

Въ общую статистику школъ по губерніямъ у насъ вошли, такъ называемые, еврейскіе хедеры, гдѣ изучаются только священныя еврейскія книги и гдѣ русскій языкъ вовсе не преподается. Поэтому и самые обзоры за хедерами никакого образовательнаго значенія не признаютъ. Еврейская масса въ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края самая невѣжественная и косная, благодаря тому, безъ сомнѣнія, что для нея недоступны русскія, хотя бы даже элементарныя, школы. Тоже самое слѣдуетъ сказать и

о католическо-польскомъ населеніи. Почти всё католики въ губерніяхъ Западнаго края умѣютъ читать по польски (писать—немногіе), но этого рода грамотность служить имъ только для чтенія молитвенниковъ и къ другимъ книгамъ никогда не приѣняется.

Въ общемъ, масса населенія въ край чрезвычайно невѣжественна и бѣдна; на всемъ и вездѣ, гдѣ живетъ эта масса, лежить печать какой-то опущенности, замѣчается отсутствіе признаковъ культуры; земледѣліе и хозяйство въ упадкѣ и ведутся допотопными приѣмами. При всемъ томъ, справедливость требуетъ сказать, что въ народѣ уже пробудилось стремленіе къ образованію, хотя можетъ быть и не благодаря существующей школѣ, польза которой не могла сказаться сколько нибудь существенно во влияніи на бытъ народа, а скорѣе вслѣдствіе тѣхъ тысячи разнообразныхъ случаевъ жизни, которые теперь всякаго уже убѣждаютъ въ томъ, что безъ свѣта знанія плохо приходится въ борьбѣ за существованіе. Благодаря этому сознанію народъ и не жалѣетъ средствъ на школы, которыя главнымъ образомъ и существуютъ на его средства, постепенно имъ увеличиваемыя (напр. въ Вил. губ. сельскими обществами ассигновано было на школы въ 1895 году 59,685 р., болѣе противъ 94 г. на 3066 р.). Стремленіе къ свѣту до того сильно, что родители самыхъ противоположныхъ исповѣданій отдають теперь своихъ дѣтей даже въ церковно-приходскія школы, отбрасывая въ сторону всякій религиозный фанатизмъ. Не знаменательно-ли напр. то явленіе, что въ Минской губерніи въ 1895 г. въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты, гдѣ догмы православія и молитвы обязательны для всѣхъ учащихся насчитывалось католиковъ 2,16% общаго числа учащихся, протестантовъ 0,4%, магометанъ 0,01%, евреевъ 0,24% и другихъ исповѣданій 0,03%, въ школахъ же министерскихъ католики составляли 6,46%, протестанты 0,27%, магометане 0,16—, евреи 7,33— и прочія исповѣданія 0,10—. Подъ прочими исповѣданіями слѣдуетъ безъ сомнѣнія, разумѣть старообрядцевъ и всякихъ другихъ раскольниковъ, которые теперь охотно или неохотно отдають дѣтей своихъ въ народныя школы. Все это указываетъ на то, что народъ созналъ необходимость образованія для своихъ дѣтей и эту необходимость считаетъ выше всего. Къ сожалѣнію, наличность существующихъ школъ слишкомъ недостаточна для удовлетворенія потребности въ нихъ; вслѣдствіе чего школы ненормально переполняются и затѣмъ все-таки остается масса дѣтей непринятыхъ въ школы. Основывать школы сельскимъ обществамъ, какъ и частнымъ лицамъ, не дано права. По этому развитія въ край школьнаго дѣла и нельзя ожидать до тѣхъ поръ, пока здѣсь не будутъ введены земства, обладающія правомъ открытія школъ.

Мих. Вруцевичъ.

Клерикально-антисемитское движеніе и народная школа въ Австріи.

I.

Вотъ уже цѣлыхъ 150 лѣтъ австрійскіе клерикалы ведутъ упорную борьбу за восстановленіе своего господства надъ школой, подорваннаго въ эпоху реформъ второй половины XVIII вѣка. Еще большій ударъ клерикализму нанесла школьная реформа 1868 — 69 гг., создавшая новую, свободную школу въ Австріи. Теперь борьба противъ новой школы ведется общими усилиями клерикально - антисемитскихъ партій, стремящихся къ водворенію школьныхъ порядковъ и отношеній «добраго стараго времени». Въ зависимости отъ различныхъ комбинацій общественныхъ силъ и настроенія умовъ шансы борьбы клерикаловъ за господство въ названной школѣ были измѣнчивы, но всегда степень ихъ вліянія на школу служила чувствительнымъ барометромъ какъ общихъ «вѣяній времени», такъ и специальныхъ — въ области народнаго образованія. Времена реакціи и умственного застоя обыкновенно сопровождались усиленіемъ клерикализма и наоборотъ — въ періоды расцвѣта общественной самодѣятельности клерикальное вліяніе на народную школу быстро падаетъ. Въ послѣдующемъ намъ хотѣлось бы сгруппировать факты, освѣщающіе исторически судьбу взаимныхъ отношеній клеруса и школы въ Австріи съ точки зрѣнія интересовъ народнаго образованія, чтобы затѣмъ подробнѣе описать новѣйшую фазу борьбы клерикально-антисемитскихъ партій противъ современной школы.

До половины XVIII в. всѣ австрійскіе университеты и гимназіи находились въ рукахъ клерикаловъ: ордена іезуитовъ, бенедиктинцевъ и т. п. Народныя школы были тогда еще въ зачаткѣ; лишь орденъ піаристовъ или «школьныхъ монаховъ» занимался бесплатнымъ обученіемъ дѣтей бѣдныхъ родителей. Такимъ образомъ клерусъ безгранично господствовалъ въ сферѣ народнаго образованія. Первымъ ударомъ его господству было открытіе цѣлаго ряда институтовъ и академій, находящихся въ государст-

венномъ управленіи дворянской академіи въ Кремшюнстерѣ (1744 г.), Терезіанума въ Вѣнѣ (1746), военной академіи въ Нойштадтѣ (1752), оріентальной въ Вѣнѣ (1754) и др.

Но это было только началомъ, за которымъ послѣдовала коренная реформа всей постановки народнаго образованія. Въ 1770 году Марія Терезія провозгласила основнымъ принципомъ новой организаціи школьнаго дѣла положеніе «Die Schule istzund bleibt allezeit ein Politicum». — «Школа есть и будетъ всегда дѣломъ государственнымъ». Въ 1773 г. былъ уничтоженъ орденъ іезуитовъ, находившіяся въ его рукахъ высшія и среднія школы перешли въ завѣдываніе государства, а часть конфискованныхъ имуществъ употреблена для основанія фондовъ народнаго образованія. Наконецъ 6 декабря 1774 г. получилъ силу закона первый «Общій школьный регламентъ для нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и тривіальныхъ школъ во всѣхъ наслѣдственныхъ земляхъ», которымъ положено основаніе народной школѣ въ Австріи. Этотъ «школьный регламентъ» значительно подрывалъ вліяніе клеруса на школу. Для высшаго руководства школьнымъ дѣломъ отдѣльныхъ провинцій въ каждой изъ нихъ были учреждены спеціальныя школьныя комиссіи, гдѣ на ряду съ представителемъ клеруса засѣдали три совѣтника провинціальныхъ управленій и директоръ нормальной школы. Для образованія народныхъ учителей были открыты нормальныя школы, — но одной на каждую провинцію — находившіяся въ вѣдѣніи государства. Непосредственный надзоръ за нормальными и главными (городскими) школами поручался директорамъ, а въ тривіальныхъ или низшихъ народныхъ школахъ — мѣстнымъ патерамъ и одному или двумъ свѣтскимъ лицамъ. Высшій надзоръ за школами дѣлаго округа поручался особому инспектору, въ большинствѣ случаевъ члену клеруса, и окружнымъ начальникамъ, какъ чинамъ правительственной инспекціи. Ограниченіе клерикальнаго вліянія на школу и учителей внесло новую жизнь въ дѣло народнаго образованія. Государственныя школы быстро развивались и преподаваніе въ нихъ велось по новѣйшимъ для того времени методамъ и учебникамъ. Уже къ 1780 г. въ Австріи насчитывалось 4000 государственныхъ школъ, организованныхъ согласно «школьному регламенту», авторомъ котораго былъ извѣстный педагогъ Фельбигеръ. Въ этихъ школахъ обучалось 200,000 дѣтей.

Іосифъ II-й пошелъ еще дальше на пути развитія народной школы и ограниченія клерикальнаго вліянія. Правительство Іосифа II держалося принципа свести вліяніе клеруса на чисто вѣроисповѣдную сферу. При немъ были уничтожены многіе монастыри, и ихъ имущества пошли на основаніе вѣроисповѣдныхъ фондовъ, оставшіеся монастыри, равно какъ и всѣ клерикальныя имущества были вполнѣ подчинены государственному контролю. Непосредственное сношеніе австрійскаго клеруса съ папой запрещено, и власть папы ограничена вѣроисповѣдными дѣлами. Клерусъ превращенъ въ государственныхъ чиновниковъ, его вліяніе на школу

сведено до минимума. Патентомъ о толерантности 1787 г. была провозглашена полная вѣротерпимость, и разрѣшено устраивать школы протестантамъ и православнымъ. Особое вниманіе было обращено на созданіе контингента хорошо подготовленныхъ учителей и гарантію имъ достаточнаго вознагражденія за трудъ. Для учителей и помощниковъ впервые былъ установленъ закономъ мнѣйшій жалованья.

Но вотъ за эпохой умственнаго подъема и реформъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни послѣдовала въ царствованіе Франца II сильнѣйшая реакція, снова отдавшая народную школу въ руки клерикаловъ. Главный совѣтникъ Франца II по вопросамъ народнаго образованія, канцлеръ графъ Роттенганъ, держался того мнѣнія, что сельская школа полезна только въ томъ случаѣ, если преподаваніе держится «въ соотвѣтствующихъ границахъ». Онъ состоялъ предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи, которая должна была выработать новую организацію школьнаго дѣла сообразно измѣнившимся вѣяніямъ времени. Руководящимъ принципомъ работъ этой комиссіи было положеніе, высказанное ею предсѣдателемъ: «Разумнымъ употребленіемъ богатствъ ума, какъ и всякимъ другимъ удовольствіемъ общественной жизни долженъ управлять особый родъ государственной полиціи».

Усиленіе клерикальнаго вліянія на школу проявилось уже въ 1802 г., когда снова отмѣнено изданное при Іосифѣ II запрещеніе членамъ клеруса быть директорами народныхъ училищъ. Окончательно-же возстановляетъ господство клерикаловъ надъ школой выработанная упомянутой комиссіей «политическая организація нѣмецкихъ школъ въ нѣмецкихъ наслѣдственныхъ земляхъ», получившая силу закона 11 августа 1805 года. Этотъ школьный регламентъ дѣйствовалъ, подвергаясь частичнымъ измѣненіямъ, вплоть до школьной реформы 1868—69 гг., положившей основаніе современной школы въ Австріи. Въ духѣ регламента 1805 г. цѣлью народной (тривіальной) школы ставилось: «сдѣлать рабочіе классы народа добросердечными, покорными и трудолюбивыми людьми», довольными своимъ положеніемъ. Характерно, что эта душеспасительная цѣль выставлялась исключительно для народныхъ школъ. Согласно регламенту школа пріобрѣтала строго-конфессіональный характеръ. Дѣти католиковъ изолировались отъ дѣтей другихъ вѣроисповѣданій. Некатоликамъ запрещалось быть учителями въ католическихъ школахъ. Относительно учебныхъ предметовъ школьный регламентъ говоритъ между прочимъ: «тривіальныя школы должны поэтому преподавать религіозныя истины hergeindringlich и давать дѣтямъ вѣрныя представленія о вещахъ ихъ окружающихъ и отношеніяхъ согласно христіанскому ученію о нравственности». Дѣти обязаны каждый день ходить въ церковь, четыре раза въ годъ причащаться и участвовать во всѣхъ католическихъ церемоніяхъ. И по окончаніи курса бывшіе школьники обязаны были посѣщать церковь каждое воскресенье. Кто изъ мастеровъ выдавалъ свидѣтельство

ремесленному ученику безъ надлежащаго удостовѣренія въ соблюденіи этой обязанности, тотъ могъ быть оштрафованъ на 50 гульденовъ. Надзоръ за школами отдавался цѣликомъ въ руки клеруса съ мотивировкой: «потому что преподаваніе религіи составляетъ главную цѣль обученія въ народныхъ школахъ» и «потому что клерусъ по его профессіи долженъ служить государству въ роли учителей и въ прежнее время главнымъ образомъ служилъ». Ближайшими начальниками въ школахъ были мѣстные патеры, которые наблюдали за преподаваніемъ, добываясь его соотвѣтствія клерикальнымъ цѣлямъ. Учителя и помощники были въ полной зависимости отъ декановъ и патеровъ, голосъ которыхъ былъ рѣшающимъ при назначеніи и увольненіи народныхъ учителей. Патеры наблюдали не только за преподаваніемъ, а и за нравственностью учителей, они-же вели сношенія съ высшимъ школьнымъ начальствомъ. Дисциплинарныя взыскапія на учителей налагались патерами и консисторіями. Свѣтскіе попечители школъ—представители общинъ—вѣдали только хозяйственную часть. Высшій надзоръ за школами данной діоцезы предоставлялся бисхофу, или его замѣстителямъ, которые наблюдали за тѣмъ, чтобы учебники и преподаваніе соотвѣтствовали духу католицизма. Свидѣтельства на помощника учителя выдавали участковые деканы, а на учителя—консисторіи, при которыхъ держались экзамены. Особое вниманіе обращалось при этомъ на умѣнье играть на органѣ, такъ какъ учителя и помощники обязаны были справлять должности органистовъ и пономарей. Школьный регламентъ 1805 г. опредѣляетъ какъ minimum жалованья учителямъ 130 гульденовъ, а помощникамъ—70 гул. въ годъ, но сюда включались и доходы учительскаго персонала отъ службы пономарей и органистовъ, сборы за требы деньгами и натурой. Хотя законъ и устанавливалъ обязательное школьное образованіе въ 6 лѣтъ, но это было только на бумагѣ. Захвативъ въ свои руки и образованіе учителей, клерикалы позаботились о пониженіи его уровня, такъ что не было контингента педагоговъ съ хорошей подготовкой.

Ничтожность вознагражденія за трудъ принуждала учителей искать постороннихъ заработковъ, хотя обязанности пономаря и органиста и безъ того отнимали у нихъ массу времени. Полная зависимость отъ мѣстныхъ патеровъ дѣлала положеніе учителей еще болѣе тяжелымъ, отнимая у нихъ самостоятельность и авторитетъ въ школѣ, должное уваженіе въ глазахъ населенія. Клерикальный надзоръ мертвилъ всякую свободную инициативу въ дѣлѣ народнаго образованія. Все это вело къ полному застою и постепенному упадку школьнаго дѣла, что длилось вплоть до 1848 г. Педагогъ Фиквертъ такъ характеризуетъ тогдашнее положеніе вещей: «Эта система управленія народнымъ образованіемъ была прекраснымъ орудіемъ государственно-полицейской опеки, соотвѣтствовала принципамъ безусловнаго застоя и духовной изолированности, могущественно содѣйствуя тому и другому».

Но вот настала для Австріи новая эра. Паль феодально-клерикальный режимъ Меттерниха, опиравшійся на закрѣпощенность, безправіе и сознательно-культивированную умственную неразвитость австрійскаго народа. Рушилась китайская стѣна, отдѣлявшая Австрію отъ цивилизованной Европы, пахнуло современностью, и во всѣхъ сферахъ общественной жизни закипѣла реформаторская дѣятельность. Барометръ клерикальнаго давленія палъ до нуля. Пробужденіе общественной дѣятельности немедленно отразилось и въ области народнаго образованія. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, доказывавшаго необходимость коренной реформы школьнаго дѣла 23 марта 1848 года было упрещено самостоятельное министерство народнаго образованія, которое и приступило тотчасъ же къ выработкѣ основъ новой постановки школьнаго дѣла. Въ проэктѣ реформъ, составленномъ барономъ Файхтерслебеномъ говорится: «Въ системѣ народнаго образованія народныя школы образуютъ первый и въ то же время самый важный членъ. Онѣ должны научать знаниямъ и искусствамъ, которыя на будущее время не должны отсутствовать ни у одного гражданина. Гдѣ весь народъ имѣетъ право принимать участіе въ законодательной дѣятельности, тамъ не должно останавливаться ни предъ какими усиліями и жертвами, чтобы дать всѣмъ образованіе, безъ котораго это право являлось бы анахронизмомъ». Не терпящими отлагательства реформами проэктъ считаетъ: увеличеніе числа народныхъ школъ и значительное расширеніе ихъ программъ, повышеніе образовательнаго уровня учителей, гарантія имъ соотвѣтствующаго вознагражденія за трудъ и независимаго положенія въ школѣ, уничтоженіе клерикальнаго господства въ сферѣ народнаго образованія. На всемъ проэктѣ лежала печать новизны вѣяній, но прежде чѣмъ онъ получилъ силу закона, общественная атмосфера успѣла совершенно измѣниться. Съ началомъ реакціи 1849 г. реформаторскіе планы въ области народнаго образованія были отложены въ сторону, и клерикализмъ въ союзѣ съ феодализмомъ снова поднялъ голову. § 2 октруированной въ 1849 г. конституціи еще подчиняетъ вѣроисповѣдныя, образовательныя и благотворительныя учрежденія клеруса государственному надзору, но въ томъ же году по настоянію вѣнскаго конференціи католическихъ бисоповъ этотъ надзоръ совершенно устраняется. Отношенія клеруса къ народному образованію были регулированы декретомъ отъ 23 апрѣля 1850 г., при чемъ основнымъ положеніемъ выставлялось, что ни въ низшихъ школахъ, ни въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ никто не можетъ быть учителемъ религіи или профессоромъ теологіи безъ полученія на это полномочія со стороны епископата. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Лео Туиъ пошелъ еще дальше въ исполненіи клерикальныхъ требованій и стѣсненія учителей, пользуясь излюбленнымъ для реакціонныхъ цѣлей средствомъ административныхъ распоряженій и циркуляровъ. Такъ министерское распоряженіе отъ 30 апрѣля 1850 г. санкціонируетъ постановле-

ніе конференціи бішофовъ относительно предоставленія льготъ и правъ приходскимъ и монастырскимъ учительскимъ семинаріямъ. Циркуляръ 18 іюня 1852 г. запрещаетъ учителямъ интересоваться общественными вопросами, распоряженіе 2 сентября 1852 г. устанавливаетъ, что званіе теолога eo ipso даетъ право учительства, распоряженіе отъ 16 апрѣля 1853 г. запрещаетъ обсужденіе на учительскихъ съѣздахъ болѣе общихъ вопросовъ народнаго образованія и положенія учителей и т. д. Клерусъ снова захватывалъ все большую власть какъ вообще, такъ и въ сферѣ народнаго образованія. Высшимъ триумфомъ клерикализма въ Австріи можно считать конкордату, заключенную 18 августа 1855 года между императоромъ Францемъ Іосифомъ I и папой Піемъ IX. Конкордату распадается на 26 опубликованныхъ параграфовъ и неопубликованныя официально тайныя дополненія. § 1-й провозглашаетъ полную автономію клеруса въ вѣроисповѣдныхъ дѣлахъ, его благотворительныхъ и образовательныхъ начинаніяхъ. Признается верховное главенство папы. дозволяются непосредственныя сношенія съ нимъ клеруса, признается самостоятельная юрисдикція епископата на основѣ каноническаго права. Мы не касаемся дѣлаго ряда другихъ уступокъ клерусу въ области брачныхъ дѣлъ, подсудности его, клерикальныхъ имуществъ и т. д. Спеціально въ области народнаго образованія конкордату узаконялъ строго-вѣроисповѣдный характеръ школы, проникновеніе всего школьнаго образованія юношества духомъ католицизма. Полнымъ хозяиномъ въ школѣ снова дѣлался паптеръ. Всѣ народныя учителя подчинялись власти и надзору клеруса,—теряли всякую самостоятельность въ школьномъ дѣлѣ. Преподаваніе катехетики и теологіи, какъ и высшій надзоръ за школами даннаго округа можетъ быть поручаемъ только лицамъ, уполномоченнымъ на это епископатомъ. Всѣ книги и учебныя пособія подвергались клерикальной цензурѣ, которая могла запретить все, казавшееся ей противорѣчащимъ духу католицизма. Такимъ образомъ клерусъ снова занималъ господствующее положеніе въ народной школѣ. Клерикальное вліяніе отразилось прежде всего пониженіемъ общаго уровня образованія. Министерскимъ распоряженіемъ отъ 3-го іюля 1857 года запрещалось учителямъ народныхъ школъ сообщать ученикамъ свѣдѣнія, не заключавшіяся въ учебникахъ. Даже курсъ ариѳметики сократили, находя излишней роскошью для народной школы что-либо сверхъ четырехъ правилъ.

Драгоценный матеріалъ для сужденія о духѣ и порядкахъ, господствовавшихъ въ «старой» школѣ временъ конкордата, представляютъ личныя воспоминанія тогдашнихъ учителей, публикуемыя теперь въ учительской прессѣ. Мы приведемъ дословно нѣкоторыя выдержки изъ этихъ воспоминаній австрійскихъ ветерановъ народной школы, пережившихъ и «на своей шкурѣ» испытывшихъ всѣ прелести школьнаго режима, надъ восстановленіемъ котораго такъ усердно работаютъ теперь клерикально-ан-

тисемитскія партіи. Вотъ напр. какъ начинаются воспоминанія «Изъ жизни помощника учителя во время конкордатской школы», напечатанныя въ «Deutsch-Oesterreichische Lehrer-Zeitung» за 1897 годъ. «Учебный годъ приходилъ къ концу. Едва могъ я дожидаться послѣдняго дня! Наконецъ онъ пришелъ! Живо были уложены въ чемоданъ и отправлены съ попутчикомъ немногія вещи. Радуюсь, что наконецъ-то вырвался изъ интерната съ его монастырскими порядками, закурилъ я первую сигару и весело зашагалъ въ родныя мѣста. Только одно портило мое настроеніе. Я не получилъ свидѣтельства и не могъ поэтому легитимироваться предъ озабоченною матерью. Въ учительскихъ семинаріяхъ существовалъ порядокъ, что воспитанники получали свидѣтельства лишь черезъ нѣсколько недѣль по окончаніи учебнаго года отъ чиновъ мѣстнаго клеруса. Вѣроятно, надо еще было испытать сначала, сохранятъ-ли воспитанники согнутую спину и покорную мину и за стѣнами интерната». А вотъ каковы были обязанности помощника учителя въ «старой» школѣ. «Ну, Б., говоритъ завѣдывающій, теперь я скажу вамъ, что вы должны дѣлать: вести I-й классъ, быть звонаремъ, кромѣ ранняго звона по утрамъ, въ будни справлять обязанности пономаря. Если случится иногда, что нѣтъ сторожа, такъ вы ужъ будете замѣщать его. Затѣмъ вы должны по воскресеньямъ утромъ и послѣ обѣда играть на органѣ. Само собою разумѣется, что при каждой инструментальной службѣ въ праздники вы всегда должны помогать. Наконецъ каждый день послѣ занятій вы будете пѣть съ алтарами по полчаса и упражнять ихъ въ службѣ. За все это вы имѣете у меня квартиру, готовое содержаніе и одинъ гульденъ въ недѣлю жалованья. Гульденъ будетъ лежать каждое воскресенье на подоконникѣ у моего письменнаго стола, если меня и дома не будетъ. Тутъ мнѣ стало ясно все! Пять лѣтъ я учился, одинъ годъ практиковалъ и въ концѣ концовъ оказался собственно лишь пономаремъ». Другой учитель въ своихъ воспоминаніяхъ подъ заглавіемъ «Доброе старое время», описываетъ ужасные порядки въ одной изъ богемскихъ школъ при господствѣ клерикаловъ и говоритъ между прочимъ слѣдующее о положеніи учительскаго персонала: «А какъ обстояло съ вознагражденіемъ учителей? Не смотря на богатство и плодородіе мѣстности—очень плохо. Прежде всего они были и назывались «канторъ» и «органистъ», затѣмъ—трактирными музыкантами, а уже потомъ учителями. Платой за обученіе была для нихъ лишь обычная школьная такса, которая къ тому вносилась неаккуратно, а нерѣдко и вовсе не уплачивалась. Церковная служба давала имъ значительно больше, потому что таксы за различныя требы были въ то время довольно высоки. Кромѣ того каждый дворъ отпускалъ учителямъ натурой извѣстное количество ржи, пшеницы, ячменя, яиць и т. д., которые учителя должны были сами какъ нищіе собирать по селу въ извѣстные дни, въ то время какъ декану приносили его «десятину» на домъ... «Музыкантство» тоже приносило больше, чѣмъ

учительство. Богатые крестьяне не любили шутить во время танцевъ и раскошелялись, а бѣдному школьному мастеру это было на руку. Часто учителя «вытребовывались» съ ихъ музыкальнымъ обществомъ въ замокъ, чтобы получить отъ любившей музыку княгини новыя пьесы и разучивать ихъ къ предстоящимъ празднествамъ. Тутъ бывало не оберешься пробъ и репетицій, а школа являлась дѣломъ второстепеннымъ, она должна была ждать, пока учителя сдѣлаются ненужны въ другомъ мѣстѣ». При такихъ условіяхъ, которыя были аналогичны по всей Австріи, не могло быть и рѣчи объ успѣшности школьнаго образованія.

Понятно, какія чувства испытываютъ теперь ветераны народной школы, пережившіе ея обновленіе, въ виду попытокъ клерикально-антисемитскихъ партій снова реставрировать школьные порядки «добраго стараго времени». Одинъ изъ нихъ такъ заканчиваетъ статью «Изъ временъ конкордата», посвященную тогдашней постановкѣ народнаго образованія: «Эти немногія пробы даютъ возможность уразумѣть духъ, господствовавшій въ золотое время черной мантіи. Глубоко подъ феодалами и клерикалами стоящія массы народа образовывались для ихъ цѣлей—рабства, мыслящіе учителя были не только не нужны для этого, а даже опасны, тутъ требовались послушныя орудія, смиренныя голодомъ и систематическимъ униженіемъ. Превжіе рабовладѣльцы желаютъ конечно возобновленія этого голоднаго для нихъ времени, пусть эти господа не беспокоятся, то время не вернется никогда. факель просвѣщенія, даже будучи похороненъ въ конфессіональной школѣ не перестанетъ тлѣться дальше и тѣмъ болѣе лучезарнымъ свѣтомъ онъ запылаетъ снова!». Этимъ мы ограничимся пока въ знакомствѣ съ положеніемъ народной школы «добраго стараго времени», когда она всецѣло находилась въ рукахъ клеруса и была провизкута его тенденціями. Но какъ «ничто не вѣчно подлунной», такъ и неограниченному господству клерикаловъ въ сферѣ народнаго образованія пришелъ конецъ. И на этотъ разъ клерикальное господство въ школѣ падало по мѣрѣ роста общественной самодѣятельности въ 60 годахъ, когда насталъ конецъ всеобщей реакціи, и Австрія возродилась къ цивилизованной жизни. Городскія и сельскія общества начали проявлять живой интересъ къ школьному дѣлу и добились наконецъ постепенной отмѣны въ 1864—69 гг. школьнаго патроната, ставившаго народную школу въ полную зависимость отъ мѣстныхъ феодаловъ и клеруса. Все настоятельнѣе раздавались голоса о необходимости совершенно избавить народную школу отъ власти клерикаловъ. Въ этомъ смыслѣ и ходатайствовали органы мѣстнаго самоуправления и частныя общества. 6-го сентября 1867 г. собрался въ Вѣнѣ первый общій съѣздъ народныхъ учителей Австріи и первымъ его требованіемъ было: освобожденіе школы отъ клерикальнаго вліянія. 21-го декабря была опубликована австрійская конституція, § 17 которой, послужившій основой новаго школьнаго законодательства, гласитъ: «наука и ея ученія свободны; каждый граж-

данинъ имѣть право основывать учебно-воспитательныя заведенія и преподавать въ нихъ, разъ онъ доказалъ способность къ этому предписаннымъ въ законѣ образомъ; домашнее образованіе не подлежитъ этому ограниченію; забота о религіозномъ образованіи лежитъ на соответствующей церкви или вѣроисповѣдныхъ обществахъ. Государству принадлежитъ право высшаго руководства и надзора по отношенію ко всему учебно-воспитательному дѣлу». 30-го декабря 1867 г. министромъ народнаго просвѣщенія сдѣлался профессоръ Гаснеръ, инициаторъ коренной реформы школьнаго дѣла въ Австріи.

Изданные въ маѣ 1868 г. законы о школьномъ надзорѣ регулировали отношеніе клеруса къ народной школѣ. Провозглашая государственный надзоръ, они подрывали господство клерикаловъ въ области народнаго образованія, а руководствуясь принципомъ, что «наука и ея ученія свободны» они освобождали преподаваніе свѣтскихъ предметовъ отъ вліянія клеруса. Для надзора за школами и общаго руководства дѣломъ народнаго образованія создавались спеціальныя учрежденія въ видѣ мѣстныхъ, окружныхъ и провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ. Наконецъ 14 мая 1869 г. была осуществлена полная реформа школьнаго дѣла, создавшая «новую» школу, современную организацію народнаго образованія въ Австріи. Задачу народной школы новый законъ опредѣлялъ такъ: нравственно-религіозное воспитаніе юношества, развитіе его умственныхъ способностей, снабженіе необходимыми въ жизни знаніями и навыками, положеніе основы для выработки дѣльныхъ людей и членовъ общества. Въ программу школьнаго образованія включается естествознаніе. Народная школа приобретаетъ интерконфессіональный характеръ и въ нихъ учатся совмѣстно дѣти различныхъ вѣроисповѣданій. Дѣлается обязательнымъ для всѣхъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ восьмилѣтнее школьное образованіе. Курсъ учительскихъ семинарій расширяется до четырехъ лѣтъ. Назначеніе учителей зависитъ отъ окружныхъ, а окончательное утвержденіе отъ провинціальныхъ училищныхъ совѣтовъ.

При полученіи званія учителя вѣроисповѣданіе безразлично. Но въ качествѣ учителей религіи могутъ быть назначаемы лишь тѣ кандидаты, которые признаны способными къ этому высшимъ клерусомъ соответствующихъ вѣроисповѣданій.

Установлено, что минимумъ жалованья долженъ освобождать учителей отъ необходимости прибѣгать къ постороннимъ занятіямъ, чтобы они могли посвящать себя всецѣло школьному дѣлу. Къ этому времени школьный патронатъ былъ уничтоженъ во всѣхъ провинціяхъ Австріи, за исключеніемъ Тироля, и содержаніе школъ перешло въ завѣдываніе общинъ. Такимъ образомъ школьная реформа 1868—69 г. потрясла всѣ «устои» старой школы, она создала новую организацію народнаго образованія, расширила его задачи, освободила школу и народныхъ учителей отъ клерикальнаго господства.

Проведеніе реформы было привѣтствуемо единодушнымъ одо-

бреніемъ и восторгомъ всѣхъ друзей народнаго образованія, въ ней видѣли наступленіе эры свободнаго развитія народной школы, отвѣчающей требованіямъ современности. И дѣйствительно, послѣдующее десятилѣтіе было временемъ пышнаго расцвѣта народнаго просвѣщенія въ Австріи. Даже завѣдомые враги новой школы не осмѣливались за это время выступить противъ нея открыто. Съ іезуитской предусмотрительностью они находили болѣе тактичнымъ переждать, пока улягутся волны всеобщаго одушевленія и успѣютъ проявиться невыгодныя стороны новаго дѣла. 7-го мая 1874 г. парламентомъ былъ принятъ законъ, окончательно уничтожающій силу конкордата и направленный къ дальнѣйшему ограниченію сферы клерикальнаго вліянія на различныя стороны общественной жизни. Папа и австрійскіе бисхофы протестовали, а послѣдніе заявили даже, что считаютъ конкордаты остающимися въ силѣ и будутъ признавать дѣйствительными только тѣ изъ новыхъ законовъ, которые не противорѣчатъ ему. На практикѣ министръ культа и народнаго просвѣщенія графъ Штремейеръ сыгралъ роль примирителя, заявивъ въ циркулярѣ 22 мая 1874 г. къ намѣстникамъ всѣхъ «королевствъ и земель» Австріи, что «австрійской государственной власти совершенно чуждо стремленіе какимъ бы то ни было образомъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и наоборотъ она придаетъ высокое значеніе сильному развитію религіозности, какъ самой крѣпкой основѣ общественной морали и т. д.».

На этомъ пока дѣло и кончилось. Но вотъ въ 1879 году на постъ австрійскаго министра-президента былъ призванъ графъ Таафе съ цѣлью разрушить парламентское большинство либеральной партіи. Онъ быстро выполнилъ это порученіе, понизивъ избирательный цензъ съ 10 на 5 гульденовъ и усиливъ представительство крупныхъ землевладѣльцевъ. Центръ тяжести парламентскаго вліянія перешелъ къ союзу феодально-славянскихъ партій, изъ которыхъ Таафе сковалъ «желѣзное кольцо» реакціи. Клерикалы снова почувствовали твердую почву подъ ногами и начиная съ 1879 г. повели систематическую борьбу противъ ненавистной имъ свободной школы. При этомъ они воспользовались недовольствомъ зажиточнаго крестьянства отсталыхъ провинцій на возрастающую тягость школьныхъ расходовъ и отнятіе дешевой рабочей силы до 14-ти-лѣтняго возраста. Особенно успѣшно велась клерикальная агитація противъ новой школы въ альпійскихъ провинціяхъ, гдѣ клерикалы и феодалы пріобрѣли рѣшающій голосъ въ сеймахъ. Въ парламентѣ клерикальная партія имѣла могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ представителей крупнаго землевладѣнія, которые также и по аналогичнымъ съ ней причинамъ были враждебны новой школѣ.

А чтобы заполучить на свою сторону славянъ, клерикалы обѣщали поддерживать ихъ національныя требованія по отношенію къ школѣ. Главными требованіями клерикаловъ были: пониженіе обязательнаго школьнаго образованія съ восьми на шесть лѣтъ,

сокращение программы реальных предметов, въроисповѣдний характеръ школы и клерикальный надзоръ въ народныхъ школахъ. На это уцѣлѣвшій еще отъ либеральной эры министръ народнаго просвѣщенія Штремейеръ отвѣтилъ циркуляромъ: «Обязательное восьмилѣтнее образование есть существенное условіе нравственнаго, умственнаго и экономическаго прогресса, повышения боевыхъ силъ государства и подъема во всѣхъ сферахъ жизни». Общій съѣздъ учителей Австріи 1879 г. въ Вѣнѣ рѣшительно выступилъ на защиту новой школы и восьмилѣтняго образования. Но уже въ февралѣ 1880 г. министромъ культа и народнаго просвѣщенія сталъ графъ Сигмундъ Конрадъ, который сразу пошелъ на уступки клерикальнымъ требованіямъ. Согласно внесенному имъ въ 1882 г. школьному законопроекту сокращалось естествознаніе, вводились облегченія въ посѣщеніи школъ. Такъ по рѣшенію провинціального сейма могутъ быть введены полудневныя школы или курсы ученія въ 6 лѣтъ и 2 года дополнительныхъ вечернихъ занятій, чѣмъ, конечно, не преминули воспользоваться сеймы отсталыхъ провинцій. Завѣдывающей школой долженъ быть того-же въроисповѣданія, какъ большинство школьничковъ за послѣднія 5 лѣтъ (§ 48). Дисциплинарныя взысканія распространялись и на поведеніе учителей въ школы (§ 54).

Этотъ законопроектъ вызвалъ бурю негодованія въ прогрессивной части австрійскаго общества и въ рядахъ парламентской оппозиціи. Защитники новой народной школы указывали на жизненную необходимость естествознанія въ современномъ образованіи, на опасность внесенія религіозной нетерпимости въ школу, что § 48 законопроекта является прямымъ нарушеніемъ австрійской конституціи и т. д. Клерикалы тоже были недовольны законопроектомъ-компромиссомъ, они требовали чисто-конфессіональной школы, а нѣкоторые ихъ ораторы въ парламентъ прямо доказывали необходимость возвращенія къ порядкамъ «старой» школы временъ конкордата. Они говорили, что наука съ ея матеріалистически-монистическимъ направленіемъ заполонила школу и внесла превратныя идеи, заблужденіе въ головы школьничковъ, что у юношества надо развивать чувства, а не порождать въ немъ «рупицами знанія недовольство фактическими условіями жизни и т. п. Но при голосованіи клерикалы предпочли, конечно, «меньшее зло» и подали голоса за правительственный законопроектъ, который и былъ принятъ ничтожнымъ большинствомъ 170 противъ 167 голосовъ. Послѣ этого снова наступило видимое затишье.

Клерикалы торопились воспользоваться плодами побѣды, дѣйствуя въ провинціальныхъ сеймахъ и училищныхъ совѣтахъ, а на ряду съ этимъ они продолжали всячески дискредитировать новую школу въ глазахъ населенія. Съ чисто-иезуитскою неразборчивостью въ средствахъ они злоупотребляли для этой цѣли не только печатнымъ словомъ, но и проповѣдническою кафедрой.

На парламентской аренѣ борьба за народную школу возгорѣлась снова въ 1888 году, когда феодальный клерикалъ Лихтенштейнъ, теперешній вождь антисемитской партіи, внесъ школьное предложеніе такого рода: задача народной школы состоитъ въ воспитаніи дѣтей по ученію ихъ религіи и сообщеніи необходимыхъ въ жизни элементарныхъ свѣдѣній. Естественнаго надо свести къ сообщенію при объяснительномъ чтеніи «достойнаго знанія» изъ этой области, частнымъ школамъ клерикальныхъ организацій предоставить права общественныхъ. Народная школа состоитъ изъ двухъ отдѣленій—обязательной элементарной школы съ шестилѣтнемъ курсомъ и необязательныхъ городскихъ училищъ или дополнительныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ. Родители не могутъ быть принуждены подчиняться школьному обученію или воспитанію дѣтей, не согласующемуся съ ихъ вѣрой. Клерусъ участвуетъ въ надзорѣ за всѣмъ ходомъ народнаго образованія въ школахъ. Вѣроисповѣданіе всѣхъ учителей должно совпадать съ вѣроисповѣданіемъ учениковъ. Всѣ законоположенія о надзорѣ за школами, образованіи учителей, устройствѣ школъ и ихъ внутренней организаціи должны быть предоставлены компетенціи провинціальныхъ сеймовъ.

Такимъ образомъ «черный принцъ» выставляетъ, хотя и въ другихъ выраженіяхъ, старыя требованія клерикальной партіи: строго-конфессіональный характеръ народной школы, клерикальный надзоръ въ ней, пониженіе обязательнаго курса ученія до шести лѣтъ, удаленіе естественно-научныхъ предметовъ программы народныхъ школъ и передача школьнаго дѣла въ полное вѣдѣніе мѣстныхъ сеймовъ, чтобы дать возможность феодально-клерикальному большинству отсталыхъ провинцій организовать школы въ своемъ духѣ. И на этотъ разъ первыми выступили на защиту школьной свободы австрійскіе народные учителя. Общеавстрійскій съѣздъ нѣмцевъ учителей въ Грацѣ и чешскихъ — въ Тропау рѣшительно высказались противъ допущенія клерикальнаго надзора въ школахъ и пониженія обязательнаго уровня народнаго образованія. За интерконфессіонный характеръ школы и полную свободу преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ клерикальнаго надзора высказался и первый общеавстрійскій конгрессъ рабочей партіи, бывшій въ Гейнфельдѣ зимою 1888 г. Но тогда еще двѣ трети австрійскихъ гражданъ,—всѣ рабочіе и бѣдные крестьяне—были совершенно лишены избирательнаго права, они не имѣли своихъ представителей въ парламентѣ.

А клерикальная партія заполучила къ этому времени новаго союзника въ борьбѣ противъ свободной школы: нижеавстрійскій антисемитизмъ. Съѣздъ австрійскихъ бисхофовъ 1889 г. въ Вѣнѣ торжественно провозгласилъ Карла Люэгра, главнаго вождя антисемитскаго движенія, «трибуномъ вѣнскаго народа» и съ тѣхъ поръ австрійскіе антисемиты идутъ рука объ руку съ клерикалами, хотя по тактическимъ соображеніямъ они старались скры-

вать этотъ союзъ до недавняго времени, когда игра пошла въ открытую. Министерство графа Таафе и на этотъ разъ было готово на удовлетвореніе клерикальныхъ требованій, но изъ боязни серьезной оппозиціи не пошло дальше компромиссовъ. 4 мая 1889 г. тогдашній министръ культа и народнаго просвѣщенія баронъ Гаучъ внесъ законопроектъ, по которому число учебныхъ часовъ религіи опредѣляется провинціальными училищными совѣтами, катехетамъ предоставляется одинаковое съ учителями право въ вопросахъ школьнаго воспитанія и образованія. Еще раньше — въ іюнь 1888 г. катехетамъ было назначено жалованье изъ общегосударственныхъ средствъ за преподаваніе въ старшихъ классахъ народныхъ школъ и городскихъ училищахъ. Эти предложенія и половинчатая мѣра никого не удовлетворили, а законопроектъ Гауча и до сихъ поръ не увидѣлъ свѣта. Клерикалы требовали большаго: «полной реорганизаціи современной школы и въ корень негодныхъ школьныхъ порядковъ», а также реорганизаціи учительскихъ семинарій, «теперь пронизанныхъ враждебнымъ клерусу духомъ» и т. д. Школьная борьба достигла своего апогея въ 1890 г., когда клерикалы официально заявили свою школьную программу чрезъ бисхофовъ палаты господъ. Она сводится къ требованію католической школы и католическихъ учителей, вліянія клеруса на опредѣленіе и увольненіе народныхъ учителей, расширенія преподаванія вѣроисповѣдныхъ предметовъ, «очистки» свѣтскихъ предметовъ отъ всего противнаго духу католицизма, участія клеруса въ надзорѣ за всѣми школьными дѣлами. Эти требованія поддерживались феодально-клерикальными сеймами альпійскихъ провинцій. Но пока дѣло не пошло дальше ожесточенныхъ школьныхъ дебатовъ въ парламентѣ и палатѣ господъ.

Правительство въ лицѣ министра культа и народнаго просвѣщенія Гауча заявило въ парламентѣ, что оно считаетъ необходимымъ укрѣпленіе религіозно-нравственныхъ основъ народной школы и будетъ содѣйствовать этому. Баронъ Гаучъ выразилъ полную готовность поддерживать стремленія клерикальной партіи, но далъ ей понять, что можетъ дѣлать это и при существующихъ законахъ «домашнимъ» путемъ министерскихъ распоряженій и циркуляровъ. И онъ дѣйствительно много содѣйствовалъ успѣхамъ клерикальнаго движенія, начавъ съ признанія за школами и учительскими семинаріями іезуитскихъ орденовъ и монастырей нравъ публичности, умноженія случаевъ обязательнаго для школьниковъ участія въ различныхъ процессіяхъ и т. д. Клерикалы успокоились на этомъ и прекратили борьбу въ стѣнахъ парламента, начавъ снова широкую агитаціонную и организаціонную дѣятельность среди крестьянскаго населенія, въ то время какъ ихъ «братья по духу» — антисемиты мобилизовали городское мѣщанство и ремесленниковъ.

Агитація противъ современной школы и свободомыслящихъ учителей велась путемъ систематическихъ инсинуацій въ клери-

кальной антисемитской прессѣ, съ кафедръ, въ собраніяхъ. По всей Австріи были открыты секціи «католическаго школьнаго союза» австрійскихъ клерикаловъ, главной задачей котораго является борьба съ новой школой. Уже въ 1893 г. этотъ союзъ имѣлъ 20,000 членовъ и 125,000 годового дохода: во главѣ его секцій стоятъ обыкновенно мѣстные патеры. За послѣдніе три года общественная атмосфера Австріи все замѣтнѣе проникается духомъ реакціи. Одною изъ главныхъ причинъ этого служитъ небывалое обостреніе національной вражды, чѣмъ всегда пользовались реакціонныя партіи въ своихъ интересахъ, а нагляднымъ выраженіемъ австрійской реакціи является громадное усиленіе клерикально-антисемитскаго движенія. Это чувствительно отразилось и на судьбѣ народной школы. Клерикалы и антисемиты ведутъ теперь новый походъ противъ современной школы, ихъ нападки учащаются и приобретаютъ все болѣе ожесточенный характеръ. Задача слѣдующаго очерка будетъ—познакомить читателя съ этой новѣйшей фазой школьной борьбы и ея конкретными формами.

П. Тепловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О самоубійствѣ.

Соціологическій этюдъ Дюркгейма.

(«Le suicide» Etude de sociologie p. Durkheim Paris 1897).

«Съ нѣкотораго времени соціологія стала модной наукой. Слово, мало извѣстное и почти осмѣиваемое лѣтъ десять тому назадъ, теперь вошло во всеобщее употребленіе. Публика настроена въ пользу новой науки и много отъ нея ожидаетъ. Надо однако сознаться, что полученные до сихъ поръ результаты гораздо ниже того, чего можно было бы ожидать при большомъ количествѣ выходящихъ книгъ и томъ интересѣ, съ которымъ онѣ встрѣчаются. Прогрессъ въ наукѣ узнается по тому признаку, что вопросы, ею обсуждаемые, не остаются одни и тѣ же. Говорятъ, что наука движется впередъ, если открываются законы, неизвѣстные до сихъ поръ или если, по крайней мѣрѣ, новые факты, не будучи окончательно объяснены, измѣняютъ постановку задачъ науки. Къ сожалѣнію, это незамѣтно въ соціологіи по той простой причинѣ, что соціологія, по большей части, не ставитъ себѣ опредѣленныхъ задачъ. Она находится

еще въ стадіи философскихъ построений и синтезовъ. Въмѣсто того, чтобы стараться пролить свѣтъ на какую либо определенную область социальной жизни, социологія избираетъ по преимуществу сферу общихъ положеній; бросается общій взглядъ на всѣ вопросы, но не изслѣдуется обстоятельно ни одинъ. Эта метода поддерживается до извѣстной степени любопытство публики, помогая ей составлять мнѣніе о всевозможныхъ предметахъ; но она не приводитъ ни къ какому объективному результату. Съ помощью общихъ разсужденій и легковѣсныхъ догадокъ нельзя найти законовъ такой сложной области явленій).

Этими словами начинается Дюркгеймъ свою книгу, которая и должна именно представить попытку вывести социологію изъ вышеописаннаго печальнаго положенія; цѣль книги изслѣдовать законы точно опредѣленнаго вопроса общественной жизни, притомъ такого, относительно котораго имѣется обширный объективный матеріалъ въ данныхъ статистики.

Это изслѣдованіе представляетъ большой интересъ, какъ по результатамъ, получаемымъ спеціально относительно самоубійства, такъ и по общимъ социологическимъ взглядамъ автора. Въ настоящей статьѣ мы постараемся изложить тѣ и другіе и общій ходъ разсужденій Дюркгейма, не приводя, конечно, обширнаго фактическаго матеріала, на который опирается авторъ и не касаясь способовъ разработки послѣдняго *). Книга начинается введеніемъ, точно опредѣляющимъ предметъ изслѣдованія и доказывающимъ возможность научнаго изученія его. Самоубійствомъ авторъ называетъ всякій случай смерти, происходящій прямо или косвенно отъ положительнаго или отрицательнаго дѣйствія, совершеннаго самой жертвой, знавшей о смертельномъ результатѣ своихъ дѣйствій. Авторъ настаиваетъ на необходимости характеризовать самоубійство именно простымъ пониманіемъ смертельныхъ послѣдствій своихъ дѣйствій, а не цѣлью самоубиженія, такъ какъ онъ считаетъ, что въ классъ самоубійства должны быть включены и случаи сознательнаго пожертвованія своею жизнью, напримѣръ, изъ чувства долга, гдѣ смерть является только сознательно употребленнымъ средствомъ, а не цѣлью. Что касается законмѣрности самоубійства, а слѣдовательно и возможности научнаго изученія его, то уже первые изслѣдователи его были поражены постоянствомъ цифры самоубійствъ для каждаго народа въ извѣстную эпоху: если встрѣчаются болѣе или менѣе крупныя колебанія по годамъ, то они всегда совпадаютъ

*) Замѣтимъ, что въ русской литературѣ есть обстоятельное статистическое изслѣдованіе о самоубійствѣ, именно трудъ г. Лихачева «Самоубійство въ Западной Европѣ и Европейской Россіи» Петербургъ 1882 г. Въ ней читатель можетъ найти библиографію и изложеніе мнѣній прежнихъ изслѣдователей вопроса: Lisle, Wagner, Briette de Voismont, Oettingen, Morgelli, Legoyt и др., мнѣнія которыхъ критически разбираетъ Дюркгеймъ. Тамъ есть также нѣкоторыя данныя о Россіи, совершенно отсутствующія у Дюркгейма.

съ какими нибудь особенно важными общественными явлениями, медленное же изменение цифры самоубийствъ по эпохамъ находится несомнѣнно въ связи съ измененіемъ социальныхъ условий. Процентное отношеніе числа самоубійцъ къ числу жителей (или обыкновенно число самоубійцъ на 1.000,000 жителей) измѣряетъ интенсивность наклонности къ самоубійству въ данномъ обществѣ. Исслѣдованіе Дюркгейма ставитъ себѣ первой задачей найти причины, отъ которыхъ зависитъ интенсивность этой наклонности. Причины эти могутъ быть двоякаго рода: онѣ могутъ лежать въ психо-физической организаціи самой личности, въ космическихъ факторахъ, вообще быть *вне* социальной среды, въ которой живетъ личность, или находиться въ этой послѣдней. Первая часть книги Дюркгейма изслѣдуетъ вліяніе «внѣсоціальныхъ» причинъ (*facteurs extra-sociaux*), вторая же — социальныхъ факторовъ. Въ третьей части подводятся итоги всему изслѣдованію и намѣчаются въ общихъ чертахъ мѣры къ ослабленію интенсивности самоубійствъ.

1. Многие изслѣдователи самоубійства искали причинъ его въ ненормальной душевной организаціи, считали самоубійство связаннымъ съ сумасшествіемъ или признавали наклонность къ нему наследственной. Объясняли также ростъ числа самоубійствъ развитіемъ алкоголизма; иногда же думали, что каждая человѣческая раса отличается свойственной ей интенсивностью наклонности къ самоубійству. Другіе авторы пытались поставить число самоубійствъ въ связь съ климатомъ, временемъ года и температурой мѣста. Всѣ эти причины тщательно изслѣдуются Дюркгеймомъ и во всѣхъ случаяхъ онъ приходитъ къ отрицательному результату. Если бы наклонность къ самоубійству находилась въ связи съ однимъ изъ вышеназванныхъ факторовъ, то мы имѣли бы параллельные ряды возрастаній (или убываній) этихъ факторовъ и числа самоубійствъ. Ничего подобнаго не замѣчается на дѣлѣ. Напримѣръ при существованіи связи сумасшествія съ самоубійствомъ слѣдовало бы ожидать, что тѣ классы общества, которые даютъ много сумасшедшихъ, дадутъ также много самоубійцъ. Это заключеніе опровергается однако слѣдующими фактами: а) % число сумасшедшихъ женщинъ нѣсколько выше % числа сумасшедшихъ мужчинъ, между тѣмъ число самоубійцъ мужчинъ во всѣхъ странахъ значительно больше числа самоубійцъ — женщинъ (въ среднемъ раза въ 4); б) изъ всѣхъ вѣроисповѣданій наименьшій % самоубійцъ даютъ евреи, среди которыхъ % сумасшедшихъ выше, чѣмъ въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ. Число самоубійцъ среди протестантовъ гораздо больше, чѣмъ среди католиковъ, а относительно распределенія между ними сумасшедшихъ нѣтъ никакого опредѣленнаго закона; в) если сравнить распределеніе самоубійцъ и сумасшедшихъ *по возрастамъ*, то и здѣсь не замѣчается параллелизма — въ то время, какъ максимумъ наклонности къ сумасшествію приходится между 30 и 35 годами, наклонность къ самоубійству непрерывно растетъ отъ

дѣтства до самой глубокой старости; d) не получится также никакого закона, если прямо сравнивать % сумасшедшихъ и самоубійцъ въ разныхъ странахъ Европы.

Пытались установить связь между сумасшествіемъ и самоубійствомъ еще на основаніи того факта, что % число самоубійцъ и сумасшедшихъ сильно возрасло въ теченіе этого столѣтія, въ этомъ хотѣли видѣть связь между повышеніемъ уровня культуры и числа теряющихъ рассудокъ и убивающихъ себя.

Однако этому мнѣнію противорѣчитъ тотъ фактъ, что многія общества, стоящія на очень низкомъ уровнѣ культуры имѣютъ сравнительно много самоубійцъ и очень мало сумасшедшихъ.

Такими же статистическими сопоставленіями доказывается отсутствіе связи между алкоголизмомъ и наклонностью къ самоубійству (напримѣръ, страны, потребляющія большое количество спиртныхъ напитковъ вовсе не выдѣляются большимъ числомъ самоубійствъ; точно также нельзя замѣтить никакого соотношенія между числомъ самоубійствъ и числомъ преступленій, совершаемыхъ подъ вліяніемъ алкоголизма и т. д.). Что касается *расы*, то Дюркгеймъ указываетъ прежде всего на неопредѣленность этого понятія и происходящую отсюда трудность удостовѣриться въ справедливости какой либо гипотезы относительно этого вліянія. Но если остановиться на какомъ либо опредѣленіи расы (Дюркгеймъ принимаетъ опредѣленіе Причарда: «подъ расой разумѣютъ совокупность индивидуумовъ, имѣющихъ между собою известное количество общихъ чертъ, передаваемыхъ путемъ наследственности») и взять тоже какое нибудь общепринятое дѣленіе народовъ на расы (напримѣръ, дѣленіе европейскихъ народовъ на германскую, кельто-романскую и славянскую расы, принятое Марселли), то не получится результата, указывающаго на какую либо связь наклонности къ самоубійству съ опредѣленной расой: у народовъ одной и той же расы встрѣчаются самыя различныя цифры самоубійствъ; даже у одной и той же національности встрѣчаются различныя цифры въ различныхъ государствахъ. Вліяніе *наследственности* уже а priori мало вѣроятно, такъ какъ, по вышеуказанному, наклонность къ самоубійству растетъ непрерывно отъ дѣтства къ старости, а отъ наследственной наклонности всего менѣе можно ждать такого закона измѣненія. Нѣкоторые констатированные случаи самоубійства въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ одного и того же семейства могутъ быть отнесены скорѣй за счетъ вліянія примѣра.

Что касается распредѣленія числа самоубійствъ по странамъ съ различнымъ *климатомъ*, то статистическія данныя показываютъ, что максимумъ числа самоубійствъ приходится на умеренный климатъ. Очевидно, что это совпаденіе зависитъ не отъ климатическихъ причинъ, такъ какъ въ природѣ именно умереннаго климата не можетъ быть ничего, вызывающаго наклонность къ самоубійству.

Вліяніе времени года несомнѣнно есть; максимумъ самоубійствъ

падаетъ не на осень и зиму, какъ можно было бы ожидать въ виду того, что тогда условия для жизни становятся неблагопрятнѣй, а на весну и лѣто: если взять 6 теплыхъ мѣсяцевъ (съ марта по августъ), то въ теченіе ихъ совершается около 60% годового числа самоубійствъ, такъ что на долю холодныхъ мѣсяцевъ остается только 40%. Основываясь на этомъ, извѣстный итальянскій соціологъ Ферри и Марселли пришли къ мнѣнію о повышеніи числа самоубійствъ съ температурой; однако болѣе точный анализъ распредѣленія числа самоубійствъ по мѣсяцамъ года совершенно не подтверждаетъ этого мнѣнія, такъ же какъ и гипотезы Ломброзо, что максимумъ числа самоубійствъ приходится на періодъ перехода отъ холоднаго времени года къ теплomu. Между тѣмъ есть другая зависимость, вполне подтверждаемая всѣми извѣстными фактами, именно увеличеніе числа самоубійствъ съ увеличеніемъ продолжительности дня. Такая зависимость объясняется, по мнѣнію Дюркгейма, увеличеніемъ интенсивности всякаго рода дѣловыхъ сношеній вмѣстѣ съ увеличеніемъ длины дня. Это объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ фактахъ: есть, напримѣръ, прямыя указанія на увеличеніе дѣловыхъ сношеній въ эпоху наибольшаго числа самоубійствъ (статистика перевезенныхъ грузовъ и пассажировъ). Такъ же распредѣляется число самоубійствъ по днямъ недѣлямъ, по числамъ мѣсяца и по часамъ дня (т. е. оно больше всего въ періоды самыхъ оживленныхъ дѣловыхъ сношеній). Наконецъ въ большихъ городахъ жизнь утихаетъ лѣтомъ, а потому и максимумъ числа самоубійствъ приходится обыкновенно на весну, а не на лѣто.

Дюркгеймъ придаетъ большую важность этому анализу, въ первый разъ указывающему на социальный характеръ причинъ самоубійства.

Въ концѣ 1-й части Дюркгеймъ разбираетъ вліяніе еще одного фактора, именно *подражанія*, который онъ также относитъ къ индивидуально-психологическимъ, а не къ общественнымъ на томъ основаніи, что подражаніе одного человѣка другому можетъ быть и при отсутствіи какой бы то ни было общественной связи между ними. Ученіе о вліяніи подражанія въ общественной жизни было развито во Франціи, какъ извѣстно, Тардомъ и имѣетъ тамъ много послѣдователей. Въ виду этого Дюркгеймъ подробно разбираетъ его. Онъ указываетъ на неопредѣленность термина «подражаніе» и на пріостекающую отъ этого сбивчивость всей теоріи: этимъ словомъ часто обозначаются просто одинаковые поступки нѣсколькихъ людей, находящихся между собою въ общеніи. Очевидно, что для признанія склонности къ подражанію особымъ психическимъ факторомъ недостаточно простого сходства въ поступкахъ: надо еще показать, что это сходство не произошло вслѣдствіе нахождения въ одинаковыхъ условіяхъ (когда одинаковые мотивы самостоятельно привели бы къ одинаковымъ поступкамъ) или вслѣдствіе сознательнаго подражанія личности общеприня-

тѣмъ формамъ жизни (вліяніе моды, привычекъ и т. п.). Тогда на долю подражанія останутся только такіе случаи, въ которыхъ между первоначальнымъ дѣйствіемъ и его подражаніемъ не будетъ никакого сознательнаго мотива, когда второе дѣйствіе рефлективно слѣдуетъ за первымъ.

Если приложить это различіе къ примѣрамъ, приводимымъ въ пользу заразительности самоубійства, то придется многіе изъ нихъ отбросить. Тѣмъ не менѣе останутся несомнѣнные случаи самоубійствъ подъ вліяніемъ примѣра. Единичные ли это случаи или подражательность вліяетъ на интенсивность самоубійствъ въ данномъ обществѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Дюркгеймъ сравниваетъ географическое распредѣленіе интенсивности самоубійствъ, вытекающее изъ предположенія заразительности ихъ съ тѣмъ, которое имѣется въ дѣйствительности: при предположеніи большаго вліянія подражанія, слѣдовало бы ожидать районовъ съ постепенно уменьшающейся интенсивностью самоубійства вокругъ большихъ городовъ, являющихся какъ бы фокусами для распространенія этой заразы. Между тѣмъ въ дѣйствительности не замѣчается ничего подобнаго: рядомъ съ большими городами встрѣчаются мѣста съ малымъ количествомъ самоубійствъ, среди районовъ интенсивнаго самоубійства попадаютъ округа съ малымъ количествомъ самоубійствъ (напримѣръ, католическія провинціи Пруссіи). Дюркгеймъ заключаетъ отсюда, что примѣръ не имѣетъ общественнаго значенія, не вліяетъ на интенсивность самоубійствъ и кончаетъ эту главу рѣзкими упреками теоріи Тарда за ея полную необоснованность.

II. 1-я часть показала малое вліяніе «внѣ-соціальныхъ» причинъ, 2-я часть посвящена изслѣдованію соціальныхъ факторовъ, опредѣляющихъ интенсивность самоубійствъ.

Дюркгеймъ дѣлитъ эти факторы на три категоріи соответственно принятымъ имъ тремъ основнымъ типамъ самоубійствъ, которые онъ называетъ эгоистическимъ, альтруистическимъ и аномическимъ.

Эгоистическое самоубійство. Къ этому типу относятся всѣ самоубійства, причиной которыхъ является отдѣленіе личности отъ того общества, къ которому она принадлежала, ослабленіе общественныхъ связей, поддерживавшихъ личность. Явленіе это выражается въ разнообразныхъ формахъ, требующихъ тщательнаго анализа.

Во 1-хъ изслѣдуется вліяніе *религіознаго общества*, къ которому принадлежитъ личность. Различныя вѣроисповѣданія показываютъ у лицъ, принадлежащихъ къ нимъ, различную склонность къ самоубійству. Это различіе особенно рѣзко замѣтно между католиками и протестантами: при самыхъ разнообразныхъ остальныхъ условіяхъ католическое населеніе даетъ гораздо меньшую цифру самоубійствъ, чѣмъ протестантское: среднее число самоубійствъ на миллионъ жителей въ протестантскихъ странахъ Европы—190, а въ католическихъ—только 58, то есть болѣе чѣмъ

второе меньше (разница получится еще болѣе рѣзкая по отдѣльнымъ странамъ; максимумъ интенсивности самоубійствъ въ Европѣ приходится на протестантскую Саксонію — 300 человекъ на 1.000,000 жителей). Этотъ законъ подтверждается не только сравненіемъ между собою отдѣльныхъ странъ, гдѣ можетъ вліять также различіе культуры, но и сопоставленіемъ цифры самоубійствъ въ различныхъ провинціяхъ одной и той же страны: протестанты даютъ всегда значительно меньше самоубійствъ.

Чѣмъ объяснить такое рѣзкое различіе? Его нельзя отнести на счетъ различія въ специально религіозной части этихъ вѣроисповѣданій, такъ какъ оба они одинаково строго осуждаютъ самоубійство и угрожаютъ ему наказаніемъ въ будущей жизни. По мнѣнію Дюркгейма, указанное различіе зависитъ всецѣло отъ большаго *индивидуализма* протестантовъ, меньшаго подчиненія ихъ духу общественной единицы—церкви. Справедливость этого объясненія подтверждается низкой цифрой самоубійства среди евреевъ, которыхъ религія (по крайней мѣрѣ Библия) почти вовсе не осуждаетъ самоубійць, предохраняющимъ факторомъ является тѣсная сплоченность еврейскаго населенія, а не само вѣроученіе. Другое подтвержденіе своей теоріи Дюркгеймъ видитъ на примѣрѣ Англіи, гдѣ церковь сильнѣй и лучше организована, чѣмъ въ другихъ протестантскихъ странахъ, и гдѣ поэтому меньше самоубійствъ.

2-мъ социальнымъ элементомъ, вліяющимъ на число самоубійствъ, является *семья*. Чтобы открыть его вліяніе нужно сначала произвести очень трудный анализъ для отдѣленія вліянія возраста. Этотъ анализъ составляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ книги Дюркгейма (за отсутствіемъ всѣхъ нужныхъ данныхъ въ опубликованныхъ таблицахъ онъ изслѣдовалъ самъ 25,000 дѣлъ о самоубійствахъ въ архивахъ министерства юстиціи). Я не могу входить въ подробности этого анализа и привожу только его результаты.

а) Лица, не состоящія въ бракѣ, убиваютъ себя гораздо чаще (раза въ полтора и больше), чѣмъ женатые люди соответственныхъ возрастовъ, за исключеніемъ очень раннихъ браковъ (до 20 лѣтъ), которые усиливаютъ наклонность къ самоубійству. Отношеніе числа самоубійствъ лицъ, не состоящихъ въ бракѣ, къ числу самоубійствъ лицъ, состоящихъ въ бракѣ одного и того же возраста, Дюркгеймъ называетъ *коэффициентомъ предохраненія* послѣднихъ. Коэффициентъ этотъ больше для мужчинъ, чѣмъ для женщинъ, т. е. мужчина болѣе выигрываетъ въ бракѣ, чѣмъ женщина.

б) Вдовцы и вдовы тоже убиваютъ себя рѣже, чѣмъ лица, не состоявшія въ бракѣ, но коэффициентъ предохраненія ихъ меньше, чѣмъ для женатыхъ.

в) Благотворное вліяніе брака зависитъ не отъ того, что въ бракъ вступаетъ лучшая часть населенія (какъ это часто предполагается, между прочимъ — Летурно); вліяетъ самый фактъ образованія семьи. Притомъ это благотворное вліяніе особенно сильно

сказывается въ *семействахъ съ дѣтьми* (бездѣтный же бракъ иногда даже вовсе не уменьшаетъ наклонности къ самоубійству, въ особенности у женщинъ). Мнѣніе это рѣзко противорѣчитъ распространенному убѣжденію, что самоубійство совершается по большей части вслѣдствіе трудностей борьбы за существованіе: послѣдняя, очевидно, интенсивнѣй для семейнаго человѣка и, однако, онъ рѣже лишаетъ себя жизни.

Третью категорію социальныхъ причинъ составляетъ принадлежность къ жизни общества, народа. Здѣсь можно легко подмѣтить слѣдующій законъ: при усиленіи въ личностяхъ сознанія своей связи съ жизнью того общественнаго цѣлага, къ которому онѣ принадлежатъ, на примѣръ, въ моменты великихъ общественныхъ потрясеній (войнъ, революцій, даже просто избирательныхъ периодовъ), наклонность къ самоубійству уменьшается.

Общій выводъ изъ всего найденнаго тотъ, что наклонность къ самоубійству тѣмъ больше, чѣмъ изолированнѣй личность, чѣмъ болѣе она замыкается въ себя.

Однако, законъ этотъ вѣренъ только до извѣстнаго предѣла: когда личность вовсе ужъ теряетъ свою индивидуальность, когда она связана съ общественнымъ цѣлымъ слишкомъ тѣсными связями, то опять таки въ ней усиливается наклонность къ самоубійству. Этотъ типъ самоубійствъ Дюркгеймъ называетъ альтруистическимъ. Сюда относятся, на примѣръ, самоубійства стариковъ, вдовъ, слугъ послѣ смерти господина и т. п., предписываемыя закономъ или обычаемъ у дикихъ народовъ, а также самоубійства въ арміи, большую интенсивность которыхъ, чѣмъ среди гражданского населенія, Дюркгеймъ объясняетъ именно стираніемъ индивидуальности, производимымъ военной жизнью, а не какими либо другими причинами; наконецъ, сюда же должны быть отнесены случаи сознательнаго пожертвованія своей жизнью изъ чувства долга (религиознаго убѣжденія или патриотизма).

Подъ *аномическимъ* самоубійствомъ (suicide anomique), Дюркгеймъ разумѣетъ самоубійство, совершенное подъ вліяніемъ *дезорганизаціи* общества, ослабленія его регулирующаго дѣйствія на личность. Къ причинамъ этого рода относятся всякія быстрыя измѣненія экономическаго состоянія общества и притомъ не только въ сторону ухудшенія, но также въ сторону увеличенія благосостоянія: вліяетъ не бѣдность (факторъ въ общемъ неблагоприятный для самоубійства), а несоотвѣтствіе потребностей со средствами ихъ удовлетворенія (внезапное увеличеніе благосостоянія въ обществѣ ведетъ къ быстрому возвышенію нѣкоторыхъ и вызываетъ въ другихъ недовольство своимъ положеніемъ). Къ этой же категоріи причинъ принадлежитъ вліяніе *развода*, дезорганизующаго бракъ, благотворное вліяніе котораго на цифру самоубійствъ мы видѣли раньше.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ разводъ практикуется въ широкихъ размѣрахъ, замѣчается большее количество самоубійствъ, въ особенности между женатыми мужчинами (иногда даже дѣлающее

«коэффициентъ предохраненія» меньше единицы, т. е. превращающее его въ «коэффициентъ увеличенія»). Зато существованіе развода измѣняетъ въ благопріятную сторону число самоубійствъ среди заму́жнихъ женщинъ: въ странахъ, гдѣ разводъ часть, «коэффициентъ предохраненія» заму́жнихъ женщинъ выше, чѣмъ мужчинъ. Фактъ этотъ объясняется такъ: бракъ есть социальное учрежденіе, регламентирующее отношеніе между полами; регламентация эта особенно нужна и полезна мужчинамъ; женщина же, живущая болѣе инстинктивной жизнью, чѣмъ мужчина, нуждается менѣе послѣдняго въ такой регламентации и испытываетъ скорѣй подавляющее вліяніе брака. Поэтому разводъ, ослабляющій регламентирующее вліяніе брака, повышаетъ число самоубійствъ между мужчинами и понижаетъ — между женщинами.

III. Длинный анализъ привелъ Дюркгейма во всѣхъ случаяхъ къ выводу, что самоубійство зависитъ отъ социальныхъ причинъ. Въ каждомъ обществѣ есть *опредѣленная наклонность къ самоубійству*, которой поддаются личности, поставленныя въ особо благопріятныя для того условія. Эта наклонность подчинена особымъ законамъ, которые частью и открыты настоящимъ изслѣдованіемъ; она есть особая социальная сила, существующая такъ сказать *вне личности*. Именно такого рода социальные факты и составляютъ, по мнѣнію Дюркгейма, объектъ для изученія социологіи, которая, такимъ образомъ, никакъ не можетъ быть сведена къ изученію психологіи отдѣльныхъ личностей. Социологія имѣетъ такое же право на отдѣльное существованіе, какъ физиологія, изучающая законы, управляющіе *цѣлымъ организмомъ*, хотя извѣстно, что онъ состоитъ изъ клѣточекъ, живущихъ каждая своей жизнью и подлежащихъ изученію особыхъ наукъ.

Эти соображенія уясняютъ мысль автора, что «социальные факты объективны», высказанную имъ въ другомъ сочиненіи («*Règles de la méthode sociologique*») и вызвавшую тогда многочисленныя возраженія. Она, конечно, противорѣчитъ обыденному мышленію, но всякая наука создаетъ себѣ сама предметъ для изслѣдованія, не подозрѣваемый обыденнымъ мышленіемъ. Объективность социологическихъ фактовъ дѣлаетъ въ социологіи невозможнымъ методъ самонаблюденія, рекомендованный Тардомъ, утверждавшимъ, что мы непосредственно постигаемъ «какъ элементъ социологіи—личное сознаніе, такъ и цѣлое, которое есть собраніе сознаній», говорившимъ, что «если отбросить индивидуальное, то не останется ничего социального». Никакое самонаблюденіе не могло бы открыть законовъ, управляющихъ самоубійствомъ; для этого нуженъ былъ анализъ объективныхъ данныхъ статистики.

Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ способѣ объясненія закономерности общественныхъ явленій. Кеттле, одинъ изъ первыхъ искавшій ея объясненія, предложилъ для этого свою гипотезу *средняго человека*: въ обществѣ преобладаютъ люди со средними данными (напримѣръ со средней продолжительностью жизни

и т. п.), почему и общественныя явленія представляютъ слабыя колебанія около опредѣленныхъ среднихъ величинъ. Однако теорія эта совершенно не объясняетъ постоянства числа самоубійствъ, такъ какъ у средняго человѣка наклонность къ самоубійству безконечна и онъ вовсе себя не убиваетъ: по приему Кеттле наклонность къ самоубійству средняго человѣка должна измѣняться отношеніемъ числа самоубійць къ числу жителей; это отношеніе для всѣхъ странъ Европы даетъ какія нибудь десяти-тысячныя доли единицы.

Кромѣ этихъ соціологическихъ выводовъ, Дюркгеймъ дѣлаетъ еще практическое приложеніе своихъ взглядовъ. Какъ остановить ростъ самоубійствъ, замѣчаемый во всѣхъ культурныхъ странахъ Европы? Не трудно замѣтить, что увеличеніе самоубійствъ происходитъ всецѣло на счетъ эгонистическаго и аномическаго типа; «альтруистическія» самоубійства скорѣй дѣлаются рѣже и рѣже. Чтобы воспрепятствовать росту числа самоубійствъ, нужно, значитъ, увеличить связь отдѣльныхъ людей съ существующими соціальными группами или позаботиться о созданіи новыхъ, которыя тѣснѣе привязывали бы къ себѣ людей, чѣмъ нынѣ имѣющіяся. Дюркгеймъ мало надѣется на усиленіе вліянія нынѣ существующихъ соціальныхъ единицъ: для этого нужно было бы вновь подчинить умъ на вѣру принятымъ формуламъ, стѣснить свободу изслѣдованія, что невозможно и нежелательно. Государство стоитъ слишкомъ далеко отъ личности, чтобы оказывать на нее интенсивное постоянное воздѣйствіе; современная семья дѣлается все менѣе и менѣе сплоченной. Зло можетъ быть исправлено, по мнѣнію Дюркгейма, только соединеніемъ личностей въ новыя общественныя группы—*профессіональные союзы*. Эти союзы могутъ привлечь къ себѣ нравственныя силы отдѣльной личности, вывести ее изъ заколдованнаго круга заботъ о самомъ себѣ, регламентировать ея дѣйствія.

Детальный разборъ программы такихъ союзовъ выходитъ однако изъ предѣловъ излагаемаго сочиненія.

А. Р.

Посѣщеніе начальныхъ школъ въ Парижѣ.

Во время своего прибыванія въ Парижѣ я посѣтила начальные школы—*Ecoles primaires*. Трудно сказать что нибудь общее обо всѣхъ этихъ школахъ, такъ какъ онѣ различны по внѣшности и даже по внутреннему устройству, хотя программы вездѣ одинаковы. Всѣ недавно выстроенныя школы великолѣпны, отличаются просторомъ, чистотой и благопріятными гигиеническими условіями, хотя вездѣ дворикъ для рекреацій очень малъ. Но старыя школы, хотя онѣ приблизительно такого же типа, какъ и новыя, довольно не привлекательны и напоминаютъ тѣ конторы, гдѣ у насъ толпится простонародье. Костюмы дѣвочекъ опрятны, но пестры и бѣдны. Насъ, русскихъ, поражаютъ ордена малютокъ, называемые у нихъ *la croix*; напоминаютъ они наши туры для котильоновъ. Даются они въ награду за успѣхи, почти по каждому предмету отдѣльно, и за поведеніе. Ордена эти придаютъ дѣвочкамъ какой-то комически-серьезный видъ. За какой нибудь проступокъ орденъ снимаютъ на время. Забавно смотрѣть, какъ дѣти рѣзвятся на маленькомъ дворикѣ, напоминающемъ собой встревоженный муравейникъ. Рѣзвятся они отъ души, разминая члены, тѣмъ охотнѣе, что никакой бѣготни, толкотни, шума, шалостей помимо рекреаціи не допускается. Безукоризненная дисциплина, къ которой сами дѣти относятся сознательно, вызываетъ удивленіе. Наряду съ дисциплиной слѣдуетъ указать на уваженіе, которымъ пользуются учительницы. У французовъ вообще уваженіе къ личности замѣчательно развито, вслѣдствіе этого всѣ воздерживаются отъ злословія. Ихъ остроуміе не язвительно и не касается личностей. Нѣкоторые школьные порядки кажутся намъ оскорбительными для дѣтей, на примѣръ, серебряныя свистки, висящіе за поясомъ учительницы или *claquoir* (нѣчто вроде кастаньетъ), которыми она пользуется для водворенія порядка, все это на нашъ взглядъ обидно, но французы видятъ въ этомъ только практическую сторону дѣла. Попеченіе о дѣтяхъ высказывается въ обычаѣ провожать ихъ до известнаго пункта.

откуда имъ близко до ихъ жилищъ. При выходѣ изъ школы дѣти группируются по улицамъ, въ которыхъ они живутъ, и ихъ сопровождаютъ учительницы. Проводы эти происходятъ 2 раза въ день: передъ завтракомъ и по окончаніи занятій. Не всѣ ученицы уходятъ домой въ половинѣ 12-го. Многія пользуются даровымъ завтракомъ въ школѣ, а нѣкоторые покупаютъ его за 10 сантимовъ, что очень дешево, такъ какъ завтракъ состоитъ изъ 2-хъ блюдъ. Вино и хлѣбъ приносятъ изъ дому въ корзинкахъ. Не смотря на неудобство двукратнаго прихода въ школу, дѣти все таки очень рѣдко манквруютъ *безъ уважительной причины*. Это объясняется существованіемъ строгаго закона, который караетъ родителей, небрежно относящихся къ школѣ. Достойно упоминанія, что текстъ этого закона дословно напечатанъ въ дѣтскихъ вѣдомостяхъ объ успѣхахъ и въ ихъ учебникахъ. Неисполнительнымъ родителямъ грозитъ выговоръ, позорное вывѣшиваніе ихъ именъ на дверяхъ *maigre*, денежный штрафъ, а въ случаѣ болѣе серьезнаго сопротивленія закону—тюремное заключеніе на 2 недѣли. Французы полагаютъ, что такая мѣра принуждаетъ дѣтей не быть эгоистами и охранять родителей отъ излишнихъ работъ и униженій. Однако, дѣти, къ которымъ предъявляются такія требованія, не старше 14 лѣтъ. Въ *Ecoles maternelles* они могутъ обучаться отъ 2-хъ до 6 лѣтъ, въ начальныхъ же школахъ, называемыхъ *Ecoles communales* или *municipales*—отъ 6-ти до 13 или 14 лѣтъ. Начальныя школы имѣютъ собственно 4 класса, но по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ ихъ 7 (семь курсовъ), кромѣ того 8-ой пригготовительный (*Classe enfantine*) и 9-й *Cours supplémentaire*, гдѣ доучиваются ученицы не только своей школы, но и другихъ, такъ какъ дополнительный курсъ существуетъ не вездѣ. Изъ начальной школы дѣти могутъ перейти въ *Ecoles primaires supérieures*, затѣмъ слѣдуетъ *Enseignement secondaire*, представляемое лицеями и коллежами. Но мелкая буржуазія ограничивается прохожденіемъ начальной школы, послѣ чего дѣвушки принимаются за практическій трудъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію своихъ посѣщеній, считаю не лишнимъ сообщить нѣкоторыя объясненія разныхъ специальныхъ мѣстныхъ названій, принятыхъ въ школахъ, и вообще нравовъ и обычаевъ, несходныхъ съ нашими. Непривычнаго человѣка сбиваетъ слово *Composition*, означающее всякаго рода провѣрочную работу, не только письменную, но даже устную. Выдаютъ *Compositions* по ариметикѣ, по исторіи, географіи и т. п. То, что мы называемъ сочиненіемъ, у нихъ называется *Rédaction* на этотъ разъ довольно основательно, такъ какъ болѣею частью сюжеты этихъ работъ дѣтямъ извѣстны изъ слышанныхъ уроковъ или изображены на картинкахъ. Для этой цѣли очень распространены книжки съ отдѣломъ, озаглавленнымъ *Redactions d'après l'image*. На урокахъ я замѣтила странное распредѣленіе времени. Напримѣръ, послѣ ариметики въ тотъ же часъ испрaвленіе раньше сдѣланной диктовки. Въ однихъ школахъ во время за-

нятіи дѣти держать руки скрещенными на груди (*les bras croisés*), въ другихъ—за спиной (*les mains en dos*). Здоровоюся однимъ наклономъ головы безъ реверанса. Очень маленькіи дѣвочки преміио кланяются, разводя руки въ обѣ стороны, какъ будто растягивая ленту, причемъ глядятъ очень привѣтливо. Въ одинъ изъ уроковъ ученица вскочила на скамью, чтобы оттуда декламировать стихи. Скажу при случаѣ, что мнѣ нигдѣ не удалось слышать выразительнаго чтенія стиховъ. Въ одномъ изъ старшихъ классовъ школы улицы Monge учительница не даетъ крестовъ, чтобы ученицы не работали только ради награды. Изъ этого факта можно заключить, что инициативѣ учительницы данъ большой просторъ.

Дивныя тетради, которыми такъ славятся французскія школы, смущаютъ насъ своимъ разнообразнымъ содержаніемъ; это нѣчто вродѣ нашихъ брульоновъ, но безукоризненной чистоты и каллиграфически написанн. Чертежи по геометріи, географическіи карты прекрасно, артистически исполнены. Такъ какъ дѣти изучаютъ всякаго рода шрифты, то при каждомъ удобномъ случаѣ пользуются своимъ знаніемъ для украшенія своихъ работъ. Всякія заглавія, надписи на картахъ исполнены то печатнымъ, то готическимъ, то какимъ нибудь другимъ замысловатымъ шрифтомъ. И какая выдержка въ аккуратности! Цѣлыя толстыя тетради написаны безъ помарки, безъ скобленія и конечно безъ ненавистныхъ кляксъ. И у нихъ есть брульоны и летучіе листки, но къ нимъ прибѣгаютъ очень рѣдко.

Прежде всего пришлось мнѣ побывать въ школѣ улицы du Jardin et я явилась я туда въ 8 часовъ, зная, что у французовъ занятія начинаются рано. Меня пригласили въ старшій классъ на урокъ морали. Тему урока составляли: *La justice et la charité*. Требовалось сдѣлать опредѣленіе этихъ двухъ понятій и объяснить сущность ихъ на примѣрахъ. Отвѣты были, что называется, вымученными. Но не всегда уроки морали затрудняютъ дѣтей; большею частью, это очень полезныя бесѣды о всякаго рода житейскихъ дѣлахъ, нравственныхъ обязанностяхъ, проступкахъ и даже преступленіяхъ. При этомъ основные законы нравственности, конечно, почерпнуты изъ религіи и объясняются въ томъ же духѣ, какъ и на урокахъ Закона Божія, только помирски. Когда ученицы спрашиваютъ, почему *l'instruction est laïque*, онѣ отвѣчаютъ: «*Pour ne pas blesser les autres croyances*». Это у нихъ стереотипная фраза.

Настоящая же причина кроется гораздо глубже, и я не берусь вполне объяснить ее. Изъ всего читаннаго и слышаннаго въ Парижѣ вывожу слѣдующее, вовсе не новое заключеніе. Французы находятъ, что духовенство, не сочувствуя ихъ политическимъ взглядамъ, направляетъ молодыя силы не туда, куда было бы желательно для блага Франціи, и тѣмъ уничтожаетъ плоды совокупныхъ усилій правительства и народа. Это мнѣніе можетъ показаться устарѣлымъ теперь, когда французское ду-

ховенство только и твердить о свободѣ и т. п. Но дѣло въ томъ, что французы называютъ эти метаморфозы новой маской Тартюфа. Родителямъ предоставлена забота обучать дѣтей Закону Божию, но всѣ знаютъ, какъ относятся дѣти къ необязательнымъ предметамъ. Въ частныхъ школахъ нѣтъ подобныхъ ограниченій, но зато особая инспеція слѣдитъ за тѣмъ, чтобы дѣтямъ не сообщалось ничего не солидарнаго съ взглядами правительства.

Вообще, французскіе педагоги какъ-то особенно часто говорятъ о солидарности между членами всякихъ корпорацій и видятъ въ этомъ вѣрнѣйшее средство успѣха.

Отъ урока морали перехожу къ другому непривычному для насъ школьному предмету, называемому *Instruction civique*—гражданскія права и обязанности. Ими очень много занимаются во Франціи, гдѣ всякій обязанъ знать законы и учрежденія своей страны; при этомъ дѣти знаютъ не только свои права, но и обязанности.

Возвращаясь къ слышанному уроку, скажу, что отчетъ о судопроизводствѣ не затруднилъ 4-го класса. Онѣ рассказывали, какъ провинившійся является въ сопровожденіи 2-хъ жандармовъ и садится на скамью подсудимыхъ, какъ ведется обвиненіе и защита, каковы обязанности свидѣтелей и т. д. «Какъ! показывать дѣтямъ мрачныя картины!» воскликнетъ педагогъ. «Дѣтямъ нужно знать только свѣтлые образы». А при первой же незначительной невзгодѣ, напримѣръ, дурной отмѣткѣ, молодежь приходитъ въ отчаяніе и даже стрѣляется. Вѣдь ее готовили только для свѣтлыхъ сторонъ жизни. Впрочемъ, что касается мрачныхъ картинъ, можно успокоить возмущенныхъ педагоговъ тѣмъ, что дѣти вовсе не такъ чувствительны вслѣдствіе недостатка личнаго опыта, и все тяжелое и горькое скользятъ по поверхности ихъ нетронутой души, оставляя лишь столько слѣдовъ, сколько нужно. И горькихъ личныхъ обидъ станетъ несравненно меньше, если дѣти будутъ справедливей относиться къ самимъ себѣ.

Затѣмъ слѣдовалъ урокъ естественной исторіи и химіи, какъ назвала его учительница. Въ одинъ и тотъ же часъ говорилось и о хлопчатникѣ, и о пищевареніи. Урокъ велся слѣдующимъ образомъ: всѣ названія пищеварительныхъ органовъ ученица пишутъ на доскѣ, а затѣмъ объясняетъ функціи всѣхъ этихъ органовъ. Урокъ о хлопчатникѣ былъ совсѣмъ неинтересенъ и даже не показали дѣтямъ плодъ этого растенія. Мнѣ пришлось слышать такой же предметный урокъ о злакахъ и о хлѣбѣ. Ознакомиться съ предметными уроками мнѣ очень хотѣлось, такъ какъ и учительница иностранныхъ языковъ вводятъ нѣчто подобное въ свой курсъ съ цѣлью разнообразить упражненія. Но тутъ мнѣ пришлось разочароваться: никакихъ особенныхъ приемовъ я не усмотрѣла, даже рисунки показывались мелкіе изъ книжки вродѣ нашего «Родного Слова». Учительница бесѣдовала съ маленькими дѣтьми о всѣхъ измѣненіяхъ злаковъ до состоянія печенаго хлѣба включительно. По методикѣ своего предмета я

ничѣмъ не могла здѣсь позаимствоваться. Такъ какъ мнѣ хотѣлось судить объ умѣньи дѣтей выражать свои мысли, то, по моей просьбѣ, въ одной изъ школъ выбирали для меня такіе уроки, гдѣ больше въ ходу устные отвѣты.

Поэтому, кромѣ множества уроковъ съ письменными работами, мнѣ пришлось присутствовать на урокахъ исторіи и географіи. На урокъ исторіи говорилось о Людовикѣ XI. Я ожидала услышать красивый и плавный рассказъ, нѣчто вродѣ біографіи и характеристики, но попала на самый сухой урокъ. Говорилось о побѣдахъ короля и объ его врагахъ. Ученицы отвѣчали на заданные вопросы короткими фразами, выходили къ картѣ и долго, и скучно выжимали изъ памяти массу собственныхъ именъ и чисель. Урокъ географіи въ школѣ улицы Monge былъ гораздо интереснѣе, хотя и здѣсь не обошлось безъ излишняго балласта, весьма тягостнаго для памяти. Это было въ I классѣ, гдѣ преобладаютъ дѣти 14-лѣтняго возраста; урокъ назывался *Ré d a c t i o n*. Учительница поправляла небольшія сочиненія, написанныя на дому, о разныхъ городахъ, напр. Lyon, Marseille и т. д. Ученицы по очереди всходили на большую эстраду, гдѣ помѣщается кафедра, становились около учительницы, которая разбирала недостатки ихъ работъ. У нѣкоторыхъ ученицъ не было упомянуто о торговлѣ или промышленности города. Говоря о Лионѣ, учительница добилась желаемого исправленія, обращаясь ко всему классу; ученицы общими силами выяснили вопросъ о шелководствѣ. Нѣкоторымъ дѣвочкамъ сдѣлано было замѣчаніе за слишкомъ краткое и сухое изложеніе; говорилось, что, вѣроятно, онѣ воспользовались только главой какого-нибудь учебника.

Передо мной въ настоящую минуту минуту *Cahier de Roulement*, нѣчто вродѣ журнала, въ который ученицы ежедневно и поочередно записываютъ всѣ пройденные уроки, и я, желая пополнить свои замѣчанія объ урокъ географіи, просматриваю изящно начерченные карты. Тутъ есть карты Италіи и Франціи, въ особенности послѣдней, которая изображена въ цѣломъ и по частямъ, смотря по требованіямъ урока. Уже было замѣчено, что при урокахъ исторіи очень много занимаются географіей и тоже чертятся историческія карты. Работы исполнены изящно и раскрашены различными красками. Однакожъ попадаются очень крупныя ошибки, напр. въ названіяхъ морей, поражающія не только специалистовъ, но и людей мало свѣдущихъ. Говоря о черченіи картъ, упомяну кстати о рисованіи вообще. Рисуютъ, такъ же какъ и у насъ, орнаменты по гипсовымъ моделямъ. Что касается рукодѣлія, то можно замѣтить, что образцы, приложенные къ тетрадямъ, показываютъ усердное и аккуратное отношеніе ученицъ къ дѣлу и постепенные ихъ успѣхи..

Отъ урока пѣнія въ школѣ улицы du Jardin et я вынесла весьма благопріятное впечатлѣніе. Ученицы пѣли въ классѣ, сидя на скамейкахъ и слѣдя по нотамъ, уже разработанную пѣсенку на довольно трудный мотивъ Гуно. Учительница ходила вдоль

скамеекъ и управляла хоромъ. Голоса у маленькихъ французенокъ чрезвычайно пріятнаго тембра. Странное дѣло, та же самая мѣсенка, спѣтая у насъ, звучитъ совершенно иначе, и это происходитъ вовсе не отъ французскаго произношенія, которымъ мы такъ восхищаемся, такъ какъ у дѣтей бѣдныхъ классовъ встрѣчается очень часто неправильный акцентъ съ которымъ школъ приходится бороться. Я увѣрена, что это пріятное впечатлѣніе зависитъ только отъ тембра голоса.

Относительно урока математики скажу, что рѣшаемыя задачи несложны и легко примѣнимы къ практической жизни. Ариметика съ младшихъ классовъ сопровождается геометрией въ видѣ измѣренія площадей и т. п. Въ тетрадяхъ задачи написаны чисто и вѣрно. Удивительно то, что во многихъ школахъ даже ариметическія дѣйствія объясняются дѣтми нараспѣвъ на извѣстный мотивъ. Но гдѣ можно насытиться такимъ распѣваніемъ, такъ это на урокъ языка, во первыхъ, уже потому, что этихъ уроковъ больше другихъ, а во вторыхъ, что самый матеріалъ способствуетъ этой методѣ. Чтеніе, грамматика, исправленіе письменныхъ работъ, все выкрикивается даже не группами ученицъ, а цѣлымъ классомъ заразъ.

Этотъ приемъ, отчасти принятый и у насъ, приноситъ несомнѣнную пользу, такъ какъ при многочисленности класса дѣтямъ приходилось бы произнести вслухъ два, три слова въ недѣлю. Чѣмъ шире будетъ примѣняться хоровое чтеніе, тѣмъ успѣшнѣе пойдутъ уроки по иностраннымъ языкамъ. Но постоянные хоровые отвѣты на родномъ языкѣ, не служа на этотъ разъ полезнымъ упражненіемъ для коснаго языка и непривычнаго уха, являются только докучнымъ крикомъ и, пожалуй, помѣхой самостоятельному мысленію.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во Франціи дѣти завалены работой и переутомлены, но не лучше ли было бы уменьшить число преподаваемыхъ предметовъ, по крайней мѣрѣ для малолѣтнихъ, чѣмъ облегчать трудъ не совсѣмъ рациональнымъ способомъ преподаванія? Слѣдуетъ отдать справедливость французамъ, что всѣ они знаютъ свой языкъ прекрасно. Самый мелкій людъ пишетъ не только красивымъ почеркомъ, но и относительно грамотно. Этимъ знаніемъ французы обязаны начальнымъ школамъ. Rédactions, т. е. сочиненія, или письменный пересказъ, у нихъ *обязательно* начинаются съ самыхъ младшихъ классовъ.

Кромѣ écoles primaires я побывала и въ Ecole maternelle въ улицѣ Monge. Ecole maternelle—это нѣчто среднее между нашими яслями и дѣтскими садами. Сюда принимаются дѣти отъ 2-хъ лѣтъ и остаются здѣсь до 6-лѣтняго возраста. (Есть материнскія школы, куда приносятъ совсѣмъ крошечныхъ младенцевъ. Ихъ укладываютъ въ корзинки-кроватьки). Изъ материнской школы дѣти переходятъ въ начальную. Ecole maternelle подраздѣляется на четыре класса; въ ней дѣти обучаются чтенію, письму, получаютъ даже первоначальныя свѣдѣнія по исторіи, географіи и естественной исторіи —

въ видѣ предметныхъ уроковъ. Школьное помѣщеніе просторно и хорошо освѣщено. Вездѣ прекрасныя корридоры, по обѣ стороны которыхъ расположены классы. Классы освѣщаются двумя противоположными окнами, шириною почти во всю стѣну и помѣщенными довольно высоко, изъ опасенія несчастныхъ случаевъ. Всюду просторъ и чистота, которые какъ-то особенно бросаются въ глаза, можетъ быть, потому что дѣти-крошки совсѣмъ теряются въ этихъ палатахъ. Дѣти, явившись въ школу, собираются въ ргеаи, помѣщеніе, служащее и столовой, и раздѣвальной, гдѣ они садятся за низенькіе столы, дѣвочки налѣво, мальчики направо, и начинаютъ пѣть подѣ руководствомъ наставницы. На этотъ разъ занималась сама начальница m-me Sucet, пожилая дама, очень умная и симпатичная. Пропѣвъ 2, 3 пѣсенки, дѣти дѣлаютъ нѣчто вродѣ гимнастики, причѣмъ опять таки руководить ими сама начальница. Гимнастика состоитъ въ слѣдующемъ: мальчики и дѣвочки становятся въ двѣ линіи, m-me Sucet продѣлываетъ передъ ними несложныя движенія, сопровождая ихъ припѣвомъ. Дѣти, также напѣвая, повторяютъ за нею движенія. Затѣмъ оба ряда подѣ хлопають claquoit начальницы и въ сопровожденіи прислуги идутъ мѣрнымъ шагомъ на небольшой дворикъ, гдѣ ряды расходятся, направляясь въ cabinets. Оттуда въ томъ же порядкѣ возвращаются въ ргеаи, а затѣмъ поднимаются тихо и чинно въ классы, распѣвая пѣсенки, вродѣ: «Voilà un garçon qui marche, il ne tombe pas» и т. д.

Къ сожалѣнію, я не могла воспользоваться методомъ обученія чтенію, я была тамъ въ концѣ учебнаго года, когда почти всѣ дѣти умѣютъ читать. При мнѣ ихъ заставляли упражняться въ бѣгломъ чтеніи, причѣмъ за хорошее исполненіе наградой служили леденчики, называемые у нихъ «salade russe». Затѣмъ задавали дѣтямъ вопросы изъ пройденнаго. Дѣти рассказывали о фермѣ, называли домашнихъ животныхъ, упоминали о томъ, какую пользу приносятъ они человѣку. Однако, урокъ показался мнѣ скучнымъ и, повидимому, мало интересовалъ дѣтей, такъ какъ отвѣты, даваемые ими, были вялы. Я обратила вниманіе на картины, висѣвшія на стѣнѣ класса. Это были ферма, злаки, плавающая утки и постройка дома; онѣ служатъ, какъ мнѣ объяснили, для предметныхъ уроковъ. Последняя картина показалась мнѣ слишкомъ сложной и специальной для маленькихъ дѣтей. Едва ли они могутъ знать названія такого множества инструментовъ и различныхъ строительныхъ матеріаловъ. Можетъ быть, имѣлось въ виду то обстоятельство, что большинство дѣтей изъ рабочаго класса, и со многими специальными названіями они еще раньше познакомились въ семьѣ. Мнѣ замѣтили, что картина эта еще не изучалась; она, дѣйствительно, считается немного трудной для дѣтей. Вообще, наглядныхъ пособій всюду мало. Для дѣтей, посѣщающихъ Ecoles Maternelles, каникулъ не бываетъ, такъ какъ родители ихъ, занятые трудомъ, принуждены постоянно предоставлять дѣтей попеченіямъ и заботамъ школы. Что

касается учащихся, то они бываютъ свободны поочереды. Послѣ непродолжительныхъ уроковъ дѣти должны были спуститься въ ргеаи для завтрака. Дѣти получаютъ даровой завтракъ отъ города (*cantine scolaire gratuite*). Завтракъ состоялъ изъ супа съ накрошеннымъ въ него бѣлымъ хлѣбомъ, любимаго кушанья французовъ, и нѣсколькихъ маленькихъ ломтиковъ ростбифа съ картофелемъ, зажареннымъ съ тѣмъ искусствомъ, какимъ такъ славится французская кухня. Питье—вино, разбавленное водой, а хлѣбъ дѣти, какъ я уже говорила, приносятъ съ собой изъ дому въ корзиночкахъ. Дисциплина во время завтрака соблюдалась самая строгая, дѣтямъ запрещено говорить, какъ объяснила начальница, по слѣдующей причинѣ: когда дѣти болтаютъ, то ѣдятъ тихо и мало; отъ болтовни они переходятъ къ крику и дракѣ, разливаютъ вино, роняютъ куски на полъ и въ концѣ концовъ встаютъ изъ-за стола голодными и неудовлетворенными. Когда дѣти поѣли и убрали свои корзинки, имъ позволено было порѣзвиться на свободѣ. Обыкновенно въ эти рекреаціи, весьма продолжительныя въ материнскихъ школахъ, дѣти играютъ на дворѣ, но въ день моего посѣщенія тамъ производился ремонтъ, и малютки играли въ ргеаи. По окончаніи рекреаціи дѣтямъ велѣно было вымыться. Для этой цѣли въ залѣ у одной изъ стѣнъ устроенъ рядъ хорошенекыхъ умывальныхъ столиковъ съ искуснымъ механическимъ приспособленіемъ, посредствомъ котораго, не снимая чашки, ее нагибаютъ, и грязная вода легко выливается внутрь. Дѣти начали мыть лицо и руки, болѣе ловкимъ помогали наставницы и прислуга. Послѣ мытья дѣтямъ велѣно было немного поспать. По командѣ всѣ усѣлись за столы, удобно расположивъ грудь и локти, склонили головки и закрыли глаза. Нѣкоторыя изъ малютокъ оглядывались по сторонамъ. Послышался строгій окрикъ начальницы: «*Fermez les yeux*», дѣти послушались и въ самомъ дѣлѣ заснули. Этимъ и закончился мой визитъ. Наружность дѣтей произвела на меня неблагоприятное впечатлѣніе. Бѣдно одѣтыя и, по большей части, некрасивыя, они не отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ.

Очевидно, причиной этому плохая домашняя обстановка. Въ школѣ уходъ и присмотръ за дѣтьми таковъ, какой едва ли можно встрѣтить даже и въ богатыхъ семьяхъ. Опытныя и добросовѣстныя наставницы влагаютъ свою душу въ дѣло ихъ воспитанія и обученія: каждая минута проходитъ для дѣтей и полезно, и пріятно. Прекрасное помѣщеніе и гигиеническія условія школы являются контрастомъ сырмъ и темнымъ комнаткамъ въ 7-мъ этажѣ, гдѣ въ тѣснотѣ ютятся семьи этихъ дѣтей.

Первоначальное обученіе чтенію ведется слѣдующимъ образомъ. Для уроковъ чтенія весьма распространенной является теперь фономимическая метода Гюйо (*Guiau*). Нѣчто въ этомъ

родѣ находимъ въ книгѣ Бунакова «Обученіе грамотѣ». Сперва знакомятъ дѣтей со всѣми гласными буквами, причемъ пользуются звукоподражательнымъ методомъ. Названіе мимической эта метода носить потому, что для согласныхъ звуковъ употребляются знаки, принятые у глухонѣмыхъ. Обученіе чтенію и письму ведется совмѣстно. Учительница пишетъ на доскѣ печатнымъ и рукописнымъ шрифтомъ буквы, затѣмъ слоги прямые и обратные: ba, ab; ca, ac. Всѣ дѣти громко произносятъ, а затѣмъ пишутъ печатныя буквы и цѣлыя слоги на грифельныхъ доскахъ. Учительница пишетъ напр.: e, eu, oe.

Весь классъ читаетъ такъ: первое e=è, второе eu=ë и т. д.

Затѣмъ учительница, вызвавъ ученицу къ доскѣ, диктуетъ довольно трудныя слова, въ которыхъ находятся различныя ò. Ученица должна знать, которые ò слѣдуетъ употребить. Конечно, такое знаніе возможно только въ концѣ года. Все вышесказанное продѣлывалось въ classe enfantine начальной школы. Что касается бѣглого чтенія въ 7-мъ классѣ, то оно велось слѣдующимъ образомъ. Сначала дѣти читали небольшую статью совсѣмъ элементарно по слогамъ, повторяя при каждомъ новомъ слогѣ предшествующій, затѣмъ вторично читали почти не останавливаясь на знакахъ препинанія. Потомъ слѣдовало выразительное чтеніе самой учительницы, и уже послѣ того дѣти читали въ третій разъ гладко и довольно-выразительно.

Какъ извѣстно, съ 91-го года школамъ предписано обращать вниманіе на rédaction и élocution. Упражненіе въ письменномъ пересказѣ привилось всюду и дало ожидаемый результатъ: дѣти безъ малѣйшаго затрудненія пишутъ на заданныя темы. Мнѣ было разрѣшено придумать тему для 4-го класса и я предложила описать народный праздникъ 14-го іюля. Черезъ 10 минутъ мнѣ подали работы, очень недурно написанныя. Навыкъ оказался въ отсутствіи всякихъ колебаній и помарокъ. Всѣ учебники даютъ сюжеты и образцы подобныхъ работъ. Изящное устное изложеніе, столь обычное во Франціи, немного запущено въ начальныхъ школахъ. Нельзя не сочувствовать высшимъ учебнымъ заведеніямъ лицамъ женскимъ и мужскимъ, гдѣ въ письменныхъ работахъ преслѣдуется всякое отклоненіе отъ классическаго языка. Эта строгость необходима при теперешнемъ преобладаніи демократическаго элемента и распространенномъ обычаѣ употреблять argot. Есть argot des salons, argot des écoles, и т. п. Но возвращаясь къ маленькимъ. Замѣчательно то обстоятельство, что дѣтямъ всевозможными способами внушаютъ необходимость успѣвать во всѣхъ занятіяхъ. Тетради, учебники, программы, распредѣленія учебнаго матеріала по мѣсяцамъ,—все направлено къ одной цѣли—пріучить дѣтей не допускать пробѣловъ, а если они есть, не запускать, а восполнять ихъ, и непременно двигаться впередъ.

И такъ разумная дисциплина, исполнительность, усердіе и успѣхъ, какъ логическое послѣдствіе совокупныхъ усилій—вотъ

отличительныя черты французскихъ начальныхъ школъ. Переводятся ученицы, по экзамен. отмѣткамъ, причѣмъ всѣ темы и задачи вырабатываются директрисой. Выпускныхъ ученицъ экзаменуютъ въ думѣ, гдѣ имъ выдается *Certificat d'études*. Кромѣ вѣнковъ и книгъ лучшія ученицы получаютъ *un livret de caisse d'épargne*, т. е. небольшую сумму, положенную на книжку. Книги и вѣнки даются и въ младшихъ классахъ. Такъ какъ экзамены кончаются не вездѣ въ одно время, то въ продолженіе двухъ недѣль и болѣе случается встрѣчать въ omnibusахъ маленькихъ *lauréats*. Дѣтей этихъ сопровождаетъ счастливая мать, одной рукой поправляя на головкѣ непокладистыя лавры, а другой придерживая раззолоченныя книжки. Намъ, русскимъ, неправится этотъ парадъ, но французская публика смотритъ на своихъ *умницы* съ уваженіемъ и улыбается имъ съ пожеланіемъ каникулъ по 1-ое октября.

С. М.

Книжное дѣло у евреевъ,

У евреевъ, этого народа книги, у которыхъ совершенно неизвѣстно, что такое безграмотность, у которыхъ учить дѣтей составляетъ одну изъ самыхъ существенныхъ религиозныхъ обязанностей, отъ которой *никто и никогда* не можетъ быть освобожденъ,—у нихъ-то, говорю я, книга неволью должна играть очень важную роль.

Книга, этотъ вѣчный и неизмѣнный спутникъ всякой азбуки, съ которой евреи хорошо знакомы съ тѣхъ временъ, когда другіе народы о ней понятія не имѣли,—естественно должна была занять въ еврейской жизни особое, исключительное положеніе.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ еврейской жизни книга занимаетъ такое мѣсто, какого она не занимаетъ ни въ какой другой жизни.

Книга у евреевъ это не просто книга, т. е. бумага, которая иногда, очень много терпитъ отъ человѣческой глупости, которую послѣ прочтенія можно бросить, какъ никуда негодный хламъ, а святыня, относительно которой нельзя позволить себѣ ничего непочтительнаго. Никогда правовѣрный еврей книги не броситъ на полъ, не сядетъ на нее, не сунетъ ее куда попало, а если она случайно,

по неосторожности упадет на полъ, онъ считаетъ своимъ долгомъ немедленно подчать ее и благоговѣнно поцѣловать. Даже тогда, когда она приходитъ въ ветхость и истреплется на столько, что сдѣлается негодной къ употребленію, онъ ея не бросить, а положить въ особое, специально приспособленное для этого мѣсто (въ синагогахъ подъ амвономъ), гдѣ она при помощи крысъ сама по себѣ отойдетъ въ вѣчность.

Книга у еврея это не предметъ роскоши, прихоти, а предметъ самой первой необходимости. Вы не найдете того еврейскаго дома (даже самаго бѣднѣйшаго), гдѣ бы не было извѣстнаго количества книгъ; не найдете того еврея (я говорю о правовѣрныхъ), который хотя бы день могъ обойтись безъ той или другой книги. Книга въ домѣ еврея всегда занимаетъ самое почтенное мѣсто; она составляетъ предметъ гордости хозяевъ дома, удовлетворяетъ ихъ тщеславіе.

Естественно, что при такихъ взглядахъ на книгу въ ней всегда должна чувствоваться большая потребность, которая такъ или иначе должна удовлетворяться. Такъ какъ я имѣлъ случай указать какъ плохо удовлетворяется у насъ эта потребность въ «книгѣ» *), то я полагаю, что небезынтересно будетъ увидѣть, какъ удовлетворяется эта потребность у евреевъ. Имъ, какъ говорится, и книги въ руки, они возятся съ книгами не одно столѣтіе; у нихъ безъ книги никто не можетъ обойтись, и можетъ быть, что долготѣнная практика научила ихъ тому, что такъ трудно дается другимъ. Впрочемъ, увидимъ.

До самаго послѣдняго времени у евреевъ издательства въ общепринятомъ смыслѣ вовсе не существовало. За исключеніемъ, такъ сказать, классическихъ и общепотребляемыхъ произведеній, ни одинъ новый авторъ не могъ рассчитывать на то, что найдется охотникъ издать его произведеніе. Помимо того, что и у евреевъ новый авторъ всегда представляетъ собою извѣстный матерьяльный рискъ, но у нихъ еще принято считать издателя отвѣтственнымъ за взгляды, мысли издаваемаго имъ произведенія. А еврейскіе издатели, какъ и всѣ другіе издатели, не всегда, конечно, настолько компетентны, чтобы они могли судить, насколько авторъ подходитъ подъ извѣстную мѣрку.

При такихъ, кажется, далеко неблагоприятныхъ условіяхъ для развитія литературы, она съ теченіемъ времени должна была бы окончательно заглохнуть, а новые авторы совсѣмъ исчезнуть съ лица земли, но не тутъ то было. Еврейская письменность всегда и во всякое время прогрессивно развивалась, а новые авторы въ ней постоянно росли какъ грибы. Нѣтъ, кажется, народа, гдѣ-бы люди питали такую страсть къ письменнымъ принадлежностямъ, какъ евреи. Не всегда, конечно, литература отъ этого выигрывала, но, во всякомъ

*) «Наша книга на базарѣ житейскомъ». «Новое Слово» 1897 г. январь.

случаѣ, типографіи отъ этого никогда въ убыткѣ не бывали. Какъ же, однако, устраивались тѣ безчисленные авторы, которые, въ большинствѣ случаевъ, гораздо богаче фантазіей, чѣмъ деньгами. Какъ они ухитрялись выпускать въ свѣтъ свои сочиненія? Для этого они вотъ что дѣлали; не даромъ видно поговорка говоритъ: что голь на выдумки хитра.

Создавъ «съ Божіею помощію» какое-нибудь «древо жизни» или «сладость меда», а то и «источникъ премудрости», авторъ бралъ въ руки посохъ и въ сопровожденіи своего дѣтища начиналъ странствовать по бѣлу свѣту.

Сначала онъ направлялъ свои стопы къ тѣмъ шатрамъ, гдѣ находятся «столпы израиля» и гдѣ «живые источники бюютъ ключомъ мудрости», и просилъ ихъ удостоить его великой чести прочесть его слабое, недостойное твореніе.

«Столпы» въ этомъ отношеніи народъ очень сговорчивый; они хотя и знамениты, и «слава о нихъ гремитъ по всему міру», но очень доступны, услужливы, а главное, что всегда сдѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для того, чтобы содѣйствовать развитію «науки». И если только «древо жизни» дѣйствительно похоже на дерево, а не на птицу, или корову, то «столпы» считаютъ своимъ долгомъ дать свое письменное «одобреніе», въ томъ духѣ, что вотъ дескать я читалъ и таялъ отъ восторга.

Заручившись нѣсколькими такими «одобреніями» (гаскомотъ), авторъ оставлялъ столповъ въ покоѣ и начиналъ тревожить простыхъ, болѣе состоятельныхъ смертныхъ. Къ простымъ смертнымъ онъ, конечно, являлся не за одобреніями, а за болѣе существеннымъ, т. е. за деньгами. Я, такой-то, написалъ то-то, имѣю одобренія отъ тѣхъ-то, не соблаговолите-ли вы записаться на экземплярчикъ, другой. При господствующиыхъ взглядахъ на книгу и ея автора, разумеется, ни одинъ мало-мальски состоятельный человѣкъ никогда ему въ этомъ не откажетъ. Вѣдь не Богъ вѣсть какія на это требуются деньги, ну, рубль, два, много—три, пять.

Такимъ образомъ, пространствовалъ годъ, полтора, самому бѣдному автору удавалось не только выпустить въ свѣтъ свое «сочиненіе», но еще кое-что и нажить—это зависитъ отъ его терпѣнія, ловкости, умѣнья пустить пыль въ глаза.

Точно такимъ же способомъ распространялась книга, если авторъ оказывался настолько состоятельнымъ, что ему не было надобности предпринимать предварительное, до напечатанія, путешествіе, и могъ выпустить ее въ свѣтъ на свои средства. Но вѣдь, выпустивъ книгу, нужно же ее продать, а на книжномъ рынкѣ новая, неизвѣстнаго автора книга не представляетъ собою почти никакой цѣнности. Что ему остается дѣлать? Онъ забираетъ съ собою книгу и начинаетъ путешествовать: явится онъ въ какой-нибудь городъ, разузнаетъ имена всѣхъ болѣе состоятельныхъ гражданъ этого города и начнетъ стучаться въ ихъ двери. Явится онъ, скажемъ, къ кому-нибудь разбогатѣвшему, еле грамотному, лавочнику Шмюлке, подастъ ему книгу съ авторской надписью (обязательно съ надписью, изъ кото-

рой явствуетъ, что въ знакъ глубокаго уваженія книга преподносится «знаменитому ученому, прославленному благодѣтелю и мудрѣйшему рабѣ Самуилу, да продлятся дни его»—тотъ и растаетъ: вмѣсто рублевки, номинальной цѣны книги, онъ вынетъ трешницу, а то и пятерку. Итакъ изъ одного города въ другой, изъ дома въ домъ, до тѣхъ поръ пока не разойдется все изданіе.

На сколько этотъ способъ издавать, иногда, претолстые фолианты, не имѣя ни гроша денегъ, у евреевъ приобрѣлъ право гражданства и всѣ къ нему привыкли, показываетъ то, что даже теперь, когда еврейское издательство не только идетъ общей дорогой, но во многихъ отношеніяхъ старается опережать другія издательства, «странствующие авторы» еще окончательно не вывелись; они еще продолжаютъ свое дѣло на прежнихъ основаніяхъ. Разница только въ томъ, что прежде авторъ предлагалъ «Древо жизни», «Источникъ премудрости», а теперь онъ предлагаетъ «Страшную мечь», «Приютъ разбойниковъ»—романъ изъ современной жизни. Имѣются даже такіе, которые специально занимаются только тѣмъ, что обиваютъ пороги безбѣдныхъ домовъ и «преподносятъ» хозяевамъ этихъ домовъ издаваемые ими (а не написанныя) книжонки, въ большинствѣ случаевъ самаго вздорнаго содержанія. Можно даже указать на одного, теперь ужъ покойнаго, русскаго писателя, который тоже практиковалъ этотъ способъ распространенія своихъ многочисленныхъ, надо правду сказать, далеко не интересныхъ сочиненій. Но что любопытно въ этомъ отношеніи это то, что нѣкій полуграмотный субъектъ, соблазнившись лаврами ярыхъ юдофобовъ, сталъ выпускать брошюрки съ самыми нелѣпыми обвиненіями противъ евреевъ, и при всемъ томъ у этого субъекта хватало нахальства являться въ еврейскіе дома и брать за нихъ рубли... Что значитъ сила традицій, привычка пасовать передъ умственнымъ превосходствомъ. У человѣка, можетъ быть, отъ бѣшенства сжимаются кулаки, а онъ вмѣсто того, чтобы дать субъекту въ шею, сбросить его съ лѣстницы, вынимаетъ рубль, даетъ: на и убирайся.

При такихъ оригинальныхъ и своеобразныхъ приемахъ издательства еврейская письменность, конечно, никогда не чувствовала недостатка въ новыхъ книгахъ. И хотя, благодаря этому своеобразному способу, являлось очень много такихъ книгъ, безъ которыхъ евреи совершенно свободно, безъ всякаго нравственнаго ущерба, могли бы обойтись, но несомнѣнно и, то, что, благодаря этому же способу, на свѣтъ Божій явилось очень много цѣнныхъ книгъ, которыя составляютъ украшеніе еврейской литературы.

Но вѣдь въ еврейской письменности самое главное и цѣнное не то, что пишется и издается теперь, а то что ужъ давнымъ-давно написано и десятки, а то и сотни разъ издано, то, что на книжномъ рынкѣ составляетъ ходкій товаръ. Какъ же этотъ товаръ распространяется и какъ онъ проникаетъ въ самые отдаленнѣйшіе уголки? Вѣдь для еврейскаго «читателя» аргументъ: «нѣтъ» далеко не такъ убѣдительно, какъ для всякаго другого; есть книги, безъ которыхъ они никоимъ образомъ обойтись не могутъ; ни одинъ молитвенный

домъ немислимъ безъ болѣе или менѣе значительной библиотеки. Какъ же и гдѣ книги покупаются? Трудно же предположить, чтобы въ каждомъ захолустномъ городишкѣ (иногда съ двумя, тремя десятками домовъ) существовали книжныя торговли. Да, дѣйствительно, книжныхъ лавокъ не только нѣтъ въ маленькихъ городкахъ, но ихъ сравнительно очень мало и въ большихъ. Вообще книжная торговля, въ общепринятомъ смыслѣ, у евреевъ, повидимому, совершенно не развита. Даже въ центральныхъ пунктахъ вы не увидите роскошныхъ магазиновъ, заваленныхъ товаромъ, и, судя по грязнымъ лавчонкамъ, которыя торгуютъ еврейскими книгами, вы можете подумать, что эта отрасль находится у нихъ въ совершенномъ упадкѣ. Но это только до тѣхъ поръ, пока вы основательно не ознакомитесь съ тѣмъ, какъ у нихъ ведется это дѣло. Все дѣло у нихъ не въ осѣдомомъ книжникѣ, а въ странствующемъ. Странствующій книжникъ это исторически выработанный типъ, у котораго свои приемы, манеры, традиции. Онъ то и есть самый главный посредникъ между производителемъ книжнаго товара и его потребителями. Странствующій книжникъ никогда не сидитъ на мѣстѣ, вѣчно онъ передвигается съ одного мѣста на другое, и нѣтъ того уголка, куда бы онъ не проникать и, такъ сказать, не поставлялъ бы товаръ на домъ. Онъ не ждетъ, пока кому нибудь не понадобится книга, и онъ пойдетъ ее отыскивать; онъ самъ отыскиваетъ покупателя. Это не то, что нашъ офеня, у котораго и товара то всего на грошъ, и товаръ то нигуда не годный, нѣтъ, это въ большинствѣ случаевъ человекъ, очень свѣдущій въ книгахъ, который знаетъ «книгу» не по ея обложкѣ, цѣнѣ, а по содержанію, и товара у него иногда больше, чѣмъ въ другой лавкѣ. Впрочемъ, послѣднее зависитъ отъ его средствъ.

Закупаютъ онъ, разумѣется, свой товаръ въ «складѣ», который иногда помѣщается на заднемъ дворѣ (кому онъ нуженъ, тотъ его отыщеть), нагружаетъ имъ мѣшки и по случайнымъ подводамъ, оказіямъ (ему торопиться нечего) медленно начинаетъ передвигаться изъ одного города въ другой.

Прибывъ въ какой-нибудь городъ, ему нѣтъ надобности отыскивать гостиницу, заѣзжій дворъ; его гостиница всегда готова и всегда къ его услугамъ; онъ прямо подъѣзжаетъ къ синагогѣ, молитвенному дому и начинаетъ перетаскивать туда свои мѣшки. И никакихъ разрѣшеній, дозволеній на это не требуется? Ровно никакихъ. Книжная торговля—дѣло святое, и производится она можетъ въ храмѣ Божіемъ. Храмъ Божій, по понятіямъ евреевъ, не оскверняется никакимъ добрымъ дѣломъ, хотя бы и такимъ, которое не имѣло бы прямого и непосредственнаго отношенія къ молитвѣ. Поэтому-то мы видимъ, что молитвенные дома очень часто представляютъ собою страннопріимные дома, гдѣ всякій странникъ можетъ найти себѣ пріютъ; въ нихъ же въ большинствѣ случаевъ помѣщаются общественныя училища, словомъ, что въ нихъ дѣлается многое такое, что на первый взглядъ кажется несовмѣстнымъ съ домомъ молитвы.

Перетаскивъ свои мѣшки въ молитвенный домъ, книжникъ зани-

масть ближайшій къ выходу столъ, раскладываетъ на немъ свой товаръ, и торговля открыта.

Торговля открыта даже въ томъ случаѣ, когда самъ книжникъ ушелъ куда-нибудь или легъ спать; сами покупатели (которые всегда толпятся вокругъ стола) ужъ разберутся въ товаръ, и если кому-нибудь изъ нихъ понравится книга, и онъ захочетъ ее купить, онъ подождетъ книжника или придетъ въ другой разъ. Но вѣдь могутъ же книги растащить? Вотъ ужъ именно этого у евреевъ никогда не бываетъ. Случается, что книжникъ стоитъ въ молитвенномъ домѣ двѣ, три недѣли, товаръ его разложенъ, открытъ днемъ и ночью, а его самого увидишь только во время молитвъ—и ничего, книги остаются въ цѣлости. Да если-бъ у евреевъ была развита «слабость» относительно книги, то было бы немислимо существованіе въ каждомъ молитвенномъ домѣ (даже самомъ бѣднѣйшемъ) общественной библиотеки, которая никогда даже не запирается. Приходи, бери любую книгу и читай (тутъ же, на домъ брать нельзя). Въ этомъ отношеніи надо отдать правовѣрнымъ евреямъ справедливость—они безукоризненны.

Поторговавъ такимъ образомъ въ одномъ молитвенномъ домѣ, книжникъ передвигается въ другой, а завершивъ торговлю въ одномъ городѣ, онъ ѣдетъ въ другой и такъ до тѣхъ поръ, пока ему не встрѣтится надобность возобновить запасъ своего товара. Такихъ книжниковъ сравнительно очень много, и нѣтъ того захолустнаго городка, гдѣ бы въ продолженіе года не побывало десять, пятнадцать книжниковъ.

Въ послѣднее время между книжниками стали попадаться очень любопытные экземпляры, которыхъ, если такъ можно выразиться, можно назвать тайными агентами просвѣщенія. По своей внѣшности, приѣмамъ они ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ остальныхъ книжниковъ; у нихъ тѣ же традиціонныя, общеизвѣстныя книги, но это только до тѣхъ поръ, пока они не подмѣтятъ подходящаго субъекта. И стоитъ имъ только сдѣлать заключеніе, что «тутъ можно», какъ у нихъ немедленно же, Богъ вѣсть откуда являются такія книги, которыхъ ни одинъ правовѣрный еврей въ руки не возьметъ.

Таково общее традиціонное положеніе книжнаго дѣла у евреевъ.

Но время беретъ свое; жизнь перестала удовлетворяться тѣмъ книжнымъ товаромъ, которымъ снабжало ее традиціонное издательство; явился спросъ на товаръ свѣжій, современный, съ просвѣтительными задачами. Въ какихъ бы то ни было авторахъ у евреевъ никогда не достатка не было, весь вопросъ слѣдовательно тутъ заключался только въ издательствѣ.

Лѣтъ 30—40 тому назадъ издательство просвѣтительныхъ книгъ велось традиціоннымъ, вышеупомянутымъ способомъ, т. е. издавъ книгу, авторъ разносилъ ее по домамъ людей, склонныхъ къ просвѣщенію. Въ послѣднее однако-жъ время, издательство, такъ называемыхъ, свѣтскихъ книгъ выбилося изъ своей узкой колеи и, благодаря обычной практической еврейской смѣткѣ, вышло на широкую дорогу.

Самая слабая сторона всякаго издательства, какъ извѣстно, за-

ключается въ томъ, что между авторствомъ и издательствомъ лежитъ глубокая денежная пропасть. Авторъ пишетъ, а издаетъ то, что онъ пишетъ, въ большинствѣ случаевъ челоуѣкъ, который ничего не пишетъ, а только имѣетъ деньги. При такомъ положеніи дѣла, помимо того, что задача всякаго издателя заключается въ томъ, чтобы заплатить автору, по возможности, меньше за его трудъ, но это еще сильно отражается на качествѣ «книги». «Издатель» всегда скорѣе бросится не на то, что *лучше*, интереснѣе съ литературной стороны, а на то, что, по его мнѣнію, скорѣе пойдетъ.

Въ послѣднее время еврейскіе авторы сумѣли очень ловко обойти ту пропасть, которая раздѣляетъ автора отъ издателя; они сами сдѣлались издателями.

Что-жь, всё они разбогатѣли, или открыли какую-нибудь Калифорнію? Ничуть не бывало. Въ большинствѣ случаевъ всё они такіе же бѣдняки, какими были до этого. Они разсудили, что если между ними нѣтъ большихъ капиталистовъ, то изъ этого однако-жь вовсе не слѣдуетъ, чтобы между ними не нашлись люди, у которыхъ имѣются маленькія деньги. А изъ копѣекъ, какъ извѣстно, составляются рубли и т. д. Вопросъ, слѣдовательно, тутъ только въ томъ, чтобы сговориться, столковаться, сумѣть организовать дѣло, поставить его на практическую почву. Надо полагать, что они сумѣли это сдѣлать, потому что въ продолженіе послѣднихъ 10 лѣтъ у нихъ возникаютъ два большія издательскія товарищества: первое подъ названіемъ «Тушія», а второе подъ названіемъ «Ахіасафъ».

Оба товарищества на паяхъ (по 200 р. пай) и оба они имѣютъ одну и ту же цѣль издавать и распространять полезныя книги.

Главный контингентъ пайщиковъ этихъ товариществъ составляютъ писатели, которые работаютъ для своихъ товариществъ. Дѣлами этихъ товариществъ завѣдуетъ избранный изъ среды пайщиковъ редакціонный-административный комитетъ изъ пяти лицъ, который дѣйствуетъ совершенно самостоятельно. Произведеніе товарища можетъ быть комитетомъ такъ же забраковано какъ и произведеніе не товарища. За свой трудъ товарищъ получаетъ такую же опредѣленную плату какъ и всякій другой. Короче, въ отношеніи каждаго товарища въ отдѣльности товарищества стараются стать на чисто коммерческую ногу и соблюсти общіе интересы. Само собою разумѣется, что комитетъ обязанъ давать отчетъ общему собранію пайщиковъ (ежегодно), что отъ общаго же собранія зависитъ утвержденіе смѣты расходовъ, словомъ, за исключеніемъ литературной части, дѣла этихъ товариществъ ведутся на чисто-акціонерныхъ началахъ. Комитеты обоихъ товариществъ находятся въ Варшавѣ.

Оба товарищества за время своего существованія сумѣли выпустить въ свѣтъ массу самыхъ разнообразныхъ книгъ.. Судя по той массѣ книгъ, которая выпускается этими товариществами, надо полагать, что оборотъ ихъ довольно таки значителенъ, что работаютъ они не на десятки тысячъ, а на сотни. А если судить потому, что авторы, которые работаютъ для этихъ товариществъ, получаютъ прекрасный гонораръ за свой трудъ (роскошь, о которой до товари-

шесть еврейскій авторъ и мечтать не могъ), то можно съ увѣренностью сказать, что дѣла этихъ товариществъ идутъ хорошо.

Нужно замѣтить, что оба товарищества въ своей дѣятельности не преслѣдуютъ исключительно коммерческихъ цѣлей, а задаются болѣе высокими задачами. И надо отдать этимъ товариществамъ справедливость, что работаютъ они умѣло, добросовѣстно и съ большимъ знаніемъ дѣла. Они издали массу очень полезныхъ книгъ. Въ объявленіяхъ и каталогахъ этихъ товариществъ, помимо специально еврейскихъ авторовъ, между которыми имѣются очень талантливые люди, которые не ударили бы лицомъ въ грязь и въ другихъ литературахъ, встрѣчаются такія имена (въ переводахъ на древне-еврейскій языкъ) какъ: Берне, Шпильгагенъ, Карно («Французская революція»), лордъ Байронъ, Ауэрбахъ, Бертъ («Исторія земли») Шекспиръ, Гольдсмитъ, (Векфильдскій священникъ»), Генрихъ Гейне, Гете, графъ Левъ Толстой, Мольеръ, Диккенсъ, Тургеневъ, Гончаровъ, В. Короленко и масса другихъ общезвѣстныхъ именъ. Нѣтъ области, отрасли въ наукѣ, куда бы не успѣли заглянуть эти товарищества и взять тамъ болѣе или менѣе замѣтное, существенное. Въ одномъ только объявленіи я насчиталъ до 150 біографическихъ очерковъ замѣчательныхъ людей всевозможныхъ національностей. Словомъ, по всему видно, что люди не балуются, а работаютъ серьезно и на всѣхъ парахъ.

Какъ же они распространяютъ свой товаръ? А очень просто. Въ дѣлахъ товарищества заинтересована масса людей, которые разсѣяны по всѣмъ городамъ, и вопросъ о распространеніи разрѣшается самъ собой. Каждый пайщикъ у нихъ коммисіонерствуетъ. Имъ даже нѣтъ надобности дѣлать своимъ коммисіонерамъ уступки на товаръ, потому что работая для товарищества, каждый изъ нихъ въ то же время работаетъ и для себя.

Такимъ образомъ почти, какъ говорится, изъ ничего люди создали большое дѣло, дѣло, которое приноситъ большую пользу евреямъ и тѣмъ, которые его создали. И замѣйте, что вся то новѣйшая еврейская литература, ея читатели писатели, въ сравненіи съ такой, скажемъ, литературой, какъ русская, это ничтожный муравейникъ. Какихъ же, спрашивается, результатовъ можно было бы добиться, еслибъ чтонибудь подобное могли организовать русскіе писатели?

Н. Пружанскій.

Что такое статистика?

Въ жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ замѣчается движеніе, которое, повидимому, имѣетъ своей цѣлью существенное измѣненіе всего общественнаго строя. Еще сравнительно недавно полагали, что этому движенію не слѣдуетъ придавать большого значенія. Въ немъ видѣли дѣло отдѣльныхъ агитаторовъ или мечтателей, съ которыми не стоило спорить. Новыя соціальныя теоріи или совершенно игнорировались или были встрѣчаемы съ снисходительной улыбкой. Такъ называемое общественное мнѣніе было занято другими дѣлами и вопросами.

Однако это движеніе все росло, охватывало все большіе слои населенія, становясь матеріально и нравственно все болѣе сильнымъ и могущественнымъ, и вскорѣ стало привлекать на себя вниманіе и тѣхъ, которые мнятъ себя вершителями судебъ народовъ. И наука, которая еще не такъ давно считала униженіемъ своего достоинства заниматься соціальнымъ движеніемъ, стала теперь съ особеннымъ интересомъ слѣдить за всѣми его фазисами и сдѣлала его излюбленнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій; такой же переворотъ произошелъ въ умахъ политиковъ, для которыхъ соціальное движеніе сдѣлалось самымъ очереднымъ вопросомъ.

Обстоятельство это, естественно, должно было повести къ тому, что изученіе соціальныхъ явленій сдѣлалось предметомъ чрезвычайной важности; чувствовалась необходимость найти научное объясненіе этихъ явленій; стали доискиваться законовъ, управляющихъ общественною жизнью, и добиваться точнаго опредѣленія ихъ дѣйствія.

Если спросимъ теперь, много ли наука успѣла въ этомъ отношеніи, какихъ она достигла результатовъ,—то придется сознаться, что до сихъ поръ можно говорить только о первыхъ шагахъ, о первыхъ попыткахъ. Однако эти первые шаги таковы, что не приходится слишкомъ тревожиться за судьбу интересующихъ насъ здѣсь изслѣдованій; напротивъ, все указываетъ на то, что наука и въ этой новой, дѣвственной области принесетъ роскошные плоды, если только она не свернетъ съ того пути, по которому она шествуетъ въ настоящее время.

Путь, о которомъ здѣсь ведется рѣчь, это—примѣненіе статистики къ изслѣдованію общественныхъ явленій: съ помощью послѣдней научное, точное изслѣдованіе этихъ явленій стало только возможно. Этимъ путемъ подготовлена почва для дѣйствительнаго осуществленія задачъ, которыя должна себѣ поставить истинная наука жизни общества, такъ называемая социологія.

Замѣчательно, однако, то, что не смотря на только что упомянутое обстоятельство, не смотря на то, что статистика играетъ столь въ высшей степени важную роль въ области изслѣдованій общественныхъ явленій, она еще до сихъ поръ принадлежитъ къ тѣмъ отраслямъ знанія, о которыхъ въ общемъ хотя и много говорятъ, но о которыхъ въ то же время имѣютъ весьма недостаточное, если не прямо таки превратное, представленіе. Стоить только спросить одного изъ тѣхъ газетныхъ «писателей», которые столь охотно ссылаются на статистику, что такое собственно представляетъ собою эта статистика, чтобы легко убѣдиться въ справедливости этого утвержденія. Въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста отвѣтъ получится такого характера, что всѣ попытки разгадать его истинный смыслъ, безъ сомнѣнія, останутся тщетными.

Среди болѣе образованной части читающей публики съ названіемъ «статистика» связывается обыкновенно представленіе о безчисленныхъ, довольно запутанныхъ рядахъ цифръ и таблицъ, одного взгляда на которые въ большинствѣ случаевъ достаточно, чтобы навести страхъ на читателя и внушить ему мысль о томъ, что едва ли существуетъ предметъ болѣе сухой и скучный, чѣмъ статистика. Люди этого круга, изрѣдка хотя и склонны сослаться на «доказательства» статистики, въ особенности когда дѣло идетъ о какой нибудь социально-политической темѣ, въ общемъ же придерживаются того взгляда, что заниматься статистикой, кромѣ государственныхъ чиновниковъ, которые обязаны заниматься этимъ по должности, могутъ развѣ только черствые кабинетные ученые, находящіе особое удовольствіе въ сухихъ выкладкахъ и вычисленіяхъ.

Это непониманіе значенія статистики, это отвращеніе, замѣчаемое къ ней среди образованной публики, нельзя однако ставить послѣдней въ вину. Какъ ни страннымъ кажется это явленіе, однако не трудно найти для него объясненіе. То, что еще до послѣдняго времени предлагалось публикѣ подъ видомъ статистики, представляло собою на самомъ дѣлѣ болѣею частью не что иное какъ болѣе или менѣе длинныя ряды цифръ, собранія таблицъ большого или меньшаго объема, составленіе которыхъ хотя и стоило большого труда, но которые при болѣе близкомъ разсмотрѣніи имѣли исключительно характеръ сырого матеріала, который только еще требовалъ научной обработки. Эти ряды цифръ, эти таблицы не представляли собой статистики въ истинномъ смыслѣ этого слова, а въ лучшемъ случаѣ лишь *статистическій матеріалъ*. Въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись предъ глазами публики, они весьма мало были въ состояніи способствовать увеличенію знаній въ какомъ бы то ни было отношеніи, особенно если принять во вниманіе то, что они при

томъ въ большинствѣ случаевъ не отличались особенной достовѣрностью.

При всемъ томъ существовало еще одно обстоятельство, которое въ значительной степени мѣшало образованію яснаго представленія о статистикѣ. Это послѣднее заключалось въ томъ, что сами специалисты долгое время не могли придти ни къ какому соглашенію относительно основныхъ вопросовъ статистики. Вопросы—что служить объектомъ статистическаго изслѣдованія, какими средствами должно это изслѣдованіе пользоваться, какая цѣль должна имѣть преслѣдоваться и т. д.—давали поводъ къ безконечнымъ спорамъ. Даже относительно вопроса о томъ, является ли статистика самостоятельной наукой или нѣтъ, ученые не могли придти къ одному общему мнѣнію.

При такихъ условіяхъ накопившійся матеріалъ только въ рѣдкихъ случаяхъ могъ быть подверженъ дѣйствительно научной обработкѣ, а гдѣ это и случалось, то результаты этой обработки вслѣдствіе отсутствія объективныхъ, устойчивыхъ точекъ зрѣнія большей частью носили въ столь значительной степени отпечатокъ произвольности, что нельзя было признать за ними почти никакого болѣе общаго значенія.

Задача этой статьи показать, что слѣдуетъ въ настоящее время понимать подъ статистикой и чего можно отъ нея ожидать. На вопросъ, что такое статистика?—отвѣтить сразу какимъ нибудь опредѣленіемъ не значило бы выполнить поставленную задачу, ибо не существуетъ ни одного опредѣленія статистики, которое могло бы претендовать на всеобщее признаніе. Можно насчитать болѣе семидесяти опредѣленій, а это обстоятельство ясно показываетъ, насколько специалисты все еще не разобрались въ этой области. Присматриваясь однако ближе къ существующимъ опредѣленіямъ статистики, можно убѣдиться, что всѣ разногласія главнымъ образомъ имѣютъ своимъ основаніемъ одинъ и тотъ же пунктъ и именно упомянутый выше вопросъ—*слѣдуетъ ли считать статистику самостоятельной наукой или нѣтъ*. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, можно считать основнымъ, ибо то или иное его рѣшеніе имѣетъ весьма важное вліяніе на опредѣленіе задачъ и цѣлей данныхъ изслѣдованій. Если при томъ принять во вниманіе, что въ то время, какъ на статистику съ одной стороны смотрятъ, какъ на науку объ общественномъ организмѣ, какъ на науку о законахъ общественной жизни, или даже какъ на всеобъемлющую науку, охватывающую цѣлый рядъ другихъ отраслей знанія, съ другой стороны ее считают просто искусствомъ, пригоднымъ лишь для чисто практическихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами истинной науки, то станетъ яснымъ, что споръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, является для статистики прямо таки жизненнымъ вопросомъ. Для статистики ни коимъ образомъ не можетъ быть безразличнымъ, съ одной стороны разрушать надежды, на нее возлагаемыя, и съ другой быть незаслуженнымъ образомъ оцѣненной ниже своего достоинства, видѣть себя принимаемой не въ надлежащемъ мѣстѣ или невѣрно истолко-

ванной и исковерканной. Какъ то, такъ и другое ставить статистику въ довольно ложное и непріятное положеніе и вредить ей въ глазахъ образованнаго міра. Этимъ же обстоятельствомъ и объясняется постоянное возвращеніе статистиковъ къ упомянутому спору, отсюда желаніе разъ навсегда съ нимъ покончить.

При болѣе зрѣломъ размысленіи оказывается, что статистика столь же мало можетъ считаться самостоятельной наукой, какъ и простымъ искусствомъ.

Высшая и важнѣйшая цѣль каждой науки состоитъ несомнѣнно въ томъ, чтобы открывать законы, дѣйствующіе въ подлежащей ей изслѣдованію области и опредѣлять ихъ дѣйствіе. Вся современная наука основана на признаніи абсолютнаго господства строгой законмѣрности во всѣхъ областяхъ человѣческаго познания. И эта законмѣрность по своей сущности одинакова для всѣхъ явленій, повсюду означая не что иное, какъ то, что одна и та же причина постоянно влечетъ за собою одно и то же слѣдствіе, и что одинаковыя слѣдствія предполагаютъ одинаковыя причины.

На общемъ признаніи господства законмѣрности человѣческой умъ однако не останавливается: ему недостаточно констатировать только существованіе этого голаго факта; онъ кромѣ того стремится опредѣлить истинный смыслъ этой законмѣрности для каждой отдѣльной области; другими словами, онъ стремится отыскать дѣйствительныя причины явленій данной области и понять эти явленія, какъ слѣдствія найденныхъ причинъ. При этомъ задача заключается въ томъ, чтобы найти *последнія, первичныя* причины, т. е. тѣ элементарныя силы, которыя по природѣ своей являются постоянно неизмѣнными и слѣдовательно постоянно производящими одинаковое дѣйствіе. Научное познание и опредѣленіе этихъ силъ заключается въ томъ, что стараются установить особыя формулы, разъ навсегда опредѣляющія характеръ ихъ дѣйствія, каковыя формулы могутъ быть безъ дальнѣйшаго примѣняемы всюду, гдѣ только встрѣчаются данныя силы. Такъ напр. законъ тяготѣнія выражается формулой, въ которой отражается процессъ тяготѣнія точно такъ, какъ онъ всегда и всюду проявляется въ дѣйствительности. Соотвѣтственно этому число, мѣра и вѣсь являются тѣми элементами, посредствомъ которыхъ единственно возможно достигнуть точнаго знанія, такъ какъ, говоря словами философа Рилля, только то знаніе можетъ считаться точнымъ, содержаніе котораго возможно выразить особыми относительными величинами.

Если съ этой точки зрѣнія будемъ разсматривать статистику, то намъ станетъ очевиднымъ, что здѣсь не можетъ быть рѣчи о вышеупомянутыхъ цѣляхъ истинной науки. Статистика не ставитъ и не можетъ ставить себѣ задачи опредѣлить конечныя причины явленій и установить общіе законы. Свойства статистическаго метода, какъ мы увидимъ ниже, не таковы, чтобы быть въ состояніи разрѣшать подобныя задачи. То, что даетъ статистическое изслѣдованіе, хотя и обогащаетъ нашъ опытъ въ весьма значительной степени, является однако недостаточнымъ для того, чтобы привести къ уста-

повленію законовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Статистика собираетъ съ извѣстной точки зрѣнія препарированныя свѣдѣнія, оказывающіяся весьма пригоднымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго научнаго изслѣдованія. А то, что привыкли называть статистическими законами, не имѣетъ въ дѣйствительности ничего общаго съ законами, о которыхъ рѣчь была выше; значеніе статистическихъ законовъ крайне ограничено вполнѣ опредѣленными случаями, да и здѣсь значеніе это имѣетъ весьма относительный характеръ.

Уже на основаніи этихъ простыхъ соображеній право статистики на званіе самостоятельной науки должно считать весьма сомнительнымъ. Но помимо этого необходимо принять во вниманіе еще слѣдующее: каждая наука должна прежде всего имѣть свою собственную область; имѣть объектъ, на который исключительно распространялись бы ея изысканія. Таковымъ объектомъ служить обыкновенно или особый рядъ предметовъ или явленій, могущихъ быть разсматриваемыми и изслѣдуемыми съ опредѣленной точки зрѣнія, или же опредѣленное сочетаніе свойствъ извѣстныхъ фактовъ вещественнаго или невещественнаго характера, которыя по сходству своего внутренняго содержанія могутъ быть отнесены къ одному и тому же разряду. Въ томъ и въ другомъ случаѣ область каждой науки должна быть ясно и точно очерчена.

Какъ же обстоитъ въ этомъ отношеніи дѣло со статистикой? Рядъ изслѣдователей указываетъ статистикѣ мѣсто въ системѣ государственныхъ или общественныхъ наукъ; изъ этого выходитъ, что по мнѣнію этихъ изслѣдователей, статистика имѣетъ своимъ объектомъ опредѣленную область государственной или общественной жизни. Однако это мнѣніе оказывается далеко неосновательнымъ. Какая же собственно сторона государственной или общественной жизни разсматривается статистикой? При нѣкоторомъ размышленіи отвѣтъ, очевидно, долженъ гласить: всѣ области вмѣстѣ взятыя, но ни одна изъ нихъ исключительно. Какую бы сторону общественной жизни мы ни взяли, всюду найдется основаніе для примѣненія статистики; и дѣйствительно, не существуетъ ни одной стороны, ни одной области общественной жизни, которая бы прямо не нуждалась въ статистическомъ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе въ громадной массѣ явленій государственной и общественной жизни нельзя выдѣлить ни одной группы, которую можно было бы считать предметомъ преимущественно статистическаго изслѣдованія. Все, къ чему примѣняется статистика, принадлежитъ въ то же время и къ области другихъ наукъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отдѣльныя науки имѣютъ свои собственные объекты, различіе, существующее между ними, дано само собою. Но и тогда, когда различныя науки изслѣдуютъ одинъ и тотъ же предметъ, можно заранѣе опредѣлить ту особую сторону, на которую каждая изъ этихъ наукъ имѣетъ исключительное право. Такъ, напр., физическія свойства предмета точно отличаются отъ свойствъ химическихъ или физиологическихъ, смѣшеніе здѣсь никогда произойти не можетъ. Статистическія же стороны или статистическія свойства предмета никакъ отыскать нельзя, по той простой причинѣ,

что таковой или таковых вовсе нѣтъ. Различные предметы, факты, явленія могутъ быть разсматриваемы съ статистической точки зрѣнія; но «статистическій элементъ», если можно такъ выразиться, не является свойствомъ изслѣдуемаго предмета, а составляетъ характеристическую особенность даннаго рода изслѣдованія. Въ виду этого очевидно, что статистика ни коимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ разряду общественныхъ наукъ.

Допустимъ на время, что статистика является самостоятельной наукой, то и по другимъ причинамъ весьма сомнительно, почему ее слѣдуетъ причислить именно къ государственнымъ или общественнымъ наукамъ. Извѣстно, что статистика находитъ свое примѣненіе не только при изслѣдованіи явленій общественной или государственной жизни. Вѣдь существуютъ же различныя статистики, которыя съ государственною или общественною жизнью не имѣютъ ничего общаго. Такъ напр., существуетъ метеорологическая статистика, астрономическая статистика, статистика растений и животныхъ и т. д. Съ равнымъ правомъ или, вѣрнѣе, равно ошибочно можно бы причислить статистику и къ системѣ естественныхъ наукъ.

Изъ вышесказаннаго видно, что статистикѣ не можетъ быть отведено никакой исключительной области. Напротивъ того, статистика съ каждымъ разомъ получаетъ все большее примѣненіе, на все большее число предметовъ распространяется ея изслѣдованіе, по мѣрѣ того какъ съ успѣхами знанія укрѣпляется убѣжденіе, что область явленій, для изученія которыхъ методы, находившіеся до-толѣ въ употребленіи, оказываются недостаточными, постоянно увеличивается.

Стремленіе провозгласить статистику самостоятельной наукой является, однако, не только ошибочнымъ съ теоретической точки зрѣнія, но и заключаетъ въ себѣ опасность, которую не слѣдуетъ игнорировать. То обстоятельство, что статистика не въ состояніи открыть и установить первичные законы, навело многихъ сторонниковъ мнѣнія, что статистика есть наука объ общественной жизни, на мысль, что при изслѣдованіи общественныхъ явленій вообще невозможно достигнуть той точности и объективности, которыя достигнуты естественными науками. На основаніи вышеупомянутаго обстоятельства нѣкоторые ученые нашли возможнымъ прямо-таки утверждать, что въ общественной жизни вообще не господствуетъ такой строгой законмѣрности, какая существуетъ въ естественныхъ явленіяхъ природы; что во всякомъ случаѣ законмѣрность, проявляющаяся въ общественной жизни чрезвычайно своеобразна, и что для этой законмѣрности ни въ какомъ случаѣ нельзя установить общихъ формулъ, которыя имѣли бы характеръ постоянства и устойчивости. Очевидно, что если бы дѣло въ дѣйствительности такъ обстояло, какъ полагаютъ защитники упомянутаго воззрѣнія, то изслѣдованіе общественныхъ явленій находилось бы въ весьма плачевномъ положеніи. Наше знаніе въ этой области не могло бы претендовать на эпитетъ «научнаго», если бы въ самомъ дѣлѣ оказалось, что невозможно разобраться въ путаницѣ общественныхъ явленій, разло-

жить их на составныя части и открыть порядок, существованіе котораго мы должны на основаніи нашего логическаго мышленія въ нихъ предполагать. Къ счастью дѣло обстоитъ совершенно иначе! И надо сказать, что какъ разъ статистика и въ состояніи всецѣло опровергнуть приведенный выше взглядъ на характеръ общественныхъ явленій.

Если мы обратимся теперь къ тому воззрѣнію, согласно которому статистика является простымъ искусствомъ, то не потребуется обширныхъ разсужденій, чтобы показать совершенную его неосновательность. Стоитъ только указать на то, что посредствомъ различныхъ искусствъ хотя и можно, правда, достигнуть весьма цѣнныхъ для практики результатовъ, но никогда нельзя достигнуть такихъ результатовъ, какіе даетъ намъ статистическое изслѣдованіе, результатовъ, имѣющихъ весьма важное значеніе съ точки зрѣнія теоріи познанаія и увеличивающихъ непосредственный запасъ нашего положительнаго знанія.

Спрашивается, что же такое статистика, если ее нельзя считать ни самостоятельной наукой, ни простымъ искусствомъ? Отвѣтимъ пока на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: *статистика является особымъ методомъ научнаго познанаія, который примѣняется къ ряду своеобразно составленныхъ феноменовъ, которые съ одной стороны не обладаютъ собственной индивидуальностью и съ другой не могутъ быть причислены къ разряду типичныхъ явленій.* Какіе это феномены и въ чемъ состоитъ особенность этого метода? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ конкретной области научнаго изслѣдованія, въ которой статистическій методъ получилъ впервые обширное примѣненіе и гдѣ онъ, какъ видно по всему, въ будущемъ несомнѣнно принесетъ наилучшіе плоды; мы имѣемъ здѣсь въ виду область общественной жизни.

Выше было указано на то, что нѣкоторые представители статистики утверждаютъ, что изслѣдованіе области общественной жизни не можетъ производиться тѣмъ же путемъ, какъ изслѣдованіе явленій природы, и что нельзя рассчитывать на то, чтобы по отношенію къ общественнымъ явленіямъ можно было когда либо достигнуть строгой достовѣрности и точности выводовъ. Мнѣніе это проповѣдуется не только отдѣльными специалистами, оно напротивъ является вообще самымъ распространеннымъ; съ нимъ то юной социологии т. е. наукѣ объ обществѣ и приходится болѣе всего бороться. Воззрѣніе это основывается преимущественно на утвержденіи, что естественныя явленія можно подраздѣлить на извѣстное число классовъ и родовъ, въ границахъ которыхъ каждое явленіе имѣетъ весьма типичный характеръ; въ то время, какъ явленія общественной жизни представляютъ собою чрезвычайное разнообразіе и большую неопредѣленность, вслѣдствіе чего въ нихъ почти совсѣмъ нельзя услѣдить никакой регулярности. Изслѣдованіе явленій природы не представляетъ поэтому большихъ трудностей, такъ какъ ему приходится имѣть дѣло лишь съ типомъ; приобретенные при изслѣдованіи типа результаты имѣютъ значеніе безъ дальнѣйшаго для каждого отдѣль-

наго индивидуума данной категоріи. При изслѣдованіи же общественных явленій подобный методъ не привелъ бы ни къ какому существенному результату.

И дѣйствительно, вдумываясь въ характеръ тѣхъ и другихъ явленій, приходится сознаться, что приведенныя утвержденія въ нѣкоторомъ смыслѣ вполне справедливы. Тѣмъ не менѣе выводъ, дѣлаемый на основаніи этихъ утверждений, возможенъ лишь путемъ логическаго *salto mortale*. И въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ правомъ можно утверждать, что разъ извѣстный способъ изслѣдованія, извѣстный методъ, примѣненный къ какому нибудь объекту, не приводитъ ни къ какимъ научнымъ результатамъ, этотъ послѣдній вообще не подлежитъ научному изслѣдованію? Вѣрнѣе было бы заключить, что данный методъ употребленъ не въ надлежащемъ мѣстѣ и что слѣдовательно, необходимо обратиться къ другимъ методамъ. Эта то логическая непослѣдовательность и лежитъ въ основаніи воззрѣній весьма многихъ социологовъ, чѣмъ главнымъ образомъ и объясняется то обстоятельство, почему изслѣдованіе въ области общественной жизни такъ долго оставалось почти совершенно бесплоднымъ.

Приступая къ изученію явленій общественной жизни безъ предвзятыхъ мыслей, мы, въ дѣйствительности, тотчасъ же убѣждаемся, что эти явленія въ самомъ дѣлѣ не таковы, чтобы ихъ можно было изслѣдовать съ помощью тѣхъ же методовъ, которые въ области естественныхъ наукъ привели къ столь блестящимъ результатамъ. Ни экспериментъ, ни простое наблюденіе, ни индуктивный или дедуктивный методы не находятъ здѣсь непосредственнаго приложенія. Предметомъ изслѣдованія является въ этой области не человѣческій индивидуумъ какъ таковой, или какое либо другое вещественное явленіе. Общественные феномены суть организаціи и процессы, которые хотя и представляются и выполняются вещественными существами, тѣмъ не менѣе они по своей сущности совершенно отличаются отъ этихъ послѣднихъ. Общественныя явленія сохраняютъ свой характеръ независимо отъ индивидуумовъ, которые являются ихъ выразителями. Дѣло не въ этихъ индивидуумахъ, которые въ теченіе времени безпрестанно мѣняются, въ то время какъ общественныя явленія сохраняютъ свой характеръ болѣе или менѣе продолжительное время. Но такъ какъ содержаніе cadaго общественнаго явленія заключается только въ индивидуумахъ, въ человѣческихъ существахъ, находя себѣ выраженіе въ ихъ матеріальномъ и духовномъ состояніяхъ, то ясно, что изслѣдованіе общественныхъ явленій постоянно будетъ имѣть дѣло съ людьми, но при этомъ не съ людьми, какъ опредѣленными индивидуальностями, а съ людьми, какъ единицами, которые воплощаютъ въ себѣ подлежащее изслѣдованію явленіе. При изслѣдованіи общественныхъ явленій прежде всего люди разсматриваются не какъ отдѣльныя личности съ тѣми или другими индивидуальными особенностями; напротивъ, при этомъ становятся на такую точку зрѣнія, при которой индивидуальныя свойства и особенности людей совершенно исчезаютъ.

Эту необходимую точку зрѣнія, безъ которой изслѣдованіе не можетъ обойтись, и даетъ намъ статистика.

Каждое явленіе общественной жизни можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ взаимодействія разнородныхъ причинъ. Причемъ эти причины могутъ быть подраздѣлены на таковыя общаго характера, дѣйствующія непрерывно и оказывающія вліяніе на возможно большіе круги индивидуумовъ, и на причины, имѣющія лишь второстепенное значеніе, проявляющіяся лишь изрѣдка, не имѣя вообще особаго вліянія на окончателъный результатъ. Фактомъ человѣческаго общежитія создается рядъ причинъ постоянно и въ одинаковомъ направленіи вліяющихъ на всѣ члены общества. Эти причины можно разсматривать, какъ первичныя общественныя силы, изслѣдовать дѣйствіе которыхъ и составляетъ задачу науки объ обществѣ. Но подобно тому, какъ въ области естественныхъ явленій природы первичныя силы никогда не дѣйствуютъ въ отдѣльности, а всегда въ связи съ другими сходными силами, и нерѣдко въ такомъ видѣ, что результатъ ихъ дѣйствія намъ кажется «случайнымъ», такъ и въ области общественной жизни основныя факторы никогда не проявляются въ абсолютной чистотѣ; напротивъ подобныя «случайности» встрѣчаются здѣсь въ гораздо большей степени, въ виду того, что здѣсь первичныя причины постоянно комбинируются съ второстепенными, основаніемъ которыхъ служатъ индивидуальности тѣхъ людей, которые играютъ роль въ подлежащемъ изслѣдованію общественномъ явленіи.

Это обстоятельство даетъ намъ возможность при изслѣдованіи явленій общественной жизни пользоваться извѣстнымъ принципомъ, установленнымъ теоріей вѣроятности, согласно которому первичная общая причина, дѣйствующая во многихъ явленіяхъ въ одно и то же время, дѣйствіе которой однако видоизмѣняется одновременнымъ дѣйствіемъ второстепенныхъ причинъ, тѣмъ вѣрнѣе можетъ быть открыта и опредѣлена, чѣмъ большее число подобныхъ явленій было подвержено изслѣдованію. Чѣмъ большее количество фактовъ извѣстнаго порядка намъ удалось разсмотрѣть, тѣмъ вѣрнѣе приближаемся мы къ границѣ всѣхъ возможныхъ комбинацій дѣйствующихъ въ нихъ первичныхъ причинъ съ второстепенными, тѣмъ яснѣе выдѣляется то общее и постоянное, которое является основаніемъ данныхъ фактовъ и явленій.

Этимъ принципомъ теоріи вѣроятности пользуется статистика, весь методъ которой на немъ и построенъ. Путемъ изслѣдованія возможно большаго числа индивидуумовъ,—при чемъ ея идеаломъ является, конечно, стремленіе добиться того, чтобы всѣ индивидуумы, имѣющіе значеніе для даннаго изслѣдованія, могли быть подвержены разсмотрѣнію,—статистика старается установить тѣ регулярности, которыя обуславливаются дѣйствіемъ тѣхъ первичныхъ общественныхъ силъ, которыя являются необходимымъ результатомъ человѣческаго общежитія. Эти установленныя статистикой регулярности называются статистическими законами, законы, которые однако по своему существу не должны быть смѣшиваемы съ такъ называемыми

мыми первичными законами. Статистическій законъ является выраженіемъ не того, какимъ образомъ дѣйствуетъ первичная общественная сила; имъ выражается только фактъ существованія постоянныхъ комбинацій первичныхъ и второстепенныхъ причинъ, комбинацій, которыя при наличности опредѣленныхъ конкретныхъ условий всегда должны оставаться неизмѣнными. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется то, почему статистическимъ законамъ нельзя придавать того же значенія, какое имѣютъ законы естественные. Содержаніе ихъ имѣетъ весьма относительный характеръ, такъ какъ они лишь служатъ отраженіемъ явленій, сущность которыхъ съ теченіемъ времени можетъ мѣняться. Статистическіе законы, установленные при изслѣдованіи явленій общественной жизни являются такимъ образомъ фактами общественной жизни; только для этой области они имѣютъ смыслъ и значеніе, жизни же индивидуумовъ, на которыхъ было распространено изслѣдованіе, они, какъ вытекаетъ изъ предыдущаго, совершенно не касаются.

Установленіе статистическихъ законовъ имѣетъ однако для общественной науки чрезвычайно важное значеніе. Если эти законы и не могутъ сравниться по своему значенію съ первичными законами, открытіе которыхъ безъ сомнѣнія составляетъ конечную цѣль всякой науки, то приходится сознаться, что въ нѣкоторыхъ областяхъ человѣческаго знанія установленіе послѣднихъ единственно возможно при помощи подобныхъ законовъ. Не во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія высшая цѣль можетъ быть достигнута сразу безъ предварительной ступени. Повсюду, во всѣхъ областяхъ человѣческому уму приходится иногда довольствоваться установленіемъ такъ называемыхъ эмпирическихъ законовъ, которыми на время выполняются существующіе пробѣлы. Въ нѣкоторыхъ же областяхъ первичные законы устанавливаются лишь на основаніи эмпирическихъ. Послѣднее имѣетъ между прочимъ мѣсто и въ области общественной жизни, гдѣ является необходимостью еще прежде чѣмъ приступить къ установленію точныхъ законовъ, соотвѣтственнымъ образомъ лишь подготовить матеріалъ, подлежащій изслѣдованію. Эту то подготовку матеріала и производитъ статистика, отражая въ установленныхъ ею эмпирическихъ законахъ тѣ регулярности, которыя съ одной стороны указываютъ на дѣйствіе строгихъ такъ называемыхъ причинныхъ законовъ, и съ другой намѣчаютъ путь къ отысканію послѣднихъ. Въ виду этого можно смѣло сказать, что безъ статистики не можетъ быть точной науки объ обществѣ, ибо безъ нея ни одинъ методъ изслѣдованія не можетъ привести въ этой области къ какимъ либо дѣйствительнымъ результатамъ. Съ ея же помощью научное изслѣдованіе въ области общественной жизни несомнѣнно достигнетъ такой же точности и объективности, какая достигнута въ области естествовѣдѣнія.

Статистическій методъ самъ по себѣ въ высшей степени простъ. Конечно, статистикъ долженъ обладать чрезвычайной наблюдательной способностью, такъ какъ при статистическихъ изслѣдованіяхъ всегда имѣется въ виду опредѣлить, обладаютъ ли отдѣльные индивидуумы,

подлежащѣ наблюдению, именно тѣми признаками и свойствами, количество которыхъ въ данной совокупности имѣется въ виду установить. Необходимо всякій разъ позаботиться о томъ, чтобы не происходило никакого смѣшенія понятій и признаковъ, которое легко можетъ случиться именно вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія индивидуальностей, съ которыми приходится имѣть дѣло, и съ условіями жизни послѣднихъ; въ противномъ случаѣ все изслѣдованіе не имѣетъ никакого значенія. Статистика сосчитываетъ признаки, число которыхъ приходится установить, и старается связать данное число съ другими числами, приобретенными такимъ же путемъ, т. е. привести эти числа въ соотвѣтственное отношеніе другъ къ другу. Если ей удастся установить точныя количественныя отношенія, т. е. такія, которыя при точно опредѣленныхъ условіяхъ, постоянно остаются одинаковыми, то она достигла этимъ своей цѣли, такъ какъ полученныя количественныя отношенія и составляютъ содержаніе упомянутыхъ выше статистическихъ законовъ.

Вспомнимъ теперь то, на что было указано выше, именно, что статистика находитъ себѣ примѣненіе не только въ области общественной жизни. Мы видѣли, что статистика является особымъ методомъ изслѣдованія, методомъ человѣческаго познанаія; подобно всѣмъ остальнымъ методамъ и статистика должна находить себѣ примѣненіе всюду тамъ, гдѣ существуютъ соотвѣтственныя условія. Въ дѣйствительности оно такъ и есть. Статистика, какъ мы видѣли, примѣняется не къ отдѣльному индивидууму, какъ таковому, а къ группѣ индивидуумовъ, къ совокупности. Предметомъ изслѣдованія статистики является слѣдовательно коллективность; задача статистики состоитъ въ томъ, чтобы установить закономерность, являющуюся результатомъ дѣйствія вытекающихъ изъ сущности коллективности причинъ. Сообразно съ этимъ статистика можетъ найти себѣ примѣненіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имѣются коллективности, которыя, составленныя изъ отдѣльныхъ единицъ, представляютъ собою особыя организаци, проявляющія такія свойства и процессы, которые не находятъ своего объясненія изъ природы отдѣльныхъ единицъ, а единственно изъ факта ихъ совмѣстнаго существованія.

На основаніи сказаннаго мы можемъ теперь опредѣлить сущность статистики слѣдующимъ образомъ:

Статистика есть методъ познанаія, путемъ котораго опредѣляются количественныя отношенія регулярностей, проявляющихся въ такъ называемыхъ коллективныхъ или массовыхъ явленіяхъ, и устанавливаются формулы для этихъ отношеній, формулы, характеризующія существующую между факторами названныхъ явленій причинную связь и зависимость.

Н. Райхесбергъ.

Для чего у человека два глаза? *)

Профессора Маха.

Для чего у человека два глаза?

Для того, чтобы не была нарушена прекрасная симметрия лица, отвѣтилъ бы, вѣроятно, художникъ. Для того, чтобы второй глазъ могъ замѣнить первый въ случаѣ его потери, отвѣчаетъ предусмотрительный хозяинъ. Для того, чтобы мы могли двумя глазами оплакивать грѣхи міра, думаетъ ханжа. Все это звучитъ современному естествоиспытателю, то несомнѣнно ужаснетесь. Извините, сударыня! отвѣчаетъ онъ съ суровой миной, у человека глаза ни для чего; природа не человекъ и потому не настолько заурядна, чтобы преслѣдовать какія либо цѣли. Это еще ничего! Я зналъ одного профессора, который съ испугомъ закрывалъ рукой ротъ своимъ ученикамъ, если они собирались задать ему подобный ненаучный вопросъ.

Если вы обратитесь съ своимъ вопросомъ къ человеку болѣе толерантному, напр., ко мнѣ, то услышите въ отвѣтъ, что я собственно опредѣленно не знаю, для чего у человека два глаза, но думаю, отчасти также для того, чтобы я васъ видѣлъ сегодня здѣсь собравшимися и могъ съ вами бесѣдовать на эту интересную тему.

Вы снова недовѣрчиво ухмыляетесь. Но, вѣдь, это одинъ изъ такихъ вопросовъ, на которые сто мудрецовъ вмѣстѣ не въ состояніи опредѣленно отвѣтить. И дѣйствительно, вы уже слышали отвѣтъ пяти мудрецовъ и, конечно, готовы отказаться отъ остальныхъ 95. Первому изъ нихъ вы возразите, что мы и въ видѣ циклоповъ казались бы себѣ столь же интересными; второму, что, согласно его мнѣнію, было бы лучше, если бы мы имѣли 4 или 8 глазъ и что въ этомъ отношеніи мы, слѣдовательно, стоимъ ниже пауковъ; третьему, что у васъ нѣтъ охоты плакать; четвертому, что простое запрещеніе спрашивать лишь поддразниваетъ ваше любопытство, но не удовлетворяетъ его, а чтобы отдѣлать меня, вы скажете,

*) Публичная лекція.

что моего удовольствія не слѣдуетъ такъ высоко цѣнить, чтобы этимъ оправдать присутствіе двухъ глазъ у всѣхъ людей со времени грѣхопаденія. Но такъ какъ вы моимъ короткимъ и яснымъ отвѣтомъ не довольны, то пеняйте на себя. Вамъ придется теперь выслушать болѣе пространный и болѣе основательный отвѣтъ, на сколько опредѣленно я его вообще въ состояніи дать.

Но такъ какъ естественно-научная церковь разъ навсегда запрещаетъ вопросъ «для чего?», то, чтобы быть вполне ортодоксальными, спросимъ такъ: у человѣка два глаза; на сколько же больше онъ можетъ двумя глазами видѣть, чѣмъ однимъ?

Позвольте мнѣ предложить вамъ немного прогуляться! Представьте себѣ, что мы находимся въ лѣсу. Что собственно отличаетъ дѣйствительный лѣсъ отъ, хотя бы и прекрасно, нарисованнаго, благодаря чему онъ такъ привлекательно выглядитъ? Причиной ли тому жизненность красокъ, распредѣленіе свѣта и тѣни? Не думаю. Мнѣ кажется, напротивъ, что живопись въ этомъ направленіи въ состояніи очень много сдѣлать. Искусная рука художника можетъ представить намъ нѣсколькими штрихами своей кисти весьма пластическіе образы. Еще больше въ этомъ направленіи можно достигнуть другими средствами. Фотографіи по своей рельефности настолько пластичны, что намъ такъ и кажется, будто мы можемъ осязать на нихъ возвышенія и углубленія. Одного лишь не въ состояніи художникъ передать съ такой жизненностью, какъ это бываетъ въ натурѣ, — разницу между близкимъ и далекимъ. Въ дѣйствительномъ лѣсу вы отчетливо видите, что нѣкоторыхъ деревьевъ вы легко можете коснуться, между тѣмъ какъ другія расположены далеко отъ васъ.

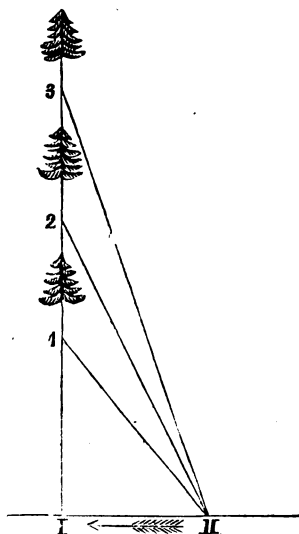

Рис. 1.

Картина художника неподвижна. Картина же дѣйствительнаго лѣса мѣняется при малѣйшемъ вашемъ движеніи: вотъ одна вѣтвь скрывается за другой, а то вотъ выступаетъ впередъ стволъ дерева, который былъ прикрытъ другимъ.

Разсмотримъ это обстоятельство основательнѣе. Станемъ на линію I — II (см. рис. 1). Вправо и влево — лѣсъ. Когда мы стоимъ у I, то мы видимъ въ данномъ случаѣ 3 дерева (1, 2, 3) въ одномъ и томъ же направленіи, причемъ болѣе отдаленное прикрыто ближе расположеннымъ. По мѣрѣ того, какъ

мы подвигаемся впередъ, картина мѣняется. Съ пункта II намъ приходится менѣе оглядываться на болѣе отдаленное дерево 3, чѣмъ на ближе расположенное 2, и на это послѣднее въ свою очередь менѣе, чѣмъ на 1. *При движеніи впередъ, слѣдовательно, намъ кажется, будто болѣе близкіе предметы отстаютъ отъ насъ болѣе, чѣмъ отдаленные; и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они ближе находятся отъ насъ.*

Очень далекіе предметы, которые при нашемъ движеніи долго не теряются изъ виду, кажутся намъ передвигающимися вмѣстѣ съ нами.

Если мы, напримѣръ, позади какого нибудь холма видимъ вершины двухъ деревьевъ, отдаленность которыхъ намъ не известна, то мы можемъ легко разрѣшить этотъ вопросъ, стоитъ лишь намъ сдѣлать нѣсколько шаговъ направо, напримѣръ, и та вершина, которая при этомъ болѣе отклонится влѣво, и есть ближайшая. Геометръ могъ бы даже по величинѣ этого отклоненія опредѣлить ихъ отдаленность отъ насъ, не подходя къ самимъ деревьямъ. Не что иное, какъ научное развитіе подобнаго наблюденія даетъ намъ возможность измѣренія отдаленности звѣздъ.

Слѣдовательно, по измѣненію положенія предметовъ, находящихся въ полѣ зрѣнія, мы можемъ измѣрять разстояніе ихъ отъ насъ при нашемъ передвиженіи.

Строго говоря, намъ нѣтъ надобности въ передвиженіи, такъ какъ каждый изслѣдователь состоитъ собственно изъ двухъ изслѣдователей: у человѣка есть два глаза. Правый глазъ по сравненію съ лѣвымъ, какъ будто сдѣлалъ маленькій шагъ вправо. Оба глаза, слѣдовательно, будутъ воспринимать *различныя* изображенія *того же* лѣса. Правый глазъ будетъ видѣть болѣе близкія деревья отклоненными влѣво, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ они ближе находятся. Этого различія достаточно, чтобы судить о разстояніи.

Вы можете легко убѣдиться въ этомъ на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

1) При пользованіи однимъ глазомъ (когда вы закрываете другой) у васъ весьма неувѣренное сужденіе о разстояніи. Вамъ съ трудомъ, напримѣръ, удастся попасть палкой въ находящейся предъ вами кругъ, большею частью вы попадаете мимо.

2) Вы видите тотъ же предметъ правымъ глазомъ иначе, чѣмъ лѣвымъ.

Поставьте на столъ прямо впереди себя абажуръ отъ лампы, обращенный широкой стороной книзу, и разсматривайте его сверху. Вы видите тогда правымъ глазомъ изображеніе 2, лѣвымъ глазомъ изображеніе 1. Поставьте, напротивъ, абажуръ обращеннымъ широкимъ отверстіемъ кверху, тогда въ правомъ глазу получается изображеніе 4, а въ лѣвомъ—3. Уже Эвклидъ приводитъ такіа наблюденія.

3) Наконецъ вы знаете, что при пользованіи *двухъ* глазъ легко судить о разстояніи. Возможностью этого сужденія мы обязаны

совмѣстному дѣйствию обоихъ глазъ. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ представляются намъ отверстія въ изображеніяхъ каждымъ изъ нашихъ двухъ глазъ, какъ бы сдвинутыми одно по отношенію къ другому, и этого отклоненія вполне достаточно, чтобы мы считали одно отверстіе расположеннымъ ближе другого.

Я не сомнѣваюсь, милостивыя государыни, въ томъ, что Вы слышали много тонкихъ комплиментовъ относительно своихъ глазъ, но одного несомнѣнно, Вамъ еще никто не говорилъ,—не знаю, впрочемъ, польститъ ли оно Вамъ,—въ Вашихъ глазахъ, безразлично будь они черные или голубые, находятся маленькіе геометры!

Вы объ этомъ ничего не знаете? Да и я собственно тоже ничего не знаю, но, вѣдь, оно иначе быть не можетъ. Вы, вѣдь, не очень ужъ такъ свѣдуши въ геометріи? Согласитесь съ этимъ. А, вѣдь, при помощи своихъ двухъ глазъ Вы измѣряете расстоянія. Это, конечно, геометрическая задача, и разрѣшеніе ея Вамъ извѣстно, такъ какъ Вы судите о расстояніи. Но если не Вы сами разрѣшаете эту задачу, то это должны тайкомъ сдѣлать маленькіе геометры, находящіеся въ Вашихъ глазахъ и Вамъ спешнута разрѣшеніе ея. Я не сомнѣваюсь, такимъ образомъ, что они очень ловкіе ребята!

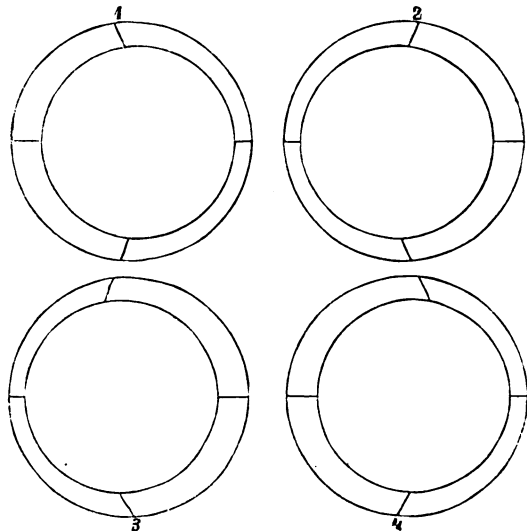

Рис. 2.

Во всемъ этомъ меня удивляетъ лишь то, что Вы ничего не знаете о геометрахъ. Возможно, что и они о Васъ также ничего не знаютъ. Вѣроятно они настолько пунктуальные чиновники, что ни о чемъ болѣе не заботятся, кромѣ своего дѣла.

Если мы дадимъ правому глазу точно такое же изображеніе, какое получается отъ абажура правымъ глазомъ, а лѣвому глазу—такое изображеніе, какое получается отъ абажура лѣвымъ глазомъ, то намъ въ такомъ случаѣ кажется, что мы имѣемъ предъ собою абажуръ въ тѣлесномъ видѣ.

Вамъ извѣстенъ этотъ опытъ! Кто изъ Васъ имѣетъ привычку косить, тотъ можетъ теперь же произвести его на данной фигурѣ, рассматривая правымъ глазомъ правое изображеніе, а лѣвымъ—лѣвое. Въ такомъ видѣ опытъ этотъ впервые произвелъ

Elliot. Какъ усовершенствованіе этого опыта, это—изобрѣтенный Wheatstone'омъ и преобразованный Brewster'омъ въ популярный и полезный аппаратъ—стереоскопъ.

Посредствомъ стереоскопа и при помощи фотографіи, при чемъ снимаются два изображенія одного и того же предмета съ двухъ различныхъ пунктовъ (соотвѣтственно обоимъ глазамъ), мы можемъ получить весьма отчетливое объемное изображеніе отдаленныхъ мѣстностей и построекъ.

Но стереоскопъ даетъ еще болѣе. Благодаря ему возможно видѣть такіе предметы, которые въ дѣйствительности никогда не удастся видѣть съ такою отчетливостью. Вамъ извѣстно, что, если Вы во время фотографирования не соблюдаете надлежащаго покоя, то Ваше изображеніе получается подобно индійскому божеству съ нѣсколькими головами или руками, при чемъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ другъ друга прикрываютъ, оба изображенія подчасъ удастся видѣть съ одинаковой отчетливостью, такъ что одно изображеніе видно сквозь другое. Если человѣкъ еще до окончанія фотографирования быстро удаляется, то тотчасъ же получаютъ также изображенія предметовъ, находящихся позади его; человѣкъ становится прозрачнымъ. На этомъ основано фотографированіе духовъ.

Изъ этого наблюденія можно сдѣлать весьма полезное примѣненіе. Если стереоскопически фотографировать машину и въ это время удалить одну часть за другой (при чемъ, конечно, въ сниманія должны быть перерывы), то получается объемное изображеніе, на которомъ отчетливо видно взаимное отношеніе частей, которыя въ дѣйствительности обыкновенно скрыты.

Какъ видите, фотографія дѣлаетъ колоссальныя успѣхи, такъ что является опасность, что вскорѣ коварный фотографъ будетъ снимать, благодаря своей невинной способности видѣть насквозь, людей вмѣстѣ со всѣмъ, что скрыто въ ихъ сердцахъ, вмѣстѣ съ ихъ самыми затаенными мыслями. Какое наступитъ тогда спокойствіе въ государствѣ! Какая наступитъ тогда богатая жатва для хваленной полиціи!

Благодаря совместному дѣйствію обоихъ глазъ мы получаемъ представленіе о разстояніи и благодаря этому также объ объемныхъ формахъ предметовъ.

Позвольте мнѣ обсудить еще нѣкоторыя, сюда относящіяся, свѣдѣнія, которыя будутъ способствовать нашему пониманію извѣстныхъ явленій исторіи культуры.

Вамъ часто приходилось слышать и самимъ замѣчать, что болѣе отдаленные предметы кажутся въ перспективѣ уменьшенными. Въ самомъ дѣлѣ Вамъ легко убѣдиться, что Вы можете закрыть изображеніе человѣка, помѣщающееся отъ Васъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, пальцемъ, находящимся впереди.

Вашего глаза на болѣе близкомъ разстояніи. Однако Вамъ обыкновенно предметы не представляются уменьшенными; напротивъ, человекъ, находящійся въ концѣ зала, кажется Вамъ той же величины, какъ и непосредственно вблизи Васъ, потому что глазъ способенъ судить о разстояніи и благодаря этому считать болѣе отдаленные предметы большими. Глазъ знакомъ, такъ сказать, съ перспективнымъ уменьшеніемъ и благодаря этому не позволяетъ ввести себя въ обманъ, хотя бы самъ обладатель глаза ничего объ этомъ и не зналъ. Всякому, пробовавшему рисовать съ натуры, знакома трудность схватить перспективу благодаря указанной способности глаза. Когда сужденіе о разстояніи становится неувѣреннымъ, когда разстояніе слишкомъ велико и мѣра теряется или когда оно быстро мѣняется, лишь тогда отчетливо выступаетъ перспектива. Если Вы на быстро мчащемся поѣздѣ внезапно встрѣчаете какой либо видъ, то люди, находящіеся на холмѣ, кажутся Вамъ маленькими хорошенными куклами, такъ какъ у Васъ въ данномъ случаѣ отсутствуетъ способность сужденія о разстояніи. Камни при въѣздѣ въ туннель становятся замѣтно большими, между тѣмъ, какъ при выѣздѣ они какъ бы съезживаются.

Обыкновенно оба глаза дѣйствуютъ совмѣстно. Такъ какъ извѣстные виды очень часто повторяются и приводятъ постоянно къ одной и той же опѣнкѣ разстоянія, то благодаря этому глаза должны приобрѣсть специальную способность сужденія. Способность эта становится, наконецъ, настолько значительной, что мы уже и однимъ глазомъ судимъ о разстояніи.

Позвольте мнѣ разъяснить это на примѣрѣ. Что можетъ быть быстрѣе взгляда въ даль улицы? Кто изъ Васъ не глядѣлъ на улицу обоими глазами полный ожиданія и не измѣрялъ ея дали? Вы приходите затѣмъ въ картинную галерею и встрѣчаете тамъ картину, представляющую видъ въ даль улицы; художникъ не пожалѣлъ ни одной черточки, чтобы представить правильно перспективу. Геометръ въ Вашемъ лѣвомъ глазу разсуждаетъ: а! такой случай я уже сто разъ сосчитывалъ, я уже его знаю наизусть. Это видъ въ даль улицы—говоритъ онъ—здѣсь, гдѣ дома становятся ниже, болѣе далекій конецъ улицы. Геометръ праваго глаза считаетъ болѣе удобнымъ, чтобы не спрашивать своего, пожалуй, ворчливаго коллегу, сказать то же самое. Однако тотчасъ же просыпается чувство долга у пунктуальныхъ чиновниковъ, они подсчитываютъ и находятъ, что всѣ пунеты картины находятся на одномъ и томъ же разстояніи, т. е. на *одномъ листѣ*.

Какое же мнѣніе Вы считаете теперь правильнымъ, первое или второе? Если—первое, то Вы отчетливо видите видъ въ даль, если же—второе, то Вы видите лишь только дощечку, разрисованную исковерканными изображеніями.

Вамъ кажется пустякомъ давать себѣ отчетъ относительно перспективы картины, а между тѣмъ прошли тысячелѣтія, пока

человѣчество научилось этому пустяку, и многіе изъ Васъ научились ему лишь благодаря воспитанію.

Я очень хорошо припоминаю, что мнѣ въ трехлѣтнемъ возрастѣ всѣ перспективныя рисунки представлялись исковерканными изображеніями предметовъ. Я не въ состояніи былъ постигнуть, почему художникъ изобразилъ столъ на одной сторонѣ такимъ широкимъ, а на другой—такимъ узкимъ. Въ дѣйствительности же столъ представлялся мнѣ на болѣе далекомъ концѣ точно такимъ же широкимъ, какъ и на болѣе близкомъ, потому что мой глазъ вычислялъ безъ моего участія. Но что изображеніе стола на поверхности можно видѣть не въ видѣ уродливо нарисованной поверхности, а въ видѣ истиннаго стола и представлять себѣ его въ перспективѣ, мнѣ казалось шуткой, которой я никакъ не могъ понять. Я утѣшаюсь по этому поводу тѣмъ, что и цѣлые народы не въ состояніи были этого понять.

Есть наивныя натуры, которыя принимаютъ мнимое убійство на сценѣ за дѣйствительное убійство, мнимый поступокъ за дѣйствительный, и которыя въ возмущеніи такъ и стремятся на помощь угнетеннымъ въ спектаклѣ. Другія же никакъ не могутъ отрѣшиться отъ мысли, что кулисы—лишь только размалеванныя деревья, что Ричардъ III—всего лишь актеръ М., котораго они часто встрѣчали въ обществѣ. И тѣ, и другія заблуждаются.

Для правильнаго сужденія о драмѣ или о картинѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что и то, и другое—лишь изображеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на нѣчто реальное. Для этого нуженъ извѣстный перевѣсъ внутренней духовной жизни надъ воспріятіями чувствъ, который уже не подавляется непосредственными впечатлѣніями. Для этого нужна извѣстная свобода самому себѣ составить сужденіе о видимомъ предметѣ, а бы сказалъ, извѣстное настроеніе, которое чуждо дѣтямъ и первобытнымъ народамъ.

Разсмотримъ нѣкоторыя историческія данныя. Я не буду на столько основателемъ, чтобы начать съ каменнаго періода, хотя у насъ имѣются уже и изъ этой эпохи изображенія, весьма своеобразныя въ отношеніи перспективы.

Обратимся лучше къ склепамъ и развалинамъ храмовъ древняго Египта, которые, не смотря на тысячелѣтія, сохранили свои многочисленныя рельефы и прелесть красокъ. Здѣсь выступаетъ предъ нами богатая пестрая жизнь.

Мы видимъ здѣсь египтянъ представленными во всевозможныхъ жизненныхъ моментахъ. Въ этихъ картинахъ намъ бросается въ глаза тонкость техническаго выполненія, контуры въ высшей степени нѣжны и явственны, нѣсколько яркихъ красокъ, при чемъ отсутствуютъ краски смѣшанныя и переходныя; тѣней совершенно нѣтъ; краски повсюду одинаково густы.

Современный глазъ ужасается ихъ перспективой. Всѣ фигуры—одной и той же величины за исключеніемъ короля, представленнаго въ несоразмѣрно увеличенномъ видѣ. Находящееся вблизи и вдали представлено въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ.

Уменьшенія въ интересахъ перспективы совершенно нѣтъ. Прудъ вмѣстѣ съ водяными птицами представленъ въ вертикальной поверхности такимъ образомъ, какъ будто водяная поверхность дѣйствительно вертикальна.

Человѣческія фигуры представлены такими, какими онѣ никогда не бывають въ дѣйствительности: ноги нарисованы en face, а лицо въ профиль; грудь же представлена во всю свою ширь на поверхности рисунка. Голова быка видна въ профиль, между тѣмъ какъ рога его en face. Принципъ, которому египтяне слѣдовали, можно, пожалуй, лучше всего выразить такъ: фигуры точно также сдавлены на поверхности рисунка, какъ растенія въ гербаріумѣ.

Дѣло объясняется просто. Такъ какъ египтяне привыкли просто смотрѣть на предметы обоими глазами, то имъ не было присуще умѣніе представлять себѣ предметы въ перспективѣ. Они видѣли въ дѣйствительности руки, ноги въ ихъ натуральной величинѣ. Фигуры, изображенныя на поверхности сплюснутыми, въ ихъ глазахъ болѣе соотвѣтствовали оригиналамъ, чѣмъ изображенныя съ соблюденіемъ перспективы.

Это станетъ еще понятнѣе, если имѣть въ виду, что живопись развилась изъ рельефа. Значительное различіе между сплюснутыми фигурами и оригиналами мало по малу побуждало къ перспективному изображенію. Египетская живопись покоится на такихъ же фізіологическихъ основаніяхъ, какъ и рисунки нашихъ дѣтей.

Ассиріяне представляютъ уже нѣкоторый успѣхъ по сравненію съ египтянами.

Живопись вступаетъ въ новую фазу у китайцевъ. Имъ несомнѣнно присуще чувство перспективы и правильнаго распредѣленія тѣни, хотя они и не особенно послѣдовательны въ этомъ отношеніи. Они и здѣсь, кажется, положили начало, но не особенно шагнули впередъ въ этомъ направленіи. Въ аналогіи съ этимъ стоитъ и ихъ языкъ, который, подобно языку дѣтей, не развился еще до грамматики или, вѣрнѣе говоря, по современнѣмъ понятіямъ, не опустился до грамматики. Этому соотвѣтствуетъ также и ихъ музыка, довольствующаяся гаммой изъ пяти тоновъ.

Стѣнная живопись въ Геркуланумѣ и Помпейѣ отличается, наряду съ изяществомъ, опредѣленно выраженнымъ чувствомъ перспективы и правильностью освѣщенія, хотя конструкція не вездѣ правильна. И здѣсь мы встрѣчаемъ еще отсутствіе необходимыхъ укороченій, и вслѣдствіе этого подчасъ члены представлены въ неестественномъ положеніи, при чемъ они видны во всю свою длину. Чаше попадаются укороченія на одѣтихъ, чѣмъ на обнаженныхъ фигурахъ.

Объясненіе этого явленія выяснилось для меня на основаніи нѣкоторыхъ простыхъ опытовъ, которые показываютъ, на сколько различными намъ представляются одни и тѣ же предметы со-

образно нашему произвольному пониманію, если мы въ состояніи господствовать надъ своими чувствами.

Предлагаю вамъ обратить вниманіе на данный рисунокъ (рис. 3). Онъ представляетъ собою согнутый листъ бумаги, который обращенъ къ вамъ вогнутой или выпуклой стороной. Вы можете представить себѣ это изображеніе какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, и оно будетъ вамъ казаться въ обоихъ случаяхъ различнымъ.

Если вы дѣйствительно поставите предъ собою согнутый листъ бумаги, обращенный къ вамъ острымъ угломъ, то при разсматриваніи его *однимъ* глазомъ, вы можете его видѣть попеременно то выпуклымъ, какъ это и есть въ дѣйствительности, то вогнутымъ. При этомъ наступаетъ удивительное явленіе. Когда вы смотрите на развернутый листъ бумаги, то ни освѣщеніе, ни форма не представляютъ собою ничего страннаго, но лишь только онъ является перегнутымъ, то вы его видите перспективно исковерканнымъ, свѣтъ и тѣни рѣзче выступаютъ, какъ будто они нарисованы яркими красками.

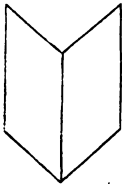

Рис. 3.

Распределеніе свѣта и тѣни ничѣмъ не мотивировано, они не соотвѣтствуютъ уже формѣ предмета и рѣзче бросаются въ глаза.

Въ обычной жизни мы пользуемся перспективой и освѣщеніемъ извѣстныхъ намъ предметовъ для опредѣленія ихъ формы и положенія.

Благодаря этому мы не особенно замѣчаемъ свѣта, тѣней искривленія. Они рѣзко выступаютъ въ нашемъ сознаніи лишь въ томъ случаѣ, когда мы принимаемъ иное, чѣмъ обыкновенно, истолкованіе пространства. Если мы разсматриваемъ то же изображеніе въ камерѣ обскуръ, то насъ поражаетъ полнота свѣта и глубина тѣней, которые на обыкновенныхъ предметахъ лишь едва замѣтны.

Въ моей ранней юности мнѣ казались тѣни и свѣтъ на картинахъ ничѣмъ немотивированными пятнами. Когда я въ молодости началъ рисовать, то я считалъ наведеніе тѣни просто манерой. Я рисовалъ однажды портретъ господина пастора, друга нашего дома, и заштриховалъ половину его лица въ совершенно черный цвѣтъ не вслѣдствіе надобности, но лишь потому, что я встрѣчалъ это на другихъ портретахъ.

И такъ, вы видите, что кое что не только изъ жизни отдѣльнаго индивидуума, но и всего человѣчества, изъ исторіи культуры разъясняется тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что у человѣка есть два глаза.

Если вы измѣните глазъ человѣка, то этимъ самымъ вы измѣните его мировоззрѣніе. Послѣ того, какъ мы познакомились съ нашими ближайшими родственниками, египтянами, китайцами,

жителями свайныхъ построекъ, намъ не слѣдуетъ обойти молчаніемъ также своихъ болѣе отдаленныхъ родственниковъ, обезьянъ и другихъ животныхъ. Насколько иной должна представляться природа животнымъ, у которыхъ глаза совершенно другіе, чѣмъ у человѣка, напримѣръ насѣкомымъ! Но наглядно представить этого наука въ настоящее время не въ состояніи, такъ какъ мы еще слишкомъ мало знакомы съ образомъ дѣйствія этихъ органовъ. Для насъ является даже уже загадкой, въ какомъ видѣ представляется природа животнымъ, весьма родственнымъ человѣку, напримѣръ, птицамъ, которыя ничего почти не въ состояніи видѣть одновременно обоими глазами, потому что они находятся по бокамъ головы, и потому каждый изъ нихъ имѣетъ свое особое поле зрѣнія.

Душа человѣка заключена въ домикъ, именно въ голову; она разсматриваетъ природу черезъ два окошечка, черезъ глаза. Ей хотѣлось бы знать, какъ выглядить природа черезъ другія окна, но это недостижимо. Но любовь къ природѣ изобрѣтательна, и въ этомъ направленіи кое что уже достигнуто. Если я поставлю предъ собою согнутое подъ угломъ зеркало, состоящее изъ двухъ, немного наклоненныхъ другъ къ другу зеркалъ, то я вижу свое лицо въ двойномъ видѣ: въ правомъ зеркалѣ я имѣю изображеніе правой части лица, а въ лѣвомъ—лѣвой. Точно также я вижу лицо находящагося впереди меня человѣка правымъ глазомъ болѣе правую его часть, а лѣвымъ—лѣвую. Но для того,

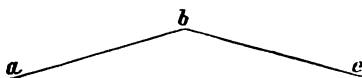

Рис. 4.

что бы получить *настолько различныя* изображенія, какъ въ перегнутомъ подъ угломъ зеркалѣ, мои оба глаза должны были бы находиться другъ отъ друга на гораздо большемъ разстояніи, чѣмъ это въ дѣйствительности *). Если я смотрю правымъ глазомъ на изображеніе въ правомъ зеркалѣ, а лѣвымъ—на изображеніе въ лѣвомъ, то я уподоблюсь въ данномъ случаѣ великану съ огромной головой и отстоящими вслѣдствіе этого далеко другъ отъ друга глазами.

Аналогично этому и впечатлѣніе, которое производитъ на меня мое лицо. Я вижу его тогда единымъ и тѣлеснымъ. При болѣе продолжительномъ разсматриваніи съ каждой секундой рельефъ выступаетъ рѣзче, брови сильно выдаются впередъ глазъ, носъ представляется величиною въ футъ, усы выступаютъ надъ губой въ видѣ фонтана, зубы кажутся лежащими далеко за губами, но самое страшное въ данномъ случаѣ—носъ.

Интересенъ въ этомъ направленіи предложенный Гельмгольцемъ телестереоскопъ. Какая-нибудь мѣстность разсматривается такимъ образомъ, что правымъ глазомъ посредствомъ зеркала *a* смотреть

*) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что зеркало обращено ко мнѣ своей выпнутой поверхностью.

на изображеніе въ зеркалѣ А, а лѣвымъ глазомъ посредствомъ зеркала *b* на изображеніе въ зеркалѣ В. Зеркала А и В находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. При этомъ мы видимъ точно такъ же, какъ двумя далеко отстоящими другъ отъ друга глазами великана. Все представляется уменьшеннымъ и приближеннымъ. Далеко находящіяся горы выглядятъ обросшими мхомъ камнями, расположенными у вашихъ ногъ. Среди нихъ вы находите уменьшенную модель города въ видѣ настоящего лилипута. Вы могли бы провести рукой по молодому лѣсу и городу, если бы вы не опасались, что уколитесь объ острый, какъ игла, шпигъ башни или съ трескомъ отломаете его. Лилипутъ этотъ не выдумка, стоитъ лишь имѣть телестереоскопъ.

Представьте себѣ обратный случай! Положимъ, мы настолько миниатюрны, что могли бы прогуливаться въ лѣсу изъ мха, и соотвѣтственно этому наши глаза были бы расположены близко другъ къ другу. Мохъ представлялся бы намъ въ такомъ случаѣ въ видѣ деревьевъ. На немъ ползали бы огромные, безформенные, никогда не виданные звѣри. Вѣтви же дуба, у подножья котораго расположенъ лѣсъ мха, гдѣ мы страствуемъ, представляются намъ неподвижными, темными развѣтвленными обла-

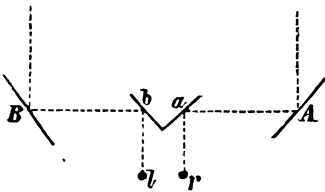

Рис. 5.

ками, расписанными на небѣ, подобно тому какъ обитателямъ Сатурна представляется ихъ кольцо. На вѣтвяхъ лѣса мха мы видимъ большіе, прозрачные, блестящіе шары нѣсколькихъ футовъ въ поперечникѣ, которые медленно качаются отъ вѣтра. Мы приближаемся съ любопытствомъ и видимъ, что эти шары,

въ которыхъ весело барахтаются разные звѣри,—жидкость, что это вода. Еще одно неосторожное движеніе и—о, ужасъ!—невидимая сила властно тянетъ мою руку внутрь шара и неумолимо крѣпко держитъ меня!—эта капля благодаря капиллярности втянула въ себя человѣчка изъ мести за то, что онъ всосалъ такъ много капель на завтракъ. Знай, жалкій натуралистикъ, что при той ничтожной массѣ, которую ты собой представляешь, съ капиллярностью нечего шутить!

Я васъ, такимъ образомъ, водилъ разными дорогами и тропинками по горамъ, по доламъ, чтобы показать вамъ, чего можно достигнуть вообще послѣдовательнымъ развитіемъ какого либо естественно-научнаго факта. Болѣе или менѣе основательное ознакомленіе съ двумя глазами человѣка прошло свѣтъ не только на самый ранній періодъ человѣчества, но и на человѣка вообще.

Васъ, вѣроятно, не рѣдко удивляло, что науки раздѣляютъ

на два класса, что гуманистическія, относящіяся къ такъ называемому «высшему просвѣщенію», рѣзко противопоставляютъ естественнымъ наукамъ.

Признаюсь, я не вѣрю въ эту двойственность знаній. Я полагаю, что подобный взглядъ будетъ современемъ казаться такой же наивностью, какой намъ представляется отсутствіе перспективы въ египетской живописи. Неужели дѣйствительно возможно всего лишь изъ нѣсколькихъ древнихъ горшковъ и пергаментовъ, составляющихъ ничтожную частицу природы, почерпнуть «высшее просвѣщеніе», отъ нихъ научиться большому, чѣмъ отъ всей остальной природы?

Я полагаю, что обѣ отрасли наукъ — лишь части одного и того же знанія, начавшіяся на разныхъ концахъ. Если эти концы изображаютъ изъ себя Монтекки и Капулетти, если представители того и другого дома спорятъ между собою, то это по моему мнѣнію съ ихъ стороны лишь чопорность. На одномъ концѣ въ данномъ случаѣ Ромео, а на другомъ Юлія, и они, вѣроятно, соединятъ оба рода безъ трагическаго исхода.

Филологія началась съ безграничнаго поклоненія и обоготворенія грековъ. Она увлекаетъ уже въ кругъ своего изслѣдованія другіе языки, другіе народы съ ихъ исторіей; она заключаетъ уже, хотя и осторожно, союзъ съ физиологіей посредствомъ сравнительнаго языковѣднія.

Естественныя науки, начавшись въ кухнѣ вѣдмы, простираются теперь уже надъ органическимъ и неорганическимъ міромъ, онѣ проникли уже въ физиологію рѣчи, теорію чувствъ и вотъ вотъ вступаютъ въ область духовнаго.

Короче сказать, мы познаемъ происходящее въ насъ, благодаря ознакомленію съ окружающимъ и наоборотъ. Каждый объектъ подлежитъ вѣдѣнію обѣихъ отраслей наукъ. Вы, милостивыя государыни, несомнѣнно весьма интересныя и загадочныя проблемы для психолога, но вмѣстѣ съ тѣмъ вы представляете собою чудныя явленія природы. Церковь и государство — объекты историка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и явленія природы, и притомъ весьма своеобразныя.

Если уже историческія науки расширяютъ кругозоръ, причемъ онѣ изображаютъ намъ міровоззрѣнія разныхъ народовъ, то еще больше въ этомъ направленіи даютъ естественныя науки. Такъ какъ онѣ заставляютъ человѣка отрѣшиться отъ самого себя, исчезнуть во вселенной, то этимъ самымъ онѣ побуждаютъ его избрать ничѣмъ не стѣсненную точку зрѣнія внѣ себя, пользоваться другимъ масштабомъ, а не однимъ только мелко-мѣщанскимъ, человѣческимъ.

Если вы теперь меня спросите, для чего у человѣка два глаза, то услышите въ отвѣтъ: для того, чтобы онъ лучше могъ разсматривать природу, чтобы онъ научился понять, что онъ самъ съ своими вѣрными и невѣрными взглядами, съ своей высшей политикой — всего лишь брѣнная частица явленія природы, что

онъ, говоря словами Мефистофеля, всего лишь частица части и что совершенно безъосновательно:

Wenn sich der Mensch, die kleine Narrenwelt,
Gewöhnlich für ein Ganzes hält.

Перев. В. Батя.

Къ вопросу о развитіи самодѣятельности въ учащихся.

Нужно ли повторять азбучную истину, что самодѣятельность въ учащихся есть одно изъ главныхъ и необходимыхъ условий не только ихъ умственного, но и нравственного развитія? Эта истина настолько элементарна, что, конечно, никто не будетъ ее оспаривать: не только каждый педагогъ, но и каждый развитой человѣкъ считаетъ ее за краеугольный камень всякой системы обученія; о развитіи самодѣятельности въ учащихся много писали и пишутъ въ педагогическихъ сочиненіяхъ. А между тѣмъ противъ одного изъ самыхъ главныхъ тормазовъ, препятствующихъ развитію этой самодѣятельности, слишкомъ мало раздаются голоса и въ обществѣ, и въ печати. Я подразумѣваю подъ этимъ тормазомъ все болѣе и болѣе распространяющуюся *систему репетиторванія*, которая подавляетъ въ учащихся всякую самодѣятельность, отучаетъ ихъ отъ привычки преодолевать трудности, дѣлаетъ ихъ неувѣренными въ своихъ силахъ и наконецъ отнимаетъ у нихъ всякій интересъ къ ученію. Необходимо всякому добросовѣстному педагогу, по мѣрѣ силъ и возможности, внушать родителямъ, какой несомнѣнный вредъ они наносятъ своимъ дѣтямъ, не давая имъ возможности самостоятельно готовить уроки.

При отсутствіи этой самостоятельности ученіе не развиваетъ, а только напичкиваетъ знаніями. Не есть ли это одна изъ причинъ того, что большинство учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ гимназій при сравнительно большомъ количествѣ знаній поражаютъ своимъ неразвитіемъ, отсутствіемъ самостоятельности въ сужденіяхъ, поверхностнымъ отношеніемъ къ знанію? Между прочимъ это неразвитіе учениковъ обнаруживается и на испытаніяхъ зрѣлости. Цѣль средней школы состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы дать развитіе—способность къ дальнѣйшему умственному и нравственному самосовершенствованію и самостоятельному приобрѣтенію знаній. Научить ученика думать—вотъ главная заслуга преподавателя. А можно ли достигнуть этой цѣли при томъ ненормальномъ явленіи, какимъ является репетиторство? Ученику

не даютъ самому продумать то, что было объяснено въ классѣ, самому потрудиться надъ приготовленіемъ уроковъ, пріучая его, что называется, чужими руками жаръ загребать. Какой же можетъ выйти толкъ изъ этого! Пусть лучше будетъ меньше знаній у нашего юношества, но знаній, добытыхъ, при руководствѣ учителя, своимъ собственнымъ умомъ и трудомъ; пусть оно прежде всего научится думать, научиться самостоятельно трудиться. Миѣ кажется, никто не станетъ отрицать, что воспитанная въ такихъ условіяхъ молодежь будетъ въ тысячу разъ и развитѣе, и сильнѣе духомъ тѣхъ жалкихъ юношей и дѣвицъ, которые въ теченіе всего средне-учебнаго курса находились подъ опекой репетиторовъ и репетиторшъ, не только разжевывавшихъ для нихъ и безъ того немудренныя вещи, но подчасъ прямо и выполнявшихъ за нихъ домашнія работы.

Въ теченіе моей практики въ женскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ миѣ часто приходилось видѣть такихъ ученицъ, которыя совершенно растериваются, если ихъ застать, что называется, врасплохъ, спросить не то, что ими было приготовлено, заставить ихъ самостоятельно подумать: онѣ увѣрены, что всегда и всякій можетъ сбить ихъ. Да развѣ можетъ быть иначе, если онѣ привыкли, чтобы за нихъ думали.

Съ какой болью въ сердцѣ видишь, что изъ той или другой ученицы могъ бы выйти и толкъ, что она и способна, и интересуется ученіемъ, а между тѣмъ система домашняго приготовленія уроковъ ее окончательно портить. Какъ радостно наблюдать то рѣдкое явленіе, когда ученица занимается сама, ея собственные успѣхи и развивающійся мало по малу интересъ къ ученю.

Миѣ приходилось видѣть, какъ иногда преодоленіе трудностей доставляетъ прямо удовольствіе самостоятельно занимающимся ученицамъ. Въ одномъ изъ классовъ одного женск. учебн. заведенія, въ которомъ, какъ отрадное явленіе, преобладало самостоятельное приготовленіе уроковъ, миѣ случилось однажды на урокѣ геометріи обратиться къ ученицамъ съ слѣдующими словами: вотъ задача трудная, но очень интересная; она не обязательна, но попробуйте, можетъ быть и справитесь». И нужно было видѣть то оживленіе, съ какимъ было принято это предложеніе! разгорѣвшіеся глаза говорили о желаніи преодолѣть трудъ, онамѣреніи чуть не тотчасъ же приступить къ рѣшенію задачи, и, дѣйствительно, большинство съ нею справилось. Очевидно, кромѣ интереса къ задачѣ, здѣсь большую роль играло и желаніе съ нею справиться. Миѣ приходилось также наблюдать, какъ иногда самыя скучныя и сухія правила возбуждали интересъ въ ученицахъ, разъ онѣ могли *самостоятельно* приложить ихъ при рѣшеніи задачъ. Вотъ эта-то самостоятельная работа ума и подготавливаетъ благодарную почву, на которой посѣянные преподавателемъ сѣмена могутъ дать обильный урожай; безъ этой самостоятельности всякое ученіе мертво.

Считаю долгомъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Помощь уче-

нику, конечно, является необходимой, если онъ отсталъ отъ класса по болѣзни или по какой-нибудь другой причинѣ, заставившей его пропустить уроки; но эта помощь не имѣетъ ничего общаго съ репетированіемъ. Тутъ приходится самостоятельно заняться съ ученикомъ, пройти съ нимъ то, что было пройдено учителемъ въ классѣ, заставить ученика и подумать, и поработать надъ этими уроками. Такая помощь, повторяю, не есть репетированіе, а между тѣмъ одно съ другимъ часто смѣшиваютъ.

Мнѣ скажутъ, быть можетъ, что программы средне-учебныхъ заведеній на столько трудны, задаютъ такъ много уроковъ, что безъ репетиторовъ обойтись невозможно. Оставляя въ сторонѣ недостатки существующихъ программъ, все-таки нужно согласиться, что для ученика, а тѣмъ болѣе для ученица среднего учебного заведения не можетъ представить затрудненія прохожденіе учебного курса, если только ученикъ или ученица обладаютъ средними способностями и хорошо подготовлены для своего класса. Вотъ на этихъ-то двухъ послѣднихъ условіяхъ я и позволю себѣ остановиться.

Во первыхъ, у ребенка должны быть способности къ умственнымъ занятіямъ не ниже среднего уровня. «Куда же дѣвать дѣтей съ плохими способностями?» спросятъ родители. Учите ихъ искусствамъ, ремесламъ, однимъ словомъ, тому, на что они способны, но только не портите имъ всю жизнь, не дѣлайте изъ нихъ вредныхъ для общества и для самихъ себя недоучекъ, жалкихъ неудачниковъ, которымъ вся жизнь будетъ въ тягость. Пора намъ, на порогѣ двадцатаго вѣка, отбросить жалкій предрассудокъ, что какой-либо трудъ, честный и добросовѣстный, можетъ быть униженъ.

Во вторыхъ, ребенокъ при среднихъ способностяхъ долженъ быть хорошо подготовленъ. «Все это азбучныя истины» возразятъ мнѣ. Но что же дѣлать, когда приходится ихъ повторять! когда подъ хорошей подготовкой, въ большинствѣ случаевъ, подразумевается полученіе удовлетворительнаго балла на вступительномъ экзаменѣ! А положено ли въ ребенкѣ основаніе привычки думать, сознательно относиться къ каждому слову, начало интереса къ чтенію, къ самостоятельному приложенію его небольшихъ знаній—этого въ расчетъ не принимается. Первоначальное обученіе играетъ громадную роль, и очень заблуждаются тѣ родители, которые думаютъ, что за него можетъ взяться всякій, что это пустяки; большинству родителей и въ голову не приходитъ, что *научить* ребенка *учиться* великое дѣло. Въ «Педагогическомъ Листкѣ» (№ 3 1895 г.) помѣщена прекрасная статья г. Марьяна «Нѣсколько словъ о домашнемъ обученіи», изъ которой я позволю себѣ привести нѣсколько строчекъ. «Каждый», говоритъ авторъ, «кто прошелъ тотъ или другой курсъ наукъ, считаетъ себя самъ—и другіе его считаютъ—вполнѣ призваннымъ учить и воспитывать дѣтей. Родители, которые старались бы хоть въ разговорѣ вывѣдать, имѣетъ ли претендентъ-преподаватель хотя малѣйшее

понятіе объ искусствѣ рациональнаго прививанія научныхъ знаній юношескому уму и формированія дѣтскаго характера,—такіе родители необыкновенная рѣдкость; 999 изъ тысячи совершенно удовлетворяются удостовѣреніемъ, что будущій учитель и воспитатель ихъ дѣтей самъ протанцовалъ передъ установленными экзаменами тѣ или другія науки».

Съ справедливостью этихъ словъ нельзя не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, изъ поступающихъ въ гимназіи только небольшой процентъ оказывается хорошо подготовленнымъ.

И вотъ, отдавая дѣтей въ средне-учебнаго заведенія съ такою плохю подготовкою, родители жалуются потомъ на трудность программъ, на то, что обученіе безъ репетиторовъ невозможно и т. д. Пора родителямъ серьезно подумать о столь жизненномъ вопросѣ, какъ достигнуть того, чтобы ребенокъ, поступивъ въ средне-учебное заведеніе, могъ самостоятельно, т. е. безъ опеки репетиторовъ, пройти курсъ ученія. Пора сознать, какой страшный вредъ въ противномъ случаѣ они наносятъ своимъ дѣтямъ, лишая ихъ драгоценнаго сокровища въ будущемъ—самостоятельности въ мысляхъ, поступкахъ и убѣжденіяхъ, любви къ знанію, охоты и способности къ труду.

Н. Л.

Письмо въ редакцію.

(Къ вопросу объ учительскихъ сѣздахъ).

Милостивый Государь г. Редакторъ!

Не откажите помѣстить на страницахъ Вашего уважаемаго журнала нижеслѣдующее мое письмо, письмо народнаго учителя, по поводу преній, имѣвшихъ мѣсто въ засѣданіи послѣдней очередной сессіи Московскаго губернскаго земскаго собранія, при обсужденіи вопроса объ учительскихъ сѣздахъ.

Съ глубокимъ изумленіемъ узналъ я,—какъ, вѣроятно, и многие,—изъ отчета объ упомянутомъ засѣданіи губернскаго земства что изъ гг. гласныхъ московскаго губернскаго земскаго собранія, вошедшихъ въ составъ подготовительной комиссіи и совѣщанія по народному образованію, нашлись противники учительскихъ сѣздовъ. Обстоятельство это поразило меня особенно потому, что Московское губернское земство въ дѣлѣ народнаго образованія пріучило смотрѣть на себя, какъ на земство передовое, служившее до сихъ поръ образцомъ для всѣхъ другихъ земствъ. Въ особенности за послѣднее время

Московское губернское земство энергично двинуло вперед въ своей губерніи дѣло народнаго образованія. Постановленіе экстренной сессіи его 8, 9 и 10 апрѣля 1896 года по вопросу объ осуществленіи общедоступности начальнаго обученія для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста Московской губерніи—навсегда займетъ одну изъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашей образованности. Послѣ этого постановленія естественно было ожидать, что въ ближайшемъ же будущемъ губернское земство выдвинетъ впередъ вопросъ и о качественномъ улучшеніи народной школы. Ожиданія эти сбылись. Въ текущую очередную сессію управа представила собранію весьма обстоятельный докладъ по вопросу о правильной постановкѣ мѣръ по устройству учительскихъ собраній. На основаніи прекрасно подобраннаго матеріала вопросъ этотъ обстоятельно выясненъ въ докладѣ со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе этого доклада предлагалось собранію возбудить ходатайство объ отмѣнѣ министерскаго циркуляра 1885 г., воспретившаго созывъ учительскихъ съѣздовъ. И вотъ въ совѣщаніи по вопросамъ народнаго образованія большинствомъ членовъ присоединилось—15 противъ 13—къ мнѣнію, высказанному меньшинствомъ подготовительной комиссіи и признало желательнымъ возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ распоряженія министра народнаго просвѣщенія въ 1885 г. относительно запрещенія созывать съѣзды учителей.

Основныхъ возраженій противъ учительскихъ съѣздовъ выдвинуто было большинствомъ совѣщанія, собственно, два:

1) неподготовленность современнаго учительскаго персонала земскихъ школъ Московской губерніи для того, чтобы принимать участіе въ самостоятельномъ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, касающихся школьной жизни и

2) возможность возникновенія конфликтовъ между постановленіями учительскихъ съѣздовъ и училищными совѣтами.

Къ тѣмъ дѣльнымъ соображеніямъ общаго характера, которыя были высказаны во время преній представителями управы и почтенными гласными В. В. Пржевальскимъ, М. П. Щепкинымъ, Н. Н. Щепкинымъ и другими защитниками учительскихъ съѣздовъ, я считаю не лишнимъ добавить кое-что и отъ себя, какъ народнаго учителя, котораго это новое «быть или не быть» касается очень и очень близко.

Позволю себѣ только сдѣлать впередъ одну небольшую оговорку съ цѣлью усилить значеніе того, что я хочу сказать. Вотъ эта оговорка. То, что я буду говорить по поводу учительскихъ съѣздовъ—*не единоличное* мое мнѣніе. Я имѣлъ возможность сблизаться съ массой народныхъ учителей и учительницъ—на профессиональномъ техническомъ съѣздѣ, на педагогическихъ курсахъ, на курсахъ садоводства и огородничества и на Нижегородской выставкѣ. Такимъ образомъ я видѣлъ и слышалъ учителей почти изъ каждой губерніи Европейской Россіи. При этомъ замѣчу, что въ учительскихъ разговорахъ вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ фигурируетъ постоянно.

Слѣдовательно, я буду говорить здѣсь не только то, что *я лично*

думаю объ учительскихъ сѣздахъ, а и то, что я слышалъ отъ народныхъ учителей, иначе сказать, то, что *думаютъ и говорятъ по этому поводу тѣ нѣсколько сотенъ учителей и учительницъ*, съ которыми пришлось мнѣ столкнуться въ теченіе двѣнадцатилѣтняго своего учительства.

И я здѣсь публично заявляю, что я не слышалъ *ни отъ одного изъ учителей или учительницъ*, хоть мало-мальски сознательно относящихся къ своей работѣ, о безполезности, ненужности или несвоевременности созыва учительскихъ сѣздовъ. Напротивъ, кажется, желаніе видѣть себя собранными на сѣздѣ интенсивнѣе всѣхъ прочихъ желаній изъ цѣлой серіи учительскихъ желаній общественнаго характера. Они ждуть его съ такимъ же нетерпѣніемъ и такой же вѣрой, какъ ждала извѣстная некрасовская обиженная Ненила возвращенія барина. «Вотъ прійдетъ баринъ; баринъ все разсудитъ!»

По поводу мнѣнія части гг. земскихъ гласныхъ о нашей, учительской, неподготовленности къ самостоятельному рѣшенію вопросовъ, касающихся школьной жизни, я думаю, что эти гг. гласные сдѣлали логическій промахъ. Основное положеніе, изъ котораго выходили они въ своемъ умозаключеніи, положеніе, что вообще въ отношеніи развитія нашъ народный учитель *en masse* не стоитъ на должной ступени развитія, это положеніе, къ великому нашему собственному, учительскому, сокрушенію, совершенно справедливо. Дѣйствительно, условія воспитанія и образованія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ народныхъ учителей и учительницъ (особенно въ *духовныхъ и учительскихъ семинаріяхъ*), а также условія дальнѣйшаго самообразованія, къ нашему несчастью, настолько неблагоприятны, что оставляютъ насъ недоучками, страстно рвущимися къ самообразованію. Да, страстно рвущимися! Стремленіе къ самообразованію среди учителей очень сильно. Оно принимаетъ, положительно, эпидемическій характеръ. Наши народные учителя съ удивительнѣмъ стремляемъ къ выполненію завѣта великаго Дистервега, совѣтовавшаго учителямъ прежде всего «мансипироваться отъ невѣжества», но, къ сожалѣнію, у нихъ пока отняты всѣ средства къ этому.

И такъ, я признаю это основное положеніе о низкокультурности нашего народоучительства справедливымъ. Но отсюда еще нельзя сдѣлать вывода, что мы, учителя, не компетентны въ вопросахъ, касающихся жизни школы. Этотъ выводъ совершенно не вѣренъ. Правда, что тѣмъ образованнѣе, развитѣе человѣкъ вообще, тѣмъ онъ глубже и шире смотритъ на жизнь, тѣмъ онъ сознательнѣе относится и къ задачамъ своей профессіи, раздвигая узкія рамки своей специальности за черту общественнаго служенія. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что профессионализмъ, лишенный такого широкаго кругозора, не можетъ сдѣлать полезныхъ наблюдений и выводовъ по отношенію къ своей профессіи. Наблюденія и выводы перваго будутъ, безъ сомнѣнія, глубже, обоснованнѣе, но наблюденія и выводы втораго не менѣе цѣнны, какъ факты, какъ выводы, подсказанные самой жизнью. Жизнь—самый лучший учитель; а нашъ учитель, къ тому же, изъ

очень строгихъ. Можетъ быть, даже и навѣрно, что эти вбитыя суровой дѣйствительностью мнѣнія будутъ высказываемы нами, учителями, что называется «суконнымъ языкомъ», а не блестящими, округленными, приятными для уха періодами—гдѣ же намъ научиться краснорѣчію, когда мы лишены возможности не только интеллигентнаго общества, но и простого общенія между собою? Вѣдь нельзя же ораторствовать одному, самому съ собой, сидя въ своемъ «медвѣжьемъ углу», засыпанномъ цѣлые полгода снѣгомъ?—но я ручаюсь за жизненность этихъ мнѣній, за ихъ практичность, такъ какъ они, эти мнѣнія, подсказаны иногда цѣлыми десятками лѣтъ тяжелаго опыта, такъ какъ они пострадали нами.

Итакъ, предполагается, слѣдовательно, что намъ, народнымъ учителямъ, нечего сказать своего, что все уже обсуждено и разсуждено до насъ и за насъ, что намъ нужно не разсуждать, а учиться, какъ владѣть половочѣ невещественными орудіями своего невещественнаго ремесла, что намъ нужны не сѣзды, а курсы.

Но сами народные учителя, видимое дѣло, съ этимъ ограниченіемъ примириться не могутъ. При всякомъ удобномъ случаѣ они стараются «излиться», высказаться: на курсахъ пѣнія или садоводства и огородничества поднимаютъ вопросы о матеріальной небезопасности и неустойчивости своего положенія; на педагогическихъ курсахъ—стремятся разрѣшить вопросы наилучшей организаціи школьнаго и внѣшкольнаго образованія, т. е. вопросы, подлежащіе вѣдѣнію учительскаго сѣзда, а не курсовъ и т. д. Разумѣется, выходить изъ рамокъ, намѣченныхъ тѣми или другими циркулярами, имъ, учителямъ, не позволяется,—и они остаются при своихъ вопросахъ и сомнѣніяхъ. Такъ было на курсахъ въ Твери, Москвѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ и другихъ городахъ. Очевидно, сама жизнь, выдвигая передъ учителемъ вопросы народнаго образованія, заставляетъ его забывать о существующихъ на всякій случай жизни учительской строгихъ циркулярахъ и соваться всюду съ своими вопросами и сомнѣніями.

Слѣдовательно, мнѣнія гг. гласныхъ о ненужности, несвоевременности учительскихъ сѣздовъ, по меньшей мѣрѣ, необдуманныя мнѣнія.

Другое возраженіе—относительно возможности возникновенія конфликта между постановленіями учительскихъ сѣздовъ и училищными совѣтами—также не основательны.

Прежде всего, конечно, о какомъ, собственно, конфликтѣ идетъ рѣчь? Если о конфликтѣ между лицами, какъ представителями несогласныхъ идей, въ данномъ случаѣ между учителями, стремящимися выполнить постановленія своихъ сѣздовъ, и представителями училищныхъ совѣтовъ, проводящими въ жизни свои официальные взгляды на дѣло народнаго образованія,—то говорить о возможности конфликта между ними по крайней мѣрѣ такого, который бы могъ нарушить правильное теченіе народообразовательной дѣятельности, по меньшей мѣрѣ, смѣшно. Такіе конфликты разрѣшаются очень просто: удаляютъ вздумавшаго конфликтировать учителя—вотъ и все; другой

уже навѣрное не осмѣлится конфликтовать. Такъ дѣлается теперь, такъ дѣлалось прежде, такъ будетъ дѣлаться и впредь. Объ этомъ, значить, беспокоиться гг. гласнымъ не приходится.

Если же дѣло идетъ о борьбѣ въ области идей, о конфликтѣ между мнѣніями одной группы, то я не понимаю, почему и не допустить такого конфликта, такой безобидной, осмѣливаюсь даже сказать, плодотворной борьбы.

Нельзя же заранѣе предрѣшать, что мнѣнія представителей училищныхъ совѣтовъ всегда и во всякомъ случаѣ справедливыѣ, жизненныѣ мнѣній народныхъ учителей.

Вспомнимъ только разнохарактерный составъ нашихъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, чтобы усомниться въ справедливости такого мнѣнія, котораго, очевидно, придерживаются конфликтующіе въ собраніи противъ учительскихъ сѣздовъ гг. гласные. Въ составъ нашихъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ входитъ, напримѣръ, какъ непремѣнный членъ, мѣстный исправникъ, компетентный можетъ быть только въ вопросахъ школьной дисциплины и членъ отъ города чаще всего изъ мѣстныхъ кушцовъ, который уже совѣмъ ни въ чемъ не компетентенъ, кромѣ вопросовъ мелочной купли-продажи.

Почему же, спрашивается, надо непременно предполагать, что мнѣнія подобныхъ господъ непогрѣшимыѣ мнѣній, подтвержденныхъ учительскимъ сѣздомъ, т. е. группою лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія? Что постановленія учительскихъ сѣздовъ могутъ быть дѣльны и жизненны, объ этомъ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что постановленія учительскихъ сѣздовъ, устроенныхъ Московскимъ уѣзднымъ земствомъ въ 1881, 1882, 1883 и 1884 гг., объ учительскихъ и ученическихъ библіотекахъ, о книжныхъ складахъ (третій учительскій сѣздъ) и народныхъ публичныхъ чтенійхъ (четвертый), объ устройствѣ эмеритальной учительской кассы (второй), о введеніи въ курсъ народныхъ училищъ рукодѣлія, пѣнья, объ ознакомленія съ событиями русской исторіи, о сообщеніи свѣдѣній по естествознанію въ связи съ географіей и т. п. были рассмотрѣны управой, проведены черезъ собраніе и училищный совѣтъ и сдѣланы теперь совершившимися фактами. Много другихъ постановленій бывшихъ учительскихъ сѣздовъ, не получившихъ своевременно разрѣшенія, и теперь фигурируетъ часто въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, предлагаемыя гг. гласными, какъ *новыя слова*, какъ *новыя мѣры* къ развитію дѣла народнаго образованія.

Все это, я думаю, говорить за то, что и народный учитель сумѣетъ сказать и *свое* слово о *своемъ* дѣлѣ, ему близкомъ и дорогомъ.

А поэтому, въ виду всего сказаннаго, осмѣливаюсь еще разъ утверждать, что мнѣнія, къ счастью, меньшинства гласныхъ, полагающихъ, что учителямъ учительскіе сѣзды не по плечу, что они не своевременны, что по поводу ихъ не стоитъ и «долбить камня» ходатайствами—весьма ошибочны; это не продуманныя, кабинетныя мнѣнія.

Я думаю, что лишать учителя одного изъ средствъ, беспорно ведущихъ къ расширенію его взгляда на дѣло народнаго образова-

нія, безъ сомнѣнія, воспитывающихъ въ немъ сознаніе важности той великой культурной миссіи, которая выпала на его долю,—не слѣдуетъ. Надо ему предоставить *все* средства «эмансипироваться отъ своего невѣжества», за которое онъ, собственно, не отвѣтственъ. А онъ несомнѣнно хочетъ этого самъ. Только при благопріятствующихъ его развитію условіяхъ и можетъ развиться изъ нашего народнаго учителя та великая культурная сила, которая можетъ одерживать великія, безкровныя, культурныя побѣды, сила, подобная той, которая развилась уже въ Германіи и въ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Поэтому я полагаю, что большинство гг. гласныхъ земскаго собранія, присоединившихся къ мнѣнію меньшинства совѣщанія, иначе сказать, постановившее возбудить ходатайство о разрѣшеніи вновь созывать учительскіе сѣзды,—поступило въ высшей степени цѣлесообразно, сослужило службу дѣлу народнаго образованія.

Я увѣренъ, что все общество встрѣтитъ съ радостью это постановленіе, а народные учителя—съ восторгомъ. Если бы мои собраты не прозябали сейчасъ въ безгазетномъ пространствѣ, если бы они какимъ нибудь чудомъ получали возможность высказаться публично, какъ это дѣлаю сейчасъ я, то, повѣрьте, они сказали бы то же самое, что сказалъ и я, они стали бы такъ же рукоплескать постановленію губернскаго земства объ учительскихъ сѣздахъ, какъ это дѣлаю и я.

Остается только пожелать, чтобы ходатайство это не было задержано по пути и какъ можно скорѣе получило бы благопріятное разрѣшеніе.

Примите и пр.

народный учитель

В. Василевичъ.

На Западъ.

Изъ Германіи.

Современный нѣмецкій театръ.

(Продолженіе *).

Мы остановились въ прошлый разъ, такъ сказать, на мертвомъ пунктѣ въ развитіи новѣйшей нѣмецкой литературы. Наиболѣе крупные представители этого періода литературы, непосредственно предшествующаго событіямъ 1870—71 года, частью не дожили до наступленія новой эпохи, какъ Фридрихъ Геббель и Отто Людвигъ частью успокоились на лаврахъ своей славы, какъ, напр., Эмануиль Гейбель; частью, какъ Густавъ Фрейтагъ, витали въ сферахъ творчества, не имѣвшихъ ничего общаго съ волненіями и злобами современности. Другіе несомнѣнно выдающіеся таланты, какъ Пауль Гейзе, Теодоръ Штормъ, Готфридъ Келлеръ и Конрадъ Фердинандъ Мейеръ, являются достояніемъ лишь небольшой хотя и признательной общины литературныхъ лакомокъ. Все же, что всплываетъ на широкую поверхность, отличается незначительной цѣнностью. Періодъ отъ 1870 до 1880 года выдвинуть на первый планъ въ области нѣмецкаго романа Георга Эберса, въ области нѣмецкой драмы Пауля Линдау. Искусство этихъ доморощенныхъ талантовъ не могло вполнѣ удовлетворить потребности и тривиальные вкусы, расцвѣтшіе на почвѣ деморализующихъ условій періода грюндерства вновь объединенной имперіи. Отсюда наплывъ продуктовъ соотвѣтственнаго французскаго искусства, пышный расцвѣтъ французской оперетки и низкопробной французской комедіи. Мышь мститъ съѣвшей ее кошкѣ тѣмъ, что передаетъ послѣдней своихъ паразитовъ. То же случилось и съ побѣдителями французовъ, отмстившихъ нѣмцамъ произведеніями своей игривой и фривольной музы... Только два исключительныхъ явленія видимъ мы въ это время, врывающимися какъ свѣтлые лучи въ атмосферу, наполненную низменными инстинктами. Эти лучи суть реформаторскія стремленія Рихарда Вагнера и Мейнингенской группы. Онѣ дали первый толчокъ къ исканію

*) См. «Образованіе» № 4.
№ 5—6. Отд. II.

новых путей и созданію новаго направленія въ театральномъ искусствѣ. Они пробудили новые запросы къ театру и подготовили приближеніе натурализма какъ въ литературѣ, такъ и на сценѣ.

Тѣмъ временемъ, условія жизни выдвинули на сцену новое литературное поколѣніе, съ упорствомъ и твердой энергіей старавшееся пролагать новые пути. Это поколѣніе часто упрещали, что оно отступило отъ завѣта своихъ отцовъ, отшатнулось отъ ихъ литературнаго наслѣдія и не хотѣло продолжать начатое ими дѣло. Но современная литература, создавшаяся подъ новыми вліяніями, не могла не нести на себѣ печать этихъ вліяній *). Красивый, безмятежный пафосъ, служившій источникомъ вдохновенія стариковъ, исчезъ съ лица земли. На его мѣсто явилась безпощадная трезвая дѣйствительность. Когда пороешься, — говорилъ Зудерманъ въ названной ниже рѣчи, — въ книгахъ поэтовъ, составлявшихъ въ 30-хъ годахъ такъ называемую «молодую Германію», или у тѣхъ, что въ 1848 году пѣли бурныя пѣсни, а въ 60-хъ провозглашали идеалы гражданской свободы, — то не можешь не сказать съ завистливымъ взоромъ: «какъ были они молоды и пылки! какъ легко было имъ за письменнымъ столомъ складывать пѣсни о жизни по своимъ сновидѣніямъ!..»

Съ годами положеніе вещей измѣнилось. Съ трудомъ разбираются теперь въ явленіяхъ жизненной сумятицы, берутъ оттуда крохи и прилежно ихъ описываютъ. Свободный полетъ фантазіи стѣсненъ желѣзными оковами. То, что старому поколѣнію казалось невѣроятнымъ, или отъ чего они, благодаря болѣе слабой впечатлительности, легко сторонились, теперь обратилось въ чудовищную силу, становящуюся на каждомъ шагѣ поперекъ творчеству и наслажденію. вмѣсто романтически перелетающихъ дѣйствій совѣсть современнаго художника потребовала отъ него теперь точныхъ наблюденій, вмѣсто пылкой фантастики — человѣческихъ документовъ, вмѣсто полупоэтической реторики — тщательнаго воспроизведенія жизни изображаемаго общества.

Литературная критика стараго стиля, ожесточенная первыми вторженіями молодого литературнаго направленія, призывала на него громы и молніи за его приверженность къ чужеземнымъ образцамъ: къ золаизму, толстовству, ибсенизму и скандинавизму вообще. Да, если художникъ черпаетъ для своего творчества исключительно изъ своей собственной сокровищницы, то въ этомъ случаѣ его слѣдуетъ признать особенно щедро надѣленнымъ отъ Бога. Но гораздо чаще и настойчивѣе осаждаютъ художника, особенно въ началѣ его развитія, уже готовые образы дру-

*) См. «Literarische Wandlungen in Deutschland» — въ вѣнской «Neue Freie Presse» за ноябрь 1895 г. Зудерманъ, произнесшій эту рѣчь на литературномъ конгрессѣ въ Дрезденѣ, представитель наиболѣе умѣреннаго крыла среди молодыхъ писателей Германіи и не можетъ быть заподозрѣнъ въ особомъ пристрастіи. См. также: «Die literarische Bewegung in Deutschland» von M. Conrad въ «Gesellschaft» 1893 г. Томъ III.

тихъ художниковъ, вліяя на его фантазію и оплодотворяя заключенные въ немъ самомъ элементы творчества. На порогѣ каждой новой эпохи стоятъ всегда могучія личности, отъ вліянія которыхъ никто не можетъ ускользнуть. Это вліяніе только тогда удается сломить, когда создавшаяся подъ его дѣйствіемъ литературное поколѣніе собственной усиленной работой расчистило себѣ широкій путь. Такъ было и въ Германіи. Зола, Ибсенъ, Толстой, Флоберъ, Мопассанъ, Достоевскій—вотъ имена, которыя приходятъ въ этомъ случаѣ на память. По утверженію самого Зудермана въ его дрезденской рѣчи, каждый изъ современныхъ молодыхъ писателей Германіи, создавшій что нибудь цѣнное, долженъ открыто признаться, что безъ вліянія названныхъ писателей онъ не былъ бы тѣмъ, что онъ есть. Самобытные образцы: Фрейтагъ, Гейзе, Штурмъ и др. также не остались безъ вліянія на послѣдующее поколѣніе. Но то были внутреннія, индивидуальныя ощущенія, чувства и картины, исполненные сладкой нѣги и тихой радости. Штурмъ же, пронесшійся надъ Германіей съ востока, запада и сѣвера, оказался могущественнѣе, неотразимѣе.

Одновременно съ этимъ поднялся штурмъ и въ собственномъ отечествѣ нѣмцевъ. Четвертое сословіе, справлявшее до того времени молчаливо и полусознательно свою дневную работу, начало обнаруживать признаки жизни и движенія. Со страхомъ и изумленіемъ обратились въ его сторону всѣ взоры. Темныя жилища и подполья бѣднаго рабочаго люда большихъ городовъ, дымныя мазанки деревни раскрыли настежь свои двери, и изнутри показалась во всей наготѣ нищета. Зрителями овладѣло чувство мучительнаго интереса и подавляющей отвѣтственности. То, что бросалось въ этомъ случаѣ въ глаза, не было похоже на образы, унаслѣдованные отъ стариковъ. Здѣсь не было видно розовыхъ идиллій, которыми были наполнены старыя деревенскія повѣсти. Здѣсь рѣдко можно было встрѣтить тотъ непосредственный, живой и невинный юморъ, который находилъ себѣ выраженіе въ такъ называемыхъ «народныхъ пьесахъ», приводившихъ въ умиленіе старое доброе время. Здѣсь, напротивъ, поражала на каждомъ шагѣ нужда, грубость, часто—нравственное паденіе. Неудивительно поэтому, что молодая литература отражала въ себѣ особенности этихъ явленій и не оставалась молчаливой въ виду страданій, отъ которыхъ сжималось сердце литературной молодежи.

Молодое поколѣніе писателей не останавливалось на этомъ въ своемъ стремленіи расширить задачи и содержаніе художественнаго творчества. Оно шло дальше и старалось проникнуть въ одинъ изъ главныхъ центровъ всякаго поэтическаго творчества: въ сферу отношеній между полами. За малыми исключеніями писатели прежнихъ временъ любили всѣ чувства и помыслы молодой дѣвушки, исторію ея помолвки и наконецъ брачный союзъ съ любимымъ человекомъ ставить на передній планъ. Наиболѣе распространенные «семейные журналы» зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы, въ интересахъ мнимой морали, эта тема оставалась въ

указанных предѣлахъ. Любовный мотивъ получалъ отсюда какую-то безцвѣтную монотонность. Сентиментальной нѣмецкой женщинѣ это было вполне по сердцу, но мужчина, своей дѣятельностью и жизненнымъ опытомъ способный охватить болѣе широкій кругъ явленій, съ теченіемъ времени совершенно потерялъ вкусъ къ беллетристическимъ радостямъ. Романъ и театръ сдѣлались исключительнымъ достояніемъ дамскаго общества, да еще разнаго рода вздыхателей. Литературная молодежь воспротивилась такому порядку вещей и, опираясь на примѣры и образы иностранныхъ авторовъ, старалась завоевать для художественнаго творчества новыя сферы проявленія любви. Вполнѣ понятно, что на первыхъ порахъ трудно было ожидать много хорошаго отъ порывовъ молодежи, разбившихъ вдругъ такъ долго сдерживавшія ее строгія рамки. И дѣйствительно, вскорѣ вся страна наполнилась тѣми небольшими томиками произведеній, въ которыхъ молодые энтузіасты съ неподдѣльною откровенностью, часто на не совсѣмъ правильномъ языкѣ, изливали всякаго рода трагическія любовныя исторіи и злословія, и которые получили названіе «литературы бѣдныхъ швей и кельнершъ». Само собою понятно, что эта литература смѣшила зрѣлыхъ людей и приводила въ ужасъ чувствительныхъ дамъ. Но юноши, упражнявшіеся въ такихъ писаніяхъ, сами впоследствии сдѣлались зрѣлыми людьми и насмѣялись надъ грѣхами своей молодости. Грѣховъ же этихъ — преувеличеній, несоблюденія чувства мѣры—было болѣе чѣмъ достаточно. Изъ среды этихъ юношей выросли между прочимъ и такіе таланты, которые составляютъ въ настоящее время не только надежду, но и вполне опредѣлившуюся гордость нѣмецкой литературы.

Тогда какъ въ старомъ романѣ любовная исторія обыкновенно кончалась шествіемъ къ алтарю, новый романъ старался проникнуться интересомъ къ постоянной жизненной судьбѣ изображаемыхъ имъ людей. Творческая фантазія старалась заглянуть въ самыя интимныя сферы семейной жизни, выяснитъ смыслъ этихъ отношеній между человѣкомъ и человѣкомъ въ бракѣ. А рядомъ съ семьей выступаютъ на сцену судьбы одинокой молодой и старѣющей женщины, вынужденной на собственный страхъ и трудами руеъ своихъ вести борьбу за свое существованіе. Здѣсь была заключена цѣлая область проблемъ для творческаго ума; здѣсь выступалъ со всей силой великій общественный конфликтъ, который въ связи съ стремленіями четвертаго сословія будитъ мысль къ новой работѣ и къ новымъ жизненнымъ интересамъ. Въ виду такихъ жгучихъ и захватывающихъ задачъ не оставалось много мѣста для рыцарской и героической романтики. Изъ романа, часто съ преувеличеннымъ усердіемъ, исключалось все, что напоминало бы особенности старой беллетристики. Простая житейская исторія, психологически обоснованная, изображенная съ внутренней правдой — вотъ тотъ родъ повѣствовательной литературы, который получалъ все большее распространеніе, отвѣчая рстущимъ запросамъ и вкусамъ публики. Литературные

же вкусы публики постепенно слѣдовали за молодыми литературными дѣятелями.

Нѣмецкая драма продѣлала приблизительно тотъ же процессъ развитія. И вотъ, разбираясь въ судьбахъ современной нѣмецкой драмы, я не могу не отмѣтить судьбу двухъ писателей, отъ которыхъ собственно пошло все то хорошее, что послѣднее десятилѣтiе создало въ области драматической литературы. Проникнутые идеализмомъ и широкими художественными планами, они пренебрегли въ свое время матеріальными выгодами сотрудничества въ семейныхъ и домашнихъ журналахъ и въ убогомъ чердачномъ уединеніи искали новыхъ путей нѣмецкому искусству. Я разумѣю Арно Гольца и Иоганеса Шлафа. Участь этихъ писателей удивительная, чтобы не сказать: постыдная для прославленнаго «народа мыслителей и поэтовъ».

Недавно, года полтора тому назадъ, извѣстный издатель берлинскаго журнала «Zukunft» Максимилианъ Гарденъ объявилъ подписку въ пользу одного «нѣмецкаго художника и поэта». Этотъ художникъ и поэтъ, какъ заявлялъ Гарденъ, достоинъ помощи. При этомъ издатель «Zukunft» обѣщаль точно отмѣчать въ своемъ журналѣ поступающіе дары и имена жертвователей. Художникъ и поэтъ, о которомъ шла рѣчь, былъ не кто иной, какъ Арно Гольцъ, тотъ самый Гольцъ, который въ союзъ съ Шлафомъ фигурируетъ въ исторіи недавней нѣмецкой литературы, какъ подлинный создатель нѣмецкаго натурализма и нѣмецкой натуралистической драмы *).

Арно Гольцу теперь всего 35 лѣтъ отъ роду. Его имя впервые сдѣлалось извѣстнымъ въ литературѣ въ 1885 году, когда онъ издалъ сборникъ своихъ стихотвореній подъ названіемъ «Lieder eines Modernen». Его первоначальная литературная дѣятельность была вообще посвящена исключительно лирической поэзіи. Правда, уже съ гимназической семьи ему пришлось взять на себя редакцію одной провинціальной мелкой газеты и такимъ образомъ въ пору самаго расцвѣта лирическихъ стремленій отдаться безотраднѣйшей работѣ послушнаго издательской волѣ журналиста. Оторванный такимъ образомъ отъ возможности дальнѣйшаго систематическаго образованія и склонный по своей натурѣ къ сосредоточенію всѣхъ своихъ силъ на одномъ пунктѣ, Гольцъ ушелъ весь въ лирику и за выполненіемъ своихъ насущныхъ хлѣбныхъ обязанностей, только и читалъ, что произведенія лирической поэзіи. Это было время такъ называемой «лирической революціи». Молодое поколѣніе поэтовъ, не сомкнутое еще тѣсными отношеніями и опредѣленной

*) При случаѣ какъ нибудь, когда мнѣ придется говорить о современной нѣмецкой лирикѣ, я также упомяну о публичной подпискѣ въ пользу самаго выдающагося лирическаго поэта Германіи—Детлевафонъ-Лиліенверона. Скандалъ этой подписки тѣмъ большій, что собранныя три съ чѣмъ то тысячи марокъ, къ великому изумленію публики, достались не поэту, а его кредиторамъ.

программой, искало для своего лирического творчества новых мотивов, болѣе соответствующихъ духу времени. Борьба противъ литературныхъ эпигоновъ съ ихъ псевдороманической и псевдоидеалистической слащавостью, стремленіе къ новой жизни и къ новому содержанию для этой жизни — все это тогда наполняло духовную атмосферу нѣмцевъ и ихъ передовую литературу. Гольцъ и самъ вышелъ изъ среды этихъ эпигоновъ. Его первый сборникъ стихотвореній является еще въ значительной степени подражаніемъ Юліусу Вольфу и Баумбаху. Изданный имъ сборникъ въ память Эмануила Гейбеля «Geibelgedenkbuch» составленъ еще вполне въ духъ этого главнаго представителя литературныхъ эпигоновъ. Лишь появившійся вскорѣ затѣмъ дополненный сборникъ его произведеній подъ названіемъ «Buch der Zeit» (Книга времени) заключаетъ въ себѣ значительное число стихотвореній съ такъ называемымъ современнымъ содержаніемъ. То была лирика большихъ городовъ, социально-политическая лирика и рѣзкая полемика противъ стариковъ-эпигоновъ. «Книга времени», заключающая въ себѣ 450 страницъ лирическаго матеріала, была первой въ своемъ родѣ появившейся изъ ядръ молодого литературнаго поколѣнія. Много было въ ней написано съ захватывающимъ огнемъ, необыкновенной силой и убѣжденностью. Она обличала недожизненный талантъ въ авторѣ, который только что перешагнулъ за границу совершеннѣйшаго.

Поэзія, заключенная въ 450 страницахъ «Книги времени», оказалась очевидно не ко двору въ наше отнюдь не поэтическое время. На долю Гольца досталось за эту книгу 25 марокъ чистаго гонорара да еще какая то премія какого то Шиллеровскаго литературнаго общества. Въ борьбѣ съ насущной нуждой ему пришлось на время забросить свою музу и уйти на подножный кормъ какой то частной службы. Окрѣпши нѣсколько отъ литературной голодовки, онъ снова почувствовалъ въ себѣ силы для дальнѣйшаго служенія искусству и вернулся въ Берлинъ. Здѣсь въ одномъ изъ отдаленныхъ предмѣстій поселился онъ для совмѣстной работы со своимъ другомъ Іоганесомъ Шлафомъ, съ которымъ и прожилъ вмѣстѣ зиму 1887—1888 года. Совмѣстную работу и жизнь съ Шлафомъ въ эту зиму самъ Гольцъ описываетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Наша маленькая коморка весело, точно птичья клетка, висѣла въ воздухѣ среди чуднаго зимняго ландшафта. Изъ за нашихъ письменныхъ столовъ, у которыхъ мы сидѣли по самую шею закутанные въ красныя шерстяныя одѣяла, могли мы каждый вечеръ наблюдать самые волшебные закаты солнца тамъ далеко за снѣжной долиной, надъ которой носились стаи вороновъ. Но рѣзкіе вѣтра пронизывали насъ сквозъ плохо задѣланныя маленькія окошечка и, не смотря на 40 плитокъ прессованнаго угля, которыя мы каждое утро клали въ нашу печь, пальцы наши такъ коченѣли отъ холода, что приходилось то и дѣло бросать работу. Приходилось бросать работу и по другимъ причинамъ. Такъ, напр., когда мы отправлялись за дешевымъ обѣдомъ въ Берлинъ.

и затѣмъ снова въ продолженіе цѣлаго часа, сквозь ледъ и снѣгъ, возвращались въ свою птичью клѣтку и снова начинали ощущать голодъ; или, когда съ наступленіемъ сумерекъ и съ погасаніемъ всѣхъ цвѣтовъ дня, мы начинали вдругъ слушать и ощущать одиночество и заброшенность нашу, и насъ охватывала при этомъ меланхолія; или, что всего ужаснѣе, когда нашъ табакъ приходилъ къ концу. Становилось больно до невозможности. Были случаи, когда мы даже курили послѣдніе листы старой гирлянды...»

Натуралистическая лирика, которой Арно Гольцъ отдался было съ такимъ энтузіазмомъ, отличалась тѣмъ не менѣе условностью и односторонностью, не смотря на ея вѣдннюю современность. Это былъ въ сущности тотъ же старыи паоосъ и та же самая комбинація условныхъ чувствъ. Самъ Гольцъ пришелъ къ тому же выводу и послѣ ряда годовъ восторженнаго служенія стиху убѣдился, что въ стихѣ ничего новаго и правдиваго не скажешь, и что слѣдуетъ искать иныхъ формъ литературнаго творчества.

Въ это время настала какъ разъ въ Германіи пора восторженнаго преклоненія передъ Золя. Все набросилось на изученіе романовъ Золя и критики Тэна. Специально Гольцъ занялся усерднѣйшимъ изученіемъ критики Золя. Теперь впервые послѣ продолжительной оторванности нѣмцевъ отъ міровой литературы и самодовлѣющаго существованія подъ эгидой пошлаго эпигонства, — теперь только въ Германіи напряженно заинтересовались современными художественными проблемами. Критическія работы Золя были непосредственнымъ импульсомъ для той драматической техники, которой обязана современная нѣмецкая драма, обогатившая современную мировую литературу рядомъ цѣнныхъ произведеній.

Французскія эстетическія воззрѣнія были абстрагированы отъ романовъ и служили руководствомъ для романистовъ. Ихъ крайнее выраженіе можно формулировать извѣстнымъ положеніемъ Золя объ осколкѣ дѣйствительности, пройденномъ черезъ темпераментъ художника. Въ противоположность драматургу, работающему съ помощью артистовъ, діалога, жестовъ и движенія, романистъ не можетъ непосредственно воспроизводить жизнь; тогда какъ драматургу присуща тенденція объективности, романистъ не можетъ обойтись безъ субъективной окраски дѣйствительности. Отсюда — дѣйствительность въ свѣтѣ темперамента художника.

Арно Гольцъ взялъ эти положенія за основаніе своихъ собственныхъ теоретическихъ построеній. Теоретически онъ пришелъ къ тому результату, что тенденція искусства заключается въ томъ, чтобы опять сдѣлаться дѣйствительностью, сообразно, конечно, съ условіями воспроизведенія даннаго искусства, и что возможно большее приближеніе къ этой конечной цѣли зависитъ отъ степени господства художника надъ техническими средствами. Это было утвержденіе, къ которому привело Гольца

последовательное проведение мысли о законности всего существующаго и совершающагося. При этомъ Гольцемъ совершенно игнорировались реальныя условія формъ художественнаго творчества *).

У Гольца были уже готовые сложившіеся взгляды на искусство, когда онъ въ своемъ птичьемъ гнѣздѣ берлинскаго предместья соединился съ Шлафомъ для совмѣстной работы. Плодомъ этой работы было собраніе повѣствовательныхъ и драматическихъ этюдовъ, вышедшее впоследствии подъ общимъ заглавіемъ «*Neue Geleise*» (Новые пути). Изъ этихъ этюдовъ наиболѣе объемистый и выдающійся былъ «*Para Hamlet*». Авторы прибѣгли при изданіи своихъ сочиненій къ слѣдующему маневру: не рассчитывая, что нѣмецкая критика при своей рутинности обратитъ вниманіе на неизвѣстныхъ авторовъ, Гольцъ и Шлафъ издали свои этюды подъ болѣе надежнымъ флагомъ Бьярне Голмсена. И въ самомъ дѣлѣ, мистификація вполне удалась: литературныя критики наиболѣе вліятельныхъ органовъ поспѣшили привѣтствовать восходящую звѣзду — норвежской литературы! Никто и не подозрѣвалъ, что подъ этимъ норвежскимъ именемъ скрываются два молодыхъ нѣмецкихъ писателя, задумавшихъ реформировать нѣмецкое искусство.

Первымъ опытомъ въ духѣ этихъ реформаторскихъ стремленій были упомянутый уже выше этюдъ «*Para Hamlet*» и появившаяся вскорѣ за нимъ драма «*Die Familie Selicke*». Въ этихъ, какъ и другихъ своихъ работахъ, Гольцъ и Шлафъ ставили себѣ задачей изображать жизнь во всей ея непосредственности, въ томъ видѣ, какъ она совершается въ повседневной дѣйствительности. Это не было однако простой фотографіей. Деморализованные артисты въ «*Para Hamlet*», душу раздирающая бѣдность «*Фамиліи Зелике*», прикрывающейся благочестивыми формами мелкобуржуазнаго быта; безсердечные шульмейстеры въ «*Erster Schultag*», или сбившіеся съ панталыку студенты въ «*Krumme Windgasse 20*» — все это не было простой копіей дѣйствительности, но носило на себѣ печать оригинальныхъ художественныхъ приемовъ. Большія крайности въ примѣненіи подлинной разговорной рѣчи, чрезмѣрная пластичность въ изображеніи характеровъ и явленій жизни не могли, конечно, прійтись по вкусу людямъ, воспитаннымъ на традиціонной эстетикѣ.

Въ птичьей клѣткѣ, на голодный и холодный желудокъ реформировать искусство — предпріятіе, конечно, довольно рискованное. Это обнаружилось немедленно: Іоганесъ Шлафъ, бывшій всего на годъ старше Гольца, впалъ въ тяжелую нервную болѣзнь и вернулся въ провинцію подъ попеченіе своихъ родныхъ. Гольцъ-же снова ушелъ на частную

*) Свои взгляды на искусство Арно Гольцъ изложилъ въ своей книгѣ: «*Die Kunst, ihr Wesen und ihre Gesetze*» (1890 и 1892 г.). Кстати упомяну еще нѣкоторыя наиболѣе серьезныя эстетическія изслѣдованія писателей молодой школы: Wilhelm Bölsche. «*Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Poesie*» (1887); Edgar Steiger. «*Der Kampf um die neue Dichtung*» (1889); Leo Berg. «*Der Naturalismus*» (1892).

службу, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ и только теперь опять возвратился къ литературѣ, какъ мы видѣли, при условіяхъ общественной благотворительности. Оставался вѣрять своимъ художественнымъ принципамъ, онъ хочетъ теперь посвятить себя главнымъ вопросамъ времени и въ рядѣ драматическихъ произведеній подъ общимъ заглавіемъ: «Берлинъ, конецъ одной эпохи въ драмахъ» (Berlin, das Ende einer Zeit in Dramen) дать общую картину переживаемой эпохи. Въ первой драмѣ изъ предполагаемаго цикла: «Socialaristokraten» (печатаалась сначала въ берлинскомъ журналѣ «Neuland», затѣмъ появилась отдѣльной книгой) Гольцъ хочетъ «вмѣсто традиціонной карикатуры на жизнь, дать по возможности подлинную жизнь; другими словами: постепенно вытѣснить изъ театра театральность...» Что касается содержанія названной драмы, то она изображаетъ бытъ и стремленія современныхъ, преимущественно берлинскихъ, анархистовъ въ рядѣ нерѣдко блестяще и съ большимъ юморомъ набросанныхъ картинъ... Въ связи съ упомянутой выше подпиской въ пользу Гольца интересно его собственное воззваніе къ публикѣ, помѣщенное въ предисловіи къ драмѣ: ...«Мнѣ остается теперь въ третій и послѣдній разъ, — такъ говоритъ онъ между прочимъ, — только одно еще: апеллировать къ публикѣ. Развѣ не найдется въ настоящее время во всей Германіи человѣка, который бы помогъ автору довести до конца его трудъ? Такъ какъ на основаніи сдѣланныхъ мною опытовъ можно ожидать отрицательный отвѣтъ, то я считаю не лишнимъ присовокупить, что я, само собою понятно, рѣшился на этотъ шагъ не въ интересахъ моей личности, а моей жизненной задачи...» Еще раньше, послѣ его совмѣстной работы съ Шлафомъ, уходя на частную службу, Гольцъ съ горечью заявилъ, что въ искусствѣ можно создать что нибудь новое только съ туго набитымъ кошелькомъ въ карманѣ... Нѣмецкая пресса и общественное мнѣніе проглотили этотъ упрекъ также молчаливо, какъ вполнѣ публичную подписку въ пользу Гольца. Это объясняется, надо думать, частью вполнѣ основательными угрызеніями совѣсти за общественное равнодушіе къ литературѣ, съ другой стороны — тѣмъ фактомъ, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ случаѣ съ поэтомъ Лилиенкромомъ, идетъ рѣчь о несомнѣнныхъ крупныхъ художникахъ. Какъ бы то ни было, но на сторонняго нѣмцамъ человѣка такая необыкновенная практика производитъ такое удручающее впечатлѣніе, при которомъ не знаешь, кого больше винить: общество или этихъ самихъ поэтовъ...

Но вернемся къ нашей темѣ. Драматическая техника, выработанная Гольцемъ и Шлафомъ, была для нѣмецкой литературы своего рода открытіемъ. Сами эти молодые новаторы, какъ всякіе новаторы, преувеличивавшіе значеніе своего открытія, пришли къ нему путемъ сложныхъ доктринерскихъ умозаключеній. Сгруппируемъ еще разъ главнѣйшія положенія этой доктрины: комплексъ наукъ, обобщаемыхъ нами подъ именемъ социологій, и такъ называемое натуралистическое искусство имѣли въ исто-

рѣн одинъ общій исходный пунктъ. Основаніе этой общности заключается въ добытомъ познаніи необходимости и связности всего совершающагося. Въ примѣненіи къ искусству это положеніе ведетъ къ слѣдующему: все, что подводятъ подъ понятіе индивидуализма, оказывается ложной психологической перспективой. Ничто не виситъ въ воздухѣ. Намъ не интересуется болѣе такъ называемый характеръ, но совокупность и связь тѣхъ явленій, отъ которыхъ раньше абстрагировали характеръ. Техника современнаго романа (такъ называемая техника среды) показала эту связь. Драма не имѣетъ достаточнаго простора для такой работы и должна удовольствоваться простымъ изложеніемъ фактовъ. Но съ этой работой совмѣстима и доселѣ небывалая глубина анализа. Мы также мало знаемъ себя, какъ и окружающую насъ жизнь. То, что мы говоримъ и дѣлаемъ, есть лишь отдаленный, обманчивый призракъ того, что помимо нашей воли и сознанія происходитъ глубоко внутри насъ. То, что мы разсматриваемъ какъ душевную основу, есть лишь не болѣе какъ новая поверхность, подъ которой скрывается еще болѣе глубокая основа. Чѣмъ мы умнѣе, тѣмъ черезъ большее число наслоеній можемъ мы проникнуть. Жизнь есть самое глубокое, потому что она объединяетъ все. Чѣмъ правдивѣ воспроизведенъ тотъ или иной процессъ жизни, тѣмъ онъ глубже. Художникъ всегда поверхностнѣе жизни, но если онъ работаетъ съ надлежащей правдивостью, то можетъ приподнять столько наслоеній, что оказывается возможнымъ заглянуть на значительную глубину... *).

Все это были принципы, воплотить которые въ конкретныхъ драматическихъ произведеніяхъ суждено было Гольцу и Шлафу лишь въ зачаточной и далеко не совершенной формѣ. Практическая работа выпала на долю цѣлаго ряда писателей одного съ ними поколѣнія, а въ этомъ рядѣ писателей Гергартъ Гауптманъ безусловно является однимъ изъ немногихъ, кому нѣмецкая драма прежде всего обязана своимъ расцвѣтомъ.

Со времени перваго выступленія Гауптмана въ свѣтъ не прошло и десяти лѣтъ. То было осенью 1889 года, когда на сценѣ берлинскаго «Театра Лессинга» была поставлена первая его драма, и среди бурныхъ сценъ враждебныхъ и дружескихъ манифестацій впервые представилась заинтересованной публикѣ граціозная фигура молодого свѣтлорусаго драматурга. Друзья Гауптмана возвѣщали о наступленіи для нѣмецкой литературы новой классической эры; его противники возмущались «накопленіемъ грязи» въ его драмѣ «Передъ восходомъ солнца» и въ интересахъ морали чуть ли не требовали полицейскаго вмѣшательства. И если для всѣхъ очевидно было, что въ лицѣ молодого драматурга объявился крупный талантъ, то все же ни одна вновь появлявшаяся его пьеса не избѣгла самыхъ невѣроятныхъ криво-

*) См. между прочимъ: Dr. Paul Ernst: „Die Anfänge des modernen Dramas“ въ журналѣ „Die Neue Zeit“ 1897, Band II, стр. 452 и слѣд.

толковъ съ тѣмъ только различіемъ, что литературные споры о Гауптманѣ не носятъ уже первоначальнаго крайне возбужденнаго и рѣзкаго характера. Тѣмъ временемъ и самъ авторъ продѣлалъ значительный процессъ видоизмѣненій отъ послѣдовательнѣйшаго реализма и натурализма до ихъ полнѣйшаго отрицанія. Сфера фантастическихъ и сказочныхъ образовъ, изъ которыхъ вышли послѣднія произведенія Гауптмана, — что отвѣчаетъ, повидимому, распространеннейшей теперь въ литературѣ модѣ на мистическіе, символическіе и библейскіе сюжеты, — эта сфера отличающимся ея духомъ кротости пришлась по вкусу довольно широкимъ слоямъ общества и примирила ихъ нѣсколько со столь неугоднымъ было писателемъ. Самое послѣднее произведеніе Гауптмана «Die Versunkene Glocke» (Потонувшій колоколъ) было въ первый разъ поставлено на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ въ концѣ 1896 года, а спустя годъ издатель Гауптмана могъ похвалиться уже 34 изданіемъ этой «нѣмецкой драматической сказки!» Лишь очень немногія произведенія нѣмецкой литературы стяжали себѣ въ такое короткое время такую популярность. «Ткачи» Гауптмана выдержали болѣе 20 изданій, да и остальные его произведенія разошлись, если и не въ такомъ числѣ изданій, то все же въ довольно значительномъ количествѣ экземпляровъ. Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ сценическими произведеніями, успѣхъ которыхъ измѣряется не столько данными книжнаго рынка, сколько данными театральнаго подмостковъ. Само собою понятно, что не всѣ пьесы Гауптмана въ одинаковой степени сдѣлались прочнымъ достояніемъ современнаго сценическаго репертуара, но нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно не сходятъ съ репертуара, какъ «Потонувшій колоколъ», «Ткачи», «Ганнеле»; другія то и дѣло возобновляются къ постановкѣ, какъ «Передъ восходомъ солнца», «Бобровая шуба», «Коллега Крамптонъ», «Одинокіе люди». Только «Праздникъ мира» (Das Friedensfest) давно не случалось мнѣ слышать и видѣть, да еще историческая драма Гауптмана «Флоріанъ Гейеръ», повидимому, безнадежно обречена на забвеніе, — по крайней мѣрѣ со стороны театральнаго антрепренера.

При такомъ интересѣ и благоволеніи со стороны публики будетъ понятно, что и литературная критика неуспѣшно занята личностью и произведеніями нашего еще сравнительно молодого драматурга. О немъ имѣется уже цѣлая литература, разсматривавшая его съ самыхъ возможныхъ и даже невозможныхъ сторонъ. Въ самое послѣднее время появилось о Гауптманѣ цѣлыхъ три книги; изъ прежнихъ лѣтъ мнѣ извѣстна небольшая книжка д-ра Мана; я ужъ не говорю о массѣ брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей *).

*) Вотъ главнѣйшая литература о Гауптманѣ: 1) Dr. Paul Mahn: «Gerhart Hauptmann und der moderne Realismus» Berlin 1894.—2) U. E. Woerner: „Gerhart Hauptmann“ изъ серіи „Forschungen der neuen Lite-

Изъ приведенной здѣсь литературы послѣдняя указанная мною книга д-ра Шлентера, — известнаго берлинскаго критика, который теперь призванъ на постъ директора вѣнскаго «Бургтеатра», — на протяженіи 268 страницъ даетъ исчерпывающую характеристику личности и произведеній Гауптмана. Это не значитъ, конечно, что со Шлентеромъ можно и слѣдуетъ во всемъ согласиться. Но никто въ такой степени какъ Шлентеръ не могъ проникнуть въ святую святыхъ какъ личныхъ судебъ Гауптмана, такъ и его драматическаго творчества. Шлентеръ уже много лѣтъ связанъ узами тѣсной дружбы съ Гауптманомъ, которому онъ, какъ умный и талантливый писатель и какъ одинъ изъ основателей «вольной сцены», помогалъ всегда словомъ и дѣломъ. Шлентеру поэтому былъ доступенъ весь матеріалъ, необходимый для возможно болѣе полной характеристики его любимаго товарища. Онъ могъ при разсмотрѣніи каждаго произведенія Гауптмана указать и прослѣдить всѣ импульсы и весь процессъ творчества художника въ томъ видѣ, какъ онъ это вѣроятно зналъ изъ личныхъ бесѣдъ съ самимъ Гауптманомъ. Книга Шлентера есть поэтому какъ бы одобренная самимъ авторомъ, официальная біографія Гауптмана. Неудивительно, если эта товарищеская книга написана въ довольно товарищескомъ, хвалебномъ тонѣ. Никто не обязанъ безусловно раздѣлять этотъ тонъ, но чисто біографическія данныя о Гауптманѣ мы безъ всякаго риска можемъ позаимствовать изъ этой наиболѣе полной и занимательной біографіи.

Гергартъ Гауптманъ родился 15 ноября 1862 года въ курортѣ Оберзальцбрунъ, въ семьѣ ресторатора этой мѣстности Роберта Гауптмана. Благодаря разумному воспитанію, которымъ руководилъ отецъ, Гауптманъ въ общемъ оставался въ сторонѣ отъ всей ресторанной сутолоки, но все же онъ не рѣдко наталкивался на омерзительныя сцены животнаго опьяненія, которыя и запечатлѣны съ такой силой въ его первой драмѣ «Vor Sonnenaufgang», а самого автора сдѣлали на всю жизнь строгимъ противникомъ алкоголя. Гауптманъ, еще будучи ребенкомъ, бросался въ глаза всѣмъ посѣтителямъ курорта своей тихой въ себѣ замкнутой натурой. Но въ играхъ онъ принималъ участіе съ большой страстностью, среди разбитныхъ ребятъ былъ самымъ разбитнымъ и разъ даже, послѣ продолжительной разлуки съ своими старшими братьями, былъ такъ радъ встрѣчѣ съ ними, что изобразилъ свой восторгъ въ импровизованномъ имъ самимъ балетѣ. Онъ былъ всегда плохимъ ученикомъ, — какъ въ сельской школѣ въ Оберзальцбрунѣ, гдѣ ему хотѣли преподавать начатки латинской мудрости, такъ точно и въ Бреславлѣ, гдѣ онъ посѣщалъ реальное училище, и только отличался своими сочиненіями. Тѣмъ временемъ отецъ Гауптмана потерялъ все свое состояніе

raturgeschichte“ München 1897.—3) Adolf Bartels: «Gerhart Hauptmann» Weimar 1897: 4) Dr. Paul Schlenther: „Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung“ Berlin 1898.

вслѣдствіи прекращенія притока гостей въ этотъ курортъ, уступилъ свой отель другому лицу, а самъ перенялъ ресторанъ на только что выстроенномъ вокзалѣ въ Нидерзальцбрунѣ.

Гауптману было 15 лѣтъ, когда родители отдали его въ пансіонъ одного изъ его дядей, человѣка очень религіознаго и старавшагося въ томъ же духѣ воспитать своего племянника. Послѣдній не выдержалъ однако строгаго режима дяди и, когда обнаружилъ склонность къ лѣпкѣ разныхъ фигуръ изъ глины и воска, то былъ перевезенъ въ Бреславль и въ 1880 году отданъ въ мѣстную художественную школу. Черезъ три недѣли по вступленіи въ школу онъ уже навлекъ на себя гнѣвъ начальства за свое поведеніе, былъ исключенъ изъ школы, снова принятъ, но послѣ двухъ лѣтъ самъ бросилъ ее, такъ какъ ничему путному въ ней не научился, да и здоровье его внушало большія опасенія: предполагали тогда, что у него чахотка.

Въ 1882 году Гауптманъ отправляется въ Іену и поступаетъ въ тамошній университетъ студентомъ. Слушая по преимуществу исторію, онъ остается здѣсь однако не болѣе года, будучи не въ силахъ долѣе выносить атмосферу университетскихъ аудиторій и безшабашный бытъ ушедшаго всецѣло въ пивопитіе студенчества. Изъ Іены онъ ѣдетъ въ Гамбургъ навѣстить своихъ братьевъ, оттуда морскимъ путемъ отправляется вдоль береговъ Франціи и доѣзжаетъ до Рима, гдѣ устраиваетъ себѣ скульптурное ателье. Здѣсь его настигаетъ болѣзнь тифа, и, едва оправившись отъ грозившей ему смерти, онъ спѣшитъ обратно въ Германію. Въ 1885 году лѣтомъ, живя въ Берлинѣ онъ задумываетъ сдѣлаться актеромъ, для чего началъ брать уроки драматическаго искусства у извѣстнаго театральнаго директора. Его актерскія поползновенія были въ началѣ очень настойчивы, онъ серьезно боролся съ природенной его рѣчи легкой шепелявостью; чтобы улучшить свой проносъ, онъ не остановился передъ операдіей выжиганія какихъ то наростовъ въ носѣ, и т. д. Но скоро онъ усмотрѣлъ, что призваніе артиста не для него, и оставилъ эту мысль... Будучи 23 лѣтъ отъ роду, онъ женится на дочери гамбургскаго купца, двѣ сестры которой еще раньше вышли замужъ за двухъ старшихъ братьевъ Гауптмана. Съ молодой женой онъ селится въ восточномъ предмѣстьѣ Берлина Эркнерѣ, гдѣ скоро становится средоточіемъ молодой писательской колоніи. Въ Эркнерѣ онъ остается 4 года въ тѣсномъ общеніи съ такими крупными молодыми учеными и писателями, какъ д-ръ Бруно Вилле, Вильгельмъ Бельше, Лео Бергъ, и другими литературными и политическими дѣятелями передоваго лагеря. За четыре года жизни въ Эркнерѣ онъ сдѣлался отцомъ трехъ мальчиковъ: тѣмъ не менѣе неугомная и до странствованій охочая натура взяла верхъ, и Гауптманъ отправляется въ Цюрихъ, гдѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго профессора психіатріи Фореля, нѣсколько мѣсяцевъ посвящаетъ себя научнымъ занятіямъ. Возвратившись въ Эркнеръ, онъ занялся обработкой еще раньше набросанной драматической поэмы «Das

Erbe des Liborius», которая была напечатана, но ни разу не поставлена на сценѣ. Слѣдующая поэма въ байроновскомъ духѣ «Promettidenlos», превознесенная до небесъ нѣкоторыми дружественными Гауптману критиками, ему самому такъ мало нравилась, что онъ впоследствии скупилъ всѣ имѣвшіеся еще въ книжныхъ магазинахъ экземпляры, чтобы не компрометировать свое художественное реноме. Даже по мнѣнію самого Шлентера, эта поэма въ общемъ очень расплывчата и безформенна, хотя въ частностяхъ заключаетъ не мало общающихся красотъ. Матеріаломъ для этой поэмы послужила ему его итальянская поѣздка и впечатлѣнія съ французскаго и испанскаго побережья... Юмористическій этюдъ съ страннымъ названіемъ «So lange Gott nimmt, nehme ich auch» даже не удостоился напечатанія, а сборникъ стихотвореній «Das bunte Buch» готовился къ печати, когда внезапно надъ мелкимъ издателемъ Гауптмана въ маленькомъ городкѣ въ Оденвальдѣ былъ объявленъ конкурсъ. Въ Эркерѣ въ 1887 году Гауптманъ написалъ свою новеллу «Bahnwärter Thiel». Вскорѣ затѣмъ постановка на сценѣ вольнаго театра его первой драмы «Передъ восходомъ солнца» приноситъ тревожнымъ порывамъ молодого драматурга столь желанное избавленіе. Съ этого момента Гауптманъ становится извѣстнымъ человѣкомъ. Каждое послѣдующее его произведеніе приноситъ ему не только увеличеніе его популярности, но и расширеніе его матеріальнаго достатка. Онъ покупаетъ себѣ дачу въ родныхъ силезскихъ долинахъ близъ мѣстечка Шрайбергау, откуда то и дѣло дѣлаетъ экскурсіи для смѣны впечатлѣній. Въ 1894 году онъ съ своей семьей предпринимаетъ поѣздку въ Америку для свиданія со своими старыми друзьями и для присутствованія при постановкѣ его «Ганнеле» на американской сценѣ. Неудача съ «Флоріаномъ Гейеромъ» повергла было Гауптмана въ тяжелую меланхолію, но награда его «Ганнеле» преміей Грильпарцера со стороны вѣнской академіи снова подняла въ немъ духъ и вѣру въ свои силы. Та же «Ганнеле» должна была года два тому назадъ удостоиться и Шиллеровской преміи, но по волѣ Вильгельма II премія была дана Вильденбруху въ удвоенномъ размѣрѣ.

Здѣсь кончается собственно біографическая часть въ характеристикѣ Гауптмана, послѣ чего мы перейдемъ къ самимъ произведеніямъ этого драматурга.

Г. А. Гроссманъ.

Изъ Америки.

Изъ жизни американскихъ университетовъ.

Эмиграція русско-еврейской учащейся молодежи въ Америку за послѣдніе годы содѣйствовала болѣе серьезному ознакомленію русскихъ читателей съ американскою жизнью вообще и въ частности съ американскими университетами. Я не намѣренъ поэтому входить въ насто я-

щемъ письмѣ во внутренніе распорядки американскихъ университетовъ, о которыхъ я, какъ слушатель и преподаватель, сохранилъ въ общемъ очень пріятную память. Я хочу здѣсь коснуться вкратцѣ отношенія американскихъ университетовъ къ тому, что на языкѣ Щедрина называется «внутренней политикой».

Развитіе американскихъ университетовъ отразило въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, ходъ общественнаго развитія Америки. Въ колониальную эпоху и въ земледѣльческій періодъ независимаго существованія Соединенныхъ Штатовъ, такъ называемые «Университеты» являлись рассадниками «трехъ ученыхъ профессій» — пасторовъ, врачей и юристовъ. Политическая жизнь открывала благодарное поприще талантамъ и честолюбію послѣднихъ; профессиональная дѣятельность не оставляла времени врачебному сословію; духовенство по самымъ условіямъ своего существованія было единственнымъ сословіемъ, обладавшимъ досугомъ и необходимою подготовкою для руководства дѣломъ образованія. Всѣ старѣйшіе американскіе колледжи и университеты и всѣ новѣйшіе, за исключеніемъ такъ называемыхъ «государственныхъ», представляютъ собою сектантскія учрежденія, находящіяся въ завѣдываніи духовенства и питающіяся добротными даяніями богатыхъ прихожанъ. Не трудно видѣть, какое вліяніе на общественную жизнь это обезпечивало духовенству.

Но наступленіе эры капитализма наложило свою печать и на американскіе университеты. Развитіе сношеній между самыми отдаленными окраинами страны и ростъ большихъ городовъ сгладили прежній провинціальный характеръ университетовъ, расположенныхъ вблизи большихъ торгово-промышленныхъ центровъ. Матеріальные интересы факультета заставили открыть двери важѣйшихъ университетовъ «инославнымъ». Номинальная связь университета съ покровительствующею ему церковью удержалась, но на мѣсто прежняго сектантскаго духа явился религіозный эклектизмъ, допускающій такое явленіе, что въ числѣ профессоровъ, поочередно руководящихъ ежедневнымъ богослуженіемъ въ баптистскомъ чикагскомъ университетѣ, оказывается рабби Эмиль Гиршъ, проповѣдникъ реформированной еврейской синагоги. Въ основѣ такой широкой терпимости лежитъ погоня за крупными пожертвованіями: факультетъ политическихъ наукъ «епископальнаго» колумбійскаго университета въ Нью-Йоркѣ основанъ въ 1881 году на средства еврейской банкирской фирмы братьевъ Зелигманъ.

Если фактическая секуляризація университета явилась такимъ образомъ результатомъ капиталистическаго развитія Америки, то вліяніе послѣдняго не могло въ свою очередь не отразиться на духовной фізіономіи американскихъ университетовъ. Зависимость отъ меценатовъ положила на университетъ неизгладимую печать молчаливства.

Къ этому нужно прибавить немаловажное обстоятельство, что капиталы главнѣйшихъ университетовъ состоятъ въ фондахъ монопольно-капиталистическихъ предпріятій; такъ капиталы Вйлскаго университета

помѣщены въ акціяхъ ново-англійскихъ желѣзныхъ дорогъ; Гарвардскій университетъ владѣеть огромнымъ числомъ акцій городскихъ желѣзныхъ дорогъ; университетъ Джонса Гопкинса — одинъ изъ крупнѣйшихъ акціонеровъ Болтиморско-Охайской желѣзной дороги и т. д. Университетскія корпораціи такимъ образомъ сами являются учрежденіями съ крупно-капиталистическими интересами.

До начала восьмидесятихъ годовъ американскіе такъ называемые университеты, за двумя-тремя исключеніями, были не чѣмъ инымъ, какъ «гимназіями высшихъ наукъ». Но благодаря народженію многочисленнаго умственнаго пролетаріата и подъ вліяніемъ Европы въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій американскіе колледжи одинъ за другимъ начинаютъ перестраиваться по европейскимъ образцамъ. Учреждаются кафедры политической экономіи, социологіи и другихъ «опасныхъ наукъ», и, какъ ни придавлена университетская мысль молчалинскимъ режимомъ, отъ времени до времени выступаютъ профессора, держащіе «свое сужденіе имѣть». Это обыкновенно не проходитъ безнаказанно. За послѣдніе годы въ газеты попало нѣсколько случаевъ привлеченія профессоровъ къ отвѣту за вредное направленіе. Такъ профессору Или (Richard T. Ely) пришлось изъ за своего «христіанскаго социализма» оставить кафедру въ университетѣ Джонса Гопкинса въ Болтиморѣ и переехать въ висконсинскій государственный университетъ. Но и тамъ противъ него вскорѣ возбуждено было слѣдствіе по требованію висконсинскаго департамента народнаго просвѣщенія. На этотъ разъ профессоръ Или принесъ покаянную исповѣдь и его оставили въ покоѣ. Агитація Генри Джорджа стояла кафедры нѣсколькимъ профессорамъ. Основанный въ 1892 году на широкую ногу на пожертвованія керосиннаго магната Рокефеллера чикагскій университетъ имѣлъ свои «недоразумѣнія». Одному доценту, принимавшему дѣятельное участіе въ дѣлахъ народнической партіи, предложено было «выбрать либо университетъ, либо политику». Онъ выбралъ послѣднее и вышелъ изъ университета. Гораздо большее впечатлѣніе произвело два года тому назадъ дѣло профессора того-же университета Бимиса (Edward Bemis), уволеннаго отъ должности по требованію «самого». Профессоръ Бимисъ — человѣкъ весьма умѣреннаго образа мыслей; придерживаясь вообще ученій буржуазной политической экономіи, онъ въ вопросѣ о «естественныхъ монополіяхъ» слѣдуетъ за своимъ учителемъ проф. Или. Специально изучивши вопросы городского хозяйства, онъ публично выступилъ сторонникомъ «муниципализаціи» газоваго освѣщенія. Не знаю, что было-бы, если бы онъ отстаивалъ переходъ желѣзныхъ дорогъ въ руки государства; но въ газетномъ дѣлѣ въ Чикаго непосредственно заинтересованъ «самъ». Проповѣдь въ пользу муниципальнаго газоваго освѣщенія равносильна посягательству на священныя права собственности мистера Рокефеллера. Директоръ газовой компаніи, къ которому президентъ университета обратился съ просьбою о скидкѣ цѣны за газъ, въ отвѣтъ приложилъ вы-

рѣзку изъ газетной статьи проф. Бимиса о газовомъ вопросѣ, и прибавилъ: «пока университетъ имѣетъ среди учебнаго персонала чловѣка, какъ проф. Бимисъ, о скидкѣ не можетъ быть рѣчи». Это рѣшило судьбу Бимиса. Но все это продѣлывалось анонимно, при закрытыхъ дверяхъ, съ оглядкою на «общественное мнѣніе». Открыто президентъ чикагскаго университета не рѣшился заявить, что проф. Бимисъ уволенъ за свои статьи и рѣчи о муниципализаціи газоваго дѣла. Но попечительный совѣтъ Брауновскаго университета въ Провиденсѣ, въ штатѣ Родъ Айландѣ, вызывающе скинулъ лицемѣрную маску стыда и безъ околичностей провозгласилъ подхалимство передъ доброхотными двигателями руководящимъ принципомъ университетской науки. Заслуженному президенту университета доктору богословія и проч. Бенджамину Эндрузу откровенно предложено было минувшимъ лѣтомъ либо держать языкъ за зубами, либо подать въ отставку. Да не подумаетъ читатель, что подвергшійся гоненію докторъ богословія — нѣчто въ родѣ американскаго Ламенна. Ничуть не бывало! Все его прегрѣшеніе состояло въ томъ, что онъ когда-то написалъ книгу въ защиту биметаллизма и защищалъ биметаллизмъ въ своихъ лекціяхъ и газетныхъ статьяхъ; при всемъ томъ онъ не поддерживалъ Брайана, такъ какъ, повидимому, находилъ его черезъ чуръ радикальнымъ. Но въ моментъ такой обостренной политической борьбы, какъ послѣдняя президентская кампанія, всякое слово, сказанное въ пользу «серебра», звучало сочувствіемъ «брайанизму», или, что то же, «крамолѣ». Случись-же такъ, что въ это самое время основатель чикагскаго университета возымѣлъ мысль простереть свою благодѣтельность на Брауновскій университетъ, узнавши-же о неблагонамѣренномъ образѣ мыслей президента Эндруза, онъ заперъ обѣщанный милліонъ въ свой несгораемый шкафъ. Извѣстіе объ этомъ вызвало въ попечительномъ совѣтѣ университета дѣльную бурю негодованія, разумѣется, противъ президента, по милости котораго университетъ лишился милліона. Одинъ изъ попечителей, республиканскій членъ конгресса Вокеръ, внесъ предложеніе поставить на видъ президенту Эндрузу, что образъ дѣйствій его противорѣчитъ видамъ управленія университета и потому представляется неумѣстнымъ. Въ составъ комитета, назначеннаго для объясненій съ президентомъ Эндрузомъ, вошли канцлеръ университета, деканъ юридическаго факультета Ййлскаго университета и бывший главный судья штата Коннектикута. Въ официальномъ сообщеніи, адресованномъ комитетомъ на имя президента Эндруза, послѣ обычныхъ въ англійскомъ эпистолярномъ стилѣ комплиментовъ, слѣдуетъ:

«Они (члены университетской корпораціи) высказались въ пользу измѣненія лишь въ одной частности, относящейся къ взглядамъ его (президента Эндруза) по вопросу, вокругъ котораго вращались послѣдніе президентскіе выборы и который и сейчасъ еще имѣетъ преобладающее значеніе въ національной политикѣ, — именно по вопросу о вольной чеканкѣ серебра по принудительному курсу въ шестнадцать унцій се-

ребра за одну унцію золота. Они находятъ, что взгляды президента, публикуемые имъ отъ времени до времени, склоняются въ пользу возобновленія такой чеканки, они полагаютъ, что эти взгляды такъ противорѣчатъ взглядамъ, которыхъ вообще придерживаются друзья университета, что университетъ уже лишился пожертвованій и легатовъ, которые иначе достались-бы ему, или уже были обезпечены за нимъ, и что, если это не переменится, онъ и въ будущемъ не можетъ рассчитывать на денежную поддержку, необходимую для успѣха предпринятой имъ работы. Эта желательная переменна, объясняютъ они далѣе, заключается не въ отреченіи отъ взглядовъ, составляющихъ его искреннее убѣжденіе, а воздержаніе, изъ уваженія къ интересамъ университета отъ публичнаго ихъ выраженія, въ особенности тогда, когда выраженіе такихъ взглядовъ возбуждаетъ страсти и предрасудки публики».

Въ заключеніе комитетъ съ изысканною учтивостью дѣлаетъ удареніе на томъ, что постановленіе попечительнаго совѣта состоялось единогласно. Въ отвѣтъ на это президентъ Эндрузъ подалъ въ отставку.

Откровенный цинизмъ постановленія попечительнаго совѣта произвелъ сенсацию. Были голоса, оправдывавшіе дѣйствіе совѣта. Нью-Йоркская Evening Post, оплотъ американской реакціи, писала:

«Думаете-ли вы уничтожить свободу мысли? Никто объ этомъ и не помышляетъ. Попечители Брауновскаго университета заявили президенту Эндрузу, что онъ можетъ думать, что ему угодно. Намѣрены-ли вы уничтожить свободу слова? Ничуть не бывало. Президентъ Эндрузъ пользуется тою-же свободой слова, что и до сихъ поръ. Единственное, что онъ теперь не можетъ дѣлать, это пользоваться своею свободой во вредъ Брауновскому университету».

Еще болѣе рѣшительно высказывается «питомецъ» университета въ письмѣ въ редакцію журнала «Outlook»:

«Никто выше его не цѣнитъ д-ра Эндруза за его благородную натуру, его великодушные импульсы и большія способности» и проч. и проч. Но... «Свобода слова для преподавателей тутъ не самый важный вопросъ для всѣхъ друзей просвѣщенія... Дѣло идетъ о цѣлости государства. Оскорбилъ-ли д-ръ Эндрузъ — быть можетъ, и въ полной невинности — нравственное чувство общества и всѣхъ, кто связанъ съ Брауновскимъ университетомъ, когда онъ заявилъ себя сторонникомъ ученія о вольной чеканкѣ серебра въ отношеніи 16:1 и упорствовалъ въ распространеніи означеннаго ученія, съ необходимо вытекающимъ изъ него упадкомъ кредита и неизбѣжнымъ катализмомъ цѣнностей? Я полагаю на этотъ вопросъ возможенъ только одинъ отвѣтъ, — тотъ, который самъ д-ръ Эндрузъ далъ партіи порядка въ Соединенныхъ Штатахъ».

Нужно, однако, сказать, что перевѣсъ въ общественномъ мнѣніи склонился на сторону президента Эндруза.

Извѣстіе объ отставкѣ Эндруза вызвало коллективный протестъ про-

профессоровъ Брауновскаго университета (нѣсколько человѣкъ, впрочемъ отказалось присоединиться къ протесту). Бывшіе воспитанники университета тоже послали коллективный протестъ попечительному совѣту. Пресса, вообще, приняла сторону Эндрюза, и попечительный совѣтъ вынужденъ былъ взять обратно свое рѣшеніе.

Торжествовать по этому поводу «побѣду свободы мысли», по примѣру нѣкоторыхъ передовыхъ американскихъ изданій, преждевременно. Не надо забывать, что за президентомъ Эндрюзомъ стояла все еще очень сильная демократическая партія, которая собиралась демонстративно выставить его кандидатомъ въ сенаторы. Съ другой стороны, тѣ, кто вершаютъ судьбы Америки, относятся съ глубочайшимъ презрѣніемъ къ газетнымъ толкамъ и сужденіямъ черни. Кодексъ «условно лжи» еще обязываетъ, по традиціи, къ извѣстному декоруму, но въ рядахъ командующихъ классовъ уже появляются новаторы, бравирующие освещенные временемъ предразсудки и смѣло ставящіе точки на і; они-то являются вѣрными выразителями стремленій своего класса. Въ числѣ такихъ новаторовъ видное мѣсто принадлежитъ Нью-Йоркскому профессору Пеку, читающему латинскій языкъ и римскую литературу въ Колумбійскомъ университетѣ. Въ июльской книжкѣ журнала «Cosmopolitan» помѣщена его статья о «Нѣкоторыхъ фазахъ современнаго образованія», въ которой онъ высказываетъ слѣдующія мысли:

«Въ тѣсной связи со многими другими весьма серьезными воспитательными ошибками находится любопытное представленіе, почти всеобщее у насъ, будто образованіе — благо само по себѣ и для всѣхъ человѣческихъ существъ. Это положеніе считается такой аксіомой, что оно внесено въ конституціи многихъ штатовъ и образованіе сдѣлано не только бесплатнымъ, но и обязательнымъ во многихъ штатахъ. Во всей нынѣшней нашей системѣ, вѣроятно, нѣтъ принципа; болѣе невѣрнаго въ самыхъ основаніяхъ и, безъ сомнѣнія, нѣтъ принципа, таящаго въ себѣ большую социальную и политическую опасность для будущаго. Ибо образованіе значить честолюбіе, а честолюбіе значить недовольство. Само по себѣ недовольство божественная вещь. Когда оно возникаетъ въ сильномъ соиздательномъ интеллектѣ, способномъ преобразить его въ дѣйствительное совершенствованіе, оно мать всякаго прогресса; но когда оно зарождается въ ограниченномъ и слабомъ мозгу, оно мать одного только несчастія. Между тѣмъ государство повелѣваетъ, чтобы всѣ имѣли нѣкоторую долю образованія, т. е. нѣкоторую долю недовольства; а такъ какъ огромное большинство умовъ ограничено и слабо, то обязательное обученіе повсюду означаетъ обязательное недовольство. Можетъ-ли быть что-либо болѣе слабоумное или болѣе опасное съ точки зрѣнія государственнаго человѣка? Безусловно пагубные плоды такой политики уже даютъ себя знать. Мы видимъ повсюду большія массы людей, волнующіяся смутною неудовлетворенностью своею судьбою; мозги ихъ пропитаны затхлостью и затуманены ученіемъ, представляющимъ только половину

истины и плохо понятымъ, но успѣшно подготовляющимъ ихъ для воздѣйствія агитатора и врага общественнаго порядка. ...Болѣе здравая политика сдѣлала-бы образованіе доступнымъ, но не бесплатнымъ для всѣхъ. Въ тѣхъ умахъ, которые природа приспособила къ развитію, недовольство возникаетъ самопроизвольно, и эти умы будутъ сами по себѣ стремиться впередъ. Пусть для такихъ образованіе будетъ легко достижимо, потому что у нихъ есть на то способности; болѣе этого ни одинъ философскій законодатель не долженъ нынѣ защищать или желать».

«Университетъ — говорить авторъ въ заключеніе — долженъ производить на служеніе государству такихъ людей, какъ тѣ, что въ прошедшемъ основывали имперіи и создавали республики — немногочисленный и хорошо воспитанный патриціатъ, касту, аристократію, если угодно. Ибо все, что когда либо совершено было истинно великаго въ человѣческой исторіи, совершено было аристократіей. Она могла называться жреческой аристократіей, военной аристократіей, или аристократіей происхожденія и крови, все это различія поверхностныя, такъ какъ въ дѣйствительности аристократія означала только одно: общность интересовъ и дѣятельности тѣхъ, чьи интеллектуальная сила и врожденная способность управлять давали имъ возможность вершить судьбы государства, держа въ ярмѣ дровосѣковъ и водоносовъ, которые составляютъ огромное большинство человѣческаго рода и счастье которыхъ полнѣе и благосостояніе болѣе обезпечено, когда ими управляютъ, нежели тогда, когда они управляютъ».

Таково міровоззрѣніе буржуазіи *fin de siècle*, облеченное въ изящный философскій покровъ. Поскольку это въ ея власти, она пытается проводить эти начала въ дѣлѣ просвѣщенія массъ. Но объ этомъ до другого раза.

И. Гурвичъ.

Новости иностранной литературы.

The foundations of success. A plea for rational education. By Stanley de Brath, M. Inst. C. E. London. Основы успѣха въ жизни. Доводы въ пользу рациональнаго воспитанія, соч. Стэнли де Братза. 191 стр. Лондонъ.

Родители, которые озабочены образованіемъ и воспитаніемъ своихъ дѣтей и желаютъ, чтобы они были насколько возможно болѣе подготовлены къ суровой жизненной дѣятельности, не могутъ считать себя довольными существующими системами средняго образованія. Послѣ затраты по крайней мѣрѣ 10,000 р. (говорится объ Англіи) юноша оставляетъ среднюю школу, во 1-хъ, съ очень умѣренными свѣдѣніями по латинскому и греческому языкамъ, настолько умѣренными, что въ немъ не пробуждается никакого интереса къ классической литературѣ и во 2-хъ, съ начатками знаній до полудюжины другихъ предметовъ, которые также мало интересуютъ его дѣйствительнымъ образомъ и изъ которыхъ онъ не выдержалъ бы, какъ слѣдуетъ, экзамена.

При такомъ положеніи средняго образованія въ Англіи, по мнѣнію г. Стэнли де-Братза, и вся нація остается позади, а другія государства, какъ на примѣръ, Германія и Америка, завладѣваютъ постепенно всѣми всемірными рынками, страшно увеличиваютъ производительность своихъ силъ и умѣло направляютъ ихъ, идя все впередъ и впередъ. Одной изъ главныхъ причинъ этого успѣха служитъ то, что вышеназваннаго государства не жалѣютъ денегъ на образование въ такомъ направленіи, чтобы увеличивать число умѣлыхъ работниковъ и, во 2-хъ, давать имъ умныхъ руководителей. Америка открыто провозглашаетъ, что ея цѣль заключается въ обезпеченіи себя искусными распорядителями (directive skill); Германія же prepares такихъ же способныхъ офицеровъ для своихъ рабочихъ батальоновъ, какіе у нея есть для полковъ арміи. Для этой цѣли она не пожалѣла истратить болѣе 4 миллионъ рублей лишь на постройку зданій съ приспособленіями для политехническаго института въ Шарлоттенбургѣ.

Низшія техническія школы для приготовленія и обученія хорошихъ

работниковъ не рѣшаютъ всего дѣла. Работники, какъ солдаты, требуютъ, чтобы ими руководили. Нужны люди, которые бы сумѣли улучшить продукты, удешевить производство, внести экономію въ расходъ сырыхъ матеріаловъ, придумать новый способъ производства, дать лучший рисунокъ и т. п.

Ни одна изъ общественныхъ среднихъ школъ не обращаетъ вниманія на требованія жизни. Такъ называемыя новыя школы только измѣнили предметы своего преподаванія, а методы остались прежніе. Юноши среднихъ способностей выходятъ изъ нихъ съ тѣмъ же недостаточнымъ знаніемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ, какъ ихъ товарищи-классики — по греческому и латинскому языкамъ. Въ нихъ господствуетъ не живое преподаваніе, а «педаггическая учеба», которая убиваетъ всякій интересъ къ предмету.

Было бы желательнѣе устроить такую школу, которая не пичкала бы до крайняго напряженія дѣтскихъ и юношескихъ силъ разнообразными свѣдѣніями, но старалась развить привычки вниманія, наблюдательности и способность дѣлать правильные выводы, — только этими путями легко и прочно приобрѣтается настоящее знаніе. Основы такой школы должны покоиться на непреложныхъ біологическихъ фактахъ и система преподаванія, принятая въ ней, должна представлять изъ себя не только искусство, но и науку.

Въ настоящее время вполне установлено, что живые организмы стремятся приспособиться къ окружающей ихъ обстановкѣ и передать видоизмѣненія, происшедшія отъ этого приспособленія, своему потомству. Слѣдовательно, та особая форма видоизмѣненій, которая произойдетъ въ организмѣ, будетъ зависеть отъ тѣхъ условій, въ которыхъ онъ живетъ. Фактъ передачи видоизмѣненій потомству называется наслѣдственностью. Надъ прошлымъ, отъ котораго произошли наши наслѣдственные свойства — мы не имѣемъ контроля. Мы не можемъ измѣнить условій, въ силу которыхъ уже произошли какіе нибудь невростеники, преступники, истерическіе и выродившіеся субъекты. Но вѣдь эти названія представляютъ людей, у которыхъ, по какому нибудь сдѣленію причинъ, извѣстныя свойства развились, а другія — остались въ зачаточномъ состояніи или совсѣмъ уничтожились. Иное сдѣленіе причинъ у другихъ субъектовъ можетъ вызвать преобладаніе другихъ свойствъ, которыя не даютъ развиваться болѣзненнымъ свойствамъ природы. Это будущее, представляемое обстановкой жизни, въ значительной степени въ нашей власти. Если мы желаемъ развить молодой организмъ, согласно нашимъ понятіямъ объ идеалѣ, то мы должны создать для него надлежащую обстановку, и въ этомъ заключается весь смыслъ воспитанія.

Нынѣшняя система средняго образованія имѣетъ свои корни еще въ среднихъ вѣкахъ и, конечно, далеко отстала отъ дѣйствительной жизни. Теперь необходимо готовить людей искусныхъ владѣть не одними «словами», но и умѣлыхъ въ обращеніи съ «матеріальными предметами».

«Мой сынъ», говоритъ авторъ, «здоровый умный мальчикъ, бывшій всегда въ числѣ первыхъ учениковъ въ своемъ классѣ, далеко отсталъ въ всѣхъ отрасляхъ знанія, кромѣ латинскаго языка, отъ ученика низшей народной школы (board school) только годомъ старше его. И это совсѣмъ не исключеніе, какъ я знаю со словъ знакомаго экзаменатора въ одной изъ самыхъ большихъ нашихъ среднихъ школъ; по его мнѣнію, ученики низшихъ классовъ этой школы по знанію научныхъ предметовъ и математики стоятъ ниже мальчиковъ такого же возраста, обучающихся въ лучшихъ народныхъ школахъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, продолжаетъ авторъ, что со всѣхъ сторонъ желаютъ коренныхъ преобразованій въ системѣ образованія, хотя трудно сказать, до какихъ предѣловъ можетъ дойти общее согласіе во взглядахъ и гдѣ начнется разногласіе. Учителя до сихъ поръ еще не выразили расположенія идти на встрѣчу желаніямъ публики, и я даже знаю такихъ, которые не только совсѣмъ отрицаютъ необходимость перемѣны, но даже незнакомы съ обширной литературой, настаивающей на педагогической реформѣ. Во всѣхъ другихъ профессіяхъ считается позорнымъ не знать произведеній новѣйшихъ авторовъ по своему предмету, между тѣмъ какъ среди учителей, повидимому, очень мало такихъ, которые интересовались бы сочиненіями современныхъ педагоговъ.

Авторъ считаетъ, что первоначальное воспитаніе дѣтей должно вестись по системѣ Фребеля, затѣмъ съ 8 лѣтъ мальчикъ поступаетъ въ школу и до 12 лѣтъ занимается преимущественно географіей (не въ смыслѣ конечно заучиванія названій) и естествознаніемъ; при этомъ не исключаются ни математика, ни французскій, ни даже латинскій языки, не говоря уже о родномъ. Въ этотъ періодъ ученія мальчикъ пріучается къ наблюдательности, вниманію, къ умѣнью различать свойства предметовъ, находить ихъ сходства и дѣлать извѣстные выводы изъ наблюденій.

Во 2-мъ періодѣ отъ 12 до 15 лѣтъ мальчикъ уже знакомится съ тѣмъ, что человѣкъ есть членъ гражданскаго общества, что онъ стоитъ въ тѣсныхъ связяхъ съ другими людьми въ семьѣ, школѣ, городѣ и государствѣ и что онъ долженъ имѣть въ виду и уважать законные интересы другихъ людей. Въ этотъ періодъ исторія должна быть руководящимъ предметомъ обученія.

Наконецъ, третій періодъ отъ 15 до 18 лѣтъ — это когда родная и чужеземная литература представляетъ главный предметъ занятій, опять таки не исключая другихъ предметовъ, на которые посвящается только меньше часовъ. Исторія лучше всего истолковывается литературой, потому что послѣдняя знакомитъ не только съ тѣмъ, что думали величайшіе умы, но и раскрываетъ характеръ каждаго вѣка въ послѣдовательности и тѣ идеи, которыя волновали данную эпоху и придавали ей ту или иную окраску.

Но всякое пониманіе и знаніе бесполезно, если нѣтъ энергическаго.

характера, нѣтъ силы твердо желать. Даже правильное сужденіе и умное рѣшеніе бесполезны безъ рѣшимости дѣйствовать, и не слѣдуетъ никогда забывать, что нѣтъ добродѣтели, пока она не осуществилась въ жизненной дѣятельности. Какъ и всякая другая способность — дѣятельная сила возникаетъ и развивается при постоянномъ упражненіи. Для этого надо, между прочимъ, чтобы всякое дѣло разъ обдуманное и начатое было тщательно доведено до конца. Такое воспитаніе должно начаться еще съ дѣтской. Характеръ человѣка образуется не поученіями, но тѣмъ духомъ, которымъ проникнуты всѣ наши дѣйствія въ жизни, онъ лучше всего воспитывается развитіемъ тѣхъ группъ человѣческихъ способностей, которыя проявляются въ эстетической дѣятельности, въ ловкости физическаго труда и въ отношеніяхъ нашихъ къ природѣ и людямъ.

Такая концентрація цѣли есть основной принципъ — ключъ ко всей пьесѣ — который проникаетъ все цѣлое. Безъ этого начала — всякая система безжизненна.

Объ изученіи иностранныхъ языковъ — предметъ возбуждающемъ больше всего споровъ — авторъ говоритъ, что оно имѣетъ значеніе лишь по столько, по сколько, во 1-хъ, открываетъ сокровищницы мысли другихъ націй, иначе недоступныхъ и, во 2-хъ, даетъ возможность сношеній съ людьми другихъ національностей. Настоящая цѣль языка и, можно сказать, единственная — это знакомить съ мыслью настоящаго или прошлаго. Изучать языкъ для одной умственной гимнастики, когда есть много другихъ предметовъ годныхъ съ большей пользой для развитія — это просто жестокая трата драгоценнаго времени.

Авторъ въ заключеніе своей книги приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ о желательномъ устройствѣ средней школы: всѣ занятія въ ней и предметы преподаванія должны быть тѣсно связаны между собою и направляться къ одной цѣли (co-ordinated); преподаватели по возможности должны знакомить учениковъ съ самими вещами и предметами, о которыхъ преподають, а не съ описаніями ихъ и чтобы не одно обученіе, но и самая обстановка жизни содѣйствовала умственному и нравственному развитію. Для предохраненія отъ переутомленія умственная работа для младшихъ учениковъ не должна превышать среднимъ числомъ 4½ часовъ въ день, а для старшихъ — 5½ часовъ. Экономія времени должна обеспечиваться примѣненіемъ лучшихъ методовъ обученія и аппаратовъ. Учителя должны быть также лучше. Родной языкъ и литература должны быть положены въ основу обученія исторіи и литературы. Практическая сторона обученія вмѣстѣ съ ручнымъ трудомъ должна идти на ряду съ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ, не съ цѣлью создать любителей механиковъ, но чтобы всякое знаніе шло на пользу и развились ловкость и умѣнье въ ручномъ трудѣ. Музыкальнымъ занятіямъ должно быть отведено постоянное мѣсто въ школьныхъ программахъ. Число учениковъ въ классѣ должно быть не болѣе 15—20 и преподаваніе должно идти такъ, чтобы было дано все, что возможно въ данный

урокъ и что каждый ученикъ можетъ усвоить въ полную мѣру своихъ способностей.

Авторъ, какъ практическій англичанинъ, предлагаетъ и подробный финансовый планъ на акціонерныхъ началахъ для осуществленія школы по его мысли и готовъ взять на себя устройство такой школы.

Во введеніи и 8 главахъ своей книжки авторъ очень обстоятельно трактуетъ о физическомъ, умственномъ, нравственномъ воспитаніи, о методахъ преподаванія и пр.

Онъ не претендуетъ на оригинальность своихъ взглядовъ и ссылается на заимствованія изъ сочиненій Рейна, Спенсера, на помощь доктора Финдлея и пр., но ему несомнѣнно принадлежитъ честь искусной группировки современнаго педагогическаго матеріала и данныхъ науки въ одно стройное и связное цѣлое. Эта книжка даетъ въ общедоступной формѣ хорошее руководство не только для учителей, но и родителей, для которыхъ вопросы о лучшемъ воспитаніи своихъ дѣтей имѣютъ громадную важность. Многое изъ того, о чемъ говорится въ сочиненіи Стэнли де-Братца имѣетъ значеніе и для русской жизни; поэтому мы сочли не лишнимъ ознакомить читателей вкратцѣ съ ея содержаніемъ.

Н. Шестаковъ.

Robert de la Sizeranne. Ruskin et la Religion de la Beauté. Paris.

Имя Джона Рескина, англійскаго эстетика и общественнаго дѣятеля; стало теперь извѣстнымъ за предѣлами его родины. Въ самой Англии онъ оказалъ существенное вліяніе на всю духовную жизнь второй половины вѣка, но его апостольская миссія стала извѣстной внѣ Англии лишь тогда, когда осуществилась въ англійской жизни задуманная имъ пропаганда. До Рескина и связаннаго съ ними эстетическаго движенія въ Европѣ не обращали особеннаго вниманія на художественный вкусъ Англии и не ждали оттуда проповѣди красоты въ жизни. Рескинъ же принадлежитъ къ поколѣнію художниковъ, которые возродили въ Англии любовь къ красотѣ. Самъ онъ, глубокой дѣятель красоты и пророкъ по натурѣ, составилъ задачей своей жизни искоренить прежнее безвкусіе своихъ соотечественниковъ и привить эстетическія черты всѣмъ слоямъ общества.

Писательскій талантъ Рескина, искренность и пламенность его проповѣди, отзывчивость англичанъ на всякія серьезныя идеи и—главное—наступившій расцвѣтъ въ живописи, дѣятельность живописцевъ прерафаэлитовъ—все это содѣйствовало полному преобразованію англійской общественной жизни въ эстетическомъ отношеніи. Когда французскіе

писатели въ концѣ пятидесятихъ годовъ изучали Англiю, такъ напр. Тэнъ въ своихъ путевыхъ запискахъ объ Англiи, они замѣчали присутствiе чего то невѣдомаго въ англiйской жизни, какую то зарю новой своеобразной красоты. Но къ чему привести эти смѣлыя, но еще смутныя, попытки, они не могли рѣшить. Тэнъ говоритъ даже нѣсколько презрительно о первыхъ прерафаэлитскихъ картинахъ, которыя онъ видѣлъ въ Англiи и которыя были выставлены въ Парижѣ въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Онъ не понялъ возникающаго англiйскаго искусства, и конечно, въ то время имя молодого Рескина, автора еще немногочисленныхъ эстетическихъ разсужденiй и брошюръ, не дошло до него. Съ тѣхъ поръ произошелъ цѣлый переворотъ и въ сужденiяхъ европейской критики объ Англiи. Имя Рескина стало широко извѣстно не только въ Англiи, которая считаетъ его великимъ учителемъ жизни, но и въ другихъ странахъ. Во Францiи Мильзанъ удѣлилъ ему значительное мѣсто въ своей книгѣ объ англiйской эстетикѣ.

Въ настоящее время появилась интересная книга Роберта Сизерана, знатока и цѣнителя англiйскаго искусства, подъ названiемъ «*Ruskin et la religion de la beauté*». Французскiй критикъ искренне преклоняется передъ Рескиномъ, его поражаетъ въ немъ сочетанiе идеализма, доходящаго до отрицанiя всякихъ земныхъ чувствъ во имя единственной любви къ природѣ и красотѣ, и трезваго практическаго ума, направленнаго на осуществленiе своихъ идей въ жизни.

Двойную роль Рескина, идеалиста въ теорiи, общественнаго дѣятеля на практикѣ, Сизеранъ отмѣчаетъ въ пространномъ введенiи къ своей книгѣ. Онъ разсказываетъ о двухъ весьма разнородныхъ обстановкахъ, среди которыхъ онъ услышалъ впервые о Рескинѣ. Первый разъ онъ услышалъ имя Рескина въ Флоренцiи:—Онъ вошелъ въ одну изъ замѣчательныхъ капеллъ стариннаго монастыря *Santa Maria Novella*, примыкавшаго къ существующей понынѣ церкви того же имени. Это такъ называемая капелла испанскихъ посланниковъ, разрисованная фресками древнѣйшихъ флорентiйскихъ мастеровъ, Гадди. На одной изъ стѣнъ изображено торжество науки въ среднiе вѣка въ видѣ аллегорическихъ изображенiй разныхъ наукъ и искусствъ, сгруппированныхъ вокругъ Фомы Аквинскаго. Разсматривая отдѣльныя картины замѣчательной фрески, онъ услышалъ за собой медленное, мѣрное чтенiе и сталъ вслушиваться. До его слуха доходило увлекательное поэтическое описанiе на англiйскомъ языкѣ всѣхъ подробностей фрески и объясненiе ея аллегорическаго значенiя. Оглянувшись, онъ увидѣлъ за собой группы англичанокъ, одна изъ которыхъ благоговѣнно читала вслухъ страницу изъ небольшой книжки въ своеобразномъ, украшенномъ золотомъ переплетѣ. Освѣдомившись объ авторѣ художественнаго описанiя, онъ услышалъ имя Рескина.

Флоренцiя, конечно, одно изъ самыхъ подходящихъ мѣстъ для ознакомленiя съ Рескинымъ и его дѣятельностью, потому что его влiянiемъ.

объясняется наплывъ англійскихъ посѣтителей въ Италію и въ особенности въ Флоренцію. Благодаря ему пониманіе флорентійскаго искусства стало доступнымъ большинству культурныхъ англичанъ, многіе англичане стали считать Флоренцію съ ея красотами какъ бы своей духовной родиной и у себя въ Англии стараются красиво обставить жизнь. Источникомъ всеобщаго увлеченія Флоренціей и раннимъ итальянскимъ искусствомъ были отчасти картины прерафаэлитовъ, въ особенности Джона Габріэля Россетти, но для средней интеллигентной массы въ Англии наибольшее значеніе имѣла проповѣдь Рескина, тѣмъ болѣе, что Рескинъ сразу пошелъ по пути практической пропаганды. Онъ указываетъ пути къ усовершенствованію искусства, говоритъ, какъ жить, чтобы жить въ красотѣ, говоритъ, что и какъ изучать въ Италиі для того, чтобы проникнуться духомъ итальянскаго искусства, и самымъ простымъ и понятнымъ языкомъ объясняетъ всякую отвлеченную красоту. Результаты этого учительства Рескина французскій критикъ могъ наблюдать въ Италиі, но еще болѣе они замѣтны въ самой Англии. Рескину удалась самая необычайная на первый взглядъ вещь: онъ сроднилъ англичанъ, т. е. людей, извѣстныхъ отсутствіемъ художественнаго вкуса, съ флорентійцами, т. е. самой художественной націею въ исторіи культуры. У современныхъ англичанъ и англичанокъ явилось какое то неуволимое, но несомнѣнное сходство съ флорентійскими типами. Интересъ къ искусству, бывшій двигателемъ всей флорентійской жизни, сталъ таковымъ же въ современной Англии, и въ этомъ великое значеніе теоретической пропаганды Рескина.

Пріѣхавъ въ Англию, Сизеранъ узнаетъ о другой сторонѣ дѣятельности Рескина, чисто практической. Онъ имѣетъ случай убѣдиться, что въ фабрикаціи предметовъ домашняго обихода проявляется въ послѣдніе годы стремленіе сдѣлать ихъ прежде всего красивыми, и что съ другой стороны ведется пропаганда противъ монополіи фабричнаго производства во имя художественнаго ручного труда. Давно забытые ручные промыслы возраждаются въ различныхъ деревняхъ Англии, организовано производство ручной пряжи на старинныхъ станкахъ, производство сукна, безъ помощи машинъ. Инициаторомъ же этого промышленно-художественнаго обновленія оказывается тотъ же Рескинъ — толкователь старинныхъ флорентійскихъ мастеровъ.

Сизеранъ рассказываетъ въ своей книгѣ біографію этого своеобразнаго англійскаго дѣятеля и разбираетъ его произведенія. Жизнь Рескина поражаетъ его тѣмъ, что въ ней преобладаетъ единственная страсть — любовь къ природѣ, замѣняющая всѣ другія чувства. Съ чисто англійскимъ спокойствіемъ Рескинъ говоритъ самъ объ отсутствіи родственныхъ чувствъ; у него нѣтъ съ дѣтства никакой вѣжности къ семьѣ. «Мать моя», говоритъ онъ, любила цвѣты и часто работала въ саду рядомъ со мной. Но ея присутствіе не доставляло мнѣ ни удовольствія, ни непріятности, у меня была совершенно самостоятельная жизнь». Это.

онъ писалъ въ полудѣтскихъ дневникахъ, а шестьдесятъ лѣтъ спустя онъ горестно восклицаетъ: «Мнѣ некого было любить. Мои родители были для меня не болѣе какъ видимыя силы природы. Я ихъ любилъ не болѣе, чѣмъ солнце и луну». «Эстетическое чувство развивалось въ Рескинѣ съ молодости, заслоняя собою всѣ другія чувства. Его занимала только красота явленій, только радость или страданія, которыя они составляютъ для глазъ. Великими радостями его жизни были зрѣлища природы, и когда онъ въ первый разъ отправился въ путешествіе съ родителями — ему было тогда четырнадцать лѣтъ — впечатлѣніе отъ германскихъ водопадовъ и швейцарскихъ горъ разбудили въ немъ неизсякаемый источникъ восторговъ. Его позднѣйшія описанія этого путешествія показываютъ, какъ вся душа мальчика впервые раскрылась для жизни, когда предъ ней предстало величіе природы. Съ этихъ поръ созерцаніе природы наполняетъ всю его жизнь не какъ развлеченіе или неопредѣленное блужданіе, а какъ жизненное назначеніе и шествіе къ идеалу. Исторія его жизни становится исторіей его встрѣчъ съ природой въ путешествіяхъ, которыя онъ совершаетъ ежегодно сначала съ родными, а затѣмъ въ одиночествѣ. У него была безкорыстная любовь къ природѣ. Онъ написалъ цѣлую книгу о камняхъ и самъ говоритъ объ этомъ, какъ о доказательствѣ своей любви. «Какъ назвать», спрашиваетъ онъ, «человѣческое чувство» истинно *человѣческое*, — которое заставляетъ любить камень ради камня и облако, какъ облако? Обезьяна любить обезьяну изъ личнаго чувства или любить въ орѣхѣ его зерно, но не любить камень, какъ таковой. Для меня же камни были хлѣбомъ насущнымъ». Въ самомъ дѣлѣ онъ извѣздилъ всю Италію и Швейцарію, изучая съ любовью и нѣжностью различныя породы камня, и собралъ въ послѣдствіи свои наблюденія и мысли въ книги, написанныя съ глубокимъ поэтическимъ чувствомъ.

Внѣшнія событія были всегда чужды Рескину, и онъ оставался мечтателемъ по отношенію ко всѣмъ проявленіямъ человѣческой жизни, такъ же, какъ и въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Онъ женился по настоянію родителей, но когда, спустя шесть лѣтъ жена его покинула, онъ продолжалъ вести и вѣдетъ до сихъ поръ, до своей глубокой старости, жизнь созерцателя, никогда не измѣнявшаго своей единственной любви — къ вѣчной безчувственной природѣ.

Странно, что этотъ созерцатель въ то же время человѣкъ дѣла. Ему недостаточно высказать идею въ брошюрѣ или книгѣ, онъ самъ вторгается въ жизненную суету, чтобы дать оплотъ своей идеѣ и осуществить ее на дѣлѣ. Онъ стремился развить художественный вкусъ въ народныхъ массахъ и съ этою цѣлью вложилъ всѣ свои личныя крупныя средства въ основаніе рисовальныхъ школъ для рабочихъ, съ богатѣйшими коллекціями рисунковъ, основалъ такъ называемый Рескиновскій музей въ Оксфордѣ и сдѣлалъ этотъ университетскій городъ художественнымъ центромъ живой школы искусства. Онъ мечталъ о томъ, чтобы создать хоть одинъ красивый уголокъ въ Англіи, не изуродован-

ный примѣненіемъ пара къ жизни, — мѣсто, гдѣ процвѣталъ бы свободный ручной трудъ — и эта мечта не остается бесплодной: въ 1871 году Рескинъ основалъ St. George Guild — ассоціацію для свободного земледѣльческаго труда и коммунистической организаціи въ производствѣ суконъ. При его содѣйствіи возобновляются забытые ручные промыслы, изготовляются съ успѣхомъ полотна на ручныхъ станкахъ, цѣлыя деревни (какъ напр. Лангдаль, гдѣ прядется полотно) возрождаются къ новой жизни и образуется противовѣсъ городу съ его развращающимъ вліяніемъ. Цѣлый рядъ другихъ попытокъ возобновить въ современномъ обществѣ свободный и пріятный ручной трудъ послѣдовали за первой. Рескинъ даже печаталъ, переплеталъ и издавалъ свои книги на оригинальныхъ кооперативныхъ началахъ, устроивъ типографіи и переплетныя мастерскія у себя въ деревнѣ.

Ему же принадлежитъ рациональное устройство англійскихъ картинныхъ галлерей и музеевъ. Лондонская національная галлерей гораздо бѣднѣе по количеству картинъ и французскаго Лувра, и нашего Эрмитажа. Но за то въ ней собраны, благодаря главнымъ образомъ инициативѣ Рескина, почти исключительно первоклассныя произведенія, они распределены къ тому же такъ систематично, что даютъ возможность изучать постепенное развитіе искусства. Въ Оксфордѣ Рескинъ основалъ рядъ обществъ, занимающихся распространеніемъ художественныхъ идей. Изъ его рисовальной школы вышли люди съ очень твердымъ эстетическимъ вкусомъ, и подъ вліяніемъ его пропаганды измѣнился архитектурный стиль въ Англіи. вмѣсто прежняго мертваго подражанія псевдогреческимъ формамъ стали вводиться орнаменты національнаго характера, и въ зданіяхъ, воздвигнутыхъ въ Англіи, замѣчается воскресшая фантазія, свидѣтельствующая о возрожденіи вкуса. Страстный любитель древнихъ памятниковъ, Рескинъ основалъ общество, заботящееся о поддержкѣ старинныхъ обычаевъ Англіи, и во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ попыткахъ осуществить на дѣлѣ свои эстетическія идеи сказывается удивительная жизненная энергія этого идеалиста, который любитъ приходу исключительной великой любовью.

Французскій критикъ останавливается также на характерѣ Рескина, отличающагося изумительной искренностью, доходящею нерѣдко до рѣзкости, и приводитъ рядъ его писемъ и бесѣдъ, въ которыхъ сказывается необыкновенная правдивость Рескина и свобода въ выраженіи мыслей.

Изъ сочиненій Рескина самое крупное его «Современные Живописцы», (Modern Painters), обнимающее пять томовъ. Написаны они съ цѣлю объяснить значеніе непрізнаннаго пейзажиста Тернера, а также художниковъ прерафаэлитовъ и тѣхъ художественныхъ принциповъ, которые они исповѣдуютъ. Цѣлый рядъ сочиненій Рескина посвященъ изученію итальянскаго искусства во всѣхъ его видахъ и теоретическимъ выводамъ изъ прошлаго и современнаго положенія искусства. Въ «Мо-

«*dern Painters*», «*Seven Lamps of Architecture*», «*Stones of Venice*», «*Giotto and his work*», «*Ariadne florentina*», «*Vald'Arno*», «*St. Mark's Rest*» и т. д. Рескинъ излагаетъ свое міросозерцаніе чисто эстетическаго характера. Главный предметъ его ученія — природа, преклоненіе передъ ея красотами. Задача искусства — открывать людямъ природу; занятые жизненною суетой, они не видятъ красоты въ каждомъ листѣ, въ каждомъ камнѣ, въ каждомъ облакѣ на небѣ. Художникъ долженъ показывать природу во всѣхъ мельчайшихъ проявленіяхъ, долженъ изображать ее благоговѣнно, зная, что она всегда неизмѣримо выше искусства, что въ ней единственный источникъ красоты. Но это не есть проповѣдь реализма въ искусствѣ: реалисты изображаютъ то, что создали люди, извѣстныя рамки жизни, насильствованную природу, зрѣлища, созданныя людскими отношеніями, чувствами, страстями. Рескинъ врагъ изображенія людскихъ группъ и драматизма страстей — онъ зоветъ къ природѣ, которая учитъ прежде всего свободѣ и спокойствію, медленному и величавому развитію явленій, въ противоположность рѣзкости и катастрофамъ въ человѣческихъ движеніяхъ и столкновеніяхъ. Пейзажъ поэтому для него высшій родъ живописи, а изъ всѣхъ искусствъ онъ болѣе всего превозноситъ архитектуру, черпающую матеріалъ изъ природы, а не изъ жизни людей. Отъ проповѣди красоты, какъ высшей цѣли искусства, Рескинъ естественно приходитъ къ своимъ этическимъ взглядамъ. Художникъ долженъ избѣгать вымысла, идеализаціи — изображать то, что даетъ жизнь, во всей красотѣ природнаго состоянія. Но для этого нужно, чтобы жизнь была красива. Рескинъ возстаетъ противъ устройства современной жизни и видитъ главный источникъ уродства въ капиталистическомъ строѣ, въ нищенскихъ условіяхъ труда, въ погонѣ за наживой, лишающей возможности видѣть и понимать красоту. Онъ вѣритъ въ возможность рациональной организаціи труда на коммунистическихъ началахъ и стремится къ тому, чтобы сдѣлать трудъ пріятнымъ, т. е. улучшить условія производства. Отсюда всѣ его попытки организовать мелкіе промышленные центры, противодействовать захвату рабочихъ силъ городами, поднять значеніе деревень и т. д. Много книгъ Рескина («*The Ethics of the Dust*», «*Arrows of the Chase*», «*Fors Clavigera*», «*Pleasures of England*», «*Aratra Pentelici*» и др.) выясняютъ его общественные идеалы, основанные на эстетическомъ чувствѣ. Онъ вѣритъ въ поднятіе нравственности въ народныхъ массахъ и въ преобразование всего общественнаго строя подъ влияніемъ общаго пониманія и тяготѣнія къ красотѣ.

Зин. Венгерова.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Современная нервность, ея характеръ и причины.

Въ «Revue Scientifique» помѣщенъ переводъ университетской рѣчи извѣстнаго гейдельбергскаго профессора *Эрба* объ особенномъ развитіи въ наше время болѣзней нервной системы, причинахъ и слѣдствіяхъ этого явленія и средствахъ, съ помощью которыхъ можно было бы смягчить его дѣйствіе на организмъ современнаго человѣка. Мнѣнія вполне компетентнаго невропатолога по этому насущному для нашей эпохи вопросу заслуживаютъ того, чтобы остановиться на нихъ подробнѣе.

Профессоръ начинаетъ свою рѣчь указаніемъ на то, что нервная система, т. е. головной и спинной мозгъ, нервные узлы и сѣть нервовъ, соединяющихъ всѣ ткани и органы тѣла между собою и съ центромъ, имѣетъ первенствующее значеніе во всѣхъ событіяхъ и отправленіяхъ нашей жизни. Всякое удовольствіе или наслажденіе, всякая печаль или страданіе доходятъ до нашего сознанія только путемъ нервной системы, вся наша дѣятельность обнаруживается этимъ же путемъ. Самое сознаніе, какъ и всѣ его проявленія, связано съ центральнымъ органомъ нервной системы. Всякій подъемъ уровня умственнаго развитія, всякій шагъ впередъ по пути цивилизаціи, всякія созданія художественнаго творчества, всѣ проявленія страстей и всѣ вершины гениальности, которыхъ челоуѣчество когда-либо достигало или еще достигнетъ въ будущемъ—все это обусловливается расположеніемъ и состояніемъ нервной системы. Что же удивительнаго въ томъ, что всѣ нарушенія правильности хода этой поразительно сложной и тонкой машины часто имѣютъ весьма важное значеніе и потому, естественно, должны интересовать образованныхъ людей?

Исходя изъ этого общаго положенія, профессоръ останавливаетъ свое вниманіе на нѣкоторыхъ формахъ нервныхъ болѣзней, которыя именно въ наше время приобретаютъ все болѣе и болѣе общій интересъ и заставляютъ серьезно задумываться наблюдателя современной жизни, именно—на такъ называемыхъ *функциональных* болѣзняхъ нервной системы.

Общій взглядъ на исторію нашего вѣка убѣждаетъ въ крайней на-

пряженности жизни современнаго человѣчества; а такъ какъ всякое движеніе политическое, общественное, умственное имѣтъ рѣшительное вліяніе на нервную систему, на ея складъ и отправления, то несомнѣнно, что XIX вѣкъ долженъ оставить на ней глубокіе, весьма знаменательные, хотя далеко не всегда благотворные, слѣды.

Въ началѣ столѣтія, когда повсюду еще чувствовалось потрясеніе, вызванное революціей 1789 года, вся Европа была взволнована наполеоновскими войнами, лихорадочною дѣятельностью коалицій, полною неизвѣстностью относительно будущаго, тяжелыми нравственными заботами и экономическимъ разстройствомъ.

Слѣдовавшая затѣмъ эпоха политическаго равновѣсія и спокойствія, давшая нервной системѣ возможность нѣсколько оправиться, продолжалась довольно долго, почти до половины столѣтія, прерываясь лишь нѣсколькими мимолетными взрывами революціонныхъ силъ. Но за эту относительно спокойною эпохою послѣдовалъ рядъ быстро смѣняющихся событій, идей, теченій, которыя придаютъ второй половинѣ нашего вѣка совершенно особый отпечатокъ и приводятъ къ такому рѣшительному преобразованію всѣхъ общественныхъ отношеній, какого не знала исторія на протяженіи почти тысячи лѣтъ. Современное человѣчество было свидетелемъ не только великихъ войнъ и переворотовъ въ жизни народовъ и государствъ, но въ особенности—великаго умственнаго движенія, великихъ открытій и изобрѣтеній, которыя должны были имѣть весьма существенное вліяніе на весь ходъ цивилизаціи, а слѣдовательно—и на нервную систему цивилизованныхъ народовъ.

Этотъ рядъ великихъ открытій былъ подготовленъ поразительнымъ развитіемъ естествознанія и умѣнья пользоваться силами природы для цѣлей человѣка. Около середины нашего столѣтія начинается эпоха пара, а вслѣдъ за нею начинается безконечно разнообразное пользованіе удивительной силой электричества. Развитие механическихъ и техническихъ знаній предоставило въ распоряженіе современнаго человѣка пароходы и желѣзныя дороги, всевозможныя машины, телеграфъ, телефонъ и пр. Десять лѣтъ спустя взаимныя сношенія между народами достигаютъ такой быстроты, напряженности и безопасности, о которыхъ не смѣло и мечтать самое пламенное воображеніе человѣка прежнихъ вѣковъ. Времени и пространства какъ будто уже не существуетъ: мы переносимся съ быстротою вѣтра во всѣ части свѣта, можемъ говорить—посредственно или непосредственно—съ нашими антиподами. Въ то же время зарождается могучая промышленность, которая, дѣйствуя въ обширныхъ размѣрахъ и располагая огромными силами, даетъ занятія безчисленному множеству людей и производитъ значительныя цѣнности. Но вмѣстѣ съ развитіемъ промышленности появляется также и безпощадная конкуренція во всѣхъ областяхъ. Цѣлая часть свѣта, Америка, обладающая неутомимой энергіей и неисчислимыми ресурсами, вступаетъ въ борьбу интересовъ съ старымъ свѣтомъ и грозитъ превзойти его во всѣхъ отно-

шеніяхъ; какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя народы оказываются въ необходимости все больше и больше напрягать свои силы въ борьбѣ за существованіе.

Но это еще не все. Среди бурныхъ порывовъ революціи 1848 года зарождается и развивается у различныхъ народовъ идея національности, и усиленное стремленіе къ объединенію народовъ, долго страдавшихъ отъ разрозненности, становится въ Германіи и Италіи движущею силою важнѣйшихъ политическихъ событій, между тѣмъ какъ во Франціи умы возбуждены все еще продолжающеюся и нерѣшенной борьбою между монархистами и республиканцами. Слѣдствіемъ этого движенія являются великія сраженія, войны, неслыханныя побѣды, политическіе перевороты перво-степенной важности. Германская имперія вновь приобретаетъ неожиданный блескъ и становится одною изъ могущественнѣйшихъ европейскихъ державъ. Происходитъ общее перемѣщеніе активныхъ политическихъ и общественныхъ силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ также и рядъ кризисовъ въ области финансовъ, промышленности и торговли, съ весьма печальными послѣдствіями для народнаго благосостоянія.

Къ этому присоединяется быстрый ростъ большихъ городовъ, со всѣми ихъ дурными вліяніями, созданіе крупныхъ промышленныхъ центровъ, наполненныхъ пролетариатомъ, новое возбужденіе старинной политической и религіозной вражды между папствомъ и имперіей, борьба христіанства съ матеріализмомъ и, наконецъ, возникновеніе социалистическихъ идей, угрожающихъ ниспроверженіемъ существующаго общественнаго и государственнаго порядка...

Для всякаго мыслящаго человѣка ясно, что всѣ эти событія и теченія не могли не оставить глубокаго слѣда на нервной системѣ современнаго поколѣнія и въ значительной степени содѣйствовали ея уклоненію отъ нормальнаго состоянія.

Всѣ согласны въ томъ, что это вліяніе исторіи на нервную систему чрезвычайно наглядно сказывается въ современной жизни европейскаго человѣчества: всѣ люди въ наше время стали болѣе или менѣе нервными, и заболѣванія нервной системы встрѣчаются теперь гораздо чаще, нежели въ прежнее время. Всѣ постоянно повторяютъ фразу о «нашемъ нервномъ вѣкѣ»; потому и представляется необходимымъ рассмотреть, насколько правильно это общее утвержденіе, и въ чемъ именно заключается эта нервность нашего времени.

Мнѣнія о томъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ *нервностью*, весьма различны, не только въ публикѣ, но даже и среди врачей, такъ что со словомъ *нервный* обыкновенно соединяются весьма разнообразныя представленія. Несомнѣнно, что съ этимъ опредѣленіемъ такъ или иначе связывается все то, что у человѣка, кажущагося вообще здоровымъ и способнымъ къ труду, обличаетъ острую возбужденность нервной системы: торопливость и нѣкоторая беспорядочность въ движеніяхъ и въ работѣ, крайняя чувствительность, расположеніе къ испугу, сильная

раздражительность въ соединеніи съ меланхолическимъ настроеніемъ духа, ослабленіе способности переносить мелкія житейскія неудобства, тревожный сонъ, чувство утомленія послѣ каждаго, хотя бы незначительнаго усилія, повышенная дѣятельность сердца и системы сосудовъ и т. п. Однако, все это, строго говоря, еще не составляетъ болѣзни: это—такое состояніе, которое не причиняетъ особенныхъ страданій и часто встрѣчается у людей относительно крѣпкихъ и здоровыхъ; это—не больше, какъ только первая ступень, нѣчто вродѣ переходнаго состоянія между здоровьемъ и болѣзью, очень часто представляющее, однако, весьма благопріятную почву для развитія болѣзни. Именно то, что подобные случаи такъ часто встрѣчаются,—что, конечно, находитъ себѣ объясненіе въ условіяхъ современной жизни,—служитъ доказательствомъ, что нашъ вѣкъ не безъ основанія обвиняютъ въ избыткѣ *нервности*. Въмѣстѣ съ тѣмъ, указанная состоянія являются весьма обильнымъ источникомъ для дальнѣйшихъ нарушеній нормальнаго хода нервной жизни, имѣющихъ уже характеръ патологической и вызывающихъ настоящую болѣзнь.

Къ числу этихъ послѣднихъ относятся, прежде всего, такъ называемые *функциональные неврозы*, т. е. такія заболѣванія нервной системы, которыя выражаются въ нарушеніи различныхъ ея отправленій, причемъ нынѣшнія наши средства не въ состояніи ясно и точно опредѣлять, какія именно анатомическія или органическія измѣненія въ нервномъ аппаратѣ этими заболѣваніями вызываются. Можно только сказать, что если наше время отличается чрезвычайнымъ развитіемъ нервности вообще и функциональныхъ нервныхъ заболѣваній въ частности, то съ другой стороны оно обнаруживаетъ также весьма слабую способность противодѣйствія организмомъ тѣмъ вредоноснымъ элементамъ, которые производятъ анатомическія измѣненія въ нервной системѣ, какъ напр. различнымъ ядамъ вродѣ алкоголя, абсента, свинца, мышьяка, элементамъ инфекціоннымъ—дифтериту, инфлуэнцѣ, сифилису, туберкулозу и пр., простудѣ, травматическимъ поврежденіямъ и т. п. Статистическія данныя съ несомнѣнностью указываютъ на возрастающее количество органическихъ заболѣваній нервной системы, каковы: прогрессивный параличъ сухотка спинного мозга, апоплексія и мн. др.

Ограничиваясь одними только функциональными неврозами, мы можемъ подвести подъ это наименованіе цѣлый рядъ различныхъ нервныхъ разстройствъ, отчасти извѣстныхъ уже въ древности, отчасти же получившихъ научное опредѣленіе только въ наше время. Таковы, прежде всего, *истерія* и *ипохондрія*, затѣмъ—*неврастенія*, точно описанная и опредѣленная только въ самое послѣднее время, далѣе—неврозы профессиональнаго характера, какъ напр., судороги у пишущихъ и т. п., бессонница, пляска св. Витта, болѣзнь Базедова, большая часть психозовъ, эпилепсія и пр.

Изъ всѣхъ названныхъ нервныхъ заболѣваній первыя три встрѣчаются несравненно чаще другихъ. Это, именно, *истерія*, признаки и

симптомы которой были известны, въ общихъ чертахъ, еще въ древности, но строго-научное опредѣленіе получили только въ наше время, благодаря, въ особенности, трудамъ французскихъ невропатологовъ; характеръ этой болѣзни чрезвычайно непостояненъ и разнообразенъ; между прочимъ, она характеризуется постояннымъ возвращеніемъ все однихъ и тѣхъ же типичныхъ болевыхъ ощущеній,—невралгіи, анестезіи, разныхъ аномалій во внѣшнихъ чувствахъ, мѣстными параличами, судорогами, странными нервными припадками разнаго рода и приостановкой дѣйствія нѣкоторыхъ способностей. Эта болѣзнь поражаетъ преимущественно женщинъ, но съ нѣкотораго времени стала наблюдаться и у мужчинъ, и притомъ—въ постоянно возрастающей прогрессіи.

Затѣмъ слѣдуетъ *ипохондрія*, характеризующаяся угнетеннымъ состояніемъ духа, опасеніями серьезной болѣзни, невѣрнымъ истолкованіемъ—и непременно въ дурную сторону—всевозможныхъ положеній и физическихъ ощущеній; все это, разумѣется, является слѣдствіемъ психическаго расстройства.

Наконецъ, появляется *неврастенія*, отличающаяся раздражительностью, чувствомъ слабости, утомленія во всей нервной системѣ и парализующая всякую дѣятельность и способность къ труду.

Неврастенія въ особенности господствуетъ въ наши дни; это—чаще всего встрѣчающееся и наиболѣе важное изъ всѣхъ нервныхъ заболѣваній; она доставляетъ современнымъ невропатомъ наибольшее количество кліентовъ; ею поддерживаются и прославляются разнаго рода убѣжища для нервно-больныхъ и водолѣчебныя заведенія; каждое лѣто она высылаетъ въ горы и лѣса или на морской берегъ цѣлыя толпы измученныхъ людей, и когда въ настоящее время въ обществѣ говорятъ объ усиливающейся «нервности», какъ спеціальной болѣзни, то почти всегда имѣютъ въ виду именно неврастенію. Хотя эта болѣзнь существуетъ уже очень давно и много разъ была описана подъ различными наименованіями въ медицинскихъ сочиненіяхъ и нашего, и прежнихъ вѣковъ, однако, только въ наше время, въ особенности благодаря строго-научнымъ наблюденіямъ и превосходному описанію американскаго врача Берда, она вошла въ курсъ патологіи и была опредѣлена съ такою точностью, какая только возможна при безконечномъ разнообразіи ея проявленій. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ о неврастеніи была создана цѣлая литература, и хотя эта болѣзнь не всегда, отличается отъ упомянутыхъ выше переходныхъ состояній между здоровьемъ и болѣзнью а съ другой стороны сама по себѣ есть своего рода переходная стадія и во многихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ близкое родство съ истеріей, ипохондріей, профессиональными невротами и пр., однако ее уже вполне возможно опредѣлить какъ теоретически, такъ и практически, какъ совершенно отдѣльную и въ большинствѣ случаевъ легко распознаваемую форму нервныхъ заболѣваній.

Въ виду особеннаго значенія неврастенія для нашего времени. проф.

Эрбъ подробнѣе останавливается на этой болѣзни и объясняетъ, что собственно слѣдуетъ подъ нею понимать.

Слово «неврастенія» значитъ просто «слабость нервовъ;» но болѣзнь происходитъ не отъ одной только слабости нервной системы: гораздо болѣе характеристичною для нея является особенная *усталость* неврастенника, его неспособность выполнять послѣдовательно какую-либо умственную или физическую работу, или повторять то, что ему уже однажды удалось сдѣлать. Прибавьте къ этому еще третій симптомъ,—острую раздражительность нервной системы, реакцію нервовъ на малѣйшее раздраженіе, иногда даже—взрывъ неожиданныхъ реакцій, выводящихъ человѣка изъ его нормальнаго состоянія подъ вліяніемъ поводовъ самыхъ незначительныхъ.

Всѣ эти признаки,—слабость, усталость, острое раздраженіе,—хорошо намъ извѣстны и изъ нормальныхъ физиологическихъ отношеній; но когда они встрѣчаются въ особенно сильныхъ размѣрахъ, держатся долго и упорно и проявляются подъ вліяніемъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ,—тогда мы смѣло можемъ сказать, что имѣемъ дѣло съ неврастеніей.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ, поясняющихъ эту мысль. Когда человѣкъ вполне здоровый сдѣлалъ длинный переходъ пѣшкомъ или трудное восхожденіе на высоту,—онъ утомленъ, чувствуетъ себя истощеннымъ; но это утомленіе совершенно проходитъ послѣ соотвѣтственнаго отдыха. Когда же, напротивъ, такая же усталость чувствуется послѣ самаго незначительнаго усилія, или проявляется даже и безъ всякаго усилія и упорно держится, не смотря на продолжительный отдыхъ, тогда это будетъ уже случай патологическій. Каждому извѣстно, что послѣ большихъ умственныхъ усилій, сильнаго волненія, возбужденнаго состоянія, или послѣ продолжительнаго бодрствованія можетъ наступить состояніе утомленія, неспособности къ мышленію, подавленности воли, часто—въ соединеніи съ головною болью; но здоровый человѣкъ чувствуетъ все это недолго: послѣ отдыха, мозгъ его начинаетъ снова дѣйствовать вполне правильно. Если же эта спасительная реакція не наступаетъ, если подобное утомленіе появляется послѣ легкаго умственнаго усилія или ничтожнаго напряженія ума, то передъ нами человѣкъ несомнѣнно больной. Когда юноша робко признается въ любви дѣвушкѣ,—вполнѣ понятно, что онъ чувствуетъ сердцебіеніе и своего рода недомоганье, краснѣетъ, блѣднѣетъ; но если подобные же симптомы обнаруживаются при встрѣчѣ съ любой особой, въ простомъ разговорѣ съ начальникомъ, если они отравляютъ тому, кто имъ подверженъ, всю жизнь и всѣ общественныя отношенія,—тогда это—случай патологическій.

Когда серьезныя заботы, огорченія, тревоги отнимаютъ сонъ у человѣка вполне здороваго,—мы видимъ въ этомъ совершенно естественный физиологическій фактъ; но когда сонъ постоянно бѣжитъ отъ человѣка,

не имѣющаго никакихъ серьезныхъ заботъ или испытывающаго лишь самое незначительное волненіе, тогда передъ нами больной. Если кто нибудь, поднимаясь по крутой тропинкѣ вдоль обрыва, или управляя лошадьми на опасной дорогѣ, или идя среди молній сильной грозы, чувствуетъ тоску, смертельную тоску, и боится погибнуть,—мы находимъ это совершенно естественнымъ; но если та же самая смертельная тоска овладѣваетъ имъ, когда ему приходится идти по большой дорогѣ или по пустому мѣсту, или когда онъ только замѣчаетъ на горизонтѣ маленькую тучку, или когда слышитъ звукъ лопнувшей ракеты, то мы не можемъ не признать его больнымъ.

Эти примѣры, число которыхъ можно было бы значительно увеличить, показываютъ, что неврастеніе подверженъ болѣзненной экзальтаци и задерживанію физиологическихъ случайностей. Онъ почти все можетъ дѣлать совершенно такъ же, какъ и здоровый человѣкъ, только сейчасъ же утомляется, чувствуетъ истощеніе силъ, и эта усталость не проходитъ. Кромѣ того, онъ чрезмерно чувствителенъ ко всякаго рода возбужденіямъ, что также пагубно отражается на его утомленіи и истощеніи силъ.

Вслѣдствіе этого не только простые смертные, но и представители медицинской науки обычно сравниваютъ неврастенію съ усталостью и рассматриваютъ ее, какъ патологическое раздраженіе и какъ хроническое утомленіе. Опыты повседневной жизни, произведенные въ минуты физиологическаго истощенія, ясно показываютъ, что острая раздражительность находится въ тѣсной связи съ состояніемъ усталости; оттого подобное состояніе можетъ быть удачно названо «раздражительною слабостью».

Что касается основы этихъ явленій, то она для насъ еще не совсемъ ясна; но насколько мало мы имѣемъ основаній предполагать значительное анатомическое измѣненіе въ нервахъ и мускулахъ во время физиологической усталости, настолько же мало основанія мы имѣемъ ожидать такихъ измѣненій и при неврастеніи. Скорѣе можно предположить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ очень тонкими молекулярными измѣненіями, едва доступными наблюденію при тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ современная наука, и относящимися скорѣе къ области органической химіи; потому-то мы и относимъ ихъ къ категоріи функциональныхъ расстройствъ.

Итакъ, острая раздражительность съ одной стороны, большая слабость, утомленіе и ослабленіе дѣятельныхъ способностей съ другой—вотъ характерные признаки неврастенія. Эти симптомы могутъ проявляться во всѣхъ частяхъ нервной системы—въ головномъ мозгу, въ сердцѣ, въ органахъ чувствъ, въ спинномъ мозгу и симпатическихъ нервахъ, въ органахъ кровообращенія, пищеваренія и пр., словомъ—во всемъ тѣлѣ. А такъ какъ эти симптомы не проявляются одновременно во всѣхъ названныхъ органахъ, то и выходитъ, что неврастенія вызываетъ весьма многочисленные и разнообразныя припадки.

Дальнѣйшія разсужденія профессора касаются главнымъ образомъ этой болѣзни; но они также въ значительной степени примѣнны, съ небольшими измѣненіями, и къ другимъ, упомянутымъ выше, формамъ нервныхъ заболѣваній.

Прежде всего онъ спрашиваетъ, дѣйствительно ли въ наше время нервность, въ ея различныхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ, усилилась до такой степени, какъ это вообще принято думать?

Если наше время отличается такимъ неблагоприятнымъ вліаніемъ на нервы, то, всетаки, необходимо обратить вниманіе на исторію вѣковъ: можетъ быть, она покажетъ намъ, что и прежде бывали подобныя эпохи, подобныя вершины въ культурномъ развитіи, подобныя нервныя состоянія, овладѣвавшія значительнымъ числомъ гражданъ одной и той же страны, или даже цѣлыми народами.

Развѣ мы не имѣли бы права, на примѣръ, назвать «нервнымъ вѣкомъ» эпоху высшаго расцвѣта искусства и умственной культуры въ древней Греціи, когда нервы афинянъ подвергались такому сильному возбужденію подъ вліаніемъ оживленной политической борьбы, ненасытнаго сластолюбія и неслыханной чувственности?

А что творилось въ Римѣ, во времена имперіи, передъ наступленіемъ эпохи упадка, когда роскошь, сластолюбіе и погоня за самыми изысканными наслажденіями шли рука объ руку съ необузданнымъ развратомъ, отсутствіемъ всякой дисциплины и ужасною жестокостью, когда непрерывная борьба политическихъ партій, продажность администраціи и всевозможные пороки большого города, наполненнаго разнузданной чернью, должны были такъ сильно дѣйствовать на пылкихъ римлянъ.

Далѣе,—какое страшное вліаніе имѣли средніе вѣка, съ ихъ общою грубостью нравовъ, съ эпохами напряженной религіозной экзальтаціи во времена крестовыхъ походовъ и опустошеній, причиненныхъ Европѣ «черной смертью». А эпоха возрожденія, съ ея необыкновеннымъ развитіемъ умственной жизни, съ которымъ рука объ руку шли развращенные нравы высшаго свѣта и не менѣе сильная склонность богатыхъ горожанъ къ пьянству и разврату,—развѣ эта эпоха не была благодатною почвою для развитія всевозможныхъ нервныхъ болѣзней?

Затѣмъ,—какое вліаніе должны были имѣть потрясенія, вызванныя тридцатилѣтнею войною, со всеми ея ужасами и безконечными бѣдствіями, съ разрушеніемъ городовъ и паденіемъ государствъ! Какъ отражались на нервахъ современниковъ постоянно усиливавшіеся безпорядки эпохи владычества Бурбоновъ, приведшіе, наконецъ, къ ужасамъ революціи?

Попытка дать отвѣтъ на подобные вопросы была бы одною изъ самыхъ интересныхъ и поучительныхъ историко-патологическихъ задачъ; но, къ сожалѣнію, это—задача неразрѣшимая. Исторія передаетъ всѣ подробности войнъ и политическихъ событій; она говоритъ также и о болѣзняхъ и умственномъ или физическомъ вырожденіи главнѣйшихъ

фамилій, въ рукахъ которыхъ была судьба того или иного государства; но изученіе хода болѣзней, за исключеніемъ великихъ убійственныхъ эпидемій, находится въ состояніи совершенно неудовлетворительномъ. Мы едва имѣемъ возможность составить себѣ приблизительное понятіе о нѣкоторыхъ психопатическихъ явленіяхъ, имѣвшихъ эпидемическій характеръ и длившихся цѣлыя вѣка, каковы, напримѣръ, бѣшенство пляски самобичевателей, паломничество дѣтей, тарантизмъ, манія шведскихъ проповѣдниковъ, американская секта «прыгуновъ» и прочія подобныя явленія. Но исторія медицины почти ничего не знаетъ о нашей «нервности», о неврастеніи: подобныя заболѣванія, весьма недостаточно изученныя, проходили незамѣченными и не находили себѣ мѣста въ постоянно измѣнявшихся медицинскихъ системахъ; едва нѣкоторые слѣды этихъ явленій сохранились въ случайныхъ описаніяхъ старинныхъ врачей.

Слѣды ихъ остался, между прочимъ, и въ писаніяхъ Иппократа, Цельсіа, Галліена. Описаніе эпилепсїи у Иппократа, упоминаніе о мигрени и описаніе истерїи у Галліена показываютъ, что и въ то отдаленное отъ насъ время функціональные неврозы уже существовали,—и не только существовали, но и были въ достаточной степени распространены. Но преданіе сохранило память только о тѣхъ изъ нихъ, которые своею странностью или серьезностью возбуждали особенное вниманіе или вызывали ужасъ и потому внушали медикамъ особый интересъ.

Описанія упомянутыхъ выше психопатическихъ эпидемій среднихъ вѣковъ и послѣдующаго времени,—эпидемій преимущественно истерическаго характера, основанныхъ на своего рода психической заразительности или внушеніи и появляющихся кое-гдѣ еще и въ наше время, доказываютъ, что и въ тѣ времена бывали случаи сильнаго возбужденія нервной системы. Но сколько-нибудь точное опредѣленіе степени развитія и распространенія функціональныхъ неврозовъ, даже наиболѣе извѣстныхъ, представляется дѣломъ совершенно невозможнымъ. Только въ самое недавнее время, когда внимательный діагнозъ научилъ насъ распознаванію органическихъ болѣзней, а въ томъ числѣ—и различныхъ формъ нервныхъ заболѣваній, явилось и болѣе точное знаніе этого предмета. Истерія и ипохондрія всегда съ достаточною ясностью опредѣляются въ сочиненіяхъ, гдѣ о нихъ говорится; но неврастенія, какъ предметъ особеннаго патологическаго изученія, появляется только въ наши дни. До послѣдняго времени самыя выдающіеся невропаты совѣмъ не признавали ея и постоянно смѣшивали съ ипохондрїей и истерїей. Только какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ тому назадъ она приобрѣла право гражданства въ группѣ нервныхъ болѣзней и вскорѣ получила очень важное значеніе.

Но самымъ главнымъ вопросомъ остается, все-таки, вопросъ о томъ, дѣйствительно ли неврастенія въ наши дни проявляется чаще, нежели въ прежнее время? дѣйствительно ли она достигла теперь такихъ ужасающихъ размѣровъ, какъ это обыкновенно думаютъ, и слѣдуетъ ли ожидать еще большаго ея распространенія?

Этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ съ помощью цифръ: до настоящаго времени у насъ еще нѣтъ никакой относящейся къ нему статистики, да и создать такую статистику—дѣло не легкое. Потому въ попыткѣ отвѣтить на этотъ вопросъ мы должны руководствоваться только общими впечатлѣніями, впрочемъ, довольно опредѣленными, и соображеніями о причинахъ развитія нервности, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Относительно одной группы нервныхъ заболѣваній, именно—психозовъ легко поддающихся статистическому подсчету, въ настоящее время можно уже считать доказаннымъ, что они находятся въ періодъ количественнаго увеличенія; большинство психіатровъ полагаетъ, что душевныя болѣзни, въ особенности—нѣкоторыя ихъ формы, какъ напр. прогрессивный параличъ, первоначальное безуміе, психическая слабость и различныя состоянія вырожденія, въ настоящее время прогрессируютъ. Что касается другихъ группъ, въ особенности—истерія и неврастенія, то въ этомъ отношеніи можно сослаться только на врачебный опытъ послѣдняго десятилѣтія. Опытъ же этотъ показываетъ, что неврастенія несомнѣнно и притомъ значительно усилилась. Во всѣхъ слояхъ общества, особенно же среди образованнаго класса, среди представителей умственного труда, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и среди людей бѣдныхъ и обездоленныхъ, неврастенія въ настоящее время распространена гораздо больше, чѣмъ прежде. Ее можно встрѣтить у ученыхъ и у чиновниковъ, у врачей и офицеровъ, у негоціантовъ и банкировъ, у служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, почтахъ, телеграфахъ, у журналистовъ и профессоровъ; но она встрѣчается также и у переписчиковъ, у фабричныхъ рабочихъ, у швей и пр.,—и повсюду проявляется въ ужасающихъ размѣрахъ; среди юношей и людей зрѣлаго возраста она съ каждымъ днемъ поражаетъ все большее и большее количество жертвъ. Истерія, въ прежнее время наблюдавшаяся исключительно у женщинъ, начинаетъ теперь поражать также и мужчинъ, и во Франціи, этой классической странѣ истеріи, она наблюдается въ одинаковой мѣрѣ у обоихъ половъ, не исключая даже рабочаго класса. Однимъ словомъ, и многочисленные факты, и весьма основательные логическіе резоны заставляютъ насъ заключать, что нервность чрезвычайно усилилась въ концѣ XIX столѣтія и придаетъ особенный характеръ извѣстному и уже опошленному выраженію «конецъ вѣка». То же мнѣніе подтверждается и колоссальнымъ развитіемъ медицинской литературы, посвященной этому предмету.

Какovy же причины такого положенія? заключаются ли онѣ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ, въ условіяхъ современной жизни, въ прогрессъ и утонченности нашей цивилизаціи, въ новыхъ привычкахъ и измѣнившихся нравахъ?

Вотъ интересный вопросъ, рѣшеніе котораго возможно только при условіи указанія причинъ патологической нервности, въ особенности же—неврастенія,—поскольку эти причины намъ извѣстны.

Мы уже съ перваго взгляда легко можемъ придти къ заключенію,

что все то, что стѣсняетъ, утомляетъ или истощаетъ нервную систему, можетъ привести къ тому болѣзненному состоянію, которое мы характеризовали патологическимъ упорствомъ усталости, раздражительной слабости и утомленія.

Этотъ результатъ можетъ быть слѣдствіемъ безчисленнаго множества причинъ; но опытъ показываетъ, что существуютъ особыя психическія моменты, въ которыхъ излишество вредно и которые оказываютъ влияние то на чисто умственные отправления, то на физическій темпераментъ человѣка.

Неврастенія является преимущественно болѣзнью тружениковъ мозга, — людей, существующихъ какимъ-либо умственнымъ трудомъ, которые или въ силу необходимости, или по увлеченію предаются напряженной дѣятельности мысли. Профессоръ Эрбъ перечисляетъ слѣдующія, наиболѣе важныя, причины этого рода заболѣваній:

1. Чрезвычайно напряженная умственная дѣятельность является важнѣйшею изъ всѣхъ непосредственныхъ причинъ неврастеніи. Она играетъ серьезную роль уже въ юности, въ періодъ физическаго роста: достаточно указать на старую методу образованія, чрезмѣрно отягощавшую мозгъ ребенка; къ сожалѣнію, эта система и до сихъ поръ еще практикуется въ нашихъ школахъ, особенно—въ среднихъ,—въ коллегіяхъ и лицеяхъ; безъ сомнѣнія, говоритъ профессоръ, она имѣетъ нѣкоторыя достоинства, но за то и много недостатковъ. Значительное количество часовъ, проводимыхъ учениками въ нерѣдко тѣсныхъ и дурно вентилируемыхъ классныхъ помѣщеніяхъ, обширность и трудность уроковъ, множество домашнихъ работъ, недостаточное вниманіе къ потребности отдыха и физическаго развитія, — вотъ тѣ неблагоприятныя условія, которыя если и не причиняютъ немедленнаго и очевиднаго вреда, но тѣмъ не менѣе существуютъ, и которыхъ послѣдствія обнаруживаются въ особенности на дѣтяхъ слабого сложенія.

Университетскія занятія, — собственно во время учебнаго курса рѣдко подають поводъ къ умственному переутомленію: широкое толкованіе «академической свободы» въ смыслѣ права ничего не дѣлать является здѣсь своего рода коррективомъ. Но за то умственный трудъ во время спѣшнаго и напряженнаго приготовленія къ экзаменамъ усиливается до крайности и является серьезною опасностью для здоровья.

Но печальныя послѣдствія чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ силъ связываются въ особенности среди людей, для которыхъ умственный трудъ является профессіей. Борьба за существованіе вынуждаетъ человѣка пользоваться всѣмъ запасомъ своихъ умственныхъ способностей и дѣлать постоянныя усилія для того, чтобы удержаться на достигнутой высотѣ. И вотъ, человѣкъ увеличиваетъ число своихъ рабочихъ часовъ, обращаетъ ночь въ день; ему необходимо какъ можно скорѣе кончить спѣшныя работы, — и онъ спѣшитъ, не зная отдыха, до тѣхъ поръ, пока силы не истощатся...

2. Затѣмъ, для нервной системы также въ высшей степени опасны чрезмѣрно напряженная дѣятельность сердца, — волненія и тревоги, вызываемыя въ частной жизни заботами, нуждою, огорченіями, тоской или страхомъ за будущее, дурными семейными отношеніями, оскорбленнымъ самолюбіемъ, обманутыми надеждами, азартной игрой и пр., а въ жизни общественной — борьбою политическихъ, религіозныхъ или социальныхъ идей, тою долею участія, какую имѣетъ человекъ въ дѣлахъ государственныхъ или общественныхъ, интригами и т. п. Значительное количество нервныхъ заболѣваній обязано своимъ происхожденіемъ именно этого рода вліяніямъ.

3. Наряду съ причинами психическими слѣдуетъ поставить причины чисто физическія или тѣлесныя, но находящіяся въ тѣсной связи съ воздѣйствіями психическаго характера. И въ этомъ отношеніи также представляется вредоноснымъ все то, что требуетъ слишкомъ сильнаго напряженія, все, что утомляетъ, какъ напр. чрезмѣрное напряженіе мускуловъ во время продолжительныхъ переходовъ, большія экскурсіи въ горы, злоупотребленіе всякаго рода спортомъ — велосипеднымъ, гребнымъ, скачками и т. п.

4. Еще болѣе опаснымъ представляется раздраженіе и чрезмѣрное возбужденіе половой жизни, въ особенности въ ранней юности, въ такую пору, когда организмъ является еще не вполне сложившимся и окрѣпшимъ.

5. Далѣе, слѣдуетъ упомянуть также и о злоупотребленіяхъ различными возбуждающими средствами, каковы алкоголь, табакъ, кофе, чай и пр., неумѣренное употребленіе которыхъ чрезвычайно разрушительно дѣйствуетъ даже на сильную нервную систему.

6. Чрезвычайно разрушительно дѣйствуютъ также продолжительныя бодрствованія, возбужденіе чувствъ при помощи музыки, театра, волнующихъ воображеніе чтеній или зрѣлищъ, слишкомъ усердное посѣщеніе свѣтскихъ собраній, обѣдовъ, вечеровъ и т. п.

7. Особенная причина невроза, наблюдаемая только въ наши дни, заключается въ сильныхъ физическихъ потрясеніяхъ, какія случаются, напримѣръ, при несчастіяхъ на желѣзныхъ дорогахъ; и здѣсь, впрочемъ, страхъ и тоска, — эти психическія раны, играютъ довольно выдающуюся роль.

8. Наконецъ, если упомянуть еще обо всѣхъ возможныхъ причинахъ физической слабости, каковы, напримѣръ, различныя болѣзни и въ особенности — извѣстныя инфекціонныя заболѣванія вроде инфлуэнцы, малокровіе, хлорозъ, а также плохое питаніе, дурной воздухъ, сидячая жизнь, недостатокъ движенія и пр., то этимъ будутъ исчерпаны указанія на важнѣйшія причины неврастенія.

Всякому извѣстно, что все, дѣйствующее на нервную систему ослабляющимъ или истощающимъ образомъ, вредитъ ея нормальнымъ отправленіямъ. Это вредное дѣйствіе обнаруживается въ гораздо большей

степени въ тѣхъ случаяхъ, когда оно исходитъ одновременно отъ нѣсколькихъ причинъ: если, напримѣръ, чрезмѣрное умственное напряженіе совпадаетъ съ волненіями, заботами, безпокойствомъ, или если со всякаго рода излишествами соединяется усиленная дѣятельность мысли, и т. п. Но всѣ эти вредоносныя вліянія проходятъ, такъ сказать, мимо нервной системы, не оставляя никакого или почти никакого слѣда, если къ нимъ не присоединяется еще одно, едва ли не самое важное условіе развитія функциональных невротозовъ, именно—нервное расположеніе или, какъ обыкновенно говорятъ медики, невропатическій порокъ. Подъ этимъ наименованіемъ разумѣется наклонность къ нервнымъ заболѣваніямъ, встрѣчающаяся во многихъ семьяхъ и передающаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, достигая часто весьма значительной степени. Въ семьяхъ, подверженныхъ невротамъ, проявляются поочередно то мигрени, то пляска св. Витта, то невралгіи, то истерія, то эпилепсія, иногда душевныя болѣзни, но въ особенности—неврастенія. Нерѣдко такое предрасположеніе обнаруживается уже въ раннемъ дѣтствѣ особенно возбужденнымъ состояніемъ духа, иногда необычайною даровитостью, различными особенностями характера, тревожнымъ сномъ, наклонностью къ головнымъ болямъ и мигренямъ,—и вдругъ, въ одинъ несчастный день, обнаруживаются сразу всѣ болѣзни.

Это нервное предрасположеніе можетъ передаваться дѣтямъ отъ отца или матери, особенно если родители оба люди нервные или происходятъ изъ нервныхъ семей, или если оба они принадлежатъ къ одной и той же семьѣ, уже пораженной невротомъ: вотъ еще лишній доводъ противъ браковъ между родственниками.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда нервное предрасположеніе не наследственно, оно можетъ быть пріобрѣтаемо въ силу вышеуказанныхъ причинъ нервности и затѣмъ передаваться наследникамъ. Оно играетъ весьма существенную роль въ происхожденіи неврастенія и подобныхъ ей заболѣваній. Мы не имѣемъ относительно этого вопроса достаточно полныхъ статистическихъ указаній; но нѣкоторые невротаты опредѣляютъ долю участія этого фактора въ неврастеніи въ 75—80%. Часто, повидимому, уже одного этого предрасположенія достаточно для того чтобы вызвать неврастеническія явленія у обладающихъ имъ лицъ; во всякомъ случаѣ, имъ готовится почва для вліянія прочихъ вредоносныхъ факторовъ.

Сдѣланный выше краткій обзоръ главнѣйшихъ причинъ нервности объясняетъ многіе факты современной жизни: преимущественное появленіе неврастенія среди высшихъ классовъ, у лицъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ; то, что она поражаетъ главнымъ образомъ мужчинъ,—хотя отъ нея не избавлены и женщины, у которыхъ, впрочемъ, преобладаетъ истерія; прогрессирующее распространеніе нервныхъ заболѣваній среди различныхъ народовъ или племенъ, напримѣръ,—среди народовъ латинской расы и въ особенности—среди семитовъ. Эти послѣдніе,

несомнѣнно, принадлежать къ племени, уже предрасположенному къ неврозамъ; притомъ, вслѣдствіе ихъ образа жизни въ продолженіе многихъ вѣковъ, а также и вслѣдствіе браковъ между родственниками, развитіе нервности дошло у нихъ до поразительной степени. То же можно сказать и о современныхъ американцахъ, съ ихъ неудержимымъ стремленіемъ къ наживѣ, съ ихъ упорной трудовой жизнью, не знающей ни покоя, ни отдыха въ безумной погонѣ за выгодами и наслажденіями; недаромъ же неврастенію называли просто «американскою нервностью»! Затѣмъ слѣдуетъ указать на особенно сильное распространеніе неврастеніи и истеріи среди высшаго общества различныхъ націй, которое безпощадно разрушаетъ свои нервы излишествомъ страстей и безумнымъ образомъ жизни.

Такимъ образомъ, вопросъ, поставленный въ началѣ статьи, сводится къ слѣдующему: указанныя причины нервности въ современной жизни могутъ ли считаться въ достаточной степени объясняющими постоянно усиливающуюся въ наше время нервность?

На этотъ вопросъ проф. Эрбъ отвѣчаетъ безусловно утвердительно. Чрезвычайныя побѣды, одержанныя въ послѣднее время человѣкомъ надъ природою, великія открытія и изобрѣтенія во всѣхъ областяхъ, быстрый ходъ прогресса при все болѣе и болѣе усиливающейся конкуренціи,—все это могло быть достигнуто и можетъ быть сохранено только цѣною чрезвычайнаго напряженія всѣхъ умственныхъ силъ. Въ наше время условія борьбы за существованіе [требуютъ отъ человѣка гораздо больше, чѣмъ прежде, и удовлетворить этимъ требованіямъ онъ можетъ только напрягая до послѣдней степени всѣ свои способности. При этомъ и потребности каждой отдѣльной личности, и стремленіе къ удовольствіямъ всякаго рода также значительно возросли во всѣхъ классахъ общества; неслыханная прежде роскошь распространилась даже и въ народъ, прежде не имѣвшемъ о ней никакого понятія. Упадокъ религіознаго чувства, недовольство своимъ положеніемъ и зависть къ богатству все больше и больше распространяются среди простого народа. Необыкновенное развитіе путей и средствъ сообщенія содѣйствуетъ чрезвычайному росту торговли и промышленности; все и всѣ куда-то стремятся съ лихорадочной торопливостью, пользуясь ночами для путешествій, а днями—для работъ; даже такъ называемыя «увеселительныя поѣздки» становятся одною изъ причинъ утомленія нервной системы. Великіе политическіе, промышленные и финансовыя перевороты отражаются на насущныхъ интересахъ гораздо большаго числа лицъ, чѣмъ въ прежнее время, а слѣдовательно, вызываютъ и болѣе сильныя волненія. Въ настоящее время почти всякій принимаетъ то или иное участіе въ жизни общественной; борьба идей и партій политическихъ, религіозныхъ, соціальныхъ. избирательная агитація, безчисленныя собранія клубовъ и различныхъ союзовъ разгорячаютъ умы, держатъ людей въ постоянномъ волненіи, отнимая у нихъ время, которымъ

можно было бы воспользоваться для отдыха или сна. Жизнь въ большихъ городахъ становится все болѣе и болѣе утонченною и дѣятельною; истомленные нервы подтягиваются съ помощью разныхъ возбуждающихъ средствъ, которыя еще болѣе ихъ истощаютъ. Современная литература занимается преимущественно самыми сложными вопросами, волнующими страсти, возбуждающими чувственность или грубыя вождельнія и приводящими нерѣдко къ отрицанію всѣхъ началъ нравственности и всякихъ идеаловъ. Она представляетъ разгоряченному воображенію читателя патологическія фигуры, ставитъ вопросы психопатическіе, половые, революціонные и т. д. Нашъ слухъ возбуждается и раздражается нестройными звуками разныхъ шарманокъ, выдаваемыхъ за музыку; театръ, при нынѣшнемъ характерѣ зрѣлищъ, также сильно дѣйствуетъ на всѣ чувства; даже пластическія искусства, — и тѣ въ послѣднее время съ особенной любовью останавливаются на изображеніи отвратительнаго, безобразнаго и, въ своемъ крайнемъ увлеченіи реализмомъ, не стѣсняются представлять самыя ужасныя вещи, какія только можетъ встрѣчать художникъ въ дѣйствительной жизни...

Эту общую картину, нарисованную такими мрачными, неприглядными красками, профессоръ дополняетъ еще нѣкоторыми спеціальными подробностями.

Прежде всего онъ указываетъ на ту опасность, которая грозитъ современному молодому поколѣнію со стороны школы, требующей крайне напряженнаго умственнаго труда. Стремленіе молодыхъ людей въ гимназіи и университеты уже и само по себѣ въ послѣднее время чрезвычайно усилилось; но вмѣстѣ съ тѣмъ возросли и требованія, предъявляемыя современною жизнью образованному человѣку, такъ что ученикамъ приходится напрягать всѣ свои силы, часто весьма недостаточныя, для того, чтобы быть въ состояніи этимъ требованіямъ удовлетворить. Науки, которыя имъ приходится теперь изучать, значительно расширились и въ отношеніи количества, и въ отношеніи содержанія. Не говоря о громадныхъ успѣхахъ естествознанія, результаты котораго необходимо должны служить предметомъ школьнаго изученія, не говоря о повышенныхъ требованіяхъ въ отношеніи новыхъ языковъ, математики, исторіи и пр., увеличились также требованія и относительно древнихъ языковъ, что, воплѣ естественно при тѣхъ успѣхахъ, какіе достигнуты въ наше время филологіей; профессоръ Эрбъ думаетъ, однако, что филологи недостаточно заботятся объ исключеніи изъ программъ школьнаго преподаванія многихъ спеціальныхъ открытій своей науки, а иногда даже и мало поучительной полемики, какъ напр. — по вопросу о томъ или иномъ греческомъ или латинскомъ произношеніи, и т. п. Интересы ученика далеко не всегда пропорціональны интересу профессора къ своей спеціальной наукѣ.. Мало того, — въ послѣднее время все чаще и чаще слышатся голоса, требующіе еще дальнѣйшаго расширенія гимназическихъ программъ: высказывается мнѣніе о необходимости снабдить гимназиста всякаго рода предваритель-

ными свѣдѣніями, могущими имѣть практическое примѣненіе въ его будущей гражданской дѣятельности...

Женское образованіе также достигло въ наше время такой широты, о которой не имѣли понятія наши бабушки и которая также угрожаетъ ученицамъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ и способностей.

Но указанное вредное для здоровья молодого поколѣнія дѣйствіе является результатомъ не только непоумѣрнаго расширенія программъ школьнаго образованія: къ нему присоединяется вліяніе также и другихъ, весьма сложныхъ причинъ. Въ послѣднее время очень часто говорятъ о *переутомленіи* учащихся, но рѣдко вспоминаютъ о *переполненіи* класса, т. е. о наполненіи его слишкомъ большимъ количествомъ учениковъ, о дурной вентиляціи, недостаточномъ освѣщеніи и т. п., что не можетъ не оказывать губительнаго дѣйствія на здоровье неокрѣпшихъ, юныхъ организмовъ. Не слѣдовало бы также забывать и о переутомленіи учителей, которое не можетъ, разумѣется, отражаться благотворно на ихъ ученикахъ.

Притомъ, вышшіе учебные планы, быть можетъ, въ теоріи и лучше, и основательнѣе старыхъ, но на практикѣ ихъ выполненіе рѣдко можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Нельзя отрицать того, что филологически-формальный и мало соответствующій требованіямъ здоровой педагогич. методъ современнаго обученія требуетъ отъ учащихся слишкомъ сильнаго мозгового напряженія, притомъ же,—мало вознаграждаемаго характеромъ приобретаемыхъ ими знаній...

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что большая часть школъ слишкомъ пренебрегаетъ физическимъ развитіемъ дѣтей, не допуская въ распредѣленіи занятій благоразумнаго и благотворнаго чередованія уроковъ и рекреаций, труда умственнаго и физическаго. Развѣ не прискорбно, въ самомъ дѣлѣ, видѣть, что мальчики и дѣвочки, въ періодъ роста, чувствуя особенную потребность въ движеніи, пять часовъ сряду должны отдавать исключительно умственному труду и что изъ тридцати еженедѣльных уроковъ только два отводятся на «гимнастику», имѣющую, притомъ такой же мертвый характеръ, какъ и преподаваніе греческой грамматики? Надо замѣтить, что и у себя дома ученики, заваленные работой по приготовленію уроковъ и письменныхъ задачъ, не имѣютъ достаточно времени для того, чтобы побѣгать, поиграть и поразмяться на воздухѣ.

Вотъ это-то и слѣдуетъ назвать «переутомленіемъ» или—еще лучше—«пагубнымъ вліяніемъ школы на нервную систему». Это вліяніе очень сложное и наноситъ цѣлый рядъ психическихъ и физическихъ ударовъ, которые могутъ имѣть весьма различный характеръ и значеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на старанія весьма серьезныхъ и вполне компетентныхъ педагоговъ, до сихъ поръ еще на удалось въ желаемой степени устранить эти неудобства нашей школы и согласовать современныя потребности образованія съ необходимыми условіями физическаго развитія и здоровья подростающихъ поколѣній. Существуютъ и такія учебныя заведенія, руководители которыхъ болѣе внимательно отно-

сятся къ требованіямъ гигиены и въ которыхъ здоровые и обладающіе нормальными способностями учащіеся не подвергаются никакой опасности переутомленія; но необходимо, всетаки, имѣть въ виду, что и учащіеся далеко не въ равной мѣрѣ одарены физическимъ здоровьемъ и умственными силами, и что обученіе должно сообразоваться съ среднимъ уровнемъ того или другого.

Многое можно было бы сказать также и о домашнемъ воспитаніи, составляющемъ важнѣйшую обязанность семьи и находящемся въ наше время почти въ полномъ пренебреженіи, — о непослѣдовательности и слабости родителей, о слишкомъ раннемъ участіи дѣтей въ жизни взрослыхъ, въ ихъ удовольствіяхъ и забавахъ, что, разумѣется, также способствуетъ развитію нервности...

Университетская наука въ послѣднее время также значительно расширилась. Открылись вновь цѣлыя области научнаго изслѣдованія; содержаніе каждой отдѣльной отрасли науки, вслѣдствіе прогрессирующей спеціализаціи, становится все болѣе и болѣе сложнымъ и разнообразнымъ: одно простое сравненіе количества профессоровъ и бюджета высшаго образованія въ наше время и полвѣка тому назадъ краснорѣчивѣе всякихъ длинныхъ разсужденій.

Независимо отъ всего этого, наше время создало множество переходныхъ положеній, черезъ которыя обязательно долженъ проходить всякій молодой человѣкъ, приготавлиющійся къ общественной карьерѣ и которыя также ведутъ къ усилению нервности. Страшная конкуренція во всѣхъ областяхъ и на всѣхъ поприщахъ требуетъ удвоенной энергіи, заставляетъ до крайности напрягать всѣ усилія, чтобы добиться успѣха. Чиновники всѣхъ вѣдомствъ положительно обременены трудомъ и тяжелою отвѣтственностью; въ военной службѣ приходится постоянно поддерживать всю свою энергію для того, чтобы удовлетворять служебнымъ требованіямъ и избѣгать недосмотровъ; въ кругу ученыхъ постоянно усиливающаяся конкуренція и быстро растущая спеціальная литература по всѣмъ отраслямъ знанія дѣлаютъ необходимою усиленную мозговую дѣятельность. Для учителей и учительницъ постоянно повышаемый уровень предъявляемыхъ къ нимъ требованій, слишкомъ переполненные классы и матеріальная небезпеченность являются весьма опасными факторами нервности. Для журналистовъ обильнымъ источникомъ всевозможныхъ нервныхъ заботъ является крайняя спѣшность и напряженность труда, необходимость ночной работы и пр. Для артистовъ такими же причинами неврастенія служатъ постоянное напряженіе памяти при изученіи ролей или музыки, тягостные переѣзды, волненія сцены. Но въ числѣ жертвъ неврастенія едва ли не первое мѣсто принадлежитъ въ наши дни коммерсантамъ и биржевымъ спекуляторамъ: обширныя дѣловыя сношенія, постоянная погоня за барышами, за обогащеніемъ, постоянныя измѣненія денежнаго и товарнаго рынка, волненія, вызываемыя биржевыми кризисами, утомительныя путешествія и многое другое въ жизни этихъ людей очень часто

ведеть къ роковому исходу. То же можно сказать и о промышленникахъ. Въ наше время явились совершенно новыя, неизвѣстныя ранѣ профессіи, соединенныя съ крайне напряженною, слѣбною дѣятельностью и исключительною отвѣтственностью: таковы, напримѣръ, обязанности пригандиковъ въ большихъ торговыхъ домахъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, на почтѣ, на телеграфѣ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ и пр. Такимъ образомъ, почти всякая профессія является въ настоящее время источникомъ крайняго возбужденія и истощенія нервной системы.

Но это еще не все. Во всякой, или почти во всякой общественной дѣятельности есть еще извѣстное количество второстепенныхъ заботъ, которыя также въ весьма значительной степени содѣйствуютъ нервному возбужденію. Таковы, напримѣръ, борьба партій, избирательная агитація, принадлежность къ той или иной политической группѣ, къ составу администраціи, провознесеніе рѣчей, чтеніе лекцій, литературные труды, принадлежность къ какому-либо изъ безчисленныхъ обществъ, союзовъ, корпорацій съ ихъ особыми интересами и пр. Все это для лицъ самыхъ разнообразныхъ профессій,—для чиновниковъ, профессоровъ, врачей, педагоговъ и воспитателей, банкировъ и негоціантовъ, фабрикантовъ и артистовъ, является постояннымъ источникомъ нервного переутомленія...

Если мы бросимъ взглядъ на прошлое и сравнимъ нашу жизнь съ относительно гораздо болѣе спокойнымъ существованіемъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, то пагубное вліяніе современныхъ условій жизни предстанеть передъ нами во всей своей ясности. Давно уже прошло то время, когда лучшіе умы вѣка считали для себя удовольствіемъ и обязанностью писать другъ другу длинныя и остроумныя посланія о политической, научной или литературной злобѣ дня. Для поддержанія нашихъ сношеній съ друзьями мы изобрѣли маленькія открытыя письма. Наши отцы жили большею частью среди мирныхъ занятій, вдали отъ политическихъ тревоженій; они довольствовались чтеніемъ небольшой ежедневной или даже еженедѣльной газетки, въ которой было гораздо больше городскихъ сплетенъ, чѣмъ крупныхъ политическихъ новостей или статей по жгучимъ вопросамъ современности. Мы, напротивъ, постоянно движемся среди бурнаго водоворота общественной жизни, каждый день поглощаемъ по нѣскольку большихъ газетъ, каждое утро узнаемъ обо всѣхъ событіяхъ, случайностяхъ, ужасахъ цѣлаго свѣта. Наши предки считали для себя рѣдкимъ счастіемъ возможность хоть разъ въ жизни совершить путешествіе въ Швейцарію или въ Италію, или даже болѣе скромную поѣздку въ какой-нибудь уголокъ собственнаго отечества; намъ каждый годъ необходимо одно или два большихъ путешествія, и ежегодный «отпускъ» по крайней мѣрѣ на мѣсяць или полтора является для насъ необходимымъ условіемъ жизни; нѣтъ сомнѣнія, что скоро настанетъ время, когда путешествіе вокругъ свѣта сдѣлается однимъ изъ необходимыхъ условій воспитанія. Во время путешествія мы утомляемъ свой мозгъ разсматриваніемъ тысячъ картинъ или статуй, посѣщеніемъ безчисленнаго множества городовъ и

церквей; наши предки не знали и сотой доли всего этого. Они не знали точно также и нашей общественной и политической жизни, съ ея обязательнымъ участіемъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, которыми мы, можно сказать, сыты по горло. Благодаря медленности и дороговизнѣ путей сообщенія, они должны были всю жизнь оставаться у себя дома: наше поколѣніе, напротивъ, большую часть года, много дней и еще больше ночей проводитъ на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ постоянный шумъ и сотрясеніе поѣзда раздражительно дѣйствуютъ на нервы, но говоря уже о головокружительной быстротѣ, съ какою мчится поѣздъ...

Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что при этихъ условіяхъ множество людей являются жертвами неврастеніи, и что послѣдняя принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Поразительный прогрессъ нервности въ наше время представляется, стало быть, очевиднымъ и безъ всякихъ статистическихъ доказательствъ; онъ является неизбѣжнымъ результатомъ развитія нашей цивилизаціи и показываетъ, что конецъ нашего столѣтія по праву можетъ назваться «нервнымъ вѣкомъ».

Это приводитъ къ весьма серьезному опасенію относительно будущаго: нѣтъ ли основанія думать, что эта нервность будетъ и далѣе развиваться все больше и больше и, въ концѣ концовъ, совсѣмъ погубить весь цивилизованный міръ? есть ли на свѣтѣ народы или племена, еще не затронутые этой язвой, которые, обладая свѣжимъ мозгомъ и солидной нервной системой, могутъ когда-нибудь занять наше мѣсто?

Эти вопросы имѣютъ первостепенное значеніе, потому что самое существованіе того или другаго народа, несомнѣнно, прежде всего зависитъ отъ здороваго, нормальнаго состоянія нервной системы людей, этотъ народъ составляющихъ.

Профессоръ Эрбъ думаетъ, что вышѣшее положеніе нельзя еще считать безнадежнымъ и что хотя нервность и увеличивается, однако это зло можетъ еще быть устранено, конечно, въ томъ случаѣ, если люди сами захотятъ помочь себѣ. Онъ указываетъ на земледѣльческій классъ, который, обладая крѣпкимъ здоровьемъ и нетронутыми нервами можетъ послужить источникомъ возрожденія для другихъ классовъ общества, истощенныхъ непомерными усиліями борьбы за существованіе; изъ земледѣльской среды могутъ выйти новые дѣятели умственнаго труда, лучше подготовленные къ новымъ условіямъ жизни и болѣе стойкіе, чѣмъ ихъ предшественники. Затѣмъ, нельзя упускать изъ виду также и того, что нервная система обладаетъ способностью приспособляться и къ умственному напряженію, и къ вреднымъ элементамъ, и это приспособленіе въ значительной степени уменьшаетъ рискъ переутомленія. Все дѣло въ методической культурѣ, въ внимательномъ отношеніи къ физиологическимъ условіямъ жизни, съ помощью котораго несомнѣнно можетъ быть увеличена способность къ труду. Подобно тому, какъ вышнія наши чувства привыкаютъ ко всевозможнымъ впечатлѣніямъ до такой степени, что эти впечатлѣнія становятся почти незамѣтными, такъ и мозгъ мало по

№ 5—6. Отд. II. 4

малу может привыкнуть къ различнымъ вредоноснымъ элементамъ повседневной жизни — къ шуму, торопливости, волненіямъ, механическимъ воздѣйствіямъ, которыя въ концѣ концовъ будутъ чувствоваться имъ все слабѣе и слабѣе. Конечно, съ неблагоприятными вліяніями психическаго характера бороться гораздо труднѣе; но и въ этомъ отношеніи извѣстная доля выдержки и умѣнья владѣть собой могутъ оказать весьма важныя услуги. Такимъ образомъ есть основаніе надѣяться, что наша нервная система до извѣстной степени приспособится къ требованіямъ современной цивилизаціи и силою привычки устранить вредное вліяніе этихъ условий.

Но этого еще недостаточно: высшая культура должна позаботиться о благоразумныхъ предосторожностяхъ противъ усиливающагося зла, чтобы спасти блага цивилизаціи и самое существованіе цѣлыхъ народностей. Для этого необходима *гиіена нервной системы*, которая въ настоящее время находится, можно сказать, только еще въ зародышѣ. Современная наука занимается главнымъ образомъ гигиеническими мѣропріятіями общаго характера, — борьбою съ эпидеміями, устраненіемъ вреднаго дѣйствія различныхъ профессиональныхъ занятій и т. п. Между тѣмъ, на гигиену нервовъ пока обращено еще слишкомъ мало вниманія. Главной заботой этой гигиены должно быть, конечно, устраненіе вредныхъ вліяній современной цивилизаціи. Но, съ другой стороны, вѣдь никто изъ насъ не согласится, ради сохраненія въ неприкосновенности своей нервной системы, отказаться отъ цивилизаціи, отъ всѣхъ ея благъ и пріобрѣтеній, и вернуться къ спокойной жизни нашихъ предковъ, которые не знали этихъ благъ, но за то не вѣдали и неврозовъ. Никто не захочетъ отказаться отъ всякой умственной дѣятельности, отъ всѣхъ утонченныхъ радостей современной жизни цивилизованнаго человечества — даже цѣною пріобрѣтенія крѣпкаго физическаго здоровья, отличнаго аппетита и великолѣпнаго сна. Слѣдовательно, старанія и заботы нервной гигиены должны быть направлены въ другую сторону, а именно — на *воспитаніе* подростующихъ поколѣній и въ особенности — на школьное воспитаніе и обученіе.

Въ этомъ отношеніи первыя средства находятся въ распоряженіи семьи и особенно — матери ребенка, которая, руководясь разумными указаніями опыта, должна самымъ точнымъ образомъ слѣдить за пищей, физическими упражненіями, умственными занятіями, сномъ и прогулками дѣтей. Дальнѣйшія мѣры находятся въ рукахъ педагоговъ и врачей: это — мѣры школьной гигиены въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, говоритъ профессоръ, возможныя въ этой области улучшенія все еще встрѣчаютъ серьезное противодѣйствіе въ силѣ традицій и въ преобладающемъ вліяніи филологовъ на нашу школу; а между тѣмъ, во всей системѣ первой гигиены этотъ пунктъ, безъ сомнѣнія, самый важный. Профессоръ особенно настаиваетъ на необходимости правильнаго распредѣленія труда и отдыха, которое чрезвычайно важно для организ-

мовъ, еще не окрѣпшихъ и формирующихся. Школьная гигиена обязываетъ, наряду съ заботой объ умственномъ развитіи учащихъ заботиться также и о физическомъ ихъ развитіи и здоровьѣ, которое въ состояніи было бы предохранить ихъ нервную систему отъ дѣйствія вредныхъ вліяній современной жизни. Программа учебныхъ занятій, по мнѣнію профессора, должна быть ограничена мѣрою самой строгой необходимости, хотя бы ради этого педагогамъ и пришлось пожертвовать нѣкоторыми любимыми предметами. «Не мое дѣло, говоритъ онъ, разрѣшать технические вопросы, высказываться о томъ, необходимо ли для умственной культуры знаніе одного, двухъ или трехъ языковъ, достаточно ли для этой цѣли изученіе однихъ только древнихъ языковъ или же ихъ роль съ успѣхомъ можетъ быть передана новымъ, нельзя ли, хотя бы до нѣкоторой степени, замѣнить изученіе древнихъ языковъ математикой или физикой, есть ли необходимость въ обширномъ изученіи исторіи, географіи, политической экономіи и пр. Такіе вопросы должны быть разрѣшаемы, по зрѣломъ обсужденіи, компетентными людьми изъ всѣхъ классовъ образованнаго общества, а не одними только педагогами и филологами, при участіи врачей. Но совершенно необходимо, чтобы въ количествѣ и послѣдовательности учебныхъ занятій, въ количественномъ и качественномъ характерѣ программъ, въ самомъ методѣ преподаванія устранено было все то, что можетъ привести къ излишнему возбужденію, къ утомленію и истощенію нервной системы».

При этомъ профессоръ настаиваетъ на самой серьезной заботливости о физическомъ развитіи юношества, указывая, что классныя занятія необходимо прерывать на болѣе или менѣе продолжительное время для упражненій на воздухѣ, для гимнастики, число уроковъ которой въ настоящее время совершенно недостаточно; что надо всѣми мѣрами поощрять молодежь къ прогулкамъ и разнаго рода спорту (плаваніе, катанье верхомъ, на конькахъ, на велосипедѣ и т. п.) и полезному физическому труду; а съ этою цѣлью необходимо какъ можно уменьшить количество домашнихъ учебныхъ работъ. «Знать, въ чемъ заключается зло и каковы его причины, говоритъ онъ, значить — видѣть и средства для его устраненія. Намъ всѣмъ угрожаетъ страшное развитіе нервныхъ заболѣваній; а потому каждый изъ насъ въ отдѣльности, какъ и все общество въ совокупности, обязанъ рѣшительно и энергично противо-дѣйствовать этой язвѣ нашего времени».

Письма изъ провинціи.

Кому нуженъ сельско-хозяйственный институтъ въ Самарѣ.

(Письмо изъ Самары).

Земскія мѣропріятія, едва-ли не чаще и не единодушнѣе, чѣмъ что-либо другое въ области современной русской жизни, трактуются какъ акты реального проявленія «всесловныхъ», «всеобщихъ» интересовъ, служащихъ руководящимъ основаніемъ въ дѣлѣ созданія того или иного мѣропріятія. Дѣятельность земства въ воображеніи многихъ чаще всего рисуется не иначе, какъ въ связи съ представленіемъ о безкорыстномъ служеніи «мѣстныхъ» людей на пользу труженика—«меньшого брата», хотя бы этотъ братъ принадлежалъ къ другому сословію, къ иной общественной группѣ, чѣмъ представители земства. Учреждается-ли земскій элеваторъ,—это дѣлается исключительно въ интересахъ горемычнаго пахаря, съ цѣлью избавить его отъ услугъ хлѣбнаго спекулянта, которому онъ въ критическія минуты продаетъ за безцѣнокъ свой хлѣбъ. Организуется-ли мелкій кредитъ для кустарей,—это предпринимается въ цѣляхъ освобожденія мелкаго самостоятельнаго производителя отъ путъ кулака-скупщика. Устраивается-ли новая земская школа,—это дѣлается опять таки исключительно во имя интересовъ «меньшого брата», котораго просвѣщенные земцы желаютъ приобщить къ благамъ культуры...

Во всѣхъ этихъ случаяхъ обыкновенно остается невыясненнымъ вопросъ о томъ, кто въ дѣйствительности является тѣмъ «меньшимъ братомъ», въ заботахъ о которомъ земскія мѣропріятія получаютъ оболочку будто бы всесловныхъ интересовъ. У насъ многое извѣстно о формальной сторонѣ земской дѣятельности, но вопросъ о соотношеніи общественныхъ группъ въ нашемъ земскомъ самоуправленіи и въ связи съ этимъ о выясненіи существенныхъ чертъ въ земскихъ мѣропріятіяхъ ожидаетъ еще своего разрѣшенія. Въ этомъ отношеніи будетъ не безъинтереснымъ сообщеніе одного факта изъ жизни Самарскаго земства.

Въ послѣднюю очередную сессію Самарскаго губернскаго земскаго собранія былъ заслушанъ между прочимъ докладъ управы относительно возбужденія передъ правительствомъ ходатайства объ открытіи въ Са-

марѣ высшаго сельско-хозяйственнаго института. Какъ извѣстно изъ газетъ, въ правительственныхъ сферахъ разрабатывается въ настоящее время вопросъ объ учрежденіи новаго высшаго сельско-хозяйственнаго института въ черноземной полосѣ, въ одномъ изъ центральныхъ или приволжскихъ городовъ. Право на открытіе этого института оспариваютъ другъ у друга четыре города: Пенза, Воронежъ, Саратовъ и Самара. Общественныя учрежденія этихъ городовъ въ своихъ ходатайствахъ по этому поводу стараются выставить за своими городами разныя исключительныя сравнительно передъ другими удобства и выгоды, и всеѣмъ имъ одинаково кажется, что наибольшая масса интересовъ будетъ удовлетворена лишь при томъ условіи, если институтъ будетъ открытъ именно у нихъ, а не у другихъ. Сущность доказательствъ въ этомъ отношеніи со стороны Самарскаго земства заключается въ томъ, что:

во 1-хъ) Самарская губернія при весьма значительной площади существуетъ исключительно земледѣіемъ, дающимъ заработокъ всему мѣстному населенію, между тѣмъ сельское хозяйство въ этой губерніи находится въ самомъ примитивномъ состояніи; во 2-хъ) Самарская губернія по сравненію съ ея конкурентами занимаетъ первое мѣсто не только по обилію удобныхъ земель, но и по размѣрамъ хлѣбной производительности; и въ 3-хъ) гор. Самара расположенъ въ центрѣ всего Поволжья, на рѣкѣ Волгѣ, и соединенъ рельсовыми путями съ Оренбургскою и Уфимскою губерніями и съ обширнымъ сибирскимъ краемъ.

Оставляя въ сторонѣ неинтересный для насъ въ данномъ случаѣ вопросъ о томъ, по сколько выставленныя Самарскимъ земствомъ преимущества гор. Самары передъ другими соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію вещей, мы ограничимся лишь изложеніемъ преній по данному вопросу, имѣвшихъ мѣсто на минувшемъ земскомъ собраніи, и съ цѣлью уяснить, какъ понимались интересы открытія института въ Самарѣ самими гласными, и были ли эти интересы «всесловными» или какими либо иными. Наиболѣе характернымъ съ этой точки зрѣнія является мнѣніе губернскаго гласнаго, управляющаго государственными имуществами Самарской губерніи, выраженное въ особой запискѣ, прочитанной на собраніи и подписанной 21-мъ гласнымъ. Указавъ на то, что Саратовское и Воронежское губернскаія земства ассигновали на открытіе института въ помощь правительству 100.000 и 150.000 руб., авторъ записки говоритъ слѣдующее: «я, какъ губернской гласный, вношу въ собраніе предложеніе и съ своей стороны ассигновать не меньшую сумму, обративъ для этого тѣ средства, которыя собраніе ассигновываетъ на устройство предполагаемой средней сельско-хозяйственной школы. Противъ этого могутъ быть два возраженія: одно на почвѣ сравнительной пользы для Самарской губерніи высшаго или средняго сельско-хозяйственнаго образованія, другое—что губернское земство постановило открыть среднюю сельско-хозяйственную школу, дѣло доведено почти до конца и не удобно отказываться отъ него. (Собраніе въ 1896 году ассигновало на среднюю

школу одновременно 100.000 руб. и ежегодно около 10.000 руб.). Я не буду вступать въ дидактическій споръ о томъ, что важнѣе и полезнѣе для Самарской губерніи—высшее или среднее учебное учрежденіе хотя лично глубоко убѣжденъ въ несомнѣнно большей пользѣ перваго изъ нихъ; но замѣчу только, что землевладѣльцы и дворяне Самарской губерніи не будутъ отдавать своихъ дѣтей въ проектируемую среднюю сельско-хозяйственную школу уже по тому одному, что изъ нея не будетъ доступа въ университетъ, и средняя школа будетъ выпускать однихъ управляющихъ; но многіе ли изъ землевладѣльцевъ будутъ въ силахъ ванимать такихъ управляющихъ, и много-ли такимъ образомъ школа внесетъ въ сельское хозяйство губерніи? *Не законечно-ли важнѣе*, чтобы въ Самарѣ было такое учрежденіе, гдѣ могли-бы найти законченное высшее образованіе *сыновья самихъ землевладѣльцевъ?* Теперь вездѣ жалуются, что дворянство падаетъ, что оно теряетъ связь съ землей и бросаетъ свои имѣнія; но иначе и быть не можетъ, пока мы обучаемъ своихъ дѣтей юриспруденціи, филологіи, математикѣ и т. п. Это очень почтенныя знанія, но не имѣющія ничего общаго ни съ землей, ни съ сельскимъ хозяйствомъ. Волей-неволей дѣти наши должны уходить съ земли, переѣзжать въ города и забрасывать имѣнія. Если-бы мы могли давать своимъ сыновьямъ, хоть нѣкоторымъ изъ нихъ, законченное сельско-хозяйственное образованіе, которе привязывало-бы ихъ къ землѣ, научало извлекать изъ нея большій доходъ, то землевладѣльцы перестали-бы бѣгать отъ своихъ имѣній, перестали бы поручать завѣдываніе ими чужимъ лицамъ съ почти неизбѣжной перспективой разоренія. Вотъ почему для меня, какъ губернскаго гласнаго, учрежденіе института въ Самарѣ представляется законечно важнѣе открытія въ Кинелѣ (село Самарской губ.) средней хозяйственной школы». Такъ говорить и такъ понимаетъ интересы учрежденія института въ Самарѣ представитель интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ Самарскаго края. Въ смыслѣ ясности и откровенности пониманіе это не оставляетъ желать ничего большаго. Зачѣмъ спорить о сравнительной пользѣ высшаго или средняго сельско-хозяйственнаго образованія для Самарской губерніи? Это—совсѣмъ ненужный, дидактическій споръ. Достаточно и того соображенія, что *сыновья землевладѣльцевъ* смогутъ въ мѣстномъ институтѣ получать сельско-хозяйственное образованіе...

Но подобная аргументація не можетъ казаться вразумительной съ точки зрѣнія интересовъ группы мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ. По мнѣнію одного изъ оппонентовъ, защищавшаго на собраніи интересы этихъ послѣднихъ, быть можетъ, вообще было-бы гораздо лучше, если-бы землевладѣльцы вмѣсто того, чтобы отсылать своихъ сыновей по разнымъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, держали ихъ и воспитывали у себя дома, при землѣ. Что-же касается вопроса о необходимости распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, то и въ этомъ отношеніи, оппонентъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться съ...

мыслью о большей необходимости для самарцевъ института, чѣмъ средней школы, такъ какъ имъ, самарцамъ, «нужны преимущественно практики, каковыми скорѣе будутъ люди, вышедшіе изъ средней школы, такъ какъ для большинства хозяевъ приглашеніе агрономовъ съ высшимъ образованіемъ будетъ не по средствамъ».

Наконецъ, съ точки зрѣнія остальныхъ оппонентовъ, неосновательность мотивовъ, приведенныхъ въ «запискѣ» двадцати одного гласнаго, доказывается при помощи совершенно иныхъ соображеній. Первое изъ нихъ касается неподготовленности Самарской губерніи «къ введенію интенсивнаго хозяйства, которое представляетъ предметъ высшей агрономіи. Въ настоящее время», говорить по этому поводу гласный Н. А. Шинковъ, «не говоря уже о всемъ пространствѣ крестьянскихъ земель, — въ большинствѣ даже наиболѣе крупныхъ владѣльческихъ хозяйствъ отсутствіе оборотныхъ средствъ едва-ли допустить примѣненіе дорогихъ приѣмовъ научной культуры».

Другая, и еще болѣе важная сторона вопроса, заключается въ томъ, дѣйствительно-ли наиболѣе неотложной потребностью нашего края является высшее сельско-хозяйственное образованіе? Въ доказательство его необходимости намъ говорятъ, что Самарская губернія исключительно существуетъ земледѣліемъ, что у насъ почти совсѣмъ нѣтъ обрабатывающей промышленности, даже кустарной. Это дѣйствительно такъ, но развѣ это такое явленіе, которому надо радоваться, или принимать мѣры къ упроченію такого положенія? Развѣ не въ этомъ и заключается главное несчастіе нашего края, главная причина его экономического упадка, что населеніе у насъ занято исключительно хлѣбопашествомъ и полгода сидитъ безъ работы. Если, какъ я думаю, назначеніе земства заключается въ томъ, чтобы заботиться о благосостояніи населенія, то намъ слѣдуетъ обратить главное вниманіе не на такія мѣры, которыя будутъ способствовать исключительно земледѣлію и увеличенію мало производимаго у насъ сырья, а на такія, которыя будутъ содѣйствовать расширенію и укрѣпленію обрабатывающей промышленности, увеличивающей не количество, а цѣнность нашихъ продуктовъ. Мнѣ кажется, что, хотя мы прежде всего нуждаемся въ образованіи вообще, во всякомъ образованіи—и низшемъ, и среднемъ, и высшемъ,—но что затѣмъ мы гораздо болѣе нуждаемся въ техникахъ, чѣмъ въ агрономахъ. Намъ нужны люди, которые удешевили-бы намъ орудія труда, улучшили наши сообщенія и способы перевозки, помогли намъ пользоваться даровыми силами природы и научили насъ перерабатывать дешевые сырые продукты нашего хозяйства въ болѣе цѣнныя промышленныя формы. Однимъ словомъ, заключилъ свою рѣчь гласный, я полагаю, что если уже нужно высшее учебное заведеніе, то не чисто сельско-хозяйственное, а политехническое съ отдѣломъ сельско-хозяйственнымъ, технологическимъ и механическимъ. Къ ходатайству о такомъ заведеніи я всецѣло присоединяюсь».

Так говорил третій оппонентъ, въ которомъ не трудно узнать выразителя интересовъ обрабатывающей промышленности. Вышеприведенными взглядами исчерпывалась въ данномъ случаѣ «всесословность» представителей Самарскаго земства. Какъ видите, для дѣйствительной земской всесословности въ данномъ вопросѣ не хватало немногаго: недоставало защиты интересовъ той массы земскихъ плательщиковъ, которая въ Самарской губерніи почти безъ передышки изъ году въ годъ страдаетъ если не отъ форменныхъ голодovieкъ, то отъ большихъ или меньшихъ такъ называемыхъ «недоборовъ» хлѣбовъ, которая все больше и больше разоряется, которая наконецъ не дальше, какъ въ только что минувшую зиму была поѣщена цынгой и т. п. напастями. Эта масса, согласно постановленію собранія, принявшаго въ принципѣ предложеніе о необходимости ассигнованія Самарскимъ земствомъ субсидіи, должна будетъ заплатить извѣстный кушъ за удовольствіе имѣть сельскохозяйственный институтъ въ Самарѣ, если правительство своимъ выборомъ остановится на этомъ городѣ. Было-бы поэтому весьма любопытно услышать, какъ надо смотрѣть на предложеніе ассигновать на проектируемый институтъ 150.000 руб.—съ точки зрѣнія интересовъ этой массы? Сочли-ли бы представители этой послѣдней достаточнымъ высказанное на собраніи соображеніе о необходимости института для Самары въ тѣхъ видахъ, что сыновья землевладѣльцевъ смогутъ въ мѣстномъ институтѣ получать сельскохозяйственное образованіе?.. и не пришлось ли бы мѣстнымъ землевладѣльцамъ подыскать на этотъ случай менѣе откровенное доказательство? Но въ земствѣ нѣтъ представителей этой массы.

—И.

Харьковскій школьный праздникъ древонасажденія.

(Письмо изъ Харькова).

16 апрѣля въ Харьковѣ состоялся грандіозный школьный праздникъ древонасажденія, организованный правленіемъ мѣстнаго общества акклиматизаціи. Въ праздникѣ участвовало 27 городскихъ школъ, мужскихъ и женскихъ, въ совокупности около 3000 дѣтей. Цѣль праздника, согласно 1 § устава общества — «внушеніе подростяющему поколѣнію любви къ природѣ, къ древонасажденію и вселеніе въ молодежи сознанія важности охраненія общественныхъ и частныхъ садовъ и питомниковъ». Цѣль, очевидно, прекрасная, глубоко отвѣчающая современнымъ насущнымъ культурнымъ потребностямъ. Всѣмъ извѣстно, какъ безжалостно наше простонародіе обращается съ деревьями. Каждому сельскому хозяину, каждому садоводу, всѣмъ городскимъ управленіямъ приходится бороться съ бессмысленной порчей растительности, съ вытаптываніемъ газоновъ, съ покражей фруктовъ, съ ломкой деревьевъ. Борьба съ этимъ

стихійнымъ зломъ возможна лишь на почвѣ утвержденія въ народной массѣ уваженія къ чужому труду, въ частности въ фазисѣ охраненія деревьевъ. Съ такой точки зрѣнія школьный праздникъ древонасажденія, утвердившійся въ Западной Европѣ и впервые испытанный въ Харьковѣ 16 апрѣля, представляется начинаніемъ въ высокой степени культурнымъ.

День былъ солнечный, достаточно теплый, но нѣсколько вѣтряный. Утромъ на каланчахъ пожарныхъ частей были вывѣшены красные флаги—знакъ, что погода признана хорошей, и праздникъ состоится. Къ 10 часамъ изъ разныхъ частей города двинулись красивые пестрые ряды учащихся въ городскихъ школахъ, каждый съ маленькимъ флачкомъ, съ наименованіемъ школы, въ сопровожденіи наставниковъ и наставницъ. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ обширный дворъ харьковского уѣзднаго училища. Во дворѣ распредѣлились параллельными рядами 27 школъ: однѣ дѣвочки были въ форменныхъ синихъ платьицахъ и бѣлыхъ головныхъ платочкахъ, другія въ форменныхъ коричневыхъ и красныхъ платкахъ, мальчики въ синихъ рубашкахъ, мальчики въ сѣрыхъ блузахъ—ряды бѣлые, синіе, сѣрые—премилая по нестротѣ и оживленію картина. Въ десять часовъ передъ этимъ юнымъ полчищемъ, собравшимся на праздникъ культуры, выдвинулась большая колесница, запряженная въ двѣ пары большихъ украинскихъ круторогихъ воловъ, первая пара быковъ бѣлая, вторая черная; рога и лбы воловъ украшены широкими цвѣтными поясами. На колесницѣ помѣщена была группа дѣтей—4 мальчика и 4 дѣвочки въ живописныхъ костюмахъ; по краямъ и въ серединѣ различныя небольшія деревца и цвѣты. На высоко поднятомъ щитѣ въ вѣнкѣ надпись «Боже Царя храни». Подъ щитомъ два флага: одинъ съ надписью: «Богъ труды любитъ», на другомъ «Учене свѣтъ». По бокамъ колесницы дѣвочки въ вѣнкахъ. Подъ предводительствомъ двухъ конныхъ урядниковъ и двухъ военныхъ оркестровъ музыки дѣти, пошкольно, въ сопровожденіи наставниковъ, направились длинной живописной нитью въ городской Николаевскій паркъ, гдѣ заранѣе были приготовлены грядки, садовыя орудія и сѣянцы. За школьной процессіей длинной вереницей тянулись экипажи. Многія почетныя лица приняли участіе въ этомъ оригинальномъ праздникѣ. Окна и балконы были усыяны многочисленными зрителями. Въ паркѣ, по разстановкѣ школъ, былъ исполненъ и затѣмъ нѣсколько разъ повторенъ народный гимнъ. Первоначально дѣти посадили 27 деревьевъ въ сажень высоты, по числу участвовавшихъ школъ, затѣмъ стали рядами по грядкамъ, и здѣсь, подъ руководствомъ лѣсничихъ и учениковъ земледѣльческаго и лѣсного училищъ, посадили маленькіе одно- и двулѣтніе сѣянцы: прорывали ямку, брали изъ ящика деревцо съ сырымъ корешкомъ, вставляли и загребали. Процедура эта оказалась на практикѣ слишкомъ продолжительной при 3000 участникахъ (около двухъ часовъ). Часть учениковъ не успѣла сдѣлать посадки; но большинство произвело ее

собственноручно по указанію свѣдущихъ лицъ. Посажено до 5000 сѣянцевъ дуба, ясеня и клена въ перемежку, на разстояніи двухъ аршинъ рядъ отъ ряда и съ промежуткомъ въ одинъ аршинъ между деревьями.

Тѣ, которые не успѣли сдѣлать это собственноручно, наблюдали за работами товарищей. Во 2-мъ часу дѣти были переведены на другую обширную площадку, гдѣ заготовлено было угощеніе—булки съ кускомъ телятины или сыра, пряники, конфеты, а для мальчиковъ медъ. Угощеніе дѣтей принялъ на себя почетный распорядитель прогулки, г. председатель харьковского уѣзднаго училищнаго совѣта, В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауницъ. Накормить 3000 человекъ дѣло не шуточное. Одиѣхъ булокъ было привезено 28 возовъ, пряниковъ 18 пудовъ и проч. въ соответствующемъ количествѣ. Кромѣ того въ отдѣльномъ павильонѣ была приготовлена закуска для учителей, лѣсничихъ и др. многочисленныхъ участниковъ и сотрудниковъ по устройенію праздника. Послѣ закуски были устроены дѣтскія игры, причѣмъ устроителями и организаторами этой части праздника выступили члены мѣстнаго гимнастическаго общества. По окончаніи игръ, которыя были непродолжительны, въ виду нѣкоторой усталости дѣтей, дѣти возвратились въ порядкѣ въ городъ. Въ устройствѣ этого прекраснаго праздника, поучительнаго не только для дѣтей, но и для взрослыхъ, дѣятельное участіе принималъ г. управляющій государственными имуществами В. М. Козловъ, уѣздный предводитель дворянства В. Ѳ. фонъ-деръ-Лауницъ, проф. А. Ѳ. Брандтъ, г-жа Пильстремъ, г. Чернышовъ, г. Дамрофъ и нѣкоторые другія лица. Къ празднику была издана интересная и содержательная брошюра «Дерева и ихъ польза»; составленная С. А. Чернышовымъ (44 стр., 15 коп.). Сначала подробно говорится о томъ, какая польза отъ деревьевъ, затѣмъ о красотѣ растительнаго міра и, наконецъ, о томъ, какъ надо обращаться съ деревьями, въ книгѣ много стихотвореній, удачно подобранныхъ изъ лучшихъ поэтовъ и нѣсколько новыхъ оригинальныхъ стихотвореній, простыхъ и сердечныхъ. Одно изъ нихъ—пѣснь въ честь деревьевъ—положено на музыку, и на праздникѣ ученики спѣли его хоромъ.

Нельзя не высказать устроителямъ праздника искренней благодарности за поднятые ими труды. Нельзя забывать, что эти тысячи дѣтей въ громадномъ большинствѣ дѣти бѣднѣйшаго населенія, дѣти людей рабочихъ, трудовыхъ, иногда грубыхъ и несомнѣнно достаточно невѣжественныхъ. Поистинѣ почтенная дѣятельность тѣхъ, кто жертвовалъ своимъ трудомъ или средствами, кто послужилъ дѣлу личнымъ вліяніемъ, знаніями, опытностью, кто сумѣлъ посвятить въ молодыхъ сердцахъ плодотворныя сѣмена признательности и благодарности къ людямъ и любви къ растительному міру, и притомъ въ сердцахъ такихъ дѣтей, которымъ, по бытовымъ условіямъ, быть можетъ, суждено въ теченіе всей жизни оставаться на послѣднихъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ.

Школа и земство.

(Письмо изъ Владимірской губ.).

Какъ относится земство къ потребности народа въ образованіи? Считаетъ ли оно эту потребность въ ряду самыхъ насущныхъ потребностей, или отводитъ ей второстепенное мѣсто? Береть ли оно на себя инициативу въ дѣлѣ просвѣщенія народа, или отвѣчаетъ только на назойливое требованіе «времени»? Считаетъ ли оно своимъ долгомъ учить народъ, или нравственно удовлетворяется и тѣмъ, что даетъ небольшія суммы на нужды народнаго образованія въ распоряженіе другого вѣдомства? Вотъ главные причины, опредѣляющія положеніе народнаго образованія въ земскихъ губерніяхъ.

Но кромѣ этихъ причинъ, причинъ, такъ сказать, нравственнаго порядка, есть причины и чисто матеріальныя.

Безъ сомнѣнія, чѣмъ богаче земство, тѣмъ легче ему дѣлать значительные расходы на народное образованіе.

Насколько вѣрно это положеніе, можно видѣть изъ смѣтъ расходовъ уѣздныхъ земствъ Владимірской губ. на 1897 годъ.

въ тысячахъ рублей.

УѢЗДЫ:	Смѣты всѣхъ расходовъ.	Смѣты расх. на нар. обр.	% отн. смѣт. на нар. обр. къ общ. смѣтѣ.
Шуйскій	221	54,8	32,8
Юрьевскій.	126	15,8	12,6
Вязниковскій.	125	20,8	16,8
Ковровскій.	119	22,8	18,8
Меленковскій.	104	14,8	13,6
Покровскій	95	16,2	17,0
Александровскій.	91	8,0	8,8
Гороховецкій.	90	8,5	9,3
Муромскій.	87	8,8	10,1
Суздальскій	87	25,1	29,0
Переяславскій	84	15,5	18,5
Владимірскій.	78	16,0	20,5
Судогодскій	68	10,3	15,1
По губерніи	1375	237,4	16,5

Изъ таблицы слѣдуетъ, что первые шесть уѣздовъ въ суммѣ даютъ на народное образованіе 145,2 тысячи рублей, а шесть послѣднихъ только 84,2 тысячи. То же самое получается и въ томъ случаѣ, если разсматривать расходы на народное образованіе въ % отношеніи ихъ къ смѣтѣ всѣхъ расходовъ: первые шесть уѣздовъ тратятъ 18,4%, а послѣдніе

шесть—только 17%. Такимъ образомъ, положеніе, что чѣмъ бѣднѣе земство, тѣмъ меньше, и абсолютно и относительно, тратитъ оно на народное образованіе, подтверждается смѣтными назначеніями по уѣздамъ Владимірской губерніи, но подтверждается только въ общемъ видѣ, въ частности же, если разсматривать каждый уѣздъ отдѣльно, этой правильности почти не замѣчается; напротивъ, особенно рѣзко выступаютъ отклоненія отъ нея. Эти отклоненія и являются собственно особенно характерными въ таблицѣ. Они являются отраженіемъ тѣхъ причинъ развитія народнаго образованія, которыя указаны въ началѣ этой замѣтки и которыя слѣдуетъ назвать причинами нравственнаго порядка.

Земству приходится удовлетворять самыя разнообразныя потребности населенія. Особенно много затратъ требуетъ медицина, дороги; не мало идетъ на содержаніе земскихъ управъ, на обязательные расходы и пр. У бѣдныхъ, сравнительно, земствъ эти расходы, совершенно неизбежныя, отнимаютъ огромную долю бюджета, и народному образованію поневолѣ приходится довольствоваться малымъ. И все-таки добрая воля нѣкоторыхъ земствъ съ успѣхомъ борется съ этимъ неблагоприятнымъ для народнаго просвѣщенія обстоятельствомъ. Почему бѣдное Суздальское земство приходится возможнымъ тратитъ на народное образованіе 29% своего бюджета, а богатое Юрьевское только 12,6%? Почему Александровское, Гороховецкое, Муромское махнуло, можно сказать, рукой на народныя школы, свѣдя расходы на нихъ до 8,8—10,1%?

Расходы на народное образованіе въ шести уѣздахъ стоятъ ниже средняго расхода по губерніи, и изъ нихъ два уѣзда принадлежатъ къ числу богатыхъ. Въ семи уѣздахъ расходы выше погубернскаго, и изъ нихъ три уѣзда—бѣднѣйшіе въ губерніи. Эти три уѣзда какъ нельзя убѣдительнѣе свидѣтельствуютъ, что потребность въ образованіи растетъ въ народѣ страшно сильно, такъ что земствамъ, до нѣкоторой степени чуткими къ культурнымъ запросамъ народа, приходится напрягать всѣ свои силы, чтобы не оставить этихъ запросовъ не удовлетворенными.

Дѣятельность земствъ по народному образованію проявляется въ двухъ значительно различныхъ направленіяхъ: одни земства стремятся завести побольше школъ, хотя бы и не дорогихъ, и правильно распредѣлить ихъ по территории уѣзда; другія, наоборотъ, не гоняясь за числомъ школъ, находятъ нужнымъ прежде всего поставить школы на высокую степень матеріальнаго благоустройства, чтобы вмѣстѣ съ этимъ поднять и учебно-образовательное значеніе школы. Когда на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о грамотности населенія, тогда, понятно, прежде всего необходимо позаботиться о числѣ школъ, чтобы сдѣлать школу одинаково доступной для всего населенія. Какъ въ данномъ случаѣ относятся къ дѣлу уѣзныя земства Владимірской губерніи, видно отчасти изъ слѣдующей таблицы, показывающей, въ приближенныхъ цифрахъ, во что обходится содержаніе одной школы и одного ученика по уѣздамъ.

Содержаніе.		Содержаніе.	
Школы. Ученика.		Школы. Ученика.	
Шуйскій	980 9,2	Суздаль	445 7,1
Горохов.	654 8,6	Муром.	405 6,5
Вязник	634 10,0	Переяслав. . . .	401 7,2
Владим	538 6,8	Меленк	393 6,2
Ковров	475 7,1	Судогод.	391 6,6
Юрьев	454 10,0	Покров	364 5,4
		Александров . .	360 4,8

Здѣсь особенно выдается Гороховецкій уѣздъ: онъ занимаетъ второе мѣсто по размѣру затратъ на содержаніе одной школы, тогда какъ въ предыдущей таблицѣ, по расходу на народное образованіе, онъ занимаетъ послѣднее мѣсто. Такое отношеніе къ дѣлу народнаго образованія безъ сомнѣнія нарушаетъ требованіе справедливости, такъ какъ сборы со всего уѣзда тратятся на незначительную часть его. Совершенно иначе смотрятъ на свою задачу въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія Суздальское и Покровское земства. Суздальское въ приведенной таблицѣ занимаетъ седьмое мѣсто, а въ предыдущей—второе. Школы у него сравнительно недорогія, но ихъ зато много. Еще больше школъ въ Покровскомъ уѣздѣ, который въ настоящей таблицѣ занимаетъ послѣднее мѣсто.

Въ высшей степени странное положеніе въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія занимаетъ губернское земство: оно совершенно не признаетъ за собой долга бороться съ народнымъ невѣжествомъ. До настоящаго времени оно ни одной копейки не потратило на начальное образованіе, если не считать 250 руб., которые расходуются имъ на канцелярію губернскаго училищнаго совѣта. Это поразительное равнодушіе губернскаго земства къ народному образованію, безъ сомнѣнія, является сильнѣйшимъ тормазомъ въ развитіи школьнаго дѣла въ губерніи.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что въ очередную сессию 1897 года губернское земское собраніе сдѣлало нѣсколько въ высшей степени симпатичныхъ постановленій, касающихся народнаго образованія. Во 1-хъ, постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ съ тѣмъ, чтобы эти суммы употребить на развитіе народнаго образованія. Во 2-хъ, ассигновало до 6,000 руб. на бібліотеки-читальни. Въ 3-хъ, поручило управѣ выработать проектъ подвижныхъ бібліотекъ для учителей: разработать вопросъ объ участіи губ. земства въ расходахъ по народному образованію и изыскать способы привлеченія къ дѣлу народнаго образованія частныхъ средствъ и силъ.

Будемъ надѣяться, что этими постановленіями губернское земство положило начало своей дѣятельности въ святомъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

В. У.

Изъ области знаній.

Въ какой мѣрѣ необходимы и допустимы чувственныя возбужденія?

I.

Подъ этимъ общимъ названіемъ я разумѣю не только вліяніе собственно возбуждающихъ и наркотическихъ веществъ, но и всего, что ласкаетъ нервы, какъ-то дѣйствіе различныхъ вкусовыхъ и питательныхъ веществъ, пріятныхъ запаховъ, пріятныя возбужденія кожи, ощущенія отъ извѣстныхъ тѣлодвиженій, половыя удовольствія и т. д.

Гдѣ бы мы ни наблюдали человѣка, вездѣ видимъ, что онъ не только пользуется тѣми пріятностями, которыя природа ему доставляетъ непосредственно, но выработалъ себѣ цѣлый репертуаръ способовъ для искусственнаго усугубленія и размноженія сказанныхъ ощущеній. Изъ этого сдѣлали выводъ, что человѣкъ невозможенъ безъ чувственныхъ возбужденій. Но собственно говоря, никакой и надобности не было въ этомъ выводѣ, по крайней мѣрѣ въ такомъ общемъ его видѣ: для всякаго должно бы быть ясно, что даже наипростѣйшія явленія физиологической жизни, напр., вдыханіе чистаго и воздуха, удовлетвореніе аппетита кускомъ хлѣба, созерцаніе солнечнаго свѣта и пр., сопровождается нѣкоторою пріятностью, нормальная жизнь безъ этой физиологической музыки намъ вовсе неизвѣстна, и одно съ другимъ въ планѣ природы связано неразрывно. Но вопросъ въ томъ, *какая степень и какое количество чувственныхъ возбужденій намъ дѣйствительно необходимы?* Ибо уже между некультурными народами встрѣчаемъ по этой части весьма большія разности: въ одномъ мѣстѣ наприм., видимъ, что человѣкъ удовлетворяется мучной лепешкой и чашкой молока, въ другомъ онъ не жаждетъ мяса, но чувствуетъ истинное удовольствіе только при пожираніи *человѣческаго*, третьему даже этого мало, и онъ старается, чтобы человѣчина предварительно перешла въ разложеніе. Среди культурныхъ людей одинъ доволенъ, когда у него есть хлѣбъ и простокваша, другой находитъ невозможнымъ жить безъ 2, 3-кратной мясной трапезы, безъ

чаю, водки, пива и табаку, третій считаетъ тотъ день потеряннымъ, жогда онъ не накатится до пьяна, четвертый наконецъ и на это все смотреть, какъ на пустяки, а чувствуетъ себя въ своей тарелкѣ только, жогда пустить полный зарядъ раствора морфія подъ кожу.

Смотря по степени и количеству дѣйствія упомянутыхъ возбужденій, а равно и по условіямъ, въ которыхъ находится самый организмъ въ данное время, слѣдуетъ различать дѣйствіе: а) *вредное*, б) *безвредное* и с) *полезное*. Но именно проведеніе границъ между этими разрядами еще составляетъ предметъ многочисленныхъ споровъ и недоразумѣній. Разсмотримъ на этотъ разъ только вліяніе нашихъ возбуждающихъ «домашнихъ друзей», т. е. алкоголя, чая кофе, шоколада и табака.

Алкоголь. Я различаю 4 степени преданности спиртнымъ напиткамъ. *Четвертая* или *высшая* есть настоящее пьянство. Хотя оно признается вообще вреднымъ и поэтому, казалось бы, не подлежало разбору въ настоящей статьѣ, но все таки не всё знакомо съ этимъ вредомъ во всемъ его объемѣ, поэтому нельзя не сказать нѣсколько словъ по поводу его. Большинство склонно судить о немъ лишь по болѣе выдающимся его явленіямъ, а по временамъ смотрѣть на него даже болѣе или менѣе снисходительно. Наприм. до сихъ поръ еще нерѣдко случается слышать въ обществахъ мнѣніе, что де такой-то поваръ, ремесленникъ, техникъ и т. п.—чѣмъ болѣе бываетъ пьянъ, тѣмъ лучше справляетъ свою работу. Но это заключеніе основано на односторонности наблюденія: жогда человекъ уже дошелъ до такой степени пораженія, что одержимъ мрачнымъ расположеніемъ духа и апатіей, то новый приемъ вина дѣлаетъ его на время болѣе трудоспособнымъ, иногда онъ при этомъ даже выступаетъ съ нѣкоторымъ блескомъ, такъ какъ между пьяницами бываютъ очень способные отъ природы люди. Подобное явленіе наблюдается и у морфинистовъ, но главное дѣло въ томъ, что *общій итогъ* дѣятельности пьяницы всегда бываетъ ниже средняго. Кто имѣетъ съ нимъ дѣло не урывками, а постоянно, тотъ всегда предпочтетъ работника средней руки, но ровнаго и пунктуальнаго, пьяницѣ, у котораго блестящія трудовыя вспышки перемежаются съ длинными періодами негодности. Словомъ, кажущееся обостреніе способностей пьяницы или морфиниста, жогда онъ только что «заложилъ» приличную порцію, можно сравнить съ состояніемъ человека, привыкшаго жить въ долгъ и только-что сдѣлавшаго новый долгъ: онъ въ этотъ моментъ и самъ въ довольствѣ, и угощаетъ другихъ, и пожалуй уплачиваетъ мелкіе долги, а все таки онъ съ каждымъ новымъ долгомъ становится шагомъ ближе къ окончательному провалу.

Болѣе всего грѣшатъ у насъ тѣмъ, что упускаютъ изъ виду или по крайней мѣрѣ недостаточно оцѣниваютъ дальнѣйшія послѣдствія пьянства—преступленія и самоубійство, сумасшествіе, ущербъ для народнаго хозяйства, въ особенности же *органическое вырожденіе потомства*. Дѣти пьяницъ, жогда бы и не были подвержены пьянству, все таки зачастую

носятъ на себѣ печать родительскаго грѣха, въ видѣ различныхъ тѣлесныхъ, особенно нервныхъ недостатковъ, которые выражаются мрачнымъ расположеніемъ духа *), взбалмошностью, склонностью къ тяжелымъ нервнымъ заболѣваніямъ, къ онанизму, къ злоупотребленію чаемъ, табакомъ и т. д. и въ концѣ концовъ нерѣдко доходятъ до меланхоліи, самоубійства, матеріальнаго разоренія, преступленій и т. д.

Что смертность, причиняемая пьянствомъ, далеко не привлекаетъ къ себѣ того вниманія, котораго заслуживаетъ, это между прочимъ видно изъ того шума, который поднимается въ Европѣ каждый разъ, когда грозитъ крупная эпидемія, между тѣмъ какъ въ жертвамъ пьянства остаются равнодушными. А не трудно убѣдиться, что отъ послѣдняго погибаютъ больше, чѣмъ отъ самыхъ грозныхъ моровъ. Наприм., въ Россіи въ 1892 г. умерло отъ холеры 261237 ч., но подобныя эпидеміи бывають много, что разъ въ 25 лѣтъ, отъ пьянства же за это время умираетъ у насъ слишкомъ 1 миллионъ 80 тысячъ **).

Но опять таки здѣсь имѣется въ нашемъ распоряженіи цифра только о *самыхъ пьяницахъ*; сколько же гибнетъ ихъ женъ и дѣтей вслѣдствіе нищенства, вслѣдствіе насилій со стороны мужей и отцовъ, вслѣдствіе печати вырожденія, накладываемой на потомство и т. д.—объ этомъ, къ великому сожалѣнію, не имѣется никакихъ статистическихъ данныхъ, и только частное наблюденіе за той или другой группой лицъ заставляетъ думать, что на долю этой причины приходится большое число умершихъ, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ.

Каковъ ущербъ для *народнаго хозяйства* Россіи, можно въ настоящее время опредѣлить только по аналогіи, т. е. соображаясь съ существующими по этой части данными о западныхъ государствахъ, но уже такое приблизительное вычисленіе заставляетъ думать, что мы имѣемъ передъ собою нѣчто колоссальное: по Рошару ***), Франція въ половинѣ 80-хъ годовъ теряла ежегодно слишкомъ 1 миллиардъ 100 миллионновъ франковъ на пьянствѣ, т. е. считая тутъ прямые расходы на спиртные напитки, затѣмъ потерянные рабочіе дни, леченіе больныхъ и помѣшанныхъ, содержаніе преступниковъ и пр. Если примѣнить эти цифры къ народонаселенію Россіи, это составитъ около 4 миллиардовъ. Въ этомъ итогѣ конечно могутъ быть ошибки и въ одну и въ другую сторону, но въ одномъ нельзя сомнѣваться: что нечего думать о народномъ благосостояніи, пока въ народномъ карманѣ существуетъ такая течь. Да и самое благосостояніе мужика, когда оно появилось такъ сказать само собою, т. е. благодаря необыкновенному плодородію почвы и другимъ выгоднымъ условіямъ, при теперешнемъ складѣ народной жизни, отнюдь

*) Такъ наприм. я нашелъ, при моихъ антропологическихъ изслѣдованіяхъ надъ темпераментомъ, что большая часть изслѣдованныхъ меланхоликовъ происходила отъ пьющихъ отцовъ.

**) Считая по 73000 въ годъ.

***) Revue d. d. Mondes 1886 Avril № 2.

не предохраняеть отъ пьянства, какъ думаютъ нѣкоторые. Кто побываетъ въ Западной и Восточной Сибири, въ Семирѣчьи и Туркестанѣ, тотъ будетъ имѣть возможность убѣдиться, сколь перѣдки тамъ крестьянскія и казачьи селенія, гдѣ казалось бы должны жить одни богачи, въ виду окружающихъ условій природы, на самомъ же дѣлѣ выходятъ только, что нищихъ дѣйствительно меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи, но за то пьяницъ больше, а душевно больные постоянно прибываютъ и составляютъ для мѣстныхъ врачебныхъ учрежденій такую обузу, съ которой не знаютъ, какъ справиться.

Вдобавокъ отъ времени до времени раздаются у насъ даже голоса, утверждающіе, что въ Россіи пьянства настоящаго, собственно говоря, и нѣтъ, при чемъ указываютъ, что въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, а также въ западной половѣ Европейской Россіи, спирту расходуется болѣе, чѣмъ въ глубинѣ Россіи. Между тѣмъ это мѣрило вовсе не пригодно для сужденія о размѣрѣ пьянства: одно и то же количество алкоголя можетъ быть и не быть причиной опьяненія, смотря по тому, на какое количество людей оно распределяется и въ видѣ какого спиртнаго напитка оно принимается. Такъ извѣстно, что въ Привислянскихъ губерніяхъ почти всѣ люди изъ престопаго, обреченные на тяжелый физическій трудъ, въ томъ числѣ женщины, напр. прачки, выпиваютъ во время работы нѣсколько разъ въ день по рюмкѣ водки; пьянства же тамъ несомнѣнно меньше, чѣмъ въ Восточной Россіи, гдѣ пьютъ можетъ быть рѣже, да за то много за разъ. Кромѣ того далеко не одно и то же, пьютъ ли по преимуществу пиво или водку.

Не мудрено, что при такихъ противорѣчивыхъ взглядахъ и вообще при недостаточно серьезномъ отношеніи общества къ алкогольному вопросу, и мѣры, принимаемыя противъ пьянства, могутъ быть названы полумѣрами. Хотя настоящая казенная продажа водки общааетъ дать нѣкоторые результаты, но этого недостаточно. Гдѣ у насъ наприм. лечебницы для пьяницъ, гдѣ узаконенія объ ограниченіи правъ для злоупотребляющихъ виномъ и т. п.? Въ то время, какъ въ каждомъ губернскомъ или областномъ городѣ, нашлось бы предовольно матерьяла для такихъ заведеній, ихъ нѣтъ даже въ столицахъ. Не только у насъ, но и на Западѣ еще существуетъ печальное колебаніе по вопросу объ ограниченіи гражданскихъ правъ пьяницъ виѣшнимъ на нихъ воздѣйствіемъ посредствомъ штрафовъ. Въ то время, какъ въ свободной Швейцаріи уже не находятъ ничего предосудительнаго даже въ насильственномъ отправленіи привычнаго пьяницы въ заведеніе для леченія ему подобныхъ, другія государства, гдѣ уже существуютъ упомянутыя заведенія, еще показываютъ нерѣшительность по этой части. Когда въ 1881 году въ германскомъ парламентѣ былъ предложенъ законъ о штрафахъ для людей, являющихся пьяными въ публичныхъ мѣстахъ, онъ не прошелъ, и до сихъ поръ даже среди тѣхъ, которые въ принципѣ признаютъ справедливость такихъ мѣръ, не всѣ увѣрены, чтобы штрафы оказались

дѣйствительными, пока существуютъ нынѣшніе нравы, и они заявляютъ, что «законы не въ состояніи создавать, а лишь способны охранять уже готовые нравы». Таково наприм. мнѣніе *Паульсена* *). Но съ этимъ ни въ теоріи, ни въ практикѣ согласиться нельзя. Отчего разводится грязь около человѣческаго жилья? Оттого, что большинство людей хромаетъ по части чистоплотности, но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы штрафы налагаемые на домохозяевъ, за нечистое содержаніе домовъ и дворовъ, были не дѣйствительны? Напротивъ, чѣмъ крупнѣе такіе штрафы, и чѣмъ менѣе наложеніе ихъ тормозится канцелярской проволокой, тѣмъ санитарное состояніе городовъ бываетъ удовлетворительнѣе, благодаря чему наприм. англичане въ настоящее время могутъ высказывать, что они не боятся холеры. Кромѣ того совершенно несправедливо, чтобы законы не могли вліять на самые нравы. Лучше всего, безъ сомнѣнія, когда починъ идетъ изнутри семьи и школы и когда, по крайней мѣрѣ, внутреннее обновленіе и внѣшнее воздѣйствіе идутъ рука объ руку; но столь же вѣрно, что когда перваго нѣтъ, то законъ можетъ *научить* людей и слѣдовательно преобразовать нравы. Если даже молодая собачка при помощи наказаній скоро отучается исполнять свои нужды въ комнатѣ, если въ ребенкѣ помощію примѣра и внушенія можно воспитать инстинктъ чистоплотности, то почему санитарные законы не могутъ повліять на самый источникъ привычекъ населенія? Что это дѣйствительно такъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго: когда гдѣ нибудь впервые проводятъ мѣры очищенія дворовъ и улицъ и пр., то оппозиція со стороны жителей обыкновенно бываетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ впоследствии. Точно также внѣшняя узда штрафовъ была бы въ состояніи образумлять людей падкихъ на спиртные напитки, по крайней мѣрѣ такихъ, которые еще не слишкомъ погрязли въ своей страсти, благодаря чему общее число горькихъ пьяницъ навѣрное бы уменьшилось.

Не входя въ разборъ всѣхъ желаемыхъ въ этомъ дѣлѣ узаконеній и мѣропріятій, остановлюсь лишь на одномъ. Каждому, кто видѣлъ на практикѣ печальное вліаніе разгульной жизни отца на матеріальное положеніе его домашнихъ, приходилъ на умъ вопросъ, нельзя ли бы тутъ помочь дѣлу, лишая пьяницу возможности пропивать все получаемое содержаніе. Говорятъ, что людей задорнаго поведенія на службѣ, особенно коронной, держать не полагается, а пока человѣка держать, значить, обязаны выдавать ему и жалованье, но на практикѣ бываетъ совсѣмъ не то: инога пьяницу держать долго, или потому, что онъ большой дѣлецъ, когда трезвъ, или потому, что онъ хворъ и ему столько то остается дослужить, или потому, что онъ по временамъ исправляется и какъ бы подаетъ надежду на окончательное выздоровленіе и т. д., словомъ, поводовъ множество, а между тѣмъ проходятъ годы, и домашніе его остаются въ нищетѣ, а самъ онъ погружается все глубже,

*) System der Ethik 1896, II p. 34—35.

такъ какъ у него на это есть средства. Еслибы такихъ неудачниковъ держали лишь съ условіемъ, чтобы извѣстная часть жалованья выдавалась не имъ, а женамъ на руки, то несомнѣнно обѣ стороны при этомъ выигравали бы. Особенно на частной службѣ проводить подобное привило легко, но и на коронной оно было бы вполне возможно.

Третья степень алкоголизма. Къ ней я отношу тѣхъ людей, которые въ состояніи выпить много спиртнаго, не пьянѣя. Это обыкновенно бываютъ люди прекраснаго тѣлосложенія, съ крѣпкими нервами и живого темперамента, при этомъ они могутъ обладать значительною рабочею силою и быть хорошей нравственности; но надѣясь на свою привилегированную организацію, они слишкомъ много съѣдаютъ и выпиваютъ и остаются, такъ сказать, вѣчными студентами. Судя по ихъ полнокровнымъ, упитаннымъ фигурамъ, ихъ считаютъ обыкновенно образцами здоровья, подавну же они сами себя считаютъ таковыми и воображаютъ, что имъ вино не вредно, такъ какъ они, не пьянѣя, переносятъ такія порціи, отъ которыхъ другіе сваливаются съ ногъ. Пропустить напримѣръ въ день 5—6 рюмокъ водки, 3—4 бутылки пива, да стаканчика 3—4 чаю съ коньякомъ—имъ нипочемъ, и они при этомъ остаются полезными дѣятелями. А между тѣмъ безвредность такой жизни лишь мнимая, и излишнее возбужденіе различныхъ органовъ тѣла со временемъ сказывается въ видѣ опасныхъ припадковъ, которые иногда появляются вдругъ и жизнь безвременно обрывается.

Одинъ погибаетъ отъ цирроза печени, другой отъ аневризма, третій отъ удара, благодаря образовавшемуся исподоволь склерозу мозговыхъ артерій, у четвертаго случайно полученная инфлюенца оставляетъ неизлечимыя послѣдствія, и это оттого, что излишнее внѣшнее возбужденіе организма всегда идетъ рука объ руку съ упадкомъ *внутренней* силы сопротивленія, и такимъ образомъ организмъ не въ состояніи побороть вредоносныхъ микробовъ.

Въ видѣ перехода отъ 3-й къ 4-й степени представляются субъекты, которые, какъ и предыдущіе, переносятъ много, но не довольствуются этимъ, а придираются къ каждому особому случаю, чтобы напиться почувствительнѣе, хотя къ настоящимъ пьяницамъ ихъ отнести нельзя. Впрочемъ иногда они оканчиваютъ тѣмъ, что становятся ими, а по мѣрѣ усиленія возліяній, самая способность переносить много спиртнаго у нихъ болѣе и болѣе уменьшается.

Вторая и первая степень.

Къ нимъ слѣдуетъ отнести умѣренное знакомство съ спиртными напитками, т. е. такое, какое встрѣчается у большинства мужчинъ нашего общества. Человѣкъ напр. выпиваетъ по рюмкѣ водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, за столомъ рюмку вина, вечеромъ стаканъ—другой крѣпкаго пива. Различаются же эти 2 степени тѣмъ, что остальной образъ жизни при этомъ другой, а именно къ 1-ой я отношу тѣхъ, которые много бываютъ на открытомъ воздухѣ и имѣютъ достаточно физическаго дви-

женія, ко 2-й же домохдвовъ. Это потому, что при послднемъ образъ-жизни дйствіе алкоголя всегда бываетъ сильнѣе; даже настоящіе пьяницы, когда профессія ихъ требуетъ много мышечной работы и пребыванія на воздухѣ, обыкновенно держатся долѣе пьющихъ домохдвовъ.

Спрашивается теперь, необходимо ли человѣку такое умѣренное возбужденіе, посредствомъ алкоголя, а если не необходимо, то допустимо ли, т. е. безвредно ли оно по крайней мѣрѣ? Что оно не необходимо, это уже видно изъ того, что люди вовсе не пьющіе живутъ вообще по меньшей мѣрѣ не хуже пьющихъ. Даже при большомъ напряженіи физическихъ силъ и различныхъ испытаній, которымъ подвергается организмъ, можно обойтись вполне безъ алкогольного режима, какъ доказали наприм. полярная экспедиція Кэна и Хивинскій походъ Кауфмана, во время которыхъ спиртные напитки употреблялись только при лазаретахъ. Мало того, здоровье людей при этомъ даже оставалось болѣе удовлетворительнымъ, изъ чего видно, что даже «умѣренное» знакомство съ алкоголемъ не совѣмъ допустимо. Еще болѣе это обнаруживается, если сравнить *смертность* такихъ умѣренно пьющихъ со смертностью людей, принадлежащихъ къ обществамъ трезвости, ибо у послднихъ она оказывается *значительно меньше* *). И мы легко найдемъ причину этой разности, если всмотримся ближе. Если оказать денежную поддержку человѣку трудолюбивому и безъ вины попавшему въ стѣснительныя обстоятельства, то поддержка можетъ идти въ дѣйствительную пользу, такъ какъ даетъ ему возможность стать на ноги и добывать средства къ жизни уже собственными силами. Такимъ же образомъ порція вина или пива можетъ оказать существенную услугу въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзни или при временномъ истощеніи силъ, т. е. когда такія возбуждающія вещество лишь играютъ роль полезнаго толчка, способнаго вызвать *самодѣятельность* организма. Когда же человѣкъ привыкаетъ жить на даровыя подачи, или въ долгъ, то при этомъ въ такой же мѣрѣ уменьшается запасъ его собственныхъ душевныхъ силъ, необходимыхъ для добыванія средствъ къ жизни,—воля, охота къ труду, предвидѣніе, чувство собственного достоинства и т. д. Подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ на организмъ и приемы спиртныхъ напитковъ, когда въ нихъ нѣтъ дѣйствительной надобности. Наприм. желудокъ, привыкшій получать возбужденіе въ видѣ порціи водки передъ обѣдомъ и ужиномъ, въ такой же мѣрѣ теряетъ часть естественной своей пищеварительной силы. А съ другой стороны усвоенные приемы алкогольныхъ напитковъ могутъ его заставить переваривать питательныхъ веществъ *болѣе, чѣмъ нужно*, вслѣдствіе чего образуется полнокрвіе, ожирѣніе, подагра и т. п., стало быть работа такого желудка въ двоякомъ смыслѣ ненормальна. Точно также другіе органы, печень, сердце и пр., испытывая излишнее возбужденіе, ослабѣваютъ въ смыслѣ своего естественнаго запаса силы, наприм.

*) Такія свѣдѣнія особенно тщательно собираются въ Англій; см. наур. Lancet 1892 June (Цитата взята изъ «Врача»).

уменьшается ихъ скрытая сила сопротивленія микробамъ, и такимъ образомъ неувидительно, что люди полнокровные и переучитанные нерѣдко оказываются менѣе живучими, чѣмъ худые, но воздержанные *).

Есть еще слабая сторона вліянія спиртныхъ напитковъ, даже умѣренно принимаемыхъ, о которой менѣе всего думаютъ. Это вызываемое ими излишнее возбужденіе половыхъ органовъ, которое, хотя бы оно не влекло за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій, для здоровья самого потребителя, но далеко не безразлично въ отношеніи брачномъ и социальномъ. Привычное полнокровіе половыхъ органовъ не только служитъ соблазномъ для слишкомъ частыхъ супружескихъ сношеній, но несовѣстимо съ періодами воздержанія, становящимися отъ времени до времени необходимыми въ брачной жизни.

Точно также радикальная борьба съ проституціей и сифилисомъ возможна *только при помощи мѣръ, направленныхъ противъ пьянства и клонящихся вообще къ ограниченію привычекъ умѣренного водко-и пивопитія*, тѣмъ болѣе, что когда дѣло доходитъ до неумѣренности, то переходной ступенью къ ней бываетъ «умѣренность», стало быть чѣмъ меньше человекъ себя позволяетъ даже умѣренное употребленіе алкоголя, тѣмъ далѣе бываетъ отъ грѣха **).

Въ особенности грѣшатъ родители при воспитаніи дѣтей, приучая ихъ къ принятію вина или пива. Если вполнѣ позволено и умѣренно давать небольшіе приемы ихъ въ извѣстныхъ случаяхъ острыхъ болѣзней, при быстро случившемся упадкѣ силъ и т. д., то напротивъ въ огромномъ большинствѣ тѣхъ *хроническихъ* состояній малокровія и слабости, въ которыхъ считаютъ нужнымъ давать малымъ дѣтямъ и шестолѣткамъ спиртные напитки, они не только не приносятъ пользы, но вредятъ. При этомъ слѣдуетъ дивиться, какой обыкновенно замѣчается недостатокъ наблюдательности у тѣхъ, которые держатся такого правила: если при упомянутыхъ скоропроходящихъ состояніяхъ ослабленія или истощенія (напр. послѣ горячки) благотворное дѣйствіе вина дѣйствительно обнаруживается съ видимою для всякаго быстротою, то напротивъ зачастую встрѣчаются примѣры, что хроническіе слабыши, которыхъ мѣсяцы и годы сряду угощаютъ виномъ «ради укрѣпленія» все остаются прежними заморышами, но это ускользаетъ отъ вниманія папенокъ, маменокъ, а иногда и отъ домашнихъ врачей; всѣ они думаютъ, что дѣлаютъ дѣло, а тѣмъ временемъ дитя или отрокъ получаетъ привычку и вкусъ къ спиртному. Въ числѣ вредныхъ явленій, развивающихся у дѣтей отъ привычнаго виннаго режима, не малую роль играетъ *раннее пробужде-*

*) При этомъ слѣдуетъ помнить, что худоба отнюдь не исключаетъ хорошаго цвѣта лица.

**) Достоинно сожалѣнія, что у насъ въ ходу только крѣпкое («баварское») пиво. Еслибъ всюду можно было доставать сортъ, называемый въ Германіи «*einfaches Bier*», то можетъ быть многіе удовлетворялись бы этимъ вкуснымъ и гораздо болѣе безвреднымъ напиткомъ.

не посягаъ инстинктвъ. Не говоря уже о прочих невыгодахъ этого явленія, достаточно и того, что вообще *чѣмъ ранне развиваются производительные органы, тѣмъ недомогательнѣе бываетъ организмъ,* это законъ повторяющійся, и въ животномъ и въ растительномъ царствѣ.

Но многіе родители еще не удовлетворяются «укрѣпленіемъ» больныхъ дѣтей посредствомъ вина, а обрабатываютъ имъ и здоровыхъ, одни съ цѣлю «укрѣпленія», а другіе въ томъ предположеніи, что это якобы есть средство для предотвращенія пьянства. На самомъ же дѣлѣ оазывается, что именно такіа дѣти становятся нервными. Профессоръ Демме наблюдалъ даже происхожденіе Виттовой пляски изъ за этой причины, и болѣзнь эта проходила лишь при полномъ устраненіи вина. Были дѣлаемы убѣдательные опыты на 10—15-лѣтнихъ ученикахъ, которымъ поочередно то давали въ теченіи нѣкотораго времени красное вино за обѣдомъ и ужинкомъ, то не давали его, и оказывалось, что эти дѣти во время явнанаго періода всегда хуже спали и менѣе успѣвали по части умственныхъ занятій. Такимъ же образомъ въ 1892 г. было замѣчено въ Берлинѣ, что тѣ мальчики, которымъ родители давали вино въ качествѣ «предохранительнаго» отъ холеры, учились хуже остальныхъ. Наконецъ, что касается мнимаго предотвращенія пьянства, то результатъ получается какъ разъ обратный: такъ напр. наблюдали въ заведеніяхъ для леченія пьяницъ, что почти всѣ попадающіе туда уже въ дѣтствѣ получали за столомъ крѣпкія вина.

Болѣе всего умѣстны небольшія порціи вина въ старческомъ возрастѣ, но даже старики въ большинствѣ случаевъ не нуждаются въ ежедневномъ употребленіи его, и всего яснѣе полезное его дѣйствіе обнаруживается у нихъ именно, когда они позволяютъ себѣ выпить рюмочку лишь изрѣдка, напр., при внезапномъ упадкѣ силъ и т. п.

II.

Кофе, чай и шоколадъ, особенно первые два, въ теченіи 3-хъ послѣднихъ столѣтій на столько слились съ привычками культурнаго чело-вѣка, что онъ считаетъ невозможнымъ обходиться безъ нихъ, притомъ даже гигиенисты указываютъ, что умѣренное ихъ употребленіе не только не вредно, но полезно, и что для чего нибудь да произрастаютъ на земномъ шарѣ растенія, доставляющія намъ матеріалъ для этихъ напитковъ. При этомъ дѣло идетъ собственно о возбуждающемъ и «укрѣпляющемъ» дѣйствіи, такъ какъ питательное ихъ значеніе ничтожно, и во всякомъ случаѣ употребляютъ ихъ не ради его. Равнымъ образомъ и третье свойство упомянутыхъ веществъ, именно, что они нѣсколько уменьшаютъ обмѣвъ веществъ, т. е. ограничиваютъ потребность въ пищѣ, навѣрное не было причиной распространенія ихъ; можно много пить чаю и въ то же время много съѣдать, благодаря искусственному возбужденію пищеваренія, помощію воды, пряностей, излишняго разнообразія въ пищѣ и пр., и на-

оборотъ человѣкъ, не привыкшій баловать себя по части стола, принимающій пищу въ умѣренномъ количествѣ и не слишкомъ часто, будетъ чувствовать умѣренную потребность въ ѣдѣ, хотя бы обходился вовсе безъ чая и кофе.

Нѣкоторые понимаютъ, конечно, что злоупотребленіе кофе или чаемъ можетъ повредить человѣку, что бываетъ отъ этого бессонница, сердцебіеніе, желудочныя спазмы, дрожаніе рукъ и т. д., но не вѣсѣмъ это извѣстно, по крайней мѣрѣ оно недостаточно извѣстно, и вообще не только въ публикѣ, но даже среди людей науки далеко не установилось понятіе о томъ, гдѣ тутъ начинаются и кончаются вредное, невредное и полезное. Главная ошибка въ томъ, что при сужденіи о вредѣ или о пользѣ этихъ напитковъ обыкновенно останавливаются на непосредственномъ дѣйствіи ихъ, упуская изъ вида *послѣдовательные и общіе* результаты. Начать съ того, что рѣдко кому приходитъ въ голову спросить, не можетъ ли произойти вредъ *потомству* тѣхъ людей, которые пьютъ много чаю или кофе, хотя бы сами они отъ этого повидимому не страдали. А этотъ вредъ существуетъ. Я напр. наблюдалъ не разъ, что у родителей крѣпкаго тѣло-сложенія, здоровыхъ и бодрыхъ и пьющихъ безъ видимаго *) для себя вреда крѣпкій чай или кофе, притомъ раза по 3 въ день, — бывають дѣти, уже отъ рожденія, безъ всякой видимой причины, расположенныя къ судорогамъ или другимъ нервнымъ припадкамъ, и это вполне согласуется съ тѣмъ фактомъ, что и у родителей, слишкомъ много себя позволяющихъ по части вина, дѣти бывають съ физическими недостатками.

Далѣе, никто не спрашиваетъ, можно ли назвать безвреднымъ общераспространенный въ образованномъ и полуобразованномъ кругу обычай давать дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ ежедневно чай или кофе, между тѣмъ этотъ столь укрѣпившійся обычай положительно слѣдуетъ признать злоупотребленіемъ, не смотря на то, что между воспитываемыми на такомъ режимѣ дѣтьми случается видѣть и довольно здоровыхъ. Последнее обстоятельство и кромѣ того нѣкоторыя научныя наблюденія надъ дѣйствіемъ упомянутыхъ веществъ якобы доказываютъ безвредность и даже пользу такого воспитанія. Такъ напр. замѣчено было въ баварскихъ войскахъ, что солдаты, которымъ, опыта ради, во время похода давали небольшія порціи кофейна, утомлялись менѣе, чѣмъ товарищи ихъ, которымъ его не давали. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ поднималась *внутренняя* или постоянная сила организма людей, получающихъ кофе, и въ особенности чтобы *нервы* ихъ оказывались устойчивѣе и спокойнѣе, чѣмъ у неполучающихъ? Совершенно наоборотъ. Здѣсь въ сущности тотъ-же вопросъ, что съ алкоголемъ. И послѣдній сначала какъ бы придаетъ силы, но затѣмъ организмъ, мало по малу привыкая къ искусственной поддержкѣ, теряетъ часть своей собственной силы. Неудивительно же, что культурный человѣкъ, который

*) Да и это слѣдуетъ понимать въ относительномъ, временномъ смыслѣ.

нынѣ уже около 300 лѣтъ «укрѣпляетъ» себя кофе, чаемъ и шоколадомъ, не только не сталъ органически сильнѣе и выносливѣе средневѣковаго, но скорѣе понизился въ этомъ отношеніи. Стоитъ войти въ историческій музей, чтобы убѣдиться, что нынѣшній средній человѣкъ не могъ бы носить брони *средняго* средневѣковаго. Не малый интересъ представляетъ и тотъ фактъ, что большинство нашихъ сектантовъ, которые не допускаютъ употребленія ни водки, ни табаку, ни чаю, по крайней мѣрѣ отводятъ послѣднему очень скромное мѣсто, представляютъ прекрасное физическое развитіе. Въ особенности же все усиливающаяся нервность доказываетъ, что наши домашніе друзья, т. е. чай и кофе въ общемъ итогѣ что-то плохо исполняютъ возложенную на нихъ обязанность. Словомъ когда поглядимъ на дѣйствіе этихъ напитковъ, въ томъ видѣ, какъ оно *суммируется въ теченіи поколѣній*, то оказывается, что не только польза, но и безвредность ихъ далеко не представляются въ томъ видѣ, въ какомъ мы привыкли себѣ ихъ представлять.

Не говоря уже о томъ, что дѣтя, которому вмѣсто молока, утромъ и вечеромъ (а нерѣдко и ночью) даютъ чай, получаетъ вмѣстѣ съ этимъ излишекъ сахара, оно неминуемо привыкаетъ къ вліяніямъ возбуждающимъ, а такъ какъ дѣйствіе ихъ съ теченіемъ времени ослабѣваетъ, въ смыслѣ ощущаемаго отъ нихъ удовольствія, то организмъ, съ самаго нѣжнаго возраста обрабатываемый возбуждающими веществами, впоследствии уже нуждается въ усиленныхъ дозахъ ихъ, поэтому культурный человѣкъ со временемъ требуетъ болѣе крѣпкаго чаю или выпиваетъ его большее количество стакановъ *), сверхъ того ему требуются то рюмка водки, то папироска, то пиво, а нѣкоторые въ концѣ концовъ переходятъ на морфій или кокаинъ.

Едва ли нужно распространяться о томъ, какъ мало доказательны въ этомъ дѣлѣ тѣ единичные примѣры здоровыхъ дѣтей, о которыхъ было упомянуто. Они такими бываютъ обыкновенно лишь благодаря тому, что происходятъ отъ крѣпкаго корня, и воспитаніе еще не успѣло ихъ подломить вполне, но и о нихъ можно сказать, что они были бы крѣпче, если бы послѣ отнятія отъ груди, продолжали получать молоко, вмѣсто чаю. При томъ и у такихъ кажущихся здоровяковъ болѣею частью въ томъ или въ иномъ видѣ скрывается нѣкоторая нервность, безъ которой въ настоящее время почти нѣтъ культурныхъ дѣтей и юношей.

Итакъ есть основаніе допустить, что истинная и осязательная польза отъ чая и кофе, также какъ отъ алкоголя, достигается лишь когда ихъ употребляютъ въ извѣстныхъ особыхъ случаяхъ, т. е. когда требуется поддержать падающія силы, какъ-то въ болѣзни, во время прохожденія особенно сильныхъ физическихъ напряженій, испытаній и мытарствъ и т. д., какъ скоро же чае-и кофеиніе стало привычкою здороваго, то

*) Послѣднее кромѣ того вредно тѣмъ, что безъ нужды заставляетъ работать сердце и почки.

польза скорѣе камущаяся, такъ какъ она уравновѣшивается и даже перевѣшивается вредомъ: то временное повышение бодрости, которую чувствуютъ послѣ принятія этихъ напитковъ, весьма теряетъ въ цѣнѣ, если вспомнить, что въ *общемъ итогѣ* тонъ нервовъ культурнаго человѣка въ такой же мѣрѣ понизился и что мы по этой части приближаемся къ банкротству, хотя послѣднему конечно содѣйствуютъ и другія причины. Едва ли ошибемся, если за одну изъ нихъ примемъ слишкомъ широкое примѣненіе *нервныхъ лекарствъ*. И нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что образъ дѣйствія этой причины въ сущности схожій съ образомъ дѣйствія возбуждающихъ напитковъ, *въ смыслъ получаемыхъ отъ нихъ пользы и вреда*. Послѣдній при этомъ преобладаетъ, хотя, къ сожалѣнію, это ускользаетъ отъ вниманія ревностныхъ потребителей лекарствъ *). Какія нибудь хроническія нервныя явленія, отъ которыхъ даютъ бромистый калий, антипиринъ, кофеинъ и т. п., каждый разъ дѣйствительно послѣ этого проходятъ или ослабѣваютъ, но чѣмъ чаще ихъ принимаютъ, тѣмъ чаще бываетъ надобность въ повтореніи, а это значитъ, что *постоянное или внутреннее* здоровье нервовъ понизилось **), и такъ образомъ намъ представляется интересное явленіе: число нервныхъ средствъ все увеличивается и въ то же время увеличивается самая нервность и даже появляются новые, до тѣхъ поръ небывалые, виды нервныхъ болѣзней, стало быть въ *общемъ итогѣ* не только не подвигаемся впередъ, а очевидно назадъ. Напротивъ, еслибъ къ нервнымъ средствамъ прибѣгали лишь въ крайнихъ случаяхъ, а въ то же время болѣе было бы обращено вниманія на увеличеніе общей силы нервовъ, помощью дрессировки, купаній, діеты и т. п., то ни о какомъ вредѣ отъ медикаментовъ не могло бы быть рѣчи.

Почти также представляется въ концѣ концовъ вопросъ о кофе, чаѣ и шоколадѣ. Страннымъ можетъ показаться съ перваго раза выводъ, что даже эта степень употребленія ихъ, которая въ настоящее время признается умеренною, безвредною и даже полезною, въ сущности ни то ни другое, и было бъ весьма не лишнимъ подумать объ измѣненіи существующихъ привычекъ. Даже для взрослога было бы всего лучше устранить ихъ совершенно изъ обыкновеннаго режима, прибѣгая къ нимъ только въ особыхъ случаяхъ, однако, такая послѣдовательность едва ли по силамъ средняго культурнаго человѣка, поэтому можно помириться и съ ежедневнымъ употребленіемъ этихъ напитковъ, но слѣдуетъ помнить при этомъ, что они далеко не такъ невинны, какъ обыкновенно думаютъ,

*) Слѣдуетъ замѣтить, что сама публіка, особенно дамская половина ея, очень падка на эти лекарства и часто ухитряется прибѣгать къ нимъ безъ предписанія врача.

***) Кромѣ того это пониженіе нерѣдко выражается и въ томъ, что появляются другого рода припадки, напр. частое употребленіе порошковъ отъ мигрени (кофенинъ, антипиринъ и пр.) вызываетъ нервное сердцебіеніе.

и что необходимо ограничить теперешній способъ употребленія, т. е. напр. вмѣсто крѣпкаго чая пить средній и вмѣсто 4—5 стакановъ въ день—всего 2—3. Еще лучше, когда одинъ разъ въ день, напр., утромъ, чай или кофе замѣняютъ ячменнымъ кофе, сбитнемъ и т. п., а вечеромъ ограничиваются однимъ-двумя стаканами слабаго чая. И каждому кто бы захотѣлъ пересилить себя и ограничить репертуаръ дѣтскихъ возбужденій, можно сказать въ утѣшеніе, что черезъ нѣкоторое время упрощенный режимъ будетъ доставлять ему такое же удовлетвореніе, какъ прежній усмеленный.

Безусловно же слѣдуетъ отказаться отъ поенія дѣтей чаемъ, кофе и шоколадомъ *) и приучать ихъ какъ можно ранѣе къ молоку. Безъ этой педагогической реформы и самая лучшая физическая дрессировка останется *полумѣрой*, можно ею укрѣпить мускулы ребенка, улучшить пищевареніе и цвѣтъ лица, а всетаки нервы, безъ всякой надобности возбуждаемые, окажутся неустойчивыми и слишкомъ легко возбудимыми.

Табакъ. Хотя вещество это наркотическое, т. е. одуряющее, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно производитъ на нервы привычнаго курильщика, нюхальщика или жевальщика пріятное, ласкающее дѣйствіе и стало быть временно возбуждаетъ ихъ, веселитъ имъ душу и какъ бы окрыляетъ мысль; поэтому немудрено, что эти качества, особенно послѣднее, завоевали табаку не малое число защитниковъ. Отъ большинства курящихъ людей, работающихъ головою, можно услышать, что они чувствуютъ особенную потребность въ папиросѣхъ или сигарѣхъ въ то время, когда сидятъ за работой. Кромѣ того курильщики въ минуты душевнаго волненія и удрученія находятъ нѣкоторое успокоеніе въ табакѣ. Изъ этого какъ бы слѣдуетъ, что умѣренное куреніе въ извѣстномъ направленіи полезно, а что касается безвредности его для здоровья вообще, то утверждаютъ, что бывають здоровые и бодрые старики, не смотря на то, что они уже съ молодости придерживаются трубочки. Но во первыхъ спрашивается, что слѣдуетъ называть «умѣреннымъ» куреніемъ? Какъ въ дѣлѣ спиртныхъ напитковъ, такъ и здѣсь, отсутствіе охмѣленія—здѣсь одуренія—не доказываетъ, чтобы употребленіе этого яда не сопровождалось вредомъ, въ томъ или другомъ отношеніи. Многіе воображаютъ, что когда установилась «привычка», т. е. начинающій курить пересталъ чувствовать дурноту и головокруженіе, то дѣло въ шляпѣ, а между тѣмъ ядъ продолжаетъ дѣйствовать въ скрытомъ видѣ, и результаты обнаруживаются отчасти лишь долгое время спустя. Я при этомъ даже вовсе не принимаю въ расчетъ случаевъ настоящаго табачнаго злоупотребленія, когда

*) Изъ нихъ наиболѣе невиненъ шоколадъ (при условіи, чтобы въ немъ не было ванили) или какао, но и ими легко повредить ребенку особенно когда ихъ даютъ безъ мѣры. Такъ мнѣ случалось видѣть матерей, которыя, опасаясь давать дѣтямъ кофе, варили имъ какао, въ пропорціи 2-хъ до верха полныхъ чайныхъ ложекъ на cadaго, и удивлялись, что дѣти при этомъ оставались нервными и капризными.

появляются, благодаря ему, слѣпота, спинная сухотка и т. п. Я здѣсь имѣю дѣло «съ умѣренностью», когда какъ будто все въ порядкѣ и куряльщикъ повидимому пользуется хорошимъ здоровьемъ. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что и онъ уже находится въ предѣлахъ злоупотребленія, въ чемъ напр. убѣждаютъ насъ нѣкоторые статистическія наблюденія. Такъ въ одной американской коллегіи убѣдились, что курящіе воспитанники отстаютъ отъ некурящихъ на 20% роста и на 25% вѣса. Русскій врачъ Вершининъ, изслѣдуя значительное количество (до 2000) молодыхъ строевыхъ казаковъ, нашелъ, что некурящіе *въ среднемъ* превосходятъ курящихъ на 3 фунта вѣсу и кромѣ того среди послѣднихъ нѣкоторые страдали кровохарканіемъ, слабостью памяти и хроническимъ бронхитомъ, чего у первыхъ не было найдено. Съ другой стороны, единичныя наблюденія надъ людьми хотя и умѣренно, но давно курящими, убѣждаютъ, что рѣдкій изъ нихъ не страдаетъ какими нибудь припадками, находящимися въ очевидной связи съ куреніемъ. У одного катарръ желудка, у другого хроническій бронхитъ, у третьяго сердцебіеніе или сердечная тоска у четвертаго склерозъ артерій, у пятаго мрачное расположеніе духа и т. д. *). Что нынѣ среди умирающихъ мужчинъ образованныхъ классовъ приходится такой огромный процентъ на параличъ сердца, это также слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ табаку. Вредное вліяніе алкоголя, какъ мы видѣли, особенно сказывается у домохозяевъ и подобное повторяется съ табакомъ. Тѣ старые и здоровые куряльщики, которыхъ иногда приводятъ въ примѣръ безвредности куренія, обыкновенно относятся къ классу людей физически дѣятельныхъ и много бывающихъ на открытомъ воздухѣ, кромѣ того они по рожденію своему обыкновенно происходятъ отъ очень здороваго корня, и всѣ эти условія вмѣстѣ достигаютъ того, что табакъ долгое время переносится безъ видимаго вреда. Я говорю «безъ видимаго», потому что у насъ нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобы даже такіе старики, *при равныхъ условіяхъ*, могли сравниться по жизнеспособности съ некурящими. Скорѣе надо предположить обратное. И вообще слѣдуетъ дивиться, съ какою шаблонностью обыкновенно обсуждаютъ столь важные для здоровья вопросы: говори о безвредности «умѣреннаго» куренія и разрѣшая юношѣ пріобрѣтать эту привычку, забываютъ, какое огромное значеніе имѣетъ при этомъ организація и образъ жизни, который ему предстоитъ. Чѣмъ менѣе онъ свободенъ отъ нервности, чѣмъ болѣе онъ осужденъ на кабинетныя занятія, тѣмъ скорѣе ему повредитъ папироска. Кромѣ того всегда слѣдовало бы помнить, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда табакъ кѣмъ либо лично переносится безъ вреда, по крайней мѣрѣ, безъ явнаго, то еще остается большой вопросъ—не передастъ ли онъ дѣтямъ своимъ расположенія къ

*) Судя потому, что у работницъ табачныхъ фабрикъ выкидышъ составляетъ весьма обыкновенное явленіе, нужно думать, что и куреніе беременныхъ женщинъ до извѣстной степени способствуетъ тому же.

нервности. Статистическихъ цифръ объ этомъ, къ сожалѣнiю, еще нѣтъ, но существуютъ факты, указывающiе на то, что излишества родителей, которыя у нихъ самихъ проходятъ какъ-бы безсмысленно, обнаруживаются на дѣтяхъ, въ той или иной формѣ *).

А что сказать о «пользѣ» куренiя, о которой было выше упомянуто. Если даже допустить, что табакъ необходимъ для правильной работы мозга курильщика, то эта услуга идетъ очевидно въ ущербъ различнымъ отправлениямъ организма, стало быть о пользѣ вообще не можетъ быть рѣчи. Но этого мало, самое возбужденiе психики помощью сигары происходитъ лишь благодаря *искусственно приобретенной привычкѣ*. Не говоря уже о томъ, что мыслители рождаются, а не выдѣлываются при помощи табака, и что они рождались въ тѣ вѣка, когда о табакѣ не было еще и слуху, совершенно очевидно, что потребность въ возбужденiи себя папироской или жвачкой указываетъ на происшедшее уже ослабленiе внутренней силы нервовъ, которые уже не въ состоянiи хорошо работать безъ особеннаго возбужденiя, словомъ, тутъ опять повторяется то же, что бываетъ съ желудкомъ, приученнымъ къ рюмкѣ водки.

Въ итогѣ слѣдуетъ сознаться, что табакъ, какъ чисто наркотическiй ядъ, не заслуживаетъ даже того снисхожденiя, съ которымъ можно отнестись къ кофе и чаю (при условiи вполнѣ умѣреннаго употребленiя), а напротивъ долженъ быть признанъ безусловно вреднымъ, и чѣмъ скорѣе человечество избавится отъ него, тѣмъ лучше. Нелѣпныхъ привычекъ у насъ и такъ много, куренiе увеличиваетъ число ихъ и въ добавокъ подтачиваетъ здоровье, чего нельзя сказать обо всѣхъ остальныхъ дурачествахъ.

Были описаны случаи, гдѣ у людей, желавшихъ бросить привычку къ табаку, появлялись различные припадки, заставлявшiе ихъ, по совѣту врачей, возобновить куренiе. Но еще гораздо чаще подобное явленiе замѣчается у пьяницъ и морфинистовъ, вдругъ отстающихъ отъ бутылки или спринцовки, изъ чего конечно не слѣдуетъ, чтобы такихъ субъектовъ не нужно было отучать отъ ихъ дурной привычки. Вся уступка тогда должна состоять въ назначенiи постепенности. Притомъ нужно сказать, что въ случаѣ съ табакомъ это явленiе относится къ исключенiямъ; мнѣ известно десятка два людей (въ числѣ ихъ я состою самъ), которые рѣшительно бросили куренiе и ни у кого у нихъ не было замѣчено какихънибудь неблагоприятныхъ симптомовъ. И даже когда они бывають, то это всегда явленiе временное.

Д-ръ Н. Л. Зеландъ.

*) Сюда, на примѣръ, относится наблюденiе, что у неглупаго отца, находившагося въ состоянiи опьяненiя во время половаго акта, рождается глупое дитя.

Статистика образованія.

Народное образованіе въ Нижегородской губерніи въ 1897 году.

Недавно въ нижегородской газетѣ *Воляръ* былъ помѣщенъ довольно подробный обзоръ народнаго образованія въ нижегородской губ. въ 1897 г.— по отдѣльнымъ уѣздамъ. Въ виду общаго интереса, представляемаго данными этого обзора, мы позволяемъ себѣ привести здѣсь изъ него наиболѣе важныя свѣдѣнія и цифры.

Въ *Лукояновскомъ уѣздѣ* едва ли не самомъ отсталомъ (вмѣстѣ съ *Васильскимъ*) въ губерніи по состоянію народнаго образованія давно уже не открывается ни одной новой земской школы, не строится также и новыхъ школьныхъ зданій, даже не производится сколько-нибудь значительнаго ремонта въ школахъ. Въ 97 г. въ *Лукояновскомъ уѣздѣ* была 51 шк. На ремонтъ всѣхъ школъ уѣзда въ томъ же году израсходовано всего 485 р. Одно училище приходится на 100 кв. в. или на 3500 жителей. Учащихъ, кромѣ законоучителей, было 67 чел., изъ нихъ 27 учителей и 40 учительницъ. Учащихся было 3282 чел. (2766 мал. и 516 дѣв.—*меньше*, чѣмъ въ 96 г., на 144 чел. Процентное отношеніе учащихся къ общему числу жителей уѣзда (ок. 183 т.) выражается низкой цифрой—только въ 1,7%. Весь расходъ на школы въ 97 г. достигаетъ 21506 р., изъ которыхъ собственно земскихъ расходовъ только 13542 р. (въ 96 г. 12628 р.). До послѣдняго времени учащіе получали жалованье въ размѣрѣ не свыше 180 р., съ вычетомъ по 1 р. 20 к. на пенсію, и лишь на минувшемъ земскомъ собраніи это жалованье увеличено до 200 р.

Еще болѣе убогимъ по состоянію народнаго образованія въ Нижегород. губ. оказывается *Васильскій у.* Всѣхъ школъ здѣсь въ 97 г. было 27, изъ нихъ училищъ, подвѣдомственныхъ собственно училищному совѣту даже только 25 (болѣе 96 г. на одно). На весь школьный ремонтъ затрачено въ теченіе цѣлаго года всего 100 р., или 4 р. на каждую школу. Одно училище приходится на 102 кв. в. и на 4731 жит. Учащихъ было 31 чел.: 18 учительницъ и 13 учителей (кромѣ законоучителей). Большинство учащихся получало жалованья по 200 р. въ годъ, изъ каковаго-

оклада до послѣдняго времени производился также и ежемѣсячный вычет на пенсію. Всѣхъ учащихся въ школахъ Васильскаго у. къ 98 г. состоитъ 1916 чел. (1441 м. и 475 д.). Окончившихъ курсъ въ 97 г. было 249 чел., изъ нихъ со свидѣтельствомъ 3 разряда 9 мальч. и 4 разряда 204 мал. Содержаніе всѣхъ школъ Васильскаго у. въ 97 г. обошлось въ 17927 р., изъ которыхъ собственно земство затратило ничтожную сумму—всего 8509 р., *менше* 96 г. на 223 р. Содержаніе одного училища стоило 519 р. 18 к. обученіе каждаго ученика—7 р. 88 к., каждый окончившій курсъ обошелся ок. 55 р. При каждомъ училищѣ были ученическія бібліотеки, на наполненіе которыхъ затрачено до 600 р.

Въ *Макарьевскомъ у.* дѣло народнаго образованія стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ предыдущихъ уѣздахъ. Всѣхъ школъ въ уѣздѣ теперь (къ 98 г.) 34, изъ нихъ въ вѣдѣніи училищнаго совѣта 31 (болѣе, чѣмъ въ 96 г. на одну). Всѣ училища этого уѣзда помѣщаются въ собственныхъ зданіяхъ, при девяти имѣются даже ночлежные пріюты для учениковъ. Собственно на ремонтъ и улучшеніе училищныхъ зданій (16 шк.) въ 97 г. затрачено 2551 р., въ среднемъ на одно училище свыше 34 руб. 1 школа въ Макарьевскомъ у. (пространство уѣзда до 6640 кв. в.) приходится на 195 в. или на 3202 жит. Учащихъ было 16 учительницъ и 17 учителей, большинство изъ нихъ получило спеціальное и среднее образованіе. Жалованье учащіе получаютъ отъ 240 до 300 р., а 9 учителей и 6 учительницъ даже отъ 300 до 400 р. въ годъ. Число учащихся въ этомъ уѣздѣ къ 98 г. простиралось до 2017 чел. (1500 м. и 517 д.), *болше* 96 г. на 129 чел.; окончившихъ курсъ со свидѣтельствомъ было 139 мал. и 41 дѣв.; въ школахъ же, подвѣдомственныхъ собственно училищному совѣту, учащихся было 1660 чел., изъ которыхъ окончило курсъ 122 мал. и 40 дѣв. На содержаніе всѣхъ школъ Макарьевскаго у. въ 97 г. израсходовано 27554 р., отъ земства—13224 р., или 630 р. 50 к. на каждое земское училище и 11 р. на каждаго ученика. Библіотеки и въ этомъ у. имѣются также при каждомъ училищѣ. Сверхъ того поднять вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній *при всѣхъ школахъ уѣзда.*

Въ *Сергачскомъ у.* въ 97 г. состояло 34 училища, изъ нихъ начальныхъ сельскихъ, подвѣдомственныхъ училищному совѣту, 26. Учителей было 16, учительницъ 12, большинство съ среднимъ и спеціальнымъ образованіемъ. Окладъ учительскаго жалованья былъ въ 240 р. Общее число учащихся въ школахъ Сергачскаго у. къ 98 г. выражается цифрой въ 1896 чел. (1610 мал. и 286 дѣв.), увеличившеюся сравнительно съ предшествующимъ годомъ на 90 чел. Въ 97 г. окончило курсъ 271 чел. изъ нихъ 230 чел. со свидѣтельствомъ на льготу. Общая сумма расходовъ на всѣ школы Сергачскаго у. равна 18769 р., изъ нихъ земскихъ—10336 р. На каждое начальное сельское училище приходится 493 р., на каждаго ученика ок. 7 р., на каждаго окончившаго курсъ ок. 59 р. Из-

Вѣстный землевладѣлец Пашковъ, какъ и ранѣе, содержалъ на свой счетъ въ 97 г. четыре училища, на что отпускаетъ по 1700 р. въ годъ. И здѣсь всѣ земскія школы имѣютъ свои библиотечки, въ которыхъ въ общемъ до 16178 книгъ на сумму до 5000 р.

Для *Семеновскаго у.* 97 г. ознаменовался значительнымъ оживленіемъ въ сферѣ народнаго образованія. Въ этомъ году *вновь было открыто 7 училищъ*, а всего по уѣзду было 31 училище (и 1 городское). 14 училищъ помѣщается въ наемныхъ помѣщеніяхъ, часто неудобныхъ. Изъ 7 вновь открытыхъ для 4-хъ построены собственныя зданія и для прежнихъ построено два новыхъ зданія. Одна школа въ Семеновскомъ у. приходится на 175 кв. в. или на 3457 жит. Изъ 34 учащихся 8 преподавали въ училищахъ также и Законъ Божій. Изъ учащихся болѣе половины получили среднее или специально-педагогическое образованіе. Жалованье учащихся колебалось отъ 200 до 300 р. въ годъ. Учащихся въ 97 году было (къ январю 98 г.) 1177 чел. (813 мал. и 364 дѣв.), *болѣе 96 г.* на 135 чел. Окончило курсъ 135 чел., изъ нихъ со свидѣтельствомъ на льготу 122 чел. (собственно въ сельскихъ школахъ училось 1156 чел., окончило курсъ 125 чел.). На содержаніе училищъ Семеновскаго у. поступило 17063 руб., изъ каковой суммы на долю земства приходится 12217 р. (*болѣе 96 г.* на 1619 р.). Каждая сельская школа въ этомъ уѣздѣ обходится (по содержанію) въ 430 р., каждый учащійся въ 11 р. 84 к. Съ 98 г. земство приступаетъ къ открытію библиотекъ при всѣхъ школахъ своего уѣзда—по 6 ежегодно, и сверхъ того постановлено въ слѣдующей сессіи составить планъ нормальной сѣти училищъ.

Ардатовскій уѣздъ по состоянію въ настоящее время народнаго образованія стоитъ выше всѣхъ предыдущихъ у.у. Изъ 57 школъ уѣзда въ вѣдѣніи училищнаго совѣта находилось въ 97 г. 47 школъ. Почти всѣ училища уѣзда имѣютъ свои собственныя, болѣе или менѣе приличныя и удобныя помѣщенія. Одно училище въ этомъ уѣздѣ приходится на 99 кв. в. и на 2493 жит. 17 учителей и 38 учительницъ или получили соответствующее образованіе, или получили званіе учителя по экзамену. Жалованье ихъ простирается отъ 200 до 300 р. и только 3 учителя получали свыше 300 р. Всѣхъ учащихся въ 97 г. было 3751 чел. (2875 мал. и 776 дѣв.), окончило курсъ 282 мал. и 76 дѣв., со свидѣтельствомъ на льготу 282 мал. Въ школахъ, подвѣдомственныхъ училищному совѣту, было 3111 чел. и окончило курсъ 316 чел. (241 мал. и 75 дѣв.). Изъ всего школьнаго бюджета въ 32004 р. земство израсходовало отъ себя 20086 р. (*болѣе 96 г.* на 1642 р.). На каждое начальное училище уѣзда расхода приходилось 508 р. и на одного ученика 7 р. 68 к. Библиотеки заводятся по возможности при всѣхъ школахъ.

Въ *Горбатовскомъ у.* всѣхъ школъ было 46, изъ нихъ въ вѣдѣніи училищнаго совѣта находилось въ 97 г. 41 училище. Какъ и прежде, школы эти продолжали обзаводиться собственными зданіями. Въ этомъ уѣздѣ одно училище приходится уже только на 68 кв. в. и на 3089 жит.

Всѣхъ учащихся состояло 65 чел. (43 учителя и 22 учительницы), большинство которыхъ, особенно учительницъ (въ сельскихъ школахъ изъ 18—17), съ среднимъ образованіемъ, прочіе получили званіе учителя по экзамену. Жалованье учащихся отъ 240—300 р., 11 человекъ получаютъ жалованье выше 300 р. и двое 180—200 р. Учащихся къ январю сего года состоитъ 3030 чел. (2120 мал. и 910 дѣв.), изъ нихъ въ земскихъ школахъ 1629 мал. и 735 дѣв., окончило курсъ 286 чел. (278 чел. со льготой). Школьный бюджетъ Горбатовскаго у. равенъ былъ въ 97 г. 36156 р., отъ земства 18449 р. Библиотечки для чтенія имѣются вездѣ.

Въ *Княгининскомъ у.* къ 98 г. состоитъ, кромѣ городского, 27 начальныхъ училищъ (три открыто вновь). Всѣ въ собственныхъ удобныхъ зданіяхъ. Одна школа въ уѣздѣ приходится на 92 кв. в. и на 4287 жит. Учащіе (16 учителей и 18 учительницъ), за исключеніемъ 4, или съ среднимъ образованіемъ или изъ учит. семинарій. Жалованье ихъ колеблется отъ 240 до 300 р., 7 чел. получаютъ свыше 300 р. въ годъ. Учащихся къ январю сего года простирается до 1481 чел. (1203 мал. и 278 дѣв.), *болѣе* 96 г. на 179 чел. Изъ нихъ собств. въ начальныхъ школахъ 1368 чел. Окончило курсъ 143 мал. и 22 дѣв. На содержаніе училищъ въ 97 г. израсходовано 21990 р., отъ земства 16381 р., или 13 р. 21 к. на ученика. Библиотеки при школахъ имѣются вездѣ.

Въ *Арзамасскомъ у.* въ 97 г. было 63 учителя, изъ нихъ сельскихъ 61 (болѣе прежняго на 2). Изъ 14 наемныхъ помѣщеній 7 неудобныхъ. На школьныя зданія земствомъ затрачено въ 97 г. до 6 тыс. р. Изъ 68 учащихся (20 учителей и 48 учительницъ) 13 получившихъ званіе учителя по экзамену, остальные или съ среднимъ, или съ соотвѣтствующимъ образованіемъ. Жалованье учащихся простирается отъ 180—300 р. и 4 получаютъ свыше 300 р. Учащихся въ школахъ къ 98 г. состоитъ 3665 чел. (2968 мал. и 697 дѣв.), изъ нихъ въ сельскихъ школахъ 2704 мал. и 697 дѣв. Окончило курсъ 474 чел. (со свидѣтельствомъ на льготу 403 мал.). Содержаніе училищъ обошлось въ 35332 р., *болѣе* 96 г. на 5950 р. Земскихъ расходовъ на школы 15329 р.; на одного учащагося въ сельскихъ школахъ расхода приходится здѣсь 8 р. 21 к. Почти при всѣхъ училищахъ уѣзда имѣются библиотечки.

Вмѣстѣ съ Нижегородскимъ *Балахнинскій у.* стоитъ въ числѣ первыхъ въ губерніи по состоянію въ немъ народнаго образованія. Къ 98 г. въ Балахнинскомъ у. имѣется 67 уч., изъ нихъ сельскихъ 64, болѣе, чѣмъ въ 96 г. *на 10 училищъ*. Всѣ новыя училища открыты въ собственныхъ удобныхъ зданіяхъ. На ремонтъ и на постройку новыхъ зданій въ 97 г. употреблено 22893 р. При 12 школахъ имѣются ночлежные пріюты, при одной даже общежитіе съ пищевымъ довольствіемъ (въ 97 г. въ пріютѣ было до 30 чел.). Одно училище въ Балахнинскомъ у. приходится на 55 кв. в. и на 1737 жит. По своей подготовкѣ учительскій персоналъ въ Балахнинскомъ у. выше другихъ у. Изъ 42 учителей 19 изъ нихъ учит. семин., 4 съ средн. образов., изъ 30 учительницъ

24 изъ средн. учебн. заведеній, съ спеціальнымъ образованіемъ. Изъ 3291 учащихся (2432 мал. и 859 дѣв.) въ сельскихъ школахъ состоятъ 2217 мал. и 855 дѣв. Окончило курсъ 246 мал. и 79 дѣв. Общій расходъ на народное образованіе въ Балахнинскомъ у. простирался въ 97 г. до 47359 р., въ томъ числѣ отъ земства 25495 р. На училища, подвѣдомственные училища. совѣту, израсходовано 40603 р. или 13 р. 15 к. на учащагося. Библиотеки при школахъ въ лучшемъ, чѣмъ въ другихъ у., положеніи. Земство дѣятельно и успѣшно стремится покрыть своей уѣздъ нормальной сѣтью училищъ (въ 97 г. на школы истрчено болѣе, чѣмъ въ 96 г., на 12677 р.). На 98 г. земство ассигновало отъ себя на народное образованіе 42215 р. вмѣсто прежнихъ 25495 р., т. е. *болѣе на 16 тыс. руб.*

Нижегородскій у. занимаетъ первое мѣсто въ губерніи по развитію школьнаго дѣла. Къ 98 г. въ немъ состояло 108 школъ (на 4 болѣе 96 г.). Изъ 113 учащихся большинство или съ спеціальнымъ или съ среднимъ образованіемъ. Жалованье ихъ простиралось отъ 240 до 300 р., а 30 чел. учащихся получали даже выше 300 р.—до 400 р. Къ январю сего года учащихся состояло 4960 чел. (4162 мал. и 798 дѣв.), окончило курсъ 454 мал. и 56 дѣв. Израсходовано всего на народное образованіе уѣзда 41847 р., отъ земства 35221 р. На каждого учащагося приходится 8 р. 43 к. Въ школьныхъ библиотекахъ уѣзда имѣется до 40474 кн. Въ 3 пунктахъ уѣзда есть учительскія библиотеки. Нижегородское земство близко къ осуществленію въ уѣздѣ нормальной сѣти училищъ.

Такимъ образомъ, на основаніи приведенныхъ данныхъ, *общее состояніе* народнаго образованія въ Нижегородской губ. (за исключеніемъ самого Нижняго-Новгорода) въ 97 г. характеризуется слѣдующими цифрами. Всѣхъ начальныхъ школъ, находящихся въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, въ этомъ году было 512; учащихся въ нихъ было: учителей 284 чел., учительницъ 316. Общее число учащихся (въ томъ числѣ въ городскихъ, министерскихъ и др. школахъ) простиралось до 30510 чел. обою пола (24034 мал. и 6476 дѣв.). Собственно въ сельскихъ земскихъ школахъ обучалось 27898 чел. Весь расходъ на образованіе по губерніи равенъ 317507 р., изъ которыхъ на долю земства выпало израсходовать 188789 руб.

Сверхъ того въ отчетномъ году по губерніи состояло школъ, находящихся въ исключительномъ вѣдѣніи дирекціи народныхъ училищъ: 6 городскихъ училищъ, 4 уѣздныхъ, 12 двухъ-классныхъ и 4 одноклассныхъ мин. нар. проsv. и 6 начальныхъ училищъ, а всего 32 училища.

Собственно въ Нижнемъ къ январю 98 г. было одно 4-хъ-классное городское и одно 3-хъ-классное городское училища, 2 городскихъ приходскихъ и 27 городскихъ начальныхъ. Изъ 80 учащихся—60 учительницъ. Учащихся всего состоитъ 3678 чел. (2270 мал. и 1408 дѣв.). Отъ города на школы было израсходовано 57 тыс. р., а всего 67471 р.

Критика и библиографія

К. Скальковскій. Въ Парижѣ. С.-Петербургъ 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Книга К. Скальковского изъ тѣхъ, которыя должны заинтересовать русскую публику—своимъ заглавіемъ. Парижъ имѣлъ всегда—и продолжаетъ имѣть теперь—какую то магическую притягательную силу для воображенія. О Парижѣ большинство русскихъ хорошо освѣдомлены—или по личному опыту или по слухамъ и книгамъ. Потому все что пишется новаго о Парижѣ, встрѣчаетъ и подготовленную и вмѣстѣ съ тѣмъ жаждущую новыхъ свѣдѣній публику. Психологія этого всеобщаго интереса къ Парижу и всѣмъ сторонамъ парижской жизни вполне понятна: благодаря національному характеру французовъ и всему теченію французской исторіи, Парижъ является какимъ то живымъ воплощеніемъ жизни. Все, что въ другихъ странахъ медленно зрѣетъ въ душахъ отдельныхъ людей и проявляется въ сложныхъ недоступныхъ поверхностному наблюдателю явленіяхъ культуры, во Франціи получаетъ видъ общедоступнаго зрѣлища. Чтобы понимать и чувствовать жизнь Парижа, достаточно наблюдательность и воспримчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, и въ этомъ шумномъ существованіи, гдѣ все на распашку: и политика, и люди, и разгулъ, есть какое то захватывающее обаяніе. Жизнь другихъ странъ кажется сонной въ сравненіи съ безпрестанной смѣной неожиданныхъ зрѣлищъ и событій Парижа. Всякій туристъ можетъ имѣть тамъ иллюзію участія въ мировыхъ событіяхъ, выражающихся обыкновенно криками, «Соприез», обращенными къ тому, кто вчера еще былъ кумиромъ жизнерадостной, живой, капризной толпы. Въ другихъ странахъ политика—многотрудное, покрытое профессиональной тайной, дѣло людей, руководимыхъ идейными или корыстными интересами, но во всякомъ случаѣ работающихъ въ созерцательной тишинѣ надъ серьезными государственными интересами. Политика же Франціи—помимо своего внутренняго значенія—становится всегда игрушкой толпы, т. е. опять таки веселымъ уличнымъ зрѣлищемъ, доступнымъ и, главное, занятымъ для всякаго досужаго человѣка. Вотъ почему всякій, и въ особенности иностранннй случайный, посѣтитель Парижа становится тамъ и политикомъ, и ревнителемъ общественныхъ интересовъ, принимающихъ такой праздничный ликующій видъ на террасахъ бульварныхъ кофеенъ, подъ оглу-

шительные крики разбитныхъ мальчишекъ, выкрикивающихъ новыя изданія дневныхъ и вечернихъ газетъ. У себя дома—на туманномъ сѣверѣ или морозномъ востокѣ—политика—это скучнѣйшія газетныя передовицы или отчеты о томительныхъ засѣданіяхъ совѣтовъ, комиссій и подкомиссій; а въ Парижѣ политика—это прѣзная статья Рошфора, дерзкая пѣсенка моднаго куплетиста, веселая процессія буяновъ студентовъ подъ окнами какого нибудь сенатора и т. п.—Тоже самое и относительно другихъ сторонъ культурной жизни: наука и литература «выходятъ на улицу» въ видѣ болѣе блестящихъ, чѣмъ содержательныхъ «conférences», на вопросы для представленій, брошюры, академическихъ засѣданій—кромѣ того скандаловъ, дуэлей и т. д. На крошечной сценѣ укубальнаго театра *Bodinière* читаются лекціи—по получасу каждая—о сатанизмѣ, анархіи, символизмѣ и другихъ модныхъ предметахъ, причѣмъ публика встаетъ и видитъ лица самихъ писателей, созидающихъ тѣ или другія новыя направленія. Выставки картинъ серьезныя и эксцентричныя, пѣсни и представленія на Монмартрѣ, а главное ежечасно рождающіеся скандалы, процессы, дуэли—знакомятъ съ современностью, съ направленіемъ умовъ, со вкусами культурнаго меньшинства людей, изучающихъ Парижъ только по той картинѣ, которая разстилается передъ ихъ глазами. И картина эта такъ пестра и содержательна, что избавляетъ отъ болѣе глубокаго проникновенія. Есть къ тому же сторона парижской жизни, которая вполнѣ открыта вѣншнему наблюденію—это міръ развлеченій, разнообразный по формамъ, по большому или меньшему прожигательству и разгулу, но по существу одинъ и тотъ же. Онъ такъ ослѣпляетъ наблюдателей, лишенныхъ умѣнія изучать вещи съ философскимъ спокойствіемъ, что описанія Парижа нерѣдко сводятся къ исключительному изумленію передъ изобрѣтательностью парижанъ въ своихъ развлеченіяхъ.

Къ числу такихъ чисто вѣншнихъ описаній «чудесъ Парижа» относится и книга К. Скальковскаго—и въ этомъ ея интересъ для тѣхъ русскихъ читателей, для которыхъ Парижъ идеалъ веселаго прожиганія жизни.—Кто въ томъ усомнится что можно увидѣть въ яркой картинѣ живущаго всегда на показъ Парижа нѣчто болѣе глубокое и значительное для исторіи человѣчества. Интересъ къ парижской жизни объясняется конечно, болѣе всего тѣмъ, что за фейерверкомъ событій и словъ, чувствуется глубокая тайна жизни и роковыхъ законовъ ея. Историческія и психологическія причины сдѣлали Парижъ открытой сценой, на которой всенародно разыгрывается трагикомедія общественной и частной жизни цѣлага народа—но тѣмъ глубже и таинственнѣе источники этого ухарскаго—и трагическаго—самосожиганія, каковымъ рисуется жизнь современнаго Парижа. Исканіе ихъ придаетъ изученію и описанію Парижа философское значеніе и объясняетъ притягательную силу Парижа для художниковъ и мыслителей.

Въ послѣднее время психологія „столицы міра“ стала предметомъ особаго интереса—опять событія сложились въ увлекательное зрѣлище, и вся Европа съ захватывающимъ интересомъ слѣдитъ за извѣстіями изъ Парижа. Другія страны не заинтересованы въ томъ или другомъ исходѣ процесса, волнующаго Францію, но въ немъ такъ ярко воплотились страсти и весь характеръ націи, что историческій моментъ смотрится

как искусная глубоко задуманная пьеса гениальнаго автора. И та игра случайностей, которая называется судьбой, устроила такъ, что героемъ процесса оказался писатель, не задолго предъ тѣмъ изложившій свой взглядъ на психологию среды, жертвой которой онъ сталъ. Прежде чѣмъ стать героемъ чисто парижскаго процесса, Золя написалъ „Парижъ“.

Русскіе читатели, которые интересуются парижской жизнью съ чисто вѣдшей его стороны такъ же, какъ и нравственно философскими выводами изъ парижскихъ событій, съ интересомъ обратятся именно къ роману Золя—новѣйшему изъ произведеній, касающихся парижскаго быта. Но какъ мы видимъ по заглавію новой книжки К. Скальковскаго, авторитетъ французскаго романиста не помѣшалъ русскому журналисту высказать въ свою очередь свое мнѣніе о Парижѣ, ставшемъ теперь болѣе, чѣмъ когда либо предметомъ всеобщаго интереса.

Мысль г. Скальковскаго прекрасная. На ряду съ мнѣніями національныхъ писателей, сужденія свѣдущихъ и компетентныхъ иностранцевъ представляютъ особую цѣнность. Поэтому всякій съ интересомъ будетъ искать въ книгѣ русскаго журналиста отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые французскими писателями разсматриваются, быть можетъ, слишкомъ пристрастно и односторонне. Но увы! Довѣрчиваго читателя съ первыхъ же страницъ ждетъ полное разочарованіе. Отъ новой книги о «Парижѣ» мы ждемъ конечно, новыхъ, самыхъ новыхъ свѣдѣній, ибо при любознательности русскихъ читателей относительно всего французскаго, все, сколько нибудь достопримѣчательное, сейчасъ же получаютъ огласку въ Россіи.

Писатель долженъ быть, въ самомъ дѣлѣ, хорошо освѣдомленъ относительно подробностей парижской жизни и знать то, что ускользаетъ отъ поверхностнаго хроникера, чтобы произвести впечатлѣніе новизны. Правда, г. Скальковскій предупреждаетъ, что книга его состоитъ изъ ряда уже напечатанныхъ фельетоновъ, но мы всетаки вправѣ предположить, что, собирая фельетоны въ книгу, авторъ хотъ просмотритъ ихъ и выдѣлитъ то, что утратило интересъ съ годами; а между тѣмъ книга его пестритъ свѣдѣніями, вызывающими улыбку своей—по меньшей мѣрѣ—запоздалостью. Такъ, напримѣръ, онъ пророчитъ «молодой еврейской пѣвицѣ Жюдикѣ» великую будущность. или называетъ въ числѣ подражателей Густава Дроза «двухъ братьевъ Додэ (Альфонсъ болѣе талантливъ,—любезно сообщаетъ онъ читателю).—Въ другомъ мѣстѣ онъ занимается предсказаніями относительно того, чѣмъ станетъ башня Эйфеля, когда она будетъ построена. Такихъ, болѣе чѣмъ застарѣлыхъ свѣдѣній, да еще съ развязными предсказаніями о будущемъ—ставшими теперь уже почти давно прошедшимъ, полна вся книга г. Скальковскаго. Стоитъ ему заговорить о политическихъ событіяхъ Франціи или о литературѣ и искусствѣ, какъ онъ начинаетъ чувствовать себя неловко въ непривычномъ сюжетѣ и перескакивать слишкомъ извѣстные факты или совершенно нестать припоминать безцвѣтные событія, въ которыхъ онъ такъ или иначе участвовалъ вродѣ того, напримѣръ какъ то, что его титулъ былъ произнесенъ въ Елисейскомъ Дворцѣ, какъ французское имя, и вслѣдствіе этого его приняли, какъ француза, т. е. менѣе любезно, чѣмъ русскаго. Воспоминанія о времени коммуны и историческихъ засѣданій національнаго собранія 1874 и конгресса 1879 года, такъ же, какъ и нѣсколькихъ другихъ по-

литическихъ событій Франціи, носятъ чисто внѣшній характеръ и главнымъ образомъ сводятся къ разсказамъ о трудностяхъ доставанія билетовъ и отчасти описанію внѣшняго вида депутатовъ. Какъ для всякаго туриста, французская политика превратилась въ глазахъ г. Скальковскаго въ зрѣлище—а какъ таковое, онъ предпочитаетъ балетъ и хранить для него краски своей кисти. Вотъ почему серьезная часть книги г. Скальковскаго самая слабая, и ничего, кромѣ устарѣлыхъ остротъ и внѣшняго описанія засѣданій, не представляетъ.

Но есть сторона Парижа, о которой г. Скальковскій говоритъ увѣреннымъ тономъ вполне авторитетнаго лица: балетъ, танцовщицы, а главное нравы жуирующаго Парижа составляютъ предметъ очень подробныхъ описаній и сужденій, произносимыхъ тономъ знатока. Въ предисловіи г. Скальковскій оговаривается относительно нѣсколькихъ главъ (о парижскихъ нравахъ), за которыя онъ подвергался нападкамъ русской печати. Менѣе всего слѣдуетъ осуждать г. Скальковскаго за безнравственность, за то, что онъ изображаетъ мало извѣстныя стороны парижскаго быта, и вся самозащита г. Скальковскаго—съ указаніемъ на то, что его фельетоны о жизни парижскаго полусвѣта читались на расхватъ, звучитъ наивной рекламой. Всѣ стороны жизни одинаково интересны, и если любопытно знать, какъ создается матеріальное благосостояніе страны, то столь же поучительно видѣть, къ чему оно приводитъ. Какъ во всемъ—въ духовныхъ стремленіяхъ, какъ и въ прихотяхъ развращеннаго вкуса,—люди стремятся идти все дальше и дальше до конца или, вѣрнѣе, до безконечнаго. Все дѣло въ томъ, какъ относится авторъ описаній къ своему предмету—все дѣло въ спокойствіи сужденій и въ пониманіи явленій жизни. Но этихъ необходимыхъ чертъ бытописателя нѣтъ у г. Скальковскаго. Предметъ, о которомъ онъ пишетъ, слишкомъ захватываетъ его и вмѣсто того, чтобы судить и объяснять, онъ благоговѣнно восторгается и не можетъ перевести духа отъ изумленія передъ роскошью, превосходящею его воображеніе. Страннымъ образомъ онъ сводитъ картину нравовъ—исключительно къ магазиннымъ счетамъ. Его гипнотизируютъ цифры, и съ подобострастіемъ буржуа онъ не можетъ ни на минуту забыть о цѣнѣ различныхъ частей туалета полусвѣтскихъ львицъ. Онъ самъ настолько ошеломленъ цѣнами предметовъ, что не можетъ спокойно судить объ обладательницахъ столь дорогихъ вещей. Напрасно г. Скальковскій рисуется тѣмъ, что онъ свой человѣкъ въ жуирующемъ Парижѣ. Тонъ его описанія выдаетъ его непривычку къ смѣлому пренебреженію всѣхъ денежныхъ границъ для фантазій. Разнузданность нравовъ имѣетъ свою красоту, т. е. свой стиль, но она должна исходить въ самомъ дѣлѣ изъ органической потребности изжившейся, разлагающейся культуры. Когда же эта оргія сознательно погибающаго общества описывается постороннимъ зрителемъ, не понимающимъ смысла событій, а только загипнотизированнымъ чуждой ему фантазійей, то это производитъ впечатлѣніе мѣщанскаго преклоненія передъ наиболее понятными проявленіями утонченной культуры, т. е. передъ тѣмъ, что имѣетъ осязательную цѣну, что стоитъ дорого и вѣсить тяжело. Вся сложность парижскаго разгула, все историческое и общечеловѣческое значеніе усталой безнадежной погони за ощущеніями сводится для

г. Скальковского въ бюджету нѣсколькихъ женщинъ. Такъ судить зритель, случайный свидѣтель случайныхъ подробностей, самъ смущенный тѣмъ, что онъ видитъ впервые, а не спокойный созерцатель, который стоитъ выше предмета своихъ описаній.

Зин. Венгерова.

Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. С. Петербургъ 1898 г.

«Привѣтъ» выдѣляется среди общаго типа благотворительныхъ сборниковъ, какъ обиліемъ матеріала, такъ изящными рисунками и отдѣльными, чрезвычайно интересными статьями. Стихотворенія К. Р., Половскаго, Фофанова; переводные соеты Чюминой; переводъ русской былинны на нѣмецкій языкъ Фидлера и мн. другіе заинтересуютъ обычныхъ читателей этихъ поэтовъ. Цѣлый рядъ разсказовъ дѣлаетъ беллетристическую часть сборника чрезвычайно полной. Отмѣтимъ, между прочимъ, полуэтнографическій разсказъ А. Сѣдого (Чехова) «Писатель прошеній», передающій интересныя подробности одного изъ петербургскихъ наводненій. Многие разсказы имѣютъ поучительный характеръ, что объясняется, конечно, цѣлью сборника, изданнаго въ пользу Василеостровской гимназій. Такъ въ разсказѣ Станюковича «Дуракъ» иронія автора направлена на чиновниковъ-карьеристовъ, для которыхъ безкорыстное служеніе правдѣ кажется глупостью. Точно также въ комедіи Лихачева «Торжество побѣдителя» рисуется условное пониманіе адвокатской дѣятельности молодымъ карьеристомъ и въ противоположность ему выведена восторженная идеалистка, его невѣста. Больше непосредственности въ хорошенькомъ разсказѣ Тиханова «Мгновеніе», рисующемъ прелесть воспоминаній юности, въ психологическомъ этюдѣ Баранцевича «Звѣреншъ» и нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ.

Въ сборникѣ есть нѣсколько серьезныхъ статей, заслуживающихъ особаго вниманія. Одной изъ нихъ является ученая статья проф. А. Н. Веселовскаго на граціозную, поэтическую тему; заглавіе статьи «Изъ поэтики розы». Профессоръ Веселовскій говоритъ о символическомъ значеніи, которое приписывалось цвѣтку розы въ разныя эпохи человѣчества. Онъ очень вѣрно опредѣляетъ, почему тотъ или другой цвѣтокъ становится предметомъ поэтическихъ сравненій и вызываетъ извѣстныя настроенія. Выборъ цвѣтка въ такихъ случаяхъ является случайнымъ. Въ Тургеневскомъ «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы!» дѣло не въ розахъ, а въ качествахъ захватывающихъ воспоминаній; сходныя повѣрья привязывались къ разнымъ цвѣтамъ; легенды, пріуроченныя къ заходяму цвѣтку, приставали къ туземнымъ: тутъ дѣло въ психологическихъ совпаденіяхъ и въ историческихъ вліяніяхъ. Такимъ образомъ разныя цвѣтковые символы то являются мимолетными въ литературѣ, то прочно въ ней утверждаются. Роза одинъ изъ самыхъ постоянныхъ объектовъ цвѣтковой символики, и проф. Веселовскій объясняетъ это емкостью образа, тѣмъ, что въ него входитъ для насъ большое количество воспоминаній. «Роза цвѣтетъ для насъ полнѣе, чѣмъ для грека, она не только цвѣтокъ любви и смерти, но и страданія и мистическихъ откровеній; обогатилась она не

только содержаніемъ мысли, но и всѣмъ тѣмъ, что про нее пѣли на дальнемъ пути ея съ Иранскаго Востока».

Вслѣдъ за этимъ объясненіемъ идетъ сжатая, но чрезвычайно содержательная исторія символическаго значенія розы, сначала въ греческой поэзіи, потомъ въ христіанской символикѣ, гдѣ очень часто роза служила изображеніемъ Христа и отчасти Богоматери. Въ русской народной поэзіи встрѣчаются двѣ символики розы: языческая и христіанская.

Въ краткомъ очеркѣ проф. Петри объ Исламѣ и его культурной роли дается бѣглое изложеніе ученія Магомета и обращается вниманіе на секты въ Исламѣ, на бабидовъ и другихъ мистическихъ сектантовъ, въ противоположность которымъ среди послѣдователей Ислама есть еще много чисто рационалистическихъ сектъ, каковы, напримѣръ, муттаземиты, проповѣдующіе свободу воли и возможность достигнуть познанія Аллаха путемъ разума. Проф. Петри выступаетъ сторонникомъ Ислама и указываетъ на услуги, оказанныя обще-европейской культурѣ арабской наукой и арабскимъ искусствомъ. Онъ доказываетъ, что Исламъ въ элементарной формѣ есть удѣлъ малокультурныхъ народностей, но что съ другой стороны послѣдователи Ислама воспримчивы къ образованію и могутъ мирнымъ путемъ подняться на высшую степень культуры.

Модному въ настоящее время вопросу о женской эмансипаціи въ сборникѣ «Привѣтъ» посвящены двѣ статьи: одна о школьномъ ручномъ трудѣ и объ участіи женщинъ въ его развитіи (К. Ю. Цыруля); а другая статья Чебышевой-Дмитріевой о женскихъ конгрессахъ. Отмѣтимъ кромѣ того критическія статьи Н. И. Познякова о поэтѣ-крестьянинѣ Дрожжинѣ и статью о Плещеевѣ, В. А. Гольцева. Сборникъ заканчивается интересными выписками изъ альбома автографовъ Г. А. и А. П. Кравцовыхъ.

Нѣсколько словъ, предпосланныхъ выпискамъ изъ альбома Кравцова, обрисовываютъ симпатичныхъ собственниковъ альбома, собиравшихъ въ 80-хъ годахъ въ своемъ домѣ литераторовъ и художниковъ того времени. Среди напечатанныхъ теперь впервые отрывковъ изъ альбома обращаютъ на себя вниманіе: стихотвореніе въ прозѣ Всеволода Гаршина, письмо Дѣскова, характерное для его писательской фizioноміи и въ особенности необычайно скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкое, изящное письмо А. Ѳ. Кони.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что сборникъ «Привѣтъ» представляетъ интересный матеріалъ самаго разнообразнаго свойства, и можно ему пожелать вполне заслуженнаго успѣха.

З. В.

И. М. Ивановъ. Петръ Великій. Его жизнь и государственная дѣятельность. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. Спб. 1898. Ц. 25 к. Съ портретомъ Петра Великаго.

Какъ извѣстно, біографическая бібліотека, издаваемая г. Павленковымъ, составляется изъ очерковъ далеко не равномѣрнаго достоинства. На ряду съ такими прекрасными работами, какъ біографія протопопа Аввакума, написанная В. А. Мясотиннымъ или біографія гр. Сперанскаго, составленная г. Южаковымъ, въ ней попадаются очерки совершенно сла-

бые и неудачные. Очеркъ г. Иванова, посвященный Петру Великому, занимает середину между этими двумя крайними противоположностями. Г. Ивановъ умѣетъ вести свое изложеніе живо и интересно, онъ несомнѣнно знакомъ съ предметомъ, о которомъ пишетъ, благодаря чему читатель его книги не рискуетъ натолкнуться на грубо ошибочныя сужденія. Основная точка зрѣнія на реформаторскую дѣятельность Петра, согласующаяся съ послѣдними результатами научныхъ изслѣдованій, проводится авторомъ довольно послѣдовательно. Тѣмъ не менѣе, мы не думаемъ, чтобы читатель, руководимый очеркомъ г. Иванова, получилъ въ концѣ концовъ совершенно законченное и отчетливое представление о царствованіи Петра и его историческомъ значеніи. — Главный недостатокъ очерка, въ сильной степени парализующій отмѣченныя выше достоинства и отложившій свой отпечатокъ на всѣ части изложенія, — спѣшность работы. — Многія положенія высказываются авторомъ въ видѣ намековъ, понятныхъ для спеціалиста, который, знаетъ откуда взялись эти намеки, но ничего не говорящихъ неподготовленному читателю, для котораго и предназначается какъ разъ очеркъ г. Иванова. Мы думаемъ, напримѣръ, что въ силу указанного недостатка для читателя совершенно пропадетъ все введеніе, гдѣ авторъ дѣлаетъ попытку очертить развитие русскаго самодержавія, чтобы объяснить историческую подготовку дѣятельности Петра, здѣсь на 16 страничкахъ затронуть цѣлый рядъ очень сложныхъ вопросовъ и явленій; нигдѣ не давая конкретнаго развитія своей мысли, авторъ быстро скользитъ по такимъ сюжетамъ, какъ зарожденіе московской гегемоніи среди удѣльныхъ княжествъ, теорія власти московскихъ государей, отношеніе государства и церкви, организація общественныхъ классовъ въ московскомъ государствѣ, западное вліяніе и т. п., отъ каждаго пункта отдѣляется нѣсколькими фразами, сжатость которыхъ далеко не всегда совмѣщается съ точностью, и въ концѣ концовъ не даетъ читателю никакой выуклой схемы, оставляетъ его при какомъ то стертомъ и смутномъ впечатлѣніи, не смотря на то, что каждое его замѣчаніе въ отдѣльности не заключаетъ въ себѣ ничего ошибочнаго. Думается, авторъ поступилъ бы гораздо цѣлесообразнѣе, еслибы онъ, усиливаясь объять необъятное, втиснуть на 16 страничекъ обзоръ всего роста нашего государственнаго строя, попытался намѣтить въ конкретныхъ очертаніяхъ связь петровскихъ преобразованій съ преобразовательными опытами и проектами конца XVII вѣка и такимъ образомъ наглядно и съ фактами въ рукахъ представить читателю генезисъ петровской реформы. Между тѣмъ, охотно и продолжительно разсуждая о томъ, что реформа являлась продуктомъ предшествующаго государственнаго развитія, г. Ивановъ все же не изобразилъ ея подготовки. Еще хуже, что въ силу той же спѣшности работы, которая связалась не только на введеніи, но и на самомъ очеркѣ, авторъ въ сущности не изобразилъ намъ и самой реформы. — Въ главѣ, посвященной государственнымъ преобразованіямъ, онъ перечислилъ вкратцѣ главнѣйшія мѣропріятія реформатора, но нигдѣ не предпринялъ ни малѣйшей попытки выяснить связь, взаимоотношеніе между этими мѣропріятіями, и вотъ почему, перечисливъ всѣ главнѣйшія мѣры, изъ совокуности которыхъ сложилась реформа, онъ тѣмъ не менѣе не далъ намъ изображенія самой реформы.

въ смыслѣ ея цѣльной и законченной характеристики. Правда, авторъ, слѣдуя очевидно выводамъ П. Н. Милюкова, вполне справедливо утверждаетъ, что осуществленіе реформы не опиралось на стройную выдержанную систему, велось горюливо, порывисто и беспорядочно. Однако эт отъ совершенно правильнй выводъ отнюдь не освобождаетъ историка отъ обязанности опредѣлить, въ какое отношеніе становились другъ къ другу отдѣльныя мѣры. Пестротой и невыдержанностью отличалась техническая разработка необходимыхъ преобразованій, неустойчивъ и мало-послѣдователенъ былъ тотъ порядокъ, въ которомъ реформаторъ переходилъ отъ одной отрасли нововведеній къ другой, но всѣ части реформы были тѣмъ не менѣе тѣсно связаны другъ съ другомъ *единоомъ тѣхъ потребностей* государства, на удовлетвореніе которыхъ была направлена вся дѣятельность реформатора. Съ этой точки зрѣнія въ калейдоскопѣ отрывочныхъ преобразовательныхъ мѣропріятій и можно уловить общія руководящія основанія, которыя съ правильнымъ постоянствомъ вскрываются и въ административныхъ, и въ социальныхъ, и во всѣхъ другихъ преобразованіяхъ Петра. Еслибъ авторъ удѣлилъ больше мѣста изложенію самихъ реформъ, эта связь непременно встала бы сама собой изъ сопоставленія фактовъ — Въ той же книгѣ П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго», на которую авторъ самъ ссылается и изъ которой онъ заимствуетъ взглядъ на общій характеръ проведенія реформы, г. Ивановъ могъ бы найти и обставленную богатѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ схему взаимной связи различныхъ частей реформы. Къ сожалѣнію, эта сторона изслѣдованія П. Н. Милюкова совершенно не отразилась на изложеніи г. Иванова, и представленный имъ очеркъ государственныхъ преобразованій Петра почти ничего не прибавитъ къ обычнымъ школьнымъ свѣдѣніямъ читателя. Реформа провинціального управленія совсѣмъ обойдена нашимъ авторомъ, а благодаря этому и тѣ немногія строки, которыя онъ посвящаетъ центральнымъ учрежденіямъ, не даютъ читателю никакихъ реальныхъ знаній. Законодательство о сословіяхъ изложено крайне отрывочно и несвободно отъ неточностей (указъ 1714 г. о единонаслѣдіи изложенъ неполно, не указано установленіе имъ неотчуждаемости недвижимыхъ имуществъ, неправильно сказано, что городовые магистраты *сами* выбрали себѣ президентовъ). Личная исторія Петра и Сѣверная война разсказаны живо и занимательно. Въ общемъ, книжка г. Иванова можетъ привести читателю свою долю пользы. Онъ встрѣтитъ здѣсь отраженіе тѣхъ взглядовъ на личность и дѣятельность Петра, которые усвоены новой научной литературой. Такимъ образомъ очеркъ г. Иванова можетъ послужить нѣкоторымъ противовѣдомъ противъ кое-какихъ устарѣлыхъ воззрѣній на реформаціонную эпоху, которыя все еще бродятъ въ сознаніи большой публики. Но эта цѣль безспорно могла бы быть достигнута въ гораздо большей степени, если бы г. Ивановъ внимательнѣе отнесся къ описательной части изложенія реформы, полнѣе и отчетливѣе иллюстрировалъ бы конкретными фактами тѣ выводы и сужденія о характерѣ и значеніи преобразованій, которые теперь прозвучатъ для читателя слишкомъ голословно, а потому и не западутъ достаточно глубоко въ его сознаніе.

Ал. Кизеветтеръ

Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. Переводъ похъ редакціей М. О. Гершензона. Ц. 60 к. Изд. М. И. Водовозовой. Спб. 1898.

Кажется мы не ошибемся, если скажемъ, что древняя исторія пользуется въ нашемъ обществѣ очень слабою популярностію, несмотря на господство въ русской школѣ классической системы образованія. Можетъ быть, здѣсь сказываются особенности той формы, которую приняло у насъ классическое образованіе:—много разъ отмѣчавшееся въ неофициальныхъ и въ официальныхъ заявленіяхъ преобладаніе изученія грамматики надъ ознакомленіемъ съ явленіями античной культуры. Но, несомнѣнно, извѣстную роль играетъ въ этомъ отношеніи и тотъ духъ, которымъ отличалась до сравнительно недавняго времени литература древней исторіи съ эпохи возрожденія, если даже не съ эпохи среднихъ вѣковъ: древніе греки и римляне рисовались воображенію ученыхъ филологовъ не обыкновенными людьми, похожими по основнымъ своимъ свойствамъ на современныхъ людей, а какими-то полугероями. Долгое время явленія древняго міра представлялись въ большинствѣ историческихъ сочиненій, особенно въ сочиненіяхъ популярныхъ, явленіями какого-то особаго порядка, весьма отличными отъ явленій жизни другихъ народовъ. Благодаря этому, древность очень часто представлялась обыкновенному читателю чѣмъ то чуждымъ и весьма неинтереснымъ. Мало по малу реализмъ современной исторической науки (особенно въ послѣдніа десятилѣтія) сталъ отражаться и на древней исторіи. Грековъ и римлянъ стали сводить съ тѣхъ театральныхъ подмостковъ, на которые ихъ ставили раньше, лишили ихъ торжественнаго одѣянія и грима, и они явились обыкновенными людьми съ общечеловѣческими потребностями, достоинствами и недостатками, но конечно, съ значительною своеобразностію въ характерѣ, обусловленною эпохою и мѣстными особенностями. Въ явленіяхъ древней жизни оказалось не мало сходнаго и общаго съ жизнью современной. Мало того. Внимательное изученіе древняго міра съ точекъ зрѣнія современной реальной исторической науки показало, что „древняго міра“, какъ чего то цѣлаго и однороднаго, никогда не существовало. Вскрылось крайнее многообразіе мѣстныхъ особенностей, которымъ отличалась жизнь древнихъ народовъ, обнаружилось больше разнообразія жизненныхъ отношеній въ различныа эпохи. Конечно, были и извѣстныа черты сходства въ этомъ многообразіи, но черты, значенія которыхъ отнюдь не слѣдуетъ преувеличивать. Въ эпоху Римской имперіи большинство народовъ, обыкновенно именуемыхъ народами древняго міра сблизилось, но и тутъ мѣстныа особенности продолжали сказываться съ очень большою силою. Такимъ образомъ серьезное реальное изученіе древняго міра съ одной стороны сблизило представленіе о народахъ классической древности съ представленіемъ о народахъ иныхъ временъ и мѣстностей, съ другой стороны, разрушило представленіе о существованіи какого то древняго міра, какъ единаго цѣлаго. Особенную роль и въ томъ, и въ другомъ отношеніи сыграло въ послѣдніа 2—3 десятилѣтія изученіе социально-экономическихъ явленій древности (работы Белоха, Пельмана, Э. Мейера, Гиро и др.), показавшее значительное (но, конечно

далеко неполное) сходство процессов, происходившихъ въ древнемъ мѣрѣ съ процессами современными. Измѣненія въ земледѣльческихъ отношеніяхъ, ростъ капитализма, появленіе пролетаріата, появленіе различныхъ соціальныхъ теорій въ связи съ измѣненіями хозяйственными—все это явленія, наблюдать которыя приходится и въ классической древности, притомъ въ весьма разнообразныхъ формахъ.

Эти, по необходимости, бѣглыя замѣчанія мы сдѣлали для того, чтобы показать, какъ много новаго можно усмотрѣть въ исторіи древнихъ народовъ и какою интересъ съ точки зрѣнія современности представляетъ изученіе ихъ жизни. Работа въ этой области теперь только началась и сдѣлать предстоитъ еще очень много. Но наука добыла уже не мало цѣнныхъ данныхъ и сдѣлала важные выводы. Между тѣмъ въ общедоступную историческую литературу эти выводы проникаютъ медленно; въ популярной литературѣ продолжаютъ господствовать въ большинствѣ случаевъ старыя нереальные представленія о древнемъ мѣрѣ, какъ о какомъ то совершенно «особомъ мѣрѣ».

Поэтому то съ особымъ удовольствіемъ всякій, признающій значеніе популяризаціи знанія, долженъ привѣтствовать появленіе такихъ книгъ какъ книжка Э. Мейера, заглавіе которой приведено выше. Можно принести искреннюю благодарность переводчику и издательницѣ, тѣмъ болѣе что переводъ сдѣланъ вполне хорошо. Э. Мейеръ въ настоящее время является однимъ изъ самыхъ видныхъ знатоковъ древней исторіи. Настоящая книжка совмѣщаетъ въ себѣ научность съ легкостью изложенія. Мейеръ задается цѣлью охарактеризовать въ сжатомъ очеркѣ экономическое, а въ связи съ нимъ и соціальное, развитіе древняго міра, причемъ попутно онъ разрушаетъ старыя неправильныя представленія объ экономическомъ строѣ древности. Онъ критикуетъ воззрѣніе экономистовъ Родбертуса и Бюхера (стр. 1 сс.), которымъ древнее хозяйство представлялось хозяйствомъ натуральнымъ. Онъ показываетъ, какъ поверхностно это обобщеніе. Сжато, но отчетливо представлено у Мейера разнообразіе хозяйственныхъ порядковъ въ разныхъ странахъ древности и указаны тѣ измѣненія, которыя претерпѣвалъ хозяйственный строй въ отдѣльныхъ странахъ въ разные эпохи. Мы видимъ и здѣсь въ разныхъ мѣстностяхъ развитіе промышленности и торговаго оборота, денежнаго хозяйства, появленіе капиталистическаго класса. Мейеръ показываетъ намъ, какъ въ связи съ измѣненіями экономическихъ и соціальныхъ отношеній измѣнялись политическія формы (стр. 46 сс.), какъ экономическія и соціальныя воззрѣнія эпохи слагались подъ давленіемъ всѣхъ перемѣнъ въ реальныхъ отношеніяхъ (стр. 53 сс.). Онъ сравниваетъ измѣненія, которыя претерпѣвала экономическая жизнь Греціи, съ перемѣнами, которыя пережила Европа въ XIV—XVIII вв. Мы видимъ и картинну экономического упадка Греціи въ ту позднѣйшую эпоху, когда центры экономической жизни перемѣстились на Востокъ, въ Египетъ и т. д.

Есть въ очеркѣ Мейера и слабыя стороны. Экономическое развитіе Рима охарактеризовано очень неполно, причемъ Мейеръ останавливается лишь на Императорскомъ періодѣ (впрочемъ, онъ указываетъ чисто внѣшнія причины, вынудившія его сдѣлать это—стр. 76). Далѣе сближая явленія древняго міра съ явленіями новой исторіи, онъ не всегда достаточно

подчеркиваетъ и значительныя различія этихъ явленій, напр. то обстоятельство, что торговый оборотъ, теперь охватывающій въ цивилизованномъ мірѣ и городъ, и деревню, въ древности ограничивался главнымъ образомъ большими городами; предметовъ обмѣна было меньше. На эти ограниченія Мейеръ долженъ бы былъ обратить вниманіе читателя. Можетъ быть, Мейеръ, борясь съ старымъ воззрѣніемъ, приписывавшимъ рабскому труду господствовавшую роль въ древнемъ мірѣ, идетъ нѣсколько далеко въ противоположномъ направленіи, слишкомъ ослабляя роль рабства, хотя въ основѣ своей замѣчанія Мейера о рабскомъ трудѣ правильныѣ, чѣмъ старыя преувеличенныя представленія о немъ.

Книжку Мейера мы можемъ усиленно рекомендовать вниманію лицъ, знакомыхъ съ главными явленіями древней исторіи.

М. М. Хвостовъ.

Н. П. Дружининъ. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходоу и т. п. Библиотека «Дѣтскаго Чтенія» (Для самообразованія). Москва. 1898. 262 стр. Цѣна 1 р.

Странное впечатлѣніе производитъ эта книга, авторъ которой, повидимому, былъ одушевленъ самыми лучшими наміреніями и къ задачѣ отнесся съ полной серьезностью и безусловною добросовѣстностью.

Раздѣляя довольно таки распространенное въ настоящее время убѣжденіе въ необходимости книги, изъ которой всякій грамотный получилъ бы элементарныя понятія о правахъ и обязанностяхъ, общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ и законахъ, авторъ задумалъ дать «краткое, но цѣльное общее пособіе по законовѣдѣнію, родъ популярной юридической энциклопедіи» (Предисловіе, стр. XXIII).

Нельзя не быть признательнымъ г. Дружинину за его старательную попытку дать такого рода руководство, но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ нельзя согласиться ни съ тѣмъ, какъ онъ понимаетъ ту задачу, которая силоу вещей ставится такого рода книгамъ, ни со многимъ изъ того, что авторъ говоритъ по отдѣльнымъ вопросамъ. „Популярно юридическое пособіе не должно отмѣчаться слишкомъ теоретическимъ отвлеченнымъ, умозрительнымъ характеромъ... Оно не должно представлять и простаго пересказа законовъ... оно должно давать свѣдѣнія о дѣйствующихъ законахъ, но не иначе какъ при извѣстномъ теоретическомъ научномъ освѣщеніи... Словомъ, такое пособіе должно отличаться научно-практическимъ характеромъ“. (Предисловіе стр. XXIII и XXIV).

Между тѣмъ практическое значеніе небольшой книги, въ которой рассказано содержаніе 16-ти томовъ нашего Свода Законовъ, крайне мало: для всякой практической дѣятельности необходимо точное и полное знаніе соответственныхъ постановленій закона, потому что на практикѣ всякое, съ виду вообще весьма несущественное, постановленіе для даннаго дѣла можетъ имѣть рѣшающее значеніе. Поэтому никакое практическое руководство безъ полнаго текста соответствующихъ законовъ

(или по крайней мѣрѣ безъ ссылокъ на нихъ) обойтись не можетъ. Книга г. Дружинина этого не даетъ и поэтому ею нельзя пользоваться какъ практическимъ руководствомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе придать своей книгѣ практическій характеръ заставило автора включить въ нее не мало такого матеріала, который, строго говоря, является въ ней лишь излишнимъ балластомъ (какъ напр. приведенныя имъ на стр. 74—76,—конечно весьма неполныя,—постановленія о гербовомъ сборѣ). Что касается того, какъ понимаетъ авторъ задачи теоріи права, то и тутъ онъ стоитъ собственно на почвѣ узко-практической: теорія для него пособие къ практическому пониманію законовъ (стр. 6). Благодаря такой тенденціи, то, что г. Дружининъ даетъ подѣ видомъ теоріи, т. е. нѣсколько замѣчаній общаго характера, не достигаетъ рѣшительно никакой цѣли. „Теорія права, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что законы объясняются, дѣлятся по ихъ предметамъ и существенному значенію, изслѣдуются въ ихъ основныхъ началахъ и историческомъ развитіи“ (6). Такимъ образомъ теорія *права*, по словамъ автора, состоитъ въ комментаріи къ *законамъ*. Даже еслибы этотъ взглядъ и былъ вѣренъ, то для того круга читателей, для котораго предназначена книга г. Дружинина, *такая* теорія была бы совершенно бесполезна.

Сколько нибудь обстоятельный комментарий ко всѣмъ 16 томамъ Свода Законовъ не можетъ заключаться въ небольшой книжкѣ. Но даже и для того, чтобы воспользоваться хотя бы и самымъ обстоятельнымъ комментариемъ къ какому нибудь отдѣлу законодательства, необходимы ясныя представленія объ общей системѣ права, объ основныхъ началахъ системы государственныхъ учреждений. Поэтому, даже если стоять на практической точкѣ зрѣнія, въ общепонятномъ законовѣдѣніи слѣдовало бы стремиться не къ комментарий на *законы*, а къ тому, чтобы дать читателямъ понятіе объ общей системѣ права.

Если же признать за книгами, подобными настоящей, значеніе не практическое, но общеобразовательное, то сообщеніе читателю свѣдѣній объ общихъ началахъ права, о системѣ его, о взаимномъ соотношеніи отдѣльныхъ видовъ права представится основною и даже единственною задачею подобныхъ книгъ.

На дѣлѣ г. Дружининъ въ общемъ далъ именно то, чего бы мы отъ него хотѣли, и совсѣмъ не то, что онъ самъ требовалъ отъ себя: страницъ съ содержаніемъ практическаго характера у него весьма немного, и этимъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ обуславливается то значеніе, которое можетъ имѣть его книга.

Возможность, умѣнье разобратся въ тѣхъ юридическихъ явленіяхъ, которыя ежедневно совершаются вокругъ насъ, въ явленіяхъ, въ которыхъ мы сами бываемъ то активной, то иногда страдающей стороной, составляетъ необходимое условіе сколько нибудь правильнаго и гармоническаго умственного развитія, а между тѣмъ у громаднаго большинства этого умѣнья нѣтъ вовсе, именно благодаря отсутствію сколько нибудь опредѣленныхъ представленій объ общей системѣ права. И по сколькою книга г. Дружинина даетъ эти представленія и даетъ ихъ вѣрно, за нею нельзя не признать крупнаго общеобразовательнаго значенія. Но, къ сожалѣнію, юридическій языкъ книги крайне неточенъ, и къ тому же само-

образовывающійся читатель встрѣтитъ не мало такихъ мѣстъ, которыя или вызовутъ въ немъ серьезное недоумѣніе, или внушатъ ему совершенно неправильныя представленія. Какъ надо понимать автора, когда онъ вверху страницы говоритъ, что высшее сословіе въ Россіи дворянство (6), а внизу той же страницы, что духовенство—„также высшее сословіе“?

На стр. 2 авторъ даетъ весьма точное опредѣленіе закона, какъ правила, установленнаго высшею государственною властью.

На стр. 9 оказывается, что воля помѣщика служила для вѣрностныхъ закономъ. Весьма сбивчиво то, что понимаетъ нашъ авторъ подъ обычаемъ: дѣйствуетъ ли обычай *помимо* и вмѣсто закона, или же обычай не можетъ противорѣчить закону и долженъ только повторять постановленія закона (сравнить верхъ и низъ стр. 15). Почему авторъ думаетъ напр., что число законовъ соотвѣтствуетъ величинѣ страны и многочисленности ея населенія (стр. 4)? Почему онъ думаетъ, что измѣняются лишь тѣ изъ законовъ, которые вошли въ Сводъ (5)?

Откуда авторъ взялъ, что разрѣшеніе на внесеніе законодательства въ Государственный Совѣтъ испрашивается министрами у Государя черезъ Совѣтъ Министровъ (3)? Вѣдь Совѣтъ Министровъ, фактически не собирающійся, есть учрежденіе, въ которое дѣла поступаютъ не иначе, какъ по особому каждый разъ повелѣнію Государя. На стр. 11 говорится, что бывшіе государственные крестьяне выкупаютъ арендовавшіеся ими до 1866 г. земли; въ дѣйствительности земли эти всегда были крестьянскими, и выкупаютъ крестьяне не землю, а платившуюся въ 1866 г. оброчную подать.

При описаніи и характеристикѣ кассационнаго производства не сказано, что основною его задачею является наблюденіе за правильностью примѣненія законовъ въ отдѣльныхъ судебныхъ дѣлахъ (205). Совершенно непонятно, какимъ образомъ авторъ пришелъ къ своему опредѣленію дѣлъ административныхъ (въ противоположность судебнымъ), какъ такихъ, которыя не возбуждаютъ особыхъ сомнѣній и не допускаютъ споровъ (183)

Что же касается общаго плана книги, а также сравнительной подробности, съ которою разработаны отдѣльные вопросы (авторъ останавливается гл. образомъ на мѣстныхъ учрежденіяхъ, а изъ нихъ преимущественно на крестьянскихъ), то въ этомъ авторъ стоитъ, повидимому, на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія.

Указанные недочеты книги, а также въ высшей степени неточный юридическій языкъ ея, хотя и вредятъ ей весьма сильно, но не могутъ уничтожить общаго значенія работы г. Дружинина, какъ общеобразовательнаго юридическаго руководства.

Н. Лазаревскій.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898 г.
Цѣна 2 руб.

Настоящее изданіе является третьимъ на русскомъ языкѣ. Этотъ фактъ уже самъ по себѣ косвенно указываетъ на достоинства книги. Дѣйствительно, книга прекрасная. Она написана увлекательно, но безъ излишнихъ фантастическихъ мечтаній, и можетъ быть рекомендована какъ

хорошее пособіе для публичныхъ и классныхъ чтеній. Съ особеннымъ мастерствомъ отгѣнена авторомъ философская сторона дѣла, при чемъ послѣдовательный ходъ развитія нашего міровозрѣнія изображенъ главнымъ образомъ въ очеркахъ изъ жизни нѣкоторыхъ знаменитыхъ астрономовъ.

Правда, въ нѣмецкомъ оригиналѣ попадаются мѣста съ одностороннимъ, не симпатичнымъ по тону освѣщеніемъ фактовъ, въ немъ почти нѣтъ иллюстрацій и много пробѣловъ, сознаваемыхъ самимъ авторомъ и еще болѣе ощущаемыхъ читателями, но эти недостатки въ значительной степени смягчены или исправлены въ русскихъ изданіяхъ.

Уже въ первомъ изъ нихъ, выпущенномъ въ концѣ 1894 года, журналомъ «Міръ Божій», прибавлено до 70 рисунковъ и небольшія звѣздныя карты. Оно было рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для наградъ ученикамъ сихъ заведеній.

Во второмъ, независимомъ отъ перваго, изданіи Клюкина (1897 г.) число рисунковъ, правда, меньше, но они подобраны въ общемъ достаточно обдуманно, введены кромѣ того весьма дѣльные дополненія и самый переводъ, если не всегда легко, то во всякомъ случаѣ, свободенъ отъ мелкихъ промаховъ, изобличавшихъ въ переводчикѣ перваго изданія неспеціалиста.

Третье, только что появившееся, изданіе тоже снабжено дополненіями изъ сочиненій извѣстныхъ ученыхъ, а число рисунковъ въ немъ уже болѣе 300, причемъ 4 таблицы напечатаны въ краскахъ. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ достаточно хорошо выполнены, другіе по своему содержанию интересны, поучительны или новы. Такъ мы можемъ, наприимѣръ, отгѣтить: снимки съ бюста Пифагора и медали Гиппарха останки 40-футового телескопа В. Гершеля, видъ обсерваторіи въ Ниццѣ, видъ обсерваторіи Геркса, восхождение на Монбланъ, солнечное затменіе на поверхности Луны по Nasmyth'у, ночной ландшафтъ на Лунѣ съ картины Кранца, лунныя Аппенины по Nasmyth'у, прекрасный портретъ Hall'я, чертежъ, иллюстрирующій распределенія планетонидовъ, портретъ В. Струве и пр.

Изъ особенностей изданія является также то, что переводъ его сдѣланъ съ послѣдняго (4-го) нѣмецкаго изданія, вышедшаго только въ ноябрѣ 1897 года, въ сноскахъ указана обширная астрономическая литература.

Цѣна книги назначена болѣе, чѣмъ умѣренная, что общааетъ ей широкое распространеніе. Отъ души желаемъ ей успѣха.

Но высказывая это пожеланіе, мы должны сдѣлать и нѣсколько замѣчаній.

Намъ показалось страннымъ, что рѣшившись ввести въ видѣ вставки Бредихинскую теорію кометныхъ хвостовъ, редація заимствовала ея изложеніе изъ нѣмецкаго изданія «Популярной Астрономіи» Ньюкомба. Какая удивительная судьба всѣхъ русскихъ открытій! Русская публика знаетъ о нихъ почти всегда или непосредственно черезъ иностранцевъ или при участіи ихъ. Въ данномъ случаѣ это жалко еще и потому, что изложеніе теоріи Бредихина въ нѣмецкомъ источникѣ является неполнымъ, неточнымъ, устарѣлымъ.

Къ удивленію мы ничего не нашли въ книгѣ и о теоріи падающихъ звѣздъ, созданной тѣмъ же Бредихинымъ, сказать о которой, хоть нѣсколько словъ, постѣ односторонней, сослужившей уже свою службу, теоріи Скиапарелли, было вполне уместно.

Главы о кометахъ и падающихъ звѣздахъ у Клейна вообще принадлежатъ къ слабѣйшимъ. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, были возможныи и нужны дополненія.

Читатель долженъ быть благодаренъ редакціи за вставку въ различныхъ мѣстахъ текста *пояснительныхъ* рисунковъ, большинство которыхъ снабжены подробными и толковыми объясненіями. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и здѣсь допущены промахи.

Такъ, напримѣръ, совершенно непонятно, что означаютъ на чертѣжѣ 84-мъ линіи: Es^{'''}, Es^{''} и Es[']; извѣстный чертѣжъ системы Альгола (283) потерялъ много въ своей ясности вслѣдствіе того, что по какимъ то причинамъ отрѣзана другая его половина и т. д.

Нельзя не пожалѣть, что подборъ рисунковъ вообще сдѣланъ безъ строгой выдержки, какъ будто редакція было озабочена только тѣмъ, чтобы набрать иллюстрацій какъ можно больше по числу, безъ оцѣнки ихъ достоинства, и вотъ среди хорошихъ и интересныхъ попадаются такія, которыя не только не возвышаютъ значенія книги, а наоборотъ безусловно понижаютъ вслѣдствіе своей грубости или неточности.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетворительныхъ рисунковъ и укажемъ только на одинъ, допущеніе котораго въ русскомъ изданіи, предназначенномъ для образованія и воспитанія русской публики, совершенно непростительно. Это именно, 89-ый рисунокъ, представляющій видъ нашей знаменитой Пулковской обсерваторіи. Не нужно никакихъ поясненій, чтобы читатель, даже никогда не видавшій фотографическихъ снимковъ этой обсерваторіи, понялъ справедливость нашего упрека.

Раскрашенные таблицы, которыя предназначены для украшенія книги, тоже совершенно не способны выполнить своей задачи.

«Астрономическими вечерами» Клейна начинается дѣлая серія общедоступныхъ научныхъ изданій О. Н. Поповой. Это обстоятельство является главнымъ поводомъ, почему мы рѣшаемся высказать свои замѣчанія. Пусть не постѣдуетъ за нихъ редакція. Быть можетъ, съ нѣкоторыми она согласится и приметъ ихъ во вниманіе при дальнѣйшемъ выполненіи своей почтенной и трудной задачи.

К. Покровский.

К. Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Переводъ съ нѣмецкаго профессора Н. А. Холодковского изданіе А. Ф. Девриена. Ц. 1 р. 50 к.

Подъ такимъ заглавіемъ только что вышелъ переводъ книжки профессора Crepelin «Naturstudien im Hause». Появленіе всякой серьезной популярной книжки для юношества всегда является желаннымъ въ нашей беллетристической литературѣ, а книжки съ естественно-историческимъ содержаніемъ въ особенности. Лучшіе по успѣхамъ и болѣе развитые

ушася почти всегда обращаются съ обычнымъ и вполне естественнымъ вопросомъ: «что и гдѣ почитать?» по предмету, трактуемому на урокъ. Съ подобными же вопросами обращаются къ педагогамъ и родителямъ. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать каждое появленіе популярныхъ очерковъ по естествовѣдѣнію. Конечно, если очерки эти являются не плодомъ библиографической аферы. Профессоръ Крепелинъ—крупный натуралистъ Западной Европы, его русскій переводчикъ не менѣ извѣстенъ читающей публикѣ и ученой семьѣ своими спеціальными работами, своей профессорской дѣятельностью и участиемъ въ нѣкоторыхъ популярнѣхъ изданіяхъ. Фирма Девриена давно зарекомендовала себя опрятностью, изяществомъ и разборчивостью въ своихъ изданіяхъ. Все это уже одно говоритъ въ пользу упомянутой выше книжки Крепелина. Содержаніе ея—четыренадцать вечернихъ (точнѣе же послѣднихъ или послѣобѣденныхъ) бесѣдъ отца-профессора съ сыновьями-реалистами по различнымъ вопросамъ естествовѣдѣнія, на которые отецъ наводитъ, обращая вниманіе дѣтей на предметы и вещества, встрѣчающіяся въ домѣ или по близости.

Это не сухая проповѣдь отца-воспитателя на заданную тему, а вполне жизненная бесѣда, въ которой принимаютъ участіе всѣ упоминаемыя лица (мальчичи 15, 12 и 10 лѣтъ). Авторъ держится «сопротивительскаго» метода, который при сжатости и наглядности своей для данной цѣли имѣетъ за собой одно неудобство: въ уста мальчиковъ иногда приходится вкладывать рѣчь, не свойственную дѣтямъ указаннаго возраста. Вся книжка въ цѣломъ является серьезнымъ, легко читающимся трудомъ автора на пользу нашего подрастающаго поколѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что книжка Крепелина современемъ попадетъ и вполне заслуженно въ число книгъ, подносимыхъ лучшимъ ученикамъ за прилежаніе.

Въ видахъ этого нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыхъ недочетовъ, а иногда увлеченій автора, очевидно, слишкомъ привыкшаго къ лекціямъ съ профессорской кафедрой. Въ книжкѣ встрѣчаются излишнія разъясненія, до нѣкоторой степени даже мѣшающія юному читателю. Такъ напримѣръ, сынъ Сама привелъ весьма удачно сравненіе дѣйствія мускула, сгибающаго пальцы птицъ, съ панталонами, натягивающимися на колънахъ, когда человекъ садится въ кресло. Отецъ же его, одобряя этотъ примѣръ, совершенно излишне прибавляетъ новое менѣ наглядное сравненіе (кусочекъ полотна между двумя «точками», сильнѣе натягивающійся при образованіи «угла»). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Саша въ пяти строкахъ выяснилъ причину сгущенія разсола въ морѣ, вслѣдствіе испаренія, отецъ же, назвавъ объясненіе «неяснымъ», сравниваетъ въ весьма странной рѣчи означенный процессъ съ солью, въ обилии прибавляемой въ стаканъ съ водой. Совершенно излишними при чтеніи являются, по нашему мнѣнію, также бесѣды и поясненія на тему «можетъ ли вошь ощущать вѣсъ мухи на рогахъ»? Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропущены необходимыя для ясности пониманія разъясненія. Такъ наряду съ точнымъ опредѣленіемъ янтара и пемзы о морской пѣнкѣ сказано только, что она добывается въ Малой Азіи. Говоря о смолахъ, авторъ употребляетъ терминъ камедь, не оговорившись, что это синонимъ.

При словѣ «калійная селитра» авторъ пропустилъ объяснить, что значить «калійная», не забывъ пояснить слово «чилійская», а упоминая про клубни картофеля, ограничивается замѣчаніемъ, что это не корень, а «утолщеніе стебля», оставляя такимъ образомъ юношу въ недоумѣніи, какимъ образомъ утолщеніе стебля попало глубоко въ землю? Нѣкоторые мѣста истолкованы недостаточно ясно и требуютъ отъ юнаго читателя слишкомъ напряженнаго воображенія. Таковы, напримѣръ, описанія воронкообразнаго гнѣзда домоваго паука, архитектуры сѣти крестовика. Имѣя въ виду возрастъ читателей, нѣкоторые выраженія также могли бы съ успѣхомъ быть замѣнены болѣе удобопонятными, напримѣръ— вмѣсто «система тонкихъ перегородокъ» — «группа тонкихъ перегородокъ», «взвѣшенные въ воздухѣ» — «носящіяся въ воздухѣ», «допотопныя растенія» — «вымершія растенія» (нѣсколькими строками далѣе это и сдѣлано). Термины «центнеръ» и «географическая миля» слѣдовало бы замѣнить русскими мѣрами тѣмъ болѣе, что авторъ замѣнилъ нѣмецкія имена дѣйствующихъ лицъ русскими.

Что касается до перевода, то имя переводчика Фауста Гете достаточно говорить за его достоинство. Однако дающій себя знать мѣстами книжный стиль очевидно подлинника могъ бы быть съ успѣхомъ переделанъ на болѣе естественный.

Мы только не можемъ согласиться съ заглавіемъ. „Naturstudien im Hause“ могло быть съ успѣхомъ переведено чѣмъ либо вродѣ «Домашнія бесѣды о природѣ», тогда какъ «Природа въ комнатѣ» совершенно не вяжется съ словесными экскурсіями автора въ область глетчеровъ, торфяниковъ, нѣдра морей и тропическія страны. Авторъ быстро покидаетъ свою «комнату» для разъясненія различныхъ вопросовъ и явленій природы и возвращается въ нее только за матеріаломъ для новыхъ бесѣдъ.

Александръ Яценко.

Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. Перев. съ нѣм. Общепользная бібліотека для самообразования. Изд. М. В. Ключкина. СПб. 1898 г. Ц. 40 к.

Очеркъ этотъ принадлежитъ перу покойнаго уже Эрнеста Энгеля, котораго еще недавно Бертильонъ съ почтеніемъ называлъ «старѣйшимъ статистикомъ Европы». «Къ числу самыхъ интересныхъ и въ то же время самыхъ неразработанныхъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о цѣнности человѣка», по словамъ автора. «Мы говоримъ здѣсь не объ этической или нравственной цѣнности, а цѣнности экономической, хозяйственной». Было бы не только рискованно, но прямо бессмысленно пытаться вычислить цѣнность ума Ньютона или Лейбница, фантазін Рафаэля, Моцарта или Шиллера, характера Веньямина Франклина, умалчивая о современныхъ великихъ людяхъ, но нѣтъ ничего рискованнаго въ утвержденіи, что эти герои духа, подобно другимъ болѣе или менѣе извѣстнымъ или вовсе неизвѣстнымъ людямъ, стоили своимъ родителямъ извѣстныхъ расходовъ на воспитаніе и обученіе, хотя это и звучитъ прозаически. Поэтому стоимость этихъ героевъ есть нѣчто очень

реальное». «Цѣнность человѣка» до сихъ поръ, къ сожалѣнію, можно принимать и весьма буквально. Еще въ 1883 г. въ Татарѣ публично продавались молодыя дѣвушки: одна 12 лѣтъ за 33 доллара, другая 20 лѣтъ за 40 долларовъ и молодая женщина за 26 долларовъ и т. д. и т. д. «Физическое, духовное и нравственное развитіе заключается», рассуждаетъ далѣе авторъ, «кратко говоря, въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ выполнить задачу своей жизни. Это тройкаго рода развитіе есть дѣло воспитанія. А вслѣдствіе этого человѣкъ есть въ самомъ полномъ и буквальнономъ смыслѣ этого слова болѣе или менѣе совершенный продуктъ воспитанія и, какъ таковой, подлежитъ экономическимъ законамъ производства продуктовъ; вычисленіе же издержекъ производства должно производиться также по общимъ въ экономіи правиламъ и приемамъ. Въ своихъ числовыхъ изысканіяхъ Энгель приходитъ къ такимъ, напр., выводамъ. «Весь расходъ до, во время и послѣ рожденія, расходъ на содержаніе, воспитаніе и образованіе, съ принятіемъ въ расчетъ смертности и процентовъ на капиталъ, т. е. вся стоимость равна—для молодого человѣка, получившаго высшее образованіе, къ концу его періода юности и ученія, по исполненіи ему 25 лѣтъ—27.550,23 маркамъ. Для дѣвушки *средняго* образованія (имѣя въ виду рѣдкость высшаго женскаго образованія) къ концу ея періода юности и ученія по исполненіи ей 20 лѣтъ—10.655,30 маркамъ». «Нѣтъ нужды еще разъ указывать», и здѣсь оговаривается однако авторъ, «что эта стоимость введена не изъ *практическихъ* наблюденій, а составлена *гипотетически*. Но она потому не далека отъ истины, что и сами основы гипотезы близки къ истинѣ». Нынѣ у насъ все чаще появляются дешевыя изданія, знакомящія читателя съ трудами и жизнью болѣе или менѣе крупныхъ «именъ» культуры и цивилизаціи. И благое дѣло. Но... въ данномъ случаѣ особенно важно подбирать для изданія—законченныя, цѣльныя вещи, безусловно—*цѣлесообразныя*. Слишкомъ неумѣстны тутъ отрывочность, частность содержанія. Предложить большой публикѣ, хотя бы и небольшую, но цѣнную и завершенную работу на тему, что-ли о значеніи статистики—это одно; а занимать неподготовленнаго читателя отдѣльнымъ вопросомъ съ гипотетическими объясненіями—это совсѣмъ другое—и нѣчто едва ли производительное. Переданъ очеркъ Энгеля (о чемъ можно судить даже и по сдѣланнымъ нами выдержкамъ) въ не совсѣмъ гладкомъ изложеніи. «Библіотеку для самообразованія» должно составлять съ крайнею осмотрительностью.

А. Налимовъ.

Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Часть первая. Мишна. СПб. 1897 г.

Книга эта представляетъ какъ бы введеніе къ критическому переводу талмуда, предпринятому авторомъ. Раньше, чѣмъ выпустить въ свѣтъ самый переводъ талмуда, авторъ весьма справедливо счелъ полезнымъ предпослать ему настоящую книгу, имѣющую дѣлюю познакомить читателя съ историческими, политическими и бытовыми условіями, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатывались талмудическія законоположенія. Книга раздѣлена на 11 главъ и содержитъ общія понятія объ исторіи и содержаніи Тал-

муда, главнымъ образомъ его основной части—Мишны и родственныхъ Мишнѣ сборникахъ, затѣмъ біографіи и характеристки упоминаемыхъ въ Талмудѣ авторитетовъ, свѣдѣнія о географіи Палестины и о политическомъ положеніи евреевъ въ эпоху Талмуда, объ ихъ бытѣ и религіи, о состояніи земледѣлія и ремеслъ у евреевъ въ эту эпоху и т. д.; наконецъ книга знакомитъ съ тѣми логическими приѣмами, которые употребляются въ Талмудѣ для толкованія законовъ и которые по своей головоломности и остроумному сплетенію давно уже вошли въ поговорку.

Нельзя не привѣтствовать счастливой мысли автора дать на русскомъ языкѣ точный научный переводъ Талмуда, хотя на Западѣ уже существу, ютъ нѣкоторые переводы Талмуда, но эти переводы не всего Талмуда, а лишь нѣкоторыхъ трактатовъ или отдѣловъ. Между тѣмъ чрезвычайно важно, чтобы существовалъ *полный* переводъ если не всего Талмуда (такой колоссальный трудъ едва ли по силамъ единичному лицу), то по крайней мѣрѣ Мишны, въ которой заключается весь религиозный, моральный, гражданскій и бытовой кодексы евреевъ. Врядъ ли какая-нибудь книга вызвала столько нареканій и толковъ, какъ Талмудъ. Противники евреевъ приписываютъ этой книгѣ разные ученія, отражающіяся будто бы деморализующимъ образомъ на міросозерцаніи и практической дѣятельности евреевъ. Поэтому въ интересахъ самихъ евреевъ раскрывать передъ глазами христіанскаго міра полное содержаніе Талмуда во всей его неприкосновенности, дабы христіане могли непосредственно убѣдиться, справедливы ли тѣ упреки, которые такъ часто раздаются по адресу этой книги.

Что касается лежащаго предъ нами введенія, то, какъ видно изъ приведеннаго выше перечня его содержанія, оно довольно богато фактическимъ матеріаломъ, касающимся разнообразныхъ условий той эпохи, въ которую составлялся Талмудъ, равнымъ образомъ, оно можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для уразумѣнія логическихъ приѣмовъ Талмуда. Если можно въ чемъ нибудь упрекнуть автора, такъ это въ нѣкоторой сухости и полной догматичности изложенія. Отъ книги, служащей введеніемъ къ переводу Талмуда, естественно было бы ожидать также извѣстнаго философскаго освѣщенія основныхъ идей и принциповъ, одухотворяющихъ этотъ колоссальный памятникъ еврейской письменности. Такого освѣщенія въ лежащей предъ нами книгѣ мы не находимъ. Быть можетъ это обуславливается обширностью предмета и невозможностью исчерпать въ одномъ очеркѣ разнообразное содержаніе столь многочисленныхъ трактатовъ. Было бы поэтому желательно, чтобы при изданіи самаго перевода авторъ предпосылалъ каждому трактату въ отдѣльности подобный очеркъ, въ которомъ все содержаніе трактата нашло бы критическую и философскую опѣнку, и который служилъ бы читателю руководящей нитью при ознакомленіи съ самимъ переводомъ.

А. Н.

Отчетъ о дѣятельности воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1896—97 годъ. Составленъ секретаремъ комиссіи К. К. Федяевскимъ. Воронежъ. 1898. in 8-во. Стр. 142—II. Ц. 49 коп. съ пересылкой (почтовыми марками).

Содержаніе только что вышедшаго въ свѣтъ отчета о дѣятельности воронежской комиссіи народныхъ чтеній за прошлый годъ гораздо шире, чѣмъ можно думать въ первую минуту. Это—не только отчетъ, но и прекрасная справочная книжка для всѣхъ устройствелей народныхъ чтеній въ провинціи, и мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ ради его рекомендаціи. Помимо текста существующихъ узаконеній о публичныхъ народныхъ чтеніяхъ въ Россіи, мы читаемъ въ отчетѣ составленный воронежской комиссіей *«полный списокъ книгъ, допущенныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній»*. Читатель ошибется очень сильно, если подумаетъ, что воронежская комиссія, не мудрствуя лукаво, попросту перепечатала соотвѣтствующій отдѣлъ министерскаго каталога 1897 г. Воронежская комиссія продѣлала кропотливую работу сличенія каталога книгъ для публичныхъ народныхъ чтеній изд. 1897 г. съ таковымъ же изд. 1891 г. и со всѣми на этотъ счетъ распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія. Результатъ подобной работы оказался весьма поучительнымъ: оказывается, что новый каталогъ 1897 г. ошибочно пропустилъ не мало изданій, давно разрѣшенныхъ для публичныхъ народныхъ чтеній и никогда изъ означеннаго разрѣшенія не изнимавшихся; подобная же ошибка вскрыта и по отношенію къ каталогу 1891 г. Такимъ образомъ, оказывается, что устройствелямъ народныхъ чтеній въ провинціи надо руководствоваться пока отчетомъ Воронежской комиссіи и ждать, пока каталогъ 1897 г. не будетъ перепечатанъ вновь уже безъ ошибокъ.

Правда, въ числѣ пропусковъ каталога 1897 г., согласно сличенію Воронежской комиссіи, есть не мало такихъ изданій, о которыхъ особенно жалѣть не приходится, а нѣкоторыхъ прямо можно сказать, что тѣмъ лучше, что они пропущены. Но ошибочный пропускъ Лермонтовской пѣсни про купца Калашникова, «книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ» В. Водовозова, или брошюры академика К. Н. Бестужева-Рюмина «о томъ, какъ росло московское княжество и сдѣлалось русскимъ царствомъ», двухъ изданій Общества распространенія полезныхъ книгъ, нѣсколькихъ изданій *Палестинскаго общества* едва ли особенно любопытны. Пропущена *) и книжка П. Кирхманна *Исторія общественнаго и частнаго быта*, въ переводѣ К. Розенберга и съ дополненіями В. О. Ключевского.

Помимо справочной части отчета представляетъ интересъ помѣщенный въ немъ докладъ К. К. Федяевскаго *О книгахъ вновь разрѣшенныхъ*

*) Есть пропуски и не отмѣченные Воронежской комиссіей: такъ для Москвы разрѣшены для чтенія народу *Старый зоонаръ* В. Г. Короленко, *Паденіе Иерусалима* Д. Л. Мордовцева, *День царя Алексѣя Михайловича* А. А. Кизеветтера, *Петръ Великій просвѣтитель Россіи* А. Θ. Гартвига, *Старая Москва* С. И. Анцыферова.

для публичных народных чтений. Докладъ г. Федяевскаго можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для всѣхъ устроителей народныхъ чтений въ провинціи по части выбора подходящихъ брошюръ для чтенія въ народной аудиторіи. Подчеркивая значительный интересъ народа къ беллетристикѣ и стихамъ, авторъ доклада намѣчаетъ очень цѣнную работу, которую слѣдовало бы предпринять для народной аудиторіи: по его мнѣнію, слѣдовало бы изъ разныхъ журналовъ, сборниковъ, хрестоматій, собраній сочиненій выбрать все дозволенное и наилучшее, а выборки эти издать въ видѣ особаго сборника чтеній для народа. Мысль крайне симпатичная, и мы съ удовольствіемъ ее пропагандируемъ на ряду съ самымъ отчетомъ Воронежской комиссіи.

Вас. Сторожевъ.

Собраніе сочиненій Фенимора Купера. Изданіе П. П. Софкина. Приложение къ ж. «Природа и люди». Спб. 1898 г.

Куперъ жилъ и дѣйствовалъ съ 1789 г. по 1851 г. Въ свое время его признавали, такъ сказать, американскимъ Вальтеръ Скоттомъ. У насъ имъ было увлекался Бѣлинскій и рекомендовалъ для юношества сочиненія Купера. Читателей привлекали въ разсказахъ Купера мастерскія и тогда но выя описанія заатлантическихъ водъ, степей и лѣсовъ, воспроизведеніе незнакомаго быта «краснокожихъ», интересные историческіе эпизоды (борьба европейцевъ за преобладаніе въ Америкѣ, славная война за независимость Штатовъ и пр.) Куперъ придумывалъ весьма интригующія завязки и развязки для своихъ повѣстей, рисовалъ многообразные стійныя ужасы и кровавыя драматическія картины; и вмѣстѣ съ тѣмъ выводилъ уже на сцену и «ученаго» доктора, который, въ послѣдующіе годы, въ особой формѣ у Майнъ-Рида и у Жюль Верна, прямо уже заполняетъ свою «наукою» цѣлыя страницы особыхъ романовъ, наконецъ онъ являлся временами и даровитымъ юмористомъ. Въ «идейной» части у автора замѣтна любовь къ природѣ въ старо-романтическомъ, что-ли, вкусѣ стремленіе къ жизни—въ простотѣ и правдѣ. Любимый герой Купера—охотникъ, непросвѣщенный, но высоко благородный; бѣдный, но независимый духомъ и тѣломъ. «Звѣрбой» разсуждаетъ такимъ образомъ: «не всѣ законы исходятъ изъ одного источника: одни далъ намъ Богъ, другіе составляетъ сама колонія, третьи присылаетъ намъ король и парламентъ. И вотъ, если человѣческіе законы противны законамъ Бога, они становятся незаконными и имъ не должно повиноваться».

«Слѣдопытъ» высказывается: «Тамъ, въ лѣсу, кажется мнѣ, что я стою лицомъ къ лицу съ моимъ Господомъ; все, что окружаетъ меня,—свѣжо, чисто, какъ и подобаешь созданію Его рукъ, и нѣтъ ни формъ, ни доктринъ, леденящихъ сердце. Нѣтъ, нѣтъ, лѣса-то и составляютъ настоящій храмъ, тамъ только мысли окрыляются и могутъ возноситься подъ облаками». Все тотъ-же охотникъ, «Звѣрбой», «Соколиный Глазъ», «Кожаный Чулокъ», (одинъ образъ подъ многими именами) горячо вступаетъ за «могианъ» и другихъ индѣйцевъ представителей низшей и не христіанской культуры. Онъ энергично протестуетъ противъ безчеловѣчной войны съ «нецивилизованными туземцами; онъ твердо стоитъ за широкую рас-

вую и религиозную терпимость. Звѣробой держится, пожалуй, и относительно «женскаго вопроса» достаточно передовыхъ взглядовъ. Онъ читаетъ такую напр. мораль молодой индіанкѣ: «Жизнь женщины *тяжела во всѣхъ странахъ*, но среди краснокожихъ она еще тяжелѣе, чѣмъ среди бѣлыхъ. Это то, чѣмъ бѣлые могутъ *немногу* гордиться». Какъ извѣстно, Куперъ занимался въ своихъ романахъ не одними только американскими туземцами и пришельцами. «Философскій» элементъ пробивается и въ такихъ повѣстяхъ, чуждыхъ «американизма». Въ «Блуждающемъ огнѣ»,—главный герой—корсаръ—Рауль Кворъ, ненавидящій англичанъ и преданный своей американской родиѣ (дѣйствіе происходитъ въ 1798 и 1799 гг.). Вотъ о чемъ онъ бесѣдуетъ съ своей возлюбленной итальянкой, строгой католичкою. «Я не отрицаю существованія силы, которая *всѣмъ* управляетъ, Джита; но я признаю ее какъ силу, какъ причину *всѣхъ* вещей, а не какъ существо, имѣющее нашъ образъ, не какъ божество.—Но если вы признаете начало, причину, силу, то почему не желаете вы эту первоначальную силу, это начало началъ признать духомъ, Рауль? Развѣ труднѣе повѣрить существованію духа, чѣмъ вашему началу? И потомъ, вы говорите имѣющее нашъ образъ! Не въ буквальномъ, реальномъ смыслѣ, а потому, что въ насъ вложена частичка Его Божественнаго духа, мы въ духовномъ отношеніи созданы по его образу и подобію. Дѣйствія силъ природы мнѣ очевидны, я не могу ихъ отрицать, хотя начальная причина недоступна человѣческому пониманію. Я знаю, что изъ зерна вырастаетъ дерево и даетъ плоды; вижу, что все живое рождается и умираетъ—это неоспоримые факты, всегда повторяющіеся при одинаковыхъ условіяхъ. Но я также знаю, что различныя животныя одарены различной способностью пониманія, а потому мирюсь съ несовершенствомъ своего ума». Словомъ, Куперъ удовлетворялъ «большую публику» тѣми или другими *новостями* въ своихъ романахъ: любопытною фабулой и различными эффектами разсказовъ, описаній и др. А съ другой стороны, вызывая къ себѣ сочувствіе и у тѣхъ, кто искалъ въ беллетристикѣ корректныхъ, возвышенныхъ, умѣренно-романтическихъ, если можно такъ выразиться, тенденцій. Быть мо жетъ наиболѣе характерно выразились умственные и нравственныя расположенія и вкусъ Купера въ повѣсти—«Слѣдопытъ» (The Path Finder). Про самого Слѣдопыта авторъ замѣчаетъ: «...личность Слѣдопыта являлась блистательнымъ опроверженіемъ того мнѣнія, что безъ помощи развитія и образованія человѣкъ неспособенъ дѣлать различіе между добромъ и зломъ. Никакая казуистика не заставила-бы его поколебаться въ своемъ сужденіи относительно того, что честно и что безчестно... въ лицѣ Слѣдопыта можно было видѣть типъ человѣка съ яснымъ, уравновѣшеннымъ умомъ, недоступнымъ никакимъ честолюбивымъ покушеніямъ. Преданный своимъ чистымъ чувствамъ *настѣннымъ уединеніемъ и природой*, онъ никогда не забывалъ всемогущаго Творца, око котораго такъ-же свободно проникаетъ въ лѣса, какъ и въ города». Другой герой этого же романа Джасперъ—деликатный, самоотверженный, цѣломудренный, необычайно смѣлый и образованный человѣкъ. Послѣ ряда хитросплетенныхъ заключеній—онъ вознаграждается авторомъ не безъ щедрости: женившись на любимой дѣвушкѣ, «Джасперъ сдѣлался *богатымъ и почетнымъ* коммерсантомъ» въ Нью-Йоркѣ. У бесспорно талантливаго Купера попадаются страницы, которыя

приковываютъ вниманіе и современнаго читателя. Въ изображеніи женскихъ фигуръ временами встрѣчаются удивительно тонкіе и граціозные штрихи (такое мѣстами Гетти и Юдиѣ въ «Звѣробѣ», Мобель въ «Слѣдопытѣ», Джита и пр.). Исполнены иной разъ настоящаго драматическаго движенія и сцены въ «Блуждающемъ огнѣ». Художественная сила и психологическое правдоподобіе въ творествѣ Купера чувствуется и посейчасъ, какъ чувствуется и общая духовная настроенность автора — здоровая, бодрая, жизненная, хотя Куперъ вовсе и не оптимистъ: «мы живемъ, говоритъ онъ въ мірѣ, полною ошибокъ и эгоизма; представлять его себѣ въ другомъ видѣ — значило-бы исказить истину».

И все-же Куперъ *устарѣлъ*. Его поэтическихъ дарованій уже не хватило и «на нашъ вѣкъ». Намъ теперь представляются какими-то Рокамболями его высоконравственные храбрецы — изумительно живучіе и неуловимые. Не забавляютъ, а утомляютъ скорѣе насъ его угловатые приемы остроумія, его хвастуны Каны и «псалмопѣвцы» Гамуты.

Прежде бытъ можетъ и Куперъ казался писателемъ, создающимъ *историческое реальное*. Нынѣ мы замѣчаемъ здѣсь и грубо-искусственное, и фальшивое. Возвышенный краснокожій, послѣдній Могиканъ (The Last of the Mohican) по нашимъ впечатлѣніямъ — что-то довольно театральное, годное по преимуществу для оперы, что-ли, для безформеннаго музыкальнаго искусства. Намъ прямо претятъ эти категорическія подраздѣленія индѣйскихъ племенъ на специалистовъ по злодѣйству — коварныхъ, жадныхъ, жестокихъ «истыхъ», «минго», «прокезовъ» — и на добродѣтельныхъ по преимуществу «могианъ», «делаваровъ» и пр. и пр. Мы и въ сію минуту вовсе не богаты большими беллетристическими талантами, истинными художественными самородками; но мы отвыкли, именно отвыкли отъ такого творчества, гдѣ намъ заранѣе отмѣчаютъ какого-нибудь Мюира, какъ негодяя во всѣхъ смыслахъ и труса, и измѣнника, и пошлаго ловеласа и пр. и пр. У тѣхъ темъ нашихъ «словесниковъ» масса — безцвѣтнаго и безличнаго, если не болѣе. Но аляповатая раскрашиванія Купера выходятъ изъ употребленія. Коры, Алисы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, прискучиваютъ намъ, какъ надобѣдаютъ и чудеса — подвиги звѣрлова, котораго въ романѣ «Прерія» (The Prairie) индѣйцы хоронятъ съ такимъ почетомъ. Первоклассныя поэтическія силы въ писателѣ, вдохновляемомъ въ то же время и широкими умственными горизонтами — пожалуй заставятъ насъ забыть вопросы насколько естественный, вѣроятный, возможный типъ, характеръ взятъ авторомъ? Шелли мы перечитываемъ, вовсе не думая ни о какой фотографической точности и «протоколизмѣ». Ну, а Куперъ и беллетристъ-прозаикъ — и художественная величина — ослабѣе. Въ «Пионерахъ» Нотти, все тотъ-же фаворитъ автора — охотникъ — всячески превозносится Куперомъ, и намъ только непріятны подобныя старанія и потуги; иллюзіи не получается. Съ любопытствомъ Натти разсматриваетъ банковые билеты: «Такъ вотъ они, бумажныя деньги, мнѣ еще не случалось ихъ видѣть», толкуетъ охотникъ. «А чтобы я сталъ съ ними дѣлать? Это хорошо для ученыхъ нѣтъ, нѣтъ, оставьте ихъ у себя; у меня есть все, что мнѣ нужно, такъ какъ вы мнѣ подарили весь оставшійся послѣ француза *порокъ*, а въ той мѣстности куда я иду, *найдется* свинецъ. Да хранить васъ Богъ, который бдитъ

одинаково надъ пашнями, какъ и надъ лѣсами; да благословить Онъ васъ, а равно и всѣхъ вашихъ до того *великаго* дня, когда бѣдныя будутъ судимы наравнѣ съ краснокожими, и когда закономъ будетъ справедливость, а не сила. Какой «идейный» пророкъ произносить эти рѣчи? Какой *грядущей* справедливости онъ предтеча, онъ, живущій исключительно насчетъ *по-рога, свища и физическаго насилія?*

Загадочный по своей духовной физиономіи Натти также таинственно и скрывается, совершивъ миллионъ благодѣяній. «Никто не видалъ больше Кожанаго Чулка. Напрасно разыскивалъ его повсюду мистеръ Темплъ, о немъ ни откуда не доходило никакихъ вѣстей: онъ удалился на западъ и былъ *первымъ* изъ *томеровъ*, открывшихъ американцамъ путь черезъ материкъ къ другому морю». Въ устарѣлости для насъ Купера повиненъ не идеализмъ. Идеализмъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, изсякнетъ только тогда, когда исчезнутъ въ людяхъ всѣ тяготѣнія высшаго порядка. Т. е. — идеализмъ вѣченъ. Устарѣло *творчество* Купера, не принадлежащаго къ великимъ людямъ литературы. Мы уже равнодушны къ такимъ поэтическимъ и идейнымъ рецептамъ: немножко Руссо и деизма, демократичности и благовоспитаннаго мѣщанства, побольше страшнаго и суздальскихъ мазковъ и пр. и пр. Собственно-же, какъ чтеніе для юношества, сочиненія автора «Звѣробоя» (The Deer Killer), думается, правильнѣе всего разсматривать съ такой точки зрѣнія. *Старый* Куперъ пригоденъ тутъ главнымъ образомъ за неимѣніемъ лучшаго *новаго*. Журналу «Природа и люди» очень удобно посравнить, насколько Куперъ выше иныхъ яко-бы *свѣжихъ*... бездарностей и пессимистическихъ модниковъ. Вотъ только переводъ въ вышеназванномъ изданіи достаточно *затрудняетъ* чтеніе и не всегда вразумителенъ.

Такихъ, напр. мѣстъ въ «Собраніи сочиненій Купера», къ сожалѣнію, довольно. «Томъ отправился въ южную часть озера, *предоставивъ* замокъ *защищаться собственными усиліями*; «вы поступите очень осторожно, если оставите ее тѣмъ-же *способомъ*, какимъ до нея добрались, т. е. вплавъ» озеро имѣло неправильную, овальную въ общемъ форму, со многими мысами и бухтами, изрѣзывавшими ея берега». Или еще: «остальное *совершилось подобно невидимому полету вѣтра*», «дочь его, *счастливая своимъ новымъ положеніемъ*, вышла погулять».

«Между тѣмъ онъ говорилъ ей *слова любви и восклицанія*». «На лицѣ охотника отразилась *вся обида какъ на самый возгласъ*, такъ и на чувство, внушавшее его».

«Ихъ политическое существованіе, какъ народностей, *почти кончилось* и даже *личное* состояніе отдѣльныхъ *личностей* стало очень непрочнымъ». «Всѣ *ступени* соціального устройства, начиная съ *полици* и кончая *международными сношеніями*, видимъ мы въ Соед. Штатахъ, гдѣ *пронизываютъ* искусства, роскошь до самыхъ *крайнихъ предѣловъ* страны, все болѣе и болѣе расширяющихся».

А. НАЛИМОВЪ.

А. Алтаевъ. Сборникъ занятій, игръ, пѣсень, разказовъ, стихотвореній и шутокъ. Изданіе журнала «Игрушечка». Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вольтеръ сказалъ, что онъ уважаетъ всѣ роды литературы, кромѣ скучнаго. Масса издаваемыхъ дѣтскихъ книжекъ, можетъ быть, и обладаетъ какими либо солидными достоинствами, но несомнѣнно страдаетъ капитальнымъ недостаткомъ—скукой, которой вѣдетъ отъ нихъ на три версты. Книжка иной разъ бываетъ не дурна по содержанію; но авторъ такъ много хлопоталъ о томъ, чтобы побольше внести въ нее полезнаго матеріала: естественно-научнаго, историческаго, нравственнаго, что переселилъ, и его книжка въ концѣ концовъ вышла скучной. Дѣтскаго смѣха, дѣтской веселости, дѣтскаго стремленія все мастерить самому—авторы дѣтскихъ книгъ, какъ будто, боятся или считаютъ пустякомъ, не стоящимъ вниманія. Дѣтскій смѣхъ, дѣтская веселость — *fi donc!* — дѣти и такъ много смѣются, писать для нихъ забавныя веселыя книжки, поддерживать ихъ бодрое жизнерадостное настроеніе не стоить.

Авторъ разсматриваемой книжки исходитъ совсѣмъ изъ другого начала: онъ хочетъ дать дѣтямъ веселую книжку, поддержать ихъ бодрость, радостное настроеніе, указать самый простой матерьялъ и способъ для разнаго рода дѣтскихъ интересныхъ и забавныхъ подѣлокъ. Съ этою цѣлью въ книгу введены: шутливые разказы, напр. Шенокъ и Оса, Блудня-Котъ, очень нравящіеся дѣтямъ, коротенькія шутки и загадки, скороговорки, сказочки, небольшія стихотворенія, указанія, какъ изъ самаго простаго матеріала дѣлать дѣтямъ весьма интересныя вещицы (Волшебныя превращенія—какъ изъ еловыхъ шишекъ, моркови, картофеля и пр. дѣлать разныя вещи; какъ мы съѣли нашихъ куколъ—приготовленіе куколъ изъ фруктовъ), музыкальныя шутки съ нотами. Вся книжка богато иллюстрирована массой рисунковъ, среди которыхъ имѣются всегда такъ привлекающіе дѣтей оригинальные рисунки Вѣмъ; есть рисунки Клодта и Шанова. Вообще книжка задумана весьма удачно и выполнена въ общемъ очень удовлетворительно. По своему веселому общему тону и характеру она свѣтлымъ пятномъ выдѣляется изъ сѣрой и скучной дѣтской литературы.

Конечно, въ книжкѣ есть и недостатки. Мы отмѣтимъ слѣдующіе два, на которые автору слѣдовало бы обратить вниманіе при слѣдующемъ изданіи книжки. Въ книжкѣ есть достаточно матеріала, встрѣчающагося во всевозможныхъ сборникахъ разказовъ и сказокъ для дѣтей, напримѣръ, знаменитый дѣдка съ рѣшкой, теремокъ мышки, лиса и кувшинъ и др. Давнымъ давно знакомые разказы, понятны, понижаютъ интересъ дѣтей къ книжкѣ. Нужно бы поискать новаго, свѣжаго матеріала.

Второй недостатокъ: неизвѣстно, для дѣтей какого возраста назначается книжка. Въ книжкѣ есть вещи для самыхъ маленькихъ дѣтей, каковы: скороговорки, дѣдка съ рѣшкой, музыкальная шутка на слова: четверть блина, полблина, блинъ и др.; есть довольно мудренныя вещи, назначенныя, очевидно, для дѣтей старшаго возраста, каковы загадки изъ Шиллера, куда она пропала и др. Но написать одну книжку, удовлетворяющую запросамъ различныхъ дѣтскихъ возрастовъ, невозможно.

П. Каптеревъ.

Книги поступившія въ редакцію.

Сочиненія Н. С. ТИХОНРАВОВА. Томъ первый. Древняя русская литература, Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98.

Полное собраніе стихотвореній А. В. КОЛЬЦОВА. Съ портретомъ и рисунками въ текстѣ. Изданіе Южно-Русскаго О-ва Печатнаго дѣла. Одесса 98, Ц. 10 к.

В. СЪРОШЕВСКІЙ. Въ сѣтяхъ. Повѣсть. Съ 19 иллюстраціями. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 80 к.

Библіотека нашихъ дѣтей. Съ иллюстраціями. Изданіе Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 98. Волшебныя сказки ПЕРРО въ переводѣ Е. В. Лавровой: Спящая красавица. Ц. 4 к. Волшебница. Ц. 2 к. и 5 к. Мальчикъ съ пальчикъ. Ц. 5 к. и 10 к. Золушка. Ц. 4 к. и 10 к. Котъ въ сапогахъ. Ц. 4 к. и 10 к. Синяя борода. Ц. 3 к. и 5 к. ЭРКМАНЪ-ПАТРИАНЪ. Сокровище стараго герцога. Ц. 15 к.—Р. ДОМБРЪ. Императоръ и разбойникъ. Ц. 3 к.—Ивонна. По разсказу А. БАЙИ. Ц. 4 к.—Отецъ и сынъ А. БАЙИ. Ц. 8 к.—Чудесная прядка. Ц. 3 к.—Путешественникъ Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ П. И. МАМАЕВА. Ц. 10 к.

Кіевское общество грамотности. Изданіе С. В. Кульженко. Кіевъ 98. № 1. Днѣпръ и приднѣпровье. С. Р. Ц. 10 к. № 2. Прычынна. Утоплена. Русалка. Марьяна. Поэмы ШЕВЧЕНКО. Ц. 7 к. № 3. О вредѣ сифилиса и о мѣрахъ къ его предупрежденію. Врача ДОЦЕНКО. Ц. 3 к.

БЕРНАРДЪ ТЕНЪ БРИНКЪ. Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣмецкаго. И. Д. Городецкаго. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 98. Ц. 40 к.

ГЕРМАНЪ ТЮРКЪ. Философія эгоизма Ницше, Ибсенъ и Штирнеръ. Переводъ съ нѣм. съ предисловіемъ А. Ч. Спб. 98. Ц. 20 к.

И. В. ПОПОВЪ. Самоубійство, Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ Посадъ 98. Ц. 25 к.

Элементарный курсъ психологіи. Руководство для воспитателей. (По Карре и Либье). Л. П. НИКИФОРОВА. Изданіе журнала «Дѣтское Чтеніе». М. 98. Ц. 25 к.

ДЕМОРЪ, МАССАРЪ и ФАНДЕРФЕЛЬДЕ. Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Переводъ съ франц. подъ редакціей Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

ФРАНЧЕСКО С. НИГТИ. Народонаселеніе и общественный строй. Переводъ съ франц. подъ редакціей Д. Коропчевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Н. ЗИНЧЕНКО. Женщина адвокатъ (По Луи Франкъ). Спб. 98. Ц. 80 к.

Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. 25 очерковъ П. ГАНЗЕНА. Спб. 98. Ц. 1 р.

Ш. ЛЕТУРНО. Эволюція рабства. Переводъ съ франц. З. Н. Журавской. Изданіе т-ва И. Д. Смытина. Отдѣлъ Н. А. Рубакина, М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

М. Т. МОРГУЛИСЪ. Историческіе этюды (Гилель, Акиба.) Изданіе Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Одесса 98. Ц. 50 к.

І. ШЕРРЪ Переселеніе народовъ. Переводъ съ нѣм. М. А—кой. Спб. 98. Ц. 20 к.

НИКОЛАЙ СПЕРАНСКІЙ. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98. Ц. 1 р.

Новая русская педагогія, ея главнѣйшіе идеи, направленія и дѣятели. **П. КАПТЕРЕВА.** Изданіе журнала «Русская Школа». Спб. 98. Ц. 80 к.

Педагогическіе курсы 1898 г. въ г. Полтавѣ. Составилъ руководитель курсовъ **Д. И. Тихомировъ.** Полтава. 98.

ЖОНВО, Женское образованіе въ Америкѣ. Переводъ съ франц. Подъ редакціей **Н. Зинченко.** Спб. 98. Ц. 20 к.

Начальное народное образованіе въ Тульской губ. въ 1896—97 учебномъ году. Изданіе тульского губернскаго земства. Тула. 98.

Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ. Отчеты 1897 г. М. 98.

Новый фазисъ въ дѣятельности земства по народному образованію. **И. П. БЪЛОКОНСКІЙ.** (Изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія»). М. 98.

Народные учителя и учительницы въ Тульской губ. Историко-статистическій очеркъ **гр. П. С. ШЕРЕМЕТЕВА.** Тула. 98.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской Комиссіи народныхъ чтеній за 1896—97 годъ. Воронежъ. 98.

Отчетъ С.-Петербургскаго Общества содѣйствія физическому развитію за 1897 г. Спб. 98.

Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1896—97 г. Спб. 98.

Примѣрный каталогъ для учительскихъ библіотекъ. Изданіе Комиссіи по народному образованію тульского губернскаго земства. Тула. 98.

Высочайше разрѣшенный 2-й сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Россіи. 1895—96. Секція IX общихъ вопросовъ. Части I и II. Издано подъ редакціей **В. П. Вахтерова.**

Пятый и шестой годовые отчеты правленія общества для пособія учащимся въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. Нижняго Новгорода. Н. Новгородъ. 98.

Десятилѣтіе харьковской общественной библіотеки. Харьковъ. 98.

С. С. ПАШКОВЪ. Собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Изданіе **О. Н. Поповой.** Спб. 98. Ц. 4 р.

Сочиненія **ЭРМАНА-ПАТРИАНА.** Въ двухъ томахъ. Изданіе **Ф. Павленкова.** Спб. 98. Ц. 8 р.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Изданіе товарищества **М. О. Вольфъ.** Спб. 98. Ц. по подпискѣ на 10 томовъ 15 руб.

ИВ. ИВАНОВЪ. Исторія русской критики. Части первая и вторая. Изданіе журнала «Міръ Божій». Спб. 98. Ц. 2 р.

О счастьѣ. **Н. А. ЛУХМАНОВОЙ.** Изданіе **П. П. Сойкина.** Спб. 98. Ц. 1 р.

АЛОИЗЪ РИЛЬ, Г. ЗИММЕЛЬ. Фридрихъ Ницше. I. Художникъ и мыслитель. II. Этико-философскій силузъ. Переводъ съ нѣм. Н. Южина. Одеса. 98. Ц. 60 к.

Устои семьи. Гигіеническія и психологическія условія брака. Составилъ Л. А. ЗОЛАТАРЕВЪ. 2-е изданіе. М. 98. Ц. 30 к.

Личная и общественная борьба съ развратомъ. Сочиненіе Л. А. ЗОЛОТАРЕВА. Изданіе автора. М. 97. Ц. 30 к.

Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. П. ГИРША. Переводъ съ нѣм. Изданіе Ф. Павленкова, СПБ. 98. Ц. 30 к.

ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ. Права женщинъ. Переводъ съ англ. Л. Гольдмерштейвъ. СПБ. 98. Ц. 15 к.

ЭЛИ СОРЕНЪ. Исторія Италіи отъ 1815 г. до смерти виктора Эммануила. Переводъ съ франц. М. Чепинской. Приложение: Очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней. Составилъ В. В. Водовозовъ. Изданіе О. Н. Поповой, Спб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

АРН, ТОЙНБИ. Промышленный переворотъ въ Англии въ 18-мъ столѣтій. Переводъ съ англ., съ предисловіемъ проф. А. И. Чупрова. М., 98. Ц. 50 к.

Иерихонъ, Иорданъ и Мертвое море. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Составилъ проф. Н. Ю. ЗОГРАФЪ. Изданіе Московской комиссіи народныхъ чтеній. М. 98. Ц. 7 к.

Генисаретское озеро и путь къ нему. (Географическій очеркъ). Чтеніе для народа. Составилъ проф. Н. Ю. ЗОГРАФЪ. Изданіе Московской комиссіи народныхъ чтеній. М. 98. Ц. 7 к.

С. ВОРИСГОФЕРЪ. Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. Переводъ съ нѣм. В. И. Писаревой. Съ 73 рисунками въ текстъ. 3-е изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 98. Ц. 1 р.

Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. Л. С. СПБ. 98. Ц. 25 к.

КНИЖНЫЙ ЛИСТОКЪ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ, постановлено:

Книгу: «Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Профессора Генриха Друммонда. Сокращенный переводъ Л. Никифорова. Петроградъ. 1896. 134. Цѣна 60 коп.»—допустить въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книжку: «Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи Д. Бокана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. 78. Цѣна 25 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Джонъ Локкъ. Опытъ о человеческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина. М. 1898. Изданіе Кушнарера. XVI+736. Цѣна 3 р.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

— Книгу: Карлъ Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. А. Холодковскій, профессоръ императорской военно-медицинской академіи. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1897. II+184. Ц. 1 р. 50 к.»—допустить въ ученическія, старшаго возраста, библиотеки реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Въ лѣсу и въ полѣ. Очерки изъ жизни животныхъ и растений Навла Вольногорскаго. Съ 137 рисунками въ текстѣ и отдѣльной раскрашенной таблицей. С.-Пб. Изданіе А. Ф. Девриена. 1897. 399. Цѣна 2 р. 75 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Брошюру: «В. Федченко и А. Флеровъ. Водныя растения средней Россіи. Иллюстрированный опредѣлитель водныхъ растений, дико растущихъ въ средней Россіи. Изданіе авторовъ. Съ 32 фотоцинографіями. М. 1897. 63. Цѣна 40 коп.»—одобрить для приобрѣтенія въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ ученическія, средняго и старшаго возраста, библиотеки реальныхъ училищъ, въ качествѣ пособія при экскурсіяхъ, а также и для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки означенныхъ училищъ.

— Брошюру: «А. Ф. Флеровъ и В. А. Федченко. Краткое руководство къ собираию растений и составленію научнаго гербарія. Изданіе авторовъ. М. 1896. 23. Ц. 10 коп.»—одобрить для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библиотекъ реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Элементарный курсъ нѣмецкаго языка. (Erstes deutsches Lesebuch). Составилъ Л. К. Янобсонъ. С.-Пб. 1898. 152. Цѣна 70 коп.»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для младшихъ классовъ мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Книгу: «Ю. Елецъ. Императоръ Менеликъ и война его съ Италией. По документамъ и походнымъ дневникамъ Н. С. Леонтьева. С.-Пб 1898. III+302. Цѣна 2 р.»—одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книжку: «М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостнаго права въ Россіи («Общепользная бібліотека». Изданіе М. В. Ключина). М. 1897. 368. Съ тремя портретами. Цѣна 1 р. 25 коп.»—допустить въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Брошюру: «Д. П. Янковскій. Личность Императора Николая I и его эпоха. Юбилейная рѣчь по случаю столѣтія со дня рожденія 25-го іюня 1796 года. Варшава. 1897. 69. Цѣна 50 коп.»—допустить тѣ ученическія, старшаго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ бібліотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

— Книгу: «Рѣчь Цицерона о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Объяснилъ Августъ Гофманъ, директоръ С.-Петербургской седьмой гимназіи. Пятое просмотрѣнное изданіе. Часть I: Текстъ. IV+21. Часть II: Комментарій. 78. С.-Пб. 1898. Изданіе К. Л. Риккера. Цѣна за обѣ части 70 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ гимназій.

— Книгу: «Нѣмецкая грамматика для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ. I часть: Этимологія. Составилъ М. Ф. Реха, магистръ сравнительнаго языковѣдѣнія, преподаватель С.-Петербургской 7-ой мужской гимназіи. Юрьевъ. 1898. VI+61. Цѣна 50 коп.»—рекомендовать въ качествѣ учебнаго руководства для низшихъ и среднихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ такъ и женскихъ.

— Сочиненіе: «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 года. Историческая монографія В. Н. Витевского. Казань. 1897. Томъ I. Стр. XLVII+(1—292)+VII.—Томъ II. Стр. IV+(293—616)+XII.—Томъ III. Стр. IV+(617—974). Томъ IV. Стр. 201. Съ рисунками и планами. Цѣна за всѣ 4 тома 9 р.»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для бесплатныхъ читаленъ.

— Книжку: «Льяръ Лум. Англійскіе реформаторы логики въ XIX вѣкѣ. Переносъ съ 3-го французскаго изданія Н. Давыдова. С.-Пб. 1897. 201. Цѣна 75 коп.»—одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «А. Быкова. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Съ семью рисунками въ текстѣ и съ географической картой Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Изданіе книжнаго склада А. М. Муриновой. М. 1896. V+201. Цѣна не обозначена.»—Одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: «В. И. Маночковъ. Очерки жизни на крайнемъ сѣверѣ. Мурманъ. Съ приложеніемъ карты и таблицъ. Изданіе книжнаго магазина

М. Г. Пашковской. Архангельскъ. 1897. 191. Цѣна 1 р. 25 коп. — одобрить для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

— Книгу: «Французская грамматика для русскихъ. Основы этимологій и синтаксиса. Составилъ преподаватель VI и IX С.-Петербургскихъ гимназій И. Г. Мижувъ. С.-Пб. VIII+144. Цѣна 60 коп.» — допустить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Изданіе: «Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора И. Г. Виноградова. Удостоена большой преміи имени Императора Петра Великаго. Выпускъ второй. М. 1897. IV+967. Цѣна 3 р. 30 коп.» — рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, а также одобрить для учительскихъ библиотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книги: 1) «Иванъ Андреевичъ Крыловъ, историческое, общественное и литературное его значеніе и языкъ басенъ. Н. М. Терновскаго. Воронежъ. 1896. II+279. Цѣна 85 коп.» — 2) «Н. М. Терновскій. Историко-литературныя очерки. Житомиръ. 1898. IV+225. Цѣна 60 коп.» — допустить въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

— Книгу: «Дм. Голицынъ (Муравлинъ). «У снѣга моря». Путевыя очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автотипіями, исполненными по фотографическимъ снимкамъ его свѣтлости князя Мирко Черногорскаго, В. А. Хрцоновича, А. П. Матвѣвскаго и др. С.-Пб. 1898-168 in 4°. Цѣна 6 руб. (Для библиотекъ учебныхъ заведеній, при выпискѣ книги непосредственно изъ конторы государственной типографіи въ С.-Петербургѣ, цѣна 5 руб. съ пересылкою)» — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и одобрить для ученическихъ, старшаго возраста, библиотекъ тѣхъ же учебныхъ заведеній, а также для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. управляющимъ министерствомъ постановлено:

— Книжку: «Краткія свѣдѣнія изъ минералогіи для воспитанниковъ учительскихъ семинарій и учениковъ городскихъ училищъ. Сост. В. Сумскій. М. 1898. 71. Цѣна 30 коп.» — допустить къ классному употребленію

въ учительскихъ семинаріяхъ и городскихъ училищахъ, а равно въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: «Историческія свѣдѣнія о богослужебномъ пѣніи въ ветхозавѣтной, новозавѣтной-вселенской и въ частности русской церк-вахъ. Составилъ учитель пѣнія священникъ М. Ѳ. Коцевскій. Нижній-Новгородъ. 1897. 55. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, также въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки, составленныя А. В. Ируловымъ и изданныя В. С. Спиридоновымъ: 1) «Господа крестьяне. Деревенскіе силуэты. (1890—1896). М. 1897. 409. Цѣна 1 р. 50 к.»—2) «Деревенскія модницы. Разсказъ. М. 1897. 35. Цѣна 15 к.»—допустить первую въ учительскія низшихъ и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а вторую въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Листки и брошюры, изданныя Ставропольскимъ Андреевско-Владимірскимъ братствомъ, подъ общимъ заглавіемъ: «Ставропольскій Листокъ»—№№ 3—5, 7—11, 15, 17—24, 27, 29—32, 34—39 и 46—допустить въ ученическія библіотеки и читальни, а №№ 12, 16, 25—26, 28, 33, 40 и 42—48 въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Изданія Троице-Сергіевской лавры: «Троицкіе листки», «Троицкая народная бесѣда», «Цвѣтки» и «Троицкая библіотека»—включить въ «Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ и для публичныхъ народныхъ чтеній» и въ «Каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ чтеній».

— Книжки и брошюры, изданныя Императорскимъ православнымъ палестинскимъ обществомъ: 1) «Къ животворящему Гробу Господню». Разсказъ В. Н. Хитрово. 9-е изданіе, съ 75 рисунками. С.-Пб. 1896. 115. Цѣна 50 коп.»—2) «То же. Изд. 10-е, съ 76-ю рисунками и 2-мя хромолитографіями. С.-Пб. 1896. 115. Цѣна 60 коп.»—3) «Чтенія о Святой Землѣ. Выпускъ 45-й: Историческія судьбы Святаго Града Іерусалима. М. В. Виноградова. С.-Пб. 1897. 100. Цѣна 15 к.»—4) «То же. Выпускъ 46-й Храмъ Воскресенія въ Іерусалимѣ. М. М. Осипова. С.-Пб. 1897. 32. Цѣна 15 коп.»—5) «То же. Выпускъ 47-й: Внелеемъ и его окрестности. Протоіерея Н. Н. Трипольскаго. С.-Пб. 1897. 22. Цѣна 15 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжки, составленныя Николаемъ Елиновымъ: 1) «Сельская общественная служба, бесѣды старосты-крестьянина. Изд. 4-е, испр. и дополн. К. И. Тихомирова). М. 1897. 235. Цѣна 50 коп.»—2) «На нивѣ народной Крестьянскій годъ. М. 1859. 72. Цѣна не обозначена»—допустить въ ученическія и учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни, а вторую изъ нихъ также и для публичныхъ народныхъ чтеній.

— Изданіе книгопродавца М. О. Вольфа: «Откуда пошла Русская земля и какъ стала быть. Русская исторія, начатая А. Разинымъ, продолжаемая В. Лепинымъ. I. Славяне и варяги. II. Цареградская гроза. III. Денъ № 5—6. Отд. II.

вида спасенія. IV. Добрыня Малковичъ. V. Святополкъ окаанный. VI. Королева Ингигерда. VII. Изъяславъ Скиталець. VIII. Бровавы слезы. IX. Мономахова кручина. X. Кучково на Москвѣ. XI. Улита Бучкова. XII. Полеъ Игоревъ. XIII. Изгой. XIV—XV. Послѣдняя богатирская дружина. Ало и Вампо. XVI. Татарскій погромъ. XVII. Смирненіе побѣдоносца. XVIII. Два короля. XIX—XX. Московская лисица. Три вѣры. XXI. Мамаево побоище. XXII. Краденый поясъ. XXIII. Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? XXIV. Византійская царевна. XXV. Дядя и племянница. XXVI. Несчастное дитя. XXVII. Помремъ или отсидимся. XXVIII. Осада Пскова. XXIX. Покореніе царства Сибирскаго. XXX. Во славу Божию. XXXI. Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! XXXII. Воронскія дѣла. XXXIII. Голутвенные и земскіе люди. XXXIV. Казацкій батько. XXXV. Патриархъ—великій государь. XXXVI. Ревнитель отеческихъ преданій. XXXVII. Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель. XXXVIII. Орленокъ расправляетъ крылья. XXXIX. Въ гостяхъ и дома. XL. Первый урокъ. XLI. Окно въ Европу. XLII. Въ Парадизѣ. XLIII. Преславная Викторія. XLIV. Отецъ отечества. XLV. Ихъ мало побѣдитъ. XLVI. На явную смерть. С.-Пб.—Москва. Цѣна каждой книжкѣ 15 коп., всѣмъ вмѣстѣ—6 р.—допустить для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, выпускъ же IX, XVI, XVII, XVI и XLXI и для ученическихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книжки, изданныя книгопродавцемъ М. В. Жювиннымъ: 1) «п. В. Засидимскій. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Воспоминанія и рассказы. (Содержаніе: Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Изъ далекаго прошлаго. Гришина милостыня. Разбита чашка). Съ рисунками въ текстѣ. М. 1894. 109. Цѣна 60 коп.»—2) «М. Васильевъ. Изъ дѣтства. Воспоминанія и рассказы для дѣтей. Съ рисунками. М. 1897. 64. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ, въ таковыя же, младшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Книжку: «Н. Я. Некрасовъ. Послѣ азбуки вторая книга для класснаго чтенія. 2-ой годъ обученія. С.-Пб. 1898. 110. Цѣна 25 к.»—допустить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— Книгу: «Катехизическія бесѣды на Символъ вѣры. Діакона Александра Георгіевскаго. С.-Пб. 1898. 272+IV. Цѣна 75 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

— Брошюру: «К. Шиндлеръ. Изъ практики для практики. Земледѣльческія орудія и машины. I. Плугъ. М. 1897. 77. Цѣна 15 к.»—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и допустить въ бесплатныя народныя библіотеки и читальни.

Хроника.

Грустная повѣсть.

Въ деревенской глуши въ Орловской губерніи отъ невозможной обстановки въ сельской школѣ заболѣла и умерла учительница М. Я. Соколова. Въ редакцію «Орловск. Вѣстн.» доставлена записная книжка покойной съ ея дневникомъ. Газета приводит выдержки изъ дневника, писаннаго гдѣ перомъ, гдѣ карандашомъ. Книжка помѣчена 1897 годомъ. Краткія, отрывочныя строки живо рисуютъ крайне тяжелыя условія жизни труженицы.

7 января: «Пріѣхала къ Соловьеву и ночевала у хозяевъ по невозможности быть въ зданіи школы». 8 января: «Занятія не было, потому что учениковъ явилось мало и воздухъ въ школѣ былъ неисправленъ». 9 января: «Ученики явились, но не всѣ. Занятіе было благополучно». 14 янв.: «Утромъ—скука или, лучше сказать, тоска невыносимая. Занятіе немного разсѣяло, но не успокоило меня окончательно, а только чуть-чуть. Но удивительно, что мнѣ хотѣлось плакать весь день, только я не желала, чтобы видѣли мои слезы, и сдерживалась... Почему? Узнайте!..» 16 янв.: «Занятіе прошло благополучно, хотя мнѣ и пришлось подрать горло порядкомъ... Но что же дѣлать?—Такова настоящая судьба моя. А горлу-то больно!» 17 янв.: «Голова была въ беспорядкѣ, а слѣдовательно и все въ школѣ тоже»... 23 янв.: «Занятіе прошло благополучно, только утомило меня достаточно». 24 янв.: «Особеннаго ничего; болѣла голова весь день». 26 янв.: «Ходила въ храмъ Божій, замерзла. Не весело; часа три пролежавъ не заснула». 27 янв.: «Занятіе продолжалось до 3 часовъ. Послѣ обѣда писала до вечерняго чая, приблизительно часа три, такъ что рука сильно заболѣла; къ тому же и замерзла. Словомъ пріятнаго мало—ничего». 30 янв.: «Вечеромъ угорѣли вдребезги». 31 янв.: «Угаръ продолжался всю ночь и далѣе—измучилъ окончательно, такъ что въ пятницу и не поднималась и не занималась. Благодарю Бога, что жива осталась—такъ и думала, что конецъ наступилъ, грустная исторія!» 1 февраля: «Занималась, но занятіе утомило меня, такъ какъ я еще не совсѣмъ оправилась отъ противнаго угара». 2 февр.: «Можно сказать, всю ночь не спала.

День же прошел очень, очень плохо, такъ что и распространяться о немъ не хочу,—лучше умолчу». 3 февр.: «Учениковъ было очень мало по случаю непогоды, къ достаточному моему неудовольствію». 5 февр.: «Утромъ чуть не замерзла.. Хорошаго мало». 6 февр.: Ночью угорѣли пуше прежняго—такъ и думала, что умру». 7 февр.: «Занятія не было, а почему—ясно выше». 8 февр.: «Нехорошо, неприятно»... Нѣсколько мѣсяцевъ дневникъ не велся, изрѣдка попадаются замѣтки чисто личнаго характера. Затѣмъ 12 ноября краткая, но краснорѣчивая помѣтка: «Угорѣла». 13 ноября: «Болѣла голова, а въ концѣ классовъ невыносимо, такъ что я вышла изъ класса при законоучителѣ, и онъ скоро отпустилъ учениковъ. Я побѣдала и легла, но не спала, а какъ немного отдохнула и встала, принялась читать». 16 ноября: «Вздила въ больницу». 19 ноября: «Угорѣла... Ужасная боль головы». 23 ноября: «Вздила въ больницу, неудачно». 25 ноября: «Спала мало. Занятіе прошло хорошо. Думы о прошломъ и предстоящемъ». 9 декабря: «Прибылъ фонарь. Священникъ и я налаживали, закоптелись. Угарь». 10 декабря: угорѣла ужасно, всю ночь вралась и не спала». 11 декабря: «Не поднялась и не занималась».

Какая тяжелая и грустная картина раскрывается въ этихъ отрывистыхъ, краткихъ строкахъ. Такъ и встаетъ передъ вами вся печальная жизнь одинокой заброшенной въ глушь учительницы, почивающей отъ невозможныхъ условій нашей школьной обстановки.

Началась эта молодая жизнь среди восторженныхъ мечтаній о пользѣ, которую можно принести народу въ борьбѣ съ его тьмой. Идеалистку-учительницу не страшила глушь, въ которую ей предстояло себя запереть, это обстоятельство еще увеличивало для нея значеніе взятаго на себя дѣла:—въ глуши еще нужнѣе люди—тамъ тьма гуще, а бороться съ ней некому. Но вотъ эти благородныя мечтанія о высокой просвѣтительной дѣятельности разбиваются при первой встрѣчѣ съ ужасной дѣйствительностью, въ видѣ холодной избы, въ которой или руки мерзнуть, или голова угораеть. Тяжелая работа, непривычная обстановка, разбитыя мечты и отсутствіе хоть какой-либо поддержки, хоть простого ободрительнаго слова—понежному расшатываютъ и безъ того слабый организмъ—и въ заключеніе печальной повѣсти одинокая смерть.—Ужасно!

Но не всѣ, скажетъ читатель, кончаютъ такъ грустно. Конечно, но прискорбно и стыдно, что могутъ быть такіе случаи, какъ только что описанный.

Необходимая реформа нашей средней школы.

Какъ сообщаетъ *Воляръ*, нижегородскій губернскій предводитель дворянства А. Б. Нейдгартъ имѣлъ счастье 9-го марта лично повернуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора нижеслѣдующее вѣрноподданнѣйшее ходатайство нижегородскаго дворянства:

«Нижегородское дворянство, придя къ убѣжденію, что воспитаніе юношества въ средней школѣ страдаетъ недостатками, рѣшилось въ чрезвычайномъ собраніи своемъ опереться на Всемиловѣйше дарованную дворянству драгоценную Монаршую милость—непосредственного обращенія къ подножію Престола со своими нуждами и взяло на себя смѣлость поручить губернскому предводителю повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйшее ходатайство свое объ измѣненіи современнаго состоянія средней школы. Смѣлость свою нижегородское дворянство черпаетъ не только въ томъ, что вопросъ этотъ является самымъ насущнымъ для каждаго русскаго и для каждаго отца, но и главнымъ образомъ въ томъ, что нижегородскіе дворяне болѣе полувѣка лелѣютъ свое родное собственное среднее учебное заведеніе и внимательнымъ наблюденіемъ за его жизнью всесторонне изучили русскую классическую школу. Близки ихъ сердцу печали и радости дворянскаго ихъ института, имѣющаго счастье носить имя въ Бозѣ почившаго Дѣда Вашего и милостиво облагодѣтельствованнаго Вашимъ Императорскимъ Величествомъ 16-го мая 1897 года. Программа нашей средней школы, этого краеугольнаго камня истиннаго образованія, — не соотвѣтствуетъ по своей обширности среднему умственному развитію и возрасту учащихся и требуетъ отъ нихъ столько напряженія, что большинство ихъ оказывается не въ силахъ окончить полнаго ея курса и образуетъ собою классъ недоучекъ, мало полезныхъ себѣ, своимъ семьямъ, отечеству. Изъ меньшинства же нѣкоторые достигаютъ выпуска лишь цѣною разстроенаго здоровья. Усиленное преподаваніе древнихъ языковъ, поглощая массу учебнаго времени, отражается неблагоприятно на усвоеніи необходимыхъ каждому новѣйшихъ языковъ, а отсутствіе основныхъ познаній по законовѣдѣнію, естественнымъ наукамъ и гигиенѣ является пробѣломъ въ образованіи юноши. Изученіе въ средней школѣ роднаго языка весьма ограничено, и дѣти не выносятъ изъ нея ни истиннаго знанія, ни любви къ родной словесности. Въ ряду недостатковъ ученія въ нашей средней школѣ видное мѣсто занимаетъ какъ скудность оплаты труда учителя, заставляющая людей талантливыхъ избѣгать педагогической дѣятельности, такъ равно и отсутствіе теоретическаго знакомства учителя съ педагогикой и методикой; вмѣстѣ съ тѣмъ излишне подробная регламентация учебнаго дѣла въ нашей средней школѣ лишаетъ учителя самостоятельности и ослабляетъ въ немъ интересъ къ преподаванію. Но если наша средняя школа расходится съ жизнью по отношенію къ умственному воспитанію ввѣренныхъ имъ дѣтей, то еще болѣе оставляетъ она желать по отношенію къ воспитанію физическому: юноши покидаютъ ее малокровными, переутомленными и неспособными къ энергической работѣ. Одною изъ главныхъ систематическихъ причинъ, подрывающихъ здоровье учащихся, являются переводныя испытанія, требующія отъ нихъ порывистаго непосильнаго труда и чрезмѣрнаго напряженія нервной системы. Вообще на физическое воспитаніе наша средняя школа смотритъ какъ на дѣло ей постороннее, и школьный врачъ,

нравственно отвѣтственный за физическое развитіе учащихся, не имѣетъ даже права рѣшающаго голоса въ педагогическомъ совѣтѣ. Но стремленіе русскаго общества къ образованію растетъ съ такой быстротой, что наша средняя школа, несмотря на высказанныя слабобы ея стороны, не въ состояніи вмѣстить всѣхъ жаждущихъ просвѣщенія. Дальнѣйшее образованіе окончившихъ курсъ средней школы далеко не обезпечено. высшихъ специальныхъ заведеній мало, а двери университета закрыты для реалистовъ, несмотря на надлежащую ихъ подготовку къ поступленію на нѣкоторые его факультеты. Повергая на благоусмотрѣніе Священной Особы Вашего Императорскаго Величества соображенія свои о средней школѣ, нижегородское дворянство глубоко вѣритъ, что преуспѣяніе дорогого отечества стоитъ въ тѣсной зависимости отъ извѣстной постановки воспитанія юношества, а потому горяча оно ждетъ того счастливаго для Россіи дня, который выведетъ среднюю школу на иной путь, указанный державною волею Возлюбленнаго Монарха. Вдвойнѣ счастливъ для вѣрноподданнаго Вашего нижегородскаго дворянства будетъ день, когда дорогой его институтъ примкнетъ къ этому общему обновленному теченію отечественнаго просвѣщенія».

Только что приведенное ходатайство нижегородскаго дворянства заслуживаетъ особеннаго вниманія. Прямо и открыто заявляетъ оно о давно наболѣвшемъ вопросѣ русской общественной жизни. Трудно въ краткихъ словахъ достаточно подчеркнуть всю важность и значеніе правильной организаціи нашей средней школы. Въ ней кладется основаніе образованія будущихъ дѣятелей общества и государства, въ ней воспитываются характеръ и направленіе молодежи, которая затѣмъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ только пополняетъ свои познанія, ихъ специализируетъ, готовясь къ той или иной профессіи. Фундаментъ же нашего образованія, повторяемъ, закладывается въ средней школѣ. А ея современное состояніе представляетъ мало отраднато даже при поверхностномъ взглядѣ. Начать съ того, что она не даетъ никакого образованія: цѣль, которую она себѣ, повидимому, ставитъ, заключается вовсе не въ томъ, чтобы сообщить подрастающему поколѣнію основныя знанія, необходимыя въ жизни, не въ томъ, чтобы вооружить своихъ питомцевъ умѣньемъ работать и изучать серьезно ту или иную науку, воспитать въ нихъ любовь къ труду, сознаніе его важности, нѣтъ, оно какъ будто старается лишь о томъ, чтобы пройти возможно больше предметовъ, въ возможно большомъ объемѣ; при этомъ она не задается заботой о томъ, чтобы сообщаемыя ею знанія были дѣйствительно существенны для образованія учащихся, чтобы они были ими твердо и прочно усвоены и приложены къ жизненнымъ цѣлямъ. Весь строй нашей средней школы какой то мертвенный, формальный, казенный. Дѣти учатся разнымъ предметамъ не потому, что они полезны, а потому что они указаны программами. И что самое главное, вся система изученія какаятоненормальная. Прохожденіе курса напоминаетъ какъ бы скачку къ старту—нужно взять призъ во что бы то ни стало, окажется это полезно или вредно для лошади, объ этомъ наѣздникъ не заботится; такъ и въ нашей школѣ: весь центръ.

тяжести не въ сознательномъ усвоеніи необходимыхъ знаній, а въ натаскиваніи для экзаменовъ. Трудно себѣ представить, какую массу зла создаетъ такая система, соединенная съ ея непремѣнными атрибутами—отмѣтками и экзаменами, какъ дурно она отражается на нравственномъ состояніи учащихся, какъ бесполезна и вредна она для ихъ умственнаго развитія. Благодаря такому способу изученія, школа возбуждаетъ въ своихъ питомцахъ не любовь къ труду и дѣйствительный интересъ къ знанію, а отвращеніе къ тому и другому. Окончаніе гимназій привѣтствуется каждымъ юношей какъ своего рода освобожденіе отъ ига татарскаго, и онъ поступаетъ въ университетъ не съ цѣлью посвятить себя изученію той или другой облюбованной имъ группы предметовъ, а наоборотъ съ цѣлью отдохнуть и погулять. Массовое преподаваніе нашей средней школы совсѣмъ не примѣняется къ индивидуальнымъ способностямъ и наклонностямъ учащихся, и въ нихъ не только не развивается, но прямо забывается всякая самостоятельность. Царящая въ школахъ «словесность» и «грамматичность» въ преподаваніи душитъ всѣ живыя проявленія учащихся, и все ихъ время уходитъ на преодоленіе всякой такой премудрости, которая моментально, по минованіи въ ней надобности, т. е. по сдачѣ экзамена, улетучивается безъ слѣда, оставляя въ видѣ воспоминаній по себѣ только какіе то обрывки всевозможныхъ ничѣмъ между собой не связанныхъ свѣдѣній. И что самое ужасное, такой *результатъ* покупается цѣной переутомленія, забвенія цѣлой стороны, а именно физической, въ существованіи ученика. Посмотрите, какое дряблое, безвольное, лишенное энергіи, инициативы и высокихъ побужденій юношество выпускаетъ теперь наша средняя школа; стоитъ хоть сколько нибудь призадуматься на эту тему, и волей-неволей приходишь къ самымъ неутѣшительнымъ заключеніямъ. Право, тысячу разъ право нижегородское дворянство, въ своемъ заявленіи, что наша средняя школа нуждается въ новомъ пути. Когда то станетъ этотъ счастливый день?

Дарованіе правъ женщинамъ-врачамъ.

1-го мая опубликованъ законъ о дарованіи правъ государственной службы женщинамъ-врачамъ.

Закономъ этимъ относительно женщинъ-врачей, окончившихъ образованіе на упраздненныхъ курсахъ при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, а также выдержавшихъ испытаніе при російскихъ университетахъ и военно-медицинской академіи, въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановлено: 1) Женщины-врачи, занимающія медицинскія должности, пользуются всѣми, за исключеніемъ производства въ чины, разряда по шитью на мундирѣ и награжденія орденами правами государственной службы, предоставляемыми этими должностями, по своду уставовъ о службѣ гражданской, врачамъ-мужчинамъ. 2) Прогонныя и подъемныя деньги, производимыя

соответственно чину, въ коемъ состоитъ должностное лицо, назначаются женщинамъ-врачамъ по чину, соответствующему классу занимаемой ими должности. 3) Пенсіи, приобретенныя женщинами-врачами лично ихъ службою, не прекращаются выходомъ въ замужество. 4) Дѣти женщинъ-врачей пользуются правомъ на пенсіи и единовременныя пособія, при условіи круглаго сиротства, или если имъ за службу отца такихъ выдать не слѣдуетъ. 5) Осиротѣвшимъ дѣтямъ женщины-врача, отецъ и мать коихъ оба выслужили право на пенсію, присвоиваются, опредѣленныя по закону, части большей изъ сихъ двухъ пенсій. Права на медицинскую дѣятельность, предоставленныя примѣчаніемъ 5 къ статьѣ 93 устава врачебнаго (по прод. 1895 г.), женщинамъ, окончившимъ курсъ женскаго медицинскаго института, распространить, въ полномъ объемѣ, на всѣхъ лицъ женскаго пола, имѣющихъ званіе женщины-врача. Время службы женщинъ-врачей, проведенное до изданія настоящаго узаконенія въ медицинскихъ должностяхъ, которымъ присвоены пенсіонныя права, зачестъ имъ въ срокъ выслуги на пенсіи и единовременныя пособія, при условіяхъ взноса въ казну установленныхъ съ производившагося имъ содержанія вычетовъ.

Съ особеннымъ удовольствіемъ заносимъ этотъ фактъ въ нашу хронику. Онъ имѣетъ двойное значеніе — во 1-хъ какъ актъ справедливости, который давно ожидался по отношенію къ цѣлой группѣ врачей, до настоящаго времени не пользовавшихся принадлежащими ихъ званію правами только потому, что онѣ женщины и во 2-хъ, какъ официальное признаніе равноправности женской врачебной дѣятельности. Последнее имѣетъ особенно важное значеніе именно теперь, когда еще такъ недавно поднимались голоса о бесполезности и ненужности женщинъ-врачей. Дѣйствительность, конечно, давно показала всю недобросовѣстность раздающихся отъ времени до времени lamentaцій на тему о гибели семьи отъ того, что женщины станутъ заниматься медициной, равно какъ и доказательства того, что женщины яко бы не способны осилить науку; но какъ часто бываетъ, свидѣтельство жизни не для всѣхъ понятно и очевидно—для такихъ господъ буква закона краснорѣчивѣе голоса жизни. Ну, и слава Богу, что занятіе женщины медициной стало теперь вполнѣ патентованнымъ. Мы особенно подчеркиваемъ это обстоятельство, такъ какъ думаемъ, что самыя матеріальныя права, которыя принесъ съ собой новый законъ, повторяемъ давно уже необходимыя и умѣстныя, не имѣютъ столь большого значенія для самихъ женщинъ-врачей: не «права государств. службы» прельщали тѣхъ дѣвушекъ и женщинъ, которыя шли на поле сраженія, жертвуя своею жизнью, не «прогонныя и подъемныя деньги» соблазнили тѣхъ женщинъ-врачей, которыя отправлялись на земскую службу, въ глухія мѣста, обрекая себя на одиночество и необходимость проводить пол-жизни въ переѣздахъ во всякую погоду съ одного пункта на другой. Ихъ влекла на тяжелую работу, посвященную исцѣленію страждущихъ, *идея служенія ближнему*. И въ этомъ ихъ великая заслуга, въ этомъ ихъ право на признательность общества.

«Неудобныя» чтенія для народа.

Въ № 92 «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 3 сего апрѣля сообщается о допущеніи по ходатайству правленія «Общества Русскихъ Врачей въ память Н. И. Пирогова для народныхъ чтеній трехъ популярныхъ брошюръ по медицинѣ и гигиенѣ (о дифтеритѣ, о глазныхъ болѣзняхъ и о здоровьи вообще). Общество ходатайствовало еще о 2 брошюрахъ («Совѣты беременнымъ» г. Караваева и «О дурной болѣзни» г. Сперанскаго), но онѣ признаны неудобными для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ и разрѣшены лишь для учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ, такъ какъ являются весьма полезными и необходимыми для народа по сообщаемымъ въ нихъ свѣдѣніямъ.

Повидимому, причина недопущенія этихъ нужныхъ народу брошюръ для публичныхъ чтеній заключается въ неудобствѣ развитія вышеуказанныхъ темъ передъ смѣшанной аудиторіей, состоящей изъ лицъ обоего пола.

Причина, дѣйствительно, весьма уважительная: несомнѣнно, является неприличнымъ и противнымъ общественной нравственности сообщеніе мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ о различныхъ періодахъ беременности, объ актѣ рожденія и его послѣдствіяхъ для женщины, а также о причинахъ развитія «дурной болѣзни, объ ея обнаруженіи во внѣ и т. д. Недопустимое въ принципѣ публичное чтеніе вышеупомянутыхъ сочиненій, разумѣется, не дало-бы удовлетворительныхъ результатовъ и на практикѣ, если бы оно было разрѣшено. Ясно, что многія лица, непосредственно заинтересованныя предметомъ чтеній, не придутъ слушать ихъ изъ чувства стыдливости, изъ опасенія насмѣшекъ (извѣстно насмѣшливое отношеніе простолюдиновъ къ болѣзнямъ, о которыхъ говорятъ брошюры)—и такимъ образомъ, главная цѣль этихъ чтеній—дать простой и полезный совѣтъ поистинѣ нуждающемуся, а не слушающему ради празднаго любопытства—не будетъ достигнута.

Но всѣ эти неудобства и препятствія тотчасъ же будутъ сведены къ нулю, если мы устроимъ первое чтеніе исключительно для женщинъ съ женщиной-лекторомъ, а второе чтеніе назначимъ отдѣльно для мужчинъ и отдѣльно для женщинъ съ соотвѣтствующимъ лекторомъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о допущеніи этихъ двухъ чтеній въ народныя аудиторіи разрѣшается, по легко и просто.

Поэтому, если это не было принято во вниманіе при обсужденіи вышеуказанныхъ пяти брошюръ съ точки зрѣнія пригодности ихъ для публичныхъ народныхъ чтеній и если дѣйствительной причиной недопущенія этихъ двухъ книжекъ была только что указанная (что болѣе чѣмъ вѣроятно), то нельзя ничего другого желать, какъ скорѣйшаго пересмотра рѣшенія и выраженія его въ указанномъ смыслѣ, оставлять же книжки только на полкахъ учительскихъ библиотекъ народныхъ училищъ—значитъ не доводить дѣло до конца.

Всѣ знаютъ, напримѣръ, какъ часты среди простыхъ женщинъ

случаи послѣродовыхъ болѣзней, происходящихъ вслѣдствіе невѣжества родильницъ и повитухъ. «Совѣты беременнымъ» г. Караваева, несомнѣнно, будутъ очень полезны и, навѣрно, многихъ избавятъ отъ заболѣваній въ послѣродовомъ періодѣ. Но при утвержденномъ порядкѣ лишь умѣющія читать женщины будутъ въ состояніи пользоваться вышеупомянутой брошюрой; слѣдовательно, для большинства «Совѣты» останутся недоступными (известно, что неграмотность особенно распространена между простыми женщинами). То же самое слѣдуетъ сказать и о другой брошюрѣ.

Поэтому, истинная польза можетъ быть принесена книжками гг. Караваева и Сперанскаго только при допущеніи ихъ для публичнаго чтенія.

Два сенатскихъ разъясненія по народному образованію.

Мы неоднократно указывали на одно явленіе, весьма неблагопріятно отражавшееся на движеніи народнаго образованія—это именно на распространившееся въ послѣдніе годы воззрѣніе, теперь официально признанное неправильнымъ, будто открытіе земствомъ начальныхъ школъ въ селеніяхъ, гдѣ уже имѣются церковно-приходскія школы, находится въ зависимости отъ согласія духовнаго вѣдомства. Нынѣ, какъ читаемъ въ «Вятскихъ Губернск. Вѣдом.», «Указомъ Правительствующаго Сената, по жалобѣ Новоторжской уѣздной земской управы на распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія по предмету открытія начальныхъ народныхъ училищъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ уже существуютъ церковно-приходскія школы не иначе, какъ съ согласія духовнаго вѣдомства (циркуляръ попечителямъ учебныхъ округовъ 14 августа 1884 года № 11299), разъяснено, по словамъ «Губ. Вѣд.», что означенное распоряженіе, не вводя никакого новаго закона и не отмѣняя ни въ чемъ существующихъ правилъ положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 года объ открытіи сего рода училищъ, имѣетъ значеніе лишь указанія подвѣдомственнымъ министерству народнаго просвѣщенія чинамъ, отъ коихъ открытіе названныхъ школъ зависитъ, примѣнительно къ практикѣ, установленной въ семь отношеніи вѣдомствомъ православнаго исповѣданія, входитъ при разрѣшеніи открытія новыхъ свѣтскихъ начальныхъ школъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ уже школы церковно-приходскія, въ сношеніяхъ съ епархіальнымъ начальствомъ, на предметъ выясненія,—не имѣется ли какихъ-либо серьезныхъ и дѣйствительно заслуживающихъ вниманія препятствій къ открытію новыхъ свѣтскихъ школъ, нисколько не обязывая подлежащее учебное начальство принимать сообщенный отзывъ епархіальнаго вѣдомства къ непремѣнному исполненію и ставить открытіе новыхъ свѣтскихъ школъ въ зависимость отъ согласія духовнаго вѣдомства».

Это разъясненіе имѣеть большое значеніе: отнынѣ устранено одно изъ значительныхъ препятствій къ увеличенію школъ, препятствіе, которое могло создаться только на почвѣ ненормальныхъ отношеній двухъ вѣдомствъ, ближайше заинтересованныхъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

Другое сенатское разъясненіе касается права земства взимать плату за ученіе въ содержимыхъ имъ школахъ; вопросъ этотъ возникъ по поводу постановленія Переяславскаго земства, установившаго въ одной изъ школъ плату за ученіе. Сенатъ нынѣ разъяснилъ, что плата за обученіе въ земскихъ школахъ можетъ взиматься только въ томъ случаѣ, если по этому предмету состоится взаимное соглашеніе между земствомъ и сельскимъ обществомъ.

Еще болѣе интереснымъ и поучительнымъ, чѣмъ это разъясненіе являются факты, свидѣтельствующіе о послѣдствіяхъ мѣры, затѣянной Переяславскимъ земствомъ. Прежде всего то, что, по словамъ отчета Переяславской земской управы за 1896 годъ, въ нѣкоторыя школы къ началу занятій не явилось ни одного ученика. Всѣмъ показалось тяжело платить новый крупный налогъ. Въ другія школы явилось очень малое число учениковъ... По сравненію съ предыдущимъ годомъ, земство сразу выбросило 1559 учениковъ, т. е. половину всего числа учениковъ, а платы отъ учившихся получило 1561 р. Стоило-ли изъ-за этого, замѣчаетъ «Хуторянинъ», ломать то, что устроивалось 30 лѣтъ? Посмотримъ, что выиграло Переяславское земство своею экономіей. Въ 1895 г. обученіе всѣхъ 3937 человекъ стоило 14683 руб., т. е. обученіе каждаго ученика обошлось 3 р. 78 к. Въ 1896 г., послѣ введенія платы, всѣ школы и учителя оставались на прежнемъ мѣстѣ и стоили земству 15103 руб., а училось всего 2378 уч., т. е. на обученіе каждаго ученика израсходовано 6 р. 35 к., или на 2 р. 57 к. лишнихъ противъ 1895 г. Значитъ, сравнительно съ 1895 г., земство переплатило на всѣхъ 2378 учениковъ лишнихъ денегъ 6114 р. 16 к., а получило взаменъ этого 1561 р.

Земскіе книгоноши.

Съ распространеніемъ въ народѣ грамотности и ежедневно проявляющимся среди него стремленіемъ къ просвѣщенію съ особенной настоятельностью возникаетъ вопросъ о томъ, какъ удовлетворить всего скорѣе это стремленіе народа, какъ приблизить къ нему хорошую книгу, которая внесла бы свѣтъ въ его жизнь и дала бы ему отвѣтъ на многіе пробуждающіеся запросы. Объ этомъ уже много говорилось, и нельзя сказать, чтобы въ этомъ направленіи не было и кой что сдѣлано: земскіе книжные склады, библіотеки-читальни, какъ они ни немногочисленны, все таки дѣлаютъ свое дѣло. Но дѣло это, помимо разныхъ другихъ случайныхъ условій, не можетъ принять такіе размѣры, какіе необходимы и были бы желательны по сравненію съ нуждой въ книгѣ, потому что они не отвѣчаютъ потребности въ одномъ

отношеніи. Такія организаціи какъ книжные склады и бібліотеки ждуть къ себѣ читателя, а между тѣмъ по условіямъ нашей жизни, нужно, чтобы книга шла къ покупателю. Нужно, другими словами воспользоваться давнишнимъ созданіемъ русской жизни—офенями, но не съ Никольскаго рынка, съ коробами полной всякихъ мигордовъ, а съ хорошей просвѣтительной книгой. Попытка такая сдѣлана недавно саратовскимъ губернскимъ земствомъ.

Первый земскій книгоноша введенъ съ мая прошлаго года въ Аткарскомъ уѣздѣ. Сначала онъ носилъ книги на себѣ, ежедневно, перекочевывая съ пудовою тяжестью изъ села въ село, изъ деревни въ деревню. Затѣмъ его снабдили ручнымъ экипажемъ; дѣло пошло лучше, а теперь книгоноша имѣетъ земскую лошадь и экипажъ. Въ первые пять мѣсяцевъ, пока книгоноша передвигался пѣшкомъ, онъ продалъ книгъ только на 250 руб., а въ послѣдующіе два, разѣзжая на лошади,—на 200 руб., т. е. торговля сразу увеличилась вдвое. Книги продавались самыя разнообразныя, цѣною отъ 1 копейки до 3 руб. (для интеллигентной деревенской публики) за экземпляръ, а также учебники и картины. Губернская управа такъ ободрилась первымъ опытомъ, что теперь рѣшила ввести земскихъ книгоношъ и по другимъ уѣздамъ губерніи, въ нѣкоторыхъ даже по два книгоноши, съ тѣмъ, чтобы они каждый мѣсяць объѣзжали всѣ деревни, хутора и другія населенныя мѣстности, постоянно пополняя книжный запасъ изъ уѣздныхъ отдѣленій земскаго склада, подъ строгимъ контролемъ и отчетностью которыхъ книгоноши находятся.

Это дѣло, если будетъ правильно поставлено, несомнѣнно имѣетъ большую будущность, а потому считаемъ необходимымъ обратить на него вниманіе всѣхъ друзей народнаго образованія.

Извѣщеніе.

Стѣ состоящаго при Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ
Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

Во многихъ мѣстахъ Россіи, вслѣдствіе неурожая 1897 г., обнаружилась крайняя нужда сельскаго населенія въ продовольствіи и въ поддержаніи хазайства; въ особенности пострадали губерніи: Воронежская, Бурская, Орловская, Рязанская, Тульская, Симбирская, Тамбовская, Пензенская, Саратовская, Калужская, Нижегородская, Самарская, Оренбургская, Ставропольская, Донская и Кубанская области, а также многие уѣзды другихъ губерній, причемъ съ каждымъ днемъ получаютъ новыя извѣстія, что здѣсь и тамъ наступилъ голодъ и распространился тифъ.

Императорское Вольное Экономическое Общество не могло не отозваться на это народное бѣдствіе. Нѣсколько собраній было посвящено выясненію продовольственнаго вопроса, а 26 марта избранъ Комитетъ, изъ членовъ Общества, для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.

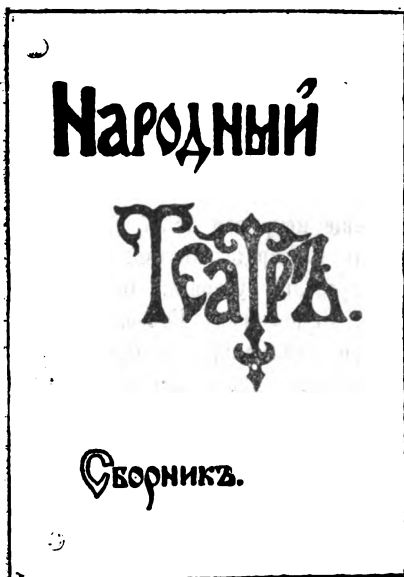
Съ первыхъ шаговъ Комитетъ встрѣтилъ поддержку представителей разныхъ слоевъ общества и петербургской учащейся молодежи. Стали поступать пожертвованія, которыя и разсылаются въ наиболѣе нуждающіяся мѣстности, преимущественно на устройство столовыхъ; уже въ два первыхъ засѣданія Комитета разосланы 1800 руб. въ 5 губерній. Помощь эта крайне невелика, но, рассчитывая и на дальнѣйшее сочувствіе отзывчивыхъ людей, *Комитетъ проситъ поддержать его дѣятельность какъ денежными пожертвованіями, такъ и указаніями, гдѣ испытывается наибольшая нужда.*

Всякая помощь, какъ бы незначителенъ ни былъ ея размѣръ, будетъ принята съ благодарностью.

Посылки по почтѣ адресуются въ СПб., Императорское Вольное Экономическое Общество и Комитетъ для помощи пострадавшимъ отъ неурожая (Забалканскій пр., 33).

Въ С.-Петербургѣ пожертвованія принимаются: въ канцеляріи Вольнаго Экономическаго Общества, у Предс. Комитета Б. Э. Ветрица (Васкова ул., 14) и казначея Комитета Е. А. Окунева (Кавалергардская, 2).

При журналѣ «ОБРАЗОВАНИЕ» складъ изданій
Е. В. Лавровой и Н. А. Попова.

ИЗДАНИЯ
ПО ВОПРОСУ
○
народномъ театрѣ.
~~~~~  
Народныя изданія.  
~~~~~

ДЕШЕВЫЯ
ДѢТСКІЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ КНИЖКИ:
БИБЛИОТЕКА
Нашихъ Дѣтей.

Каталогъ изданій высылается бесплатно редакціей жур-
нала «ОБРАЗОВАНИЕ».

МЕТОДИКА ЖЕНСКИХЪ РУКОДѢЛІЙ.

Руководство для преподаванія рукодѣлій въ профессиональныхъ школахъ, гимназіяхъ, городскихъ и сельскихъ школахъ.

М. А. ПОСПѢЛОВОЙ,

Начальница профессиональнаго учебнаго заведенія, Члена правленія Общества поощренія женскаго профессиональнаго образованія. —

Съ 260 рис. въ текстъ

Цѣна 2 р. 50 коп

Новое изданіе редакціи журнала «ОБРАЗОВАНИЕ»:

«БИБЛИОТЕКА ФИЛОСОФОВЪ».

Эта библиотека выходитъ въ Германіи подъ редакціей извѣстнаго и русской публики профессора философіи Рих. Фалькенберга, при участіи лучшихъ силъ въ области философіи.

Изданіе имѣетъ цѣлью въ общедоступной формѣ знакомить съ жизнью и ученіемъ главнѣйшихъ представителей философской мысли XVIII и XIX вѣка.

Поступили въ продажу первые три выпуска:

Фридрихъ Нитцше какъ художникъ и мыслитель
проф. А. Рила, пер. съ нѣмецк. З. Венгеровой.

Гербертъ Спенсеръ О. Гауппа, перев. съ нѣм.
подъ редакціей А. Острогорскаго.

Жанъ Жакъ Руссо и его философія, проф. Г.
Геффдинга, пер. съ нѣм. Л. Давыдовой.

Каждый выпускъ въ размѣрѣ 10—12 листовъ, съ портретомъ философа, цѣною въ 50 коп.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ
редакціи журнала «Образованіе»:

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ НѢМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ.

II. Кампфейера.

перев. съ нѣмецк. подъ ред. Петра Струве Ц: 60 коп.

**ПОПУЛЯРНЫЕ
БИОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ**

В. ШИМКЕВИЧА

проф. Спб. университета

Съ 65 рис. и 4 портретами

Ц. 1 р. 25 коп.

**ИСТОРИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.**

проф. Г. Лансона.

Переводъ съ французскаго П. Морозова и З. Венгеровой.

Три выпуска: XXX вѣк., XVIII в. и XVII вѣк.

Цѣна каждому выпуску 1 руб.

уу

17. Изъ иностранныхъ журналовъ. Современная нервность, ея характеръ и причины	31— 51
18. Письма изъ провинціи. Изъ Самары. (Кому вужень въ Самарѣ высшій сельскохозайственный институтъ). — з. Изъ Харькова. (Праздникъ древонасажденія) проф. Н. Сумцова. Изъ Владимірской губ. (Школа и земство). В. У.	52— 61
19. Изъ области знаній д-ра Н. Зеланда.	62— 76
20. Статистика образованія. Народное образованіе въ Нижегородской губерніи въ 1897 году.	77— 81
21. Критика и библіографія. 1. К. Скальковскій. Въ Парижѣ. Зин. Венгеровой. 2. Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. 3. В. З. И. М. Ивановъ. Петръ Великій. Его жизнь и государственная дѣятельность. Ал. Низеветтера. 4. Э. Мейеръ. Экономическое развитіе древняго міра. М. М. Хвостова. 5 Н. П. Дружининъ. Общепонятное законовѣдѣніе. Н. Лазаревскаго. 6. Клейнъ. Астрономическіе вечера. К. Покровскаго. 7. К. Крепелинъ. Природа въ комнатѣ. Вечернія бесѣды для юношества. Алекс. Яценко. 8. Эрнестъ Энгель. Цѣнность человѣка. А. Налимова. 9. Н. Переферовичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. А. Н. 10. Отчетъ о дѣятельности воронежской комисіи [народныхъ чтеній за 1896—97 г. Вас. Сторожева. 11. Собраніе сочиненій Фенимора Купера. А. Налимова. 12 А. Алтаевъ. Сборникъ занятій, игръ, пѣсенъ, разсказовъ, стихотвореній и шутокъ. П. Каптерева. 13. Книги [поступившія въ редакцію.	82—109
22 Книжный листокъ	110—114
23. Хроника: Грустная повѣсть.—Необходимая реформа нашей средней школы.—Дарованіе правъ женщинамъ-врачамъ. — «Неудобныя» чтенія для народа.—Два сенатскихъ разъясненія по народному образованію.—Земскіе книгоноши	115— 124
24. Извѣщеніе. Отъ Комитета для помощи пострадавшимъ отъ неурожая.	125
25. Объявленія.	

Слѣдующій номеръ (Іюль—Августъ) выйдетъ около 20 Іюля.

При этомъ номерѣ всѣмъ подписчикамъ рассылаются объявленія: о новомъ изданіи О. Н. Поповой «Избранныя Сочиненія Бѣлинскаго» и о журналѣ «Дережня».

Продолжается подписка на 1898 годъ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ОБРАЗОВАНИЕ.

Съ 1896 года журналъ издается подъ новой редакціей, по значительно расширенной программѣ и въ увеличенномъ объемѣ.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать самообразованію и расширенію знаній, путемъ ознакомленія въ общедоступныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ; 2) сообщая о всѣхъ, достойныхъ вниманія, фактахъ изъ жизни и литературы въ Россіи и за границей, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія (преимущественно народнаго) и ихъ связь съ жизнью и 3) утверждать въ обществѣ правильные взгляды на образованіе и его задачи, указывая на его нужды и средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ статей научно-популярныхъ, литературныхъ и общепедагогическихъ (числомъ болѣе 120 за годъ), ежемѣсячные отдѣлы:

Изъ области знаній (Научныя бесѣды). На Западѣ. (Новыя теченія въ литературѣ и жизни за границей.—Письма изъ Германіи, Австріи, Франціи, Англіи и Америки отъ постоянныхъ корреспондентовъ журнала). Новости иностранной литературы. (Подробные отзывы оновѣйшихъ явленій въ области литературы и науки за границей). Изъ иностранныхъ журналовъ. (Пересказъ наиболѣе интересныхъ статей). Критика и библиографія (на этотъ отдѣлъ обращено особенное вниманіе; даются подробные отзывы о всѣхъ заслуживающихъ вниманія общеобразовательныхъ и научно-популярныхъ сочиненіяхъ, учебникахъ, книгахъ для народа и для дѣтей; журнальное обозрѣніе отмѣчаетъ все наиболѣе интересное въ общей печати). Письма изъ провинціи. Сообщенія специальныхъ корреспондентовъ о различныхъ явленіяхъ въ сферѣ народнаго образованія).—Хроника.—Текуція замѣтки о важнѣйшихъ фактахъ русской общественной жизни, преимущественно въ отношеніи къ народному образованію).—Статистика образованія въ Россіи и за границей.

Журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки-читальни.

Цѣна за годъ 5 р. съ перес.—полгода—3 р.
за границу 7 р.

ПОДПИСКА принимается въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Загородный пр. д. 28.), а также въ магазинахъ: Нов. Времени, Карбасникова и др. Въ Москвѣ, въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и книжн. магаз. «Трудъ» (Тверская ул., д. Спиридонова). *Иногородныхъ подписчиковъ редакціи проситъ адресоваться непосредственно въ главную контору.*

Редакторъ-издатель Александръ Острогорскіи.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

This book is due on the last date stamped below, or on the date to which renewed.
Renewed books are subject to immediate recall.

ICLF (N)

NOV 12 1966 09

MAR 09 1996

RECEIVED

RECEIVED

DEC 16 '66 - 1 PM

MAR 12 1996

LOAN DEPT.

CIRCULATION DEPT.

LIBRARY USE MAR 3 '86

LIBRARY USE JAN 30 '87

LIBRARY USE FEB 27 '87

AUG 26 1993

AUTO DISC.

AUG 26 1992

CIRCULATION

LD 21A-60m-3,'65
(F2336s10)476B

General Library
University of California
Berkeley

YC 23069

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008733692

